СОЧИНЕНІЯ

ФИЛАРЕТА

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО и КОЛОМЕНСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ

ФИЛАРЕТА

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО и КОЛОМЕНСКАГО

СЛОВА и РѢЧИ

ТОМЪ III

1826—1836

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°. Леонтьевскій пер., № 5
1877

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать позволяется. Московская Духовная Академія. Сентября 23-го дня 1876 года.

Цензоръ Протоіерей *Филаретъ Сергіевскій.*

461
37

Отъ издателей.

Третій томъ словъ и рѣчей почившаго Святителя заключаетъ въ себѣ время отъ 1826 до 1836 года. При изданіи сего тома, къ источникамъ, которыми доселѣ мы пользовались, присоединился еще сборникъ, принадлежавшій умершей Игуменіи Спасо-Бородинскаго Монастыря, Маріи (Тучковой). Указаніемъ на сей сборникъ мы обязаны благосклонному вниманію Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Исидора, Которому, въ бытность Его Викаріемъ Московскимъ, лично извѣстенъ былъ сей сборникъ. За таковое вниманіе къ нашему труду поставляемъ для себя непремѣннымъ долгомъ почтительнѣйше принести Его Высокопреосвященству глубочайшую благодарность.—Сборникъ обязательно доставленъ намъ Княземъ П. Н. Туркестановымъ, родственникомъ Игуменіи Маріи. Слова и рѣчи въ этомъ сборникѣ относятся ко времени отъ 1823 до 1834 года включительно и, хотя онъ оказался не вполнѣ сохранившимся, тѣмъ не менѣе мы имѣли не мало случаевъ пользоваться его указаніями за означенное время. Къ сожалѣнію, мы получили сборникъ послѣ того, какъ уже приступлено было къ печатанію книги, и намъ пришлось дѣлать отмѣтки по немъ въ первомъ отдѣлѣ только отъ 1832 года. За время отъ 1823 до 1832 года предоставляемъ себѣ сдѣлать замѣчанія по сборнику въ послѣднемъ томѣ нашего изданія, гдѣ предполагаемъ напечатать все, касающееся словъ и рѣчей Святителя, что, имѣя значеніе для изданія, почему-либо не могло быть напечатано въ свое время.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СЛОВА и РѢЧИ,

ИЗБРАННЫЯ САМИМЪ ПРОПОВѢДНИКОМЪ ДЛЯ ИЗДАНІЙ 1844, 1848 и 1861 ГОДОВЪ.

(Печатаются съ изданій 1848 и 1861 годовъ.)

1826 годъ.

CXI.

56. Слово

при гробѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича.

(Говорено въ Архангельскомъ соборѣ февраля 4 дня, напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 183[illegible], 1844 и 1848 годовъ).

Подобенъ ему не бысть предъ нимъ царь, иже обратися къ Господеви всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею своею, и всею силою своею. — Обаче не отвратися Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго 4 Цар. XXIII. 25. 26.

О Боже! такъ ли неумолимъ гнѣвъ Твой? Царь, не только благочестивый, но и безпримѣрный въ благочестіи, царь, который *сотвори правое предъ очима Господнима* (4 Цар. XXII. 2.), царь, который старался не только подвластную ему Іудею, но и всю землю Израилеву очистить отъ идолослуженія, и просвѣтить Богослуженіемъ истиннымъ, который, какъ скоро узналъ книгу закона Божія, немедленно принесъ предъ нею покаяніе въ беззаконіяхъ своего народа, и съ тѣхъ поръ не переставалъ быть ея ученикомъ, исполнителемъ, защитникомъ, проповѣдникомъ, такой царь, съ такимъ сердцемъ и душею, не могъ отвратить Господа отъ ярости гнѣва Его великаго; но гнѣвъ сей открылся раннею и внезапною смертію сего самаго царя, — Іосіи. О Боже! такъ-ли неумолимъ гнѣвъ Твой?

Не таковъ ли гнѣвъ Божій надъ нами, Россіяне? Ибо что значитъ сія, не угрожавшая намъ, но уже дѣйствительная, кончина сего поистинѣ Благочестивѣйшаго Царя, — кончина, которой ни лѣта Его не призывали, ни силы, по видимому, не допускали, ни самая болѣзнь, въ началѣ своемъ, не предвѣщала? Не то ли сіе значитъ, что Богъ нами прогнѣванъ, и *не отвратися Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго?*

Не позналъ Іудейскій народъ цѣны сокровища, которое имѣлъ въ царѣ своемъ Іосіи: не позналъ, когда имѣлъ, и не воспользовался симъ сокровищемъ. *Весь Іуда и Іерусалимъ плакаша о Іосіи. И Іеремія возрыда по Іосіи. И глаголаша вси князи и княгини плачь по Іосіи* (2 Пар. XXXV. 24. 25.). Ахъ! поздно большая часть изъ нихъ плакали по Іосіи, вмѣсто того, чтобы прежде усерднѣе плакать вмѣстѣ съ Іосіею, когда сердце его сокрушалось покаяніемъ, и смирялось предъ грознымъ судомъ Божіимъ, когда онъ плакалъ предъ Богомъ, и былъ услышанъ. Іеремія, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ зналъ, почему *рыдалъ*, когда другіе только *плакали*: онъ рыдалъ [illegible]роенным плачемъ, плачемъ о лишеніи царя, и плачемъ с[illegible]озднемъ плачѣ народа.

Народы, которымъ Богъ въ день благовол[illegible]нія Своего даровалъ Благословеннаго Александра! (ибо народамъ былъ Онъ отъ Бога дарованъ, а не одному народу Россійскому) народы! познали-ль вы всю цѣну сего Сокровища? Упрочили-ль для себя всю пользу, которою оно могло васъ обогатить? Какое пророческое слово можетъ отвѣтствовать на сіе? — Время будетъ на сіе отвѣтствовать событіями. — Вѣчный, владычествующій временами, да речетъ миръ на Преемника могущества и добродѣтелей Александра, дабы возобновился и не умолкалъ *гласъ радости и спасенія въ селеніяхъ праведныхъ!* —

Но намъ теперь говорить ли о великомъ сокровищѣ? Оплакивать ли великую потерю? Говорить ли отъ избытка сердца печальнаго? или молчать отъ недостатка слова достойнаго? Дайте мнѣ слово, или научите меня молчанію. Не умѣю говорить, и безмолвствовать не умѣю. Отрекаюсь отъ необъятнаго подвига хвалить Александра, уже Благословеннаго: но не льзя удержаться отъ печальнаго предъ Церковію размышленія и слова о Царѣ, Который, подобно какъ Іосія, достоинъ, чтобы по Немъ рыдали Пророки.

Представьте себѣ человѣка, который стоитъ надъ потокомъ,

и видитъ, какъ его сокровище низвергается въ глубину. Касаясь водъ, оно производитъ звукъ, и раждаетъ круги, одинъ другаго пространнѣйшіе: но въ тоже мгновеніе скрывается въ глубинѣ, и только трепетаніе водъ остается примѣтнымъ зрителю. Подобно сему, кто можетъ созерцать, пусть станетъ теперь надъ потокомъ временъ, надъ водами народовъ, какъ изъясняется языкъ Пророческій. Смотри, какъ драгоцѣнная жизнь явилась; подвигла своею силою народы; наполнила своею дѣятельностію многочисленнѣйшіе круги, одинъ другаго пространнѣйшіе; произвела громкіе звуки славы но вдругъ она погрузилась въ вѣчность, и одно трепетное движеніе грозной нечаянности простерлось по всѣмъ извѣстнымъ народамъ.

Александръ, еще въ колыбели, радость и надежда отечества, — Александръ, въ Порфyрородномъ семействѣ, утѣха и любовь, — Александръ, въ началѣ вѣка на Престолѣ, какъ солнце на востокѣ, — Александръ въ Россіи, Отецъ народа, Спаситель Имперіи, — Александръ въ Европѣ, возстановитель Царей, примиритель Царствъ, душа царственныхъ Совѣтовъ Европы, — Александръ въ Царствіи Божіемъ, избранное орудіе Царя Христа, чтобы торжественно утѣшить и возвеличить Христіанство тамъ, гдѣ оно торжественно было цѣлымъ народомъ отвержено и поругано, плотоносный Архистратигъ небесныхъ на землѣ силъ, побѣждающій небеснымъ оружіемъ,. Кровію Агнца, кротостію и смиреніемъ; — какіе свѣтлые виды! какіе величественные образы! Но какъ внезапно всѣ они закрываются одною мрачною чертою: Александръ во гробѣ!

Если въ области природы есть предзнаменованія и предчувствія необыкновеннаго и великаго, подобно какъ въ высшей области духа прообразованія и пророчества: жизнь Александра многократно была оными ознаменована.

Что значитъ, что Его рожденіе было въ день, когда удаленное отъ насъ солнце обращается къ намъ со своимъ свѣтомъ; а вступленіе на Престолъ Имперіи, въ то время, когда солнце, увеличивъ свѣтъ до равновѣсія со тьмою, начинаетъ для нашихъ странъ весну, время развитія и оживленія земной природы?—Такъ случилось? Покойный отвѣтъ для людей, которые трудъ разсуждать почитаютъ излишнимъ, и боятся, чтобы не узнать чего необыкновеннаго, или чтобы не встрѣтиться съ Провидѣніемъ! Не такъ ничтожны знаменія временъ для мудраго, который знаетъ, что *въ руцѣ Господни власть земли, и*

потребнаго на время воздвигнетъ на ней (Сир. X. 4). Святый Амвросій Медіоланскій, даже говоря о Рождествѣ Спасителя, столь обильномъ знаменіями чудесными, не оставляетъ безъ замѣчанія и сего естественнаго знаменія времени, что съ *Рождествомъ Христовымъ день возрастаетъ* (Слов. на Рожд. Хріс.).

Что значила не обыкновенно живая радость, о которой еще можешь вопросить старцевъ твоихъ Россія, и рекутъ,—необыкновенно, говорю, живая радость народа, при рожденіи Александра, когда родившійся младенецъ былъ только еще Наслѣдникъ Наслѣдника? Что и сіе значило, когда внуки, какъ новосажденія масличныя, окружали Великую Екатерину, всѣ прекрасны душею, всѣ возлюбленны, Александръ преимущественно былъ Ея восхищеніемъ? Что значилъ восторгъ Россіи, когда она увидѣла Александра на Престолѣ?—Опытъ даетъ право сказать, что то были великія предчувствія Великой Императрицы и Имперіи.

Сообразно съ знаменіями временъ, однимъ изъ первыхъ подвиговъ царствованія Александрова было стараніе умножить свѣтъ въ Сѣверѣ, Ему подвластномъ. Учрежденія для просвѣщенія народа умножены, ограждены постановленіями, расположены въ правильныхъ кругахъ, приведены къ общему средоточію, находящемуся близъ самаго Престола, украшены новыми предметами знаній, обогащены способами, возвышены въ правахъ, какъ для сообщающихъ, такъ и для пріемлющихъ просвѣщеніе. Какъ распространился [1]), отъ сего свѣтъ, и сколько былъ онъ благотворенъ, пусть усматриваютъ и опредѣляютъ просвѣщенные. Царское дѣло создать обители просвѣщенія прочно и благолѣпно, и покрыть Своимъ Высокимъ покровительствомъ, а не преподавать ученіе, или руководствовать юношей.

Но особенное время, на которое *Имѣющій въ рукѣ Своей власть земли*, какъ необходимо *потребнаго*, *воздвигъ* Александра, было не тихое утро Россіи, но бурный вечеръ Европы. Буря мятежа разрушила и Престолъ Царя и Олтари Хрістовы у народа, который дотолѣ, по видимому, дышалъ только легкимъ вѣтромъ; и ужасныя развалины омывалъ продолжительный дождь кровавый. Изъ порывовъ безначалія родился, какъ сильный вихрь, похититель власти, который то уносилъ Престолы съ мѣстъ, гдѣ они были, то поставлялъ ихъ на мѣстахъ, гдѣ ихъ

[1]) Въ отд. изд.: распространялся.

не было; и который, наконецъ, поднявъ большую часть Европы, несъ обрушить ее на Россію.

Что, если бы на сіе время, когда такъ укрѣпился и возвысился сей *излишній* на земли,—что, если бы не воздвигъ Господь *потребнаго* на ней? Что было бы съ народами, которые со дня на день умножая собою число порабощенныхъ, чрезъ сіе самое умножали число орудій порабощенія, и увеличивали силу поработителя и которымъ онъ не хотѣлъ оставить другой безопасности, какъ войдти въ порабощеніе, ни другой чести, какъ быть орудіями порабощенія? Что было бы съ священнымъ Царскимъ достоинствомъ, которое непорѳ҃родный Царь оскорблялъ сугубо, и униженіемъ Порѳ҃родныхъ, и возвышеніемъ непорѳ҃родныхъ? Что было бы съ народнымъ духомъ, что было бы съ просвѣщеніемъ и разумомъ образованнѣйшей части свѣта, когда неограниченное самолюбіе, никакихъ границъ не уважавшаго властителя, непремѣнно требовало, чтобы все умѣло только раболѣпствовать предъ нимъ, чтобы добродѣтель подвизалась только исполнять его волю, истина — ему ласкательствовать, знанія—изобрѣтать только средства для его цѣлей, искусства —производить ему памятники его славы, или размножать его идола? Чего надлежало ждать и Христіанскому Богослуженію отъ мнимаго въ своей землѣ возстановителя онаго, который далъ ему видъ возстановленія только для того, чтобы чрезъ то получить себѣ видъ освященія, который одною рукою возстановлялъ Олтарь Христовъ, а другою гораздо съ большимъ успѣхомъ созидалъ Синагогу христоубійственнаго народа? Что было бы съ землею, столь много бѣдствующею, и еще болѣе угрожаемою?

Какая бездна золъ открывается при семъ размышленіи! Потому, какое безпредѣльное благодѣяніе *Имѣющаго въ рукѣ Своей власть земли*, что воздвигъ на ней Александра, дабы заключить сію бездну? Чѣмъ бѣдственнѣе и ужаснѣе то, что было, и было бы, безъ Него: тѣмъ величественнѣе и благотворнѣе то, что чрезъ Него послѣдовало.

Богъ, Который воздвигъ Александра на время необычайныхъ браней и подвиговъ, научилъ Его противопоставлять оружіямъ воинства плотскимъ не однѣ плотскія, но наипаче духовныя, даже, безъ несправедливой кому-либо укоризны, можно сказать, адскимъ оружіямъ небесныя, хитрости правду, дерзости твердость и терпѣніе, надмѣнности кротость и смиреніе, надеждѣ на искусство и силы человѣческія—упованіе на помощь и про-

видѣніе Божіе. И что же послѣдовало? Идолъ Франціи сокрушился о грудь Россіи. Невольнымъ поклонникамъ его дана свобода выйдти изъ заблужденія. Союзомъ названныя оковы многихъ царствъ распались. Александръ съ побѣдою въ столицѣ враговъ, разрушившихъ тебя, возрожденная потомъ Столица Александра, и *наказуетъ* ихъ наказаніемъ *праведника*, — *милостію* (Псал. CXL. 5). Ни къ чему не прикасается; ничего не требуетъ; не показываетъ и не принимаетъ славы побѣдителя; даритъ имъ плѣнныхъ; воздаетъ Христіанскую честь ихъ Царю-мученику; даетъ имъ безопасность провозгласить изгнаннаго Царя, и возстановить законный, но давно разрушенный Престолъ. Какая необыкновенная побѣда надъ врагами! И поелику столь высокая побѣда ни на минуту не подвигла духа Александрова съ глубокаго основанія смиренія: то какая еще болѣе необыкновенная побѣда надъ самою побѣдою!

И что еще! слава побѣдъ, по правдѣ, предъ тѣмъ почти забытой, принесена Господу силъ. Неукротимый дотолѣ духъ браней связанъ. Союзамъ Царей и царствъ, для которыхъ не находили дотолѣ болѣе приличнаго закона, какъ законъ своекорыстія и взаимной зависти, Александръ, сильнымъ примѣромъ Своимъ, положилъ въ основаніе законъ безкорыстія и благоволенія, словомъ, законъ Христіанскій. Несогласія народовъ или прекращены, или обезсилены. Крамолы, если не уничтожены, то приведены въ отчаяніе. Дѣла, которыя рѣшалъ мечъ, уже разрѣшаются совѣтами. Многочисленное воинство Александра стоитъ въ тишинѣ, какъ величественная стража мира, не только Россіи, но и Европы. Оградясь отъ враговъ внѣшнихъ, Александръ, по собственному Его изреченію, обращается противъ враговъ внутреннихъ, противъ правосудія, неблагочинія, неблагочестія; какъ солнце, правильными шествіями, обходитъ землю, Ему подвластную, повсюду являя всѣхъ одушевляющій взоръ благоволенія, примѣръ благоговѣнія къ Богу, дѣйствія правды и милости. Мы наслаждались безопасностію и покоемъ; ожидали и требовали блаженства: — увы! можетъ быть, слишкомъ нетерпѣливо и съ ропотомъ ожидали, не разсуждая о трудностяхъ, какія встрѣчаютъ созидающіе благо народовъ; — можетъ быть, несправедливо требовали, будучи недостойны блаженства, сами препятствуя созиданію онаго недостаткомъ чистой и послушливой ревности къ общему благу, истощая общее изобиліе нашею роскошію, затрудняя законы и дѣйствіе ихъ

преумноженіемъ беззаконій; — и видѣлъ Господь; и прогнѣвался; *и не отвратися Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго!*

Гдѣ сей новый Іосія, *иже обратися къ Господеви всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, и всею силою своею?* Что принесло намъ величественное шествіе? Что нашло наше ревностное срѣтеніе? — Одно мертвенное, оставшееся отъ безсмертнаго. *Да плачетъ* вновь *весь Іуда и Іерусалимъ* — весь народъ и Градъ престольный! *Да глаголютъ вси князи и княгини плачь!* Да *рыдаютъ* Служители Слова и таинствъ, рыданіемъ *Іеремінымъ*, или плачемъ Давидовымъ!

Слышу плачь пѣвца Израилева: *горы Гелвуйскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* За что сіе проклятіе на невинную природу? — *Яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ* (2 Цар. I. 21), жалуется пѣвецъ Израилевъ. Но сильные повергли щитъ, уступивъ сильнѣйшимъ въ брани: за что же негодовать на мѣсто, которое приняло ихъ въ паденіи? Пріиди, пѣвецъ скорби: я укажу тебѣ мѣсто, болѣе достойное негодованія. Пріиди, помоги мнѣ сѣтовать на горы Таврійскія. *Горы Таврійскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* Не оружіемъ враговъ поражены тамо сильные: горный вѣтръ пронзилъ главу Священную. Не малый щитъ немногихъ сильныхъ поверженъ тамо: великій щитъ благоденствія великой Имперіи, крѣпкій щитъ мира Европы, проникнутъ стрѣлою невидимою. Не Саулъ оставленный ищетъ тамо смерти, которая окружаетъ его: но Возлюбленный Давидъ ищетъ жизни для Возлюбленной болящей Супруги; а никѣмъ не подозрѣваемая смерть Его Самого ищетъ. *Горы Таврійскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!*

Но тщетно и сіе негодованіе, и можетъ быть, дерзостно. *Смиримся подъ крѣпкую руку Божію* (1 Петр. V. 6). И для насъ, и для оплакиваемаго нами, лучше молиться, нежели жаловаться

Царю Царей! Ты воздвигъ Его на время; Ты воззвалъ Его къ вѣчности. Пріими то, что Ты даровалъ; не остави тѣхъ, которыхъ лишаешь. Ты *взялъ* сего Царя, какъ *праведнаго, отъ лица неправды* (Исаіи. LVII. 1), когда она готовилась вновь разродиться отступленіемъ отъ Царей; (ибо разрушителя крамолъ всемірныхъ, надлежало устранить отъ тяжкой скорби, видѣть ихъ отрасль, проникшую даже въ отечество;) умило-

сердися, Господи, возьми сію неправду отъ лица оставшихся праведныхъ! Христе, животе нашъ! въ Тебѣ Единомъ искалъ Онъ врачевства и жизни во дни болѣзни Своея; сподоби Его *истѣе Тебе причащатися въ невечернѣмъ дни царствія Твоего*, въ Соборѣ Царей, вѣчно съ Тобою царствующихъ! Аминь.

CXII.

57. Слово

въ день Благовѣщенія пресвятыя Богородицы [1]).

Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія Своя и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне. (2 Тим. II. 19).

Мнѣ кажется, что нынѣ вижу я сіе *основаніе Божіе*, которое Апостолъ указуетъ какъ закрытое печатью, какъ извѣстное одному Господу. Что есть основаніе Божіе, на которомъ твердо стоитъ всякое созданіе Божіе какъ не Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ? *Яко Тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая, аще престоли аще господствія, аще начала, аще власти, всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася, и всяческая въ Немъ состоятся* (Кол. I. 16, 17.). Если нужно и вновь созидать падшія созданія Божіи, *основанія иного никтоже можетъ положити, паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. III. 11.). Сіе основаніе Божіе несетъ нынѣ Духъ Святый отъ высоты небесной, и полагаетъ во глубинѣ земной; несетъ отъ славы Божества, и полагаетъ въ сокровенности человѣчества, закрытое болѣе нежели одною печатію, — печатію дѣвства, печатію смиренія, печатію молчанія. Подлинно, кто кромѣ Господа зналъ Тебя,

---

[1]) Слово сіе, въ изданіяхъ 1846 и 1848 годовъ, составлено изъ двухъ: слова на день Благовѣщенія, которое вошло въ первую часть и по Евреин. сборн. говорено въ каѳедральной Церкви Чудова Монастыря, 1826 года, и слова въ Недѣлю Ваій того же года, которое вошло во вторую часть и, по тому же сборнику, не говорено по немощи.

Единосущный Божій, въ семъ непостижимо умаленномъ [1]) состояніи, въ которомъ однакоже сокровенъ былъ *Богъ всяческая во всѣхъ*, когда Ты, какъ основаніе спасенія нашего положенъ былъ во чревѣ Маріи, даже и послѣ Архангелова благовѣщенія недовѣдомымъ образомъ.

Дивимся славѣ творческихъ дѣлъ Божіихъ; подивимся также ихъ сокровенности. Углубимъ еще мало вниманіе наше въ указуемое Апостоломъ основаніе Божіе: должно надѣяться, что въ немъ найдется скрытое для насъ сокровище.

Часть первая.

Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія Своя.

Хотя то вѣрно, что *начатокъ созданія Боія* (Апок. III. 14.), или всеобщее основаніе онаго есть Сынъ Божій Іисусъ Христосъ: впрочемъ изъ словъ Апостола примѣтить можно, что здѣсь онъ говоритъ *объ основаніи Божіемъ*, не въ отношеніи ко всѣмъ созданіямъ Божіимъ, но въ отношеніи къ нѣкоторымъ только избраннымъ, которыхъ Господь отличительно познаетъ и нарицаетъ Своими. *Позна Господь сущія Своя.*

Что же значитъ въ семъ особенномъ отношеніи основаніе *Божіе?* Безъ сомнѣнія, оно значитъ то, что̀ на Сынѣ Божіемъ, какъ на всеобщемъ основаніи, въ особенности созидается въ родѣ человѣческомъ; то, что̀ на Іисусѣ Христѣ, какъ на глубочайшемъ основаніи, созидается въ каждой душѣ истинно Христіанской. Яснѣе сказать: оно значитъ Церковь, которой основатель есть Сынъ Божій; оно значитъ благодатный и спасительный даръ Божій въ человѣкѣ, вѣру, которой Начальникъ и Совершитель есть Іисусъ Христосъ.

Сіе основаніе Божіе Апостолъ называетъ твердымъ или неразрушимымъ: потому что Самъ Господь сказалъ, какъ о Церкви вообще: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мат. XVI. 18.), такъ и о душахъ истинно Христіанскихъ въ особенности: *не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея* (Іоан. X. 28.).

Было издревле обыкновеніе полагать на зданіяхъ знаменія, или надписи, которыя бы показывали принадлежность оныхъ, назначеніе, важность, неприкосновенность. По сему образу и

[1]) По Евреин. сборн.-ничтожномъ...

на духовномъ зданіи Божіемъ Апостолъ видитъ *печать*, или иначе, знаменіе или надпись, которая твердое основаніе Божіе отличаетъ отъ неосновательныхъ и удоборазрушимыхъ взгроможденій человѣческихъ, и охраняетъ въ неприкосновенности отъ покушеній хитрости или дерзости, безразсудности [3]) или злобы. *Твердое основаніе Божіе стоитъ, имущее печать.*

Какую же печать?—*Сію,* продолжаетъ Апостолъ: *позна Господь сущія Своя.* Дивная по-истинѣ печать! Вы видите, что это надпись; поелику она состоитъ изъ словъ: но не безъ причины Апостолъ называетъ ее *печатью*; поелику не столько изъявляетъ и открываетъ [4]), сколько сокрываетъ и утаеваетъ; а сіе и есть свойство печати.

Позна Господь сущія Своя. Господь знаетъ Своихъ: итакъ неужели человѣки не знаютъ тѣхъ, которые суть Божіи?—Такъ. Очень часто, и, можетъ быть, большею частію, ихъ не знаютъ. О Моисеѣ, когда онъ поразилъ Египетъ, избавилъ Израиля, ознаменовалъ чудесами воздухъ, воду, землю, древо, каменіе, можно ли было не знать, что онъ есть Божій? Однако, видно, не довольно сіе знали, когда роптали на него и воздвигали мятежи противъ него. Іосифъ чрезъ рабство и темницу проведенъ былъ до престола; прославленъ вѣдѣніемъ таинъ Божіихъ, облеченъ могуществомъ: однако самые братья его не скоро догадались, что онъ есть Божій; онъ принужденъ былъ самъ открыть имъ сіе: *не бойтеся: Божій бо есмь азъ* (Быт. L. 19.). Кому не извѣстно было Ангельское житіе и небесъ достойное ученіе Іоанна Крестителя? Но многіе ли знали, что онъ точно указанъ симъ словомъ Господнимъ: *се Азъ посылаю Ангела Моего* (Мал. III. 1.)? На вопросъ: *крещеніе Іоанново съ небесе ли бѣ? Архіерее и книжницы и старцы,* люди болѣе другихъ знающіе, не постыдились объявить свое невѣдѣніе. *И отвѣщавше глаголаша Іисусови: не вѣмы* (Марк. XI. 30. 33.). И Тебя, Присносущный и Единосущный Божій, даже послѣ того, какъ Ты глаголалъ, какъ *николиже глаголалъ человѣкъ,* творилъ *знаменія,* которыхъ *не можетъ человѣкъ творити, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. VII. 46. III. 2.),—знали ль и Тебя, отъ Котораго единаго истинное знаніе, какъ свѣтъ отъ солнца, исходитъ? Еслибы знали, то не говорили бы такъ не-

---

[3]) По Евреин. сборн. наглости, буйства.

[4]) По Евреин. сборн : не столько возвѣщаетъ и открываетъ каково должно быть дѣйствіе надписи...

благоговѣйно: [5]) *не сей ли есть тектоновъ сынъ* (Матѳ. XIII. 55.)? Не отрекались бы такъ равнодушно: *сего не вѣмы, откуду есть* (Іоан IX. 29.). *Аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II. 8.). Если же свѣтильниковъ міра и Самого Солнца не видали слѣпотствующіе человѣки, если открыто посылаемыхъ человѣковъ Божіихъ и самой Премудрости явившейся не познали: то уже и неудивительно, если не познаваемы бываютъ въ мірѣ тѣ изъ сущихъ Божіихъ, которыхъ особенное провидѣніе Божіе не являетъ міру, между тѣмъ какъ собственное ихъ смиреніе скрываетъ отъ него.

Позна Господь сущія Своя. Никому кромѣ Господа не приписываетъ Апостолъ сего знанія: итакъ неужели тѣ, которые суть Божіи, не знаютъ и сами, что суть Божіи?—Подлинно, и сіе должно заключить изъ словъ Апостола. Правда, по изреченію того же Апостола, *самый Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія* (Римл. VIII. 16.), если мы подлинно таковы; и по другому Апостолу, *вѣруяй въ Сына Божія, имать свидѣтельство въ себѣ* (1 Іоан. V, 10) Но какое свидѣтельство?—*Сіе есть свидѣтельство, яко животъ вѣчный далъ есть намъ Богъ, и сей животъ въ Сынѣ Его есть* (11). Поелику же сей *животъ* вѣрующихъ, до дня откровенія сыновъ Божіихъ, *сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ*: то можетъ случиться, что они сами не довольно знаютъ, какое сокровище Божіе имѣютъ въ скудѣльныхъ сосудахъ своего тлѣннаго человѣчества. И Духъ, который свидѣтельствуетъ духу ихъ, не есть ли тотъ Духъ, который *идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ* (Іоан. III. 8)? Когда Онъ, *не вѣси, откуду приходитъ*; тогда исполняетъ тебя Божественнымъ: а когда *не вѣси, камо идетъ*, тогда не найдешь въ себѣ ничего, кромѣ человѣческаго. Не преимущественно ли избралъ, не очевидно ли присвоилъ Себѣ Господь Павла, когда въ откровеніи сказалъ о немъ: *сосудъ избранъ Ми есть сей* (Дѣян. IX. 15); и, положивъ въ немъ Свое Божественное основаніе, воздвигъ на немъ духовное зданіе не только многихъ увѣровавшихъ чрезъ него душъ, но и многихъ великихъ Церквей, во многихъ странахъ и народахъ? И что же? Павелъ и послѣ сего не знаетъ, достигъ ли онъ совершеннаго присвоенія Богу. *Братіе,* сказуетъ онъ, *азъ себѣ не у помышляю достиг-*

[5]) По Еврейн. сборн.: презрительно...

ша: едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, къ намѣренному теку, къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ (Фил. III. 13, 14).

Воистину только Самъ единъ *позна Господь сущія Своя*. Но почто скрываетъ Онъ ихъ и отъ другихъ человѣковъ, и нѣкоторымъ образомъ отъ самихъ себя скрываетъ? Для чего бы не знать имъ яснѣе, что они суть Божіи,—къ ихъ утѣшенію? Для чего бы не знать сего и другимъ человѣкамъ,—къ ихъ назиданію?—Бываетъ и такъ [6]); поелику печать Божія не можетъ быть совсѣмъ непримѣтна, и не должна быть безполезна. Но и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, болѣе кроется подъ печатью, нежели что представляетъ открытый видъ печати.

Скрывается благодатное основаніе Божіе въ человѣкахъ: потому что полагается въ самой глубинѣ души, такъ чтобы глубже онаго не оставалось ничего человѣческаго, которое могло бы ослабить твердость основанія Божественнаго. Это, по выраженію Апостола, *потаенный сердца человѣкъ* (1 Петр. III, 4): нельзя встрѣтить его на распутіяхъ, или увидѣть въ зеркалѣ.

Скрывается основаніе Божіе отъ міра, частію не по намѣренію, но по естественному послѣдствію его чувственнаго образованія. Міръ не видитъ святыхъ, подобно тому, какъ слѣпые не видятъ свѣта.

Скрывается благодатное основаніе въ человѣкахъ, частію по намѣренію хранящаго ихъ провидѣнія Божія, дабы тѣмъ менѣе могли приражаться къ оному враждебныя силы, угрожающія оному разрушеніемъ. Такъ и основаніе земнаго, вещественнаго зданія скрывается въ землѣ, потому что, бывъ обнажено и подвержено перемѣнному дѣйствію стихій, ослабѣло бы оно, и ослабило бы вмѣстѣ съ собою все зданіе.

Скрывается основаніе Божіе въ человѣкѣ и отъ сего самаго человѣка: дабы онъ *не возмнилъ себѣ быти нѣчто, ничтоже сый* (Гал. VI. 3), и не прельстилъ себя собственнымъ умомъ; дабы не превознесся, и гордостію не испровергъ въ себѣ основанія благодатнаго, которое лежитъ твердо и безопасно только во глубинѣ смиренія.

Таковыя и подобныя размышленія могутъ руководствовать къ уразумѣнію, почему основаніе или зданіе Божіе, столь видимое въ цѣломъ, такою сокровенностію запечатлѣно въ частяхъ своихъ

---

[6]) По Евреин. сборн.: къ ихъ наставленію? — Бываетъ и такъ и съ таковыми намѣреніями...

и своемъ внутреннемъ составѣ, что единъ Господь вѣрно знаетъ сущія Своя.

Возблагоговѣемъ предъ тайными судьбами Божіими. Возбудимся съ глубокимъ вниманіемъ искать человѣковъ Божіихъ, и Божія въ нихъ основанія. Не будемъ дерзновенны въ сужденіяхъ о ближнихъ нашихъ, не зная въ нихъ того, что единъ Господь въ нихъ знаетъ [7]).

Часть вторая.

Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія Своя, и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне. 2 Тим. II 19.

Разсматривая указанную Апостоломъ на основаніи Божіемъ, или на зданіи Божіемъ въ человѣкѣ *печать* или надпись, до сихъ поръ мы разсмотрѣли первую половину ея. Слѣдуетъ вторая половина: *и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.*

Если бы на зданіи Божіемъ лежала только первая оная печать, читалась только первая надпись: *позна Господь сущія Своя*, то есть, единъ Богъ вѣрно знаетъ [8]) тѣхъ, кото-

---

[7]) По Евреин. сборн. Помыслимъ, братіе, что, по основанію вѣры, по залогу благодати, положенному крещеніемъ, Божій *домъ* и *мы есмы, аще дерзновеніе и похвалу упованія даже до конца извѣстно удержимъ* (Евр. III, 6). Но удержимъ ли извѣстно? Твердо ли стоитъ въ насъ основаніе Божіе? Носимъ ли мы печать сего основанія? Позналъ ли насъ Господь, какъ сущихъ Своихъ?

Посмотримъ на основаніе нашихъ дѣлъ. Не запечатлѣно ли оно желаніемъ: да знаетъ насъ міръ и да угодимъ ему? Если такъ: то дѣла наши не на Божіемъ основаніи утверждаются и Господь не знаетъ насъ.

Приникнемъ во глубину души нашей. Не надежда ли на себя и любовь къ себѣ лежитъ въ основаніи нашихъ мудрованій и склонностей? Если такъ: то не скрыто въ насъ основаніе Божіе и Господь не знаетъ насъ.

Испытаемъ жизнь нашу. Не на грубыхъ ли только чувствахъ она утверждается и не до стихійнаго ли только разума возвышается? О какъ непрочно сіе основаніе и сіе зданіе! Оно рушится со стихійнымъ міромъ и что тогда намъ останется?

Перестанемъ на пескѣ міра созидать мнимое благо, разрушимъ надежду на самихъ себя, утвердимъ сердце наше въ Господѣ, а въ сердцѣ устроимъ тайное дѣланіе молитвы, вѣры, любви къ Богу, которымъ бы и нынѣшнее дѣланіе добра управляемо было: и тогда воспріимемъ дерзновеніе упованія, что Господь познаетъ и насъ, какъ сущихъ Своихъ. Аминь.

[8]) По Евреин. сборн. Недавно разсматривали мы сіе, указуемое Апостоломъ, основаніе Божіе, или зданіе Божіе, основаніе вѣры Божіей въ человѣкѣ, зданіе церкви

рые, по живой вѣрѣ и никогда не отпадающей любви, неотъемлемо и вѣчно принадлежатъ Ему и Его, неземной только, но и небесной Церкви; сіе могло бы и утѣшать насъ и устрашать. Утѣшать—мыслію о твердости основанія Божія, никому неприкосновеннаго, о ненарушимости печати Божіей, о безопасности тѣхъ, которые сокрыты въ тайнѣ лица Божія. Устрашать—неизвѣстностію, въ которой нельзя оставаться беззаботно. Ибо если [9]) единъ Господь знаетъ Своихъ, то кто суть тѣ, съ которыми мы живемъ и обращаемся, которыхъ внушеніями [10]) образуемся, которыхъ примѣрамъ слѣдуемъ? Кто есмы и мы сами? Божіи ли они? Божіи ли мы?—Богъ знаетъ! Какъ страшно слово сіе въ семъ случаѣ! Если Богъ одинъ знаетъ тѣхъ, съ которыми я въ сообществѣ, и которые меня руководствуютъ; то почему знать, не духи ли лестчіе меня руководствуютъ? Не со врагами ли Божіими я въ сообществѣ? Не въ опасности ли потому и я—быть и остаться чуждымъ истиннаго, благодатнаго усвоенія Богу? Какая страшная неизвѣстность!

Господи, вѣдающій сущихъ Твоихъ! Праведенъ и премудръ еси, сокрывая ихъ отъ міра, который недостоинъ вѣдать ихъ, и который употребилъ бы во зло извѣстность о нихъ [11]): но буди также благъ для тѣхъ, которые, хотя можетъ быть еще не суть Твои, но желаютъ сдѣлаться и пребыть Твоими; покажи

Божіей въ человѣческомъ родѣ, и старались уразумѣть положенную на немъ печать, или надпись,—печать таинственную, надпись сокровенную. Тогда не всю досмотрѣли мы печать, не всю дочитали надпись. Не доконченное тогда докончимъ нынѣ.

Твердое основаніе Божіе, пишетъ Апостолъ, *стоитъ имущее печать сію: и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.*

Когда видимъ на зданіи Божіемъ оную первую печать, или первую надпись печати: *позна Господь сущія Своя*, то есть, когда уразумѣваемъ, что единъ Богъ вѣрно знаетъ...

[9]) По Евреин. сборн.: сіе разумѣніе можетъ и утѣшать насъ, но и устрашать насъ. Утѣшать: потому что если единъ Богъ знаетъ Своихъ, то непринадлежащіе Богу, и потому не имѣющіе участія въ тайнахъ Его, конечно не знаютъ оныхъ, а чѣмъ менѣе знаютъ оныхъ, тѣмъ менѣе могутъ вредить имъ (подобно какъ пораженные слѣпотою содомляне безуспѣшно приступали къ стѣнамъ дома, въ которомъ скрывались отъ нихъ, чуждое ихъ беззаконію, семейство Лота и Ангелы, его хранители); а такимъ образомъ и стоитъ зданіе Божіе твердо, подъ защитою тайны Божіей. Устрашать: ибо если...

[10]) По Евреин. сборн.: наставленіями...

[11]) По Евреин. сборн.: отъ міра: Праведенъ—въ наказаніе міру, который не достоинъ вѣдать ихъ, и который еслибы вѣдалъ ихъ, употребилъ бы во зло сію извѣстность...

знаменіе, по которому и мы, не вѣдающіе, могли бы узнавать истинное, благое, благодатное, святое, однимъ словомъ, Твое въ человѣкахъ, дабы паче всего сущее Твое любить, Твоего искать, Твоему поучаться и послѣдовать, къ Твоему прилѣпляться и присоединяться, и чрезъ единство съ сущимъ Твоимъ, слѣдственно и съ Самимъ Тобою, имѣть блаженное упованіе, и намъ быть Твоими неизмѣнно и вѣчно.

Подлинно, какъ царская печать, скрывая подъ собою тайну цареву, въ тоже время начертаніемъ своимъ показываетъ, кому она принадлежитъ, и такимъ образомъ предохраняетъ отъ погрѣшности, чтобы не принять за царское то, что не царю принадлежитъ: подобно сему надобно, чтобы таинственная печать, которою Богъ запечатлѣваетъ вѣрныхъ и избранныхъ Своихъ для Себя Самого, какъ извѣстныхъ Ему единому, ознаменована была нѣкоторымъ примѣтнымъ и довольно вѣрнымъ знаменіемъ, по которому бы можно было внимательнымъ отличать сущихъ Божіихъ отъ тѣхъ, которые обманываютъ, или обманываются, представляя себя таковыми. Таково и есть второе начертаніе, или вторая надпись, которую примѣтилъ Апостолъ на духовномъ зданіи Божіемъ въ человѣкахъ: *да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.*

Великое для насъ благополучіе на земли, великая надежда блаженства на небеси, что мы можемъ по вѣрѣ *именовать имя Господне.* Божественный Спаситель нашъ почти все дѣло спасительнаго посольства Своего съ неба на землю заключаетъ въ томъ, что сдѣлалъ человѣковъ способными *именовать имя Господне.* Приближаясь къ предѣлу Своего земнаго поприща, Онъ взываетъ въ молитвѣ къ Отцу Своему небесному: *дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю.* Какое Дѣло?—*Азъ прославихъ Тя на земли*; или иначе: *явихъ имя Твое человѣкомъ, ихъ же далъ еси Мнѣ отъ міра* (Іоан. XVII. 4—6.). Изъ сего почти можно заключить, что тѣ, которымъ *явлено имя Отца небеснаго*, которые *именуютъ имя Господне*, по сему самому суть Христовы, суть Божіи. *Никтоже,* свидѣтельствуетъ боговдохновенный Апостолъ, *можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. XII. 3). А кто говоритъ Духомъ Святымъ, тотъ долженъ быть и Христовъ и Божій; поелику Духъ Святый чуждымъ не дается. Свидѣтельствуетъ и другой Апостолъ, что *всякъ вѣруяй, яко Іисусъ есть Христосъ, отъ Бога*

рожденъ есть (1 Іоан. V. 1.). А кто рожденъ отъ Бога, тотъ ближайшимъ образомъ есть Божій.

Чтожъ? Не можемъ ли мы посему разсуждать и заключать такъ: вотъ мы именуемъ [12]) имя Господне; мы нарицаемъ Господа Іисуса: такъ вѣрно мы Хрістовы, вѣрно мы Божіи; вѣрно есть въ насъ царствіе Божіе, и мы въ царствіи Божіемъ въ свое время будемъ? По жизни и дѣламъ нѣкоторыхъ подлинно можно примѣчать, что таковы у нихъ мысли и чувствованія, на которыхъ, какъ на основаніи, зиждутъ они свою надежду для неба и для вѣчности. Такимъ образомъ ихъ духовное зданіе имѣетъ только сію печать: *именуяй имя Господне...* и не болѣе.

Будемъ осмотрительны. Это печать переломленная. Это надпись прерванная. Это не твердое основаніе [13]). Не *всякъ именуяй имя Господне* истинно и совершенно утвержденъ во Господѣ и во царствіи Его. Господь Самъ возвѣщаетъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное.* И еще болѣе грозно то, что предрекаетъ Онъ далѣе: *мнози рекутъ Мнѣ въ онъ день*, то есть, въ день, когда царствіе небесное откроется, и въ него призваны будутъ благословенные: *Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И тогда*, продолжаетъ Онъ, *исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ* (Матѳ. VII. 21, 22 и 23). О грозная нечаянность! Они призывали Господа, слѣдственно знали Его и вѣровали въ Него; пророчествовали, бѣсовъ изгоняли, творили чудеса, слѣдственно не малую, и болѣе нежели обыкновенную вѣру имѣли: но Господь не пріемлетъ ихъ во царствіе Свое, и даже не знаетъ ихъ! О невѣроятное преспѣяніе зла и растлѣнія человѣческаго! Не ужели и дающее животъ вѣчный познаніе Единаго истиннаго Бога, и, Егоже послалъ есть, Іисуса Хріста, можетъ быть безъ духа и жизни?—«Надобно признать сіе: по-

---

[12]) По Евреин. сборн.: Мы вѣруемъ, скажутъ посему иногіе; мы именуемъ...

[13]) По Евреин. сборн.: Или, если сего не скажутъ отъ слова до слова, то въ сердцѣ у многихъ изъ насъ можно найти сію мысль, сіе чувствованіе, какъ основаніе, на которомъ зиждутся надежды наши для себя и для вѣчности. Такимъ образомъ на нашемъ духовномъ зданіи можно видѣть только сію преломленную печать, сію превратную надпись: *всякъ именуяй имя Господне...* и болѣе ничего.

Осмотримся. Не все тутъ. Не цѣла сія печать. Не твердо сіе основаніе...»

тому что есть люди [14]), которые *Бога исповѣдают вустами, а дѣлы отмещутся Его* (Тит. I. 16). Не ужели и вѣра, которой предоставлено спасать человѣковъ [15]), можетъ быть безполезна? Именно, безполезна, какъ говоритъ Апостолъ Іаковъ: *кая польза, братіе моя, аще вѣру глаголетъ кто имѣти, дѣлъ же не имать? Еда можетъ вѣра спасти его* (Іак. II. 14)? Не ужели можетъ случиться, что самыя дѣйствія Духа Божія въ человѣкѣ, каковы суть: пророчество, изгнаніе бѣсовъ, чудотвореніе, погрязнутъ въ смѣшеніи свойствъ и дѣлъ растлѣннаго, плотскаго человѣка; что небесный огнь, который, возгорясь въ человѣкѣ, долженъ горѣ возводить человѣка, угаснетъ въ бреніи земномъ, и начавшаго просвѣщаться человѣка оставитъ темною главнею?—Если бы не было сей опасности; то не было бы произнесено и сего предостереженія [16]): *духа не угашайте* (1 Сол. V. 19)!

Христе Господи! Если не всѣ, именующіе имя Твое, внидутъ въ царствіе Твое; кто же изъ нихъ внидетъ въ оное? Господь отвѣтствуетъ: *творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесѣхъ*. И напротивъ, почему нѣкоторые изъ нихъ не внидутъ въ оное? *Отъидите*, глаголетъ, *отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. VII. 21, 23).

Христіанинъ! ты *вѣруешь сердцемъ;* вѣроятно [17]), ты вѣруешь *въ правду*. Но Богъ одинъ сіе знаетъ: *вѣсть Господь сущія Своя*. Меня сіе не назидаетъ, а можетъ быть и тебя не удостовѣряетъ. Доколѣ сѣмя лежитъ въ землѣ; кто знаетъ, будетъ ли древо и добрый плодъ?

Ты *устами исповѣдуешь* имя Господне и твою вѣру: если бы ты исповѣдалъ сіе, какъ святые Исповѣдники и Мученики, среди ужасовъ гоненія, при угрозахъ смертію за вѣру, исповѣданіе твое было бы не однимъ легкимъ словомъ, но вмѣстѣ и сильнымъ дѣломъ, и тогда было бы вѣрно то, что исповѣдуешь *во спасеніе*. Но безъ того, кто знаетъ [18]), отъ истинной ли внутренней силы, отъ живой ли вѣры происходитъ

---

[14]) По Евреин. сборн.: Такъ; ибо есть люди...

[15]) По Евреин. сборн. спасительная вѣра...

[16]) По Евреин. сборн.: видно, что и сіе быть можетъ, когда намъ сказано въ предостереженіе...

[17]) По Евреин. сборн.: можетъ быть...

[18]) По Еврепн. сборн.: можетъ быть исповѣдуешь *во спасеніе*. Но кто знаетъ...

твое устное [19]) исповѣданіе. Цвѣтутъ весною и такія древа, которыя не принесутъ плодовъ, и сами, отъ слабости корня и отъ недостатка сока, увянутъ и изсохнутъ. Что, если на древѣ твоемъ видѣнъ плодъ только мелкій [20]) и грубый, безобразный и безвкусный? Что, если мнимая вѣра твоя, которая величаетъ себя православною, и даже, можетъ быть, представляетъ себя чудодѣйствующею, что, если она сопровождается жизнію плотскою и чувственною, дѣлами неправедными и беззаконными? Какъ бы ни хвалилось тогда древо, какъ бы ни украшалось цвѣтами; не льзя скрыть, что оно дикое. *Всяко бо древо отъ плода своего познается* (Лук. VI. 44), говоритъ Великій Вертоградарь. Какъ бы ни превозносилъ ты свою вѣру, какъ бы ни украшалъ ее словами исповѣданія: неправедныя дѣла и нечистая жизнь обнаруживаютъ [21]), что̀ ты такое въ самомъ дѣлѣ; не прельщай и не прельщайся: ты не принадлежишь къ добрымъ древамъ вертограда Хрістова, но къ *саду, егоже не насади Отецъ небесный*, и который *искоренится* (Матѳ. XV. 13), если не будетъ воздѣланъ новымъ дѣланіемъ духовнымъ, дѣлами правды и святыни.

Хочешь ли быть добрымъ древомъ вертограда, которое не посѣчется и не искоренится? Приноси плоды добрые! Хочешь ли быть истиннымъ зданіемъ Божіимъ, вѣчно живымъ храмомъ Духа Святаго? Не только *именуй имя Господне* вѣрою, но *и отступи отъ неправды* жизнію.

Одно только твердое основаніе Божественнаго [22]) упованія, и одно зданіе вѣчнаго спасенія, одно то, которое *имѣетъ печать сію: да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне*. По сей печати узнавай между именующими имя Господне сущихъ Божіихъ; по сему знаменію испытывай себя, приходишь ли ты во усвоеніе Богу. Святый Василій Великій надежнѣйшимъ признакомъ благодатнаго состоянія полагаетъ возненавидѣніе неправды. *Какъ можетъ*, вопрошаетъ онъ, *извѣститися душа, что простилъ ей Богъ грѣхи?* И отвѣтствуетъ: *если увидитъ себе самую въ такомъ расположеніи, какое имѣлъ глаголавый: неправду возненавидѣхъ и омерзихъ* (Кратк. Прав. воп. 12. Пс. CXVIII. 163).

[19]) По Евреин. сборн.: сіе...
[20]) По Евреин. сборн.: я примѣчаю плодъ мелкій...
[21]) По Евреин. сборн.: открываютъ...
[22]) По Евреин. сборн.: блаженнаго...

Божіе зданіе, Божій домъ, душа Христіанская! Внимай себѣ. точно ли твое внутреннее основаніе имѣетъ истинную печать, утверждающую и охраняющую. Какъ отъ пропасти, какъ отъ смерти, какъ отъ двери ада, *да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* [23]). Аминь.

---

[23]) По Евреин. сборн.: Повѣримъ еще, если угодно, предложенное здѣсь размышленіе ближайшимъ опытомъ воспоминаемыхъ нынѣ событій.

Не слышите ли, какъ велегласно весь Іерусалимъ *именуетъ имя Господне?* Не только ученики Господни, но и народъ, и даже дѣти восклицаютъ: *осанна сыну Давидову, благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ* (Матѳ. XXI. 9)

Подумаешь, что здѣсь совершенно явилось *основаніе Божіе*, что уже не *Господь* Единъ *вѣсть сущія Своя*, но и вся вселенная ихъ видитъ, потому что цѣлый городъ торжественно пріемлетъ Господа и слѣдственно представляетъ себя градомъ Божіимъ. Но помедлите, дайте пройдти немногимъ днямъ, и окажется совсѣмъ иное. Народъ, провозгласившій Христа Царя, охотнѣе вознесетъ будетъ языческаго кесаря: *не имамы царя, токмо кесаря.* Будетъ часъ, когда во всемъ Іерусалимѣ, оглашаемомъ теперь торжественными восклицаніями Господу нашему, ничего не слышно будетъ, кромѣ мятежнаго вопля: *возми, возми, распни Его.*

Несчастный народъ и градъ! Отъ чего съ тобою столь внезапная, столь ужасная перемѣна? Отъ того, что ты не отступилъ отъ неправды, хотя на время съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ именовалъ имя Господне. Архіереи, книжники, князи, фарисеи не отступили отъ неправды честолюбія и зависти; народъ не отступилъ отъ неправды суевѣрія и наемнаго раболѣпства. Не *Божіе основаніе* то было; и потому не было *твердо*, но и разрушено, и по четыремъ вѣтрамъ разсыпано.

Христіане, новый избранный народъ Божій! Умудритесь печальнымъ примѣромъ древняго. Какъ отъ пропасти, какъ отъ смерти, какъ отъ двери ада, *да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.* Аминь.

CXIII.

58. Слово

въ день Святыя Пасхи [1]).

(Напечатано въ Христ. Чтеніи 1839 г. и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 годовъ).

Христосъ воскресе! — Сказавъ сіе, что могу сказать вамъ болѣе? Все сказано.

Надобно ли основать вѣру, сотворить надежду, воспламенить любовь, просвѣтить мудрость, воскрилить молитву, низвести благодать, уничтожить бѣдствіе, смерть, зло, дать жизненность жизни, сдѣлать, чтобы блаженство было не мечта, но существенность, слава — не призракъ, но вѣчная молнія вѣчнаго свѣта, все озаряющая, и никого не поражающая? — На все сіе найдется довольно силы въ одномъ чудодѣйственномъ словѣ: *Христосъ воскресе.*

Аще Христосъ не воста, суетна вѣра ваша (1 Кор. XV. 17), признается одинъ изъ несуетныхъ Проповѣдниковъ вѣры. Какое разрушительное предположеніе! Но чѣмъ болѣе оно разрушительно, тѣмъ болѣе созидательна противоположная ономy истина: понеже Христосъ воста, то вѣра наша и непоколебима, и спасительна. Вѣруетъ и язычникъ, но мертвымъ божествамъ, или тварямъ, также, какъ самъ онъ, смертнымъ и тлѣннымъ: какъ же можетъ быть прочна вѣра, когда божество ея тлѣнно, или живоносна, когда оно мертво? Вѣруетъ Іудей, и вѣруетъ Богу живому, но по *писмени* закона, которое грѣшника *убиваетъ*, а воскресить не можетъ: чего ждать отъ сея вѣры, кромѣ того, что мы отъ нея видимъ? Она убила христоубійственный народъ Іудейскій, разсыпала кости его по вселенной, и съ нимъ вмѣстѣ сама себя разрушила такъ, что Іудей и вѣра его не имѣютъ никакой надежды, развѣ въ Христіанствѣ. Нѣкоторые мудрецы древности, уразумѣвшіе нелѣпость язычества, но не проникшіе во Святилище истины Боже-

[1]) По Евреин. сборн.: говорено въ Каѳедральной Церкви Чудова монастыря, апрѣля 18 дня 1826 года.

ственной, изобрѣли было еще вѣру невѣдомому Богу, и воздвигли сему имени олтарь, можетъ быть, нѣкоторымъ и новѣйшихъ временъ мудрователямъ не неугодный, потому что онъ не назначаетъ для себя великихъ жертвъ: но если невѣдомъ Богъ, то невѣдомо и то, какъ должно служить Ему, и въ семъ случаѣ можетъ ли наше служеніе быть Ему пріятно, а намъ спасительно? Такъ—невѣдѣніемъ основанная вѣра тѣмъ же невѣдѣніемъ и разрушается. Мы, Христіане, вѣруемъ въ Бога живаго, по *закону духа жизни о Христѣ Іисусѣ, свобождающему насъ отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. VIII. 2). Мы *вѣмы*, дерзаемъ сказать со Апостоломъ, *Емуже вѣровахомъ, и извѣстихомся, яко силенъ есть преданіе наше сохранити* (2 Тим. I. 12). Какъ *извѣстихомся?* — Всего вѣрнѣе воскресеніемъ Того, *Емуже вѣровахомъ*. Если Онъ вѣру Свою, въ самомъ Лицѣ Его, врагами Его низринутую во гробъ, и низведенную во адъ, воскресилъ, возвелъ, воцарилъ: то *извѣстихомся, яко силенъ есть*, и нашу вѣру и утвердить, и сохранить, и оправдать.

Аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, говоритъ еще твердый Проповѣдникъ вѣры, *окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. XV. 19). Невѣрующіе находятъ для себя въ невѣріи ту выгоду, что могутъ безпечно наслаждаться пріятностями жизни настоящей и пользоваться пріязнію міра: незавидная, по правдѣ, выгода, и не больше, какъ *окаянство;* ибо когда сказано: *окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы*, чрезъ сіе сказано и то, что всѣ человѣки, то есть, невѣрующіе, больше или меньше *окаянны*. Но если бы у насъ, вѣрующихъ во Христа, отнять увѣреніе о воскресеніи: то подлинно мы были бы окаяннѣе всѣхъ окаянныхъ человѣковъ. *Міръ*, по слову Господню, *свое любитъ*: а *не сущихъ отъ міра*, слѣдственно и Христіанъ, если не всегда открыто гонитъ, то вѣрно всегда внутренно *ненавидитъ*. Міролюбцы наслаждаются: Христіане, или, отрекаясь отъ наслажденій, страждутъ лишеніемъ, или, попуская себѣ наслажденія, должны страдать раскаяніемъ. Но, да не льстится міръ злымъ удовольствіемъ, сдѣлать насъ отчаянными, подобно ему. Если и все, по чему цѣнится настоящее, потеряно; еще не все погибло для насъ, или лучше сказать, еще ничего не погибло. Надежда наша основана глубже настоящаго міра, и выше его воздвигнута. *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV. 20). *Аще ли же Духъ*

Воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, Воздвигій Христа отъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живущимъ Духомъ Его въ васъ (Рим. VIII. 11). Потребуете ли больше для совершенной надежды?—Если угодно: мы уже имѣемъ то, что намъ обѣщается въ будущемъ въ замѣну настоящаго. *Богъ, богатъ сый въ милости, за премногую любовь Свою, еюже возлюби насъ, и сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеніи*, уже *сооживи Христомъ, и съ Нимъ посади на небесныхъ, да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презѣльное богатство благодати Своея благостынею на насъ о Христѣ Іисусѣ* (Ефес. II. 4—7).

Когда же *премногая любовь Божія*, чрезъ воскресеніе Христово, и въ вѣрѣ насъ непоколебимо утверждаетъ, и совершенною надеждою утѣшаетъ: что должно при семъ чувствовать сердце наше, если грубая чувственность не сдѣлала его неспособнымъ чувствовать вліянія духовныя? Что, какъ не ту же любовь Божію, которою Богъ, какъ вѣчное Солнце, сіяетъ для насъ, воспламеняющую насъ для Бога? *Любы Божія обдержитъ насъ*, изъясняется Апостолъ, *суждшихъ сіе, яко аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша* (2 Кор. V. 14). И въ другомъ случаѣ, какъ скоро наименовалъ онъ *Христа Іисуса умершаго, паче же и воскресшаго, Иже и есть одесную Бога, Иже и ходатайствуетъ о насъ*,— тотчасъ, въ неудержимомъ восторгѣ, восклицаетъ: *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія* (Рим. VIII. 34. 35)? Подлинно, если, по изреченію самой Любви, *большаго сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV. 13); но безъ мѣры великая любовь, еще и врагами ей бывшихъ, насъ возлюбила даже до смерти за насъ, и смерти крестныя: можемъ ли мы быть столько неблагодарны и безчувственны, чтобы ради насъ воскресшая любовь не воскресила нашей любви ради Себя?

Не стану далѣе изъяснять различныя чудеса, какія производитъ одно чудодѣйственное слово: *Христосъ воскресе*. Если оно воскреситъ въ насъ святую любовь Божію, непрестанно убиваемую грѣховною любовію міра и плоти: довольно сего чуда для совершенства настоящія радости, и для того, чтобы всѣ прочія чудеса открылись намъ сами собою. Въ комъ воскресшій Христосъ, на семъ празднственномъ поприщѣ, какъ въ ученикахъ на пути въ Эммаусъ, возжегъ сердце сладкимъ желаніемъ, и нѣкимъ сокровеннымъ ощущеніемъ Его Божественнаго присутствія:

того не праздным словомъ, и болѣе нежели по одному обычаю, можемъ привѣтствовать, какъ Эммаусскихъ путешественниковъ привѣтствовали Апостолы: *воистинну воста Господь! воистинну воскресе!* Аминь.

CXIV

59. Слово

въ недѣлю о Ѳомѣ [1]).

(Напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1839 г. и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Глагола ему Іисусъ: яко видѣвъ Мя, вѣровалъ еси: блаженни не видѣвшіи, и вѣровавше. Іоан. XX. 29.

Когда, по слову Пророческому, *поражень былъ Пастырь, и расточены овцы стада*, то есть, когда Іисусъ Христосъ преданъ былъ на крестъ и смерть, и Апостолы Его подверглись различнымъ искушеніямъ: Ѳома былъ единою отъ овецъ Его, въ общемъ разсѣяніи, долѣе прочихъ заблуждавшею.

Тогда какъ прочіе Апостолы, хотя *страха ради Іудейска*, впрочемъ хорошо поступили, что изъ первоначальнаго разсѣянія, кому куда случилось, вскорѣ обратились искать другъ друга, сошлись въ извѣстномъ мѣстѣ,—*бяху собрани*, и, безъ сомнѣнія, общую скорбь превращали въ единодушную молитву; Ѳомы, неизвѣстно, по какому препятствію, или по его собственной неосмотрительности, тамъ не было,— *не бѣ ту съ ними*. Первое послѣдствіе сего было то, что первое явленіе Господа воскресшаго, собраннымъ Апостоламъ, для Ѳомы было потеряно:

---

[1]) По Евреин. сборн.: говорено въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ, Апрѣля 25 дня.

не бѣ ту съ ними, егда пріиде Іисусъ. Другое послѣдствіе, что, когда прочіе Апостолы явленіемъ Господнимъ вновь утверждены были въ вѣрѣ, въ которой поколебались-было во время Его страданія и смерти, Ѳома, не смотря на свидѣтельство сихъ вѣрныхъ очевидцевъ, съ нѣкимъ упорствомъ утверждалъ себя въ невѣріи: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не иму вѣры.*

На сей случай, хотя мимоходомъ, обратить вниманіе просилъ бы я особенно тѣхъ, которые въ особенные дни, скорбей ли, радостей ли Христіанскихъ, когда мы *бываемъ собрани*, и призываемъ Господа въ молитвѣ, и пріемлемъ Его въ таинствѣ, *не бываютъ съ нами* въ собраніи церковномъ, по препятствіямъ ли со стороны дѣлъ мірскихъ, впрочемъ большею частію не непреодолимымъ, или только по своему небреженію. Не лишиться бы имъ благодатнаго посѣщенія Того, Который обѣщалъ быть посреди собранныхъ во имя Его, и Котораго присутствіе приноситъ съ собою блаженный миръ и радость неотъемлемую! Произвольнымъ ослабленіемъ союза [2]) съ прочими вѣрующими, который долженъ былъ укрѣплять ихъ вѣру, не дойти бы имъ отъ слабой вѣры до упорнаго невѣрія!

Возвратимся къ Ѳомѣ. Отъ погибели, которую готовило ему закоснѣвающее въ немъ невѣріе, спасла его, вѣроятно, еще не разрушенная невѣріемъ любовь къ Господу, по которой недавно, и самъ онъ рѣшительно возжелалъ, и предлагалъ прочимъ Апостоламъ, съ готовностію къ смерти, не отставать отъ возлюбленнаго Учителя и Господа, на явную опасность жизни шедшаго во Іудею: *идемъ и мы*, говорилъ Ѳома, *да умремъ съ Нимъ*. Поелику симъ образомъ любовь Ѳомы уже пріобщилась смерти Хрістовой; то слѣдовало ей пріобщиться и воскресенія Хрістова. Привлеченный ею, воскресшій Господь вторично явился собраннымъ Апостоламъ, собственно ради Ѳомы; далъ ему, какъ онъ хотѣлъ, осязать язвы Своихъ рукъ и ногъ и ребръ,— и симъ, не простымъ, только внѣшнимъ осязательнымъ свидѣтельствомъ, но живымъ прикосновеніемъ къ открытымъ, такъ сказать, устіямъ внутренняго источника жизни, полуумерщвленнаго невѣріемъ Апостола воскресилъ въ жизнь вѣры.

Совершивъ сіе дѣло милосердія, Господь присовокупилъ сло-

---

[2]) По Еврейн. сборн. своего союза.

во правды: *видѣвъ Мя, вѣровалъ еси; блажени не видѣвшіи, и вѣровавше.* Счастливое невѣріе,—такъ могъ бы думать Ѳома, которымъ пріобрѣтено посѣщеніе Господа! Нѣтъ, глаголетъ Господь, ты преимущественно помилованъ, но не преимущественно блаженъ. *Видѣвъ Мя, вѣровалъ еси: блажени*—совсѣмъ другіе. А изъ насъ иные, взирая на примѣръ Ѳомы, могли бы подумать: почто мы такъ несчастливы, что не можемъ имѣть непосредственнаго явленія и утвержденія въ вѣрѣ отъ Господа? Нѣтъ, глаголетъ Господь и намъ, не видѣть—не есть несчастіе, когда и безъ того есть достаточныя основанія вѣровать; напротивъ, не видѣть и вѣровать есть—особенное достоинство вѣры, и потому особенное блаженство. *Блажени, не видѣвшіи, и вѣровавше.*

Мнѣ кажется, что сіе изреченіе Господне требуетъ нѣсколько болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія.

Должно вспомнить, что всѣ Апостолы, и одни Апостолы, были предъ лицемъ Господа, когда Онъ именно Ѳомѣ, съ нѣкоторымъ видомъ упрека, сказалъ: *яко видѣвъ Мя, вѣровалъ еси,* и къ сему присовокупилъ неопредѣленное изреченіе: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше.* При первомъ взглядѣ, неожиданнымъ и необычайнымъ [3]) представляется то, что укоряетъ Ѳому, который подлинно и заслужилъ укоризну тѣмъ, что угрожалъ не вѣрить, если не увидитъ; но такъ укоряетъ, что та же укоризна поражаетъ, кажется, и прочихъ Апостоловъ, ибо и они, хотя ранѣе Ѳомы, *видѣвъ Господа, вѣровали.* Видъ необычайности увеличивается ублаженіемъ не видѣвшихъ и вѣровавшихъ, если вообразить, что всѣ Апостолы принадлежатъ къ числу видѣвшихъ, и слѣдственно лишаются ублаженія. А не имъ ли прежде сказано: *ваша же блаженна очеса, яко видятъ?*

Надлежало примѣтить сіи необычайности [4]), чтобы уклоненіемъ отъ нихъ приблизиться къ истинному разумѣнію изреченія Господня.

Если и всѣ Апостолы, видѣвъ Господа, вѣровали: но великая въ семъ разность между Ѳомою и прочими. Они не имѣли прежде своего видѣнія, толико, и по числу свидѣтелей и по способамъ удостовѣренія, сильнаго свидѣтельства о воскресеніи Господнемъ, какое имѣлъ онъ отъ нихъ. Имъ видѣніе даровано

[3]) По Евреин. сборн.: страннымъ.
[4]) По Евреин. сборн.: странности.

было по волѣ Господней, а не по ихъ требованію. И такъ Ѳома исключительно заслужилъ личный упрекъ, потому что дерзновенно требовалъ видѣнія, послѣ свидѣтельствъ, совершенно достаточныхъ основать вѣру.

Всѣ Апостолы видѣли Господа: но до невѣроятности уничижительно было бы то для ихъ священнаго собора, если бы не было между ними ни одного, которому бы принадлежало возвѣщаемое Господомъ преимущественное блаженство, не видѣть и вѣровать. Не желаемъ видѣть, и не дерзаемъ воображать васъ, Богоблаженные Апостолы, лишенными какого-либо блаженства вѣрующихъ. Явите же намъ, Вы сами, кто изъ васъ *блаженный, не видѣвшій, и вѣровавшій?* — Смотрите, братія, не сіе ли самое открываетъ намъ Евангелистъ Іоаннъ, когда, повѣствуя о посѣщеніи гроба Господня, въ утро воскресенія, двумя учениками, пишетъ: *вниде и другій ученикъ, пришедый прежде ко гробу, и видѣ, и вѣрова.* Что видѣлъ онъ по входѣ во гробъ? Безъ сомнѣнія, тоже, что видѣлъ первый ученикъ, именно Петръ: *видѣ ризы едины лежащя.* А чему повѣрилъ? Тому ли, что предъ тѣмъ возвѣстила Магдалина: *взяша Господа отъ гроба, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его?* Но чему тутъ было вѣрить? Тутъ нѣтъ никакой сокровенной истины, и одно явное невѣдѣніе. Чему же повѣрилъ *ученикъ, егоже любляше Іисусъ?* Догадываюсь, и, думаю, по необходимости должно догадываться, что въ ту минуту, какъ онъ, вступивъ во гробъ, *видѣ ризы едины лежащя*; необыкновенно живая любовь необыкновеннымъ образомъ возбудила въ немъ вѣру; легкая мысль, что нельзя было представить случая, по которому бы ризы, обвивавшія тѣло Господне съ мастію, могли отдѣлиться отъ мертваго тѣла, подала ему великую мысль о воскресеніи [5]); онъ не видалъ ничего болѣе, какъ отсутствіе погребеннаго Іисуса изъ гроба, но во глубинѣ любящаго сердца ощутилъ, что живетъ Возлюбленный, несмотря на то, что къ вѣрованію въ воскресеніе Его даже познаніемъ Писанія не былъ приготовленъ: *видѣ и вѣрова: не убо вѣдяху писанія, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути.*

Какъ же скоро такимъ образомъ найденъ между Апостолами образецъ преимущественнаго блаженства не видящихъ и вѣрующихъ: бесѣда Господня съ Ѳомою получаетъ отъ сего совер-

[5]) Въ Евреин. сборн. этихъ словъ нѣтъ.

шенную ясность и точное знаменованіе. Кажется, можно видѣть, какъ Господь взоромъ укоренія взираетъ на Ѳому и глаголетъ: *видѣвъ Мя, вѣровалъ еси*; потомъ обращаетъ взоръ одобренія на Іоанна, и хотя не открыто къ его имени, но тѣмъ не менѣе внятно къ его сердцу, продолжаетъ: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше.* Прочіе Апостолы остаются между одобреніемъ и упрекомъ.

Но поелику блаженство не видѣть и вѣровать Господь возвѣщаетъ, какъ общее блаженство многихъ; поелику, послѣ другихъ, и намъ дарована благодать вѣровать въ Господа съ Апостолами, тогда какъ мы не видали Его съ ними: то что подумаемъ мы о себѣ самихъ? Не ужели подлинно мы блаженны паче Ѳомы, и даже паче прочихъ Апостоловъ, кромѣ, можетъ быть, одного возлюбленнаго? Не смѣю съ симъ васъ поздравить; боюсь и въ семъ случаѣ, чтобы не оскорбить первыхъ послѣдователей Господа, и всеобщихъ руководителей въ послѣдованіи Ему, если впереди ихъ поставлю насъ послѣднихъ, и у нихъ себѣ похищу преимущественное блаженство. *Довлѣетъ ученику, да будетъ яко учитель его* (Матѳ. X. 25): довольно и для насъ, если и мы послѣдніе можемъ быть участниками въ блаженствѣ съ первыми руководителями къ блаженству. Довольно, если найдутся между нами нѣкоторые, къ которымъ отнести можно ублажающее изреченіе Господне: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше.*

Нѣкоторые? — А другіе изъ насъ не ужели видятъ и вѣруютъ?—Какъ ни страннымъ сіе покажется нѣкоторымъ, но такъ должно быть, чтобы степени блаженства соотвѣтствовали степенямъ вѣры.

И нынѣ есть *видящіе и вѣрующіе*,—тѣ, которые, какъ Ѳома, требуютъ отъ вѣры удостовѣреній ясныхъ, дѣйствій ощутительныхъ, знаменій чудесныхъ. Есть, напротивъ, *не видящіе и вѣрующіе*, — тѣ, которые и тогда, какъ противъ удостовѣреній возстаютъ сомнѣнія, ощутительныя дѣйствія вѣры скрываются, знаменія чудесныя не являются, тѣмъ не менѣе твердо и непоколебимо стоятъ въ вѣрѣ.

Не однимъ Апостоламъ, но всякому любящему обѣщалъ Господь Свое явленіе, слѣдственно и видѣніе. *Любяй мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. XIV 21.). Не берусь изъяснить образовъ сего явленія. Кто видитъ солнце, тотъ сіе явленіе понимаетъ безъ

всякаго изъясненія; но слѣпому изъяснять видѣніе солнца было бы тщетное усиліе! Скажемъ нѣчто, единственно по требованію настоящаго разсужденія. Въ сердцѣ твоемъ возгарается необыкновенно живая, неизъяснимо сладостная любовь Божія, которая всякое дѣло благочестія дѣлаетъ тебѣ легкимъ и пріятнымъ, такъ, что ты не можешь сего приписать себѣ, но принимаешь то за даръ Божій: тогда легко тебѣ вѣровать; ты испытываешь то, чему вѣруешь; ты ходишь во свѣтѣ вѣры. Въ семъ случаѣ Господь можетъ сказать тебѣ: *видѣвъ Мя, вѣровалъ еси*. Знай же, что если и тогда, когда огнь въ сердцѣ твоемъ покажется угасающимъ, духовная сладость престанетъ быть ощущаема, вновь восчувствуется трудъ подвиговъ, и недостаточество силъ, если и тогда ты подвиговъ не оставишь, о благодати Божіей не усумнишься, сердца унынію не предашь: вотъ особенное достоинство вѣры! И потому вотъ особенное блаженство, хотя бы оно покрыто было страданіемъ: *Блажени не видѣвшіи, и вѣровавше*!

Господь является человѣку не только во внутренней, но и во внѣшней жизни, видимыми благодѣяніями Своего промысла, въ которыхъ, по слову Апостола, *поне осязать его* (Дѣян. XVII. 27.) можно. Если Онъ *оградилъ внѣшняя* твоя, и *внутренняя дому* твоего, *дѣла же руку благословилъ*: легко тебѣ вѣровать. Но такой вѣрѣ и діаволъ не вѣритъ, какъ не вѣрилъ ей въ Іовѣ; и потому можетъ случиться, что она подвергнется опасному испытанію. Если же и тогда, какъ благодѣющая десница Божія скрывается, и тебя постигаетъ нищета, или [6]) болѣзнь, или иное бѣдствіе, ты, какъ Іовъ, *во всѣхъ сихъ приключающихся не даешь безумія Богу*. то Господь благословитъ *послѣдняя* вѣры твоея паче, *неже прежняя. Блажени не видѣвшіи, и вѣровавше*.

Можетъ еще вѣра наша встрѣтить Господа на путяхъ жизни общественной, въ лицѣ меньшихъ братій Его, по слову Его: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40). И здѣсь иногда болѣе Онъ видимъ бываетъ, а иногда менѣе. Авдію, который сто Пророковъ Господнихъ кормилъ хлѣбомъ и водою, не трудно было вообразить, что въ нихъ Самъ Господь *взалкался*, и самому Господу *далъ онъ ясти*. Напротивъ того, какъ часто искушаетъ насъ то, что, видя нищихъ, не видимъ въ нихъ

[6]) По Евреин. сборн.: нищета, или безчестіе, или безчадіе, или...

Христа, то есть, Христовыхъ и христіанскихъ свойствъ и добродѣтелей! Точно ли они бѣдны, думаемъ мы? Достойны ли они человѣколюбиваго участія, по образу жизни своей? Будутъ ли они молиться за насъ, получивъ благотвореніе? Не возмущайся напрасно, благодѣтельная душа! Не охлаждай самъ своея любви подозрѣніями; не омрачай самъ своея вѣры сомнѣніями. Не довольно ли тебѣ слышать отъ Господа: *Мнѣ сотвористе*? На что, какъ Ѳома, хочешь видѣть и осязать Его въ томъ, кому благотворить желаешь? Благотвори видимому—требующему, и вѣрь Невидимому—Пріемлющему. *Блаженни не видѣвшіи, и вѣровавше.* Аминь.

CXV.

60. Рѣчь

Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, предъ вступленіемъ Ея Величества въ Успенскій Соборъ.

(Говорена апрѣля 30 дня 1826 года, напечатана отдѣльно, въ Моск. Вѣд. 1826 г № 39 и въ собраніяхъ 1835 — 1844 и 1848 гг.)

Благочестивѣйшая Государыня!

Нѣкто видѣлъ и вопрошалъ внезапное видѣніе: *кто сія проницающая аки утро* (Пѣсн. VI. 9.)?

Мы видимъ, и не какъ внезапно явившуюся вопрошаемъ, но какъ всегда вождѣленную Тебя призываемъ: пріиди, *проницающая аки утро*, сквозь остающійся еще сумракъ послѣ глубокой предшествовавшей нощи, — восходящая, какъ тихая заря, предвѣстница новаго солнца, изъ Тебя Россіи возсіявшаго, нами съ нетерпѣніемъ ожидаемаго.

Пріиди, Матерь Царей! Отецъ свѣтовъ да благословитъ входъ Твой; и да совершитъ приносимую намъ Тобою надежду, вскорѣ увидѣть въ полнотѣ Священной славы, уже сіяющаго Царскими доблестями, Николая,— Твое и наше утѣшеніе.

CXVI.

61. Бесѣда

о небесной наградѣ [1]).

Напечатана въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.

Возрадуйтеся въ той день, и взыграйте се бо мзда ваша многа на небеси Лук VI. 23

Господь Іисусъ повелѣваетъ возрадоваться и взыграть; обѣщаетъ [2]) награду, великую награду, небесную награду. Достанется ли кому изъ насъ сія награда, безъ сомнѣнія совершенная; потому что Судія, который опредѣляетъ ее, и праведенъ, чтобы опредѣлить награду достойную, и благъ, чтобы опредѣлить награду щедрую, и всемогущь, чтобы исполнить Свое опредѣленіе во всей силѣ онаго? Внидетъ ли кто изъ насъ въ сію радость, безъ сомнѣнія, блаженную; поелику Призывающій къ ней есть Источникъ блаженства.

Возрадуйтеся въ той день. Какой это день, предназначенный для радости? Придетъ ли онъ и къ намъ? Доживемъ ли мы до него?

Прочитаемъ въ большей полнотѣ слова Христовы, предназначающія день сей, чтобы намъ узнать его. *Блаженни будете*, глаголетъ Онъ, *егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ, и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына человѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день и взыграйте.*

Итакъ день, въ который Христіанамъ должно возрадоваться и взыграть, есть время, когда ихъ, за имя Христово, ненавидятъ, разлучаютъ, безславятъ. Теперь хотите ли дожить до сего

[1]) По Еврейн. сборн.: Слово въ день обрѣтенія мощей иже во святыхъ Отца нашего Алексія Митрополита, говоренное въ Чудовѣ Монастырѣ мая 20 дня 1826 года.

[2]) По Еврейн. сборн.: Іисусъ Христосъ повелѣваетъ возрадоваться и взыграть; Іисусъ Христосъ обѣщаетъ....

дня, насладиться сею радостію? Или, еще не видя его, желаете, чтобы онъ прошелъ мимо васъ, и уже не хотите вкусить радости, которой вкуса не знаете? Не льзя осуждать того, кто скажетъ въ семъ случаѣ слова Хрістовы: *да мимо идетъ отъ мене чаша сія*, то есть, чаша ненависти отъ человѣковъ, гоненія, безславія: но также не льзя не восхвалить того, у кого достанетъ духа непрерывно договорить и слѣдующія: *обаче не яко же азъ хощу, но яко же Ты*, Отче Небесный!

Премудрымъ и непостижимымъ судьбамъ Божіимъ предоставляя избирать достойныхъ къ трудному подвигу, и возводить къ высокому блаженству—страдать за Христа, не пропустимъ безъ особеннаго вниманія того, для всѣхъ вообще удобонаставительнаго, слова Хрістова, которое побуждаетъ, для совершенія подвиговъ, и для перенесенія страданій, достаточную силу и ободряющую надежду почерпать изъ помышленія о небесной наградѣ: *се бо мзда ваша многа на небеси.*

Есть и такія, вѣроятно не многія, возвышенныя души, которыя, въ сердечныхъ помышленіяхъ и желаніяхъ, проходя мимо, и оставляя позади себя всякую, не только земную, но и небесную награду, прямо, чисто, единственно стремятся ко благоугожденію предъ Богомъ, и къ соединенію съ нимъ любовію. *Что ми есть на небеси?* восклицаетъ Псалмопѣвецъ къ Богу, *и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ* (Псал LXXII. 25. 26). Не желаю, говоритъ, ничего земнаго; и на небесахъ не ищу ничего, кромѣ Бога небеснаго; не чувственныхъ удовольствій алчетъ плоть моя, не любви тварей жаждетъ сердце мое; самую завидную между человѣками долю безъ зависти уступаю всякому желающему; моя доля есть Богъ; сердце мое хочетъ исчезнуть тамъ, гдѣ Его не находитъ, и возродиться тамъ, гдѣ обрѣсти Его можно; самая плоть моя томится желаніемъ единственнаго *насыщенія,—внегда явитимися славѣ Его*. О семъ состояніи нѣкоторыхъ благочестивыхъ душъ, для многихъ изъ слушающихъ сіе, не знаю, что сказать [3]), развѣ сіи слова Господни, сказанныя объ одномъ изъ особенныхъ состояній благодатныхъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ.*

Впрочемъ, если желаніе награды и не есть совершенство, Богъ

---

[3]) По Евреин. сборн.: что можно сказать.

однакоже не возбраняетъ человѣку помышлять о наградѣ; и даже Самъ употребляетъ мысль о наградѣ для поощренія человѣка къ исполненію заповѣдей и къ достиженію совершенства. *Чти отца твоего и матерь твою*: вотъ заповѣдь. И вотъ въ слѣдъ за нею награда, поощряющая къ исполненію ея: *да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли блазѣ* (Исх. XX. 12). *Аще хощеши совершенъ быти, иди продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ*: вотъ требованіе совершенства. И вотъ непосредственно за симъ награда, поощряющая къ достиженію сего совершенства: *и имѣти имаши сокровище на небеси* (Матѳ. XIX. 21). *Возрадуйтеся въ той день,—егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ, и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына человѣческаго ради*: вотъ великое требованіе подвига, для котораго нужна необыкновенная сила духа и непоколебимое терпѣніе. Для сего вотъ и великая награда, способная возбудить и поддержать необыкновенную силу духа: *се бо мзда ваша многа на небесѣхъ.*

Ветхій Завѣтъ, какъ приготовительный къ совершенству Христіанскому, открытымъ образомъ говоритъ наиболѣе о наградахъ земныхъ; потому что [4]), примѣняясь къ понятіямъ людей, которымъ былъ данъ, по необходимости долженъ былъ и духовныя созерцанія небеснаго блаженства облекать въ чувственныя изображенія благополучія земнаго. Завѣтъ Новый, какъ открывающій совершенство царствія небеснаго, въ его духовной силѣ и высокой чистотѣ, обыкновенно указуетъ своимъ подвижникамъ и страдальцамъ награды небесныя: а земныя не только пренебрегаетъ, какъ маловажныя, но иногда почитаетъ даже урономъ наградъ небесныхъ. *Воспріемлютъ мзду свою*, говоритъ Господь о лицемѣрахъ, ищущихъ посредствомъ добродѣтели, славы человѣческой: то есть, они получили свою награду на земли, отъ человѣковъ, и потому не получатъ ея на небеси, отъ Бога. Вмѣсто того, что древній Законъ ласкалъ земнымъ благополучіемъ: *благо ти будетъ; долголѣтенъ будеши на земли блазѣ*; Евангеліе земнымъ благополучіемъ угрожаетъ, какъ опаснымъ, а презрѣніе сего благополучія полагаетъ залогомъ небеснаго блаженства: *кая польза человѣку,*

4) По Еврепн. сборн.: или потому что земныя награды должны были соотвѣтствовать земнымъ, приготовительнымъ къ духовному совершенству царствія небеснаго, добродѣтелямъ, которыхъ онъ требовалъ, или, лучше сказать, которыя могъ произвесть, или потому что,....

аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою? Любяй душу свою погубитъ ю; и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ въ животъ вѣчный сохранитъ ю (Іоан. XII. 25).

По сему разсужденію, каждый изъ слышащихъ сіе имѣетъ случай предложить себѣ, и можетъ просто для себя рѣшить,— не маловажный, надѣюсь, для каждаго изъ насъ вопросъ: истинный ли я Христіанинъ, или нѣтъ? Если ты истинный Христіанинъ [5]): то ты вѣрно не привязанъ душею ко временному благополучію; не пристрастенъ къ земнымъ наградамъ; поощряешь и утѣшаешь себя мыслію о наградѣ небесной и вѣчной. А если ты забываешь о небесной и вѣчной наградѣ, домогаясь временной корысти, чести, удобства жить въ свое удовольствіе: не прельщайся; такія расположенія не показываютъ духа истинно Христіанскаго. Кто управляется и одушевляется желаніемъ только земной награды: тотъ есть земный Ветхозавѣтникъ, далекій отъ совершенства духовнаго, и отъ стяжанія сокровища небеснаго. Кто дѣлаетъ добрыя дѣла для временной корысти, или для славы человѣческой: тотъ еще не вышелъ изъ области язычества; онъ вырабатываетъ кумиры добродѣтелей на продажу или на зрѣлище: онъ воспріемлетъ мзду свою отъ человѣковъ, и потому небеса и Богъ ничѣмъ болѣе не должны ему [6]).

Не скажутъ ли, что сіе разсужденіе слишкомъ строго, и затворяетъ всѣхъ подъ грѣхомъ? Ибо не естественно ли, скажутъ, человѣку и на землѣ искать гдѣ лучше, подобно какъ [7]) рыба ищетъ гдѣ глубже? Если кто подлинно сіе скажетъ, тотъ пусть знаетъ, что не мы строгимъ разсужденіемъ затворяемъ его подъ грѣхомъ: но судъ Слова Христова и нерадѣніе послѣдовать сему Слову затворяютъ его подъ грѣхомъ. Если и естественно желать лучшаго земнаго: но не согласно съ разумомъ искать онаго съ забвеніемъ и утратою наилучшаго небеснаго. И если вы хо-

---

[5]) По Евреин. сборн.: Христіанинъ ли я, или нѣтъ? Если ты Христіанинъ.....

[6]) По Евреин. сборн.: такія расположенія не показываютъ Христіанина, но если не грубаго язычника, то вѣрно не что либо лучшее, какъ или тонкаго лицемѣра, искусно вырабатывающаго кумиры добродѣтелей и совершенствъ, и отдающаго ихъ на продажу или на зрѣлище, воспріемлющаго мзду свою на земли отъ человѣковъ, которому небеса и Богъ ничѣмъ болѣе не должны: или отъ духовнаго совершенства царствія небеснаго далеко еще отстоящаго, земнаго, ветхозаконника.

[7]) По Евреин. сборн.: подобно какъ, по извѣстному присловію...

тите держаться только естественнаго: то смотрите, не отпадаете ли чрезъ сіе отъ благодатнаго, которое выше естественнаго? Опираясь на мнимыя естественныя ваши права, не отвергнете ли вы сихъ положеній благодатнаго закона: *не сребролюбцы нравомъ, довольни сущими* (Евр. XIII. 5);—*честію другъ друга больша себе творяще* (Рим. XII. 10);—*плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. XIII, 14)?

Но если уже вамъ непремѣнно угодно естественное: подлинно ли естественно исканіе земныхъ воздаяній, какое столь обыкновенно примѣчается между нами; если естественнымъ называть должно не то, чего требуютъ не управляемыя желанія и не удерживаемыя страсти, но то, что изъ истинныхъ потребностей естества человѣческаго происходитъ, имъ соотвѣтствуетъ, имъ удовлетворяетъ? Когда наемникъ желаетъ платы, достаточной для пропитанія, не только во дни работы, но и на дни необходимаго потомъ отдыха: не спорю, что естественно ему желать такого воздаянія. Но когда богатый не хочетъ ничего сдѣлать безъ того, чтобы не извлечь изъ дѣла выгоды, даже, если можно, двойной и тройной выгоды: что тутъ естественнаго? Когда проходящій какое-либо служеніе [8]) за каждый годъ, или за каждое сколько нибудь особенное дѣйствіе служенія, хочетъ большей и большей платы, высшаго и высшаго званія или отличія [9]): что и тутъ естественнаго? Требуетъ ли того природа человѣка, и служитъ ли то къ его совершенству, чтобы на него сыпали деньги, названія, украшенія [10]).

Не лучше ли было бы, напротивъ, и для естественнаго состоянія человѣковъ, если бы они взирали не столько на земныя воздаянія, всегда малыя въ сравненіи съ трудами для нихъ употребляемыми, и мало радующія въ сравненіи съ непріятностями исканія, соревнованія, лишенія, сколько на небесную награду, всегда великую, вполнѣ радующую, никогда не отъемлемую? [11]) Если бы каждый непрестанно имѣлъ предъ очами свою *мзду многую на небеси*, которую и властенъ каждый имѣть предъ очами непрестанно: то, удовлетворяемый чаяніемъ оныя,

---

[8]) По Евреин. сборн.: служащій Государству ...

[9]) По Евреин. сборн.: какъ дорожащійся наемникъ, или новаго почетнаго имени или знака отличія.....

[10]) По Евреин. сборн.: чтобы его засыпали сокровищами, названіями, украшеніями.

[11]) По Евреин. сборн.: и вѣчно радующую?

каждый не такъ страстно искалъ бы воздаяній земныхъ и утѣшеній временныхъ; продающій менѣе бы корыстолюбствовалъ; судящій охотнѣе [12]) предпочелъ бы безчестной мздѣ неправды безмездную правду; обязанный служить обществу рѣшительнѣе [13]) предпочиталъ бы общую выгоду своей личной, и не отрекался бы отъ служенія общему благу, хотя бы и не отдавали всей справедливости его служенію, поставленный въ подчиненность и послушаніе удобнѣе забывалъ бы свою волю, и менѣе тяготился взыскательностію начальствующаго; рабъ усерднѣе и веселѣе работалъ бы и нещедрому господину [14]); кратко сказать, мыслію о небесной наградѣ поддерживаемое безкорыстіе каждаго непрестанно увеличивало бы сокровище общаго блага человѣковъ, и внутреннее сокровище добродѣтели въ сердцѣ каждаго [15]).

Господи, щедрый въ обѣщаніи, и вѣрный въ исполненіи! Утверди насъ въ благотворномъ памятованіи и чаяніи *мзды многія на небеси*, да и воздаянія земныя не будутъ для насъ приманчивы, и скорби или потери временныя не будутъ несносны. Аминь [16]).

---

[12]) По Евреин. сборн : удобнѣе.....

[13]) По Евреин. сборн.: охотнѣе.

[14]) [15]) По Евреин. сборн этихъ словъ нѣтъ.

[16]) По Евреин. сборн.: Подвижниче, уже получившій мзду на небеси, такъ многую, что она отъ избытка небеснаго и на землю падаетъ и доставляетъ намъ участіе въ богатствѣ благодатномъ, Святителю Алексіе! твоимъ примѣромъ и молитвами утверди насъ въ благотворномъ исканіи чаянія мзды многія на небеси, да и воздаянія земныя не будутъ для насъ приманчивы, и скорби или потери временныя не будутъ несносны. Аминь.

CXVII.

62. Слово

при гробѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Алексіевны.

(Говорено въ Можайскомъ Николаевскомъ Соборѣ, въ присутствіи Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, мая 26 дня; напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1835 — 1844 и 1848 годовъ).

Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи: яко пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои. Ослаби ми, да почію прежде даже не отъиду, и ктому не буду. (Псал. XXXVIII. 13 и 14)

Когда кто изъ Высокихъ на земли, по судьбѣ, для земнородныхъ общей, отходитъ въ землю: при семъ обыкновенно слышатся отголоски славы, которая сопровождала его во время земной жизни. Слышимъ оные и теперь; но величественнѣе самой славы слышится здѣсь — молчаніе. Дерзая говорить, колеблюсь опасеніемъ, чтобы не возмутить безмолвнаго сѣтованія Царицы-Матери, — чтобы не нарушить послѣдняго безмолвія Царицы-Дщери, которая и среди славы знаменитѣйшаго изъ Домовъ Царскихъ, во дни особенно громкіе славою, любила погружаться въ безмолвіе.

Но слово молитвы, надѣюсь, не будетъ противно безмолвію, которое одушевляется молитвою. И такое слово пріемлю отъ Псалмопѣвца, дабы въ размышленіи, хотя по необходимости печальномъ, искать нѣкотораго врачевства противъ печали.

Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи. Кто приноситъ Господу столь печальную молитву?—Книга Псалмовъ сказуетъ, что Давидъ. Но

что погрузило его въ печаль, столь горькую? — Псаломъ не представляетъ на сіе яснаго отвѣта. Не видно здѣсь вины, которою бы страждущій заслужилъ страданіе; страждетъ желающій *сохранить пути* свои, *еже не согрѣшати* даже *языкомъ*.

Пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои: такъ продолжаетъ молитву свою Царь Израилевъ. Но цѣлое царство не есть ли нѣкоторымъ образомъ домъ и семейство Царя? Какъ же должно быть сильно внутреннее чувство лишенія, чтобы Царь потерялъ изъ вида не только домъ свой, но и цѣлое царство свое, и нашелъ себя чуждымъ, одинокимъ, пришельцемъ, странникомъ!

Наконецъ печальный Царь взываетъ къ Богу: *ослаби ми, да почію, прежде даже не отъиду, и ктому не буду*. Какая безутѣшная печаль! Онъ уже не проситъ радости, благополучія: онъ умоляетъ, даровать ему облегченіе печали, отдохновеніе отъ страданія: *ослаби ми, да почію*. Онъ уже не прельщается продолженіемъ жизни; но думаетъ удовольствоваться тишиною послѣднихъ минутъ: *да почію, прежде даже не отъиду, и ктому не буду*.

При воображеніи сего тяжкаго состоянія и мало знакомое съ несчастіемъ сердце раздирается: при помышленіи же, что таково было состояніе человѣка, не только не оставленнаго Богомъ, но и возлюбленнаго Богу, и молившагося Духомъ Святымъ, — изумленная мысль, какъ отторженная отъ брега ладія, носится по безднѣ судебъ, покрытой мракомъ непостижимости.

Не дадимъ себѣ долго носиться и волноваться безполезно. Есть пристанище вѣры, всегда отверзтое, всегда близкое для обуреваемыхъ; есть якорь надежды, который малую ли ладію, великій ли корабль, равно удержать можетъ въ безопасности.

Что за судьба, которая и на благочестивыхъ и добродѣтельныхъ людей, или посылаетъ, или попускаетъ, искушенія, печали, бѣдствія жизни? Не иная, какъ судьба любви: *егоже бо любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. XII. 6.). Почему души благородныя и возвышенныя болѣе иногда подвергаются скорбямъ, нежели обыкновенные люди, такъ что ни покровъ видимаго счастія, которымъ облекаетъ ихъ самая порода и званіе, ни попеченія любящихъ, самыя дѣятельныя и самыя нѣжныя, не укрываютъ ихъ отъ ударовъ, коими поражаетъ ихъ рука невидимая? — Сіе бываетъ съ душами благородными и возвышенными потому именно, что онѣ суть возвышенныя и благо-

родныя; потому что онѣ драгоцѣнны, какъ золото, и пріятны Богу, какъ избранная жертва *Богъ искуси ихъ, и обрѣте ихъ достойны Себѣ: яко злато въ горнилѣ искуси ихъ, и яко всеплодіе жертвенное пріятъ я* (Прем. III. 5. 6). Но какой тутъ порядокъ, когда наилучшія души такъ жестоко страждутъ?—Такой же, какой наблюдается, когда полагаютъ золото въ горнило, жертву на жертвенникъ. Золото будетъ чисто; жертва низведетъ благодать; огнемъ страданія искушенная душа просіяетъ чистотою, а наконецъ и блаженствомъ: *во время посѣщенія ихъ возсіяютъ* (Прем. III. 7.).

Послѣ сего размышленія не такъ тяжко мнѣ коснуться предмета, который такъ болѣзненно сердецъ касается.

Государыня, Которой душевныя свойства и расположенія были такъ же возвышенны, какъ санъ Ея;—Которой умъ свѣтился и сквозь Ея любимое молчаніе;—Которой сердце, кроткое и человѣколюбивое, какъ ни закрывалось скромностію, въ самыхъ Ея взорахъ являлось, узнаваемо было наипаче страждущими и сострадательными, отверзалось къ сострадательнымъ для участія и покровительства въ дѣлахъ состраданія, къ страждущимъ для благотвореній, большею частію тайныхъ;—Которая въ труднѣйшихъ приключеніяхъ не только не изнемогала духомъ, но и одушевлялась неожиданною силою къ труднѣйшимъ подвигамъ, какъ то, во времена болѣзней Своего Супруга, преодолѣвая и Свою немощь, и Свою печаль, такъ сказать, поселялась и жила при одрѣ Болящаго; — такая душа не была ли достойна всего возможнаго на земли счастія? И не столько ли же Она была окружена средствами счастія, сколько была онаго достойна? Ахъ! если Августѣйшій Супругъ, преодолѣвая всѣ трудности, перенесся съ Нею на край Государства, чтобы доставить Ей или здравіе, или хотя облегченіе и услажденіе въ тяжкой болѣзни;—если Августѣйшая Матерь, преодолѣвая всѣ трудности, отторгая Себя отъ другаго, также материняго попеченія, далеко текла Ей на встрѣчу, чтобы пролить отраду любви въ Ея многострадальное сердце; и оставленное возлюбленною душею тѣло другой разъ далеко преслѣдуетъ, безплодными уже, но еще вожделѣнными для Материей любви лобзаніями: — то чего не готовы были сдѣлать Александръ и Марія, чтобы Елизавета была счастлива долго, непрерывно, совершенно? При всемъ томъ судьба вела Ее путемъ жизни не къ великому, подобно Ея добродѣтелямъ, счастію, но къ величественному несчастію.

Можетъ быть, природа, можетъ быть, воспитаніе, наконецъ, можетъ быть, безчадіе, особенно несоотвѣтствующее желаніямъ на престолѣ, посѣяло въ сердцѣ Ея тайное, болѣзнетворное сѣмя уныніи [1]). Бѣдственнымъ потопомъ Столицы напоено сіе сѣмя; и необычайно возбужденная сердечная скорбь состраданія прозябла и развилась въ тѣлесную болѣзнь сердца.

Въ сердцѣ Супруга обрѣлось дѣйствительнѣйшее врачевство для Ея сердца: но жизнь, которая любовію питала и поддерживала угасающую жизнь Ея, внезапно сама угасла; и оставила ее въ странѣ пришельствія, какъ угасающій въ тучахъ вечеръ оставляетъ истощившаго силы странника въ мрачной пустынѣ.

Благословенно могущество вѣры! Только Ея небесный огнь могъ воспрепятствовать смертному хладу вскорѣ объять сердце, которое болѣзнь стремительно приближала ко гробу, а любовь совсѣмъ полагала во гробъ Александра.

Благость Брата и Преемника Его подвиглась, чтобы беречь и утѣшать Его вдовицу, и для сего, если можно, возвратить Ее въ нѣдра семейства. Изъ отдаленнаго града пресельничества Своего предприняла Она возвратное странствованіе. На семъ пути, какъ путеводительная звѣзда, по захожденіи солнца, какъ новая искра жизни блеснула Ей надежда утѣшенія отъ сердца Матери Александра. Странствующая поспѣшаетъ къ сему вожделѣнному свѣту, напрягаетъ останки силъ; простираетъ объятія; Августѣйшая Матерь взаимно ихъ простираетъ. Достигай сихъ животворныхъ объятій; почій, хотя мало, въ нихъ, утомленная тѣлесными и душевными страданіями Елисавета!—Увы! упадаютъ праздныя объятія; Елисавета почіетъ не тѣмъ покоемъ, котораго ждала въ объятіяхъ Матери, но тѣмъ, который ожидаетъ седмерицею въ скорбяхъ очищенную душу Ея въ лонѣ Отца чистыхъ сердцемъ. Не окончивъ странствованія, Она прешла въ отечество, изъ котораго уже не странствуютъ: *отъиде и ктому не будетъ*.

Отче небесный, колико непостижимый въ судьбахъ Твоихъ, толико же безконечный во благости Твоей! не прекаемъ непреложной волѣ Твоей, совершившейся надъ Вѣнчанною рабою Твоею, Благочестивѣйшею Императрицею Елисаветою, на

[1]) Въ отд. изд.: Желаніе имѣть дѣтей, то совсѣмъ неудовлетворяемое, то болѣе раздражаемое, нежели удовлетворяемое рожденіемъ краткожизненныхъ, давно, кажется, посѣяло въ сердцѣ Ея болѣзнетворное сѣмя уныніи.

земли: но молимъ, со дерзновеніемъ упованія молимъ, соверши надъ Нею благую и вѣчноблаженную волю Твою на небеси. Увѣнчанную здѣсь сугубымъ вѣнцемъ, Царскимъ—отъ камени честна, и Христіанскимъ—отъ тернія, вѣнцемъ величія и вѣнцемъ терпѣнія, увѣнчай и тамъ усугубленною славою, да безмолвная въ земномъ страданіи отверзетъ наконецъ уста Свои въ небесномъ веселіи, чтобы благодарственно исповѣдать предъ Тобою блаженную тайну сего страданія: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу Мою* (Псал. XCIII. 19).

Еще же не одна Царственная душа страждущая, цѣлый Домъ Царевъ, цѣлое Царство Россійское взываетъ къ Тебѣ, Царю Царей: *ослаби ми, да почію!* Еще не почило сердце наше отъ прежней печали, какъ постигла насъ, новая. Вся земля наша отъ края до края, отъ Столицы до Столицы, прочерчена погребальными путями Царскими. Довлѣетъ Господи! да почіетъ гнѣвъ Твой [2]); да почіетъ сердце наше предъ Тобою. Довольно торжествовала смерть и печаль; пусти торжества жизни и радости мужественному преемнику Александра, и Августѣйшему Дому Его, и Россіи. Аминь.

CXVIII.

63. Слово

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи.

(Говорено въ Каѳедральной церкви Чудова монастыря, іюня въ 25 день; напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 годовъ).

Правда возвышаетъ языкъ: умаляютъ же племена грѣхи (Притч. XIV. 34).

Священная обязанность собрала насъ нынѣ во святый храмъ, дабы Виновнику всѣхъ благъ Богу торжественно принести бла-

---

[2]) Въ отд. изд. и въ собр. 1835 г.: гнѣвъ Твой на насъ.

годареніе и молитву: благодареніе за даръ, низпосланный отечеству нашему въ рожденіи Государя, праведно нынѣ царствующаго надъ нами; молитву о продолженіи сего благодѣянія Божія, то есть, о благополучномъ продолженіи настоящаго царствованія. Сынамъ отечества, которые не младенчествуютъ умомъ, не трудно уразумѣть, справедливо ли называю даромъ Божіимъ рожденіе Государя, законно и праведно царствующаго, и благодѣяніемъ Божіимъ въ особенности такое царствованіе, коего первый день содѣлался днемъ спасенія царственнаго благоустройства, отъ разрушительнаго вихря злобы, который внезапно изторгся было изъ пропастей безумія. Поелику даръ для всѣхъ и каждаго: то да будетъ и благодареніе за оный отъ всѣхъ и каждаго. Чѣмъ спасительнѣе благодѣяніе, тѣмъ пламеннѣе да будетъ молитва о продолженіи онаго.

Но какъ и добрая по своему видимому предмету молитва не всегда равно бываетъ благопріятна Богу, Который *даетъ* просящимъ *по сердцу* ихъ (Псал. XIX. 5), и *воздаетъ каждому по дѣламъ его* (Рим. II. 6): то надлежитъ знать, что тогда только можетъ имѣть вѣрный доступъ къ престолу Благодати молитва о царѣ и царствѣ земномъ, когда ей предшествуетъ или сопутствуетъ дѣятельная любовь къ Царю и Царствію небесному.

Давидъ, передая царство сыну своему Соломону, сказалъ между прочимъ: *да утвердитъ Господь слово Свое, еже рече о мнѣ, глаголя: аще сохранятъ сынове твои пути своя, еже ходити предо Мною во истинѣ всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, не искоренится тебѣ мужъ съ престола Израилева* (3 Цар. II. 4). Вотъ судьба Царя и царскаго племени, которыя въ Словѣ Божіемъ представляются образцемъ царей и племенъ царскихъ!

Соломонъ въ свою чреду написалъ: *правда возвышаетъ языкъ, умаляютъ же племена грѣси.* Вотъ общая судьба царствъ и народовъ!

Въ увѣреніи, что Благочестивѣйшій Государь хранитъ и сохранитъ завѣщаваемое Словомъ Божіимъ Ему для насъ, помыслимъ и попечемся о томъ, что заповѣдуетъ намъ тоже Слово Божіе для Него и для насъ вмѣстѣ.

Кто не совсѣмъ омраченъ грубымъ невѣдѣніемъ о Богѣ: того не нужно доказательствами руководствовать къ сей очевидной истинѣ, что Богъ есть верховный Царь царей и царствъ. Будучи Богъ всеблагій, всеправедный, премудрый, всемогущій,

безъ сомнѣнія, Онъ есть и Царь Всеблагій, Всеправедный, Премудрый, Всемогущій. Какъ Царь Всеблагій и Всеправедный, не можетъ Онъ попустить, чтобы въ Его Царствіи правда была унижена предъ грѣхомъ, чтобы добродѣтель была несчастнѣе порока и беззаконія; какъ Царь Премудрый, не можетъ Онъ имѣть недостатка въ средствахъ, для удовлетворенія Своему правосудію и благости; какъ Царь Всемогущій, не можетъ быть остановленъ никакими препятствіями въ дѣлахъ Своего царствія. И какъ царь земный поступилъ бы противно справедливости, порядку и благосостоянію царства, если бы, награждая вѣрность и заслуги въ нѣкоторыхъ лицахъ, не оказалъ особеннаго благоволенія цѣлой области, отличившейся вѣрностію; или, если бы, наказывая преступниковъ за частныя преступленія, не употребилъ средствъ укротить цѣлую область, возмутившуюся противъ законовъ царства: такъ не льзя подумать и о Царѣ Небесномъ, чтобы Онъ, воздая каждому человѣку по дѣламъ его, не воздавалъ цѣлымъ царствамъ и народамъ, по дѣламъ правды или грѣха, по господствующему въ нихъ благочестію или злочестію, по добродѣтелямъ или порокамъ, ознаменовывающимъ свойство того или другаго народа, состояніе того или другаго царства. Даже удобнѣе представить человѣка безъ воздаянія по дѣламъ его въ настоящей жизни, поелику для него есть другая жизнь, въ которой воздаяніе сіе совершится, нежели представить царство и народъ, безъ воздаянія по правдѣ или грѣхамъ царства и народа: ибо какъ для земныхъ царствъ и народовъ нѣтъ другаго царственнаго и народнаго бытія, кромѣ земнаго; то не иначе, какъ въ семъ ихъ бытіи, должно совершиться надъ ними все дѣло правды Божіей. Такимъ образомъ по свойствамъ Божіимъ, дѣйствующимъ въ Божественномъ правленіи міра, и по кореннымъ законамъ царствія Божія, необходимо то, чтобы добро или зло въ нравственной жизни царства и народа вело за собою добро или зло въ бытіи Государственномъ, чтобы *правда*, или добродѣтель, *возвышала языкъ*, то есть, доставляла благоденствіе народу; чтобы *умаляли*, то есть, въ низкое и бѣдственное состояніе приводили, *племена грѣси*.

Что такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ, сіе можно видѣть въ дѣйствительномъ бытіи царствъ и народовъ, особенно тѣхъ, и въ тѣ времена, въ которыхъ, и въ которыя, правда или грѣхи, достигаютъ высокой степени силы и дѣйствія.

Народъ Египетскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ въ древности,

что могло умалить или унизить предъ малочисленнымъ и порабощеннымъ племенемъ Еврейскимъ, если не грѣхи вопіющаго на небо угнѣтенія невинныхъ и ожесточенія противъ Бога?

Семь народовъ Хананейскихъ, отличавшихся исполинскою породою, свѣдущихъ въ войнѣ, обитавшихъ на землѣ обильной и защищаемой природою, что могло умалить и низложить предъ изнуреннымъ трудностями и бѣдствіями четыредесятилѣтняго странствованія народомъ Еврейскимъ, если не грѣхи, надъ которыми еще за нѣсколько столѣтій видѣлъ Авраамъ вознесенную руку Божію, готовую низвести карательный ударъ, но удерживаемую долготерпѣніемъ до предопредѣленной минуты правосудія; *не бо*, какъ сказано ему въ то время, *исполнишася грѣси Аммореовъ до нынѣ* (Быт. XV. 16).

Малый, и многими многократно покаряемый, народъ Іудейскій, что сдѣлало сильнымъ при Давидѣ, счастливымъ при Соломонѣ, непобѣдимымъ для побѣдоносныхъ Ассиріянъ при Езекіи,—что, какъ не благочестіе и правда Царей, которые и въ народѣ примѣромъ и властію правду возращали, а грѣхи искореняли? Напротивъ того сей же избранный Богомъ народъ, сіе священное царство, чѣмъ раздѣлено, ослаблено, умалено, унижено, разрушено, и почти безъ остатка свержено съ священной земли въ языческій плѣнъ,—чѣмъ, если не многими грѣхами, въ подражаніе язычникамъ содѣваемыми? Сіе такъ вѣрно, что Пророкъ Іеремія, предвѣщая Іерусалиму и Израилю наказаніе за грѣхи, не представляетъ сего нѣкимъ особеннымъ дѣйствіемъ карающаго Бога, но какъ бы естественнымъ только дѣйствіемъ самыхъ грѣховъ; не говоритъ: накажетъ тебя Богъ; но говоритъ: грѣхи тебя накажутъ. *Накажетъ тя отступленіе твое, и злоба твоя обличитъ тя* (Іер. II. 19).

Нужно ли умножать примѣры? Спросимъ вообще: какъ изъ малыхъ племенъ возникаютъ и возрастаютъ народы, не подавляются сильнѣйшими сосѣдами, но и сильнѣйшихъ по временамъ преодолѣваютъ, или себѣ подчиняютъ? Какъ напротивъ того великіе народы, которыхъ естественная сила увеличивается искусствами, ей служащими, не всегда возвышаются, но въ свою чреду падаютъ и разсыпаются?—И не посвященная въ таинства судебъ Божіихъ исторія на сіе отвѣтствуетъ, что благочестіе, хотя иногда недовольно просвѣщенное, но искреннее, правота и доброта нравовъ возвышаютъ и облекаютъ побѣдоносною силою духъ народа; что напротивъ того уменьшеніе въ

народѣ благочестія, повреждение нравовъ, преобладание пороковъ, разрушаютъ единодушіе, ослабляютъ вѣрность и мужество, похищаютъ у законовъ силу, и, почитаемыя средствами общественнаго благоустройства, образованность и просвѣщение обращаютъ въ орудія дерзости, безпорядка и разрушенія.

И такъ, Россіяне! ожидая блага Россіи отъ Царя—справедливо, и прося отъ Бога—благочестно, помыслимъ и о томъ,—безпристрастно, -какимъ образомъ достиженіе сего блага и отъ насъ самихъ зависѣть можетъ.

Если молящіеся за Царя и царство, и наипаче предшествующіе прочимъ въ молитвѣ служители олтаря, болѣе устами, нежели сердцемъ и Богоугоднымъ житіемъ приближаются къ Богу: въ такомъ случаѣ царство земное не тѣсно соединяется съ Царствіемъ небеснымъ, слѣдственно тлѣнному и несовершенному земному не довольно сообщается совершенства и твердости небеснаго.

Если невнимательность и холодность къ вѣрѣ уменьшаетъ благоговѣніе къ священной клятвѣ, и такимъ образомъ ослабляетъ союзъ вѣрности, соединяющій подданныхъ съ Царемъ и царствомъ: а хитрость, еще къ большему ослабленію сего союза, не страшится употреблять клятву, чтобы связать ею въ общемъ составѣ Государства особенные узлы своевольныхъ соумышленій и беззаконныхъ скопищъ: великая утрата общественной силы, которая состоитъ въ соединеніи!

Если склонность къ роскоши, праздности, забавамъ, растроиваетъ порядокъ въ семействахъ, истощаетъ богатства ихъ, дѣлаетъ то, что дѣти, забытые родителями во время воспитанія, взаимно забываютъ ихъ послѣ воспитанія: не простретсяли сіе разстройство и на семейство семействъ? Гдѣ будетъ богатство Государства, которое изъ богатствъ подданныхъ слагается? Гдѣ будутъ сыны отечества, когда дѣтей семействъ не будетъ?

Если различныя состоянія общества, отъ неправильнаго движенія страстей, подобно вывихнутію членовъ тѣла, выходятъ изъ свойственныхъ имъ мѣстъ и предѣловъ, не столько занимаются своими обязанностями, сколько чужими, втѣсняются въ дѣла, совсѣмъ до нихъ не принадлежащія, на примѣръ, воинъ хочетъ законодательствовать; не призванный Церковію поставляетъ себя учителемъ вѣры; поселянинъ прилагаетъ ухо къ молвѣ о вольности, которой не понимаетъ, и которою не умѣетъ пользоваться; гражданинъ мечтаетъ о благородствѣ имени, не

принадлежащемъ его званію, не поставляя въ справедливую цѣну благородства духа, въ пріобрѣтеніи котораго никто ему не препятствуетъ: что можетъ отъ сего послѣдовать, какъ не то, что и весь составъ тѣла Государственнаго производить будетъ нестройныя и не здравыя движенія?

Если въ служеніи Царю и царству явно поставляютъ цѣлію личную честь и выгоду: къ чему такое стремленіе приведетъ удобнѣе, къ пожертвованію ли собою отечеству, или, напротивъ, къ пожертвованію себѣ отечествомъ?

Имѣяй уши слышати, да слышитъ. У кого внутренній слухъ сердца не загражденъ духовнымъ нечувствіемъ; тотъ да слышитъ, что при сихъ размышленіяхъ говоритъ ему внутренній свидѣтель и судія правды и грѣха, — совѣсть: и если она обличаетъ въ недостаткѣ подвиговъ для *правды, возвышающей языкъ*, или въ недостаткѣ осторожности противъ *грѣховъ, умаляющихъ племена*; то присоединимъ къ молитвѣ покаяніе, къ покаянію подвиги исправленія, да пріимемъ или благое воздаяніе отъ правды Божіей, или помилованіе отъ милосердія Божія.

Благословенъ Богъ, Который до нынѣ *правдою возвышалъ языкъ* нашъ! Сила благодати Его да умалитъ въ насъ *умаляющіе племена грѣхи*! Аминь

CXIX.

64. Бесѣда

объ очищеніи сердца [1]).

Блаженни чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ. Матѳ. V. 8.

Если видѣть царя земнаго, и особенно видѣть не по случаю, а по данному доступу, почитается счастіемъ: то какое блаженство узрѣть небеснаго Царя царствующихъ и Господа господ-

[1]) По Евреин. сборн.: Слово въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія, говоренное въ Лаврѣ его Іюля 5 дня 1826 года.

ствующихъ, Котораго и не можно увидѣть по случаю, но единственно по Его благоволенію и благодати! Что можетъ видѣть видящій царя?—Славу, могущество, мудрость, благость, все сіе, можетъ быть, въ высокой степени, однако все ограниченное Какія могутъ быть послѣдствія сего видѣнія?—Удивленіе, любовь, надежда, безопасность, и, можетъ быть, нѣкоторое причастіе славы, однако не царской. Но что узритъ тотъ, кто сподобится узрѣть Бога?—Благость и самое благо, всесовершенное и единственное, премудрость, и, самый предметъ мудрости, истину высочайшую и всеобъемлющую, могущество неограниченное и силу всѣхъ силъ, славу и красоту, которой никакое слово изобразить, никакое воображеніе представить не можетъ. И какой плодъ сего созерцанія? — Не только восторгъ удивленія, восхищеніе [2]) любви, исполненіе всѣхъ надеждъ, безопасность, неприкосновенная никакому злу которое не можетъ произникнуть въ благодатное присутствіе Божіе, но дѣйствительное причастіе всей полноты созерцаемаго: ибо, по увѣренію Апостола, *откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающіе въ той же образъ преобразуются отъ славы въ славу* (2. Кор. III. 18). [3]).

Желаетъ ли кто зрѣть Бога, и блаженствовать въ семъ созерцаніи? Пусть вступитъ на путь, къ сему ведущій; сей путь указанъ Іисусомъ Хрістомъ, Который Самъ есть *путь*, и вѣрнѣйшій [4]) путеуказатель; сей путь есть чистота или очищеніе сердца. *Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ.*

Что такое нечистота сердца, сіе больше или меньше всякому понятно, по опыту, къ несчастію, не рѣдко слишкомъ очевидному. *Отъ сердца*, говоритъ Сердцевѣдецъ, *исходятъ помыш-*

[2]) По Евреин. сборн : изступленіе.....

[3]) По Евреин. сборн. послѣ сего находится слѣдующее обращеніе къ Преп. Сергію: Имѣемъ, если угодно, и ближайшій примѣръ какъ возможности узрѣть Бога, такъ и соединеннаго съ симъ созерцаніемъ блаженства. Видѣлъ Блаженный Сергій, даже чувственно, нѣкоторыя видѣнія небесныя, слышалъ гласы небесные, и Самую Божественную Матерь Господа видѣлъ и слышалъ, изъ чего можно заключить, что и самую славу Господню откровеннымъ лицемъ взиралъ онъ въ духѣ, еще сквозь покровъ смертнаго своего тѣлеси, кольми паче узрѣлъ оную, совлекшись сего покрова. И блаженъ узрѣвшій, ибо дѣйствительно причастился Божественнаго созерцаемаго, такъ какъ и явилъ причастіе Божіей премудрости въ Богомудрыхъ наставленіяхъ и предсказаніяхъ; причастіе Божіей благости и могущества—въ благотворныхъ чудодѣйствіяхъ; причастіе Божіей славы—въ славномъ нетлѣніи святыхъ мощей своихъ.

[4]) По Евреин. сборн.: и слѣдственно вѣрнѣйшій.....

ленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы. Сія суть сквернящая человѣка (Матѳ. XV. 19. 20). Когда злыя помышленія, исходя отъ сердца, видимо сквернятъ человѣка словами хулы на Бога, или клеветы на ближняго, дѣлами татьбы, любодѣянія, прелюбодѣянія, убійства: тогда въ скверныхъ дѣлахъ или словахъ кто не узнаетъ нечистаго сердца? Отсюда само собою видно и то, что человѣкъ, приступающій къ очищенію своего сердца, долженъ отречься отъ дѣлъ, сквернящихъ человѣка, то есть, дѣлъ порочныхъ и беззаконныхъ. Безъ сего нѣтъ надежды не только лицезрѣнія Божія. но ниже какого либо малѣйшаго участія въ царствіи Божіемъ. *Или не вѣсте*, говоритъ Апостолъ, *яко неправедницы царствія Божія не наслѣдятъ? Не льстите себе* (1 Кор. VI. 9). Не прельщайте себя никакою надеждою, которая не согласна съ сею непреложною истиною.

Но вотъ чего нѣкоторые, или не примѣчаютъ, или не хотятъ примѣчать: какъ не чисто иногда бываетъ сердце и такого человѣка, который не оскверняетъ себя дѣлами порока или беззаконія. Повторимъ изреченіе Сердцевѣдца: *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы. Сія суть сквернящая человѣка.* Примѣчайте, какъ Онъ въ одномъ изображеніи, не только видимую нечистоту обличаетъ, но и невидимую обнажаетъ. Когда злыя помышленія исходятъ отъ сердца въ дѣла: тогда оныя сквернятъ всего человѣка, и внутренняго и наружнаго, и сердце и внѣшніе члены, и душу и тѣло. Но когда злыя помышленія, хотя отъ сердца не исходятъ, однако въ сердцѣ гнѣздятся: что тогда? — Очевидно, что тогда оныя сквернятъ сердце, внутренняго человѣка, душу. Сія внутренняя нечистота человѣка можетъ быть непримѣтною, и какъ-бы ничѣмъ, для другаго человѣка, который смотритъ на его лице и дѣла: но для Бога, Который зритъ на сердце, оная, не меньше наружной нечистоты дѣлъ, и явна, и омерзительна. Посему Господь и называетъ злыя помышленія тѣми же отвратительными именами, какими означаемъ мы злыя дѣла: *помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы.* Не убилъ ты человѣка, но въ сердцѣ пожелалъ ему погибели: слыши; сіе злое помышленіе Господь называетъ уже убійствомъ. Не отверзлись уста твои, чтобы произнести хулу на Бога, но сердце твое подвиглось дерзкими и ропотными по-

мышленіями о судьбахъ Его: берегись; вѣроятно [5]), Сердцевѣдецъ уже слышалъ отъ тебя хулу. Отсюда можно усмотрѣть, что дѣйствительное очищеніе сердца, которое бы содѣлало человѣка способнымъ узрѣть Бога, должно совершиться отреченіемъ не только отъ всѣхъ дѣлъ беззаконныхъ и порочныхъ, но и отъ всякаго помышленія злаго, въ которомъ злое дѣло, какъ плодъ въ зародышѣ или сѣмени, скрывается.

Какъ строго!—скажутъ тѣ, которые совсѣмъ не хотятъ приняться за трудъ очищенія внутренняго. — Какъ трудно!—скажутъ и тѣ, которые сей трудъ нѣсколько испытали.

Строго, или не строго, требованіе отреченія отъ всѣхъ злыхъ помышленій: не мы сіе требованіе изобрѣли, не мы поставили оное условіемъ тому, чтобы узрѣть Бога, и насладиться Божественнымъ блаженствомъ; но Тотъ. Который сказалъ: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.* Не желаешь подвергнуться строгости: не обвиняй никого, кромѣ себя, если не обрящешь благодати. Но въ самомъ ли дѣлѣ строго требованіе чистоты сердечной? Строгъ ли тотъ, кто отъ имѣющаго не ясное, или совсѣмъ потерявшаго зрѣніе, потребовалъ бы болѣзненнаго очищенія органа зрѣнія отъ грубой плевы его покрывающей, или влаги, его потемняющей, и за сіе обѣщалъ бы чистое и совершенное зрѣніе? Злыя помышленія, отъ которыхъ человѣкъ не отрекся, и слѣдственно къ которымъ страстно привязанъ, какъ бѣльма, или темная вода, помрачаютъ око душевное, такъ, что не видитъ оно свѣта даже близкой къ нему естественной истины; напримѣръ, омраченный помысломъ гнѣва не видитъ свѣта правды, и не различаетъ вины отъ невинности; объятый страстію плотоугодія не видитъ свѣта цѣломудрія, Божескому и человѣческому взору пріятнаго, и не примѣчаетъ, какъ самъ свое здравіе разрушаетъ. Удивительно ли, что для такихъ душъ не доступенъ сверхъ-естественный свѣтъ Божества? И строгость ли то, или милосердіе, что ихъ еще не хотятъ оставить избранной ими тьмѣ, но хотятъ, чрезъ внутреннее очищеніе, не только возвратить ихъ къ естественному духовному свѣту мудрости и добродѣтели, но и возвести къ Божественному свѣту вѣчной истины и вѣчнаго блаженства?

Что касается до труда, съ которымъ соединено внутреннее очищеніе: не спорю въ томъ, что оно трудно; и даже если бы

[5]) По Евреин. сборн.: знай, что...

кто назвалъ оное невозможнымъ, и въ томъ спорить не буду. Но трудность разрѣшается, невозможность исчезаетъ, какъ скоро приложимъ вѣру къ слову, все изъ ничего сотворившаго Слова: *не возможная у человѣкъ возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27); *вся возможна вѣрующему* (Мар. IX. 23). При помощи благодати Божіей не трудно возненавидѣть злые помыслы, которые для непотерявшаго совѣсть по самому естеству ненавистны и отвратительны; отъ возненавидѣнныхъ не трудно отречься; по рѣшительномъ отреченіи отъ нихъ не трудно изгонять ихъ изъ сердца силою помысловъ благихъ, молитвы, страха Божія, и наипаче всякое зло разрушающимъ именемъ Господа Іисуса; если же и будутъ возвращаться, или случайно встрѣчаться съ нами противъ воли нашей, то или не въ силахъ будутъ осквернить сердца, ихъ отвергающаго, или, бросивъ на него кратковременную тѣнь, изгладятся смиренною мыслію и скорбію покаянія.

Не облѣнимся, братія, и не устрашимся труда: станемъ твердо въ подвигѣ, *да очистимъ себя отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. VII. 1). Наипаче же благодатію Самъ *сердце чисто созижди въ насъ, Боже*; и, какъ бы ни былъ великъ или продолжителенъ трудъ очищенія сердечнаго, только наконецъ чрезъ сіе очищеніе сподоби насъ блаженнаго зрѣнія славы Твоея во царствіи Твоемъ. Аминь.

CXX.

65. Рѣчь

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ для священнаго коронованія и муропомазанія.

(Говорена августа 22 дня, напечатана отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 годовъ).

Благочестивѣйшій Государь!

Наконецъ ожиданіе Россіи совершается. Уже Ты предъ вратами Святилища, въ которомъ отъ вѣковъ хранится для Тебя Твое наслѣдственное освященіе.

Нетерпѣливость вѣрноподданническихъ желаній дерзнула бы вопрошать: почто Ты умедлилъ? еслибы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе Твое намъ радость, такъ и предшествовавшее умедленіе Твое было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ Ты явить намъ Твою славу, потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты грядешь наконецъ, яко Царь, не только наслѣдованнаго Тобою, но и Тобою сохраненнаго царства.

Не возмущаютъ ли при семъ духа Твоего прискорбныя напоминанія?—Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава и Семея (3 Цар. II. 5—8): не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевелы; а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву: что жъ, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона?—Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ народу, что̀ даровалъ ему Богъ въ Соломонѣ.

Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господѣ. Сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ.* Да *начнетъ все множество хвалити Бога: Благословенъ грядый Царь во имя Господне!* Всеобщая радость, воспламеняя сердца, да устроитъ изъ нихъ одно кадило предъ Богомъ, чтобы совознести ѳиміамъ Твоего сердца, да снидетъ благодатное осѣненіе Царя царствующихъ на Тебя и Твое царство.

Вниди, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ! Знаменіями Величества облеки свойства истиннаго Величества. *Помазаніе отъ Святаго* да запечатлѣетъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долгоденственнымъ и вѣчнымъ.

CXXI.

66. Рѣчь

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, при срѣтеніи Его Величества въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ.

(Говорена сентября 25 дня, напечатана отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 годовъ)

Боговѣнчанный Государь и Помазанникъ Божій!

Съ сихъ священныхъ высотъ, которыя предъ очами Твоими, пять нескудныхъ достопамятностями вѣковъ привѣтствуютъ [1]) сію минуту, которая умножаетъ достопамятности сего мѣста.

Здѣсь, гдѣ Димитрій Донскій искалъ совѣта къ побѣдѣ, Петръ Великій — безопасности, многіе Твои Предки и предшественники — подкрѣпленія и ободренія духа, для великихъ подвиговъ великаго званія,—здѣсь являешься и Ты, чтобы положить Царственные совѣты души Твоей предъ Олтаремъ Трiипостаснаго Бога, при гробѣ избраннаго раба Божія. Новый, къ прежнимъ, подвигъ царскаго благочестія! Новая посему надежда небесныхъ благословеній на Царя и царство.

Если бы кто въ особенности спросилъ, что значитъ сіе путешествіе къ пустынному Олтарю; вскорѣ послѣ Царственныхъ молитвъ и Царственнаго освященія Твоего въ Твоемъ Первопрестольномъ Градѣ: въ изъясненіе сего можно указать еще древнѣйшій примѣръ, какъ новый, но уже помазанный и *укрѣпившійся на царствѣ своемъ*, Царь народа Божія, отъ *Кивота Господня*, бывшаго въ престольномъ градѣ Іерусалимѣ, восходилъ съ молитвою въ Гаваонъ, *къ Скиніи свидѣнія Божія, юже сотвори Моисей рабъ Божій въ пустыни*; тамъ особенно приближился къ Богу, просилъ отъ Него Царской мудрости, и, за сіе превосходное прошеніе, преизбыточно наг-

[1]) Въ отд. изд. и въ собр. 1835 г.: смотрятъ на...

*

раженъ и мудростію, и богатствомъ, и славою (2 Пар. I. 1—12).

Таковыми воспоминаніями вразумленные [2]) о духѣ настоящаго событія, мы вновь спѣшимъ, Благочестивѣйшій Государь, и здѣсь въ пустынѣ, подобно какъ прежде въ Столицѣ, къ Твоей Царской молитвѣ присоединиться общими моленіями: да *дастъ Ти Господь по сердцу Твоему, и весь совѣтъ Твой исполнитъ*, да пребудетъ *Вѣнецъ* Твой присносіяющъ мудростію, *Держава* Твоя непобѣдимо сильна правдою и благостію, *Скипетръ Твой* благодвиженъ посредствомъ закона и порядка; да содѣлается Царство Твое образцемъ царствъ благоуправляемыхъ, да сохранится Августѣйшее Семейство Твое, какъ образецъ семействъ благословенныхъ!

CXXII.

67. Слово

въ день Преподобнаго Никона, Игумена Радонежскаго [1]).

Еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе, тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ, не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна. (2 Кор. IV. 17. 18).

Легко переносить печаль, преуспѣвать въ добродѣтели, надѣяться вѣчной славы,—чего болѣе можно пожелать человѣку въ жизни, въ которой печаль неизбѣжна, добродѣтель трудна, благополучіе ненадежно? И такими преимуществами настоящей жизни обладаніе, не обинуясь, приписываетъ себѣ Апостолъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе, тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ.*

Будемъ же внимательны къ средству, которымъ пріобрѣта-

---

[2]) Въ отд. изд.: вразумляемые. ..

[1]) По Евреин. сборн.: Слово въ день Архистратига Михаила, говоренное въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, ноября 8 дня, 1826 года.

ются такія преимущества жизни. Какъ *легка печаль*, даже Вамъ, которые, по собственному признанію, *во всемъ скорбяще, нечаеми, гонимы, низлагаеми, присно живіи въ смерть предаетеся* (2 Кор. IV. 8. 11.)? Какъ сія печаль *преумножаетъ* Ваше *преспѣяніе*, какъ *содѣлываетъ* Вамъ *тяготу вѣчныя славы?* — Отвѣтствуютъ: *не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ*. Дѣло состоитъ въ томъ, что мы не смотримъ на видимое, а смотримъ на невидимое.

Итакъ, не смотрѣть на видимое, а смотрѣть на невидимое,— въ семъ заключается сильное [2]) средство противъ печали, для добродѣтели, для блаженства.

Если, для опредѣленія врачебнаго средства, съ пользою обращаются къ началу болѣзни: то не безполезно замѣтить здѣсь, что первое и всеобщее начало всеобщей болѣзни человѣчества, начало всякаго несовершенства и несчастія, или иначе, начало всякаго грѣха и наказанія человѣковъ, есть неправильная мысль ума, и безпорядочная рѣшимость воли, не смотрѣть болѣе на невидимое, а смотрѣть только на видимое. Что иное называютъ *паденіемъ* человѣка, который и въ состояніи паденія остается на своихъ ногахъ, не какъ змій, осужденный ходить на чревѣ, — что, говорю, иное называютъ паденіемъ человѣка, если не то, что его умъ, воля, дѣятельность отвратились, уклонились, низпали отъ Бога къ твари, отъ небеснаго къ земному, отъ невидимаго къ видимому? Внимайте, какъ описываетъ сіе книга Бытія: *видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти* (III. 6). Вмѣсто того, чтобы прилѣжнѣе взирать къ невидимому Богу, Который заповѣдалъ не вкушать отъ сего древа, взирать въ невидимое небо, гдѣ уготовано вѣчное воздаяніе за исполненіе заповѣди Божіей, взирать на невиданную еще, но уже указанную смерть, которая неминуемо должна была послѣдовать за нарушеніемъ заповѣди, — вмѣсто всего невидимаго, жена смотритъ только на видимую красоту запрещеннаго плода, и засматривается, и вкушаетъ, и привлекаетъ мужа къ такому же вкушенію. И такимъ образомъ отъ страстнаго вниманія къ видимому, раждаются грѣхъ, нагота, изгнаніе, проклятіе, труды, печали, болѣзни, смерть, истлѣніе.

Повторимъ сказанное: для опредѣленія врачебнаго средства, съ пользою обращаются къ началу болѣзни; загражденіемъ ис-

---

[2]) По Еврейн. сборн.: великое...

точника зла пресѣкается распространеніе зла, и потоки его изсушаются [3]). Итакъ, если начало душевныхъ болѣзней въ человѣкахъ, и первый источникъ всякаго зла найденъ въ томъ, что человѣкъ пересталъ смотрѣть на невидимое, а началъ смотрѣть только на видимое; то не трудно заключить, сколь естественно искать врачебнаго противу зла и спасительнаго средства въ томъ, чтобы перестать смотрѣть на видимое, и рѣшиться смотрѣть преимущественно на невидимое.

Что было въ источникѣ, то и въ потокахъ протекаетъ. Забвеніе невидимаго и пристрастіе къ видимому, было началомъ зла въ человѣкѣ: то же начало дѣйствовало и дѣйствуетъ въ распространеніи зла между человѣками. Нѣкоторые изъ нихъ упорно не захотѣли взирать къ невидимому Богу,—и родилось нечестіе; другіе, по пристрастію къ видимому, и Бога видимаго имѣть захотѣли: отсюда произошло идолопоклонство и суевѣріе. Презрѣли невидимую часть существа своего, душу, а стали смотрѣть только на видимую часть своего состава, тѣло;— и вмѣсто человѣческой жизни, управляемой разумомъ и закономъ добра, открылась въ человѣкахъ жизнь скотская, чувственными похотями водимая, и звѣрская, необузданною яростію порываемая. Страстный и жадный взоръ на видимое, въ неудержанномъ [4]) направленіи, становится нѣкою злотворною силою, которая изъ всѣхъ видимыхъ предметовъ по ихъ различію, различный извлекаетъ ядъ, тѣмъ болѣе страшный, что въ комъ онъ образуется, того и отравляетъ. Такъ смотрятъ на видимую красоту тѣлесную, и впадаютъ въ неистовство сладострастія;—на злато и другія видимыя блага, и заражаются любостяжаніемъ;—на видимыя блага въ рукахъ другихъ, и отравляютъ собственное сердце завистію;—на видимыя преимущества собственныя, и сами себя ослѣпляютъ гордостію. Такъ, по выраженію Пророка Іереміи (IX. 21), *восходитъ смерть сквозь окна ваша*; то есть, чрезъ чувства, которыми вы сообщаетесь съ видимымъ міромъ, слишкомъ отверстыя по неосторожности, а еще болѣе по пристрастію къ видимому, входитъ грѣховная смерть въ душу. Что же намъ дѣлать? — Безъ сомнѣнія, тщательнѣе затворять окна, которыми входитъ смерть,

---

[3]) По Еврейн. сборн.: поелику заграждать источникъ зла есть пресѣкать распространеніе зла, и потоки его изсушать.

[4]) По Еврейн. сборн. въ неудержанномъ и постоянномъ...

то есть, удерживать чувства, которыми прелесть и соблазнъ входятъ въ душу; или, по выраженію Апостола, *не смотрѣть на видимое, но на невидимое.* Не останавливай взора на видимой красотѣ,—и сохранишься отъ прелести сладострастія Не смотри на блескъ богатства, твое ли оно, или чужое, — и не поработишься любостяжанію, и не уязвишься завистію. Не смотри на твои видимыя преимущества, но старайся познавать совершенства, которыхъ требуетъ невидимое существо твое,—и не унизишь себя гордостію, но вознесетъ тебя смиреніе Не сѣй въ плоть сѣмена истлѣнія, — и пожнешь отъ духа животъ вѣчный. Минуя все видимое, взирай непрестанно къ невидимому Богу,—и обрящешь благодать предъ очами Его, и насытишься явленіемъ славы Его.

Какъ можно, скажутъ, не смотрѣть на видимое, которое не только безъ воли, но даже противъ воли нашей, находится у насъ въ глазахъ; и напротивъ смотрѣть на невидимое, которое скрывается отъ взоровъ нашихъ?

На сіе, дабы кто подлинно не смутился мнимою невозможностію, отвѣтствуемъ, во-первыхъ, что какъ можно не смотрѣть на видимое, сіе показываетъ самый обыкновенный опытъ, когда, напримѣръ, человѣкъ, углубленный въ размышленіе, не примѣчаетъ, что происходитъ вокругъ его; или когда объятому печалію, самое близкое и пріятное дотолѣ, становится не мило и чуждо. Подобно сему человѣкъ, занимающійся благоговѣйнымъ размышленіемъ о высокихъ тайнахъ невидимаго, или благочестивою печалію по Богѣ, углубляясь въ сіи внутреннія состоянія отрѣшается отъ всего внѣшняго такъ, что и пріятнымъ не сильно привлекается, и непріятнымъ не глубоко поражается, и видитъ, но не смотритъ, и смотритъ, но не пригвождаетъ взора къ видимому. Посему и Апостольское слово, средствомъ преспѣянія во благѣ и пособіемъ къ достиженію блаженства, представляетъ не просто презрѣніе видимаго, но въ соотвѣтствіи съ усиленнымъ [5]) вниманіемъ къ невидимому: *не смотряющимъ намъ видимыхъ но невидимыхъ.*

Во-вторыхъ, дабы удостовѣриться, что и на невидимое смотрѣть можно, какъ-бы на видимое, довольно вспомнить, что хотя въ высочайшемъ степени невидимое существо есть Богъ, по изреченію Апостола, *во свѣтѣ живый неприступномъ, Его-*

[5]) По Евреин.: сборн.: съ напряженнымъ..

же никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ (1 Тим. VI. 16); однако и Его, по свидѣтельству того же Апостола, *невидимаго яко видя, терпяше* (Евр. XI. 27) Боговидѣцъ Моисей. Да и для всѣхъ человѣковъ *невидимая Его, отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. I. 20). Такъ самое видимое, когда не на него единственно смотримъ, но стараемся проникать далѣе, становится зрительнымъ стекломъ для созерцанія невидимаго.

Впрочемъ отъ Апостола можно заимствовать особенный [6]) способъ, какъ отставать отъ видимаго, и прилѣпляться къ невидимому. Сей способъ состоитъ въ размышленіи, что *видимая временна, невидимая же вѣчна.*

Видимая временна. Что же смотрѣть на видимое? Какая польза строить на пескѣ, писать на водѣ, гнаться за вѣтромъ, или бѣгущею тѣнію? Для чего корыстолюбивый, честолюбивый, завистливый, несытыми глазами хотятъ поглотить весь міръ? Прежде нежели они могутъ насытиться, исчезнетъ міръ и прежде нежели міръ исчезнетъ, исчезнутъ они отъ міра.

Видимая временна. Что жъ, если сей непремѣнный законъ видимаго, уже и оказываетъ свое дѣйствіе на томъ, что насъ окружаетъ; если время похищаетъ у насъ пріятное и любезное, и оставляетъ чувство лишенія, или даже страданія?—Тотъ же законъ времени, который теперь на насъ нападаетъ съ оружіемъ скорби, вскорѣ обратится, чтобы насъ избавить отъ нея. Если безразсудно привязывать себя слишкомъ крѣпкими узами любви къ видимому, которое вскорѣ можетъ быть похищено временемъ; то не болѣе благоразумно и то, чтобы самому на себѣ отягчать бремя печали о видимомъ, которое уже временемъ похищено.

Невидимая же вѣчна. Предъ вѣчностію, какъ одна минута, такъ и все продолженіе времени, равно неприметны. Что же значитъ минута лишенія, за которою слѣдуетъ вѣчность обладанія благомъ, минута страданія, которая приготовляетъ къ вѣчности наслажденія, минута подвига для добродѣтели, которую ожидаетъ вѣчность воздаянія и славы?

Невидимая вѣчна. И—ахъ! въ обширныхъ областяхъ невидимаго есть не только вѣчное обладаніе благомъ, но и вѣчное лишеніе блага, не только вѣчное наслажденіе, но и вѣчное стра-

---

[6]) По Еврейн. сборн.: нѣкоторый особенный. ..

даніе, не только вѣчное воздаяніе и слава, но и вѣчная укоризна и стыдѣніе, не только вѣчный свѣтъ и вѣчная жизнь, но и вѣчный огнь и вѣчная смерть. Въ краткой настоящей жизни мы проходимъ видимое, временное, какъ-бы нѣкое преддверіе невидимаго, вѣчнаго. Тѣлесная смерть отверзаетъ дверь, и если мы благовременно научились, вѣрнымъ и неуклоннымъ окомъ смотрѣть на сокровенный путь невидимаго, и рѣшительно направили стопы свои къ вѣчному, вводитъ насъ въ вышнія обители свѣта и жизни; а ослѣпленныхъ и отягченныхъ пристрастіемъ къ видимому, низвергаетъ въ мрачную бездну, въ ужасное преддверіе смерти вторыя. Научимся, пришельцы видимаго міра,—доколѣ не поздно, научимся, какъ должно намъ проходить краткій путь временной жизни безопасно и благонадежно, что на немъ оставить безъ вниманія, дабы предостеречься отъ развлеченія, и куда обратить внимательные, осторожные взоры. Намъ должно стремиться къ вѣчной славѣ, *не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна.*

Если когда, въ исключеніе изъ сего правила, позволительно и должно со вниманіемъ [7]) смотрѣть на видимое, то наипаче въ тѣхъ случаяхъ, когда видимое, какъ образъ, какъ таинственное орудіе и пріятелище невидимаго, святаго, Божественнаго, самимъ Богомъ, или Богомудрыми учредителями, поставлено въ предметъ благочестиваго вниманія для человѣковъ. Таковы суть видимые образы, вещества, знаменія, обряды Церковныхъ Таинствъ и Богослуженія. Но и въ семъ случаѣ, сколь ни достойно благоговѣнія видимое, — не на немъ одномъ останавливаться должно. Сквозь святые образы и знаменія видимыя, благоговѣйный, только не любопытный, взоръ вѣры долженъ быть устремляемъ къ невидимой силѣ и существенному дѣйствію благодати Божіей. Страшно подумать, что и Симонъ волхвъ видимо крещенъ былъ по чину Христіанскому: [8]) подумаемъ же, какъ нужно и тамъ, гдѣ святыня, исходя изъ невидимаго, наполняетъ и объемлетъ видимое, — какъ нужно и тамъ восходить отъ видимаго къ невидимому, чтобы не оскорбить и невидимой и видимой святыни.

Святая Церковь многообразно подвизается приближать

---

[7]) По Еврепн. сборн.: со вниманіемъ и уваженіемъ...

[8]) По Еврепн. сборн. далѣе слѣдуетъ: и предатель видимо пріобщился трапезы Господней...

насъ отъ видимаго къ невидимому. Такъ, при тайнодѣйствіи, она не только невидимыхъ Ангеловъ присутствующими и сослужащими представляетъ, но и намъ самимъ повелѣваетъ таинственно изображать въ себѣ Херувимовъ. Такъ, она призываетъ насъ торжественно творить память Святыхъ, прешедшихъ изъ видимаго въ невидимое. И Провидѣніе Божіе частію привлекаетъ насъ къ общенію съ Ними чрезъ ихъ видимые чудодѣйственные останки, частію же и сіи скрываетъ отъ нашего видѣнія, чтобы вѣра училась, и безъ помощи видимаго, восходить къ невидимому. Да внимаемъ сему руководству, и да *смотряемъ невидимыхъ*. Если, по слову Господню, Ангелы въ вѣрѣ воспитываемыхъ младенцевъ выну видятъ лице Отца небеснаго, и если нѣтъ причины отнять сихъ невидимыхъ охранителей и у вышедшихъ изъ младенчества, продолжающихъ ходить въ вѣрѣ; если Святые Божіи человѣки, вступя въ невидимыя обители свѣта, еще удостоиваютъ озираться въ сей сумракъ видимаго, и благотворными знаменіями даютъ намъ призывныя мановенія: то со Святыми Ангелами хранителями, и со Святыми Божіими человѣками, и—въ особенности мы здѣсь съ Богоносными Отцами нашими Сергіемъ и Никономъ, да соединяемся, поколику можемъ, въ единый чистый взоръ къ невидимому Отцу Ихъ, и нашему, и въ единое молитвенное желаніе, да утвердитъ Онъ насъ, чтобы постоянно и неуклонно взирать къ Нему духомъ, *не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ;* и въ семъ расположеніи духа, и печали сего временнаго житія благодушно переносить, и въ добродѣтели съ успѣхомъ подвизаться, и вѣчныя славы достигнуть, благодатію Отца славы, съ Единороднымъ Его Сыномъ и Единосущнымъ Его Духомъ препрославленнаго во вѣки. Аминь [9]).

---

[9]) По Евремн. сборн.: Церковь и всегда соединяетъ насъ въ таинствахъ съ блаженными силами и повелѣваетъ намъ таинственно изображать ихъ въ себѣ самихъ: но нынѣ особенно поставляетъ насъ съ ними въ торжественное общеніе, предъ Господомъ силъ. Такъ да *смотряемъ невидимыхъ*. Если, по слову Господню, Ангелы въ вѣрѣ воспитываемыхъ младенцевъ выну видятъ лице Отца небеснаго, и если нѣтъ причины отнять сихъ невидимыхъ хранителей и

CXXIII.

68. Слово

въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено въ Маріинской церкви Императорскаго Вдовьяго дома, предъ торжественнымъ обѣтомъ сердобольныхъ вдовъ, декабря 6 дня, напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.).

Кто мя устроитъ по мѣсяцамъ преждних дней, въ нихже мя Богъ храняше (Іов. XXIX. 2)?—воскликнулъ нѣкогда Іовъ. Безъ сомнѣнія, при семъ помышлялъ онъ о дѣтяхъ умершихъ, и о домашнемъ благосостояніи разрушенномъ. Но есть еще предметъ его печали, который особенно [1]) достоинъ вниманія, и даже удивленія. Онъ тоскуетъ о возможности благотворить, которую имѣлъ, и которой лишился. *Спасохъ бо*, говоритъ, *убогаго отъ руки сильнаго, и сироть, емуже не бѣ помощника, помогохъ.—Уста же вдовича благословиша мя.—Око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ: азъ быхъ отецъ немощнымъ* (12 13. 15).

Не тоскуй, благодѣтельная душа! Богъ, верховный благодѣтель, и покровитель всякаго благотворенія, не даетъ въ нареканіе Своей добродѣтели [2]) въ лицѣ твоемъ, Онъ устроитъ тебя по мѣсяцамъ преждних дней, въ которые Онъ хранилъ тебя. И подлинно, говоритъ наконецъ книга житія его, *даде*

у тѣхъ, которые, вышедъ изъ младенчества, продолжаютъ ходить въ вѣрѣ; то смотрите духомъ, сколь великій Ангельскій соборъ нынѣ съ нами. Они выну видятъ лице Отца нашего небеснаго, слѣдственно и теперь къ Нему взираютъ. Соединимся съ ними колико можемъ, во единъ чистый взоръ къ Невидимому Отцу ихъ и нашему, и въ единое молитвенное желаніе, да даруетъ Онъ и намъ всегда взирать къ Нему духомъ, *несмотряющимъ видимыхъ, но невидимыхъ*, и въ семъ расположеніи духа, и печали сего временнаго житія благодушно переносить, и въ добродѣтели съ успѣхомъ подвизаться, и вѣчныя славы достигнуть благодатію препрославленнаго во вѣки. Аминь.

[1]) По Евреин. сборн.: болѣе...

[2]) По Евреин. сборн.: Своего собственнаго свойства...

Господь сугубая, елика бяху прежде Іову во усугубленіе,— Господь благослови послѣдняя Іовля, неже прежняя (XLII. 10. 12).

И у Тебя, Матерь благословенныхъ Сыновъ по естеству, а по благотворенію Матерь немощныхъ и сирыхъ, [3]) свѣтодательница слѣпыхъ, благословляемая вдовицами,—и у Тебя, за годъ предъ симъ, не было ли такихъ минутъ, въ которыя все чувство бытія и жизни заключалось въ одномъ воздыханіи о утратѣ, неизреченно великой? [4]). *Кто мя устроитъ по мѣсяцамъ преждних дней, въ нихже мя Богъ храняше?*

Но Великій Отецъ сирыхъ и Судія вдовицъ, внялъ молитвамъ [5]) благословляющихъ Тебя сиротъ и вдовицъ, также какъ и молитвамъ осиротѣвшаго-было народа и царства, и [6]) устроилъ Тебя точно по мѣсяцамъ прежнихъ дней, въ которые Онъ хранилъ Тебя. Се и нынѣ, въ томъ же мѣсяцѣ, въ которомъ прежде священнымъ торжествомъ одного изъ разнообразныхъ Твоихъ благотвореній ознаменовывали мы день Твоего Богомъ благословеннаго Сына,—и нынѣ, день Твоего другаго Богомъ избраннаго Сына, тѣмъ же торжествомъ благословляется.

Вотъ опытное наставленіе для всякаго, кому нужно наставленіе, въ сей истинѣ, что благотворительность къ человѣкамъ вѣрно наслѣдуетъ могущественное и дѣйствительное благословеніе Божіе, часто дивными и нечаянными судьбами.

Изъ Евангелія очень извѣстно великое благословеніе, которое благодѣтельнымъ людямъ уготовано на концѣ вѣковъ, и въ самой вѣчности. *Пріидите*, глаголетъ Господь нашъ, какъ Царь и Судія міра, *пріидите благословеннїи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV. 34). Но кто сіи благословенные Отца небеснаго?—Продолженіе суда Хрістова показываетъ, что то суть питающіе алчущихъ, напоящіе жаждущихъ, принимающіе странныхъ, одѣвающіе нагихъ, посѣщающіе больныхъ и находящихся въ темницѣ, короче, люди благодѣтельные къ бѣдствующимъ ближнимъ. И въ другомъ случаѣ Господь заповѣдуетъ: *егда твориши пиръ, зови нищія, маломощныя, хромыя, слѣпыя: и*

---

[3]) По Евреин. сборн.: помощница сиротъ...

[4]) По Евреин. сборн : повидимому, совсѣмъ невозвратной?

[5]) По Евреин. сборн.: молитвенному воплю...

[6]) По Евреин. сборн.: воплю сиротствовавшаго народа и вдовствовавшей Имперіи...»

блаженъ будеши, яко не имутъ ти что воздати: воздастжется въ воскрешеніе праведныхъ (Лук. XIV. 13. 14).

Если бы мысль о несоразмѣрности между подвигомъ и воздаяніемъ, между временнымъ благотвореніемъ человѣку и вѣчнымъ благословеніемъ отъ Бога, между служеніемъ земнымъ [7]) и наслѣдіемъ царствія небеснаго,—если бы сія, или подобная мысль, возстала въ комъ, чтобы поколебать вѣру въ обѣщанное воздаяніе: премудрость Божія уже противопоставила сему сомнѣнію сильнѣйшую мысль дабы и въ семъ, какъ она дѣлаетъ и во всякомъ другомъ случаѣ, низложить всякое возношеніе суетныхъ помышленій человѣческихъ, взимающееся на разумъ Божій. Щедрый Мздовоздаятель объявилъ, что благотвореніе, какое бы то ни было, кому бы то ни было сдѣлано, пріемлетъ Онъ за благодѣяніе Самому Ему сдѣланное: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40). Посему Онъ не только, какъ судія, оправдаетъ тѣхъ, которые дѣломъ исполняютъ законъ любви къ ближнему; не только, какъ Царь, царски наградитъ тѣхъ, которые помогаютъ сынамъ царствія на пути къ царствію; но и какъ должникъ, вѣрно [8]) удовлетворитъ тѣхъ, которые, *милуя нищаго, взаимъ даютъ Богу* (Притч. XIX. 17).

И такъ, повторяю, изъ Евангелія очень извѣстно великое послѣднее и вѣчное благословеніе Божіе человѣкамъ, благотворителямъ ближнихъ. Но къ прискорбію, многіе человѣки, живя, такъ сказать, безъисходно въ низкой области чувствъ и настоящаго видимаго міра, будучи мало [9]) знакомы съ духовнымъ, съ невидимымъ, съ будущимъ, едва примѣчаютъ грядущее царствіе Христово, какъ будто въ туманной дали; Судія, Который, какъ возвѣщаетъ Апостолъ,—*се предъ дверми стоитъ* (Іак. V. 9.), по ихъ мнѣнію, еще за горами. Отъ того, какъ ни страшенъ судъ, какъ ни велико воздаяніе, многіе ни страхомъ, ни надеждою,—уже не говорю чистою, возвышенною любовію,—не возбуждаются, чтобы дешевою цѣною благотворенія человѣкамъ пріобрѣтать безцѣнное царствіе Божіе; или, если дѣлаютъ въ семъ нѣкоторые опыты, не имѣютъ ни довольно постоянства въ ожиданіи плода отъ сего подвига, ни довольно ревности про-

---

[7]) По Евреин. сборн.: земнымъ и рабскимъ...

[8]) По Евреин. сборн.: вѣрно и сполна...

[9]) По Евреин. сборн.: почти не...

тивъ искушеній, въ ономъ встрѣчающихся. Кто знаетъ, говорятъ они, подлинно ли братіямъ Христовымъ достанутся наши благотворенія? Гдѣ то благословеніе, съ которымъ, не какъ вновь благословляемые, но какъ уже *благословенные*, съ готовымъ, придти должны на судъ Христовъ человѣки благодѣтельные, — гдѣ оно, когда расточаемыя нами благотворенія, не какъ плодовитое сѣмя на добрую землю падаютъ, но какъ прахъ по вѣтру, разсыпаются, и мы не видимъ, чтобы къ намъ что нибудь благое возвратилось?

Для сего-то и указалъ я, и еще укажу на опытное наставленіе въ сей истинѣ, что благотворительность вѣрно наслѣдуетъ могущественное и дѣйствительное благословеніе Божіе.

Дадимъ небольшое состязаніе тѣмъ, которые искушаются сомнѣніемъ о благонадежности своихъ благотвореній.

Подлинно ли, говорятъ они, братіямъ Христовымъ достанутся наши благотворенія? — Дабы на сіе отвѣтствовать, нужно разсмотрѣть другой вопросъ: кого разумѣлъ Спаситель нашъ, въ притчѣ о судѣ, подъ именемъ *братій Своихъ меньшихъ?* Если Онъ, какъ пріобщившійся плоти и крови человѣчества вообще, какъ пострадавшій Единъ за всѣхъ по человѣколюбію, по тому же человѣколюбію, вообще всѣхъ человѣковъ, по Апостолу, *не стыдится братію нарицати* (Евр. II. 11.), и въ особенности всѣхъ страждущихъ пріемлетъ почти за едино съ Собою: то первый вопросъ разрѣшается просто; по сему разумѣнію, какому бы страждущему ни достались наши благотворенія, онѣ достаются всегда меньшему брату Господа Іисуса. Но если кто скажетъ, что сомнительно признать за меньшихъ братій неповинно страдавшаго Іисуса такихъ людей изъ числа страждущихъ, которые страждутъ по грѣхамъ, и при самыхъ страданіяхъ во грѣхахъ остаются; если и согласимся, что братіями Христовыми, по точной силѣ слова сего, должны быть названы только тѣ, которые, по вѣрѣ во Христа, *отъ Бога родишася* (Іоан. I. 13.); если далѣе изъ сего заключимъ, что тѣ только благотворятъ Христу, которые благотворятъ людямъ благочестивымъ бѣдствующимъ: должно ли и въ семъ случаѣ затруднять, или обезнадеживать дѣло благотворенія заботою, кому достанутся благотворенія? Что же вы сдѣлаете съ сею заботою? Перестанете ли благотворить?—Вы сами себя рѣшительно лишите благословенія, обѣщаннаго благотворящимъ, и нарушите великую заповѣдь любви къ ближнему, которую не льзя нарушать не-

наказанно. Захотите ли благотворить только достойнымъ, и обходить недостойныхъ?—Но не въ семъ ли самомъ и состоитъ узелъ, которому разрѣшенія ищемъ,—не въ семъ ли онъ состоитъ, что вы не знаете довольно вѣрныхъ признаковъ, для различенія достойныхъ отъ недостойныхъ? И кто далъ вамъ право прежде суда Христова осудить кого либо, какъ недостойнаго называться чадомъ Божіимъ, и меньшимъ братомъ Христовымъ? Если кого нибудь и справедливо почитаешь ты недостойнымъ сего дня: почему знаешь, чѣмъ онъ будетъ завтра? Ты сказалъ бы, на примѣръ, о заключенномъ въ темницу разбойникѣ: онъ недостоинъ моего посѣщенія, потому что не есть меньшій братъ Христовъ: но что, если Господь скажетъ и ему предъ смертію, какъ нѣкогда сказалъ уже разбойнику: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII. 43)? Ты потерялъ случай сдѣлать добро меньшему брату Христову! Положимъ даже, что ты отказалъ въ благотвореніи человѣку подлинно недостойному: знаешъ ли, что ты сдѣлалъ? Гоняясь дерзновеннымъ сужденіемъ за именемъ достойнаго и меньшаго брата Христова, ты самъ себя лишилъ достоинства сына Вышняго: поелику обѣтованіе *будете сынове Вышняго*, дано намъ подъ условіемъ *быть милосердыми, якоже Отецъ нашъ милосердъ есть*; а Онъ—*благъ есть на безблагодатныя и злыя* (Лук. VI. 35. 36) Что же на конецъ остается намъ дѣлать?—Очевидно, не иное что, какъ благотворить, по возможности, всѣмъ бѣдствующимъ: достойнымъ и святымъ, потому, что они чада Божіи суть, и, по строгому разумѣнію, меньшіе братія Христовы; грѣшнымъ и недостойнымъ, потому, что и сами мы грѣшны, и слѣдственно недостойны благъ, которыми съ избыткомъ обладаемъ; и потому, что Всевышній Отецъ нашъ *благъ есть на безблагодатныя и злыя*. Какъ златодѣлатели работаютъ надъ пудами золотистаго песка, довольствуясь надеждою достать золотникъ чистаго золота: подобно сему и намъ должно благодѣтельно трудиться надъ толпами нищихъ и бѣдствующихъ; и для ободренія насъ въ семъ подвигѣ довольно той надежды, что во множествѣ хотя одно когда либо совершится чистое дѣло благотворенія, достойное сокровищницы Верховнаго Благотворителя, которое побудитъ благость Его и насъ призвать отъ земнаго труда къ небесному покою, словомъ благословенія: *пріидите благословенніи*.

Но, скажетъ еще иной, если призовутся къ царствію тѣ,

которые въ дѣлахъ благотворенія уже суть дѣйствительно *благословенные*: то для чего, подвизаясь въ благотвореніи, не вижу я хотя начатковъ сего благословенія?—Что могу я на сіе отвѣтствовать? Помысли, ревнитель воздаянія, можетъ быть, болѣе, нежели подвига, не въ тебѣ ли самомъ должно искать отвѣта на твой вопросъ, не на тебя ли обратить твое истязаніе? Что, если ты посѣялъ гнилое сѣмя? Кого въ томъ винить, что не всходитъ? Если ты не отъ искренняго сердца творилъ благодѣянія: кого винить, что не прозябаетъ благословеніе? Что, если ты вчера посадилъ яблонныя зерна, и сего дня хочешь рвать яблоки? Обязана ли природа превратить свой порядокъ, чтобы угодить твоей нетерпѣливости? Если ты вчера роздалъ нѣсколько лептъ нищимъ, и сего дня хочешь собирать плоды твоей благотворительности: не значитъ ли сіе, что ты хочешь твоею короткою пядію мѣрить пути Провидѣнія Божія, и великія судьбы Божіи подчинить твоимъ мелкимъ желаніямъ?

Будь искрененъ, когда благотворишь, и великодушенъ, когда не видишь воздаянія: рано или поздно, судьбы Господни явятся, и благословеніе возсіяетъ надъ тобою.

Соломонъ написалъ: *посли хлѣбъ твой на лице воды: яко во множествѣ дней обрящеши его* (Еккл. XI. 1.). Что такое говоритъ творецъ притчей? Какъ можно, чтобы хлѣбъ, брошенный на воду, въ продолженіе многихъ дней, не уплылъ, не размокъ, не былъ поглощенъ рыбою, или склеванъ птицею? Симъ видомъ невозможности творецъ притчей изображаетъ дивное могущество Провидѣнія Божія, которое никакъ не попускаетъ погибнуть дѣлу благотворенія. Благотворя несчастнымъ, обыкновенно малознаемымъ, или совсѣмъ неизвѣстнымъ [10]), ты бросаешь хлѣбъ свой въ воду: время течетъ; доброе дѣло твое скрывается; можетъ быть, и враги стараются затьмить оное и облагодѣтельствованные забываютъ: но придетъ минута судебъ; хлѣбъ твой найдется, и напитаетъ тебя благословеніемъ и радостію.

Не въ воду ли бросалъ хлѣбъ свой Авраамъ, когда сидѣлъ подъ деревомъ, ожидая какихъ нибудь странниковъ, и, увидя ихъ, бѣжалъ имъ на встрѣчу, чтобы призвать и угостить ихъ? И что наконецъ обрѣлъ онъ во множествѣ дней старости?—Посѣщеніе Господа, и обѣтованіе благословеннаго потомства.

---

[10]) По Евреин. сборн.: незнаемымъ...

И Корнилій Сотникъ, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ (X. 2), *творяй милостыни многи людемъ*, не въ воду ли бросалъ хлѣбъ свой, когда милостыни его доставались, то язычникамъ, то не познавшимъ Христа Іудеямъ? И что же обрѣлъ?—Явленіе Ангела, посѣщеніе Апостола, познаніе Христа, даръ Святаго Духа.

Заключимъ словомъ Апостола: *благотворенія и общенія не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Богъ* (Евр. XIII. 16).

Особенно вамъ, которыя и самихъ себя, или посвятили уже, или нынѣ вновь посвящаете, въ жертву благотворнаго служенія болящимъ,—чѣмъ большаго подвига и постоянства требуютъ таковыя жертвы сердоболія, тѣмъ съ большимъ удостовѣреніемъ сказуемъ вамъ, что *таковыми жертвами благоугождается Богъ*! Аминь.

CXXIV.

69. Слово

на Рождество Христово [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 г.).

Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, Иже во образѣ Божіи сый не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся яко же человѣкъ (Фил. II. 5—7)

Если, по слову Соломонову, *время всякой вещи подъ небесемъ* (Еккл. III. 1.): то не нынѣ ли время любомудрствовать со Апостоломъ о дивномъ самоумаленіи великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, когда видимъ Его умалившаго Себя даже

[1]) По Евреин. сборн.: говорено въ Чудовѣ монастырѣ.

до младенческой мѣры возраста, уничижившаго Себя даже до яслей [2])?

Люди, пристрастные къ великости земной, не рѣдко соблазнялись умаленіемъ Іисуса Христа [3]). Но когда уже опытомъ столь многихъ вѣковъ дознано и то, что *Богъ Его превознесе* (Филип. II 9. 10), что *предъ именемъ Его* дѣйствительно *преклонилось всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ*; ибо, со дней воскресенія и вознесенія Его, тысячи свидѣтелей видѣли, какъ небесныя силы раболѣпно исполняли Его повелѣнія, какъ напротивъ адскія силы Его именемъ низвергаемы были [4]) въ бездну; земнородныхъ же милліоны въ поклоненіи Его имени находятъ свое блаженство: послѣ сего, и предъ людьми для того и собравшимися, чтобы преклониться предъ именемъ Іисуса, мы можемъ освободить себя отъ труда защищать и оправдывать Его умаленіе; и ничто не препятствуетъ [5]) намъ взирать на Его умаленіе съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и на Его величіе.

О, какъ умалилъ Себя Сынъ Божій въ Своемъ воплощеніи! Умаленіе сіе тѣмъ поразительнѣе должно быть для насъ, что является въ нѣкоторомъ противоположномъ соотвѣтствіи съ первоначальнымъ возвеличеніемъ самаго человѣка. Ибо слово Божіе не безъ намѣренія употребляетъ для изображенія сихъ противоположностей одно и тоже выраженіе: *образъ и подобіе. Сотворимъ человѣка*, рекъ Богъ Творецъ, *по образу нашему и по подобію*. И Апостолъ о воплощеніи Сына Божія говоритъ: *зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся яко же человѣкъ*. Иному владыкѣ не много нужно умалять себя, чтобы показаться въ видѣ раба. Но когда Господь великій и вышній, который и рабамъ своимъ даруетъ образъ владычній, самъ является въ *образѣ* и *подобіи* раба, то есть, въ состояніи полнаго рабства, и глубокаго, какое рабству свойственно, уничиженія: тогда на столь чрезвычайное умаленіе великаго не можно смотрѣть безъ особеннаго чувства удивле-

---

[2]) По Евреин. сборн.: яслей скотскихъ?

[3]) Въ собр. 1844 г. и по Евреин. сборн.: Іисусъ Христовымъ.

[4]) По Евреин. сборн.: съ вѣрою произнесенное имя Его низлагало и низвергало...

[5]) По Евреин. сборн.: сіе не воспрепятствуетъ...

нія, простирающагося или до умиленія, или до ужаса [6]). И симъ-то образомъ умалилъ Себя Сынъ Божій въ Своемъ воплощеніи.

Но какъ еще болѣе уничижилъ Онъ Себя въ обстоятельствахъ Своего земнаго рожденія! Надлежало избрать народъ, въ которомъ бы Ему родиться: и Онъ избралъ для сего изъ всѣхъ народовъ земли малѣйшій, не имѣющій собственнаго правительства, многократно порабощенный и близкій къ новому порабощенію, нѣкогда благословенный, но уже едва не отверженный. Надлежало избрать городъ: и Онъ избралъ Виѳлеемъ, такъ малый, что и благопріятствующій ему Пророкъ не можетъ скрыть сего нареканія на него, и не находитъ инаго средства его возвеличить, какъ именемъ рождающагося въ немъ умаленнаго Іисуса. *И ты Виѳлееме, доме Ефраѳовъ, еда малъ еси, еже быти въ тысящахъ Іудиныхъ! Изъ тебе бо мнѣ изыдетъ старѣйшина, еже быти въ Князя во Израили, исходи же его изъ начала отъ дней вѣка* (Мих. V. 2). Надлежало избрать матерь; и, чтобы до времени сокрыть отъ невѣрующихъ тайну воплощенія, надлежало узами закона, но не плоти, присоединить къ ней и мнимаго отца: и вотъ избраны, хотя потомки Царскіе, чтобы совершились обѣтованія и пророчества, но уже одинъ древодѣль, а другая бѣдная, сиротствующая дѣва. И что еще? Если бы Господь родился въ маломъ, собственномъ, или наемномъ жилищѣ Іосифа; и Марія положила бы Его въ бѣдной колыбели: зракъ раба, Имъ воспріемлемый, можетъ быть, не всѣ имѣлъ бы черты, какія его составлять могутъ; ибо могло найтись рабское жилище меньше Іосифова, и колыбель бѣднѣе Маріиной. Что же изобрѣтаетъ [7]) безконечно Великій, ищущій безконечнаго умаленія? Августовымъ повелѣніемъ *написати всю вселенную* (Лук. II. 1.) приводитъ въ движеніе народонаселеніе земли Іудейской, дабы Іосифу не льзя

---

[6]) По Евреин. сборн.: Иному господину не много нужно умалять себя, чтобы показаться въ видѣ раба. Но когда такой господинъ, который, по богатству и щедрости, самыхъ рабовъ своихъ водитъ и содержитъ какъ господъ, является *въ образѣ и подобіи* раба, то есть, въ состояніи самаго полнаго рабства, и глубочайшаго, какое рабству свойственно, уничиженія: тогда, на столь чрезвычайное умаленіе великаго не можно смотрѣть безъ особеннаго чувства удивленія или состраданія.

[7]) По Евреин. сборн.: ухищряетъ, такъ сказать,.....

было [8]), ни остаться въ собственномъ жилищѣ въ Назаретѣ, ни найти наемное въ Виѳлеемѣ, когда наступало время родиться истинному Господу вселенныя; и такимъ образомъ умалившій Себя даже до младенчества, уничижаетъ Себя даже до яслей, вмѣсто колыбели. *Положи Его во яслехъ: зане не бѣ имъ мѣста во обители* (Лук. II. 7)

Если отъ умаляющаго Себя Бога простремъ взоры далѣе по пространству міра, въ которомъ, и для котораго Онъ умаляется: чудо умаленія представитъ намъ новые разительные виды. Здѣсь приходитъ мнѣ на мысль картина сошествія Слова Божія съ небесъ на землю Египетскую, начертанная писателемъ книги Премудрости. *Тихому молчанію содержащу вся, и нощи во своемъ теченіи преполовляющейся, всемогущее Слово Твое Господи съ небесъ отъ престоловъ Царскихъ жестокъ ратникъ въ средину погибельныя земли сниде* (Прем. Сол. XVIII. 14. 15). И въ сошествіе воплощеннаго Слова Божія на землю Израилеву, не также ли нощь въ своемъ теченіи преполовлялась, когда въ самыя минуты рожденія Его *пастыріе бѣху въ той же странѣ, бдяще и стрегуще стражу нощную о стадѣ своемъ* (Лук. II. 8.)? Не тихое ли молчаніе содержало вся на земли, когда одинъ только Ангельскій гласъ былъ услышанъ, и услышанъ не многими пастырями въ пустынѣ? Ужасная безвѣстность, въ которой карающее Слово Божіе сходило на погибельную землю Египетскую, чтобы *вся исполнить смерти* (Пр. Сол. XVIII. 16), чрезъ пораженіе первенцовъ Египетскихъ! Впрочемъ сія безвѣстность не только не умаляла, но еще возвеличивала славу Бога Мстителя, Который безъ видимыхъ средствъ, безъ ощутительныхъ дѣйствій, однимъ не слышимымъ *повелѣніемъ*, или, можно сказать, однимъ умолкновеніемъ жизнь всему изрекающаго Слова совершаетъ казнь нечестивыхъ. Иначе, но не менѣе ужасна та безвѣстность, въ которой спасительное Слово Божіе, раждаясь плотію, приходитъ посѣтить всю землю, погибельную потому, что земнородные *вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Римл. III. 23); — приходитъ, не яко жестокій ратникъ, угрожающій всему живущему смертію, но какъ новорожденный младенецъ, во всю область

[8]) По Евреин. сборн.: Сокровенными пружинами провидѣнія подвигнутъ духъ Августа; духомъ Августа подвигнута вся вселенная, то есть вся Римская Имперія, или по крайней мѣрѣ вся Іудея, дабы, во всеобщемъ движеніи народа по случаю народной переписи, нельзя было Іосифу...

смерти приносящій надежду возрожденія и жизни;—приходитъ,—но погибельная земля не срѣтаетъ, необъемлетъ, не прославляетъ, даже не видитъ своего Спасителя, и не слышитъ Слова Божія, безмолвствующаго въ ясляхъ. Почти тщетно *слава*, которую Іисусъ Христосъ *имѣлъ* у Бога Отца, *прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII, 5), въ устахъ Ангеловъ преслѣдуетъ Его сходящаго въ міръ, и достигаетъ въ слѣдъ за Нимъ—даже до земли: на погибельной землѣ почти нѣтъ не оглушенныхъ суетою ушей, способныхъ слышать оную. Почти тщетно мудрѣйшая и знаменитѣйшая изъ звѣздъ совершаетъ необычайный путь, дабы указать просіявающее сквозь глубокую ночь Солнце правды: способныхъ уразумѣть сіе указаніе, и готовыхъ послѣдовать оному едва найдется два или три человѣка, и то между сѣдящими во тьмѣ и въ смертной сѣни язычества и звѣздопоклоненія. А Іудея, гдѣ *вѣдомъ Богъ* (Псал. LXXV. 2)? — Она не вѣдаетъ, что *Богъ явися во плоти* (1. Тим. III 16). А Іерусалимъ, *градъ Божій* (Пс. LXXXVI. 3)? — Онъ не въ радости со Христомъ, пришедшимъ спасти [9]), но въ смятеніи съ Иродомъ, ищущимъ погубити [10]). А Первосвященники и Книжники, которымъ надлежало быть особенно близкими къ Богу и тайнамъ Его, чрезъ молитву и разумѣніе закона? Они прекрасно разрѣшаютъ ученый вопросъ: *гдѣ Христосъ раждается* (Мат. II. 4)? и такъ довольны, что не находятъ нужнымъ далѣе заботиться узнать, не раждается ли Онъ дѣйствительно. Такъ не только въ полунощи естественнаго времени, но въ столь же глубокой нощи невѣдѣнія и забвенія человѣковъ о Тебѣ и судьбахъ Твоихъ, *всемогущее Слово Твое, Господи, съ небесъ отъ престоловъ Царскихъ въ средину погибельныя земли сниде*, и не смотря на то, что никто почти Его не прославляетъ, никто не познаетъ и познавать не ищетъ, Оно не изрекаетъ повелѣнія карательнаго, но безмолвствуетъ въ спасительномъ для погибающихъ долготерпѣніи! Такъ не только умалилъ Себя во образѣ Божіи Сый и равный Богу, и Богъ Сый: но еще пріялъ новый видъ уменія отъ невѣжества и небреженія тѣхъ, изъ любви къ которымъ Онъ умалилъ Себя!

Подивимся, Христіане, произвольному для насъ умаленію Великаго Бога и Спаса нашего: но сего еще мало. Возблагоговѣемъ предъ симъ умаленіемъ Его: но и сего не довольно. *Сіе да мудрствуется въ васъ*, учитъ насъ Апостолъ, *еже и во Христѣ*

[9]) По Евреин. сборн.: Спасителемъ,.....
[10]) По Евреин. сборн.: губителемъ.

Іисусѣ. Имѣйте и вы такія же чувствованія, какія имѣлъ Іисусъ Христосъ; располагайте себя также, какъ Онъ расположенъ былъ. Что сіе значитъ? — Сіе изъясняетъ самъ Апостолъ, сказавъ предъ приведеннымъ изреченіемъ: *ничтоже по рвенію или тщеславію, но смиренномудріемъ другъ друга честію большаа себе творяще* (Филип. II. 3). Изъ сего видно, что учитъ онъ насъ по примѣру Іисуса Христа, не ставить высоко самихъ себя, и не превозноситься какими-либо преимуществами, но смиряться, и въ самихъ себѣ, и предъ другими.

Кто имѣетъ рабовъ: тотъ да воспомянетъ *пріявшаго зракъ раба*, и умаленныхъ жребіемъ да не умалитъ презрѣніемъ, и вознесенный надъ ними Богомъ, да не превознесетъ самъ себя гордостію.

Кто живетъ въ великолѣпномъ домѣ, почиваетъ на пухѣ, одѣвается шелкомъ: да воспомянетъ вертепъ и ясли, и съ сими сообразно грубыя пелены; и да не уничижитъ тѣхъ, которые живутъ въ хижинахъ, спятъ на соломѣ, одѣваются рубищемъ, и которые, можетъ быть, не по внѣшнему только, но и по внутреннему состоянію больше его Христу подобны. *Да хвалится*, учитъ Апостолъ Іаковъ, — *да хвалится богатый во смиреніи своемъ* (Іак. 1. 10).

И тотъ, кто, по выраженію Апостола, *почиваетъ на законѣ, и хвалится о Бозѣ, и разумѣетъ волю, и разсуждаетъ лучшая, научаемъ отъ закона* (Римл. II 17. 18.),—ахъ! и тотъ, —*хваляйся о Господѣ да хвалится* (1 Кор. I. 31.)! *Мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X. 12.)! Особенно же да не осудитъ невѣдущихъ, да не посмѣется падающимъ! Христосъ есть *свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан I. 9): можетъ быть, тотъ, котораго ты видишь сѣдящаго во тьмѣ и сѣни смертнѣй, вскорѣ свѣтлѣе тебя осіяется симъ свѣтомъ, или уже и осіявается внутренно, въ области духа. Можетъ быть, волхвы языческаго востока ревностнѣе тебя ищутъ, и предупредятъ тебя въ обрѣтеніи Христа; можетъ быть, *мытари и любодѣйцы варяютъ* тебя *въ Царствіи Божіи* (Мат. XXI. 31).

Кротость, простота, смиреніе, снисхожденіе къ низшимъ, уравнивающее себя съ послѣднимъ изъ нихъ, спокойствіе въ уничиженіи, терпѣніе, непобѣждаемое никакими оскорбленіями, — *сіе да мудрствуется въ васъ*, подобно какъ *и во Христѣ Іисусѣ*. Аминь.

1827 годъ.

CXXV.

70. Бесѣда

на сырной недѣлѣ противъ невоздержанія [1]).

Внемлите же себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той. (Лук. XXI. 34).

Приближающееся время Поста призываетъ насъ къ воздержанію: и святая Церковь сіи приготовительные къ оному дни расположила какъ степени, дабы по-малу отъемля тучность пищи, и увеличивая трудъ молитвенный, возвести насъ къ совершенству поста и къ протяженнымъ подвигамъ покаянія и молитвы. Но въ сіе преддверіе святаго Поста, которое мы проходимъ, безразсудный обычай какъ много вноситъ противнаго воздержанію и трезвости тѣлесной и духовной! Мнѣ кажется, сіе должно возбуждать въ насъ жалость и ревность, подобную ревности Дома Божія, по которой Господь нашъ бичемъ изъ вервій изгналъ изъ преддверія храма [2]) продающихъ и покупающихъ, превращающихъ его въ

[1]) По Евреин. сборн.: Слово въ день Алексія Митрополита, на сырной недѣлѣ въ Субботу, говоренное въ каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ, Февраля 12 дня 1827 года.

[2]) По Евреин. сборн.: И приближающееся время поста призываетъ насъ къ воздержанію: и сей, въ безмолвіи назидательный, Учитель и примѣръ какъ всякой другой добродѣтели, такъ и воздержанія, не для того созвалъ насъ на

домъ купли и вертепъ разбойниковъ. О, если бы Онъ помогъ и намъ малымъ бичемъ, сплетеннымъ изъ словесъ истины и цѣломудрія, если не совсѣмъ изгнать, то хотя нѣсколько укротить невоздержаніе, особенно неистовствующее при входѣ во святилище Поста, и кромѣ сего нерѣдко угнетающее тѣла, опустошающее души, истощающее стяжаніе, расхищающее добродѣтели, поглощающее способности!

Внемлите себѣ, глаголетъ Господь, *да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пianствомъ*. Не излишнимъ ли теперь покажется нѣкоторымъ сіе предостереженіе, и не обиднымъ ли предполагаемое опымъ подозрѣніе въ такихъ грубыхъ порокахъ?—Не желаемъ никого подозрѣвать, ни обижать, но напоминаемъ [3]) вамъ, люди, по собственному мнѣнію, довольно умѣренные и трезвые, что сказанное предостереженіе первоначально далъ Господь избраннымъ ученикамъ Своимъ. Наставленіе, которое Петру, Іакову, Іоанну, Андрею, не обидно было слышать, не можетъ быть для когонибудь изъ насъ ни оскорбительнымъ, ни излишнимъ.

То ли одно есть объяденіе, когда тѣло не вмѣщаетъ пищи? То ли одно піянство, когда умъ потопленъ въ винѣ, и отягченной головы не можетъ носить тѣло? Если, въ чемъ не трудно удостовѣриться, настоящее назначеніе пищи и питія есть поддержаніе и возобновленіе тѣлеснаго состава, который неприметнымъ образомъ непрестанно снѣдаетъ [4]) тлѣніе; а вкусъ пищѣ и пріятность питію даны, какъ средства для сей цѣли: то каждый кусокъ пищи, сверхъ утоленія глада, снѣдаемый для вкуса, есть доля объяденія: каждый глотокъ питія, послѣ угашенія жажды и послѣ ободренія силъ, употребляемый для пріятности, принадлежитъ къ чашѣ піянства.

праздникъ свой, чтобы ѣсть тукъ, пить вино, наполнять плоть, но чтобы некорчемственнымъ словомъ и трезвенною молитвою пиршествовать, и чрезъ то исполняться духомъ: и сіе преддверіе святаго поста, которое мы проходимъ, и въ которое безумный обычай вноситъ столь много противнаго воздержанію и трезвости тѣлесной и духовной, должно, мнѣ кажется, возбуждать въ насъ жалость и ревность, подобную ревности Дома Божія. О еслибы Тотъ, Который бичемъ отъ вервій изгналъ изъ преддверія храма.....

[3]) По Евреин. сборн.: Но нужно ли повторять сіе? скажутъ, вѣроятно, многіе изъ слышащихъ; предостереженіе сіе для иныхъ правда не излишне; а насъ можно бы не обижать подозрѣніемъ въ такихъ грубыхъ порокахъ.—И не хотимъ никого подозрѣвать, ни обижать: однакожъ напоминаемъ...

[4]) По Евреин. сборн.: гложетъ и сосетъ...

Что же суть наши столы, на которыхъ трудно перечесть различные роды пищи, трудно угадать ихъ составъ, трудно упомнить названія различныхъ родовъ питія? Не хитросплетенныя ли сѣти, которыя мы разставляемъ другъ другу, чтобы уловить въ объяденіе, хотя иногда тонкое, и въ піянство, хотя повидимому трезвое? И не примѣтишь, какъ перейдешь отъ яденія къ объяденію, какъ простое употребленіе питія превратится въ піянство. Надобно прилѣжно смотрѣть за собою. *Внемлите себѣ.*

Сколько различныхъ искусствъ, веществъ орудій употребляетъ разумный человѣкъ для того, чтобы наполнить малое и несмысленное чрево! Какъ унижается разумъ, когда истощается въ изобрѣтеніяхъ, чтобы дань, ежедневно требуемая чревомъ. какъ неумолимымъ владыкою, была ему приносима, какъ можно въ большемъ изяществѣ, и была имъ пріемлема, какъ можно, въ большемъ количествѣ! И какъ ругается надъ симъ раболѣпствующимъ разумомъ чрево, концемъ всѣхъ его заботъ о изяществѣ полагая нечистоту и смрадъ!

Воскликнись, несчастный поклонникъ чрева, и если ты не можешь вдругъ выше себя вознести твоихъ очей, стань прямо передъ зеркаломъ и посмотри, не написанъ ли на самомъ тебѣ законъ противъ раболѣпства чреву?—Не видишь ли, что выше чрева твоего есть грудь, въ которой живетъ сердце, желающее добра, чувствующее любовь; что надъ нею еще возвышается глава, въ которой царствуетъ умъ, созерцающій истину, разумъ мыслящій о вѣроятностяхъ; что подъ тою и другою, какъ бы подъ небомъ и землею адъ, низвержено темное чрево не умѣющее ни мыслить, ни желать? Много ли нужно проницанія, чтобы примѣтить, что оно не владычествовать должно надъ высшими областями, но быть въ служеніи, въ презрѣніи? Если, напротивъ, ты стараешься болѣе и болѣе угождать чреву въ томъ, чего оно слѣпо требуетъ, для него желаешь, для него вымышляешь: то берегись, чтобы оно не сдѣлалось у тебя сильнѣе и выше головы, и своею безобразною тяжестію не стало стѣснять и подавлять благороднѣйшихъ дѣйствій ума и сердца. *Внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ.*

Подъ именемъ *сердца* Господь разумѣетъ вообще *внутренность* человѣка, что̀ можно видѣть изъ Его собственнаго другаго изреченія, въ которомъ Онъ сіи слова соединяетъ, изъясняя одно другимъ: *извнутрь бо*, глаголетъ, *отъ сердца человѣка*

помышленія злая исходятъ. Итакъ подъ именемъ сердца, какъ внутренности вообще, въ изреченіи Господнемъ разумѣть должно духовныя силы человѣка съ ихъ дѣйствіями и совершенствами, въ особенности разумъ [5]), силу хотѣть, и способность познавать. Смотрите, на что наконецъ можетъ обрушиться подавляющая тяжесть пресыщеннаго чрева. *Внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша.*

Мы не примѣчаемъ,—скажутъ, можетъ быть, — чтобы люди менѣе другихъ воздержные въ пищѣ и питіи, менѣе потому пользовались способностію разума и силою воли. Не спорю, что нѣкоторые изъ нихъ [6]) даже лучше другихъ пользуются способностію разума, чтобы понимать и изобрѣтать тонкости удовольствій [7]) для чувствъ и воображенія, и сильнѣе другихъ влекутся къ онымъ желаніями. Духъ такихъ людей носится, какъ паръ надъ теплыми яствами, или немного выше. Но когда надобно вознести мысль и сердце горѣ, выше сихъ видимыхъ небесъ, которыя хотя и тонки, но суть тѣлесны, и потому еще ниже области, свойственной духу чистому; когда надобно устремить желаніе къ Богу: тогда оказывается, что пресыщеніемъ отягченное чрево, какъ гиря виситъ подъ крилами духа, и тянетъ его къ землѣ, такъ что, при всѣхъ усиліяхъ, онъ болѣе бьется о землю, нежели возлетаетъ къ небу. Животныя многопищныя и тучныя не могутъ бѣгать [8]) такъ скоро, какъ малопищный елень: подобно сему чревоугодникъ не можетъ быть такъ дѣятеленъ и благопоспѣшенъ въ подвигахъ, какъ воздержный.

Вы знаете, что человѣкъ палъ: но какъ? Не отягченное ли запрещеннымъ плодомъ чрево низринуло его изъ блаженнаго рая на несчастную землю? Отягчай оное болѣе, и оно низвлечетъ тебя съ земли въ глубину ада. Подлинно, что̀ ниспровергнуло Содому столь ужаснымъ образомъ?—*Гордость,* отвѣтствуетъ Пророкъ, *въ сытости хлѣба, и въ изобиліи вина; и сластолюбствоваша та, и дщери ея. сіе бяше ей, и дщеремъ ея* (Іез. XVI. 49).

---

[5]) По Евреин. сборн.: волю и разумъ...

[6]) По Евреин. сборн.: Да! Они нерѣдко. .

[7]) По Евреин. сборн.: наслажденій...

[8]) По Евреин. сборн.: Ненасытная свинья не можетъ бѣжать...

Подобнымъ, но еще болѣе ужаснымъ, бѣдствіемъ угрожаетъ Господь чревоугодникамъ [9]). *Найдетъ*, говоритъ, *на вы внезапу день той.* Какой день? — День, котораго только малый образъ, только предвѣщаніе показано было въ грозный день Содомы,—день который угрожаетъ не одному, или нѣсколькимъ роскошнымъ и сладострастнымъ городамъ, но цѣлой вселенной, который заставитъ *издыхать человѣковъ отъ страха и чаянія грядущихъ на вселенную*, въ который *пріидетъ Господь во тьмахъ святыхъ Ангелъ Своихъ, сотворити судъ о всѣхъ, и изобличити всѣхъ нечестивыхъ о всѣхъ дѣлѣхъ нечестія ихъ, имиже нечествоваша* (Іуд. I. 14. 15). Господь неоднократно внушаетъ намъ, что сей страшный день особенно нечаянно постигнетъ тѣхъ, которые, преданы невоздержанію, роскоши, попеченіямъ о выгодностяхъ и пріятностяхъ жизни. *Якоже бо*, говоритъ, *бѣху во дни прежде потопа, ядуще и піюще, женящеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное въ ковчегъ, и не увѣдѣша, дондеже пріиде вода и взятъ вся: тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (Матѳ. XXIV. 38. 39). И еще говоритъ: *якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, піяху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: въ оньже день изыде Лотъ отъ Содомлянъ, одожди камыкъ горящь и огнь съ небесе, и погуби вся. По томуже будетъ и въ день, въ оньже Сынъ человѣческій явится* (Лук. XVII. 28. 29. 30).

Поистинѣ, людямъ, которыхъ гортань отверзается не для того, чтобы воспѣвать славу Божію, или изрекать предъ Богомъ желанія сердца, но для того, чтобы, подобно гробу, поглощать и обращать въ тлѣніе все, что лучшаго живетъ и растетъ на землѣ; которые проводятъ половину жизни въ трудѣ обременять свое чрево, а другую въ трудѣ влачить [10]) сіе бремя; у которыхъ вино волнуетъ кровь и отумавиваетъ голову:—гдѣ имъ помышлять о дѣлахъ небесныхъ, прозирать въ сокровенныя судьбы Божіи, вникать въ словеса Пророческія, примѣчать знаменія временъ, стоять на стражѣ [11]) въ ожиданіи грядущаго царствія Божія, которое совсѣмъ не по нихъ, поелику оно *не есть брашно и питіе?*

Но вотъ что еще особенно [12]) страшно: сія преобладающая

---

[9]) По Евреин. сборн.: нынѣшнимъ чревоугодникамъ...

[10]) По Евреин. сборн.: таскать...

[11]) По Евреин. сборн.: стоять, такъ сказать, на стражѣ...

[12]) По Евреин. сборн.: наиболѣе...

роскошь, сіе не помнящее Бога и себя невоздержаніе, не только могутъ быть внезапно постигнуты судомъ и поражены правосудіемъ Божіимъ, но и составляютъ, по словамъ Господнимъ, одно изъ предваряющихъ обстоятельствъ, и какъбы предверіе сего страшнаго суда. *Отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ, и найдетъ на вы внезапу день той.* Что же должны мы подумать, когда видимъ, что и богатый и бѣдный, дома и въ корчемницѣ, рано и поздно, наперерывъ работаютъ чреву; что чрево поглощаетъ обширныя стяжанія и наслѣдія; что люди, которые съ трудомъ пріобрѣтаютъ насущный хлѣбъ, необильные плоды своего труда и пота истощаютъ на излишества и невоздержаніе, грубое или утонченное, на прихоти не требуемыя и не знаемыя природою; что провозглашеніе праздника, даже предвареніе о постѣ, сіи, по намѣренію Церкви, орудія къ возвышенію благоговѣнія, превращаются въ орудія къ усиленію роскоши, подобно священнымъ сосудамъ, употребленнымъ для украшенія Вавилонскаго пиршества? — О какъ опасно, да не *найдетъ на ны внезапу день той* [13]).

Попечемся, братія, какъ бы намъ ясти и пити во славу Божію, а не во вредъ себѣ и въ оскорбленіе Подателю благъ, Богу. Уступите гладу и жаждѣ: но не вооружайтесь противъ воздержанія и поста. Пусть хлѣбъ насущный укрѣпляетъ сердце человѣка; пусть вино въ мѣру возвеселитъ сердце печальнаго, или ободритъ немощнаго; *ядите,*—скажемъ, если угодно, и сіе съ Неемією и Ездрою,—ядите *тучная и пійте сладкая,* но—

---

[13]) По Евреин. сборн.: составляютъ по словамъ Господнимъ одинъ изъ признаковъ близости сего страшнаго суда. Посему, когда вижу, что и богатый на пиршествѣ и бѣдный въ корчемницѣ наперерывъ работаютъ чреву; что люди, которые обширныя стяжанія и наслѣдіе предковъ положили въ чрево, еще простираютъ долгіе столы, и наполняютъ ихъ яствами приправленными голодомъ и жаждою заимодавцевъ; что люди, которые собственнымъ трудомъ и потомъ должны пріобрѣтать хлѣбъ свой, благословенные плоды своего труда и пота истощаютъ на піянство безчувственное, на прихоти совсѣмъ несообразныя съ требованіями природы, на изобрѣтенія иноземной роскоши; что мысль о праздникѣ, даже о постѣ, сіи, по намѣренію Церкви, орудія благоговѣнія, превращаются въ орудія къ усиленію роскоши, подобно священнымъ сосудамъ, употребленнымъ на пиршествѣ Валтасара: смотря на все сіе, принуждаюсь повсюду, какъ на пиршествѣ Валтасаровомъ, осматриваться съ опасеніемъ, не является ли уже рука, пишущая судъ разрушенія.

въ знаменіе того, *яко святъ есть день Господеви нашему* (Неем. VIII. 10), а не безвременно и безъ мѣры, по образу тѣхъ, *ихже богъ — чрево*. Во всякое же время внемлите слову Господню и *внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ, и найдетъ на вы внезапу день* суда, но да будутъ сердца наши свѣтильниками мудрыхъ дѣвъ, полными елея благодати, горящими любовію, свѣтлыми вѣрою, да будемъ готовы срѣтить Судію, яко жениха, и праздновать съ Нимъ въ небесномъ чертогѣ Его во вѣки! Аминь.

CXXVI.

71. Слово

въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 г.).

Она же видѣвши смутися о словесѣ его (Лук. I. 29).

И слышащіе сіе не смущаются ли уже мыслію, для чего хочу я говорить о смущеніи преблагословенныя Дѣвы Маріи, какъ будто сіе торжество Ея не представляетъ важнѣйшихъ предметовъ для размышленія? Столько добродѣтелей, столько совершенствъ, столько чудесъ, столько таинъ, при имени преблагословенныя Маріи, при воспоминаніи Ангельскаго Ей благовѣщенія, представляются уму, что едва даютъ примѣтить малое и кратковременное смущеніе мирной и тихой души Ея.

Но меня не смущаетъ опасеніе такихъ прекословій. Чудеса славны безъ слова; тайны не рѣдко лучше чтутся благоговѣйнымъ молчаніемъ, нежели дерзновеннымъ усиліемъ изъяснить оныя; добродѣтели, совершенства, — о если бы для насъ довольно было говорить только о добродѣтеляхъ и совершенствахъ, и не было нужды упоминать о несовершен-

---

[1]) По Евреин. сборн.: говорено въ Благовѣщенской Церкви Чудова Монастыря, 1827 года.

ствахъ, и даже о порокахъ [2]). Если же, какъ полагаю, не отрекутся многіе признаться со мною, что едва ли не каждый день, а иногда и не однажды, то или другое слово, тотъ или другой случай, приводитъ насъ въ смущеніе, малое или великое, кратковременное или продолжительное, не рѣдко простирающееся на наши собственныя слова, дѣйствія и отношенія къ другимъ, и во всякомъ случаѣ неблагопріятное потому, что нарушаетъ спокойствіе и затмѣваетъ ясность души: то, есть немаловажная причина съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣть на сей, маловажнымъ кажущійся, случай, какъ иногда и благословенная миромъ Божіимъ душа, неизбѣжно входитъ въ смущеніе, и какъ выходитъ изъ онаго, дабы примѣромъ, нашимъ, большею частію произвольныя смущенія, обличить, уменьшить, исправить и, по возможности, распространить область истиннаго мира душевнаго.

Она же видѣвши смутися о словеси его. Кто приводитъ въ смущеніе Ту, которая должна быть исполнена мира, какъ призываемая родить *Миръ нашъ* (Еф II 14)? Человѣкъ ли непріязненнаго расположенія Духа? Духъ ли непріязни, всегдашній врагъ мира, потому что самъ его не имѣетъ, обыкновенный производитель смущеній и смятеній, потому что живетъ въ мятежѣ непрерывномъ?—Нѣтъ! Къ удивленію, виновникъ смущенія Маріи есть Ангелъ, мирный служитель Бога мира. Но можетъ быть, образъ, какъ онъ явился Ей, имѣлъ въ себѣ нѣчто ужасное?—Нѣтъ, и сего не видно. Ангелъ тихо входитъ, и говоритъ [3]): *вшедъ къ ней Ангелъ, рече.* И такъ отъ чего же Она смущается? *Смутися о словеси его.* Развѣ слово сіе было грозно?—Напротивъ, оно было слово радости и благосло-

---

[2]) По Евреин. сборн: о еслибы я имѣлъ такую доброту слова, и вы такое совершенство слуха, чтобы только о добродѣтеляхъ и совершенствахъ можно было и мнѣ говорить, и вамъ слушать, и не было нужды упоминать о несовершенствахъ, и даже о порокахъ.

[3]) По Евреин. сборн.: Но можетъ быть, образъ, въ какомъ и какъ онъ явился Ей, имѣлъ въ себѣ нѣчто слишкомъ необычайное или ужасное?—Нѣтъ и сего не видно. Евангелистъ не приписываетъ ему ни вида поражающаго, ни свѣта ослѣпляющаго, ни явленія приводящаго въ изумленіе: можетъ быть для того самаго, чтобы собрать все вниманіе Дѣвы въ предметъ небеснаго посольства, и нимало не развлечь онаго видомъ посланника, сей посланникъ является, сколько можно, просто, и не употребляетъ ничего чрезвычайнаго; онъ входитъ и говоритъ:.....

венія: *радуйся благодатная: Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ.*

Углубимся нѣсколько въ разумѣніе сего Ангельскаго слова, чтобы найти сокровенную причину смущенія Маріина. До сихъ поръ ни одинъ, и особенно ни одна изъ земнородныхъ не слыхали съ небесъ подобнаго привѣтствія. Примѣтно, что небесные вѣстники [4]) не расточаютъ привѣтствій: поелику чистой небесной истинѣ также не сродна изысканная ласковость, какъ и не нужная суровость. *Миръ тебѣ* (Суд. VI, 23), сказалъ Ангелъ Господень Гедеону, по надобности успокоить его: ибо Гедеонъ, по понятіямъ своего времени, думалъ, что видѣніе Ангела будетъ ему смертоносно. Но привѣтствіе: *радуйся*, безпримѣрно въ древнихъ явленіяхъ Ангеловъ. *Господь съ тобою*,— такъ привѣтствовалъ Ангелъ Гедеона же, и также по особенной надобности вдохнуть ему силу и бодрость для чудесной побѣды на враговъ, и для спасенія народа Израильскаго. Многократно и щедро благословлялъ Богъ Авраама, какъ напримѣръ: *во истину благословя благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя, и яко песокъ вскрай моря; и наслѣдитъ сѣмя твое грады супостатовъ; и благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. XXII. 17. 18); и паки: [5]) *Авраамъ бывая будетъ въ языкъ великъ и многъ, и благословятся о немъ вси языцы земніи* (Быт XVIII. 18). Но не сказано здѣсь, чтобъ Авраамъ былъ благословленъ въ мужахъ, то-есть, преимущественно предъ всѣми мужами; а о благословеніи Сарры, хотя и она участвовала въ произведеніи на свѣтъ благословеннаго сѣмени, совсѣмъ умолчано. Правда, сказалъ Господь однажды и о Саррѣ: *благословлю же ю* (Быт. XVII. 16): но достойно примѣчанія, что и сіе краткое благословеніе изречено не въ лице ей, а въ отсутствіе ея, Аврааму. Видно такъ надлежало по судьбамъ Божіимъ [6]), чтобы отъ жены, въ которой прежде мужа началась утрата благословенія въ блаженномъ раю, долѣе, нежели отъ мужа, таились начатки возвращающагося благословенія на несчастной землѣ. Безъ сомнѣнія, разумѣла сіе Дѣва Марія, какъ изъ писаннаго слова

[4]) По Евреин. сборн.: Ангелы.....

[5]) По Евреин. сборн.: или когда въ другомъ случаѣ Самъ Господь глаголалъ ему, что.....

[6]) По Евреин. сборн.: по судьбамъ Божіимъ, столько же праведнымъ, сколько и благимъ.....

Божія, такъ и посредствомъ собственнаго смиреннаго Богомыслія, и потому, когда слышитъ, что неожиданный посѣтитель привѣтствуетъ ее не только миромъ, но и радостію; приписываетъ ей благодать не какъ даръ, но какъ ея неотъемлемое достояніе [7]); возвѣщаетъ ей благословеніе, преимущественное предъ всѣми женами въ мірѣ: тихая душа ея отъ сильныхъ словъ духа, какъ тихая вода отъ сильнаго дыханія вѣтра, по необходимости приходитъ въ движеніе: *смутися о словеси его.* Нѣтъ въ семъ смущеніи ничего нечистаго, но нѣтъ въ минуту смущенія той душевной тишины, которая ему предшествовала! Когда вѣтръ, ударяя въ поверхность воды, частію поднимаетъ ее отъ мѣста ея покоя, тогда и чистая вода трепещетъ и кажется возмущенною: такъ душа Маріи, хвалебнымъ словомъ Ангела не только подъемлемая изъ самоуничиженія, въ которомъ она обыкла покоиться, но и возносимая превыше всего сотвореннаго, трепетала чистымъ страхомъ, и Ея постоянное стремленіе во глубину смиренія, сдѣлавшееся ощутительнымъ отъ того, что Ее превозносили, обнаружилось въ видѣ смущенія.

Видимъ, какъ и святая и безстрастная душа входитъ въ смущеніе: посмотримъ, остается ли она въ немъ, и какъ выходитъ изъ онаго.

Смутися о словеси его, и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе.

Когда въ какой душѣ происшедшее смущеніе продолжается, усиливается, беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ спокойствіемъ, тогда мы слышимъ нетерпѣливыя слова, примѣчаемъ неправильныя движенія, видимъ безпорядочныя дѣйствія. Ничего такого не оказалось въ Пресвятой Маріи. Смущеніе не подвигло ея ни къ какому дѣйствію, не исторгло у Нея ни одного слова. Изъ сего видно, что въ смущеніи, въ которое Она вошла по необходимости, ни минуты не оставалась Она по произволу; но какъ скоро почувствовала себя въ ономъ, тотчасъ обратилась, чтобы выйти изъ онаго; и первымъ орудіемъ противъ смущенія употребила молчаніе.

Другое средство, которое премудрая Дѣва употребила противъ смущенія было размышленіе: *помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе.* Евангелистъ не излагаетъ подробно, въ чемъ со-

---

[7]) По Евреин. сборн.: какъ ея существенную принадлежность и неотъемлемое достояніе;.....

стояли сіи помышленія, безъ сомнѣнія чистыя, какъ Ея душа, возвышенныя, какъ Ея духъ, сильныя, какъ данная Ей благодать; онъ не нашелъ для насъ нужною сію подробность; онъ написалъ о смущеніи Маріи только то, что полезно узнать всѣмъ, подверженнымъ смущенію, то-есть, что она выходила изъ смущенія посредствомъ основательнаго и осторожнаго размышленія. Если, дабы довершить возстановленіе внутренняго мира Ея, нужно было успокоивающее слово Ангела: *не бойся*: то для приготовленія къ новому принятію словъ Ангельскихъ не менѣе нужно было Ея собственное успокоивающее размышленіе, одушевляемое и молитвою, какъ изъ извѣстнаго постояннаго расположенія духа Ея безъ сомнѣнія заключить должно. Небесное вліяніе приноситъ совершенный миръ душѣ: но только твердая противъ внѣшнихъ и внутреннихъ обуреваній душа, восходящая отъ основательнаго размышленія къ Богомыслію, способна принимать высокія и обильныя вліянія небесныя.

Сличимъ теперь съ непорочнымъ смущеніемъ пренепорочныя Дѣвы наши столь обыкновенныя смущенія.

Смущается Маріамъ отъ слова похвалы, хотя нѣтъ похвалы, которой бы не была Она достойна, и которой бы не превышала своимъ достоинствомъ. Такъ ли мы встрѣчаемъ похвалу, когда она входитъ въ ухо наше? Думаемъ ли, что хотя она кажется словомъ Ангела, но можетъ оказаться словомъ искусителя? Стыдимся ли похвалы незаслуженной, ненавидимъ ли похвалу пристрастную, страшимся ли даже справедливой похвалы, чтобы она не усыпила добродѣтели, или не повредила чистотѣ ея? Не поглощаетъ ли неосторожное сердце похвалу, какъ сладкое яство, и, можетъ быть, какъ сладкую отраву; не доходитъ ли ненасытное самолюбіе до безстыдства просить похвалы, или приписывать ее самому себѣ? Безъ застѣнчивости говорятъ нѣкоторые о самихъ себѣ: я хорошій христіанинъ; я истинный сынъ Церкви: они спокойны при сихъ словахъ: но я, признаюсь, желалъ бы имъ нѣсколько недовѣрчиваго къ самимъ себѣ смущенія, вмѣсто сего слишкомъ безпечнаго и самонадѣяннаго спокойствія, которое можетъ кончиться крайнимъ и позднымъ смущеніемъ.

Смущается Маріамъ отъ слова, неудобопріятнаго для Ея смиренія: мы напротивъ не часто ли смущаемся отъ словъ, неудобопріятныхъ для нашей гордости? Не только слова, подлинно укоризненныя, и дѣйствія въ самомъ дѣлѣ оскорбительныя, ско-

ро выводятъ насъ изъ терпѣнія; но и непріятности легкія, слова ненамѣренныя, обличенія справедливыя и умѣренныя возмущаютъ до глубины сердца, до раздраженія и ожесточенія. Не очищенная отъ страстей душа, при самомъ слабомъ дѣйствіи возмущающей силы отвнѣ, какъ нечистая вода, поднимаетъ изъ глубины свой илъ и прахъ, и ко внѣшнему возмущенію присоединяетъ гораздо болѣе тяжкое внутреннее помраченіе.

Смущается Маріамь и не медлитъ укрощать смущеніе, удерживая и подавляя оное молчаніемъ. А изъ насъ многихъ едва не каждое воскипѣніе внутренняго неудовольствія превращаетъ въ сосудъ бродящаго вина, или въ огнедышущую гору, которая изливаетъ лаву и бросаетъ камни на все окружающее. Какъ скоро искра безпокойнаго неудовольствія затлилась внутри тебя: тотчасъ возьми осторожность не дать ей внѣшняго воздуха, чтобы дымъ не превратился въ пламя, и пожаръ не обнялъ всего тебя. Отъ чего бы ни произошло твое внутреннее смущеніе: закрой бережно сосудъ твой—молчаніемь, и дай ему стоять—въ терпѣніи, доколѣ безпокойное броженіе кончится и вино твое очистится.

Смущается Маріамь: но побѣждаетъ смущеніе размышленіемъ. Пріимемъ отъ Нея и мы сіе оружіе, для употребленія въ нашихъ внутреннихъ браняхъ. Какъ бы ни были разнообразны нападенія; слово разума, и наипаче изощренное поученіемъ въ словѣ Божіемъ, какъ обоюду острый мечь, можетъ дѣйствовать во всѣ стороны, къ низложенію враговъ, и къ нашей безопасности. Кто возстаетъ противъ тебя и возмущаетъ миръ души твоей? Укоризна?—размысли, справедлива ли она. Если несправедлива: то стрѣла пролетѣла мимо тебя; отъ чего жъ тебѣ быть больну, когда ты не раненъ? Если же справедлива: то не сѣтуй на укорителя, какъ на врага, который наноситъ рану, но благодари его, какъ врача, который открываетъ ее и побуждаетъ тебя къ уврачеванію оныя. Обида ли, дѣломъ нанесенная, раздражаетъ тебя?—размысли, что лучше, обидчикомъ ли быть, или обиженнымъ? Безъ сомнѣнія лучше быть невиннымъ, нежели виновнымъ. Размысли и о томъ, лучше ли раздражаться, или терпѣть? Раздраженіе можетъ сдѣлать вдругъ и виновнымъ, и болѣе прежняго несчастнымъ, напротивъ того, терпѣніемъ и непорочность сохраняется, и несчастіе уменьшиться можетъ. Собственные ли недостатки, несовершенные успѣхи въ исправленіи себя, внезапныя паденія, и другія внутреннія неустройства при-

водятъ тебя въ смущеніе и уныніе?—Помысли, что смущеніе одно не исправляетъ и не усовершаетъ; а уныніе отнимаетъ силу; и потому не должно медлить въ безплодномъ смущеніи, должно воспрянуть отъ унынія; и неослабными подвигами пріобрѣсть побѣду надъ страстями и похотями, а съ ними душевный миръ и радость спасенія.

Благодать Богоблагодатныя Маріами да будетъ со всякою душею христіанскою въ ея невольныхъ смущеніяхъ, и да вспомоществуетъ, и утишатъ оныя молчаніемъ, и совершенно прекращать размышленіемъ и молитвою, дабы безпрепятственно могъ возглаголать сердцу нашему Ангелъ мира, и не исторгаемо посѣять въ немъ *плодъ правды*, который *сѣется въ мирѣ творящимъ миръ* (Іак. III. 18). Аминь.

CXXVII.

72. Слово

въ день Святыя Пасхи [1]).

(Напечатано въ Христ. Чтеніи 1840 года и въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ.)

Христосъ Воскресе!

Еще Богъ привелъ насъ узрѣть сего царя дней, сію главу праздниковъ. Благословенъ, положивый времена и лѣта во своей власти!

Воистинну, день воскресенія Христова есть царь дней: ибо какъ отъ благотворной власти царя пріемлютъ подданные безопасность, миръ, достоинство; такъ отъ благотворной силы дня воскресенія Христова пріемлютъ всѣ прочіе дни безопасность и миръ: ибо иначе мы были бы *страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни работъ*:—пріемлютъ достоинство: ибо каждый день рожденія, жизни, смерти каждаго изъ насъ, былъ бы достоинъ проклятія, еслибы не благословились всѣ они днемъ воскресенія Христова. Можетъ быть, для сего-то между прочимъ свѣтъ

[1]) По Христ. Чт.: О святой радости бесѣда въ день Св. Пасхи, говорена (По Евреин. сборн. 3 апрѣля) въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

*

неблагословенныхъ дней погасъ во мгновеніе смерти Іисусъ-Хрістовой, чтобы изъ Его смерти и воскресенія возсіялъ новый свѣтъ дней благословенныхъ, чудеснымъ образомъ освѣщающій какъ всѣ грядущіе, такъ и всѣ прошедшіе вѣки. И прошедшіе, говорю: ибо Авраамъ, за столь многіе вѣки до дня воскресенія Хрістова, наслаждался свѣтомъ не тѣхъ дней, которые тогда видѣлъ, но сего дня, котораго по вѣрѣ ожидалъ, какъ сказуетъ самъ Іисусъ Хрістосъ Іудеямъ: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой, и видѣ, и возрадовася* (Іоан. VIII. 56); видѣлъ же онъ сей вожделѣнный день особенно тогда, когда Исаака, въ теченіе трехъ дней приносимаго въ жертву въ сердцѣ намѣреніемъ, наконецъ дѣйствительно на жертвенникѣ, на дровахъ всесожженія, подъ жертвеннымъ ножемъ, подъ смертоносною рукою лежащаго, по выраженію Апостола, въ *притчи пріятъ* (Евр. XI. 19), то есть, вновь получилъ живаго, въ предзнаменованіе будущаго изъ мертвыхъ воскресенія Хрістова, тридневнаго, послѣ видимаго на крестѣ закланія и внутренняго всесожженія. А дабы день воскресенія Хрістова освѣщалъ грядущіе по немъ дни и вѣки, смотрите, какъ даетъ ему неоскудѣвающій свѣтъ само Солнце правды—Іисусъ Хрістосъ, когда говоритъ сынамъ свѣта, Апостоламъ: *паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. XVI. 22). Если никто не похититъ сея радости: то очевидно, что она сіять будетъ во всѣ грядущіе дни и вѣки.

Христіане, сыны свѣта, хотя, можетъ быть, меньшіе! О, если бы сей день, который Авраамъ радъ былъ видѣть, и который Апостоламъ принесъ радость неотъемлемую, съ каждымъ возвращеніемъ своимъ приносилъ намъ новое приращеніе свѣта духовнаго, новое утвержденіе въ радости спасенія!

Можетъ-быть, нѣкоторымъ покажется, что я *ожесточаю просити*,—слишкомъ многаго желаю и требую [2]), чтобы свѣтъ и радость воскресенія Хрістова всегда возрастали въ насъ, между тѣмъ какъ начало ихъ всегда есть одно и тоже, а потому и дѣйствуетъ одинаково, даже, повидимому, дѣйствуетъ на насъ не всею полнотою силы, какою дѣйствовало на Апостоловъ; поелику они сами слышали обѣтованіе

[2]) По Евремн. сборн.: слишкомъ многаго желаю и требую, когда желаю и требую,...

радости, и сами видѣли Воскресшаго, сообразно съ обѣтованіемъ. На сей случай выслушайте мое оправданіе; надѣюсь оправдаться скоро.

Вникните въ обѣтованіе радости, данное Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ намъ: *паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше.* По нашему понятію, надлежало бы сказать: вы Меня увидите, и возрадуется сердце ваше; ибо мы радуемся тогда, когда мы видимъ, кого любимъ: а то, что видитъ насъ онъ, можетъ для насъ оставаться безъ всякаго дѣйствія; ибо когда не видимъ его мы, тогда не отъ чего радоваться сердцу нашему. Вопреки сему Господь сказалъ: Я увижу васъ, и возрадуется сердце ваше;—такъ какъ бы все дѣло зависѣло отъ того, что Онъ увидитъ учениковъ Своихъ, и какъ бы не было никакой примѣчательной разности въ томъ, увидятъ ли они Его, или нѣтъ. Что же хочетъ сказать чрезъ сіе Премудрость Божія?—То, что какъ свѣтъ сего видимаго міра исходитъ отъ солнца, которое есть око сего міра: такъ свѣтъ душъ и радость сердецъ исходитъ изъ очей Сына Божія Іисуса Христа, Который есть Солнце міра невидимаго; что, какъ солнце, когда восходитъ и зритъ на землю, симъ самымъ даетъ благотворный свѣтъ земнымъ существамъ, поколику каждое изъ нихъ способно принимать оный; такъ Богочеловѣкъ Іисусъ, когда призираетъ на души и сердца, — особенно послѣ того, какъ Онъ въ истинную весну и новое утро міра восшелъ отъ земли въ прославленномъ уже Своемъ человѣчествѣ, которое, бывъ возвышено чрезъ страданія, сдѣлалось, такъ сказать, прозрачнымъ для живущаго въ немъ исполненія Божества, и котораго язвы суть отверстыя двери Божественнаго свѣта,—таковымъ Своимъ присутствіемъ даруетъ благодатный свѣтъ душамъ, и радость сердцамъ, по мѣрѣ ихъ духовной способности принимать оный, то-есть, по мѣрѣ вѣры и любви; что, какъ наслажденіе свѣтомъ солнца не зависитъ опредѣлительно отъ того, видитъ ли кто надъ собою кругъ солнца, или нѣтъ, но и тотъ, кто для сего не возводитъ и не напрягаетъ ока, пользуется свѣтомъ, и даже тотъ, кто сидитъ въ тѣни, или стоитъ подъ облакомъ: такъ наслажденіе свѣтомъ Христовымъ и радостію о Господѣ не привязано къ тому необходимо, зритъ ли кто Христа, образно являющагося, тѣлеснымъ даже очамъ, но и тотъ, кто не дерзаетъ возвести взора на высоту славы Его, по смиренію, и тотъ, кто стоитъ подъ облакомъ вѣры, и тотъ, кто

покоится въ тѣни надежды, также могутъ наслаждаться духовнымъ свѣтомъ и небесною радостію, и еще иногда безопаснѣе, нежели зритель необыкновенныхъ явленій, для которыхъ надобно имѣть орлиное око, чтобы не быть омрачену избыткомъ свѣта. Итакъ подлинно, въ отношеніи къ радости о Господѣ, все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы узрѣлъ насъ воскресшій Господь; и нѣтъ никакой примѣчательной разности въ томъ, узрѣли ль Его мы очами тѣлесными, или нѣтъ: величайшая же важность заключается въ томъ, чтобы Господь узрѣлъ насъ не только неомрачаемымъ окомъ Своего вездѣсущія и всевѣдѣнія, которымъ Онъ проницаетъ все, и отъ котораго въ самой мрачной глубинѣ ада самая черная мысль утаиться не можетъ, но чтобы узрѣлъ Онъ насъ свѣтлымъ и свѣтодательнымъ [3]) окомъ благодати, пламеннымъ и воспламеняющимъ окомъ любви, которымъ Онъ взираетъ не на всѣхъ безъ различія, но по выбору, какъ узрѣлъ по воскресеніи своемъ Мироносицъ и Апостоловъ. Впрочемъ изъ самаго сего выбора, по милосердію Своему, не исключаетъ Онъ никого, если кто самъ себя не исключитъ изъ онаго. Не ожидаетъ, чтобы мы искали взора благодати Его, но, предваряя насъ, ищетъ между нами Самъ, на кого бы могъ воззрѣть взоромъ благодати, и Самъ указуетъ намъ то положеніе, въ какое намъ должно стать, чтобы взоръ Его могъ на насъ успокоиться. *На кого воззрю?* взываетъ Онъ чрезъ Пророка, *токмо на кроткаго и молчаливаго*, или сокрушеннаго духомъ, *и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. LXVI. 2). Если не можешь болѣе, имѣй только кротость, сокрушеніе духа, страхъ Божій: и Господь воззритъ на тебя, по закону избранія, который Онъ самъ Себѣ положилъ, и объявилъ всѣмъ намъ; а за симъ и на тебѣ, также какъ на Апостолахъ, исполнитъ Онъ данное и тебѣ въ лицѣ ихъ обѣтованіе: *узрю вы, и возрадуется сердце ваше.*

Чтобы повѣрить сіе размышленіе несомнѣннымъ опытомъ, воззримъ на первыхъ и ближайшихъ причастниковъ радости воскресенія Христова, которыхъ разнообразные опыты даютъ намъ сколько твердыхъ доказательствъ для удостовѣренія въ семъ вожделѣнномъ событіи, столько же вѣрныхъ наставленій для спасительнаго и блаженнаго участія въ ономъ. Радость ихъ о воскресеніи была ли необходимо привязана къ видѣнію

[3]) По Евреин. сборн.: просвѣщающимъ...

Воскресшаго, тѣлеснымъ образомъ? Лишеніемъ сего видѣнія оправдывалось ли у нихъ уменьшеніе радости? Не противное ли сему показываютъ ихъ приключенія? Вы напомните мнѣ при семъ слово Іоанна: *возрадовашася убо ученицы, видѣвше Господа.* Такъ; но, еще прежде ихъ, Мѵроносицы не радовались ли уже великою радостію, не видавъ Его? *Изшедше,* пишетъ святый Матѳей, *скоро отъ гроба со страхомъ и радостію велію, текостѣ возвѣстити ученикомъ Его* (XXVIII. 8). Ѳома думалъ, что онъ въ правѣ домогаться видѣнія, и успѣлъ въ своемъ домогательствѣ: правда, что сіе привело его не только въ радость, но и въ восторгъ; однако подлинно ли сіе особенное видѣніе сдѣлало его особенно счастливымъ? Совсѣмъ иначе судилъ самъ Датель видѣнія; Онъ упрекнулъ Ѳому видѣніемъ, и ублажилъ не видѣвшихъ. *Видѣвъ Мя, вѣровалъ еси: блажени не видѣвшіи, и вѣровавшіе* (Іоан. XX. 29). А быть блаженну, безъ сомнѣнія, есть нѣчто выше мгновенныхъ восторговъ и совершеннѣе радости. И Апостолъ Петръ, какъ самовидѣцъ Воскресшаго, зная цѣну его видѣнія, приписываетъ однако самый высокій степень радости вѣрующимъ безъ видѣнія. *Егоже,* говоритъ, *не видѣвше любите, и на Негоже нынѣ не зряще, вѣрующе же, радуетеся радостію неизглаголанною и прославленною: пріемлюще кончину вѣры вашеѣ, спасеніе душамъ* (1 Петр. I. 8. 9).

Такимъ образомъ, надѣюсь, доказано, что начало внутренняго свѣта и духовной радости, заключенное въ воскресеніи Христовомъ, и на насъ, не видѣвшихъ Господа, можетъ дѣйствовать всею полнотою силы своея, какою дѣйствовало на самовидцевъ и слугъ бывшихъ *Словесе.* Если же ихъ опыты покажутъ намъ и то, что сія радость не только сохранялась въ нихъ сообразно съ обѣтованіемъ, что *никтоже возметъ* ея, но, для сего самаго качества неотъемлемости, должна была въ нихъ возрастать и совершенствоваться: то чрезъ сіе докажется, что не есть излишняя взыскательность желать и требовать, чтобы радость сія и въ насъ не только не оскудѣвала, но еще всегда возрастала, какъ свѣтъ утра, даже до полнаго дня внутренняго просвѣщенія отъ Духа Святаго, даже до невечерняго дня царствія Христова. Итакъ — еще взоръ на опыты очевидныхъ свидѣтелей воскресенія Христова.

Когда, по сказанію Евангелиста, *возрадовашася ученицы, видѣвше Господа,* сіе не было еще высокимъ степенемъ и со-

вершенствомъ радости: поелику, какъ дополняетъ другой Евангелистъ, она смѣшана была въ началѣ съ невѣрованіемъ, и для своего утвержденія требовала еще болѣе чувственнаго доказательства воскресенія. *Еще же не вѣрующимъ имъ отъ радости и чудящимся, рече имъ: имате ли что снѣдно здѣ? —И вземъ, предъ ними яде* (Лук. XXIV, 41. 43.). Но когда они, разставшись съ Господомъ, возносящимся на небо, *поклонишася Ему, и возвратишася въ Іерусалимъ съ радостію великою*: не видите ли, что радость въ нихъ сдѣлалась гораздо возвышеннѣе и сильнѣе прежней; ибо и разлученіе съ Виновникомъ радости не уменьшаетъ ея, но представляетъ *великою* паче прежняго? Наконецъ посмотрите далѣе, какъ тѣ же Апостолы *идяху радующеся отъ лица собора* Іудейскаго, *яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти*: вотъ радость еще болѣе возвышенная и сильная, и подлинно неотъемлемая, когда ни вражда, ни гоненіе, ни безчестіе, ни раны, не могли нарушить ея.

Итакъ, возвращаюсь къ моему желанію: о, еслибы радость настоящаго дня содѣлалась для насъ радостію жизни, всегда возрастающею, какъ жизнь юности, и никогда не старѣющеюся, какъ жизнь небесная!

Но какъ сіе сдѣлать? спросятъ, вѣроятно. Какъ сіе сдѣлать? Какъ сдѣлать то, чтобы радость, по началу своему вѣчная, не была кратковременною? Какъ сдѣлать, чтобы радость, по своимъ послѣдствіямъ безконечная и безпредѣльная, возрастала и увеличивалась на пути къ своей безконечности и безпредѣльности! Мнѣ кажется, не то трудно, какъ сіе сдѣлать; но труднѣе понять то, какъ дѣлается иначе. Только не препятствуйте Божественной радости, только не изгоняйте, или не подавляйте ея: она будетъ сама собою продолжаться, возрастать, совершенствоваться, доколѣ наконецъ превратится въ блаженство.

Въ книгѣ Пророка Іоиля есть примѣчательное изреченіе о томъ, какъ люди теряютъ радость, и подвергаются скорбямъ и бѣдствіямъ. *Виноградъ изсше, и смоквы умалишася: шипки и финикъ, и яблонь, и вся древа польская изсхоша, яко посрамиша радость сынове человѣчи* (I. 12). Чистая радость есть благородная и цѣломудренная дѣва, которая имѣетъ неразлучною спутницею чистую совѣсть, которая можетъ быть въ обществѣ только съ тѣми, которыхъ и поступки непорочны, и слова скромны, и намѣренія чисты и возвышенны. Какъ скоро

вы позволяете себѣ дѣла порочныя, слова праздныя и легкомысленныя, намѣренія нечистыя и низкія; она тонко примѣчаетъ сіе, и ея благородство посрамляется, ея цѣломудріе стыдится, и она убѣгаетъ и скрывается отъ васъ. Если грубое и безумное веселіе міра заступаетъ ея мѣсто: тѣмъ хуже. Мщеніе небесное, за оскорбленіе небесной радости, посылаетъ проклятіе на всѣ источники радости земной. *Виноградъ изсше, и смоквы умалишася: шипки и финикъ и яблонь и вся древа польская изсхоша, яко посрамиша радость сынове человѣчи.*

Сынове человѣчи! или, лучше, сынове Божіи во Христѣ! Не посрамимъ радости небесной и Божественной житіемъ нечистымъ и дѣлами грубой чувственности, *да дастъ* Богъ *веселіе въ сердца наши* лучшее, нежели у тѣхъ, у которыхъ *плоды пшеницы, вина и елея умножишася* и да *никтоже возметъ радости* нашея о воскресшемъ и вѣчно живущемъ Іисусѣ Христѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

1828 годъ.

CXXVIII.

73. Слово

по случаю возложенія на раку мощей иже во Святыхъ Отца нашего Алексія, Митрополита Московскаго, отъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича принесеннаго покрова и медали за персидскую войну.

(Говорено въ каѳедральной церкви Чудова монастыря мая 28 дня; напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 г.).

Пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя: и призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя. (Псал XLIX. 14. 15)

Прежде всѣхъ къ Тебѣ нынѣ слово, Святителю Алексіе, и слово не мое, но Царево. Предстаю Тебѣ, какъ посланникъ

Благочестивѣйшаго Императора Николая Павловича, принесшій Тебѣ даръ Его,—какъ свидѣтель благоговѣнія Его предъ Тобою. Пріими, глаголетъ Онъ Тебѣ, сей покровъ благолѣпія и славы, не потому, чтобы Ты требовалъ покрова вещественнаго и благолѣпія земнаго, будучи облеченъ свѣтомъ небеснымъ, покрытъ Божественною славою, но потому, что Царь признаетъ надъ Собою и надъ Своими дѣяніями покровъ Твоихъ молитвъ и Твоего благословенія. Пріими сіе сребро памяти и чести, сей, не только пóтомъ, но и кровію выработанный *динарій* за день брани Персидской: ибо Раздаятель онаго вѣруетъ, что и Ты не праздным былъ зрителемъ брани сей, но хотя невидимо, тѣмъ не менѣе дѣйствительно подвизался предъ Богомъ за вѣрныхъ сыновъ Россіи противъ вѣроломныхъ послѣдователей лживаго пророка. подобно какъ нѣкогда, еще живя на земли, очевидно подвизался Ты за охраненіе Церкви и Отечества отъ иноплеменныхъ, то чудодѣйственною молитвою, то покаряющимъ словомъ убѣжденія. Но поелику и безъ сего слышимаго слова, во свѣтѣ Божіемъ видишь Ты сердце Царево, и разумѣешь, о чемъ наипаче оно бесѣдуетъ къ Тебѣ: то, не стужая Тебѣ болѣе, поспѣшаю обратить слово къ тѣмъ, которые требуютъ проповѣдающаго, чтобы услышать, и вразумляющаго, чтобы уразумѣть.

Дѣло Царево, которое предъ очами вашими, благочестивые обитатели древней Столицы, запечатлѣно нынѣ торжественными знаменіями, въ существѣ своемъ есть Царское исполненіе повелѣнія, которое царямъ также, какъ и рабамъ, изрекъ Царь царствующихъ устами Пророка Своего: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя.*

Былъ день скорби, котораго единое воспоминаніе, даже и по возвращеніи дней мира и веселія, еще наводитъ нѣкій сумракъ на душу Россіянина,—день, который угрожалъ затьмить вѣки Россіи, еслибы сквозь облако грозной судьбы не просіялъ тѣмъ яснѣе возвышенный духъ Николая Перваго. Не стало Александра Благословеннаго, и мыслящіе зло возмнили, что и благословенія надъ Россіею не осталось. Сосѣдъ, котораго не опасались, въ томъ самомъ, что его не опасались, вздумалъ найти средство сдѣлаться опаснымъ. На встрѣчу мирному посольству нашему, онъ ввелъ въ наши предѣлы войско, и началъ опустошительную войну. Чувствомъ сыновъ Отечества измѣрьте, если можно, сію новую скорбь новаго Царя, отвнѣ

приразившуюся въ такое время, когда усиліями побѣдить и уврачевать многоразличную скорбь домашнюю, могла истощиться самая обильная мѣра силы душевной. Война не только нанесена Россіи, но и внесена въ Россію, безъ причины, въ самое время дружественныхъ со стороны Россіи сношеній, безъ обычнаго объявленія, слѣдственно съ вопіющимъ нарушеніемъ права народнаго, съ оскорбленіемъ достоинства Имперіи,— война отъ врага, который находитъ удовольствіе въ подвигахъ противъ безоружныхъ,—война въ такомъ краю, куда не легко доставить защитниковъ, куда и военачальника оказалось нужнымъ послать съ другаго края Государства:—трудно частному человѣку пересказывать о семъ равнодушно; каково было Государю сіе испытывать! И что же? Сперва Онъ не хотѣлъ вѣрить происходящему; потому что душа чистая не легко вѣритъ возможности дѣлъ неправедныхъ: потомъ съ рѣшительностію и быстротою подвигнулъ силы противъ силъ; а Самъ обратился спокойно къ Источнику силъ Богу, чтобы призвать Его благословеніе на новое Царствованіе, и Его помощь противу всѣхъ трудностей.

Теперь примѣчайте въ самыхъ событіяхъ, какъ *вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ Своихъ*, и какъ *близокъ всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ*. Какъ скоро Благочестивѣйшій Государь, по Священнодѣйствіи Его Царскаго вѣнчанія, *воздалъ Вышнему* первую особенную *молитву* въ санѣ Помазанника, подкрѣпивъ оную подвигомъ благочестиваго путешествія въ священную пустыню, и общеніемъ вѣры съ крѣпкимъ молитвенникомъ, Преподобнымъ Сергіемъ; тотчасъ Вышній явилъ Ему спасеніе Свое, приведя Ему непосредственно за симъ перваго вѣстника первой въ Его Царствованіе побѣды. Здѣсь преклонилъ Онъ Свою превознесенную главу и колѣна предъ Царемъ царствующихъ, и прославилъ *Изимающаго* отъ скорбей, имѣя и здѣсь сего друга Сергіева совозводителемъ благодареній Своихъ, подобно какъ тамъ имѣлъ Сергія предстателемъ Своихъ прошеній. Видно, *усладилась Господеви* сія *бесѣда* Царя; видно, и сердце Царя усладилось сею бесѣдою съ Богомъ, и новою силою надежды утвердилось во Господѣ: ибо съ того времени Богъ подавалъ Ему побѣду за побѣдою, а Онъ знаменія сихъ побѣдъ препосылалъ въ сей самый храмъ, гдѣ прославилъ Бога за первую изъ оныхъ. И се, когда твердое вѣрностію и правотою дѣла, воинство Его, многочисленными подвигами рѣшительно преодолѣло и побѣдило, и враговъ, и противоборствую-

щую природу, и быстроту рѣкъ, и твердыни камней, и Кавказскій хладъ, и Закавказскій зной, и высоту непреходимыхъ горъ, и глубину непроходимыхъ дебрей; когда *врагу оскудѣша оружія въ конецъ*, и такимъ образомъ не только возстановленъ нарушенный миръ, но и огражденъ безопасностію разширенныхъ предѣловъ нашихъ:—воздавая почесть доблестямъ Своихъ воиновъ, еще разъ Благочестивѣйшій Государь воспріемлетъ случай вознести *жертву хвалы* Господу силъ; еще разъ воспоминаетъ сей храмъ, въ которомъ благословилась Его молитва о побѣдѣ и мирѣ, и сему избранному Предводителю молитвъ, какъ дѣятельному Сподвижнику въ добропобѣдной брани, восписуетъ побѣдительная.

Сынове Россіи! не *радуетесь ли вы о Царѣ своемъ*, особенно тогда, когда *Царь веселится о Бозѣ?* Знаю, что радуетесь; и радуюсь съ вами о Немъ, какъ единъ отъ васъ; и паки радуюсь о самой радости вашей, потому что во свѣтѣ радости о Царѣ видна любовь къ Царю.

Но не опасаюсь показаться чрезмѣрно взыскательнымъ, если скажу, что это еще не все, къ чему призываетъ васъ настоящій случай. Хорошо взирать на благочестивое дѣло Царево съ благоговѣйною радостію: но еще лучше присвоить себѣ оное, содѣлать оное вашимъ собственнымъ дѣломъ, не по видимому образу и знаменіямъ, но по духу и силѣ;—какимъ образомъ?—поставить себя не только зрителями благочестиваго дѣла, но и подражателями благочестиваго примѣра; имѣть, по примѣру Царя, написаннымъ на сердцахъ своихъ сіе высочайшее повелѣніе Царя царей: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя*; во всякой скорби, общественной, или частной, не коснить прибѣгать къ Богу съ молитвою, и по избавленіи отъ скорби не забывать возвращаться къ Богу съ благодареніемъ.

Казалось бы, не нужно и напоминать нищему, чтобы онъ просилъ милостыни,—или, человѣку, который весь есть нужда и бѣдность, напоминать, чтобы онъ просилъ себѣ милости отъ Бога. Но конечно нужно было напомянуть о семъ; и конечно не довольно напоминали человѣки себѣ и другъ другу о сей нуждѣ всѣхъ и каждаго, когда Самъ Богъ нашелъ нужнымъ явиться въ словѣ Пророческомъ, и, такъ сказать, собственнымъ лицемъ требовать себѣ молитвы отъ человѣка: *призови Мя въ день скорби твоея.*

Есть нищіе тупоумные, или убитые несчастіемъ, которыхъ надобно возбуждать и руководствовать къ исканію помощи; есть нищіе гордые, которые не хотятъ наклонить головы предъ благодѣтелями, а хотятъ, чтобы благодѣтели поклонились имъ съ своими благодѣяніями: таковы суть предъ Богомъ человѣки, которые не умѣютъ или не хотятъ призывать Бога въ скорбяхъ своихъ.

Иной въ день скорби своея только тоскуетъ, и отъ утра до вечера болѣе и болѣе погружается въ скорбь.—Помилуй себя, возлюбленный! Если ты утопаешь: то неужели лучше добровольно опустить руки и идти на дно, нежели усиливаться возникнуть изъ водъ и вопіять о помощи?

Иной истощается въ домогательствѣ помощи человѣческой, а не вспомнитъ о Богѣ, *помощникъ въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло.*—Разсуди, если ты не совсѣмъ безразсуденъ: лучше ли тебѣ гоняться за человѣкомъ, который такъ часто говоритъ тебѣ: не проси меня;—мнѣ не до тебя; приди послѣ;—иди къ другому; — я не могу помочь тебѣ; — либо скажетъ: помогу, — но потомъ не хочетъ, или не можетъ исполнить обѣщанія,—лучше ли, говорю, тебѣ гоняться за человѣкомъ, нежели прибѣгать къ Богу, Который не отсылаетъ тебя къ иному помощнику, не отлагаетъ Своей помощи, не измѣняетъ Своимъ обѣщаніямъ; Который непрестанно находится близъ тебя, и, если ты внимателенъ, въ самомъ сердцѣ твоемъ говоритъ тебѣ, приглашаетъ тебя къ молитвѣ и обнадеживаетъ Своею всесильною помощію: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя.*

Богъ безъ меня знаетъ мои нужды, говоритъ иной, и потому не хочетъ молиться. Вотъ примѣръ, — если кому не случилось замѣчать сего страннаго явленія,—какъ здравую мысль можетъ превратить себѣ въ отраву зараженное сердце. Христова сія мысль: *вѣсть Отецъ вашъ, ихже требуете, прежде прошенія вашего* (Матѳ. VI. 8): но, произнеся Апостоламъ сію мысль, непосредственно продолжалъ Онъ: *сице убо молитеся вы*; и потомъ предложилъ имъ образецъ молитвы, извѣстный всякому Христіанину подъ именемъ *молитвы Господней.* Такимъ образомъ, по разуму Самого Іисуса Христа, изъ сей мысли, что Богъ вѣдаетъ наши нужды, не то слѣдуетъ, чтобы совсѣмъ не нужно было молиться, на то, что должно молиться

Богу какъ Отцу, съ довѣренностію, съ преданностію волѣ Его, въ простотѣ, безъ языческаго многоглаголанія.

Богъ знаетъ наши нужды; а потому не для чего молиться— сіе разсужденіе походитъ на то, какъ еслибы нищій, покрытый рубищемъ, сказалъ: богатый видитъ мою нищету, и потому не нужно ни произносить просительныя слова, ни простирать просящую руку. О ты, слишкомъ нищій разумомъ, и слишкомъ богатый гордостію! неужели ты хочешь, чтобы богатый пришелъ, разсыпалъ предъ тобою свои сокровища и бросилъ на землю хлѣбъ, которымъ тебя напитать хочетъ? Не больше ли еще безразсудно и дерзновенно требовать, чтобы Богъ разсыпалъ Божественныя сокровища благодати Своей, и повергъ на землю небесный хлѣбъ, предъ человѣками, которые совсѣмъ не думаютъ и не заботятся о принятіи даровъ Его? Богъ, по безпредѣльной благости и милосердію, всегда готовъ все даровать человѣку: но человѣкъ не всегда готовъ принять отъ Него что-нибудь. Чтобы нищему принять милостыню надобно ему протянуть руку: чтобы младенцу принять пищу, надобно ему отверзть уста: подобно сему надобно человѣку простираться къ Богу, чтобы достигнуть благодати Его, надобно имѣть отверзтую душу, чтобы пріять дары Его. Молитва есть простертая рука для принятія благодати Божіей, отверзтыя уста для вкушенія пищи небесной. Въ семъ разумѣ сказалъ Богъ Израилю: *разшири уста твоя, и исполню я* (Псал. LXXX. 11). Благодать чистѣйше духовна; и потому требуетъ чистаго духа для ея принятія; молитва же очищаетъ духъ, и его силы, и дѣйствія, и орудія. Итакъ, молись духомъ твоимъ, да пріимешь Духа Божія; молись умомъ, да упоишься Духомъ разума; молись сердцемъ, да напитаешься Духомъ благочестія: всѣ силы души и тѣла обрати въ орудія молитвы, дабы всѣ оныя обратились въ благословенныя орудія благодати, для исправленія и облаготворенія поврежденной и бѣдствующей природы.

Когда же примѣтишь по внѣшнимъ событіямъ или почувствуешь внутренно, что молитва скорбящаго не презрѣна и не отринута; что Богъ изимаетъ тебя отъ скорби, или хотя уменьшаетъ и облегчаетъ оную: тогда не забудь, *мужъ желаній*, что надлежитъ тебѣ быть и мужемъ благодареній; и какъ вѣрнымъ обрѣтаешь Бога въ исполненіи обѣтованія Его, такъ представь Ему себя вѣрнымъ въ исполненіи повелѣнія Его: *изму тя, и прославиши мя*.

Вѣрностію въ маломъ пріобрѣтается довѣренность во многомъ. Вѣрный въ благодареніи за малый даръ Божій обрѣтаетъ дерзновеніе просить великаго. Въ самомъ дѣлѣ, по собственному ощущенію, Христіанинъ, знать можешь, что сердце благодарящее свободнѣе открывается, и пространнѣе отверзается, нежели сердце просящее: слѣдственно тѣмъ болѣе оное способно къ пріятію обильной благодати.

Гдѣ не призываютъ Бога въ скорбяхъ, гдѣ не прославляютъ Его за благодѣянія, тамъ пресѣкается общеніе человѣка съ Богомъ, Источникомъ всякаго блага и всякой премудрости; слѣдственно въ удѣлъ человѣку остается только зло и безуміе. Отъ чего люди не только въ трудныхъ обстоятельствахъ не благодушествуютъ, но и боятся тамъ, гдѣ нѣчего бояться? — Отъ того, свидѣтельствуетъ испытанная въ бѣдахъ душа, что не призываютъ Господа. *Господа не призваша, тамо убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ* (Псал. XIII. 4. 5). Какимъ образомъ цѣлый міръ языческій *преданъ въ неискусенъ умъ творити неподобная*, омраченъ нелѣпостями, погрязъ въ мерзостяхъ?—*Понеже*, такъ изъясняетъ Апостолъ происхожденіе сего жалкаго состоянія рода человѣческаго,—*понеже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ;—занеже разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша, или благодариша* (Рим. I. 21. 28).

Берегись просвѣщенный вѣрою Христіанинъ, возвращенія къ языческому невѣрію и заблужденію; не медли призывать Бога въ день скорби твоея, или паче, не оставляй каждый день прилѣжно взывать къ Нему, тѣмъ болѣе, что на сей осужденной за грѣхопаденіе человѣка землѣ, доколѣ не снидутъ на нее вновь дніе неба, каждый день есть день скорби для того или другаго, здѣсь, или тамъ, — скорби, если не отъ самаго бѣдствія, то отъ чувствительнаго лишенія, или отъ близкой къ сердцу заботы.

И теперь, напримѣръ, здѣсь мы веселимся, видя знаменія побѣдъ, вкушая сладость мира и безопасности: а тамъ—побѣдоносное воинство вновь на полѣ брани; Царь за предѣлами Отечества; Царица странствуетъ, влекомая любовію въ близость къ Супругу; Царица Матерь одиночествовала бы между Царскими Младенцами, еслибы вѣрная Дщерь, предвидя сіе одиночество, не приспѣла издалеча на священную стражу любви при наилучшей изъ Матерей:—не довольно ли уже самыхъ нѣжныхъ заботъ для сердецъ Россіянъ? А что еще далѣе? Сынъ

рабыни Агари неистовствуетъ, какъ бы поспѣшая запечатлѣть свое предопредѣленіе: *руцѣ его на всѣхъ, и руки всѣхъ на него* (Быт. XVI. 12). Народъ, отъ котораго святая Русь наслѣдовала святую вѣру, едва не исчезаетъ въ бѣдахъ отъ враговъ вѣры. Священники распинаются или сожигаются. Христіане, мужи и жены, старцы и дѣти влекутся въ рабство, или истаеваютъ гладомъ, или, что́ всего ужаснѣе, принуждаются отречься отъ имени Хрістова. Церковь Россійская! призывай Бога Избавителя въ сіи дни скорби матери твоей, Церкви Греческой. Россія! день и нощь призывай Бога въ помощь Благочестивѣйшему Императору и Его воинству, защитникамъ Христіанства и человѣчества.

Господи! спаси Царя, и услыши ны, въ оньже аще день призовемъ Тя (Псал. XIX. 10). *Да обрящется рука Твоя всѣмъ врагомъ Твоимъ: десница Твоя да обрящетъ вся ненавидящія Тебе. Вознесися, Господи, силою Твоею: воспоемъ и поемъ силы Твоя* (Псал. XX. 9. 14)! Аминь.

CXXIX.

74. Бесѣда

о благословенномъ рожденіи дѣтей[1]).

Благословлю же ю, и дамъ тебѣ отъ нея чадо: и благословлю е, и будетъ въ языки и цари языковъ изъ него будутъ. (Быт. XVII 16)

Какъ счастливы наконецъ Авраамъ и Сарра! Долго безчадствовали они: за то и чадо имѣть будутъ, и прежде рожденія его уже знаютъ, что оно будетъ благословенно.

Кто изъ желающихъ сдѣлаться, или уже сдѣлавшихся родителями, не пожелалъ бы имѣть дѣтей добрыхъ, бла-

[1]) По Евреин. сборн.: Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи, говоренное въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ, іюня 25 дня 1828 года.

гословенныхъ[2])? Но какъ не всѣ дѣти соотвѣтствуютъ желаніямъ родителей: то естественно рождается вопросъ, какъ достаются дѣти добрые, благословенные?

Поелику добрые дѣти бываютъ не только у добрыхъ, но иногда и у худыхъ родителей, такъ какъ и напротивъ у добрыхъ родителей бываютъ не только добрые, но иногда и худые дѣти: то неглубокіе наблюдатели, въ изъясненіе сихъ разнообразныхъ явленій, говорятъ, что это такъ случается. Просилъ бы я сихъ людей истолковать сіе таинственное для меня изреченіе: *такъ случается*. Когда пшеница родится на полѣ, гдѣ пшеница посѣяна: вы не говорите, что это такъ случается. Но когда видите пшеничный колосъ, выросшій на лугу, гдѣ пшеница не сѣяна: вы говорите, что это такъ случилось. Что же хотите вы сказать? Безъ сомнѣнія, не то, что колосъ родился безъ сѣменнаго зерна, или что сѣменное зерно само собою сдѣлалось изъ земли, или не что-нибудь подобное; но развѣ то, что вамъ не извѣстно, какъ сѣменное зерно занесено сюда вѣтромъ, или уронено здѣсь прохожимъ. Посему изреченіе: *такъ случается*, есть только легкое средство уклониться отъ разрѣшенія труднаго вопроса, или благовидный способъ безъ стыда объявить свое незнаніе. Слѣдственно мысль, что добрые или худые дѣти достаются родителямъ, какъ случится, — мысль, которая могла бы приводить въ уныніе особенно добрыхъ родителей, и даже выражала бы нѣкую несправедливость судьбы противъ нихъ, по счастію, неосновательна, и совсѣмъ ничтожна; это слова, которыя выражаютъ не болѣе, какъ отсутствіе мысли, способной изъяснить событіе.

Какъ же достаются добрые дѣти? — Не долго искать на сіе закона, если видимъ добрыхъ дѣтей у родителей также добрыхъ, благоразумныхъ и попечительныхъ о воспитаніи. Вопросъ разрѣшается, если скажемъ, что сіе такъ же естественно, какъ то,

---

[2]) По Евреин. сборн. Торжествуя одно изъ счастливѣйшихъ на землѣ рожденій — рожденіе Благочестивѣйшаго Императора Николая Павловича, котораго Богъ, по нѣкоему преимущественному избранію, по нѣкоей особенной судьбѣ, благословилъ и царствомъ и царскою доблестію, и наслѣдіемъ и наслѣдникомъ, имѣемъ мы нынѣ благопріятный случай размышлять о благословенномъ рожденіи дѣтей.

Кто желаетъ сдѣлаться, или уже сдѣлался родителемъ, тотъ, безъ сомнѣнія, желаетъ имѣть дѣтей добрыхъ, благословенныхъ.

когда на полѣ, гдѣ посѣяна пшеница, пшеница же и родится, а не плевелы.

Врачи не признаютъ ли за несомнѣнное, что нѣкоторыя болѣзни переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ? А то еще менѣе можетъ подлежать спору, что здоровье родителей есть наслѣдственно для дѣтей, если особенныя причины не похитятъ у нихъ сего естественнаго наслѣдія. Также, смотря на лицо дѣтей, не ищемъ ли мы обыкновенно сходства съ лицемъ родителей? Итакъ, если мы находимъ, что родители себѣ самимъ обязаны за нѣкоторыя тѣлесныя совершенства или недостатки своихъ дѣтей: что̀ препятствуетъ тоже въ нѣкоторомъ степени заключить и о высшихъ свойствахъ душевныхъ, о предварительныхъ склонностяхъ и расположеніяхъ?

Можетъ быть, спросятъ: какимъ образомъ что-нибудь душевное можетъ сообщаться отъ родителей дѣтямъ чрезъ рожденіе, когда душа есть существо несложное, и потому ничего не можетъ отдѣлить отъ себя для сообщенія другой душѣ?—На сіе отвѣтствую, во-первыхъ, что утверждаемое мною сообщеніе нѣкоторыхъ нравственныхъ склонностей и благихъ расположеній отъ родителей дѣтямъ совершается не чрезъ одно рожденіе, но съ помощію благоразумнаго воспитанія; во-вторыхъ, вопрошаю взаимно: какъ можетъ что-нибудь тѣлесное переходить отъ родителей къ дѣтямъ, и оказываться въ ихъ жизни, когда тѣло ихъ совершенно вновь образовалось изъ безобразнаго вещества, заимствованнаго отъ тѣла родителей, управляется собственною душею, непрестанно измѣняется посредствомъ питанія и разрѣшенія? Но недоумѣніе о томъ, какъ сіе бываетъ, не уничтожаетъ опыта, что сіе подлинно бываетъ. Осмѣлюсь сказать болѣе: не есть ли даже удобопонятнѣе открытіе чего-нибудь наслѣдственнаго въ душѣ, которая, какъ существо несложное, всѣ свои способности и силы раскрываетъ изъ себя самой, изъ внутренняго духовнаго корня бытія, полученнаго съ рожденіемъ, нежели въ тѣлѣ, котораго устроеніе такъ много зависитъ отъ внѣшней, стихійной природы?

Но дабы не поставить истину въ зависимость отъ *помышленій человѣческихъ*, которыя всѣ безъ исключенія *суть суетны* предъ *вѣдѣніемъ Господнимъ*, призываю васъ предъ судъ сего вѣчно-непреложнаго вѣдѣнія, и вопрошаю: кому дано сіе благословеніе Божіе: *растите́ся и множи́тесь*, тѣлу ли человѣка, которое безъ души и не понимаетъ сего благословенія и не

можетъ исполнить онаго, или цѣлому человѣку, и особенно душѣ его? Къ тѣлу ли относится сіе слово писанія: *сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. I. 27)? Богъ безтѣлесенъ: слѣдственно человѣкъ сотворенъ по образу Божію въ душѣ. Послѣ сего еще одинъ вопросъ: и мы получимъ разрѣшеніе на многое. Что значитъ написанное о Адамѣ: *роди сына по виду своему и по образу своему* (Быт. V. 3)? То ли, что между Адамомъ и Сиѳомъ было сходство въ чертахъ лица и въ строеніи тѣла? Стоило ли труда вносить столь мелочное замѣчаніе въ повѣствованіе столь священное, и, при томъ, столь краткое? И сличеніе представляемаго теперь *образа Адамова* съ недавно указаннымъ *образомъ Божіимъ* не ясно ли даетъ разумѣть, что Священный Писатель говоритъ о внутреннемъ образѣ, духовномъ и нравственномъ? Творческое слово: *растите́ся и множи́теся*, насадило въ Адамѣ способность раждать благословенныхъ чадъ, и передавать имъ въ наслѣдіе образъ Божій, по которому онъ самъ сотворенъ: но когда грѣхомъ поврежденъ сей образъ въ немъ; тогда хотя, по силѣ первоначальнаго творческаго слова, и могъ онъ родить сына, но не могъ сообщить ему болѣе того, что въ самомъ оставалось, *роди сына*, не по образу Божію полному и совершенному, но *по виду своему и по образу своему*, то-есть, съ нѣкими останками образа Божія, и съ нѣкимъ примѣшеніемъ грѣха и поврежденія Адамова. Вотъ и первоначальный Божественный, и послѣдовательный естественный законъ рожденія человѣческаго! Будучи внесенъ въ книгу Бытія по случаю рожденія Сиѳова, онъ никогда не уничтоженъ. И теперь естественно, чтобы родители раждали дѣтей *по виду своему и по образу своему*,— чтобы отъ грѣшниковъ раждались грѣшники, подобно какъ отъ чахотныхъ родятся чахотные, но чтобы отъ тѣхъ, которые свободнымъ упражненіемъ въ покаяніи, молитвѣ и дѣланіи добра, при помощи благодати Божіей, ослабили въ себѣ грѣховныя и усилили добрыя склонности, раждались и дѣти съ нѣкоею предварительною помощію къ добру, противъ силы грѣха, впрочемъ всегда преодолимой свободою и наипаче благодатію

Примѣчательное указаніе на сей законъ рожденія представляетъ Священная Исторія въ лицѣ жены Маноевой. Ангелъ является ей и предсказываетъ, что она, бывъ дотолѣ неплодна, родитъ сына, и что *Назорей Богови будетъ сіе отроча отъ чрева* (Суд. XIII. 5). И съ

симъ вмѣстѣ онъ велитъ ей, съ сего времени начать, и продолжать во время беременности, Назореямъ свойственный образъ воздержанія: *отъ всего, еже исходитъ изъ винограда, да не ястъ, и вина и сикера да не піетъ* (Суд. XIII. 3—5 14). Это почти то же, какъ еслибы онъ сказалъ ей: сынъ твой долженъ быть Назореемъ; но чтобы сіе вѣрнѣе могло сдѣлаться, приготовь его къ сему образу жизни, когда будешь носить его во чревѣ твоемъ; веди образъ жизни свойственный Назореямъ; и такимъ образомъ приготовь въ немъ способность и склонность къ Назорейскому образу жизни [3]).

Чтобы общій законъ рожденія согласить съ особенными случаями, которые, по видимому, составляютъ исключеніе изъ онаго и даже противорѣчатъ оному, когда, напримѣръ, отъ добрыхъ родителей родятся дѣти ихъ недостойные, или добрые дѣти отъ родителей недостойныхъ, или отъ родителей обыкновенныхъ дѣти необыкновенные,—для сего надлежитъ вспомнить, что Богъ есть сколь всемогущій и неизмѣнный въ судьбахъ Своихъ Законодатель міра, столь же премудрый и всесвободный Правитель онаго, и всеправедный Судія не только видимыхъ дѣлъ, но и сокровеннѣйшихъ расположеній человѣческихъ. Чтобъ избѣжать долгихъ разсужденій, объяснимся скорѣе примѣрами.

Одинъ и тотъ же Адамъ какихъ разнообразныхъ раждаетъ дѣтей, — Каина, Авеля, Сиѳа! Гдѣ же тутъ одинъ общій законъ рожденія? Будьте внимательны, и примѣчайте. Адамъ, свѣжимъ, такъ-сказать, ядомъ недавно содѣланнаго грѣха напоенный и недавнимъ обѣтованіемъ избавленія поставившій себя въ нѣкую еще незрѣло-обдуманную дерзость надежды, раждаетъ Каина, дерзкаго грѣшника. Адамъ, въ несчастномъ рожденіи Каина испытавшій тягость проклятія, привлеченнаго грѣхомъ, обманутый надеждою, уничиженный суетою, раждаетъ Авеля, кроткаго, но непрочнаго. Наконецъ, Адамъ, продолженіемъ скорбей, глубже укоренившійся въ смиреніи, терпѣніемъ утвержденный въ надеждѣ, и надеждою въ терпѣніи, раждаетъ Сиѳа, надежное основаніе своего потомства.

Отъ одного Авраама раждается Исмаилъ,—*дикій оселъ*, по выраженію предсказанія о немъ, и Исаакъ—благословеніе всѣхъ народовъ. Отъ чего такая разность? — Отъ того, что мятежная

[3]) По Еврейн. сборн. этихъ словъ нѣтъ.

рабыня Агарь, повредила въ Исмаилѣ благословенію Авраамому; а добродѣтельная и смиренная Сарра съ благословеніемъ Авраама, самымъ чистымъ и совершеннымъ образомъ, сочетала въ Исаакѣ и свое благословеніе, по реченному о ней къ Аврааму: *благословлю же ю, и дамъ тебѣ отъ нея чадо: и благословлю е, и будетъ въ языки, и цари языковъ изъ него будутъ.*

Еще страннѣе казаться можетъ, отъ Исаака и Ревекки, однимъ разрѣшеніемъ утробы рожденіе столь непохожихъ одинъ на другаго сыновъ, какъ Исавъ и Іаковъ. Что же можно сказать въ изъясненіе сего необычайнаго явленія[4])?—То, что сказано Богомъ самой Ревеккѣ: *два языка во утробѣ твоей суть.* Два противоположныя начала въ одно время дѣйствовали во чревѣ ея,—прирожденный грѣхъ Адамовъ, и Божіе благословеніе; одно усилилось въ Исавѣ, другое превозмогло въ Іаковѣ.

Возмемъ еще одинъ примѣръ превратнаго нравственнаго хода рожденій изъ Исторіи Царей Іудейскихъ. Сынъ идолопоклонника Ахаза былъ благочестивый Езекія, а сынъ Езекіи Манассія, опять идолопоклонникъ, хотя впрочемъ не нераскаянный. Сія превратность изъяснилась бы, можетъ быть, очень просто, если бы мы имѣли достаточныя свѣдѣнія о воспитаніи сихъ царей: ибо у людей знаменитыхъ и богатыхъ судьба дѣтей много иногда зависитъ отъ дѣтоводителей и наставниковъ, изъ коихъ добрые становятся благотворными орудіями Провидѣнія, а худые орудіями наказанія за пороки родителей, и за небреженіе о воспитаніи. Но кромѣ сего надлежитъ принять въ разсужденіе, что Божескія благословенія и наказанія въ родахъ не всегда идутъ слѣдомъ за добродѣтелями и пороками каждаго лица въ родѣ: но иногда ускоряютъ, чтобы пресѣкать зло и усиливать благо въ человѣчествѣ вообще, а иногда отстаютъ, чтобы дать мѣсто долготерпѣнію, или чтобы сберечь доброе на время, когда оно наиболѣе нужно. *Господь*, какъ взываетъ Онъ Самъ о себѣ, *Господь Богъ щедръ и милостивъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ, и истиненъ, и правду храняй, и творяй милость въ тысящи, отъемляй беззаконія, и неправды, и грѣхи, и повиннаго не очиститъ, наводяй грѣхи отцевъ на чада, и на чада чадъ, до третіяго и четвертаго рода* (Исх. XXXIV. 6. 7). Еслибы кто сталъ жаловаться на строгость, *наводящую грѣхи отцевъ на чада до третіяго и*

[4]) По Евреин. сборн.: событія?

четвертаго рода: всеблагій Богъ съ избыткомъ оправдываетъ суды свои *милостію*, которую простираетъ не на *четыре* только рода, но на *тысящи* оныхъ.

Мнѣ кажется, сіи размышленія и примѣры показываютъ, что супружество и званіе родителей не суть такіе предметы, которые бы можно ненаказанно предавать въ жертву страстямъ, и въ игралище легкомыслію, и что желающіе имѣть достойныхъ дѣтей благоразумно поступятъ, если предварительно самихъ себя сдѣлаютъ достойными родителями. Аминь [5]).

CXXX.

75. Бесѣда

о благомъ игѣ Хрістовомъ [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 г.).

Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.
(Матѳ. XI 30)

Господь Іисусъ призываетъ къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи*; обѣщаетъ имъ душевное успокоеніе: *Азъ упокою вы,— обрящете покой душамъ вашимъ*. Какой пріятный зовъ! Какое вожделѣнное обѣщаніе! Но какое средство употребитъ Онъ для успокоенія труждающихся и для облегченія обремененныхъ? Сниметъ ли съ нихъ бремя, которое ихъ удручало? Избавитъ ли ихъ отъ трудовъ, которые ихъ изнуряли? Безъ сомнѣнія, Онъ сіе сдѣлаетъ: но на первый разъ Онъ имѣетъ въ намѣреніи совсѣмъ другое. Онъ хочетъ, чтобы они приняли на себя

---

[5]) По Евреин. сборн.: Царь Россійскій сіе дѣлаетъ: благо царству, если подданные согласно послѣдуютъ благому царскому примѣру. Царство состоитъ изъ семействъ, а семейства связуются изъ лицъ благословенными узами супружества, и природныхъ, нравственностію укрѣпляемыхъ, отношеній между родителями и дѣтьми: чтобы надежно связано было цѣлое, надобно, чтобы частныя связи не были ветхи и гнилы, но чисты и крѣпки. Аминь.

[1]) По Евреин. сборн.: Слово въ день обрѣтенія мощей Преп. Сергія, говоренное въ Лаврѣ его іюля 5 дня 1828 года.

новое иго: *возмите*, говоритъ, *иго Мое на себе*. О милосердый Господи! Утружденныхъ ли посылать на новый трудъ? На обремененныхъ ли налагать новое бремя? Таковы ли у Тебя средства покоя?—Не смущайтесь; Господь вѣдаетъ, что творитъ; и несообразныя съ нашимъ мудрованіемъ средства Его сообразны съ намѣреніями Его премудрости[2]) Утружденные дѣлами плоти и міра найдутъ покой, если примутъ на себя новый трудъ духовный; обремененные игомъ діавола, связанные злыми привычками, отягченные въ совѣсти грѣхами, гонимые и удручаемые бичами страстей найдутъ облегченіе и свободу, если подклонятъ выю подъ иго Христово: *иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть*.

Христіане! Когда Самъ Іисусъ Христосъ, который есть Вѣчное Слово и Вѣчная Истина, нашелъ нужнымъ сказать, что *иго* Его *благо*, *и бремя* Его *легко есть*: то сіе, во-первыхъ, удостовѣряетъ насъ, что ученіе жизни Христіанской, къ исполненію котораго мы призываемся, воистину есть благотворно и удобно къ исполненію; во-вторыхъ, сіе показываетъ, что дѣйствительно нужно приступающихъ работати Господеви удостовѣрять въ удобоисполнимости ученія Христіанскаго.

Слышимъ еще и нынѣ жалобу, на которую такъ давно уже отвѣтствовалъ Божественный Учитель и Спаситель душъ,—жалобу на тягость ига Его, на строгость Его ученія, на трудность исполнять Его заповѣди. На чемъ же основывается сія жалоба? Въ чемъ состоитъ сія трудность?—Безъ сомнѣнія, въ томъ наиболѣе, что ученіе Христово повелѣваетъ человѣку идти противъ нѣкоторыхъ естественныхъ склонностей, преодолѣвать ихъ, умерщвлять, приносить въ жертву; и что требуетъ отъ Христіанина строгаго очищенія не только наружныхъ, но и внутреннихъ дѣйствій и движеній, не только дѣлъ и словъ, но и желаній и помышленій. Разберемъ сіи обвиненія человѣческія противъ Божественной Истины.

Истина не запирается, что она даетъ людямъ заповѣди, не такъ легкія, какъ дѣтскія игрушки, но такъ тяжелыя, какъ иго, коимъ обременяютъ работный скотъ. *Возмите иго*. Жалующіеся на Истину должны быть довольны симъ откровеннымъ

---

[2]) По Евреин. сборн.: Не смущайтесь, глаголетъ Господь: вѣдаю, что творю; и несообразныя съ вашимъ мудрованіемъ средства Мои сообразны съ намѣреніями Моей премудрости.

признаніемъ истины. Но чѣмъ болѣе откровенно ея признаніе въ томъ, что ея заповѣди суть иго: тѣмъ болѣе убѣдительно должно быть ея увѣреніе, что иго сіе благо, и бремя сіе легко. *Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.*

Люди, сколько нибудь благоразумные, и не совсѣмъ низкіе въ чувствованіяхъ, конечно не рѣшатся объявить требованіе на то, чтобы всегда быть и оставаться только дѣтьми, вѣчно заниматься только игрушками. Но если вы помышляете восходить выше сего состоянія: то надобно перейти къ занятіямъ дѣльнымъ, къ трудамъ, къ подвигамъ, — принять на себя *иго*.

На что *иго*?—скажутъ непокоривые: — человѣкъ не то, что работный скотъ; человѣкъ одаренъ разумомъ; для чего жъ бы не вести его изъ состоянія дѣтства къ возрасту совершенства путями разума, правилами понятными разуму, легкими волѣ, пріятными чувствамъ? На что бы отягчать его игомъ,—правилами часто непонятными разуму, трудными волѣ, непріятными чувствамъ?

Хорошо, разумные почитатели разума; откройте мнѣ сіи простыя, легкія и пріятныя правила, посредствомъ которыхъ могъ бы человѣкъ безъ труда, какъ будто въ нѣкую игру, выиграть совершенство и благополучіе. Только я боюсь, чтобы правила сіи не были слишкомъ легки, или, яснѣе сказать, легкомысленны. Ибо, вопреки сему самонадѣянному разуму, неоспоримый опытъ свидѣтельствуетъ, что въ сей земной жизни человѣка никакая способность его не образуется, никакое знаніе не пріобрѣтается, никакой успѣхъ не достигается безъ того, чтобъ онъ не впрягъ себя въ какое нибудь ярмо, не понесъ какого нибудь бремени. Чтобы научить отрока граматѣ, не впрягаете ли вы его въ жестокое для него ярмо учебныхъ часовъ, не отягчаете ли бременемъ непонятныхъ для него книгъ, не принуждаете ли цѣлый день твердить безсмысленныя и безвкусныя буквы? Что сказать о высшемъ образованіи сего самаго разума, который хочетъ быть законодателемъ легкой нравственности? Чтобы сдѣлаться достойнымъ своего имени, не преклоняется ли онъ подъ иго наставниковъ, не силится ли поднять вѣками собранныя бремена учености, и, чтобы понести оныя, не мучитъ ли тѣла безсонницею, не утомляетъ ли головы напряженными размышленіями? Чтобы сдѣлаться богатымъ, не отказываетъ ли себѣ человѣкъ надолго въ пріятностяхъ роскоши, не связываетъ ли себя строгимъ закономъ бережливости?

Чтобы получить жатву, не пріобщаетъ ли земледѣлецъ и самого себя къ ярму орющаго скота, и жнецы не наклоняютъ ли хребта своего [3]) передъ малымъ колосомъ, прежде нежели онъ послужитъ имъ въ пищу? Чтобы сдѣлать одежду для прикрытія и защищенія отъ воздушныхъ перемѣнъ тѣла человѣческаго, сколько нужно разныхъ искусствъ, разныхъ трудовъ, разныхъ орудій? Вотъ обыкновенные опыты человѣческой жизни! Какъ же люди, которые по природѣ думаютъ быть умнѣе и могущественнѣе природы, хотятъ легче научить человѣка добродѣтели, нежели граматѣ? Легче сдѣлать его совершеннымъ духовно, нежели какъ онъ дѣлается образованнымъ по-мірски? Легче доставить ему вѣчное блаженство, нежели какъ пріобрѣтается тлѣнное богатство? Легче достать живую пищу для безсмертной души, нежели какъ приготовляется безжизненная пища для смертнаго тѣла? Легче устроить нерукотворимую ризу правды и славы, нежели какъ устрояютъ рукодѣльную одежду нужды и стыда?

Если свидѣтельствъ природы не довольно для людей, которые хотѣли бы лучше слушаться природы, нежели Евангелія: буду отважнѣе; сошлюсь на свидѣтельство сихъ самыхъ людей въ томъ, что не легкость и пріятность, но трудность и пожертвованіе ознаменовываютъ истинную и возвышенную добродѣтель или совершенство въ человѣкахъ. Пускай сіи люди, которымъ Христіанскіе подвиги потому только не нравятся, что трудны,— пускай они скажутъ, удивляются ли они дѣламъ, которыя никакого труда не стоятъ, не требуютъ никакой побѣды надъ собою, никакого пожертвованія? Великое ли дѣло, когда богатый не грабитъ и не мздоимствуетъ? Не гораздо ли важнѣе то, когда неимѣющій насущнаго хлѣба не хочетъ пріобрѣсти его неправдою? Когда обиженный отмщаетъ: что тутъ важнаго? И звѣри то же дѣлаютъ. Но когда онъ щадитъ низложеннаго врага: тогда не только любомудрые, но и зрѣлищные цѣнители дѣлъ болѣе превозносятъ побѣдителя за побѣду надъ собственнымъ гнѣвомъ, нежели надъ силою врага. Что такъ въ общепринятомъ мнѣніи возвышаетъ надъ многими другими подвигами подвиги военные и смерть за Отечество, если не пожертвованіе собственною безопасностію за безопасность Отечества? Итакъ, если отъ добродѣтели требуются подвигъ и пожертвованіе, что-

[3]) По Евреин. сборн.· не нагибаются ли. .

бы она была достойна міра и его мнѣнія: можно ли менѣе требовать для того, чтобы она была достойна Бога и Его праведнаго избранія [4])? И если надобность подвига и законъ пожертвованія не дѣлаютъ неудобоисполнимою добродѣтели мірской: то какъ можно неудобоисполнимою почитать добродѣтель Христіанскую потому только, что она соединена съ тою же надобностію подвига, подчинена тому же закону пожертвованія?

Но чтобы прямѣе отвѣтствовать, почему Іисусъ Христосъ налагаетъ на Своихъ послѣдователей нѣкое иго и бремя, и какъ иго сіе оказывается благимъ и бремя легкимъ, приведемъ на память знающимъ и пріемлющимъ свидѣтельства Священныхъ Писаній [5]), что *человѣкъ*, нѣкогда *въ чести сый, не разумѣ* превосходства своего Ангелоподобнаго состоянія, и, обманутый прельщеніемъ искусителя, добровольно *приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Псал. XLVIII. 13), потому что прилѣпился къ чувственной природѣ, преимущественно предъ духовною. Сколько по естественному послѣдствію сего дѣйствія, столько же по праведному наказанію сего преступленія, онъ естественно находится нынѣ подъ игомъ чувственности, такъ что и старанія сдѣлать пріятнымъ иго плоти крушатъ духъ его, и усилія вырваться изъ-подъ ига сего другимъ образомъ удручаютъ его [6]), поелику грубое иго крѣпко налегло на него; прирасло къ нему, и онъ, какъ впряженный скотъ, не имѣетъ орудій самъ себя разрѣшить отъ онаго. Такимъ образомъ человѣкъ, по Апостольскому выраженію, *естествомъ чадо гнѣва*, всегда *труждается* [7]), безъ успокоенія; всегда *обременяется* безъ облегченія. Въ семъ состояніи обрѣтаетъ его Христосъ: и,—примѣчайте, какъ напрасно труждающійся и обремененный жалуется на облегчителя и успокоителя;—не теперь въ первые налагаетъ, но только перемѣняетъ игоего;—перемѣняетъ иго злое и тяжкое на благое и легкое,—иго похотей и страстей погибельныхъ на иго заповѣдей спасительныхъ. И Христовы заповѣди суть *иго*; потому что скотскія похоти надлежитъ обуздать, звѣрскія страсти укротить, и даже заклать чувственное удовольствіе, и принести въ жертву закону духовному: но иго Христовыхъ заповѣдей есть *иго благое*, потому что находя-

---

[4]) По Евреин. сборн.: праведнаго суда Его?

[5]) По Евреин. сборн.: Священныя преданія, .

[6]) По Евреин. сборн.: удручаютъ и удушаютъ его,..

[7]) По Евреин. сборн.: естественный человѣкъ всегда *труждается*,..

щійся подъ симъ игомъ ведется отъ состоянія болѣе или менѣе скотоподобнаго въ состояніе истинно человѣческое, Ангелоподобное, даже Богоподобное;—есть *бремя легкое*, потому что Господь, возлагающій оное, въ то же время благодатно подаетъ соразмѣрную силу нести оное. Иго Христово благо, и бремя легко: потому что чѣмъ охотнѣе человѣкъ несетъ оное, тѣмъ болѣе самъ становится благимъ; а чѣмъ болѣе самъ становится благимъ, тѣмъ легче для него становится исполнять благія заповѣди, такъ что наконецъ онъ творитъ волю Господню съ большею легкостію и удовольствіемъ, нежели собственную, и такимъ образомъ иго на раменахъ его совсѣмъ исчезаетъ или превращается въ крылія, которыя непрестанно несутъ его на Небо.

Въ сихъ размышленіяхъ уже заключается оправданіе истины Христіанской и противъ другаго обвиненія, будто она слишкомъ строга, когда требуетъ отъ своего послѣдователя очищенія не только наружныхъ, но и внутреннихъ дѣйствій и движеній. Подлинно, строгость заповѣдей Христовыхъ преслѣдуетъ и слова праздныя, и взоры нецѣломудренные, и желанія нечистыя, и помышленія суетныя: но какъ сему и быть иначе, когда *прилѣжитъ помышленіе человѣку прилѣжно на злая отъ юности его* (Быт. VIII. 21); а намѣреніе Христово есть возвести сего человѣка къ Богу, Которому никакое зло, никакая нечистота, никакая суета приближиться не можетъ?

Кто желалъ бы, чтобы законъ Христовъ снисходительно взиралъ на безпорядочныя блужденія человѣческихъ желаній и помышленій: того можно спросить, согласится ли онъ, чтобы по сему снисходительному закону поступали съ нимъ его дѣти или его друзья?—Отцу было ли бъ пріятно узнать, что его сынъ, видимо почтительный, втайнѣ жаждетъ его наслѣдства и ждетъ дня, въ который оно ему достанется? Какой другъ былъ бы доволенъ ласками и услугами своего друга, еслибы узналъ, что въ душѣ его нѣтъ любви и усердія, которыхъ оныя кажутся выраженіемъ? Если человѣкъ, который не видитъ мыслей и не знаетъ желаній своего ближняго, не удовлетворяется, когда не видитъ въ немъ внутренняго къ себѣ расположенія: то колико необходимѣе, чтобы чистоты желаній и мыслей требовалъ отъ человѣка Богъ, испытующій сердца и утробы [8])?

[8]) По Евреин. сборн.: Отцу было ли бы пріятно узнать, что его сынъ, но

А что сія строгость Евангельской нравственности не жестока, и ея требованія, при содѣйствіи благодати, въ данной каждому мѣрѣ, удобоисполнимы: въ томъ да увѣрятъ насъ, новоначальныхъ учениковъ Хрістовыхъ, благословенные, вѣками оправданные, опыты учениковъ Его совершенныхъ, изъ которыхъ многіе, конечно, живо чувствовали благодатную легкость, когда не только носили всецѣлое иго необходимыхъ заповѣдей, но и добровольно приложили къ нему иго совѣтовъ Евангельскихъ; отреклись не только отъ любостяжанія, но и отъ самаго стяжанія; не только въ наслажденіи отказывали плоти своей, но и необходимыя требованія тѣла ограничивали, чтобы тѣмъ удобнѣе распространять свою дѣятельность въ области духа.

Упокоенные и прославленные Игоносцы Хрістовы! Вашими оставленными намъ примѣрами, наставленіями, молитвами вспомоществуйте намъ [9]) труждающимся и обремененнымъ бременами плоти и міра, и съ вѣрою воспринимать, и съ любовію нести благое иго Хрістово, и въ немъ обрѣтать покой душамъ нашимъ. Аминь.

наружности почтительный, въ тайнѣ питаетъ желаніе скорой смерти его, чтобы скорѣе получить наслѣдство? Какой другъ былъ бы доволенъ откровенностію и приверженностію своего друга, еслибы узналъ, что онъ открываетъ совсѣмъ не то, что думаетъ, и внутренно презираетъ его? Если человѣкъ, который не видитъ мыслей и не знаетъ желаній своего ближняго, не почитаетъ въ немъ *невинными оскорбительными* для себя мысли и желанія: то колико необходимѣе, чтобы чистоты желаній и мыслей требовалъ отъ человѣка Богъ всевидящій и всевѣдущій?

[9]) По Евреин. сборн.: каковъ и сей, котораго благое и легкое иго Хрістово упокоило такъ, что торжество его покоя съ силою простирается и на насъ, еще труждающихся и обремененныхъ. Видно чувствовалъ онъ благодатную легкость, когда не только понесъ всецѣлое иго необходимыхъ заповѣдей, но и добровольно приложилъ къ нему иго совѣтовъ Евангельскихъ; отрекся не только любостяжанія, но и самаго стяжанія; не только въ наслажденіи отказалъ плоти своей, но и необходимыя требованія тѣла ограничилъ, чтобы тѣмъ удобнѣе распространить свою дѣятельность въ области духа; не только не искалъ возвышенія между человѣками, но избѣгалъ онаго, сколько то ему возможно было.

Упокоенный и прославленный Игоносецъ Хрістовъ! Твоимъ примѣромъ и твоими молитвами помогай намъ.....

CXXXI.

76. Слово

въ день Рождества Пресвятыя Богородицы [1]).

И отвѣщя имъ глаголя: кто есть мати Моя или братія Моя? (Марк. III, 33)

Отъ чего праведная Елисавета, какъ скоро увидѣла пришедшую къ ней Дѣву Марію, и услышала изъ устъ Ея обыкновенное привѣтствіе посѣщающихъ, тотчасъ исполнилась такою радостію, что радость сія сообщилась и младенцу во чревѣ ея [2]), и онъ взыгрался, и матерь воскликнула и начала благословлять Дѣву! Отъ того, какъ объясняетъ сама Елисавета, что въ Маріи узнала она Матерь Господа. *Откуду*, говоритъ, *мнѣ сіе да пріидетъ Мати Господа моего ко мнѣ?*

Отъ чего и Церковь о Пресвятой Дѣвѣ Маріи такъ радуется и съ такимъ восторгомъ ублажаетъ Ее [3])? Почему самому рожденію и младенчеству Ея воздаетъ праздничественную честь, безпримѣрную для прочихъ святыхъ и праведныхъ?—Кажется, и на сіе не нужно искать другаго отвѣта, кромѣ того, который нашли мы въ пророческомъ духѣ Елисаветы: Марія есть Мати Господа нашего.

Но посмотрите, какую нечаянность представляетъ намъ Евангеліе. Мати Господа, которую такъ рано нашла и намъ указала Елисавета, внезапно скрывается. Се Господь Самъ вопрошаетъ: *кто есть Мати Моя*?—Нельзя вообразить, чтобы Онъ или не зналъ Своея Матери, или хотѣлъ отречься отъ

---

1) По Евреин. сборн. слово сіе, безъ обозначенія дня и года, помѣщено послѣ словъ 1828 года и предъ словами 1829 года.

2) По Евреин. сборн.: младенцу, которымъ Елисавета была беременна,

3) По Евреин. сборн.: Правда. и всякаго праведника память съ похвалами. Но почему Св. Церковь память Пресв. Дѣвы сопровождаетъ особенною торжественностію, преимущественно предъ памятями всѣхъ прочихъ праведныхъ?

Нея: однако вопрошать: *кто есть Мати Моя*, значитъ или не знать Ея, или отрицаться отъ Нея [4]).

И что́ же мы дѣлаемъ, когда ублажаемъ благословенную Матерь Господа нашего, думая тѣмъ угодить Ему, и къ Нему чрезъ Нее приближиться, если Онъ нѣкоторымъ образомъ устраняетъ Ее отъ Себя [5])?

Не смущайтесь, Пѣснословцы Богородицы, отъ сего труднаго помышленія. Оно поведетъ насъ къ размышленіямъ, которыя не поколеблютъ, но утвердятъ насъ въ увѣренности о Ея Божественной славѣ, также какъ и въ разумѣніи святаго ученія Сына Ея и Бога.

Сѣдяше, повѣствуетъ Евангелистъ Марко, *народъ окрестъ Его. Рѣша же Ему: се Мати твоя и братія твоя и сестры твоя внѣ ищутъ тебе. И отвѣща имъ глаголя, кто есть Мати Моя или братія Моя?*

Что не хощетъ Онъ знать братій Своихъ, то понять не трудно. Въ то время они были достойны таковаго отчужденія, потому что, какъ замѣчаетъ Евангелистъ Іоаннъ, *ни братія Его вѣроваху въ Него* (VII. 5) [6]). Но и кромѣ вины невѣрованія ихъ, справедливо сіе потому, что это были мнимые только братія Іисуса; ибо это было родство [7]) Іосифа, мнимаго отца Іисусова. Такимъ образомъ, отрекаясь отъ братій, по рожденію плотскому такъ называемыхъ, Господь не отрицаетъ никакой истины земной, а утверждаетъ небесную истину Своего Божественнаго рожденія.

Но какимъ образомъ и Матерь Господа подвержена одинакому жребію съ Его братіями? Она не мнимая, а истинная матерь Его по человѣчеству; и сего высокаго достоинства никогда не унизила Она невѣрованіемъ въ Него. яко истиннаго Сына Божія. Одна та вѣра, которою Она пріяла Его, прежде Его земнаго рожденія и зачатія, во время благовѣщенія Архангело-

---

[4]) По Евреин. сборн.: Что сіе значитъ? Онъ ли не знаетъ ея? или зная не узнаетъ? или зная и узнавая отрекается отъ нея?—Не вѣроятно ни то, ни другое, ни третье. Однако вопрошать: *кто есть Мати Моя*,—значитъ, или не знать, или не узнавать Ее, или отрицаться отъ Нея.

[5]) По Евреин. сборн.: а Онъ какъ будто уклоняется отъ Нея и не хочетъ признавать Ее.

[6]) По Евреин. сборн. далѣе слѣдуетъ: Поелику они не признали Его въ царствѣ благодати: справедливо не признаетъ и Онъ ихъ въ царствѣ природы.

[7]) По Евреин. сборн.: дѣти.....

ва, уже превосходитъ вѣру всѣхъ прочихъ вѣрующихъ. Когда Іисусъ, еще младенецъ, во ясляхъ, признанъ отъ пастырей Спасомъ, Христомъ, Господомъ [8]): чѣмъ, какъ не вѣрою, побуждаема была *Мати Его соблюдать вся глаголы сія въ сердцы Своемъ* (Лук. II. 19)? Прежде нежели чудесами *явилъ* Онъ *славу Свою и вѣроваша въ Него ученицы Его* (Іоан. II. 11), Матерь Іисусова столько уже вѣровала въ Его чудодѣйственную силу, что сотворить первое чудо въ Канѣ Галилейской, Она именно Его убѣдила. Такъ Она и ранѣе другихъ, и совершеннѣе другихъ, и вѣровала въ Него, и познавала Его: а Онъ, то произноситъ вожделѣнное имя Матери, и уклоняется отъ того, чтобы видѣть ее [9]): *кто есть Мати Моя*? то видитъ Ее, и не даетъ Ей имени Матери: *что есть,* глаголетъ, *мнѣ и тебѣ жено*? И паки: *жено, се сынъ твой.*

Господи! Не дѣянія Твои мы истязуемъ; но премудрости Твоей спасительной научиться желаемъ. Не поставви намъ въ вину испытанія писаній [10]) и даруй благодать разумѣнія.

Нужно ли предостерегать васъ, Христіане, дабы вы не подумали, будто Господь не вполнѣ чтитъ Преблагословенную Матерь Свою? Едва ли нужно. Ибо вамъ должно быть извѣстно всеобщее противъ недоразумѣній сего рода предостереженіе, которое Онъ Самъ сдѣлалъ еще Іудеямъ, когда сказалъ: *да не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки; не пріидохъ разорити, но исполнити* (Матѳ. V. 17). Посему, безъ сомнѣнія, не разорилъ, но исполнилъ Онъ и сію заповѣдь закона: *чти отца твоего и матерь твою.* И подлинно, когда Его, еще въ юныхъ лѣтахъ, проникнутаго чувствомъ Своего назначенія, не разумѣвшіе того родители пришли отторгнуть отъ собесѣдованія съ учителями закона Божія, и увлечь [11]) изъ храма; тогда Онъ, хотя сдѣлалъ возраженіе про-

---

[8]) По Евреин. сборн.: далѣе слѣдуетъ: или когда въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ во Храмѣ открывалъ Онъ Свое существо и назначеніе непонятными тогда словами: *въ тѣхъ, яже Отца Моего, достоитъ Ми быти:*....

[9]) По Евреин. сборн.: не желаетъ видѣть Маріи:.....

[10]) По Евреин. сборн.: Господи долготерпѣливе и многомилостиве! Не дѣянія Твои пресвятыя мы грѣшные и недостойные истязуемъ; но премудрости Твоей спасительной научиться желаемъ. Прости дерзости испытанія.....

[11]) По Евреин. сборн.: противъ Его воли отторгли отъ собесѣдованія съ учителями закона Божія, и извлекли.. . .

тивъ сего поступка родителей, но тѣмъ не менѣе *бѣ повинуяся има* (Лук. II. 51). И наконецъ, когда страданія крестныя раздирали Его душу и тѣло; когда пронзенными членами такъ тяжко висѣлъ Онъ на гвоздяхъ между жизнію и смертію, а на Немъ цѣлый міръ висѣлъ надъ погибелію въ ожиданіи спасенія [12]), ни муки всего ада, ни попеченія всего міра, всѣхъ временъ и вѣчности, не заглушили въ Немъ чувства законной обязанности къ Матери. Сію обязанность, которой исполненіе пресѣкалось для Него вмѣстѣ съ земною жизнію, Онъ передалъ тогда Іоанну, котораго дѣвство и любовь содѣлали достойнымъ служителемъ Дѣвы-Матери; а чрезъ то и въ сей части закона, подобно какъ во всѣхъ другихъ, показалъ намъ совершенство, состоящее въ томъ, чтобы почтеніе къ родителямъ, и попеченіе о нихъ, простиралось на всѣ обстоятельства жизни, до гроба, и далѣе гроба.

Если же и въ столь трудныхъ обстоятельствахъ столь совершенное почтеніе Матери Своей оказалъ Господь нашъ: то безъ сомнѣнія должно заключить, что и въ другихъ случаяхъ, хотя Онъ, повидимому [13]), чуждался Ея, чуждался отнюдь не въ предосужденіе духовному *величію*, которое *сотворилъ* Онъ Ей Своимъ отъ Нея рожденіемъ, а только по уваженію другихъ высокихъ обязанностей Своего земнаго служенія. Вспомнимъ Его ученіе: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣстъ Мене достоинъ*; *и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣстъ Мене достоинъ* (Мат. X. 37). Такъ поучая, такъ долженъ Онъ былъ и творить, и примѣромъ дать силу поученію, по собственному Его правилу, что *великій въ царствіи небеснѣмъ* долженъ *сотворить и научить* (Матѳ. V. 19). Посему надлежало Господу Іисусу когда нибудь въ земной жизни Своей дѣломъ показать, какъ любитъ Онъ земную Матерь Свою совершенно, только не *паче* Отца Своего небеснаго, и какъ сыновнюю по человѣчеству любовь приноситъ въ жертву дѣлу Божію, Имъ совершаемому.

Теперь смотрите, какъ симъ умозрѣніемъ объясняются дѣла Христовы, казавшіяся съ перваго взгляда непонятными [14]).

Матерь Іисуса требуетъ, чтобы Онъ чудесно произвелъ вино

---

[12]) По Еврейн. сборн.: между погибелію и спасеніемъ.....

[13]) По Еврейн сборн.: нѣкоторымъ образомъ.....

[14]) По Еврейн. сборн. далѣе слѣдуетъ: и странными.

на бракѣ. Но чудеса назначены не для угожденія Матери, а для явленія славы Божіей. Итакъ здѣсь угожденіе Матери надлежало принести въ жертву: и, для совершенства сего жертвоприношенія, пожертвовано и самою мыслію о Матери, и самымъ наименованіемъ Матери [15]): *что есть Мнѣ и тебѣ жено?* Впрочемъ, часъ явить славу Божію, который не пришелъ прежде сея жертвы, наступилъ въ слѣдъ за оною: и потому чудо, въ которомъ, повидимому, отказано Матери, чрезъ минуту совершается.

Матерь Іисуса и братія Его приходятъ, чтобы взять Его изъ дома, гдѣ Онъ многочисленному народу проповѣдуетъ небесную истину. Они предприняли сіе по доброму побужденію, почитая Его находящимся въ опасности: потому что его враги оглашали Его то неистовымъ, то дѣйствующимъ чрезъ князя бѣсовскаго, и умышляли погубить Его. Но еслибы Онъ покорился волѣ Своихъ сродниковъ: то былъ бы нанесенъ вредъ дѣлу Божію, не только потому, что безвременно прервалась бы Его проповѣдь, но и потому, что враги Его, какъ доказательство клеветы, употребили бы взятіе Его сродниками, какъ будто имѣющаго нужду въ ихъ попеченіи [16]). Итакъ должно было и здѣсь угожденіе Матери принести въ жертву: и сія жертва опять была полнымъ всесожженіемъ, то-есть Господь принесъ въ жертву всю Свою любовь къ Возлюбленной Матери, и самую мысль и память о Ней [17]): *кто есть мати Моя?*

Какъ-бы такъ говорилъ Онъ: «для чего волею земной Матери «хотите вы отвлечь Меня отъ исполненія воли Отца небеснаго? «Когда сіи двѣ воли влекутъ въ разныя стороны: Я знаю, и «тотчасъ покажу, которой изъ нихъ и съ какою рѣшительно- «стію должно послѣдовать. Оставляю земное рожденіе и род- «ство, какъ-бы Я забылъ его, какъ-бы его совсѣмъ не было: «совершенно преданъ есмь волѣ Отца небеснаго, и дѣлу Его, «и Царствію Его; здѣсь ищу Себѣ и родства, если его имѣть

---

[15]) По Еврейн сборн. Итакъ здѣсь угожденіе Матери должно быть принесено въ жертву: и она приносится въ такомъ совершенствѣ, что самое имя Матери сгараетъ въ семъ всесожженіи ....

[16]) По Еврейн сборн : клеветы о неистовствѣ Его, употребили бы взятіе Его подъ надзоръ сродниками.

[17]) По Еврейн. сборн.: и сія жертва опять была всесожженіемъ, въ которомъ сгарала самая мысль о личности Возлюбленной Матери:...

«надобно: *кто есть мати Моя или братія Моя?* Кто же они? «*Чада Божіи, вѣрующіе во имя Его, иже не отъ крове, ни* «*отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ* «*Бога родишася* (Іоан. I. 12. 13); или иначе: *иже аще сотво-* «*рить волю Божію, сей братъ Мой, и сестра Моя, и ма-* «*ти Ми есть*».

Видите, Христіане, что Господь не Матерь Свою, всякаго ублаженія достойную, вниманія лишаетъ [18]), но насъ поучаетъ истинѣ и правдѣ, словомъ и примѣромъ. Внимайте и поучайтесь; примѣчайте и подражайте.

Когда родители, сродники, наставники, начальники требуютъ отъ васъ того, что противно мудрованію вашему, вашей склонности, вашему вкусу, но что нужно, или полезно, или по крайней мѣрѣ, безвредно: пожертвуйте мудрованіемъ вашимъ, вашею склонностію, вашимъ вкусомъ обязанности повиновенія. Вспомните Іисуса, Премудрость Божію, Который *бѣ повинуяся* Іосифу древодѣлю.

Когда ваши родители, сродники, ближніе, требуютъ помощи, утѣшенія, служенія, между тѣмъ какъ вы сами въ нуждѣ, въ скорби, въ немощи: соберите послѣднія силы ваши; забудьте свою скорбь для облегченія ихъ скорби; раздѣлите съ ними послѣднюю крупицу и послѣднюю каплю. Вспомните Іисуса, среди мученій крестныхъ, пекущагося о спокойствіи Своей Матери.

Но когда несчастный примѣръ и желанія вашихъ родителей, сродниковъ, людей вами почитаемыхъ и любимыхъ, отвлекаютъ васъ отъ исполненія священныхъ обязанностей къ Богу, вовлекаютъ въ дѣла противныя закону, нарушающія миръ совѣсти, противныя истинному благу и спасенію безсмертной души вашей: тогда спросите и вы себя словомъ Іисусовымъ: *кто есть мати моя, или братія моя?* Вспомните, что у васъ есть лучшее и высшее обыкновеннаго родство; что Богъ, Отецъ вашъ; что Церковь, Матерь ваша, что всѣ творящіе волю Божію, всѣ Святые, суть ваши братія, или по крайней мѣрѣ, желаютъ быть вамъ братіями; не унизьте себя предъ симъ высокимъ родствомъ; не разлучите себя отъ сего добраго и прекраснаго семейства; сотворите и вы волю Божію вмѣсто человѣческой; да и на васъ укажетъ Господь, и речетъ: *се мати Моя и братія Моя*. Аминь.

---

[18]) По Евреин. сборн.: оскорбляетъ,...

1829 годъ.

CXXXII.

77. Рѣчь

къ Преосвященному Епископу Тамбовскому Евгенію по рукоположеніи Его.

(Говорена въ Успенскомъ Соборѣ, іюня 9 дня; напечатана въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Благодатію Всесвятаго Духа совершилось нынѣ надъ тобою дѣло видимое въ своихъ знаменіяхъ, невидимое въ существѣ своемъ; таинственное въ отношеніи между знаменіями его и существомъ его,—дѣло, имѣющее видъ человѣческаго по своимъ орудіямъ, но воистину Божественное по силѣ въ немъ дѣйствующей, не столько понятное для разума, сколько ощутимое вѣрою,—можетъ быть, не довольно ощущаемое по нашему несовершенству, тѣмъ не менѣе существенное и дѣйствительное.

Святый Апостолъ говоритъ *о дарованіи*, которое *дается съ возложеніемъ рукъ священничества*, и которое *живетъ* въ человѣкѣ, пріявшемъ оное (1 Тим. IV. 14). Какъ въ привитомъ деревѣ живетъ сила, производящая плодъ по роду и качеству прививка: такъ и въ человѣкѣ, которому священнымъ тайнодѣйствіемъ, такъ сказать, прививается благодатная сила, живетъ она потомъ, дѣйствуетъ чрезъ него, и производитъ благодатный плодъ по роду и степени, въ какомъ сообщена.

Да не испытуетъ неукрощенное любопытство, какимъ образомъ при возложеніи рукъ, или священныхъ писменъ, или ризъ, передается духовная сила: но пусть благоговѣйный умъ наблюдаетъ и соображаетъ какъ еще въ тѣ времена, когда токи благодати не такъ отверзты были, какъ отверзлись въ язвахъ рас-

пятаго Спасителя,—еще, говорю, въ тѣ времена, Илія, напримѣръ, повергаетъ ризы свои на Елисея, и сей чувствуетъ непреодолимое побужденіе оставить все, чтобы вдругъ изъ простаго земледѣльца переродиться въ сына пророческаго; какъ опять тотъ же Илія въ минуту своего вознесенія низвергаетъ милоть свою на Елисея, и сей получаетъ съ нею сугубый духъ своего посвятителя; или какъ самый не благодатный изъ Архіереевъ (потому что произнесъ осужденіе на самую благодать и истину), еще обнаруживаетъ въ себѣ вышнюю пророческую силу, потому только, что онъ Архіерей: *не о себѣ рече*, замѣчаетъ Святый Евангелистъ, *но Архіерей сый, пророчс* (Іоан. XI. 51). Если еще во времена сѣней и гаданій такъ ясно иногда просіявала тайнодѣйственная сила: что должно думать о временахъ самой благодати и истины? Если въ сосудѣ, полномъ адскихъ вліяній, еще продолжала дѣйствовать прежде-вліянная въ него благодать Архіерейства: что сказать о сосудахъ, не только освященныхъ въ свое время тайнодѣйствіемъ, но и сохраняющихъ, умножающихъ, возобновляющихъ свое освященіе чистою вѣрою, чистою молитвою, чистою жизнію, очистительнымъ покаяніемъ?

Итакъ, Боголюбезный братъ и сопричастникъ тайнодѣйственныя благодати, вступивъ нынѣ во Святилище сіе съ вѣрою, что примешь *дарованіе* Божіе, изыди отселѣ съ новою вѣрою, что *живетъ* въ тебѣ отнынѣ сіе дарованіе; и сею вѣрою возбуждаемый, со страхомъ носи сокровище, которое *имамы въ скудельныхъ сосудахъ* (2 Кор. IV. 7) нашей немощи и недостоинства,—*не нерадн*,—напоминаемъ тебѣ словомъ того же Апостола, который далъ намъ свидѣтельство о дарованіи Святительскомъ—*не нерадн о дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть*, нынѣ, *съ возложеніемъ рукъ* Архіерейства. Напоминаніе не строгое, чтобы не устрашить тебя великостію требованія, впрочемъ довольно знаменательное, чтобы указать тебѣ твои обязанности, и достаточное, чтобы руководствовать тебя къ исполненію оныхъ.

Нѣтъ причины предполагать, чтобы много было, наипаче между служителями Таинствъ, людей, упорно отвергающихъ дарованіе Божіе. Но печальный опытъ сего останка временъ показываетъ, что не много и такихъ, въ которыхъ бы дарованіе Божіе приносило плодъ такъ обильный и очевидный, какъ въ Апостолахъ и Богоносныхъ Отцахъ нашихъ. Чѣмъ же наполняется обширная средина между сими крайностями? Безъ со-

мнѣнія людьми, которые не довольно радятъ о дарованіи въ нихъ Божіемъ. И такъ *не нерадѝ* о немъ: и возможешь съ симъ, толь краткимъ и простымъ правиломъ, идти такъ близко за самыми Апостолами, какъ Святый Тимоѳей за Святымъ Павломъ.

Видишь ли себя знающимъ Божественные догматы: не помышляй, что знаешь довольно, и не переставай *внимать ученію* для самаго себя: *не нерадѝ*. Поучаешь ли народъ: не вознерадѝ, сравнивая себя съ другими, рѣже въ семъ упражняющимися; но поревнуй Павлу, который день и ночь со слезами училъ своихъ, и отъ того истина словъ его была, какъ животворное солнце, а слезы его, какъ благотворный дождь, для духовной нивы.

Встрѣтишь ли въ паствѣ твоей невѣжествующихъ и заблуждающихъ: не обезпечивай себя мыслію, что они сдѣлались такими при твоихъ предшественникахъ: *не нерадѝ*. Безуспѣшность предшественниковъ не оправдаетъ безуспѣшности преемника.

Усмотришь ли Христіанъ не христіански живущихъ: не раздражайся, но и не смотри равнодушно: *не нерадѝ*. Обличи злое дѣло кроткимъ словомъ, и еще болѣе обличи добрымъ примѣромъ.

Особенно *не нерадѝ* употреблять дарованіе разума духовнаго на безпристрастное испытаніе и осмотрительное руководствованіе тѣхъ, которымъ будешь давать участіе во благодати Священства, и святую ревность на очищеніе Дома Божія отъ соблазновъ, сѣемыхъ недостойными служителями Олтаря. Для сего со страхомъ воспоминай нерадѣніе первосвященника Илія, которое кончилось погибелію его и его дѣтей, и уничиженіемъ самой святыни Кивота Божія.

Се, въ знаменіе твердости правленія и благоразумной строгости вручаемъ тебѣ и священный жезлъ. Употребляй его сколько можно болѣе, какъ жезлъ пасущій, и сколько можно менѣе, какъ палицу наказующую; болѣе угрожай, нежели поражай, и все безъ нерадѣнія, со вниманіемъ, съ разсужденіемъ, со страхомъ Божіимъ.

Самъ же Пастыреначальникъ да упасетъ и тебя и ввѣренное тебѣ стадо, *утѣшая* тебя и подкрѣпляя невидимымъ *жезломъ* Своего верховнаго всеспасительнаго Провидѣнія и управленія. Аминь.

CXXXIII.

78. Слово

въ недѣлю вторую по пятидесятницѣ [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ).

Она же абіе, оставльша корабль и отца своего, по немъ идоста. (Матѳ. IV. 22).

Въ Евангеліи встрѣчаются намъ [2]) нынѣ вдругъ четыре человѣка, которые все, что имѣли, на чемъ утверждали свое благосостояніе, что любили въ мірѣ, оставили для того, чтобы слѣдовать за Іисусомъ Христомъ, не имѣющимъ гдѣ главы подклонити.

Удивительный примѣръ силы, дѣйствующей въ словѣ Христовомъ! Ибо единое слово Христово: *грядита по Мнѣ*, увлекло за Нимъ Петра, Андрея, Іакова, Іоанна, невидимою, но непреодолимою силою, подобно какъ магнитъ нѣкою сокровенною силою, привлекаетъ къ себѣ желѣзо.

Удивительный примѣръ и вѣры, съ какою Апостолы приняли слово Христово, которое, по изъясненію другаго Апостола, не пользовало бы, если бы осталось только *словомъ слуха*, и не было *растворено вѣрою слышащихъ* (Евр. IV. 2)! Ибо хотя Господь и подкрѣпилъ требованіе послѣдованія за Нимъ величественнымъ обѣщаніемъ, содѣлать рыбарей *ловцами человѣковъ*: но сіе великое обѣщаніе такъ же трудно было имъ понять и принять, какъ и оставить малое достояніе, по видимому, необходимое, и утѣшеніе, по видимому, неразлучное съ самою природою человѣческою.

Впрочемъ, для удивленія ли только представлено намъ въ Евангеліи сіе необыкновенное зрѣлище? Довольно ли намъ оставаться благоговѣйными зрителями столь рѣшительныхъ послѣ-

[1]) По Евреин. сборн. значится произнесеннымъ въ Чудовѣ монастырѣ іюня 16 дня 1829 года.

[2]) По Евреин. сборн.: Евангеліе показываетъ намъ...

дователей Хрістовыхъ, или надлежитъ и намъ по тѣмъ же самымъ слѣдамъ идти за Хрістомъ, Который есть единый ихъ и нашъ Наставникъ и Путеводитель? Не должно ли и намъ что нибудь *оставить*, чтобы сдѣлаться истинными послѣдователями Хрістовыми?—Подумаемъ о семъ хотя не много.

Надлежитъ разсудить, какая была существенная причина того, что святые Апостолы такъ рѣшительно все оставили, чтобы слѣдовать за Хрістомъ. Скажемъ ли, что то было безпредѣльное могущество слова Хрістова? Правда, слово Хрістово, яко Божіе, дѣйствуетъ безпредѣльно могущественно; впрочемъ оно никогда не дѣйствуетъ излишно: итакъ симъ предложенный вопросъ не разрѣшается, а только превращается въ другой вопросъ: для чего слово Хрістово дѣйствовало на Апостоловъ такъ сильно, чтобы отторгнуть ихъ отъ всего, къ чему они могли быть привязаны по нѣкоторой нуждѣ, и даже по самой природѣ и закону? Скажемъ ли опять, что сіе особенно нужно было для Апостоловъ, посылаемыхъ проповѣдывать Евангеліе всей твари, чтобы никакая тварь въ особенности не привязывала ихъ къ себѣ, не удерживала, не развлекала ихъ вниманія, объемлющаго спасеніе всего міра? И то правда: однако-жъ будетъ ли справедливо, если сихъ людей, которые своимъ служеніемъ должны пріобрѣсти Богу весь міръ,—ихъ то именно, и однихъ ихъ, приговоримъ потерять весь міръ, а себѣ самимъ тѣмъ болѣе дадимъ права пользоваться міромъ, чѣмъ менѣе полезны мы Царствію Божію? Не возстанетъ ли противъ сего разсужденія наша совѣсть? А сіе не обращаетъ ли насъ къ такому заключенію, что если избранные, святые, ближніе, други, братія, сопрестольники Хрістовы должны были все въ мірѣ оставить, потерять, отвергнуть, презрѣть, возненавидѣть, забыть, чтобы Единаго Хріста пріобрѣсть, и Ему Единому принадлежать, кольми паче мы, рабы Его недостойные, едва только не отверженные, обязаны принести нѣкую подобную, хотя менѣе полную, и совершенную жертву вѣрѣ въ Него, любви къ Нему, слову Его и заповѣдямъ Его?

Если можетъ быть сомнѣніе о томъ, правильно ли сіе заключеніе: оставимъ, поколику то возможно, и самое умствованіе вмѣстѣ со всемъ прочимъ, что надлежитъ оставить для Хріста, и послушаемъ самаго слова Хрістова, котораго конечно ни въ какомъ случаѣ оставлять не должно. Тако глаголетъ оно: *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и ма-*

*тер*ъ, *и жену, и чад*ъ, *и братію, и сестр*ъ, *еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. XIV. 26). Дабы, вы не подумали, что сіе строгое изреченіе относится къ однимъ избраннымъ ученикамъ, или Апостоламъ, святый Евангелистъ не оставилъ съ точностію предварить, къ кому оное произнесено. *Идяху*, говоритъ, *съ Нимъ народи мнози; и обращся, рече къ нимъ.* И такъ не на нѣкоторыхъ только избранныхъ, но на всѣхъ безъ изъятія простирается сей приговоръ, что тотъ не можетъ быть ученикомъ Христовымъ, кто не *оставитъ*, или не *возненавидитъ* всего, по естеству любезнаго, то есть кто крѣпкою любовію къ Богу не превозможетъ и не преобѣдитъ любви ко всему, что любятъ внѣ Бога.

На что,—спросятъ, можетъ быть,—сіи жертвы лишенія для Бога, Который ничего не пріобрѣтаетъ чрезъ нихъ? Подлинно Богу, какъ вседовольному и всеблагому, не для—чего лишать, потому что нечего требовать; Онъ Самъ даетъ все, и всѣмъ дарствуетъ. Но Онъ и не требуетъ для себя никакихъ лишеній: а человѣкъ самъ не можетъ обойтись безъ нихъ для пріобрѣтенія лучшаго. Сіе ясно показываетъ образъ, представленный въ Евангеліи. Господь не говоритъ Апостоламъ: оставьте мрежи, оставьте корабль и отца своего: Онъ только воззываетъ ихъ; Онъ говоритъ только: *грядита по Мнѣ*. Но когда они хотятъ исполнить сіе слово, послѣдовать сему воззванію: тогда оказывается, что сіе надлежитъ начать оставленіемъ своихъ мрежъ, своего корабля и отца своего. Если бы они не оставили мрежъ, корабля, отца: то и не послѣдовали бы за Іисусомъ. Кто хочетъ плыть: тому прежде надлежитъ отвязать, или, для поспѣшности, отсѣчь веревку, которою [3]) лодка его прикрѣплена къ берегу. Кто желаетъ дѣйствительно быть на пути къ небу: тому необходимо нужно, или постепенно, — со вниманіемъ и усиліемъ разрѣшить, или, если боится закоснѣть, и если чувствуетъ въ себѣ довольно силы,—рѣшительнымъ ударомъ отсѣчь всѣ страстныя, земныя привязанности. Надобно освободиться отъ похотей плоти, чтобы предаться влеченію духа. Надобно попрать ногами земное, чтобы мудрствовать горняя. Надобно извергнуть изъ сердца міръ, чтобы нашлось въ ономъ довольно пространства для безпредѣльной любви къ безконечному Богу.

Вотъ, Христіане, одно изъ начальныхъ Евангельскихъ ученій,

[3]) По Еврейн. сборн : канатъ, которымъ...

такъ какъ оно и предложено намъ почти въ началѣ [1]) Евангельской жизни Апостоловъ. Посему не многаго потребуемъ отъ васъ, если предложимъ, чтобы вы предъ собственною совѣстію испытали себя, сколько успѣховъ оказали вы въ семъ ученіи.

Не отваживаюсь спрашивать, многіе ли изъ насъ, въ строгомъ и полномъ смыслѣ, *оставили все*, ради послѣдованія Іисусу Христу. Признавая свое несовершенство и недостоинство, не признаю себя въ правѣ испытывать о томъ, чего Самъ Господь требуетъ токмо отъ нѣкоторыхъ, подъ условіемъ совершенства: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. XIX. 21).

Если мы не оставили всего для Христа самымъ дѣломъ: исполняемъ ли сіе хотя отчасти намѣреніемъ и желаніемъ? Говоритъ ли въ тебѣ иногда сердце твое: какъ много еще я имѣю въ мірѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, что необходимо потребно для жизни временной! Какъ обременяюсь отъ того заботами! Какъ развлекаюсь удовольствіями! Господи, обнищавый мене ради! Даруй мнѣ причаститися святыя и спасительныя нищеты Твоея, оставить мыслями попеченія, оставить чувствами удовольствія! Какъ многое, и какъ живо еще люблю я въ семъ преходящемъ мірѣ, и какъ связуюсь иногда, то желѣзными узами любви огорченной, то златыми узами любви удовлетворяемой взаимностію и благополучіемъ, и какъ тѣ и другія воспящаютъ меня въ пути любви Божественной! Господи, возлюбивый насъ тако, яко душу Твою положилъ еси за насъ! Помоги мнѣ, ради любви къ Тебѣ, умѣрить любовь естественную, умертвить любовь пристрастную, возненавидѣть не довольно любящую Тебя душу мою, да чистая любовь Духа Твоего Святаго *дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ, и полещу, и почію* (Псал. LIV. 7) у Тебя, и въ Тебѣ Единомъ?

Но дабы самыя сіи чувствованія не прельстили тебя однимъ призракомъ, или не рѣшительнымъ порывомъ отрѣшенія отъ тварей: осмотрись, и примѣть, оставилъ ли ты самымъ дѣломъ для Бога хотя что нибудь, и особенно то, чѣмъ наиболѣе искушается господствующая склонность твоя. *Авраамъ бяше богатъ зѣло* (Быт. XIII. 2); и онъ не отвергъ и не расточилъ богатства своего: но когда, ради любви къ Богу, не пощадилъ сына

[1]) По Еврепн. сборн. и собр. 1844 г.: въ началѣ Евангельскихъ дѣяній Христовыхъ, и въ самомъ началѣ....

своего возлюбленнаго, тогда не осталось никакого сомнѣнія, что онъ готовъ былъ для Бога пожертвовать всѣмъ, что имѣлъ, безъ малѣйшаго остатка. Если ты, напротивъ, при восторгахъ желанія служить Богу, при изъявленіи готовности пожертвовать для Него всѣмъ, не пожертвовалъ еще для Него дѣйствительно ничѣмъ, за что держится твоя любовь къ собственности [5]): то готовность твоя, и желаніе твое очень [6]) сомнительны. Если ты ничего еще не оставилъ въ мірѣ: то [7]) не сдѣлалъ еще ни одного шага въ слѣдъ за Христомъ, ни одного шага по пути къ небу.

Призови насъ, Господи, вседѣйствующимъ словомъ Твоимъ, во слѣдъ Тебѣ, и вдохни въ насъ непритворное чувство оставленія всего, ради Тебе единаго, да все въ Тебѣ обрящемъ, и сами въ любви Твоей обрящемся. Аминь.

CXXXIV.

79. Бесѣда

изъ словъ святаго Апостола Павла о молитвѣ духомъ умомъ [1]).

Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ: воспою духомъ, воспою же и умомъ. (1 Кор. XIV. 15).

Молитва есть дѣло толикой важности въ жизни духовной, что если бы кто хотѣлъ разрѣшить для себя недоумѣніе, находится ли онъ на пути къ совершенству жизни духовной, то ему надлежало бы примѣчать, имѣетъ ли онъ какой-нибудь успѣхъ въ молитвѣ. Ибо если взять въ разсужденіе слово Господне: *вся, елика аще вопросите въ молитвѣ вѣрующе, пріимите*; то по необходимости должно заключить, что кто умѣетъ

---

[5]) По Евреин. сборн.: пріятнымъ твоей собственности....

[6]) По Евреин. сборн.: слишкомъ...

[7]) По Евреин. сборн.: то вѣрно....

[1]) По Евреин. сборн : Слово въ день обрѣтенія мощей Преп. Сергія, говоренное въ Лаврѣ его іюля 5 дня 1829 года.

съ вѣрою въ молитвѣ просить всего, потребнаго къ совершенству жизни духовной, тотъ все сіе и пріемлетъ, и потому, безъ сомнѣнія, идетъ къ совершенству жизни духовной, и наконецъ достигаетъ онаго. [2])

Судя по толикой важности молитвы для жизни духовной, мы должны быть очень заботливы [3]) о лучшемъ и надежнѣйшемъ способѣ совершать молитву

Будемъ же внимательны. Вотъ Апостолъ, сказуя, какъ лучше желалъ бы молиться онъ самъ, чрезъ сіе даетъ намъ самое надежное наставленіе, какъ и намъ лучше молиться. *Помолюся*, говоритъ, *духомъ, помолюся же и умомъ: воспою духомъ, воспою же и умомъ.*

Въ изреченіи Апостола представляются, во-первыхъ, два внѣшніе вида молитвы: *помолюся, воспою,* — молитва словесная и молитва пѣсненная.

---

[2]) По Евреин. сборн. далѣе слѣдуетъ: Угодно ли вамъ къ очевидности сего разсужденія присовокупить очевидность близкаго примѣра. Указуемъ вамъ на сего мужа молитвы, у котораго струнми вышней жизни, до избытка наполнившей душу, оросилась и мертвенная плоть, такъ что и гробъ его, возведенный отъ земли, уподобился небошественной колесницѣ пророка, посылая отъ себя силу и благодать. Спросите у него, какъ достигъ онъ толикаго совершенства? Какъ возвысился къ толикой славѣ? Помощію ли мудрости, многимъ ученіемъ пріобрѣтенной? На сіе отвѣтствуетъ жизнь его, что онъ вовсе не искалъ сей мудрости, не вступалъ ни въ какую обитель сея мудрости, не собиралъ себѣ никакихъ писаній ученаго любомудрія. Руководствомъ ли наставниковъ? — Правда онъ имѣлъ въ дѣтствѣ своемъ необыкновеннаго наставника, который его, еще не наученнаго чтенію и непонятливаго отрока, въ одно мгновеніе научилъ читать Церковную молитвенную книгу, но тѣмъ и кончилось все его наставленіе. Послѣ безпримѣрно краткаго учебнаго поприща, Варѳоломей возрасталъ безъ руководителя, Сергій жилъ въ пустынѣ безъ наставника. Посредствомъ ли усильныхъ подвиговъ?—Да, усильны были его подвиги, но какъ по Апостолу: аще и подвизается кто, не вѣнчается, аще не законно будетъ подвизатися; то усильные подвиги не могутъ быть приняты за коренное начало преспѣянія, но требуютъ инаго высшаго начала, которое бы давало подвигамъ законное, къ успѣху и вѣнцу приводящее, направленіе. Какое же могло быть сіе начало въ жизни Сергія? Не видно инаго, какъ молитва вѣры. Постоянное упражненіе въ молитвѣ научило его вѣрному искусству молитвы, чрезъ сіе содѣлался онъ способнымъ получать все просимое въ молитвѣ; такимъ образомъ чрезъ молитву пріобрѣталъ онъ силу и крѣпость для совершенія подвиговъ, и мудрость для управленія оныхъ, и восхитилъ царствіе небесное и дары его въ такомъ обиліи, что даже до нынѣ отъ избытка своего раздаетъ, и подвигамъ другихъ споспѣшествуетъ, и молитвами другихъ успѣшно предводительствуетъ.

[3]) По Евреин. сборн.: мы не можемъ быть довольно заботливы....

О сихъ видахъ молитвы довольно замѣтить вкратцѣ, какъ вѣрно святая Церковь слѣдуетъ примѣру и учрежденію Апостольскому, поелику и нынѣ употребляетъ въ Богослуженіи попеременно чтеніе и пѣніе, молитву словесную и молитву пѣсненную; и какъ общеупотребительнымъ и общеполезнымъ должно почитать сіе учрежденіе, не только для малосвѣдущихъ и водимыхъ чувственными впечатлѣніями, но и для людей возвышенно мыслящихъ, поелику и Богомудрый Апостолъ наравнѣ со всѣмъ народомъ вѣрующихъ, желаетъ не только молиться духомъ и умомъ, но и пѣть отъ избытка Боголюбиваго сердца и умиленнаго чувства!

Во-вторыхъ, представляются въ изреченіи Апостола два нѣкіе особенные способа молитвы: молитва духомъ и молитва умомъ *Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ.*

Чтобы разумѣть сіи высшіе образы молитвы, надлежитъ вникнуть, что значатъ слова: духъ и умъ въ языкѣ Апостольскомъ. Когда слышимъ Апостола говорящаго, что *сущіи по плоти плотская мудрствуютъ, а иже по духу, духовная* (Рим. VIII. 5): тогда разумѣемъ, что духъ есть нѣчто высшее въ человѣкѣ, противоположное плоти или чувственности. Когда тотъ же Апостолъ говоритъ еще: *самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному* (Рим. VII. 25): изъ сего усматриваемъ, что и умъ есть нѣчто высшее въ человѣкѣ, противоположное *плоти.* Посему, кажется, что духъ и умъ составляютъ почти одно, какъ и подлинно соединяетъ ихъ Апостолъ, когда излагаетъ истину, или существо Христіанскаго ученія, состоящее въ томъ, чтобы *обновлятися духомъ ума.* Если можно здѣсь примѣчать какое различіе *ума* отъ *духа*: то развѣ такое, что *духъ* представляется въ самомъ *умѣ* чѣмъ-то болѣе возвышеннымъ, болѣе внутреннимъ, открывающимся въ умѣ, подобно какъ душа открывается въ чувствахъ.

Но какъ въ изреченіяхъ Апостола о молитвѣ дѣятельность ума представляется въ нѣкоторой противоположности съ дѣятельностію духа [1]), какъ напримѣръ: *духъ мой молится, а умъ безъ плода есть*: то надлежитъ между ими быть не малому, и весьма ощутительному различію. Дабы открыть сіе различіе, прочитаемъ слова Апостола нѣсколько въ большей полнотѣ: *аще бо молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ*

[1]) По Евреин. сборн.: умъ противополагается духу. ..

мой безъ плода есть. Что убо есть? Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ: воспою духомъ, воспою же и умомъ. Теперь видимъ, что выраженіе: помолюся духомъ, поставлено на мѣсто прежде употребленнаго выраженія: *молюся языкомъ.* Слѣдственно *молитва духомъ* составляетъ одно съ *молитвою языкомъ*; и дабы понять молитву духомъ, надобно имѣть понятіе о молитвѣ языкомъ.

Чтобы не утомлять васъ долѣе тяжкимъ изыскательнымъ словомъ, поспѣшимъ сказать, въ чемъ состоитъ дѣло. Когда Апостолы по вознесеніи Господнемъ, *вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи*; и въ десятый потомъ день *исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, яко же Духъ даяше имъ провѣщавати* (Дѣян. II. 4); и такимъ образомъ даръ говорить иными неизученными языками открылся, какъ весьма блистательный плодъ молитвы, и какъ весьма торжественное знаменіе сошедшаго и дѣйствующаго Святаго Духа: съ того времени молитва и ревность вѣрующихъ взяла особенное направленіе и стремленіе къ достиженію сего дара, сколь полезнаго въ тѣ времена для распространенія Христіанскаго ученія, столь же пріятнаго для обладающихъ онымъ, какъ очевидно увѣрительнаго въ присутствіи благодати Божіей. Поелику сіе стремленіе вѣрующихъ соотвѣтствовало намѣренію благодати распространить Христіанство: то благодать щедродаровито снисходила сему стремленію, и такимъ образомъ въ собраніяхъ церковныхъ не рѣдко случалось, что духъ молящихся восторгался къ Духу Божію, Духъ Божій нисходилъ на духъ молящихся и, какъ неудержимый потокъ, изливался чрезъ уста ихъ молитвами, пѣснопѣніями, славословіями, пророчествами на разныхъ языкахъ. Обиліе сего дара было такъ велико, что иногда объятые Духомъ произносили молитвы, воспѣвали Божественныя пѣсни на такихъ языкахъ, которыхъ большая часть присутствующихъ, или даже никто изъ нихъ, совсѣмъ не разумѣли. На сей-то случай сказалъ Апостолъ: *аще молюся языкомъ*, — то-есть языкомъ неизвѣстнымъ, открывшимся только по дарованію Святаго Духа,—*духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть*;—умъ безъ плода потому, что его не понимаютъ другіе, и отъ того слово молитвы, сѣемое языкомъ его, не приноситъ въ другихъ плода подобной молитвы.

Послѣ сего, надѣюсь, нѣсколько понятно, что *молитва духомъ* есть такое молитвенное состояніе, въ которомъ человѣкъ,

воскриляемый вѣрою и любовію, самою такъ сказать вершиною существа своего, своею высшею способностію и силою, которою онъ какъ бы сопредѣленъ [5]) съ Божественнымъ, стремится и восторгается къ Духу Божію, пріемлетъ наитіе Духа Божія, предается сему наитію, такъ что уже тогда не столько самъ человѣкъ молится, сколько *дышетъ* въ немъ *Духъ* Святый, дышущій *идѣже хощетъ*,—*Самъ Духъ* Святый *ходатайствуетъ* о немъ *воздыханіи неизглаголанными* (Рим. VIII. 26), или глаголами, не рѣдко превышающими разумѣніе человѣка чувственнаго.

Различаемая отъ сего состоянія [6]) у Апостола *молитва умомъ* есть такой образъ молитвы, когда умъ молящагося хотя возвышается къ Богу съ благоговѣйными мыслями, съ благочестивыми желаніями, со святыми чувствіями умиленія или радости, но не предается влеченію духовнаго восторга неограниченно, а управляетъ своими мыслями, желаніями, чувствіями такъ, что въ семъ случаѣ духовныя силы дѣйствуютъ въ обыкновенномъ, имъ свойственномъ, порядкѣ, а потому молитвенныя прошенія и славословія изрекаются общевразумительно, почему и слышащихъ могутъ возбуждать къ участію въ молитвѣ.

Оба сіи образа молитвы одобряетъ и предлагаетъ къ употребленію Святый Апостолъ, когда говоритъ къ Коринѳянамъ: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ*. То-есть: не желаю и не совѣтую вамъ употреблять одинъ изъ сихъ образовъ молитвы исключительно; а за лучшее признаю, иногда молиться духомъ, а иногда молиться умомъ, попеременно, по требованію обстоятельствъ,—молиться духомъ для себя и для Бога,—молиться умомъ для Бога, и для себя, и для назиданія ближнихъ.

Не можно при семъ пройти безъ особеннаго замѣчанія, и даже безъ удивленія того, что Апостолъ предлагаетъ молитву духомъ, которая есть даръ Духа Божія, наравнѣ съ молитвою умомъ, которая есть свободное дѣло духа человѣческаго. Какъ? Неужели мы такъ же властны употреблять молитву духомъ, какъ и молитву умомъ? Помыслилъ ли ты о семъ, Святый Наставниче?—Безъ сомнѣнія, братія, Духъ Святый во Святомъ Павлѣ не погрѣшаетъ въ преподаваемыхъ намъ наставленіяхъ. Видно,

---

[5]) По Евреин. сборн.: духъ человѣческій, воскриляемый вѣрою и любовію, въ самомъ средоточіи существа своего, или въ самой высшей силѣ и способности, которою онъ, такъ сказать, сопредѣленъ.....

[6]) По Евреин. сборн.: сему состоянію противополагаемая.....

подлинно властны мы молиться духомъ, какъ скоро подлинно и совершенно предаемся Духу Божію, который есть Духъ молитвы;—видно властны, потому что, подобно сему, по дивному снисхожденію къ намъ Духа Божія, и Пророки властны въ употребленіи духа Пророческаго, какъ о томъ ясно свидѣтельствуетъ тотъ же Апостолъ: *и дуси пророчестіи Пророкомъ повинуются* (1 Кор. XIV. 32).

Но еще болѣе должны мы удивиться тому, что благодатную молитву духомъ, Апостолъ старается не усилить и распространить, но нѣкоторымъ образомъ ограничить и удержать въ ея стремленіи. Онъ жалуется на избыточествующее употребленіе молитвы духомъ. Съ нѣкимъ негодованіемъ противъ молитвы духомъ говоритъ онъ: *духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть.* Онъ какъ бы предпочитаетъ молитву умомъ и преимущественно къ ней побуждаетъ: *въ церкви*, говоритъ, *хощу пять словесъ умомъ глаголати, да ины пользую, нежели тмы словесъ языкомъ.* Что же сіе значитъ?—То, что благодать Святаго Духа въ первенствующей Церкви разливалась, какъ море; что тогда многихъ вѣрующихъ нужно было не побуждать къ молитвѣ, не влещи къ дѣламъ духа, но умѣрять ихъ безпредѣльную ревность, чтобы они, погружаясь въ духѣ, не забывали обыкновенныхъ обязанностей внѣшняго общежитія человѣческаго и Христіанскаго.

Если отъ сего духовнаго зрѣлища первенствующей Церкви обратимся къ настоящему ея состоянію и къ самимъ себѣ: то не должно ли намъ придти въ удивленіе другаго рода, или, можетъ быть, въ страхъ и ужасъ, отъ печальной разности настоящаго съ прошедшимъ? Многіе ли между нами погружены въ молитву духа такъ, чтобы нужно было ихъ изъ моря духа извлекать на брегъ ума? Многіе ли, хотя сколько-нибудь, испытали молитву духа? Многіе ли довольно понимаютъ ее, когда о ней говорится?

Скажутъ, за чѣмъ же ты намъ и говоришь о сей молитвѣ, которая такъ необыкновенна и такъ мало понятна?—Пусть на сіе жалуется, кто хочетъ; а я именно потому и говорю о сей возвышенной молитвѣ, что въ наше время она такъ необыкновенна, и что такъ мало ее понимаютъ. Надобно, чтобы вѣкъ сей зналъ, что въ немъ сдѣлались необыкновенными такіе дары благодати, которые нѣкогда были весьма обыкновенны; что мудрецамъ его сдѣлались непонятны такія описанія благодат-

ныхъ дѣйствій, которыя понятны были простолюдинамъ, слушавшимъ Апостола Павла, или читавшимъ его Посланія. Какъ же скоро знаетъ сіе сей поздный и сумрачный вѣкъ: тотчасъ говорю ему то, что еще ранѣе повелѣно было сказать Ангелу Ефесскія Церкви: *помяни убо, откуду спалъ еси, и покайся, и первая дѣла сотвори* (Апок. II. 5).

Поистинѣ, братія, глубоко низпали мы отъ благочестивой ревности, отъ духовнаго преспѣянія первенствующихъ Христіанъ, когда не только чудесная молитва духа оскудѣла, но часто и молитва ума невнимательна, молитва сердца хладна, молитва устъ не одушевлена молитвою ума и сердца.

Покаемся и поревнуемъ первымъ дѣламъ первыхъ Христіанъ; понудимъ себя *терпѣти въ молитвѣ и моленіи*, тоесть, пребывать въ ней, по возможности, постоянно и неослабно; станемъ на стражѣ ума и чувствъ нашихъ со вниманіемъ, чтобы отгонять отъ молитвы нашей суетные помыслы, страстныя желанія, и чувственныя развлекающія впечатлѣнія и воспоминанія, подобно какъ древле Патріархъ Авраамъ отгонялъ хищныхъ птицъ отъ своей жертвы; да приближаемся къ Богу не устами только, но наипаче сердцемъ; да помолимся и воспоемъ умомъ, по усердію нашему, да помолимся и воспоемъ наконецъ и духомъ, по дару Святаго Духа, Ему же слава со Отцемъ и Сыномъ, во вѣки. Аминь.

CXXXV.

80. Рѣчь

при заложеніи въ Москвѣ Тріумфальныхъ воротъ.

(Говорена августа 17 дня, напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1829 года, въ Христіанскомъ Чтеніи 1829 года и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 годовъ).

По державной волѣ Благочестивѣйшаго Императора Николая Павловича, на семъ мѣстѣ должны воздвигнуться торжественныя врата въ память незабвенныхъ дней Александра Благословеннаго, въ память отечественныхъ бѣдствій, вознагражденныхъ побѣдами и славою, въ память возрожденія сего Царствующаго

Града, ожесточеніемъ враговъ почти разрушеннаго, Провидѣніемъ Божіимъ дивно сохраненнаго, любовію къ Отечеству возстановленнаго съ большимъ прежняго благолѣпіемъ и великолѣпіемъ.

Посему мы собраны здѣсь нынѣ, чтобы призвать благословеніе Божіе на основаніе и созиданіе сего памятника. Правило Христіанское, чтобы всякое дѣло и начинаніе *освящалось словомъ Божіимъ и молитвою.*

Съ мыслію о памятникѣ всего чаще соединяется мысль о славѣ людей и дѣлъ, которыя составляютъ предметъ памятника; но еслибы только славолюбію человѣческому свойственно было созидать памятники, то тщетно старались бы мы освятить дѣло, у котораго его духъ и намѣреніе отнимали бы внутреннее достоинство, подобно какъ червь у плода, въ которомъ онъ скрывается. Итакъ, дабы благонадежно призвать благословеніе Божіе на видимое основаніе памятника, надлежитъ прежде благонадежно утвердить его невидимое основаніе, то есть побужденіе и намѣреніе, съ какимъ онъ созидаемъ быть долженъ.

Естественное, простое, и по простотѣ своей чистое побужденіе къ созиданію общественныхъ памятниковъ должно полагать въ любви къ Отечеству и благодарности къ людямъ, которые по общеполезнымъ подвигамъ достойны жить въ памяти Отечества. Чтобы въ семъ удостовѣриться, возведемъ нашу мысль къ началу памятниковъ частныхъ, которые въ происхожденіи должны были предшествовать общественнымъ, такъ какъ семейство предшествовало государству. — Сынъ любитъ сидѣть подъ древомъ, подъ которымъ часто видѣлъ сидящимъ отца своего, и наслаждался бесѣдою отеческой любви и опытной мудрости: въ семъ случаѣ дерево есть памятникъ отца для сына, и то, что дѣлаетъ оное памятникомъ, есть любовь сыновняя; но поелику они напоминаютъ прошедшее только одному знающему оное, а человѣкъ желаетъ и для другихъ сдѣлать памятнымъ то, что для него незабвенно: то отъ недостатка и несовершенства памятниковъ естественныхъ должна была родиться мысль устроить искуственные памятники. Что дѣлалъ человѣкъ, то по времени сталъ дѣлать народъ, который есть тотъ же человѣкъ, только умноженный: и такимъ образомъ произошли общественные памятники.

Если любовь къ Отечеству изобрѣтаетъ памятники общест-

венные: то пользуется симъ изобрѣтеніемъ Государственная мудрость.—Памятникъ есть безмолвный проповѣдникъ, который, въ нѣкоторомъ отношеніи, можетъ быть превосходнѣе говорящаго, потому что не прекращаетъ порученной ему проповѣди, и такимъ образомъ она доходитъ до цѣлаго народа, и до многихъ послѣдовательныхъ родовъ. — Памятникъ есть книга, которой не нужно искать въ книгохранилищѣ, потому что она лежитъ на пути; и такимъ образомъ читается и тѣми, которые не думали раскрывать ее. Примѣтивъ сіе, мудрость государственная благопріятствуетъ устроенію памятниковъ, дабы они въ свою очередь внушили народу ту самую любовь къ Отечеству, которая внушила мысль устроять ихъ, и дабы, возвѣщая добродѣтели и подвиги предковъ, къ тѣмъ же добродѣтелямъ и подвигамъ поощряли потомковъ.

Такъ, если Богъ благоволитъ воздвигнуться основываемому нынѣ памятнику, онъ будетъ возвѣщать непобѣдимое мужество Благословеннаго Царя и съ нимъ вмѣстѣ благословеннаго народа, великія жертвы, принесенныя Царемъ и народомъ для спасенія Отечества, и великое спасеніе, пріобрѣтенное великими жертвами. Поученіе, подлинно достойное вниманія потомства! Такимъ образомъ уже мы находимъ, что есть памятники, въ гражданскомъ отношеніи священные. Но какъ мы призваны для освященія христіанскаго, то не умедлимъ показать, что и таковаго освященія могутъ быть достойны гражданскіе памятники, именно тогда, когда глубокимъ основаніемъ ихъ есть благочестіе и благодарность къ Богу, Верховному Виновнику благотворныхъ для общежитія человѣческаго, и по благотворности достопамятныхъ, событій.

Въ книгѣ Царствъ, послѣ описанія вторженія иноплеменниковъ во Святую землю и побѣды, одержанной надъ ними по молитвѣ Пророка Самуила, читается слѣдующее: *и взя Самуилъ камень единъ, и постави его между Массифаѳомъ и между ветхимъ и нарече имя ему: Авенезеръ; сирѣчь камень помощи; и рече: дождь поможе намъ Господь* (1 Цар. VII. 12). Вотъ памятникъ, безъ сомнѣнія благословенный и священный, потому что имъ благословляется и святится имя Господа Помощника.

Нѣтъ сомнѣнія, и Благочестивѣйшій Николай, указуя сіе мѣсто для памятника, рече въ сердцѣ своемъ: *здѣ поможе намъ Господь.* Человѣкъ, котораго имя не желаю я произнести,

прошелъ здѣсь, съ любезнымъ ему опустошеніемъ, сквозь Столицу до близъ лежащаго дома Петрова: сдѣлалъ себѣ кратковременнымъ, достойнымъ себя памятникомъ, пожаръ Петрова дома; доздѣ дошелъ онъ; и уже не дано ему идти далѣе; онъ возвратился, чтобы поспѣшать къ своей собственной погибели. *Отздѣ поможе намъ Господь.*

Вознесемъ убо съ Благочестивѣйшимъ Государемъ и мы благоговѣйныя сердца къ Богу — Помощнику, и вновь призовемъ Его помощь, да воздвигнется сей памятникъ въ благодареніе и славу Ему и въ благодатное наставленіе родамъ грядущимъ. — Да возвѣщаетъ онъ помощь Господню бывшую, и да увѣщаетъ къ упованію и на помощь Господню будущую. Да входитъ сими торжественными вратами многолѣтно въ первопрестольный Градъ Свой Благочестивѣйшій Государь нашъ, со славою побѣдъ, и съ радостію мира. Да не внидетъ никогда сими вратами врагъ, да не убѣгнетъ ими злоумышленникъ. — Да исходитъ ими во вѣки вѣрный Градъ въ срѣтеніе законному и возлюбленному Царю.

Граде, до нынѣ дивно Богоспасаемый! *Да прозоветься* и впредь, по Пророку, *спасеніе забрала твоя, и врата твоя* хвала (Исаіи LX. 18).

1830 годъ.

CXXXVI.

80. Слово

на заключеніе мира съ оттоманскою портою въ 1830 году [1]).

(Напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1840 года и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.).

И будутъ дѣла правды миръ, и одержитъ правда покой, и уповающе будутъ до вѣка. (Ис. LII. 17).

И такъ, слава въ вышнихъ Богу!—Миръ на землѣ Россійской, и, чрезъ миротворство Россіи, миръ на земляхъ многихъ! Миръ, достойный быть изображенъ сими пророческими словами: *будутъ дѣла правды миръ, и одержитъ правда покой;* а посему достойный также сей пророческой надежды: *и уповающе будутъ до вѣка!*

---

[1]) Въ указателѣ въ Чтеніяхъ Общ. Люб. Дух. Просв. по неизвѣстной намъ рукописи: Слово въ день рожденія Императора Николая Павловича, іюня 25 дня. Начало слова въ рукописи читается такъ: Если молясь за Царя ежедневно съ благодареніемъ за ежедневныя блага, подаваемыя намъ чрезъ его управленіе, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаемся мы на семъ граничномъ днѣ, которымъ онъ оканчиваетъ и начинаетъ годъ своея жизни; то прилично намъ съ особеннымъ вниманіемъ воззрѣть отъ сего предѣла на минувшій годъ, и за благое, что въ немъ совершилось, воздать славу Богу.

И такъ слава въ вышнихъ Богу! Миръ на землѣ Россійстѣй, чрезъ миротворство Россіи миръ на земляхъ многихъ! И какой миръ?—Миръ достойный быть изображеннымъ сими пророческими словами: *будутъ дѣла правды миръ и одержитъ правда покой,* посему достойный также сей пророческой надежды: *и уповающе будутъ до вѣка.*

Еслибы могущественный Самодержецъ жаждалъ только бранныхъ побѣдъ: то, ставъ одною ногою въ Адріанополѣ, а другою въ Эрзерумѣ, Онъ не утерпѣлъ бы, чтобы не сдѣлать еще шага, дабы до земли унизить высокую Порту. Но великодушный Монархъ, какъ рѣшился въ началѣ брани, такъ и среди успѣховъ оружія остался при первоначальной рѣшимости дѣйствовать не столько правомъ силы военной, сколько мирною силою правды. Среди отверстыхъ, такъ сказать, вратъ къ новымъ побѣдамъ, отъ торжественныхъ кликовъ славы, Онъ обратилъ все вниманіе къ тихому гласу человѣколюбія. Сіе неземное величіе духа явилъ въ себѣ Благочестивѣйшій Государь, и плодъ онаго есть миръ, ознаменованный многочисленными дѣлами правды и человѣколюбія. Правда договоровъ возстановлена и ограждена; неправды противъ Россіянъ и противъ Россіи заглаждены вознагражденіями; христіанскимъ народамъ подъ нехристіанскимъ правительствомъ оказано вѣрное покровительство; и если хотимъ быть внимательны, можемъ усмотрѣть, что съ дѣлами правды Царевой тайнымъ нѣкимъ, но дѣйствительнымъ союзомъ связаны дѣла правды Божіей: ибо тотъ самый властитель, который за девять лѣтъ предъ симъ, въ день Пасхи, перваго

Еслибы могущественный Николай, судьбою, также какъ и именемъ своимъ, обреченный къ побѣдамъ надъ народами, жаждалъ только бранныхъ побѣдъ: то, ставъ одною ногою въ Адріанополѣ, а другою въ Эрзерумѣ, наступивъ, такъ сказать, на руки Турецкой имперіи, онъ не утерпѣлъ бы, чтобы не сдѣлать еще шага, дабы попрать главу ея, дабы уничиженіемъ Стамбула можетъ быть поднять Константинополь. Но великодушный Николай, какъ рѣшился въ началѣ брани, такъ и среди успѣховъ оружія остался при первоначальной рѣшимости дѣйствовать не столько правомъ силы военной, сколько мирною силою правды. Стяжавъ славу побѣдами, Онъ укрѣпился на труднѣйшій подвигъ—побѣдить самую славу, которою такъ часто побѣдители, какъ плѣнники, влекомы были, куда сами не знали. Славное между человѣками дѣло — побѣдить сильнаго и отчаяннаго врага: но на поприщѣ побѣдъ, среди отверстыхъ, такъ сказать, вратъ къ новымъ побѣдамъ, добровольно себя остановить, среди торжественныхъ криковъ славы, все вниманіе обратить къ тихому гласу человѣколюбія—есть дивное дѣло небесной власти въ духѣ человѣческомъ. Сіе не земное величіе духа благости явилъ въ себѣ Благочестивѣйшій Государь, и плодъ онаго есть миръ, ознаменованный многочисленными дѣлами правды и человѣколюбія. Правда договоровъ возстановлена, неправды противъ Россіи и противъ Россіянъ заграждены вознагражденіями; послѣ того какъ войною побѣждены враги, великодушіемъ мира побѣждена самая вражда и безкорыстіемъ миродателя обезоружена клевета завистниковъ Россіи; Христіанскимъ народомъ надъ не христіанскимъ правительствомъ....

Священноначальника Христіанской Греціи предалъ мученической смерти, въ нынѣшнемъ году, въ день же Пасхи, долженъ былъ утвердить независимость Христіанской Греціи,—независимость, которой Европа, соединенными силами Наваринской битвы, соединеннымъ искусствомъ продолжительныхъ переговоровъ, не могла достигнуть, и которой достигъ Императоръ Россійскій безъ примѣтныхъ усилій, миромъ.

Вотъ, Христіане, очевидный для цѣлаго міра примѣръ вѣрности и непреложности Божественныхъ изреченій, что *будутъ дѣла правды миръ*, то-есть, дѣла справедливости, благости, непорочности, или естественно, или сокровеннымъ дѣйствіемъ Провидѣнія, превращаются въ миръ, въ благоуспѣшность, въ благополучіе; что *одержитъ правда покой*, то есть добродѣтель истинная, *наитіемъ Духа отъ Вышняго* (Ис. XXXII. 15) возбуждаемая и управляемая, одерживаетъ побѣду надъ всѣми препятствіями и достигаетъ покоя, въ дѣлахъ общественныхъ—общественнаго, въ дѣлахъ духовныхъ—духовнаго; что люди сего рода *уповающе будутъ до вѣка*, то есть только на добродѣтели, на благости, на непорочности основанное благополучіе благонадежно и прочно.

Не одни цари принуждены бываютъ вести войну, и употреблять усилія къ достиженію выгоднаго мира. *Не война ли жизнь человѣка на земли?*—говоритъ Іовъ (VII. 1). И подлинно, кто изъ насъ не находится чаще или рѣже, въ болѣе или менѣе трудномъ противоборствѣ съ какимъ-нибудь врагомъ, препятствующимъ нашему миру, или домашнему, или душевному: хотя врагъ сей не какой-нибудь царь и народъ, но просто неблагопріятствующій человѣкъ, или, можетъ-быть, вещь, и даже отсутствіе вещи, мысль, желаніе, страсть, недостатокъ? Одинъ, напримѣръ, сражается съ бѣдностію, и, то усиліемъ трудовъ, то искусствомъ оборотовъ старается завоевать изобиліе, или, по крайней мѣрѣ, примириться съ нуждами. Другой домогается занять какое нибудь возвышенное мѣсто въ общественной службѣ, или преслѣдуетъ какое-нибудь почетное названіе, чтобы какъ нибудь помириться съ помыслами честолюбія, которые не даютъ ему покоя. Но вотъ въ чемъ всего чаще погрѣшаютъ неумиренные воинственники жизни: они не примѣчаютъ открытаго, или сокровеннаго, но тѣмъ не менѣе вѣрнаго союза между правдою и миромъ, между добродѣтелію и благополучіемъ, между непорочностію и спокойствіемъ. Отъ того правда для

нихъ не довольно любезна; отъ того миръ для нихъ не довольно надеженъ. Имъ кажется, что законъ налагаетъ на насъ дѣла правды, какъ тяжкіе оброки, какъ господскія работы, только къ изнуренію нашему, безъ всякой для насъ надобности и выгоды. Имъ думается, что также удобно, или еще скорѣе, можно достигнуть мира, если оставить въ сторонѣ трудный и узкій путь правды. Нѣтъ! Дѣла правды предписываются закономъ для того именно, что оныя суть средство къ миру Мира благословеннаго, благополучія прочнаго, спокойствія истиннаго не иначе достигнуть можно, какъ путемъ правды. *И будутъ дѣла правды миръ, и одержитъ правда покой, и уповающе будутъ до вѣка.*

Хотя дерзко, и почти нелѣпо, бренію вопрошать скудельника, почему онъ дѣлаетъ такой, а не другой сосудъ, и назначаетъ ему такое, а не другое употребленіе: однако да будетъ отчасти позволена сія дерзость, не для мятежнаго и тщетнаго прекословія премудрому и благому Художнику міра, но для скромнаго изслѣдованія потребной для насъ истины. Вопроси, человѣкъ, для чего Богъ сотворилъ тебя существомъ нравственнымъ, имѣющимъ тонкое внутреннее чувство различенія добра и зла; для чего, по свидѣтельству Апостольскому, *созданъ* ты *на дѣла благія, яже прежде уготова Богъ, да въ нихъ ходиши* (Еф. II. 10), а дѣла злыя возбранены тебѣ строгими заповѣдями, подъ угрозою смерти? Для Творца ли твоего сіе надобно, или для тебя самого? Если ты медлишь на сіе отвѣтствовать, то предваряетъ тебя одинъ изъ просвѣщенныхъ друзей Іова, и говоритъ: *воззри на небо, и виждь: смотри же на облаки, коль высоки суть отъ тебе. Аще согрѣшилъ еси, что сотвориши* Живущему превыше ихъ? *Аще же и много беззаконновалъ еси: что можеши сотворити* Ему? *Понеже убо праведникъ еси, что даси Ему? Или что изъ руки твоея возметъ* (Іов. XXXV. 5—7)? Возмемъ въ разсужденіе заповѣдь: *не укради.* Къ чему нужна она Тому, Который обладаетъ всѣмъ, и у Котораго никто не властенъ ни отнять, ни похитить? Не сдѣлаешь Ему прибыли, если не украдешь, ни убытка, если украдешь. У него даже невозможно украсть, потому что куда ни унеси вещь, она всегда остается въ Его владѣніи. Если же заповѣдь сія не для Законодателя надобна, то, конечно, надобна для самого тебя, которому заповѣдана. Такъ точно: заповѣдано тебѣ не красть, дабы тоже заповѣдано было всѣмъ, дабы

такимъ образомъ ты отвсюду былъ огражденъ безопасностію отъ кражи, дабы дѣло неправды не похищало у тебя мира, дабы дѣло правды приносило тебѣ покой. Подобнымъ образомъ запрещено убивать, чтобы твоя жизнь предохранена была отъ убійства; запрещено лжесвидѣтельствовать и злословить, чтобы ты не страдалъ отъ клеветы и злорѣчія: запрещено желать зла и мыслить зло, чтобы злыя желанія не мучили твоего сердца, чтобы злыя мысли не оскверняли и не затмѣвали твоего ума. Запрещены даже праздныя слова и праздныя мысли: это уже слишкомъ тяжело, говорятъ легкомысленные; безъ нужды строго, думаютъ неразумѣющіе; праздныя слова, говорятъ, не вредны, а праздныя мысли — еще менѣе: да, мелкія насѣкомыя большею частію не ядовиты и не смертоносны; однако хотѣлъ ли бы ты жить въ воздухѣ, ими наполненномъ, гдѣ непрестанно толпятся они въ глаза, жужжатъ въ уши, тревожатъ осязаніе и сотнями наносятъ, подлинно, несмертельныя раны? Сему подобно состояніе души, наполненной праздными и суетными помыслами: если кому сіе не ощутительно, то потому, что онъ не испыталъ лучшаго внутренняго состоянія; и потому долженъ повѣрить знающимъ, что благо, которое готовитъ ему заповѣдь объ очищеніи ума, гораздо важнѣе, нежели онъ вообразить можетъ. Предписано Богослуженіе: безъ сомнѣнія и сіе не потому, чтобы Богъ имѣлъ нужду или недостатокъ въ служащихъ ему: *тысяща тысящъ*, какъ видѣлъ Пророкъ (Дан. VII. 10), *служатъ Ему* на небесахъ несравненно ближе и благоугоднѣе, нежели лучшіе изъ земнородныхъ; *тмы темъ предстоятъ Ему* тамъ, не имѣя нужды обращаться къ другимъ, ничтожнымъ дѣламъ, ни къ безчувственному покою, какъ мы — послѣ нашего краткаго служенія. Если мы удостоиваемся призыванія къ дѣламъ служенія Богу: то для того, чтобы чрезъ сіе сдѣлать намъ благодѣяніе и милость, приближить наши мысли, чувствованія, дѣйствія, умъ, волю, словомъ: приближить существо наше къ Существу Высочайшему, чтобы симъ приближеніемъ поставить душу нашу предъ свѣтомъ вѣчнаго Солнца, дабы она симъ свѣтомъ внутренно просвѣщалась, оживлялась, наполнялась, питалась, наслаждалась и, утвердясь наконецъ въ причастіи сего свѣта совершенно, сдѣлалась причастницею вѣчнаго блаженства. Что сказать *о новой заповѣди*, о возвышеннѣйшемъ, чистѣйшемъ, совершеннѣйшемъ, собственно Христіанскомъ образѣ закона, о единственной и всеобъемлющей заповѣди, о

любви къ Богу и къ ближнему? Кто здѣсь не чувствуетъ, какъ прямо, какъ непосредственно ведетъ правда къ миру, исполненіе заповѣди къ блаженству: тотъ, видно, не получилъ еще предсказаннаго Пророками истиннымъ Христіанамъ *сердца новаго и духа новаго* (Іез. XXXVI. 26), а остается съ сердцемъ ветхимъ, Адамовымъ, *каменнымъ*; и поистинѣ таковый заслуживаетъ, чтобы отнять у него сей свободный и возвышенный законъ, котораго достоинства онъ знать не хочетъ, и предать его всей власти низкаго и рабскаго закона чувственныхъ нуждъ, похоти, ярости, со скотами и звѣрями, и, съ неодушевленною земною природою, законамъ темнаго, страдательнаго боренія силъ.

Человѣкъ, заботящійся менѣе о правдѣ, нежели о мирѣ, менѣе о законѣ, чѣмъ о благополучіи, можетъ-быть, скажетъ, что онъ увѣренъ во всеобщей благотворности закона и правды, если бы только держались оныхъ всѣ безъ изъятія, и если бы путь правды въ началѣ и продолженіи своемъ не представлялъ трудностей, которыя закрываютъ вожделѣнный конецъ онаго. Но когда, говоритъ, вижу, что слово правды и честности часто не находитъ вниманія, а слово хитрости и лести уловляетъ людей и правитъ дѣлами; что многолѣтный праведный трудъ только что не лишается насущнаго хлѣба, между тѣмъ какъ посредствомъ неправедныхъ оборотовъ составляются огромныя богатства; что на пути правды предстоятъ подвиги, лишенія, а по сторонамъ отъ него разсыпаны удовольствія.... Не хочется договорить сего нелюбомудраго разсужденія, которое впрочемъ, осмотрясь, вѣроятно, не одинъ изъ насъ найдетъ у себя болѣе или менѣе доведеннымъ до употребленія въ дѣлахъ. Ахъ, бѣдный искатель скороспѣлаго и дешеваго благополучія! Неужели ты подлинно хочешь завидовать хитрости, лести, неправеднымъ оборотамъ, злопріобрѣтенному имѣнію, низкимъ удовольствіямъ, кратко сказать, неправдѣ и пороку? Неужели недостоинство средствъ не отражаетъ тебя сильнѣе, нежели сколько привлекаютъ выгоды, обѣщаемыя такими средствами? Неужели пріятно было бы тебѣ надѣть красивую одежду, какъ вывѣску твоихъ обмановъ, построить великолѣпный домъ, какъ памятникъ твоему грабительству, сѣсть за роскошный столъ и ѣсть плоть и пить слезы и кровь разоренныхъ твоими неправдами? Неужели ты назвалъ бы это благополучіемъ? Неужели полагалъ бы тутъ найти миръ хотя на краткое время, не говорю, надолго?

Не ревнуй лукавнующымъ, ниже завиди творящымъ беззаконіе: зане яко трава скоро изсшутъ (Псал. XXXVI. 1. 2). Если подъ владычествомъ правосуднаго царя земнаго не долго успѣваетъ неправда, не долго правда остается въ затрудненіи: возможно ли въ царствіи всевидящаго и всемогущаго Царя небеснаго, долго, ненаказанно ругаться надъ Его вѣчными и святыми законами? Возможно ли, чтобы ревностные и вѣрные исполнители сихъ законовъ не были ведены самымъ вѣрнымъ, хотя не всегда одинакимъ, не всегда открытымъ, не всегда торжественнымъ путемъ къ миру, къ покою, къ блаженству? Праведный Іовъ будетъ наконецъ благоденствовать, несмотря на то, что видимый и невидимый міръ возстали на разрушеніе благоденствія его. Если правда Іосифа низведена до рабства и темницы: за то наконецъ она возведется до престола. Кромѣ сего, есть для Іосифа и въ темницѣ миръ, котораго не имѣютъ братья его на свободѣ,—миръ добраго сердца, утѣшеніе непорочной совѣсти, отрадное вѣяніе духа небеснаго на чистую душу, предвкушеніе блаженства, уготованнаго правдѣ сыновъ Божіихъ, не только правдою, но и безконечными щедротами Отца небеснаго.

Христіанинъ! Никто, какъ ты, для достиженія правдою мира, добродѣтелію блаженства, не имѣетъ столь совершеннаго Подвигоположника, столь вѣрнаго Вождя, столь могущественнаго Помощника. Онъ единъ паче всѣхъ показуетъ тебѣ, что еслибъ дѣла правды повели даже путемъ смерти, то проведутъ до воскресенія въ жизнь, и до вознесенія въ славу. Итакъ, тебѣ съ особенною точностію и можно и должно исполнять ученіе, которое и прежде Христіанства преподавать не колебались: *уповай на Господа, и твори благостыню, и насели землю, и упасешися въ богатствѣ ея. Открый ко Господу путь твой, и уповай на Него, и Той сотворитъ. И изведетъ, яко свѣтъ, правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Псал. XXXVI. 3. 6). Аминь.

CXXXVII.

82. Слово

въ день св. пророка Иліи [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ).

И иде въ крѣпости ядіи тоя четыредесять дней, и четыредесять мощей до горы Божія Хоривъ. И вниде тамо въ пещеру, и всели. ся въ ней, и се глаголъ Господень къ нему (3 Цар. XIX. 8 9.)

Во многихъ церквахъ, какъ здѣсь, память Святаго Пророка Иліи совершается по особенному Церковному чину. Усердствующіе собираются въ первенствующій храмъ мѣста, и, съ предношеніемъ священныхъ знаменій вѣры, съ пѣніемъ духовныхъ пѣсней, путешествуютъ въ другой храмъ, особенно посвященный памяти Пророка, и здѣсь уже совершается торжественное Богослуженіе. Что была за мысль Богомудрыхъ Отцевъ нашихъ въ семъ учрежденіи, каковаго для многихъ другихъ Святыхъ, и даже для многихъ Господнихъ праздниковъ, не сдѣлано?

Чтобы съ основаніемъ отвѣчать на сей вопросъ, замѣтимъ общее правило Святыя Церкви: представлять видимые образы и подобія того, что воспоминается или созерцается духовно въ ея праздникахъ. Такъ, воспоминая Крещеніе Господа, она ведетъ васъ на рѣку и совершаетъ молитвы надъ водою; торжествуя Воскресеніе Господне, она пробуждаетъ васъ въ полночь, и преизобильнымъ свѣтомъ свѣтильниковъ во храмѣ изображаетъ день вѣчныя жизни въ горнемъ Іерусалимѣ, гдѣ свѣтильникъ Агнецъ, гдѣ солнце не нужно, гдѣ нощи не будетъ.

По сему правилу, по симъ примѣрамъ, догадываться можно, что наше крестное хожденіе въ день Иліи Пророка есть для назиданія нашего представленный, уменьшенный образъ многихъ

[1]) По Евреин. сборн.: Слово въ день святаго славнаго Пророка Иліи, говоренное въ храмѣ его, что на Воронцовомъ полѣ, іюля 20 дня 1830 года.

его хожденій, по истинѣ крестныхъ, то-есть, соединенныхъ съ подвигомъ и страданіемъ ради Бога и благочестія, и, въ особенности, образъ великаго и чудеснаго путешествія его въ гору Хоривъ, гдѣ онъ сподобился созерцать торжественное явленіе Божества.

И такъ, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ приведемъ себѣ на память хожденіе Пророка Или во время бездождія и глада къ потоку Хораѳову и здѣсь его чудесное препитаніе служеніемъ врановъ; потомъ его хожденіе въ Сарепту, и тамъ чудеса неоскудѣвающей горсти муки, неизсякающаго елея, воскресенія сына вдовицы; обратное хожденіе въ землю Израильскую, и чудеса низведенія дождя на землю, и огня небеснаго на жертву; бѣжаніе предъ Ахаавомъ во Іезраель, можетъ быть, съ желаніемъ и нечестивую Іезавель обратить къ Богу силою совершившихся чудесъ, и обратное отшествіе души ради своея, не потому, чтобы подвизающійся для неба дорожилъ земною жизнію, но потому, что не хотѣлъ доставить торжества нечестію, въ предосужденіе благочестію; наконецъ великое, какъ я сказалъ, путешествіе, къ которому Ангелъ приготовляетъ Пророка двукратнымъ сряду обѣдомъ, безъ сомнѣнія, потому, что постникъ не хотѣлъ вкусить довольно, тогда какъ сіе [2]) нужно было для его укрѣпленія на долгій путь,—чудесно трудное путешествіе въ продолженіе четыредесяти дней и четыредесяти нощей безъ пищи, впрочемъ достаточно награжденное бесѣдою съ Богомъ, и непостижимымъ для насъ блаженнымъ ощущеніемъ: *тамо Господь*. Не буду говорить о послѣднемъ путешествіи Пророка изъ Галгалъ въ Веѳиль, изъ Веѳиля въ Іерихонъ, изъ Іерихона за Іорданъ, при чемъ Илія старался скрыть себя и славу своего вознесенія отъ Елисея. Съ нашими еще очень земными движеніями ума и сердца не догнать намъ путешественника, поспѣшающаго на небо.

Особенно меня останавливаетъ вопросъ о Хоривскомъ путешествіи Пророка, подобный вопросу о нынѣшнемъ нашемъ крестномъ хожденіи. что была за мысль послать его въ столь дальній и необыкновенный путь? Еслибы спросили: за чѣмъ посланъ онъ былъ во время бездождія на потокъ Хораѳовъ; отвѣтъ не труденъ: тамъ еще сохранялось естественно хотя одно изъ средствъ жизни, вода. За чѣмъ въ Сарепту? — За тѣмъ, что

[2]) По Еврейн. сборн.: постникъ въ первый разъ не хотѣлъ вкусить столько, сколько....

въ Хораѳѣ воды не стало; а въ Сарептѣ нашлась вѣрующая женщина, которая достойна была и сама быть сохранена отъ глада чудесно, и послужить сохраненію человѣка Божія. Но за чѣмъ въ Хоривъ? Для бесѣды съ Богомъ? Для явленія Божія? Но не бесѣдовалъ ли Богъ съ Иліею и въ Хораѳѣ, и въ Сарептѣ? Не равно ли для Вездѣсущаго явиться въ пустынѣ Іудейской, или Аравійской? Не обвините меня по симъ вопросамъ въ любопытствѣ или дерзости. Внимайте спокойно; я ищу наставленія.

Подлинно Богъ вездѣ можетъ бесѣдовать съ вѣрующимъ; вездѣ можетъ дать узрѣть Себя чистому сердцемъ. Однако изъ сего не можно заключить, что Иліи не нужно было идти въ Хоривъ: ибо идти туда повелѣлъ ему Богъ, а Богъ не можетъ повелѣть что-либо излишнее или безполезное. Благодатное общеніе всегда готово для человѣка со стороны Бога: но человѣкъ съ своей стороны не всегда готовъ для общенія съ Богомъ, и требуетъ большаго или меньшаго приготовленія, смотря по тому, въ какомъ состояніи обыкновенно находится, и къ чему приготовляется. *Очисти я днесь и утрѣ: и да исперутъ ризы: и да будутъ готовы въ день третій* (Исх. XIX. 10. 11). Симъ повелѣніемъ самъ Богъ очевидно приготовлялъ Евреевъ къ великому откровенію на горѣ Синайской. *Уготовихся и не смутихся, сохранити заповѣди Твоя* (Пс. CXVIII. 60), говоритъ къ Богу Псалмопѣвецъ: и тѣмъ даетъ разумѣть, что если для исполненія заповѣдей Божіихъ въ порядкѣ, безъ смущенія, нужно приготовленіе, кольми паче для принятія благодатныхъ общеній и духовныхъ откровеній. Чѣмъ особеннѣе общеніе, къ которому Богъ призывалъ Пророка Илію, тѣмъ особеннѣе требовалось къ оному приготовленіе, которое и заключалось въ его четыредесятидневномъ крестномъ ходѣ.

Ходъ Иліи былъ въ мірѣ, но отъ міра къ Богу; во плоти, но отъ плоти къ духу; по земли, но отъ земли къ небу.

Ходъ его былъ отъ міра: потому что часъ отъ часа далѣе оставлялъ онъ за собою и невразумимое безуміе Ахаава, и неукротимую злобу Іезавели, и мерзости лжепророковъ, и бѣдственное ослѣпленіе Израильскаго народа. Какъ луна отъ тумана и облаковъ, душа Пророка освобождалась отъ темныхъ, печальныхъ и нечистыхъ воспоминаній мірской суеты, порока и нечестія; возвышалась въ свѣтлости, въ спокойствіи, въ чис-

тотѣ, и силою уподобленія, болѣе и болѣе [3]) открывала себя Богу, Который есть свѣтъ и миръ.

Ходъ Иліи былъ отъ плоти къ духу: ибо хотя онъ и прежде сего не покорялся плоти, а предстоялъ Богу духомъ, почему и былъ способенъ слышать гласъ Его, и принимать его повелѣнія; но когда надлежало ему вступить въ ближайшее, и послѣ сокровеннаго въ открытое нѣкоторымъ образомъ общеніе съ Богомъ, тогда потребовалось крайнее очищеніе и утонченіе внѣшняго человѣка, дабы сей бренный сосудъ не распался отъ прикосновенія высочайшей духовной силы. Больной глазъ не можетъ сносить обыкновеннаго свѣта, который пріятенъ оку здравому: но чтобы смотрѣть безопасно на солнце, потребно зрѣніе орлиное. Такъ плотскій, грѣхомъ зараженный человѣкъ, не способенъ къ благодатнымъ ощущеніямъ даже низшей степени: но чтобы откровеннымъ лицемъ взирать на славу Божію, или хотя подъ покрываломъ предстоять ей вблизи, для сего и очистившійся отъ скверны плоти, и причастившійся духа, требуетъ новаго возведенія. Посему, какъ Синайскому съ Богомъ общенію Моисея сопутствовалъ четыредесятидневный постъ: такъ и Хоривскому съ Богомъ общенію Иліи предшествовало четыредесятидневное путешествіе, въ которомъ онъ не питался ничѣмъ другимъ, какъ только помышленіемъ о Богѣ и молитвою.

Ходъ Иліи былъ къ небу и къ Богу: ибо хотя онъ, вѣроятно, не зналъ предварительно, что будетъ съ нимъ въ Хоривѣ; но идучи на сію гору, которая сопредѣльна и въ основаніи своемъ есть одна съ Синаемъ, почему и названа *горою Божіею*, безъ сомнѣнія, вспоминалъ славное Богоявленіе Синайское, и симъ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ не только *приступалъ къ горѣ осязаемѣй, и разгорѣвшемуся огню, и облаку, и сумраку, и бурѣ, и трубному звуку, и гласу глаголъ* небесныхъ, но, какъ созерцатель, и къ самому Глаголателю *небесному, Егоже гласъ землю тогда поколеба* (Евр. XII. 18. 19. 26), и такимъ образомъ, когда ноги Иліины текли все по земли, духъ Иліинъ все восходилъ къ небу, и приготовлялся къ высокому общенію съ Богомъ.

Таковъ, братія, великій крестный ходъ Иліи; таковъ его святый праздникъ, въ который онъ нимало не работалъ плоти, ни-

---

[3]) По Еврепн. сборн.: болѣе и болѣе непосредственно.....

мало не занимался міромъ, точно праздновалъ единому Богу. По сему можно судить, каковъ долженъ быть и нашъ, хотя малый, крестный ходъ, и нашъ, хотя не столь совершенный, духовный праздникъ.

Когда въ священномъ шествіи ведутъ тебя отъ одного святаго мѣста въ другое для протяженнаго молебствія и торжественнаго Богослуженія: помышляй, что и тебя хотятъ приготовить къ общенію съ Богомъ, елико можно, чистому, елико можно, близкому. А если ты внимателенъ: то и всякій обыкновенный твой путь изъ дома во храмъ Господень совершай по возможности, какъ дѣятельное приготовленіе къ общенію съ Богомъ. Еще же лучше, да будетъ и вся жизнь твоя, по примѣру Святыхъ, не иное что, какъ непрерывный крестный, крестомъ Христовымъ предваряемый, управляемый и охраняемый, кресту Христову послѣдовательный ходъ, отъ плоти къ духу, отъ земли къ небу, отъ міра къ Богу. Да будетъ твоимъ праздникомъ не только то, чтобы ты былъ празденъ отъ тяжкихъ рабскихъ дѣлъ, но то наипаче, чтобы ты былъ свободенъ отъ пріятной работы чреву, разсѣянію, тщеславію, суетамъ разнаго рода. Содѣлывай всемѣрно умъ твой, сердце твое и самыя чувства твои праздными отъ всякой твари, прельщающей, озабочивающей, смущающей, да возможешь принять Бога въ умѣ, въ сердцѣ, во внутреннемъ чувствѣ, созерцаніемъ, желаніемъ, ощущеніемъ, чрезъ духовное ученіе, чрезъ чистую молитву, чрезъ дѣла благія и святыя.

Послѣ сего что сказать о тѣхъ, которые безъ благоговѣнія, безъ размышленія, безъ вниманія идутъ на праздникъ Церковный, какъ на мірское зрѣлище, на мѣсто святое, какъ на мѣсто увеселенія чувственнаго? Да сохранитъ ихъ Богъ, чтобы они не пріобщились къ праздникамъ Ахаава и Іезавели: но чтобы они участвовали въ праздникѣ Иліи Пророка, того конечно сказать о нихъ не можно.

Щедрый стяжатель даровъ духовныхъ, не отказавшій Елисею въ недовольно скромномъ домогательствѣ имѣть вдвое болѣе тебя! Не откажи и намъ дерзновенно просящимъ: ходатайствуй предъ Богомъ твоимъ и нашимъ о усугубленіи благодати празднующимъ день твой вмѣстѣ съ тобою молитвою и воздержаніемъ, или, съ препитавшею тебя вдовицею, дѣлами человѣколюбія и милосердія. Но и на тѣхъ, которые не постигаютъ еще высоты и чистоты твоего праздника, низведи отъ благопослуш-

ливаго тебѣ неба не огнь гнѣва пожирающій, но свѣтъ благодати просвѣщающій, да и сіи наконецъ путемъ истины и правды пріидутъ въ гору Божію святую, и вселятся въ ней во вѣки. Аминь.

CXXXVIII.

83. Слово

по освященіи храма Святыя великомученицы Екатерины при Екатерининскомъ Институтѣ.

(Говорено сентября 14 дня; напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.).

Уготовися призывати Бога твоего Израилю. (Амос. IV. 12).

Освященіе храма есть одинъ изъ случаевъ, при которыхъ Церковь подаетъ намъ мысли о приготовленіи нашемъ для Бога. Ибо что значатъ, съ особенною торжественностію, во время сего тайнодѣйствія возглашаемыя пророческія слова: *возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная: и внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII. 7)?

Скажемъ ли, согласно съ изъясненіемъ нѣкоторыхъ древнихъ созерцателей, что симъ изображается восхожденіе Іисуса Христа, по воскресеніи, съ обоженнымъ въ Немъ человѣчествомъ, на небо,—восхожденіе необычайное для небесъ, потому [1]) что безпримѣрно дотолѣ, и совсѣмъ непостижимо было восхожденіе на небо съ плотію: почему и надлежало произойти нѣкоему необычайному движенію небесныхъ силъ, такъ какъ-бы малыя двери и тайная лѣствица восхожденія и нисхожденія Ангеловъ, превращались въ великія врата торжественнаго вшествія Побѣдителя смерти и Возстановителя человѣчества?—Нѣтъ спора о семъ первоначальномъ, небесномъ смыслѣ словъ Пророчес-

[1]) Въ отд. изд. и въ собр. 1835 г.: необычайное для небесъ и потому, что тамъ привыкли видѣть Сына Божія, нисходящаго свыше, отъ Бога Отца, а не восходящаго снизу, отъ земныхъ тварей, и потому.....

кихъ: но когда онѣ произносятся предъ вратами храма земнаго; то по необходимости требуютъ сюда относящагося примѣненія.

Скажемъ ли что симъ изображается вступленіе въ освящаемый храмъ благодатнаго, таинственнаго присутствія Іисуса Христа, Царя славы, да возсядетъ здѣсь на престолѣ храма, подобно какъ на небесахъ возсѣдитъ одесную Бога Отца, да подаетъ отселѣ благодать, подобно какъ оттолѣ даетъ славу?— Это вѣрно такъ: но что значитъ, что велятъ возвыситься вратамъ вѣчнымъ, тогда какъ сіе повелѣніе произносится предъ вратами, которые суть временны, потому что вещественны, и которые сего повелѣнія не могутъ ни услышать, ни понять, ни исполнить?

Для удовлетворительнаго разрѣшенія сего вопроса возмемъ въ основаніе то, что говоритъ о храмѣ и о святости его Святый Апостолъ Павелъ: *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. III. 17). То есть: храмъ Божій есть чувственное изображеніе духовнаго храма, который есть истинный Христіанинъ: святостію храма изображается святость Христіанина; слѣдственно и освященіемъ храма, освященіе Христіанина. И такъ, когда при освященіи храма возглашается ко вратамъ вѣчнымъ: то сіе относится къ безсмертной душѣ, къ ея свободной волѣ, желаніямъ и любви, коими она можетъ пріять Бога. Когда повелѣвается, чтобы врата возвысились: то чрезъ сіе возбуждается человѣкъ воздвигнуть силу воли своея отъ низкихъ, земныхъ вещей къ возвышеннымъ, небеснымъ предметамъ, вознести горѣ помышленія и желанія, отверсть вѣрою, расширить любовію сердце, къ общенію съ безконечнымъ Богомъ.

Если сіе изъясненіе словъ Пророческихъ и обряда освященія храма нѣкоторымъ покажется недовольно простымъ, для убѣжденія въ истинѣ: то пусть повѣрятъ оное возглашеніемъ другаго Пророка, прямо къ чтущимъ Бога человѣкамъ, подъ именемъ Израиля. *Уготовися призывати Бога твоего, Израиле*: взываетъ Пророкъ Амосъ: или, точнѣе по Еврейскому его изреченію: *приготовься въ срѣтеніе Богу твоему*. Пусть вспомнятъ обѣщаніе посѣщенія Божія, которое не иносказательно ко вратамъ или храму, но прямо къ вѣрующему человѣку и къ любящей душѣ произноситъ Самъ Іисусъ Христосъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ; и Отецъ Мой возлюбитъ Его, и къ нему придемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV. 23).

И такъ тебѣ говорятъ, Христіанская душа, *приготовься во срѣтеніе Богу твоему.*

Какъ приготовиться? Когда ожидать Его? Гдѣ можно съ Нимъ встрѣтиться? — Посмотримъ нѣсколько пристальнѣе, нѣсколько ближе.

Человѣкъ не такъ сотворенъ, чтобы ему быть и оставаться въ разлученіи съ Богомъ, и въ удаленіи отъ Него. Если душа человѣка есть дыханіе жизни отъ устъ Господнихъ, какъ сказуетъ книга Бытія: то какова близость между дыханіемъ и дышущимъ, такова должна быть близость между человѣческою душею и Богомъ. Разлученіе человѣка отъ Бога есть состояніе неестественное. О причинѣ сего разлученія тоже должно сказать въ отношеніи ко всѣмъ человѣкамъ, что сказано Пророкомъ въ отношеніи къ Іудеямъ: *грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ* (Исаіи LIX. 2). Посмотрите на первыхъ человѣковъ послѣ перваго грѣха. *Услышаста гласъ Господа Бога ходяща въ раи по полудни*: вотъ слѣдъ первоначальнаго общенія человѣка съ Богомъ! *И скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога* (Быт. III. 8): вотъ изображеніе грѣховнаго разлученія отъ Бога! Примѣчайте, что милосердый Богъ идетъ къ человѣку и послѣ грѣха его: но грѣшникъ не готовъ во срѣтеніе Богу своему, и убѣгаетъ отъ Него. И это не въ раю токмо: но и по изгнаніи человѣка изъ рая, Богъ все еще старается приближиться къ грѣшнику, чтобы обратить его къ Себѣ, и потому не гнушается говорить даже съ братоубійцею Каиномъ; а грѣшникъ продолжаетъ удаляться отъ Бога; и не Богъ Каину, но Каинъ самъ себѣ произноситъ приговоръ изгнанія отъ лица Божія. Такъ отъ первыхъ дней міра, и далѣе, Богъ все идетъ къ человѣку, приближается, является въ дѣлахъ природы и Провидѣнія, въ чудесахъ, въ откровеніяхъ, въ законѣ, въ Пророкахъ, и въ послѣдокъ дній сихъ въ единородномъ Сынѣ Своемъ Іисусѣ Христѣ. Прислушайся, внимательная душа: не слышится ли и тебѣ *гласъ Господа Бога ходяща*, не только *въ раи по полудни*, но и по всей вселенной, въ полудни и въ полунощи, утромъ и вечеромъ? Скажетъ ли напротивъ душа разсѣянная, что она ничего таковаго не слышитъ? На сіе отвѣтствуемъ ей: Богъ однако не перемѣнился, не отступилъ вспять, не пересталъ дѣйствовать; если ты Его не слышишь, то ты невнимательна.

Какъ вѣчный и вездѣсущій, Богъ присутствуетъ и дѣй-

ствуетъ всегда и вездѣ, потому всегда и вездѣ можно съ Нимъ встрѣтиться. Но поелику человѣкъ, по грѣховности своей отвращается и удаляется отъ Бога; по своей перемѣнчивости и немощи не всегда внемлетъ Ему; по своей духовной слѣпотѣ и плотяной огрубѣлости часто не примѣчаетъ тонкихъ духовныхъ дѣйствій Божества: то есть особенныя обстоятельства и случаи, когда, и гдѣ, гласъ шествія Божія къ человѣку особенно внятно слышенъ, и такимъ образомъ человѣкъ особенно призывается уготовиться во срѣтеніе Богу своему. *Сице сотворю ти, Израилю*, говоритъ Богъ у Пророка: *обаче яко сице сотворю ти, уготовися во срѣтеніе Богу твоему, Израилю.* Теперь нѣтъ нужды доискиваться, о какомъ дѣлѣ Своемъ предваряетъ Богъ Израиля· хотя впрочемъ изъ словъ Пророка можно примѣтить, что это есть угроза дѣломъ правосудія и наказанія: довольно замѣтить для настоящаго разсужденія, что есть особенныя дѣла, которыя творитъ Богъ, и о которыхъ предваряетъ человѣка, именно для того, чтобы возбудить вниманіе человѣка; чтобы показать ему Свое приближеніе, и призвать его во срѣтеніе Себѣ; чтобы внушить ему Свои спасительныя намѣренія, и расположить его къ соотвѣтствованію онымъ.

Видѣна быша шествія Твоя, Боже (Псал. LXVII. 25)! Просвѣти очи наши, чтобы въ чистомъ свѣтѣ разсмотрѣть видѣнное, да научимся созерцать и невидѣнное нами.

Если намъ не довелось собственными очами видѣть какого нибудь великаго и чудеснаго шествія Божія, въ которомъ *земля потрясеся, небеса кануша отъ лица Бога Синаина* (Псал. LXVII. 9): не видимъ ли мы, по мѣстамъ, по временамъ, хотя меньшихъ путей Его, которые идутъ иногда прямо къ намъ? Не случается ли, что земное, насъ окружающее, потрясается, отслоняется отъ насъ, и оставляетъ пространство между нами и прочими тварями? Болѣзнь, печаль, потрясеніе благосостоянія, разлука съ людьми искренними и вѣрными, ненадежность оставшихся, гоненіе, угнетеніе, презрѣніе, превратности внезапныя, бѣдствія поражающія, опасности грозныя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, неизъяснимое внѣшними причинами внутреннее дѣйствіе, не приводятъ ли насъ иногда въ такое расположеніе духа, что предметы, дотолѣ занимательные и пріятные, уже не привлекаютъ насъ, но становятся неусладительны, безвкусны, чужды; мы чувствуемъ пустоту, ничтожность всего, что испытали, потребность и нѣкое

*

ожиданіе, которыхъ ничто не удовлетворяетъ? Знаете ли, что это такое? — Невидимое однако же не совсѣмъ непримѣтное *шествіе Бога* нашего, *гласъ Господа ходяща*. Онъ идетъ къ душѣ нашей, и уготовляетъ Себѣ путь, отстраняя отъ нея твари, около ея тѣснящіяся, и путь Ему преграждающія. И *яко сице творитъ* Онъ тебѣ: *уготовися во срѣтеніе Богу твоему, Израиле*,— уготовься, душа моя, свободнымъ и рѣшительнымъ отверженіемъ тварей, нелюбленіемъ міра, ни яже въ мірѣ, дабы не было тебѣ препятствія принять Бога полною любовію нераздѣленнаго сердца

Когда мысль о будущемъ и страхъ суда Божія, какъ громовый ударъ, пробуждаетъ насъ отъ дремоты безпечности; когда совѣсть, какъ молнія, внезапнымъ грознымъ свѣтомъ озаряетъ мракъ души, и обличаетъ все, даже до сокровенныхъ нечистотъ, помысловъ и желаній, даже до забытыхъ давно грѣховъ юности: что и это, какъ не *шествіе Бога* правосуднаго и вмѣстѣ милосердаго, *гласъ Господа*, преслѣдующаго грѣхъ, и въ тоже время ищущаго благодатно приближиться къ грѣшнику? Не скрывайся же безполезно, какъ Адамъ; не заточай упорно самъ себя далѣе и далѣе отъ Бога, подобно Каину; *уготовися во срѣтеніе Богу твоему*, сердечнымъ сокрушеніемъ, слезами, покаяніемъ, исправленіемъ житія.

Чуствуешь ли разширеніе, облегченіе, возвышеніе сердца, при совершеніи добраго дѣла, во время прилежной молитвы, при посѣщеніи храма Божія, при слушаніи слова Божія?— Знай, что это *гласъ Господа Бога ходяща въ раи* внутреннемъ, благодатное приближеніе, сладкое въ двери сердца толканіе Того, Который сказалъ: *се стою при дверехъ и толку; аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, внійду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со Мною* (Апок. III. 20). Не теряй драгоцѣннаго мгновенія; не запирайся отъ вожделѣннаго Пришельца; *уготовися во срѣтеніе Богу твоему*, отверзи Ему дверь сердца твоего вѣрою, любовію и искреннею готовностію послушливо принимать благодатныя внушенія, и вѣрно послѣдовать онымъ.

Вотъ нѣкоторыя, наиболѣе обыкновенныя срѣтенія благодатныхъ посѣщеній. Кто внимательно будетъ ожидать, и тщательно готовиться: тотъ будетъ встрѣчать Бога своего такъ часто, и такъ близко, что наконецъ возможетъ сказать съ Давидомъ: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Псал. XV. 8).

Призри благодатно, Господи и на нашего Давида, и на сопрестольную Ему общую для всѣхъ дѣтей сихъ по человѣколюбію Матерь; и къ тѣмъ, которые устроеніемъ сего святилища желаютъ приближить къ Тебѣ, и Тебѣ уготовать юныя сердца сіи, буди выну близокъ и присущъ святымъ и освящающимъ Твоимъ благословеніемъ, временнымъ и вѣчнымъ. Аминь.

CXXXIX.

84. Слово

по освященіи храма и по принесеніи Господу Богу молитвъ о предохраненіи отъ губительныя болѣзни.

(Говорено сентября 18 дня, напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 годовъ.)

Вкратцѣ буду бесѣдовать съ вами, братія; хотя не мало сказать надобно. Продолжившіяся молитвы не позволяютъ быть долгому слову. Послушайте не долго, но внимательно.

Въ молитвахъ упоминалось о губительной язвѣ во дни Давида, и о чудесномъ ея прекращеніи (2 Цар. XXIV). Воспоминаніе сіе здѣсь къ мѣсту, теперь ко времени.

Царь Давидъ впалъ въ искушеніе тщеславія: хотѣлъ показать силу своего царства, и повелѣлъ исчислить всѣхъ способныхъ носить оружіе, тогда такъ такое исчисленіе совсѣмъ не было въ употребленіи у Евреевъ. И праведникъ не безопасенъ отъ паденія, если вознерадитъ.

Еще не кончилось исчисленіе народа, какъ Царь почувствовалъ въ совѣсти своей обличеніе грѣха и страхъ наказанія отъ Бога. Въ самомъ дѣлѣ явился Пророкъ, и, по повелѣнію Божію, предложилъ Давиду на выборъ одно изъ трехъ наказаній: войну, голодъ, моръ. Примѣчайте изъ сего примѣра, что война, голодъ, моръ, и подобныя бѣдствія, хотя кажутся приключеніями случайными; хотя происходятъ частію отъ извѣстныхъ причинъ естественныхъ, тѣмъ не менѣе однако суть орудія правосудія Божія, употребляемыя для наказанія согрѣшившихъ человѣковъ.

Давидъ смирился предъ Богомъ, безропотно покорился суду Его, и совершенно предался въ волю Его. *Да впаду убо въ руцѣ Господни*, сказалъ онъ. *И даде Господь смерть во Израили отъ утра до часа обѣдняго.* Здѣсь примѣтьте скорый плодъ смиренной покорности судьбамъ Божіимъ. Не три мѣсяца несчастной войны послалъ Богъ, не три года голода, и моръ не на три дни, какъ угрожалъ Пророкъ сначала, но уже только *отъ утра до часа обѣдняго.*

Открылось наказаніе грѣха, и совершилось покаяніе Давида. *И рече Давидъ ко Господу, сіи видѣ Ангела біюща люди, и рече: се азъ есмь согрѣшивый.* Давидъ совершенно покаялся во злѣ грѣха, и тотчасъ *раскаялся Господь о злѣ* наказанія. *И рече Ангелу погубляющему люди: довольно нынѣ, отъими руку твою.* Примѣчайте спасительное дѣйствіе покаянія.

Чтобы довершить дѣйствіе помилованія, избавленія и спасенія, Пророкъ, по наставленію Ангела, побудилъ Давида поставить Господеви олтарь, на гумнѣ Орны Іевусеанина, тамъ, гдѣ въ послѣдствіи времени созданъ и храмъ Соломоновъ. *И созда тамо Давидъ олтарь Господеви, и вознесе всесожженія и мирная. И послуша Господь земли, и отъятъ язву отъ Израиля.* Примѣчайте необходимость молитвы во время общественныхъ бѣдствій, и въ особенности пользу молитвы, приносимой торжественно предъ олтаремъ, по наставленію духовному и небесному, по установленію Божественному.

Братія! не видится ли намъ нѣчто подобное грозному видѣнію Давида? Не видимъ ли и мы *Ангела Господня стояща между землею и небомъ, и мечъ его извлеченъ въ руку его, простертъ на Іерусалимъ* (1 Пар. XXI. 16)? Не смотрите большими глазами страха, которые обыкновенно видятъ то, чего нѣтъ, и не видятъ того, что есть: взирайте острымъ и мужественнымъ окомъ проницанія и благоразумной предосторожности. Губительная болѣзнь, нѣсколько лѣтъ опустошавшая не Христіанскія страны Азіи, простерлась и на Христіанскія страны Европы. Въ прошедшемъ году показалась она въ предѣлахъ отечества нашего: уступила предохранительнымъ средствамъ попечительнаго Правительства: но въ нынѣшнее лѣто явилась вновь. Мы, до сего дня пощаженные, благословимъ долготерпѣливаго къ намъ Бога! Но *Ангелъ погубляющій* видѣнъ; *мечъ его извлеченъ*: онъ угрожаетъ.

Что же намъ дѣлать? Я думаю, то же, что сдѣлали Давидъ и

жители Іерусалима при видѣ Ангела погубляющаго. *Паде Давидъ и старѣйшины Израилевы, облеченніи во вретище, на лице свое.* То же должно намъ дѣлать, чѣмъ Ниневитяне отвратили не по догадкамъ и опасеніямъ ожиданную бѣду, но опредѣлительно предсказанную погибель. *Вѣроваша мужіе Ниневійстіи Богови, и заповѣдаша постъ. И возопиша прилѣжно къ Богу, и возвратися кійждо отъ пути своего лукаваго, и отъ неправды сущія въ рукахъ ихъ* (Іон. III. 5—8).

Повергнемъ, братія, сердца наши предъ Богомъ во смиреніи, въ покорности неисповѣдимымъ судьбамъ Его. Признаемъ не только правосудіе Бога, готоваго карать грѣхи наши, обличающаго наше житіе, недостойное имени Христіанскаго, но и Его милосердіе и долготерпѣніе, которое не вдругъ, не прежде другихъ, поражаетъ насъ, а показуетъ поразившее другихъ, намъ же только грозящее наказаніе, и, какъ бы предохраняя, говоритъ: *аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. XIII. 5). Покаемся, братія, и принесемъ плодъ достойный покаянія, то есть исправленіе житія. Отложимъ гордость, тщеславіе и самонадѣяніе. Возбудимъ вѣру нашу. Утвердимся въ надеждѣ на Бога и на имя Іисуса Христа, Ходатая Бога и человѣковъ, Спасителя грѣшныхъ и погибающихъ. Исторгнемъ изъ сердецъ нашихъ корень золъ, сребролюбіе. Возрастимъ милостыню, правду, человѣколюбіе. Прекратимъ роскошь. Откажемъ чувственнымъ желаніямъ, требующимъ ненужнаго. Возлюбимъ воздержаніе и постъ. Облечемся, если не *во вретище*, то въ простоту. Отвергнемъ украшенія изысканныя, ознаменованныя легкомысліемъ и непостоянствомъ. Презримъ забавы суетныя, убивающія время, данное для дѣланія добра. Умножимъ моленія, тайныя на всякомъ мѣстѣ, и во всякое время, общественныя, по руководству Святыя Церкви. Употребимъ внимательно, благовременно, благонадежно, всегда благотворное и всецѣлебное врачевство, мирную, безкровную жертву, пріобщеніемъ Пресвятаго Тѣла и Крови Христовы.

Хотя ни Ангелъ, ни Пророкъ не приходилъ побудить насъ къ созданію благопріятнаго Богу, а для насъ благодатнаго олтаря: но, благодареніе Богу, Христолюбивое усердіе, не престаетъ созидать олтари и храмы; и на одной недѣлѣ, не одинъ олтарь освященъ, и еще не одинъ готовится къ освященію [1]).

[1]) 14 Сентября сего 1830 года освященъ храмъ Св. Великомученицы Екате-

Господи! *послушаи земли*, смиренно призывающей Твое пренебесное Имя. и *отъими язву* отъ Россіи. Сохрани градъ сей, и вѣрою живущихъ въ немъ Благослови плодоносящихъ и добродѣющихъ во Святыхъ храмахъ Твоихъ!

Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповаломъ на Тя! Аминь.

CXL.

85. Рѣчь

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ.

(Говорена сентября 29 дня, во время открывшейся въ Москвѣ губительной болѣзни, напечатана въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 годовъ.)

Благочестивѣйшій Государь!

Цари обыкновенно любятъ являться Царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать [1]). Такое Царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели Христіанской. Царь небесный провидитъ сію жертву сердца Твоего, и милосердо хранитъ Тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ Крестомъ срѣтаемъ Тебя, Государь, да идетъ съ Тобою воскресеніе и жизнь.

рины, въ Екатерининскомъ Институтѣ; 18 дня храмъ Св. Василія Великаго, на Тверской; 19 дня храмъ Св. Чудотворцевъ Черниговскихъ, за Москвою рѣкою; 20 олтарь Св. Священномучениковъ Херсонскихъ на Даниловскомъ кладбищѣ.

[1]) Въ собр. 1835 г. здѣсь поставлено подъ чертою слѣдующее примѣчаніе: «сіе относится къ мѣрамъ предосторожности противъ распространенія возникшей болѣзни».

CXLI.

86. Слово

въ день Святыхъ тріехъ Святителей Московскихъ, при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни.

(Говорено въ Успенскомъ соборѣ, октября 3 дня; напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1833, 1844 и 1848 годовъ.)

И въ праздникъ теперь не время торжествовать: потому что исполняется надъ нами слово Господне: *превращу праздники ваша въ жалость* (Амос. VIII. 10). И въ день Господень, въ домѣ Божіемъ несвободно Богословствовать: потому что свѣтъ созерцанія закрывается туманомъ скорби, и заботливые помыслы прерываютъ нить размышленія и слова. Должно нести то, что раждаетъ находящій день: надобно, безъ попеченія о чинѣ слова, говорить то, что внушаетъ, и чего требуетъ настоящее время.

И гнѣвъ, и милость, и наказаніе, и пощада, и грозное прещеніе противу грѣховъ нашихъ, и долготерпѣливое ожиданіе нашего покаянія, ежедневно и ежечасно предъ очами нашими. Ангелъ погубляющій ходитъ по стогнамъ и по домамъ; большую часть обитателей оставляетъ неприкосновенными; не многихъ касается; нѣкоторыхъ поражаетъ. Видите, что мѣра грѣховъ нашихъ полна: ибо начинается необычайное наказаніе. Но видите и то, что бездна милосердія Божія неисчерпана и не заключена: ибо не *вскорѣ возгарается ярость Его* (Псал II. 12).

Помыслимъ, братія, о важности для насъ настоящаго времени. Важно и всякое время; и нѣтъ времени, которое безопасно можно было бы пренебрегать: ибо во всякое время можно спастися или погибнуть. Но особенно и необыкновенно важно для насъ сіе время, когда Богъ уже положилъ насъ на вѣсы правосудія Своего, такъ что одна пылинка, прибавленная къ тяжести грѣховъ нашихъ, одна минута, не употребленная для

облегченія сей тяжести, могутъ низринуть насъ; когда путь житія нашего стѣснился такъ, что съ каждымъ шагомъ мы поставляемъ ногу между жизнію и смертію, между надеждою спасенія и страхомъ погибели; когда *Богъ Судитель праведенъ и крѣпокъ, и долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день*, по неисповѣдимымъ, но, безъ сомнѣнія, премудрымъ и праведнымъ судьбамъ Своимъ, въ сіи дни, особенно, близко, прямо на насъ навелъ гнѣвъ, и, *аще не обратитеся, оружіе Свое очистилъ, лукъ Свой напряже и уготова и, въ немъ уготова сосуды смертныя, стрѣлы Своя палящими содѣла* (Псал. VII. 12—14).

Когда тутъ медлить? Куда откладывать спасительныя намѣренія? У мѣста ли дремать безпечно на краю пропасти? Надобно каждому изъ насъ немедленно и ревностно попещись, какъ бы облегчить тяжесть прежнихъ грѣховъ своихъ, покаяніемъ и дѣлами человѣколюбія; какъ бы отъ умноженія сей гибельной тяжести предохранить себя чрезъ пресѣченіе дѣлъ неправедныхъ рѣшительнымъ и твердымъ намѣреніемъ исправленія; какъ бы чрезъ живую вѣру и непрестанную молитву *открыть ко Господу путь* свой духовный (Псал. XXXVI. 5), и утвердиться въ немъ, дабы и сомнительною стезею жизни временной могли мы проходить съ бодростію, и на темный путь смерти тѣлесной вступать безъ боязни; какъ бы возгарающійся гнѣвъ Божій угасить слезами умиленія; какъ бы отъ стрѣлъ правосудія Божія укрыться подъ непроницаемымъ щитомъ креста Христова.

Повторяю, и не могу довольно повторять: покаяніе, исправленіе житія, молитва, вѣра во Христа Спасителя, и какія кому по состоянію и дару возможны добродѣтели Христіанскія и плоды духовные,—вотъ истинныя потребности наши во всякое, и наипаче въ настоящее время! Вотъ вѣрныя средства нашей безопасности во всякой видимой опасности, и благонадежные залоги неотъемлемой жизни въ самой смерти! По благодати Божіей спасительныя средства сіи всегда готовы для насъ; никогда не удалены отъ насъ: войди только каждый въ себя; взирай умомъ, обращайся сердцемъ, воздыхай духомъ къ Богу крѣпкому, живому, многомилостивому.

Господи! Ты единъ *вѣси сущихъ Твоихъ* (2 Тим. II. 19), также и начинающихъ быти Твоими; однако, поелику Ты показалъ намъ возможность познавать древо по плодамъ, и духовное состояніе человѣка по явленіямъ онаго; дерзаемъ утѣ-

шать себя мыслію, что есть между нами такіе, которыхъ настоящій гнѣвъ Твой обратилъ къ милосердію Твоему, и страхъ близкой погибели приближилъ ко спасенію. Сего ради буди благословенъ и во гнѣвѣ Твоемъ, якоже и въ милосердіи Твоемъ! Но, Господи, обѣщавшій нѣкогда не погубить цѣлаго града десяти ради въ немъ праведниковъ, и ради покаянія единаго Давида повелѣвшій Ангелу погубляющему отъяти руку свою отъ Іерусалима, пощади и спаси градъ сей ради извѣстнаго Тебѣ въ немъ числа покаявшихся отъ грѣховъ своихъ!

Много должно утѣшать и ободрять насъ, братія, и то, что творитъ среди насъ Помазанникъ Божій, Благочестивѣйшій Государь нашъ. Онъ не причиною нашего бѣдствія, какъ нѣкогда былъ первою причиною бѣдствія Іерусалима и Израиля Давидъ (хотя конечно по грѣхамъ и всего народа): однако съ Давидовымъ самопожертвованіемъ пріемлетъ Онъ участіе въ нашемъ бѣдствіи. Видитъ нашу опасность: и не думаетъ о Своей безопасности; устремляется къ намъ въ ту самую минуту, какъ примѣчаетъ опасность. Государь! Тебѣ нѣтъ нужды подвергать Себя нашей опасности; наши грѣхи привлекли на насъ бѣдствіе; облегчай оное, поколику можешь, но не приближайся къ мѣстамъ, кои посѣщаетъ гнѣвъ Божій. Нѣтъ, говоритъ Онъ, *да впаду въ руцѣ Господни*; иду туда, гдѣ вознесена грозная рука Господня, чтобы какъ можно болѣе раздѣлять скорбь, какъ можно дѣятельнѣе облегчать бѣдствіе возлюбленнаго Мнѣ народа. Государь! мы знаемъ, какъ близка къ сердцу Твоему Твоя древняя Столица: но Россія на раменахъ Твоихъ; Европа предлежитъ заботливымъ очамъ Твоимъ,—Европа, зараженная, гораздо болѣе смертоноснымъ, повѣтріемъ безвѣрнаго и буйнаго мудрованія; противъ сей язвы нужно Тебѣ укрѣпить преграду; для сего потребно бдительное наблюденіе происшествій, многіе совѣты, дополненіе рядовъ Твоего воинства. Такъ, говоритъ Онъ, Мой долгъ предупреждать и ту опасность; но непреодолимая сила отеческой любви и состраданія влечетъ Меня къ сердцу Россіи, болѣзненно трепещущему.

Защитниче нашъ, виждь, Боже, и призри на лице Христа Твоего (Псал. LXXXIII. 10); пріими жертву Его человѣколюбія, и умилосердися надъ народомъ Его!

О какъ, братія, желалъ бы я совсѣмъ успокоить себя таковыми утѣшеніями, и почить на упованіи. Но еще страшусь, чтобы предъ очами Всевидящаго и нелицепріятнаго Судіи чис-

ло кающихся и смиряющихся не оказалось слишкомъ малымъ, и покаяніе слишкомъ несовершеннымъ; чтобы множество не поболѣвшихъ и не сокрушившихся, когда бичь Божій поразилъ не многихъ, не пизвело на себя умноженныхъ ударовъ, чтобы на непріемлющихъ наказанія Божія сильнѣе не возгорѣлась ярость Божія.

Къ вамъ обращаюсь и мысленно припадаю, Богоутвержденные столпы здѣшняго Священноначалія, Петре, Алексіе, Іоно, Филиппе! Чего не можетъ сдѣлать сіе скудное и безсильное слово; чего недостаетъ въ моемъ собственномъ немощномъ и неплодотворномъ [1]) покаяніи: да сотворитъ то, да восполнитъ ваша благоприступная къ Богу молитва, и обиліе данныя вамъ благодати. Да не упаситъ смерть стада вашего. Да сохранится оно, и почіетъ въ мирѣ, въ безопасности жизни временной, въ надеждѣ жизни вѣчной, не сокрушаемое, но руководимое и ограждаемое жезломъ Верховнаго Пастырс-Начальника, Іисуса Христа, Начальника жизни, прославленнаго во Святыхъ, во вѣки Аминь.

CXLII.

87. Слово

въ недѣлю двадесятую по Пятдесятницѣ, при воспоминаніи освобожденія Москвы отъ нашествія Галловъ, и при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни.

(Говорено въ Успенскомъ Соборѣ октября 12 дня, напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 г.)

Еще праздникъ; и еще слышится мнѣ грозное слово Господне: *превращу праздники ваши въ жалость, и вся пѣсни ваша въ плачъ* (Амос. VIII. 10).

Мы воспоминаемъ нынѣ, и хотѣли бы праздновать освобожденіе сего града отъ четыредесятидневнаго одержанія жестокими врагами. Хотимъ торжественными пѣснями славословить Бога

[1]) Въ отд. изд. и въ собр. 1835 г.: неоплодотворенномъ.....

избавителя. *Востани, слава* моя; *исповѣмся Тебѣ въ людехъ, Господи* (Псал. CVII. 3. 4).

Но что градъ? Что тамъ люди? Не новое ли трудное поприще времени проходятъ? Нѣсколько сотъ болящихъ страждутъ; многіе здравые состраждутъ болящимъ; нѣкоторые оплакиваютъ умершихъ; малодушные связаны страхомъ; благоразумные не столько, какъ обыкновенно, свободны, по причинѣ осторожности; человѣколюбивые носятъ въ сердцѣ чувствованіе общаго бѣдствія; благоговѣйные поникли предъ грозящимъ перстомъ Вышняго.

Что же превозможетъ? *Праздникъ*, или *жалость*? *Пѣсни* торжественныя, или *плачь*? — Ибо трудно согласить и соединить сіи противоположности. Почему премудрый Соломонъ и распредѣляетъ оныя на разныя времена. *Время*, говоритъ, *рыдати, и время ликовати* (Еккл. III. 4).

Видно, не славу пробуждать, и не торжественныя пѣсни воспѣвать намъ нынѣ. И сіе не потому, чтобы позволительно было во время прещенія Божія прекратить благодареніе Богу за Его прежнія благодѣянія. Нѣтъ! должно и во дни гнѣва Божія съ благодареніемъ воспоминать прежнія по гнѣвѣ милости Божіи, какъ потому, что сего требуетъ справедливость, такъ и потому, что сіе должно подавать намъ надежду возобновленія милости къ намъ Божіей и по настоящемъ гнѣвѣ Его. И не только за прежнія благодѣянія Божіи, но и за настоящее скорбное посѣщеніе Божіе должно благословлять Бога, по примѣру Іова: *яко Господеви изволися, тако бысть*; *буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. I. 21). Но какъ и праведный Іовъ, при столь благодатномъ чувствованіи сердца, уступилъ немощи естества человѣческаго, и съ самымъ посѣщеніемъ Божіимъ, которое было скорбное, а не радостное, сообразовался, тѣмъ, что *воставъ растерза ризы своя, и остриже власы главы своея, и посыпа перстію главу свою* (20), въ знаменіе печали: то и намъ приличнѣе нынѣ образъ печали, нежели радости, и по духовной немощи нашей, и по смиренію предъ грознымъ посѣщеніемъ Божіимъ, и наипаче по грѣховности нашей. Ибо какъ посѣщаетъ нынѣ насъ Богъ, безъ сомнѣнія, по грѣхамъ нашимъ: то всего паче потребно для насъ покаяніе: а съ покаяніемъ сообразнѣе печаль, нежели радость, только бы печаль была по Богѣ, Котораго мы оскорбили грѣхами нашими. *Печаль бо*, говоритъ Апостолъ, *яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII. 10).

Покоримся судьбѣ Божіей во всемъ; послѣдуемъ всякому мановенію Провидѣнія. Примемъ, какъ часть наказанія Божія и то, что во славу Божію совершаемое нами служеніе не можетъ нынѣ совершиться съ подобною прежней радостію, торжественностію и пространствомъ общенія [1]).

Перейдемъ приличное настоящему времени слово и гласъ, отъ болѣвшаго до смерти, но потомъ чудесно исцѣлившагося Езекіи: *яко ластовица, тако возопію, и яко голубь, тако поучуся; исчезостъ бо очи мои, еже взирати на высоту небесную ко Господу* (Исаіи XXXVIII. 14). Не для того извлекаю изъ Священныхъ книгъ сіи давніе жалобные звуки, чтобы сдѣлать болѣе горькою нашу настоящую печаль, но чтобы показать образъ печали спасительной. Тяжкая болѣзнь и преждевременная близость смерти опечалила Езекію: однако печалился онъ безъ ропота на Бога, безъ нетерпѣливости, не теряя надежды Онъ вопіялъ къ Богу со страхомъ Божіимъ: въ семъ разумѣ уподобляетъ онъ себя робкой *ластовицѣ*. Онъ молился съ кротостію и смиреніемъ: сіе изображаетъ онъ подобіемъ *голубя*, тихо стенающаго. И когда первыя молитвенныя взыванія его казались не услышанными: онъ не предался отчаянію, но продолжалъ возносить прилежную и непрестанную молитву, и даже тогда, какъ молитвенный гласъ оскудѣвалъ въ устахъ его, не преставалъ *исчезающими*, но еще умоляющими *очами взирати на высоту небесную ко Господу*. И что же наконецъ?—Милосердый Господь не презрѣлъ печали благочестивой, не отвергъ молитвы усердной и постоянной. *Избави мя*, сказуетъ Езекія, *и отъя болѣзнь души моея; и Той сотвори путеводство во вся лѣта моя.*

Да вопіемъ, братія, и мы въ настоящей печали нашей къ Богу со страхомъ и смиреніемъ, съ вѣрою и упованіемъ, съ усердіемъ и постоянствомъ: *яко у Господа милостъ, и многое у Него избавленіе* (Псал. CXXIX. 6). *Господь мертвитъ и живитъ; низводитъ во адъ и возводитъ* (1 Цар. II. 6).

Господи Іисусе Христе! въ Тебѣ *животъ бѣ* отъ вѣка; въ Тебѣ *животъ явися* во времени; Ты *имаши ключи ада и*

---

[1]) Въ прежніе годы въ сей день собиралось въ Успенскій Соборъ все Духовенство Столицы. Нынѣ все приходское Духовенство оставлено при своихъ мѣстахъ, дабы находилось въ близости и готовности для подаванія пособій Вѣры внезапно занемогающимъ. Въ Успенскій Соборъ созвано было только Духовенство Соборовъ и мужскихъ Монастырей.

смерти. Ты во днехъ плоти Твоея многими и различными образы подавалъ человѣкамъ жизнь и исцѣленіе, дабы никто, ни въ какихъ обстоятельствахъ, не оставался безъ надежды Твоея помощи. Ты не только возложеніемъ рукъ и прикосновеніемъ ризъ исцѣлялъ болящихъ, но и ставшимъ издалеча прокаженнымъ, безъ прикосновенія, цѣлебную силу преподалъ; и сыну мужа царева, не являя лица Твоего, заочно не менѣе дѣйствительное слово исцѣленія послалъ. Ты и языческой жены Хананейской докучливую молитву не отвергъ, и исповѣдуемую отцемъ отрока бѣснуемаго скудость вѣры благодатію Твоею дополнилъ. Ты для воскрешенія дщери Іаировой на призываніе отца ея склонился; для воскрешенія Лазаря, не призванный, пришелъ, и сына вдовицы Наинской, никѣмъ кромѣ Твоего милосердія не умоляемый, воскресилъ. *Гдѣ суть милости Твоя древнія, Господи* (Псал. LXXXVIII. 50)? Ибо хотя не обитаеши съ нами видимо, но, по непреложному Твоему обѣтованію, *се съ нами еси во вся дни до скончанія вѣка.* Если по грѣхамъ нашимъ такъ сильно возмогаетъ смерть: да не престанетъ *являться и животъ Твой въ мертвенный плоти нашей,* славы ради Твоего имени. Не отвергни нашихъ моленій несовершенныхъ и недостойныхъ; не умножи гнѣва Твоего за наше маловѣріе и нечувствіе или нетерпѣніе; пріими исповѣданіе нашего маловѣрія, какъ вѣру, и печаль нашу, какъ молитву; и когда очи наши, къ Тебѣ взирающія, исчезаютъ отъ немощи, да ходатайствуетъ предъ Тобою за насъ само Твое безпредѣльное милосердіе. Виждь вдовицъ, угрожаемыхъ безчадіемъ; виждь младенцевъ, *иже не познаша десницы своея, ниже шуйцы своея,* не понимающихъ также ни вины, ни бѣдствія сиротства, имъ предстоящаго. Виждь, и милосердуй, и невидимо посли въ насъ слово Твое утѣшающее, исцѣляющее, животворящее, и *глаголъ Твой да не возвратится къ Тебѣ тощъ.* Аминь.

CXLIII.

88. Слово

въ недѣлю двадесять вторую по Пятдесятницѣ, при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни.

(Говорено въ Троицкой церкви странноприемнаго графа Шереметева дома, по случаю возобновленія оныя, октября 26 дня, напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

Читанная нынѣ изъ Евангелія притча, или повѣствованіе о богатомъ и Лазарѣ такъ извѣстно, что, при вступленіи въ поученіе, не нужно вновь читать или пересказывать написанное въ Евангеліи, а можно прямо приступить къ размышленіямъ, какія оно внушаетъ.

Но прежде всего, сіе мѣсто приводитъ мнѣ на память *человѣка богатаго*, который не потерялъ своего имени въ дѣлахъ ничтожныхъ, который не оставилъ безъ вниманія бѣднаго и больнаго *Лазаря* у воротъ своего великолѣпнаго дома, но заботливо искалъ его по чужимъ домамъ, и бѣдному и больному Лазарю построилъ сей пространный домъ, приготовилъ неистощимыя пособія для жизни и врачеванія, и сіе великолѣпное дѣло человѣколюбія довершилъ устроеніемъ сего величественнаго Храма, чтобы Лазарь имѣлъ удобность не однимъ терпѣніемъ до конца, но и другими упражненіями благочестія готовиться *къ лону Авраамову. Отче Аврааме*, отче вѣрующихъ и человѣколюбивыхъ! обыми, если можно, и за насъ въ блаженныхъ нѣдрахъ твоихъ, вмѣстѣ съ душею, терпѣніемъ спасавшагося Лазаря, душу человѣколюбіемъ спасавшагося раба Божія Болярина Графа Николая; и да почіетъ она въ свѣтлыхъ обителяхъ вѣчно благословеннаго и благословляющаго твоего сѣмени, Господа нашего Іисуса Христа, Которому ты берегъ души древнія, и Который, для душъ древнихъ и новыхъ, Единъ есть воскрешеніе и жизнь и покой!

Обратимся, братія, къ себѣ. — Кто богатъ и любитъ свое

богатство; кто склоненъ къ роскоши; кто чувствуетъ въ себѣ порывъ возноситься преимуществами своего имени и состоянія: тотъ пусть поставитъ себя предъ Евангельскою притчею, какъ предъ зеркаломъ, и пусть посмотрится, не походитъ ли онъ на богатаго Евангельскаго, и такое сходство нравственнаго лиценачертанія не предвѣщаетъ ли съ вѣроятностію той же участи, какая постигла богатаго Евангельскаго по его смерти?

Бѣ богатъ: это походитъ на многихъ изъ насъ; и это, кажется, не есть несчастная черта, потому что ее видѣли въ лицѣ самого Авраама, который однако не только себѣ обрѣлъ по смерти утѣшеніе, но и котораго лоно представляется хранилищемъ вѣчнаго утѣшенія для другихъ. *Облачашеся въ порфиру и виссонъ*, то есть, въ самыя изящныя и драгоцѣнныя ткани, какія въ древнія времена употребляемы были людьми знатными и богатыми: и это на многихъ изъ насъ походитъ; и также, кажется, не бѣда, что человѣкъ богатый носитъ одежду, по приличію своего состоянія, чистую, тонкую, отличную отъ простонародной. *Веселяся по вся дни свѣтло*: кажется, и это не тяжкое преступленіе, что живущій въ изобиліи живетъ весело, и законно купленныя удовольствія раздѣляетъ съ людьми, ему пріятными.

Въ семъ состоитъ все Евангельское изображеніе жизни богатаго. Прибавимъ изображеніе и смерти его: *умре же и богатый*; *и погребоша его*. Тутъ еще менѣе можно примѣтить что-либо, на чемъ бы основаться могло худое предвѣщаніе.

Что же потомъ? Блаженъ ли умершій богатый? по крайней мѣрѣ, свободенъ ли отъ наказанія? — Нѣтъ! *во адѣ,—сый въ мукахъ*.

О Боже!—подумаетъ кто нибудь,—какъ легко погибнуть, и слѣдственно какъ трудно спастися! Евангельскій богатый, кажется, ничего не сдѣлалъ, за что бы осудить его на погибель. — Такъ, возлюбленный! подлинно легко погибнуть. Кто рѣшительнымъ направленіемъ своей воли, склонностію, страстію, совратился и двигнулся на путь неправый—на путь богатолюбія, роскоши, тщеславія: тотъ легко и непримѣтно катится по наклонности сего пути, не примѣчая, что наклонность сія простирается до самаго ада. Впрочемъ примѣръ богатаго Евангельскаго не показываетъ того, сколько трудно спастися: ибо какъ совсѣмъ не видно, чтобъ онъ дѣлалъ что нибудь для своего спасенія, то изъ сего примѣра совсѣмъ нельзя заключить,

сколько труда для сего потребно. Ты думаешь извинить его тѣмъ, что онъ ничего не сдѣлалъ для своей погибели: но не слишкомъ ли много безумія требуешь ты отъ каждаго погибающаго, чтобы онъ самъ дѣйствовалъ прямо для своей погибели? Погибаютъ обыкновенно не потому, чтобы старались погибнуть, но потому, что не стараются спастися. Ничего не сдѣлалъ?—Въ томъ то и преступленіе, отъ того то и бѣда, что ничего не сдѣлалъ. Если кто ничего не дѣлаетъ для временнаго благополучія, для земной выгоды: не признаешь ли ты справедливымъ, когда таковый ничего не получаетъ? Какъ же можно требовать, чтобы праведный, свободно свободными владычествующій Богъ, такъ сказать насильно далъ небесное, вѣчное блаженство человѣку, который ничего не дѣлаетъ для полученія сего блаженства, и не имѣетъ къ оному дѣятельнаго желанія и стремленія свободной воли?

И такъ, вотъ нѣкоторыя изъ наставленій, какія внушаетъ Евангельская притча о богатомъ. Не должно слишкомъ много успокоивать себя внѣшнею непорочностію своей жизни: не дѣлать грубыхъ, явныхъ преступленій, не убивать, не грабить, не притѣснять, не значитъ еще быть добродѣтельнымъ и достойнымъ блаженства; въ нѣкоторыхъ людяхъ это есть только внѣшняя благовидность жизни, еще не означающая души, въ добрѣ утвержденной; это есть только преддверіе, которымъ входятъ въ храмъ непорочности, только подножіе, которымъ восходятъ къ добродѣтели, стоящей гораздо выше. Благами вѣка сего должно пользоваться съ умѣренностію, даже съ нѣкоторою недовѣрчивостію, съ опасеніемъ, чтобы *не восприять блага своя въ животѣ своемъ*, безъ остатка утѣшенія для жизни будущей. Вести жизнь *по вся дни веселую*, по вся дни блистательную, въ которой дни работные не отличаются отъ праздниковъ ни трудомъ, ни простотою, въ которой праздники не имѣютъ покоя отъ увеселеній, есть *путь*, по самому снисходительному сужденію, рѣже невинный, чаще сомнительный, очевидно *широкій*: а потому если видимая широта его не стѣсняется тайнымъ отчужденіемъ сердца отъ мірскихъ прелестей, сокровенными духовными подвигами и препобѣждающими суету добродѣтелями, то конецъ сего пути не иной можетъ быть, какъ указанный Христовымъ изреченіемъ: *широкій путь вводяй въ пагубу* (Матѳ. VII. 13).

Дабы лучше усмотрѣть, чего недоставало въ лицѣ Еван-

гельскаго богатаго, для благопріятныхъ предзнаменованій будущей участи, поставимъ противъ него лице Лазаря. *Нищь же бѣ нѣкто именемъ Лазарь.* Видите ли, чего не доставало богатому, противъ Лазаря? — Ему не доставало самаго имени. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ,* говоритъ Евангеліе. О, какъ стремглавъ превращается здѣсь образъ міра сего! Кому была нужда узнавать и дѣлать извѣстнымъ имя больнаго нищаго, поверженнаго на землѣ, на котораго никто не обращалъ вниманія? Единственные собесѣдники его, псы, лизавшіе гной его, вѣрно не называли его по имени. Но имя Лазаря написано въ Евангеліи; извѣстно Аврааму; слышно на небесахъ. А имя богатаго, на пиршествахъ и въ собраніяхъ переходившее изъ устъ въ уста его многочисленныхъ друзей, почитателей и знакомыхъ, пропало безъ вѣсти. *Человѣкъ нѣкій*: и только! Что же сіе значитъ?—Безъ сомнѣнія, надлежитъ сіе изъяснить, какъ послѣдствіе обыкновеннаго начала, что имя человѣка является и скрывается, помнится и забывается, по роду и достоинству дѣлъ его. Предметами жизни и дѣятельности богатаго были вещи тлѣнныя, удовольствія скоропреходящія, слава суетная: все поглощено суетою, временемъ, тлѣніемъ; не на чемъ было устоять праздному имени празднаго человѣка

Да помыслятъ посему человѣки, болѣе пристрастные къ чести и славѣ своего имени, нежели ревностные къ дѣламъ достойнымъ чести и славы;—да помыслятъ, что будетъ и съ ихъ именемъ? Если они стараются только какъ нибудь распространить и возвысить имя свое на земли, между человѣками; а не дѣлаютъ ничего такого, по чему бы ихъ узнали, почтили и приняли на небесахъ: то чего можно имъ ожидать для своего имени, развѣ что оно умретъ со смертными, исчезнетъ въ земномъ воздухѣ, или наконецъ промелькнетъ, можетъ быть, нѣкогда предъ ними сквозь пламя преисподнее, для увеличенія наказанія ихъ неукрощеннаго самолюбія и ложнаго славолюбія? Но на небесахъ или не будутъ знать ихъ именъ, или не осмѣлятся произнести, чтобы не осквернить святыхъ устъ и слуха небожителей, и чистаго воздуха небеснаго. Сюда принадлежатъ слова Пророческія: *ни помяну же именъ ихъ устнама моима* (Псал. XV. 4).

Станемъ еще на краткое время между богатымъ и Лазаремъ — *Лежаше предъ враты его гноенъ, и желаше насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго; но и*

пси приходяще облизаху гной его. Теперь открываются въ лицѣ богатаго черты, которыя обнажаютъ его нищую внутреннимъ добромъ душу, и обнаруживаютъ тайну его погибели. Лазарь *предъ вратами*: хозяину дома нельзя не примѣтить его при каждомъ своемъ выходѣ и входѣ: но богатый какъ будто не примѣчаетъ его. Лазарь не только бѣденъ, но и боленъ: и сіе не трогаетъ жестокой души богатаго. Больному немного надобно; слишкомъ довольно было бы для Лазаря остатка отъ ломтя хлѣба, котораго богатый мало ѣстъ, сберегая остатки голода для снѣдей болѣе лакомыхъ: и сего бѣдный Лазарь тщетно *желаетъ*. Псы, по непонимаемому ими внушенію благодѣтельной природы, приходятъ отправлять должность врачей надъ ранами Лазаря: богатый все не хочетъ догадаться, что въ немъ нѣтъ и столько состраданія, сколько есть въ безсловесныхъ. *О человѣкъ*, чуждый человѣчества! — Но удержимся. Мы стоимъ здѣсь, братія, не для того, чтобы негодовать на пороки другихъ, но чтобъ учиться предохранять себя отъ пороковъ, или исправлять себя отъ нихъ, и уклоняться отъ пропасти, въ которую другіе по небрежности низринулись.

Вотъ еще очень нужное наставительное размышленіе, которое мы должны почерпнуть изъ Евангельскаго сказанія о несчастномъ богатомъ. Жизнь чувственная, если небрежно предаются ей, занимая душу плотскими и суетными удовольствіями, неприметно разслабляетъ ея внутреннюю силу, и притупляетъ нравственное и духовное чувство, такъ что человѣкъ наконецъ дѣлается тупъ, тяжелъ и почти неспособенъ къ возвышеннымъ побужденіямъ и чистымъ удовольствіямъ истинной добродѣтели. А какъ, напротивъ, легко было бы то самое богатство, которое обыкновенно служитъ пищею жизни чувственной и плотской, обратить на то, чтобы питать побужденія возвышенныя, чтобы достигать удовольствій чистыхъ, посредствомъ благотворенія нуждающимся и бѣдствующимъ ближнимъ!

Братія! какъ много въ сіи дни *Лазарей!* Одни больны; другіе бѣдны; нѣкоторые и то и другое. Благодареніе человѣколюбію Благочестивѣйшаго Государя, и имъ одушевляемаго и движимаго Правительства! Благодареніе и человѣколюбію народа! Никто не остается не только *предъ вратами*, на улицѣ, но не оставляется и въ жилищѣ, неудобномъ или небезопасномъ; врачующіе и пекущіеся охотно приближаются къ больнымъ такою болѣзнію, о которой одна мысль въ иныхъ воз-

буждаетъ отвращеніе или страхъ; крупицы *отъ трапезъ богатыхъ*, довольно часто падаютъ въ уста бѣдныхъ; даже бѣдные своими лептами дѣлятся съ другими бѣдными, или отдаютъ въ милостыню свой трудъ, и себя въ служеніе болящимъ; служители чистоты и Святыни всюду текутъ очищать, умягчать и заживлять душевныя раны страждущихъ, и еще не страждущихъ тѣлесно. Кажется, и Самъ Врачь душъ и тѣлесъ преклоняется къ молитвамъ Вѣры и къ подвигамъ человѣколюбія, и простираетъ милующую руку. Смерть уже не распространяетъ власти, ей попущенной; и болѣзнь начинаетъ уступать здравію.

Однако дерзнемъ ли мы подумать, что у насъ происходитъ уже нѣчто лучшее, нежели что видимъ въ Евангеліи? — Тамъ одинъ больной и бѣдный; одинъ богатый, осужденный, и у сего пять братьевъ, подобныхъ ему въ томъ, что жили только для себя, а не для Бога и ближняго. Богъ да помилуетъ насъ, братія, чтобы не нашлось и у насъ, противъ одного требующаго милости, шесть немилостивыхъ! Раздѣлимъ, по возможности, каждый съ которымъ нибудь, а всѣ со всякимъ злостраждущимъ Лазаремъ, *благая наша, восприемлемая въ животѣ нашемъ* временномъ, дабы принятые прежде насъ на лоно Авраамле не отреклись раздѣлить съ нами благая Божія, въ жизни вѣчной. Аминь.

CXLIV.

89. Слово

въ день восшествія на Всероссійскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено въ каѳедральной церкви Чудова монастыря, ноября 20 дня; напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

Вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его
Псал. XXIV. 10.

Настоящій день Господь сотворилъ намъ, сынове Россіи, да возрадуемся о Царѣ, намъ дарованномъ: и благодареніе Богу,

что сему радостному дню довольно почтительно уступаютъ дни скорби, внезапно нашедшіе на градъ сей. Градъ Царевъ выздоравливаетъ, чтобы не проводить дня Царева въ неблаговременномъ унынiи.

Предоставляю испытателямъ природы, по должности, или по охотѣ, потрудиться надъ изысканіемъ причинъ сей благопріятной перемѣны: они найдутъ, вѣроятно, болѣе одной и будутъ имѣть случай состязаться о томъ, которая изъ нихъ истинная, или которая сильнѣе другой. Что касается до меня, безъ труда нахожу одну причину, которая удовлетворительнѣе и пріятнѣе многихъ изысканныхъ изъясняетъ происходящее. Сія благотворная причина есть милость Божія къ Царю и Царству.

Такъ, по выраженію Пророка, *день дни отрыгаетъ глаголъ* (Псал. XVIII. 3), одинъ день говоритъ другому, всѣ происшествія каждый день говорятъ людямъ то, что написано у Пророка: *вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его.*

Что такое *путіе Господни*? Неограниченному нельзя опредѣлять путей; Вездѣсущему некуда шествовать. Онъ уже вездѣ присутствуетъ. Соединеніе понятій *милости* и *истины* съ понятіемъ *путей* даетъ разумѣть, что Пророкъ сіе послѣднее слово употребилъ въ значеніи нравственномъ

Путіе Господни суть дѣйствія Провидѣнія Божія въ отношеніи къ нравственнымъ существамъ, направленіе управляемыхъ Богомъ средствъ къ достойнымъ Божества цѣлямъ.

На какихъ же *путяхъ Господнихъ*, или въ какихъ дѣйствіяхъ Провидѣнія, указуетъ намъ Пророкъ *милость и истину*? Добрый благополученъ: очевидно, что тутъ есть истина взыскающимъ завѣта Божія. И грѣшный не лишенъ временнаго благополучія: очевидно, что это милость. Но милость и истина въ сихъ случаяхъ такъ видимы, что, кажется, Пророку не стоило бы труда указывать на сіи явленія, довольно понятныя и безъ Пророка.

Пророкъ говоритъ выразительно: *вси путіе Господни милость и истина.* Здѣсь примѣтно опасеніе, чтобы нѣкоторые непроницательные люди не усомнились о нѣкоторыхъ путяхъ Господнихъ. О какихъ же дѣйствіяхъ Провидѣнія могутъ усомниться непроницательные? Приходитъ на людей бѣдность, болѣзнь, голодъ, смерть: путь ли это Господень? Гдѣ тутъ милость? Бѣдствія сіи постигаютъ многихъ, злыхъ и добрыхъ, безъ примѣтнаго разбора:

путь ли это Господень? Гдѣ тутъ истина? Зло естественное отъ естественныхъ причинъ рождается, естественными же средствами не рѣдко и отвращается: гдѣ же тутъ путь Божій? Не примѣчаемъ ли, какъ недоумѣнія сего рода охотно выдумываются и проповѣдуются людьми вѣка сего, какъ будто новыя открытія, какъ будто познанія законовъ естества? Подлинно, здѣсь не излишенъ чистый, возвышенный взоръ Пророка, чтобъ усмотрѣть путь Божій въ дѣлахъ природы, чтобъ открыть милость и истину Господню сквозь смѣшеніе невинности и виновности человѣческой. И Давидъ сіе видитъ; и задолго предупреждаетъ нашихъ поздныхъ мудрователей, чтобы они не дѣлали неумѣстныхъ исключеній изъ законовъ и власти, сколько всеблагаго, столько же и всеобъемлющаго Провидѣнія *Вси путіе Господни милость и истина.*

Поелику Богъ безконеченъ, вездѣсущь и всемогущь: то нѣтъ во вселенной никакого состоянія тварей, которое было бы Ему недоступно, чрезъ которое бы не лежалъ какой нибудь путь Господень; нѣтъ происшествія, которое бы не было ведено путемъ Господнимъ, впрочемъ такъ, что путь Господень никогда не стѣсняетъ путей свободы для существъ нравственныхъ. Поелику Богъ вездѣсущій и всѣмъ управляющій есть также Богъ премудрый, праведный и всеблагій: то всѣ дѣйствія Провидѣнія Его, всѣ происшествія міра, касающіяся существъ нравственныхъ, ведутся такъ, чтобы все было средствомъ къ добру и противу зла; чтобы то, что называютъ зломъ по непріятному ощущенію и разрушительнымъ дѣйствіямъ въ видимой природѣ, сіе, такъ сказать, поверхностное явленіе зла, было врачевствомъ или противуядіемъ противъ зла болѣе глубокаго и подлиннаго, которое, раждаясь изъ злоупотребленія свободы существъ нравственныхъ, повреждаетъ ихъ внутренно и дѣлается источникомъ безчисленныхъ и безконечныхъ злыхъ послѣдствій, внутреннихъ и внѣшнихъ, если пути онаго не пресѣкаются [1]) путями Господними. *Вси путіе Господни*, въ семъ числѣ и, такъ названныя, *стези гнѣва* (Псал. LXXVII. 50), или карательныя дѣйствія Провидѣнія, и бѣдствія, повидимому, случайно находящія, повидимому, безъ разбора поражающія, суть *милость и истина*, относящаяся преимущественно ко *взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его*;—ис-

[1]) Въ отд. изд и въ собр. 1835 г.: не пресѣкались бы. ...

тина, когда поражается грѣшникъ, и предупреждается умноженіе грѣховъ и распространеніе грѣховной заразы;—истина, когда въ общемъ бѣдствіи спасается праведникъ;—милость, когда пощаженъ бываетъ грѣшникъ, въ которомъ или уже возбуждено, или предусматривается имѣющее возбудиться покаяніе;—милость и истина вмѣстѣ, когда бѣдствіемъ, которое угрожало многимъ, и постигло не многихъ, многіе приведены въ познанію своего грѣховнаго состоянія и возбуждены къ исправленію.

Еще Іовомъ *слышанные*, и еще и нынѣ слышимые *утѣшителіе золъ* (Іов XVI. 2), (то есть такіе утѣшители, которые, думая утѣшить во злѣ, ложнымъ утѣшеніемъ производятъ новое зло) говорятъ: будьте спокойны: истребительная болѣзнь совсѣмъ не есть гнѣвъ и наказаніе Божіе. Такъ что же она, други мои? Развѣ благоволеніе и награда отъ Бога? вѣроятно, что такой награды не пожелалъ бы себѣ такой утѣшитель; а то вѣрно, что намъ не позволитъ человѣколюбіе пожелать оной для него.

Когда въ храминѣ добраго отца покажется розга: увидѣвшій ее тотчасъ подумаетъ: видно, между дѣтьми есть провинившіяся. Вселенная есть домъ Отца небеснаго. Человѣковъ, особенно дѣтей вѣры, бережетъ Онъ болѣе, нежели мать дѣтей своихъ (Иса. XLIX. 15). Общественное бѣдствіе, безъ сомнѣнія, не вѣнокъ, а розга. И такъ, когда вижу сію розгу: не умѣю думать иначе, какъ что земныя чада, видно, заслужили наказаніе отъ Отца небеснаго.

Возражаютъ: какъ можетъ быть наказаніемъ, напримѣръ, болѣзнь, отъ которой въ числѣ прочихъ и невинный младенецъ умираетъ?—Уже много вѣковъ прошло, какъ сіе возраженіе рѣшилъ Премудрый: *восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или лесть прельстит душу его* (Прем. IV. 11). Иное умертвить невиннаго;—нельзя довольно ужасаться жестокой несправедливости человѣка, отъемлющаго у безвиннаго ближняго даръ Божій, коего отъемлющій ни возвратить, ни замѣнить не въ силахъ;—иное умереть безвинно, подъ владычествомъ Провидѣнія, которое путемъ жизни временной, краткимъ или долгимъ, ведетъ къ блаженному покою жизни вѣчной; безвинно умирающій ничего не теряетъ, а пріобрѣтаетъ жизнь безопасную и лучшую, и въ ней блаженство, или приготовленіе къ блаженству, по способности, награду по достоинству; слѣдственно человѣкъ не обиженъ: Провидѣніе право. Такимъ об-

разомъ, поздняя или ранняя, легкая или тяжкая, всегда *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. CXV. 6) и спасительна: но также всегда *смерть грѣшниковъ люта* (Псал. XXXIII. 22) и наказательна. И поелику отъ начала міра *грѣхомъ смерть во вся человѣки вниде* (Рим. V. 12), какъ наказаніе: то и нынѣ увеличеніе власти ея надъ человѣками вообще означаетъ увеличеніе ихъ наказанія. И Владычествующій жизнію обыкновенно угрожаетъ смертію, какъ наказаніемъ за грѣхи и беззаконія: *беззаконія сотвори*; *смертію умретъ* (Іезек. XVIII. 13)! Посему какъ смерть *не согрѣшившихъ по подобію преступленія Адамова* не препятствовала всеобщей смерти человѣковъ быть слѣдствіемъ всеобщаго осужденія (Рим. V. 14—18): такъ смерть невиннаго младенца отъ истребительной болѣзни не препятствуетъ сей болѣзни оставаться общественнымъ наказаніемъ Божіимъ, и, можетъ-быть, сверхъ того въ частности, наказаніемъ, или средствомъ духовнаго возбужденія, для тѣхъ, которые лишились сего младенца, и его будутъ оплакивать.

Если думаютъ, что бѣдствіе пришло не путемъ истины и милости Господней, наказующей зло, и обращающей къ добру: то спрашиваю: какъ же пришло въ міръ бѣдствіе? Украдкою? — Нельзя. Богъ всевѣдущь. Насильственно?—Нельзя. Богъ всемогущь. По слѣпому движенію силъ природы?—Нельзя. Ими управляетъ Богъ премудрый и всеблагій. Куда ни обращайся съ догадками, отвсюду принужденъ будешь возвратиться къ одной неоспоримой истинѣ, что, если какъ нибудь допущено въ міръ бѣдствіе, то допущено не иначе, развѣ какъ средство Провидѣнія, наказательное и исправительное, а иногда испытательное и усовершительное,—какъ истина и милость путей Господнихъ.

Но еще говорятъ: еслибы болѣзнь была наказаніемъ Божіимъ; то непозволительно было бы избавляться отъ нея врачеваніемъ: ибо когда Государь опредѣляетъ преступнику наказаніе, тогда покушеніе избавиться отъ сего наказанія почитается новымъ преступленіемъ. Невѣрное уподобленіе, и отъ того ложное заключеніе! Въ томъ самомъ случаѣ, когда болѣзнь дѣйствительно есть наказаніе Божіе, врачеванія отъ болѣзни отнюдь не должно сравнивать съ побѣгомъ отъ наказанія. Можно виновному избѣжать отъ рукъ правосудія человѣческаго; и тѣмъ сдѣлать новое преступленіе, тѣмъ болѣе тяжкое, что имъ пролагается путь къ другимъ преступленіямъ: побѣгъ отъ правосудія всевидящаго и всемогущаго Бога невозможенъ; симъ пра-

восудіемъ можно только быть прощену и отпущену; а о семъ стараться не есть преступленіе. Убѣгающій отъ опредѣленнаго ему наказанія человѣческаго есть мятежникъ: совсѣмъ не то врачующійся отъ болѣзни: онъ дѣлаетъ сіе по дару и власти Того же Господа, Который наказуетъ его: ибо *Господь созда отъ земли врачеванія* (Сир. XXXVIII. 4); *отъ Вышняго есть исцѣленіе* (2). Убѣгающій отъ опредѣленнаго человѣческою властію наказанія нарушаетъ опредѣленіе сея власти; сего никакъ не дѣлаетъ врачующійся отъ болѣзни; успѣхомъ врачеванія открывается только то, что ему опредѣлена была болѣзнь не смертная. Исправимъ уподобленіе и окончимъ споръ. Оковы суть одно изъ такихъ орудій правосудія человѣческаго, которыя не для невинныхъ назначены, хотя впрочемъ пребываніе въ оныхъ Іосифа не виною его должно быть изъясняемо. Подобно сему болѣзнь тѣлесная есть одно изъ орудій правосудія Божія, хотя болѣзнь Іова, Езекіи и многихъ другихъ приходила и приходитъ особенными путями Господними, въ которыхъ, впрочемъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, всегда открывается милость и истина.

Случаи сыновъ человѣческихъ, которые многоразличная премудрость Божія ведетъ путями праведнаго и благаго Провидѣнія, такъ многочисленны, такъ разнообразны, такъ сплетены взаимными отношеніями, такъ глубоко сокрыты своими началами въ сердцахъ, которыя единъ Сердцевѣдецъ испытуетъ, такъ далеко простерты своими послѣдствіями по смертному и безсмертному бытію человѣковъ, что желать все темное въ оныхъ понять, все трудное изъяснить, значило бы хотѣть пересчитать песокъ, или горстью вычерпать море.

Умѣй же и мудрствовать, и добровольно мудрованію своему полагать границу, по необходимости ограниченный человѣкъ! Повѣрь здравымъ понятіямъ о Богѣ всепромыслителѣ, которыя согласно тебѣ внушаютъ и разумъ и откровеніе; удовлетворись несомнительными примѣрами людей, надъ которыми, и естественно, и чудесно, не надъ всѣми одинаково, надъ каждымъ вѣрно, явилась правда и благость Божія; согласись, не только умомъ, но и сердцемъ, съ словомъ Пророка, и съ неисчислимыми свидѣтельствами слова Божія, что *вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его*. Увѣренность, сколь удовлетворительная для ума, столь же отрадная для сердца, и благотворная для жизни!

Мудрствующій по стихіямъ міра скажетъ: «воздухъ былъ зараженъ;—воздухъ освобождается отъ заразы».—Первое горько; да и во второмъ не много вкуса. Но когда говорятъ, что Отецъ Небесный умилосердился надъ нами, и когда слушаютъ сіе съ вѣрою: человѣкъ получаетъ такія чувствованія, по которымъ онъ становится въ одно время и счастливѣе, и нравственно лучше прежняго.

Благо есть исповѣдатися Господеви, и пѣти имени Твоему, Вышній, возвѣщати заутра милость Твою и истину Твою, на всяку нощь (Псал. XCI 2. 3).

Да не измѣняемъ никогда сей, сколько священной, столько же блаженной обязанности. Исповѣдаемъ истину Божію, наказующую бѣдствіями грѣшниковъ, и освящающую оными праведниковъ; исповѣдаемъ милость Божію, являемую намъ нынѣ; призовемъ благоподательную милость и истину Господню на дни грядущіе, Благочестивѣйшему Государю нашему и Августѣйшему Дому Его, царствующему Граду сему, Россіи, и наконецъ всякой душѣ, по вѣрѣ и взысканію завѣта Божія способной къ причастію милости Божіей. Аминь.

CXLV.

90. Слово

въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, по полученіи высочайшаго повелѣнія о возстановленіи сообщеній Москвы, прерванныхъ по предосторожности противъ губительныя болѣзни.

Говорено въ каѳедральной церкви Чудова монастыря, декабря 6 дня; напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

Утомились мы, такъ долго и часто, говоря и слыша, все о болѣзни, все о смерти. Но кто можетъ прекословить волѣ Владѣющаго жизнію, Который сіи уже малые, только что примѣтные остатки сѣни смертной не спѣшитъ совсѣмъ удалить отъ глазъ нашихъ, можетъ быть, для того, чтобы, обезпечась ско-

рымъ помилованіемъ, не поспѣшили мы забыть праведнаго наказанія? Благословенъ Онъ и за то, что наказалъ, и за то, что милуетъ, и за то, что милуетъ постепенно, дабы тѣмъ болѣе упрочить намъ Свою милость.

Мнѣ представляется, что, какъ Лазарь изъ гроба, востаетъ въ сіе время сей градъ, правда не многими своими членами дѣйствительно умершій, однако весь всецѣло воскресшій отъ страха смерти. Но чего еще недостаетъ сему воскресшему, чтобы пользоваться обновленною жизнію?—Да! еще нужно для него тоже владычественное повелѣніе, которое дано было для воскресшаго Лазаря: *разрѣшите его, и оставите ити* (Іоан. XI. 44). Внемли же, воскресшій градъ! Се и для тебя исходитъ отъ Престола Царева разрѣшающій гласъ: *разрѣшите его, и оставите ити*; разрѣшите его отъ обязаній, которыми любящая рука принуждена была связать его предохранительно, чтобы область смерти не распространилась; оставьте его безпрепятственно, незаключенными вратами, непрегражденными путями, идти въ села и окрестные грады, и принимать приходящихъ, чтобы жизнь естественная не затруднялась въ своихъ потребностяхъ, чтобы жизнь общественная не стѣснялась въ своихъ движеніяхъ. Благословенна благость Царева, и за намѣреніе связать смерть, и за поспѣшность разрѣшить жизнь.

Поздравляю тебя, отъ страха смертнаго воскресшій, отъ болѣзни смертной исцѣлѣвшій, отъ трудностей жизни разрѣшенный градъ! Но послушай, что еще, при сихъ благопріятныхъ для тебя событіяхъ, тебѣ сказать внушаетъ истина, что совѣтовать тебѣ, побуждаетъ желаніе твоего блага. *Взыскахъ блага тебѣ* (Псал. CXXI. 9). Если ты воскресъ: то умѣй беречь безопасность жизни, тебѣ возвращенную. Если ты исцѣлѣлъ: то вспомни слово Исцѣлителя, сказанное *въ Церкви*: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. V. 14). Если ты разрѣшенъ, то умѣренно и осторожно приводи въ движеніе члены твои, дабы чадолюбивая мать не увидѣла необходимости вновь спеленать дитя, во вредъ себѣ употребляющее разрѣшенные члены.

Кажется, кому бы лучше понимать высокую цѣну жизни и безопасности, какъ не тому, кто только выходитъ изъ смертной опасности? Кому свойственнѣе быть осторожну въ употребленіи здравія, какъ не тому, кто недавно видѣлъ окрестъ себя, или даже испыталъ надъ собою, жестокость болѣзни? Разрѣшен-

ный отъ узъ, или отпущенный изъ-подъ стражи, не больше ли другаго знаетъ непріятность неволи; а потому не больше ли другаго долженъ беречься, чтобы вновь не заслужить оную? Грѣшникъ, наказанный и помилованный, къ удаленію отъ грѣха, не сугубое ли побужденіе, не два ли крыла имѣетъ,—въ воспоминаніи наказанія и въ благодарности за помилованіе?

Подлинно такъ бы надлежало быть: но какъ часто бываетъ совсѣмъ иначе! Едва не потонувшій подлѣ берега вскорѣ безъ нужды пускается въ глубину. Тотъ, надъ кѣмъ уже сбылось врачебное предвѣщаніе мудраго: *во мнозѣхъ брашнахъ недугъ будетъ, и пресыщеніе приближитъ даже до холеры* (Сир. XXXVII. 33),—какъ скоро чувство глада является вѣстникомъ возвращающагося здравія, опять по прежнему *разливается на различіе брашна* (32). Тотъ, который вчера, какъ милостыню получилъ свободу, сего дня не хочетъ положить предѣловъ своему своеволію. Сколько людей, городовъ, народовъ, временъ, въ которыхъ повторялось то, въ чемъ пѣвецъ Израилевъ такъ давно, такъ горько, упрекалъ своихъ соотечественниковъ! *Еіда*, говоритъ, *убиваше я, тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утреневаху къ Богу; и помянуша, яко Богъ помощникъ имъ есть, и Богъ вышній избавитель имъ есть.*— Но что далѣе?— *И возлюбиша Его усты своими*—только, *и языкомъ своимъ солгаша Ему; сердце же ихъ не бѣ право съ Нимъ* (Псал. LXXVII. 34—37).

Какіе несчастные опыты! Какая неблагодарность и несправедливость! Какое отсутствіе благоразумія! Послѣ такого поведенія, чего добраго ждать, и по естественному дѣйствію не добрыхъ началъ, и по правосудію земному, а гдѣ сего не достанетъ, по правосудію небесному, котораго ни избѣжать, ни обмануть невозможно?—*Горше что будетъ!*

Градъ возлюбленный! Горько тебѣ было; но много услаждена чаша твоя: благодарно сохрани дарованное; благоразумно заслужи лучшее; берегись грѣховъ и погрѣшностей, *да не горше ти что будетъ*. Утвердимъ себе, братія, и не престанемъ исполнять благіе обѣты, которые вдохнуло намъ спасительное время скорби. Не съ ропотомъ воспомянемъ трудности, насъ постигшія, но съ утѣшеніемъ трудности перенесенныя. Благодушно перенесемъ нѣкоторыя неудобства, которыя еще перенести остается. Употребимъ дарованныя облегченія и вспоможенія въ пользу, а не въ удовлетвореніе страстей и прихотей. Со вниманіемъ

и чистосердечною вѣрностію да ходимъ въ послушаніи заповѣдямъ Божіимъ и повелѣніямъ власти, отъ Бога поставленной. Такъ будемъ благодарны Богу, насъ милующему. Такъ будемъ достойны Царя, о насъ пекущагося.

Господи, спаси Царя (Псал XIX. 10)! Господи! *на людехъ Твоихъ благословеніе Твое* (Псал. III. 9). Аминь

1831 годъ.

CXLVI.

91. Слово

въ недѣлю вторуюнадесять по Пятидесятницѣ [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ.)

Слышавъ же юноша слово, отъиде скорбя бѣ бо имѣя стяжанія многа (Матѳ XIX. 22).

Какой это несчастный человѣкъ! Только приблизился ко Христу Спасителю; и уже удаляется отъ Него. Услышалъ Его Божественное слово; и отходитъ съ печалію. Съ печалію отходитъ отъ Того, Который есть *утѣха Израилева* (Лук. II. 25), и радость неба и земли. Если отъ Христа отходитъ онъ съ печалію: то гдѣ же найдетъ онъ утѣшеніе? Что за несчастіе? Что за странность? Отъ чего это?

Причина сей несчастной странности многимъ не показалась бы дѣломъ важнымъ, еслибы не открывались ея послѣдствія, которыхъ нельзя почесть маловажными. Это—пристрастіе къ земнымъ вещамъ. *Бѣ бо имѣя стяжанія многа.*

И такъ Евангеліе хочетъ вразумить насъ о вредныхъ и опасныхъ послѣдствіяхъ пристрастія къ земнымъ вещамъ.

[1]) Относимъ слово сіе къ 1831 году, сльдуя указателю въ Чтеніяхъ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія.

Примемъ сіе вразумленіе со вниманіемъ, и вразумимъ, по возможности, сами себя размышленіемъ.

Пристрастіе къ земнымъ вещамъ бываетъ въ человѣкахъ не одного рода, и не одной степени. Особенно различить должно пристрастіе къ вещамъ земнымъ грубое, явно безпорядочное и беззаконное, отъ пристрастія тонкаго, не всегда примѣтнаго, иногда благовиднаго.

Пристрастенъ кто нибудь къ богатству, и для удовлетворенія сему пристрастію употребляетъ обманъ или хищеніе; пристрастенъ кто нибудь къ удовольствіямъ тѣлесныхъ чувствъ, и для удовлетворенія своему пристрастію предается объяденію, или піянству, или еще болѣе низкимъ порокамъ; истощаетъ стяжаніе свое, чтобы наполнить чрево свое; простираетъ свою жадность и невоздержаніе до неприличія, до безобразія, до болѣзней, и самыми болѣзнями не вразумляется обратиться къ воздержанію: — такія пристрастія, и дѣйствія ихъ, столь очевидно безпорядочны и беззаконны, и послѣдствія сихъ пристрастій столь очевидно вредны въ отношеніи ко временной и вѣчной жизни, что сего почти не нужно доказывать и указывать человѣку, котораго умъ не омраченъ таковыми пристрастіями, котораго сердце не погрязло въ тинѣ скотскихъ наслажденій. Пожелалъ ли бы добрый и благородно мыслящій хозяинъ, чтобы хищникъ поселился у него въ домѣ, чтобы ненасытимый и нечистый ядца сидѣлъ за его столомъ, чтобы непстовый отъ вина входилъ въ его бесѣду? Что же сказать о Всевышнемъ Домовладыкѣ, и чистыхъ обитателяхъ небесныхъ обителей? Возможно ли, чтобы въ ихъ обители допущены были души съ такими склонностями и привычками, по которымъ, во время пребыванія ихъ въ тѣлахъ, для другихъ, еще не совсѣмъ очищенныхъ, только менѣе нечистыхъ человѣковъ, онѣ были отвратительны и нестерпимы? *Внѣ псы и чародѣи, и любодѣи, и убійцы, и идолослужители, и всякъ любяй и творяй лжу* (Апок. XXII. 15). *Ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI. 10).

Есть земныя пристрастія, не столь грубыя, однако вредныя для ищущихъ Царствія небеснаго; и тѣмъ болѣе опасныя, чѣмъ менѣе ихъ опасаются. Сіе долженъ объяснить показанный намъ въ Евангеліи примѣръ человѣка, пристрастнаго къ имѣнію.

Онъ приступилъ къ Іисусу Христу съ важнымъ вопросомъ: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* Посему можно примѣтить, что это былъ человѣкъ не легкомысленный, и не суетою только занимающійся. Сего юношу не стыдно поставить предъ лицемъ старцевъ; на сего Израильтянина можно съ уваженіемъ указать Христіанамъ. Всѣхъ ли насъ паче всего, и чаще всего занимаетъ сей важный вопросъ: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* Не проводитъ ли иной дня въ заботѣ, и ночи въ безсонницѣ, надъ пустыми вопросами: какъ бы сдѣлаться богатѣе? Или, какъ бы выше и виднѣе другихъ занять мѣсто въ обществѣ? Между тѣмъ какъ едва ли кто нибудь изъ насъ не знаетъ, что Евангеліе возвѣщаетъ горе богатымъ, и первымъ угрожаетъ жребіемъ послѣднихъ? Если въ такомъ состояніи душа твоя, христіанинъ: то сказываю тебѣ, что она, кромѣ благодати святаго крещенія, еще въ низшемъ духовномъ состояніи находится, нежели душа сего Израильтянина, коей жалкое состояніе обнаружилось внезапнымъ удаленіемъ отъ Христа.

Когда Іисусъ Христосъ вопрошающему о средствахъ достигнуть вѣчной жизни, отвѣтствовалъ, что для сего надлежитъ соблюдать заповѣди, не убивать, не прелюбодѣйствовать, не красть, не лжесвидѣтельствовать, почитать отца и мать, любить ближняго, какъ самого себя; тогда не обинуясь *глаголга Ему юноша: вся сія сохранихъ отъ юности моея.* Въ то время, когда человѣкъ ищетъ себѣ наставленія для вѣчной жизни, трудно подозрѣвать его въ вознамѣренномъ лицемѣрномъ самохвальствѣ предъ своимъ наставникомъ: ибо въ семъ случаѣ онъ обманывалъ бы только самого себя, и, скрывая отъ наставника истинное состояніе своей души, тѣмъ самымъ лишалъ бы себя наставленія, сему состоянію приличнаго. И такъ должно думать, что Евангельскій юноша не противъ совѣсти объявилъ себя сохранившимъ заповѣди отъ юности своей: хотя впрочемъ можно, и должно примѣтить, что зеркало совѣсти его, не очищенное и не просвѣтленное благодатію Христовою, не довольно чисто и вѣрно представляло ему духовный видъ и достоинство его дѣяній. Если отъ Израильтянина не требовать болѣе, нежели чего надлежитъ отъ него требовать, по состоянію Израильтянина: то сей Израильтянинъ опять является довольно хорошимъ; и я опять опасаюсь, что не каждый изъ насъ, Христіане, выдержитъ съ нимъ сравненіе въ добродѣтели.

Сохранилъ ли ты, Христіанинъ, тѣ заповѣди, которыя сохранилъ сей Израильтянинъ? А тебѣ легче было, нежели ему, сохранить оныя, и не сравненно болѣе можно и должно было сдѣлать добра, при помощи благодати Хрістовой, данной тебѣ во святомъ крещеніи, щедро умножаемой, и удобно возобновляемой другими Христіанскими таинствами.

Послушаемъ еще Израильтянина.—*Вся сія сохранихъ отъ юности моея; что есмь еще не докончалъ?* — Какой опять благоразумный вопросъ! Какъ обыкновенный ученикъ писмени закона, смотря на дѣла свои со внѣшней ихъ стороны, онъ почитаетъ себя исполнившимъ заповѣди: однако потому еще не почитаетъ себя заслужившимъ жизнь вѣчную; не думаетъ, чтобы удаленіе отъ грубыхъ грѣховъ и преступленій можно было поставить въ столь высокую цѣну предъ Богомъ, но предполагаетъ, что для приближенія къ Богу, для достиженія Царствія Его, нуженъ какой нибудь подвигъ болѣе возвышенный, болѣе достойный величія Божія. Не видите-ли, что тутъ есть нѣкоторое смиреніе, и нѣкоторое предчувствіе духовнаго закона? Сіи добрыя расположенія душевныя привели сего Израильтянина ко Хрісту; поставили его во дверяхъ благодати; открыли предъ нимъ путь не только спасенія отъ вѣчной смерти, но и путь совершенства, ведущій къ вѣчной жизни и къ высшимъ степенямъ блаженства: ибо Господь точно нашелъ его способнымъ къ тому, чтобы преподать ему ученіе совершенства: *аще хощеши совершенъ быти.*

Что жъ подлинно *не докончалъ* онъ? — Спрошу и я вмѣстѣ съ нимъ. Желаніе и дѣятельное исканіе вѣчной жизни, исполненіе заповѣдей, смиреніе, стремленіе къ усовершенію въ добрѣ:—какъ уже тутъ много добраго! Чего еще не достаетъ? И если подлинно чего нибудь не достаетъ: то, кажется, сіе остальное, или не очень нужно; или удобно можетъ само собою произрасти отъ столь обильныхъ сѣмянъ добра. Такъ могли бы мы подумать: и много бы погрѣшили. Могутъ и многія сѣмена добра остаться безъ плода, отъ одного только недостатка; могутъ многіе подвиги не достигнуть цѣли, отъ одного только препятствія. Бѣдный Израильтянинъ умѣлъ почувствовать, что *не докончалъ:* но докончить не умѣлъ.

Иди,—сказалъ ему обрѣтенный имъ благій Учитель, *—продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ.* Отъ сего ученія о совершенствѣ вдругъ все измѣнилось въ непостоянномъ ученикѣ.

Гдѣ прежняя довѣренность къ Учителю благому? Гдѣ жланіе живота вѣчнаго? Гдѣ отъ юности пріобрѣтенный навыкъ исполнять познанныя заповѣди? Гдѣ ревность о докончаніи подвиговъ, потребныхъ для вѣчной жизни?—Все скрылось; все исчезло: я вижу только внезапное бѣгство: *отъиде*. Тщетно благій, воистину, Учитель, словомъ истины нанесши страсти богатолюбца врачебную и спасительную рану, поспѣшаетъ утолить боль ея, словомъ утѣшенія: *и имѣти имаши сокровище на небеси*; то есть я не отнимаю у тебя имѣнія, а только переношу оное въ самое безопасное мѣсто, на небеса; не разоряю тебя, но предохраняю отъ разоренія, перемѣняю сокровище тлѣнное на нетлѣнное, проживаемое на неистощаемое, крадомое и отъемлемое на некрадомое и неотъемлемое: пристрастная къ земному душа не пріемлетъ утѣшенія небеснаго: *отъиде скорбя*. Тщетно провидѣвшій сіе Господь привлекаетъ его непосредственно къ Себѣ: *и гряди въ слѣдъ Мене*; то есть, я предлагаю тебѣ тотъ самый жребій, который я избралъ для самого Себя; можетъ ли это быть худой жребій? Если ты, привыкши почитать себя счастливымъ съ имѣніемъ, не знаешь, какъ быть довольнымъ безъ имѣнія, ты удобно сему научишься изъ примѣра, слова и опыта, слѣдуя за Мною. Сила слова и любви Хрістовой, примѣтно, проникала въ сердце юноши; ему тяжко было разстаться съ такимъ Учителемъ, не послѣдовать такому наставленію: однако жъ онъ не имѣлъ довольно рѣшительности побѣдить свою страсть, и потому она увлекла его. *Отъиде скорбя: бѣ бо имѣя стяжанія многа*. Отшелъ онъ отъ Христа, можетъ быть, для того, чтобы никогда уже не возвратиться къ Нему: ибо если, находясь у самаго Источника благодати, онъ не вкусилъ ея; то кто знаетъ, взыщетъ ли его въ удаленіи благодать, имъ оскорбленная и пренебреженная?

Смотрите, братія, и со вниманіемъ примѣчайте, съ заботою и опасеніемъ о вашемъ собственномъ спасеніи примѣчайте, какъ одна страсть въ человѣкѣ можетъ повредить многимъ добродѣтелямъ; какъ пристрастіе къ земнымъ вещамъ отягчаетъ душу, омрачаетъ умъ, связуетъ волю, угашаетъ уже разгорѣвшееся желаніе благъ небесныхъ, удаляетъ отъ благодати, уже обрѣтенной, разрушаетъ надежду вѣчной жизни, повидимому, не безъ труда и благоразумія основанную. Ибо въ Евангеліи дѣло идетъ не просто о какомъ-то князѣ Іудейскомъ, котораго судьба не теперь и не нами должна рѣшиться; нѣтъ, Еван-

геліе не разсказываетъ праздныхъ и безполезныхъ повѣстей; дѣло идетъ о судьбѣ человѣка, пристрастнаго къ имѣнію; и если ты таковъ, то, хотя безъ твоего имени, однако и о тебѣ говоритъ Евангельская повѣсть, и тебѣ угрожаетъ, не какою либо маловажною опасностію, но тѣмъ, что твоя страсть можетъ довести тебя до измѣны ученію Христову, и удалить отъ Христа.

Что же дѣлать, скажетъ кто-либо, неужели всѣмъ бросать имѣніе, и сдѣлаться нищими? — Нѣтъ, опять не о томъ дѣло. Ибо и Христосъ не отъ всякаго требовалъ добровольной нищеты. На примѣръ, сего, видно, не требовано Имъ отъ Іосифа Аримаѳейскаго, *иже и самъ учися у Іисуса*, и безъ сомнѣнія былъ вѣренъ Его ученію, когда рѣшился послужить Его погребенію, не смотря на опасность отъ враговъ Его, и который впрочемъ въ сіе время еще оставался *человѣкомъ богатымъ* (Матѳ. XXVII. 57).

Итакъ что же дѣлать?

Кто чувствуетъ внутреннее призваніе къ добровольной нищетѣ, а наипаче кто, по испытанію и убѣжденію въ семъ призваніи, посвятилъ оной себя обѣтомъ: тотъ да держится нищеты сея, какъ можно, вѣрнѣе, какъ можно, искреннѣе, какъ можно, совершеннѣе. Имѣй то, что имѣть заставляетъ необходимость, и правило твоего званія позволяетъ. Но берегись присвоивать и удерживать что нибудь сверхъ сего; и не позволяй себѣ жаждать большаго. Не прельщай себя мнимымъ снисхожденіемъ сужденія о томъ или другомъ, говоря: это не слишкомъ непозволительно: по сему обольстительному сужденію поступалъ Іуда, когда *ковчежецъ имѣяше, и вмѣтаемая ношаше* (Іоан. XII. 6). Онъ думалъ, что не слишкомъ непозволительно съ нѣкоторою жаждою желать умноженія денегъ, чтобы отъ избытка удобнѣе было подавать нищимъ; и не примѣтилъ, какъ совсѣмъ забылъ правило Апостольскаго нестяжанія: *не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ* (Матѳ. X. 9); и подъ покровомъ нищелюбія воспиталъ своекорыстіе и злокорыстіе: *тать бѣ*. Не обезпечивай себя и тѣмъ, что ты не какое нибудь большое накопилъ сокровище: не пуды золота надобны, чтобы погрузить твою ладію въ бездну адскую; тридцать сребренниковъ были для сего слишкомъ тяжелы въ рукахъ человѣка, измѣнившаго правилу нестяжанія.

Кто же не обязанъ правиломъ совершеннаго нестяжанія: тотъ,

пользуясь богатствомъ, законно пріобрѣтеннымъ, не забывай правила, еще Псалмопѣвцемъ провозглашеннаго всѣмъ богатымъ: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца* (Псал. LXI. 11). Напоминай себѣ часто, что скорѣе, или медленнѣе, но во всякомъ случаѣ чрезъ не долгое время, или богатство тебя оставитъ, или ты оставишь богатство: и потому обходись съ нимъ, какъ съ гостемъ, котораго надобно честно принять и честно проводить. *И купующіи, яко не содержаще, и требующіи міра сего, яко не требующе* (1 Кор. VII. 30. 31), учитъ Апостолъ.

Наконецъ, если, не смотря на желаніе поставить себя въ сіе Христіанское равнодушіе къ земнымъ вещамъ, ты не достигаешь сего безпристрастія, сей свободы, сей возвышенности духа; если земныя желанія противъ твоей воли, какъ сѣти, опутываютъ твою душу и не допускаютъ ее возноситься къ небесному; если заботы любоимѣнія отвлекаютъ тебя отъ дѣлъ благочестія, или развлекаютъ мысли и охлаждаютъ чувствованія сердца твоего въ самыхъ упражненіяхъ благочестія; если скупость стѣсняетъ твое сердце, и скорчиваетъ твою руку, когда тебѣ надлежало бы простертъ ее для благотворенія: то вновь особеннымъ образомъ указываю тебѣ на Евангельскаго богатолюбца. Это его болѣзнь; и тебѣ показано теперь, какъ она опасна. Итакъ подумай о врачевствахъ, которыя подалъ противъ нея Врачь душъ и тѣлесъ: *продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ*; — *гряди въ слѣдъ Мене*. Если ты не умѣешь съ сохраненіемъ имѣнія, сохранить твою душу: то подлинно, не лучше ли уже погубить богатство, нежели, чтобъ оно тебя погубило? Если не можешь вдругъ, по крайней мѣрѣ по немногу выпутывай душу твою изъ сѣти пристрастій, дѣйствуя вопреки пристрастіямъ, ее связующимъ. Заставь себя благотворить бѣдному, хотя бы сердце твое не преклонялось къ нему состраданіемъ. Отторгни себя отъ дѣлъ житейскихъ, и хотя съ нѣкоторымъ принужденіемъ, поставь себя на дѣло благочестія, когда того требуютъ долгъ и порядокъ жизни. Богъ узритъ сіи, хотя не совершенныя, однако благонамѣренныя жертвы: и низпослетъ тебѣ мудрость и силу на то, чтобы приносить оныя въ большей чистотѣ и совершенствѣ. Наипаче же, если по немощи твоей не достигаешь еще, чтобы непосредственно слѣдовать за Христомъ, по крайней мѣрѣ внимательно и неуклонно взирай во слѣдъ Его; вразумляй себя ученіемъ Его; возбуждай себя при-

мѣромъ Его; молитвою привлекай силу Его; и за симъ путеводительнымъ Свѣтомъ, какъ Израиль за столпомъ огненнымъ, хотя помалу, простирайся дальше и дальше отъ Египта, ближе и ближе къ землѣ обѣтованія, — дальше и дальше отъ порабощенія страстямъ и похотямъ, ближе и ближе къ свободѣ чадъ Божіихъ, и къ житію на земли небесному, къ которому и да приведетъ всѣхъ насъ путями провидѣнія и благодати Своея, насъ ради Обнищавшій, да мы нищетою Его обогатимся, богатый въ милости Христосъ Богъ нашъ, сый благословенъ во вѣки. Аминь.

CXLVII.

92. Слово

по освященіи храма на кладбищѣ [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ.)

Скры мя въ селеніи въ день золъ моихъ, покры мя въ тайнѣ селенія своего. Пс. XXVI. 5.

Благодатію Всесвятаго и всеосвящающаго Духа, освященъ нынѣ храмъ сей, чтобы ему быть небоподобнымъ жилищемъ Божіимъ, святилищемъ таинствъ, прорицалищемъ Слова Божія, лѣствицею, досязающею до небесъ, для восхожденія молитвъ вѣры къ престолу Всевышняго.

Благословенъ Богъ благоволивый тако, ради споспѣшествованія спасенію душъ нашихъ. Благословенны раби Божіи, споспѣшествовавшіе сему дѣлу благодати, попеченіемъ, трудомъ, соединеніемъ доброхотныхъ даяній, изъ коихъ и малая лепта

[1]) Относимъ слово сіе къ 1831 году, слѣдуя указателю въ Чтеніяхъ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія.

будетъ имѣть не низкую, а можетъ быть, и очень высокую цѣну предъ очами Бога, взирающаго на сердце дателя. Благословеніе Бога Отца да осѣняетъ, свѣтъ Іисуса Христа, Сына Божія, да просвѣщаетъ, крило Святаго Духа да покрываетъ, нынѣ и присно, всякую душу человѣка, входящаго во святилище сіе съ вѣрою и любовію къ Богу, съ молитвою и упованіемъ на Него, съ признаніемъ своея немощи и грѣховности, съ желаніемъ Благодати Его, для исполненія заповѣдей Его. Истинный Богъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который есть воскресеніе, и животъ, и покой умершихъ о Господѣ, по молитвамъ вѣры, здѣсь приносимымъ, да исполняетъ до совершенія мѣру покоя, да утверждаетъ надежду блаженнаго воскресенія, душамъ, въ покаяніи и вѣрѣ скончавшихся, коихъ тѣлеса окрестъ храма сего почиваютъ на упованіи воскресенія.

Поелику же особенность освященнаго нынѣ храма есть та, что онъ созданъ на мѣстѣ погребенія усопшихъ о Господѣ: то сіе подаетъ намъ случай и побужденіе, нѣчто сказать о благочестивомъ обыкновеніи созидать храмы Божіи на мѣстахъ погребенія усопшихъ, и погребать усопшихъ при храмахъ Божіихъ.

Храмъ нуженъ не Богу, Котораго престолъ есть небо, и земля подножіе, и Котораго вселенная не вмѣщаетъ, но человѣку для прибѣжища къ Богу, чрезъ всевозможное устраненіе отъ суеты тварей, въ которой чувство присутствія Божія потеряно. Такъ опредѣляется мѣсто храма: подобнымъ образомъ опредѣлены быть могутъ и особенные часы храма. Особенно нуженъ человѣку храмъ Божій, во-первыхъ, въ часъ благоговѣнія, для принесенія славы Богу, яко Богу, Всевышнему, Всесовершенному, славословіе Котораго есть рай и блаженство даже на земли; во-вторыхъ, въ часъ радости, для принесенія благодаренія Богу Творцу, Промыслителю, Спасителю; въ-третьихъ, въ часъ душевной скорби, для изліянія души предъ Богомъ, Который, въ откровеніи Своемъ, благоволилъ между прочимъ явить себя въ имени *Утѣшителя*.

На сіе послѣднее употребленіе храма Божія, то-есть, на употребленіе онаго во время печали, указуетъ Святый Давидъ, когда, паче всего прося и взыскуя отъ Господа, чтобы *посѣщати храмъ святый Его* (Псал. XXVI. 4), поставляетъ сему въ причину:—*яко скры мя въ селеніи Своемъ въ день золъ моихъ, покры мя въ тайнѣ селенія Своего*. Слова сіи, можетъ

быть, относятся къ тому дню житія Давидова, когда онъ, въ смертной опасности отъ Саула, въ бѣгствѣ, одинъ, безъ оружія, безъ хлѣба, безъ помощи, пришелъ въ скинію Божію въ Номвѣ, и хотя тутъ былъ на то время Доикъ, сдѣлавшійся послѣ доносителемъ Саулу на Давида, и пролившій за него кровь многихъ невинныхъ, однако и Доикъ Давиду въ сіе время не повредилъ, и Саулу его не предалъ, и Первосвященникъ Авимелехъ, даже съ отступленіемъ отъ закона, снабдилъ Давида хлѣбомъ освященнымъ, и мечемъ Голіаѳа, для защиты въ случаѣ нападенія. Сей случай есть одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ Богъ вѣру и благочестивое довѣріе человѣка, прибѣгающаго ко храму Его въ труднѣйшіе часы жизни, оправдываетъ, по видимому, случайнымъ, но удивительно вѣрнымъ въ его пользу направленіемъ, и обстоятельствъ, и свободныхъ расположеній другихъ человѣковъ. Впрочемъ сей ли точно случай былъ въ мысляхъ Псалмопѣвца, или нѣтъ: но поелику онъ желаетъ всегда посѣщать храмъ Божій, и даже *жить въ дому Господнемъ*, по той причинѣ, что Господь скрылъ его въ селеніи своемъ въ день золъ: то изъ сего видно, что онъ приписываетъ храму Божію постоянное преимущество, быть прибѣжищемъ для бѣдствующихъ и печальныхъ, крѣпкою оградою безопасности, сокровищницею благодатнаго утѣшенія.

Смерть, по обыкновенному понятію, и по естественному чувствованію, не есть ли верхъ золъ? Смерть любезныхъ намъ не есть-ли полнота скорбей? — Итакъ полезно и благодѣтельно, чтобы на краю могилы, гдѣ съ любезными намъ погребается наше благополучіе, наши радости, наши надежды, стоялъ храмъ Божій, куда можно принести самую горькую печаль, чтобы получить, колико сладостное, толико же вѣрное утѣшеніе. Да внидетъ сюда препровождающій [2]) новопреставленнаго, или еще скорбящій о давно умершемъ, и да услышитъ сострадательное увѣщаніе Апостола: *братіе, о умершихъ да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. IV. 13). Да внидетъ осиротѣвшій, и падетъ въ объятія *Отца сирыхъ*. Да внидетъ вдовица, и, съ надеждою неизмѣннаго покровительства, припадетъ къ *Судіи вдовицъ* (Псал. LXVII. 6) Да внидетъ лишившійся дѣтей, и найдетъ ихъ въ вѣрныхъ рукахъ неизреченно благаго и благодѣтельнаго Любителя дѣтей, глаго-

[2]) Въ собр. 1844 г.: провождающій.....

люшаго и нѣкоторымъ родителямъ, какъ нѣкогда сказалъ Апостоламъ: *оставите дѣтей, и не возбраняйте имъ прiити ко Мнѣ: таковыхъ бо есть царство небесное* (Мат. XIX. 14). Всякъ, пораженный зрѣлищемъ смерти, да внидетъ сюда, во храмъ за насъ Умершаго, и ради насъ Воскресшаго, и да воскреснетъ духомъ, внявъ слову воскресенія: *аще бо вѣруемъ, яко Iисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершiя во Iисусѣ*, то есть, съ вѣрою въ Него, *приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. IV. 14). Изъ сего краткаго разсужденія можете усмотрѣть братія, какъ сообразенъ съ назначеніемъ храма, какъ нравственно полезенъ, обычай устроять храмы при мѣстахъ погребенія, и погребать при храмахъ.

Но должно признаться, что сіе изъясненіе не будетъ еще удовлетворительно для тѣхъ, которые знаютъ, что для обычая Церковнаго, дабы онъ былъ правиленъ и чистъ, не довольно того, чтобы онъ основанъ былъ на благовидныхъ соображеніяхъ и чаемой пользѣ; а надобно, чтобы онъ глубже и непоколебимѣе утвержденъ былъ на непреложномъ и прямомъ свидѣтельствѣ Слова Божія, или по закону единства Церкви, на вѣрномъ преданіи отъ первыхъ образцовыхъ временъ Христіанства. Войдемъ въ нѣкоторое изъясненіе, чтобы, по возможности, удовлетворить и сему требованію.

Обычай Іудейской Церкви въ обращеніи съ умершими, утвержденный Моисеевымъ закономъ, далеко разнится отъ обычая Церкви Христіанской. Тамъ прикоснувшійся къ умершему почитался нечистымъ, и мѣсто, гдѣ лежалъ умершій, почиталось нечистымъ. Посему тамъ, положить умершаго во дворѣ храма, значило бы осквернить храмъ. Почему такъ было въ Церкви Ветхозавѣтной, а не такъ въ Церкви Новозавѣтной? — Смерть была нечиста отъ Адама, какъ нечистый плодъ грѣха его. Но Хрістосъ очистилъ и освятилъ смерть Своею пречистою и пресвятою смертію. Отъ Его Богопричастнаго тѣла, за насъ пострадавшаго, отъ Его Божественныя крови, за насъ излiянныя, простерлась очистительная сила на все человѣчество, преимущественно же на тѣхъ, которые пріобщены къ таинственному тѣлу Его, чрезъ таинство святаго Крещенія и святыя Евхаристіи. Посему для насъ, Христіане, смерть можетъ быть также чиста, какъ жизнь; и умершіе, наравнѣ съ живыми, могутъ принадлежать храму Господню; потому что, наравнѣ съ живыми, принадлежатъ Господу. *Никтоже бо насъ*, по ученію Апо-

стола, *себѣ живетъ, и никтоже себѣ умираетъ. Аще бо живемъ, Господеви живемъ: аще же умираемъ, Господеви умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим. XIV. 7. 8). По сей принадлежности всѣхъ Единому Господу, тогда, какъ живые стоятъ во храмѣ Господнемъ, умершіе, какъ-бы продолжая пребывать въ общеніи Церковномъ, почиваютъ окрестъ храма; нѣкоторые же, которые достовѣрнѣе и совершеннѣе другихъ усвоены Господу, и которыхъ *смерть* преимущественно *честна предъ Господемъ* (Псал.. CXV. 6), какъ-то, святые мученики, по обычаю, сохраненному священнымъ преданіемъ, почиваютъ тѣлесами своими подъ самымъ олтаремъ храма. Одни упокоиваются тайнодѣйственною и молитвенною силою олтаря: другіе самому освященію олтаря споспѣшествуютъ силою своихъ молитвъ и данныя имъ благодати.

Можемъ и въ Словѣ Божіемъ показать основаніе сего обычая, преданіемъ въ Церкви сохраненнаго. *Глаголано бысть Моисею хотящу сотворити скинію: виждь бо, рече, сотвориши вся по образу, показанному ти на горѣ* (Евр. VIII. 5). Но что показано ему на горѣ? — *образъ и тѣнь небесныхъ вещей*, какъ сказуетъ Апостолъ Итакъ вотъ коренный законъ храма, который нѣтъ причины отмѣнить и для храма Христіанскаго: храмъ долженъ быть сотворенъ во всемъ, какъ можно, по образу вещей небесныхъ, показанныхъ достойному созерцателю. Какъ образъ небесныхъ вещей для храма Ветхозавѣтнаго созерцалъ Моисей на горѣ Синаѣ: такъ образъ небесныхъ вещей для храма Новозавѣтнаго показанъ былъ Іоанну Богослову въ откровеніи, гдѣ онъ между прочимъ сказуетъ: *видѣхъ подъ олтаремъ души избіенныхъ за слово Божіе, и за свидѣтельство, еже имѣяху*, то есть, души святыхъ мучениковъ. (Апок. VI. 9). Не намъ, и не теперь открывать тайну, для чего тамо души святыхъ мучениковъ сокрыты до времени подъ олтаремъ, а не ликуютъ окрестъ олтаря: довольно для настоящаго разсужденія замѣтить, какъ вѣрно въ видимой православной Церкви все сотворено по образу небесныхъ вещей. Тамъ, въ славномъ храмѣ небесномъ, души святыхъ мучениковъ подъ олтаремъ: и здѣсь, въ земномъ таинственномъ храмѣ, мощи Святыхъ подъ олтаремъ. Если же прилично тѣлесамъ Святыхъ почивать подъ самымъ олтаремъ святаго храма: то не неприлично и то, чтобы тѣлеса вѣрныхъ почивали окрестъ олтаря и храма.

Примѣчай, душа Христіанская, священную и даже таинственную важность обыкновенія, тѣла усопшихъ о Господѣ полагать при храмѣ Господнемъ Онѣ достойны сей почести потолику, поколику сами суть храмы Божіи, члены тѣла Христова, жилища Святаго Духа. Помышляй о семъ часто, со вниманіемъ, пока носишь земное тѣло; и со тщаніемъ очищай свое тѣло воздержаніемъ, освящай упражненіями благочестія, устрояй ему нетлѣнную одежду изъ дѣлъ вѣры и добродѣтели, дабы, когда ты отложишь свое тѣло, и его положатъ близъ святилища Господня, не возгнушалась онымъ святыня Господня, какъ неочищеннымъ отъ растлѣнія Адамова и твоего собственнаго, и не отринула отъ себя жребія твоего ко жребію тѣхъ, *иже расточишася кости при адѣ* (Пс. CXL. 7), но воспріяла тебя *въ наслѣдіе нетлѣнно, и нескверно, и не увядаемо, соблюдено на небесѣхъ* (1 Пет. 1. 4). Аминь.

1832 годъ.

CXLVIII.

93. Бесѣда

о благочестивомъ усердіи [1]).

(Напечатана въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе (Рим. XII. 11.)

Говорить о благочестивомъ усердіи подаетъ мнѣ мысль не одинъ Святый Павелъ своимъ Богодухновеннымъ нас-

[1]) По сборнику, принадлежавшему умершей игуменіи Спасо-Бородинскаго монастыря Маріи (Тучковой), доставленному намъ княземъ П. Н. Туркестановымъ, значится произнесенною 5 іюля 1832 года въ Троицко-Лаврскомъ соборѣ.

тавленіемъ, но и многочисленный соборъ Святыхъ своими примѣрами [2]).

Тѣ, которые въ настоящее собраніе приведены [3]), благочестивымъ усердіемъ, можетъ быть, не безъ утѣшенія услышатъ нѣчто такое, что сообразно съ свидѣтельствомъ ихъ собственной совѣсти. Вообще же никто не долженъ почитать ни маловажнымъ, ни постороннимъ для себя то, чему Апостолъ Христовъ Христіанъ поучаетъ.

Тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе. Послѣднимъ изъ сихъ трехъ увѣщаній Апостолъ убѣждаетъ насъ дѣятельно исполнять обязанности наши къ Богу: а двумя предъидущими опредѣляетъ, съ какими душевными расположеніями надлежитъ исполнять оныя.

Дѣло раба работать господину своему: такъ дѣло Христіанина работать Господеви. Какимъ образомъ? Работать надъ своимъ умомъ, чтобы просвѣтить его познаніемъ истиннаго Бога и святой воли Его; работать надъ своимъ сердцемъ, чтобы очистить его отъ страстей и похотей, дабы оно могло сдѣлаться достойною жертвою Богу, и обителію благодати Его; работать всѣми своими силами и способностями, чтобы все дѣлать для Бога, и благоугоднымъ Ему образомъ, какъ то, для Него честно исполнять дѣла званія и должности, для Него благотворить бѣднымъ, для Него терпѣливо переносить скорби. Земные господа удовлетворяются только такою работою, которая приноситъ выгоду, а просьбы и добрыя слова своихъ рабовъ и наемниковъ конечно не поставятъ въ счетъ работы къ воздаянію: но Господь небесный, не ищущій отъ насъ никакой выгоды и не имѣющій ни въ чемъ нужды, а пріемлющій нашу работу для того только, чтобы намъ же благодѣтельствовать, пріемлетъ и наши къ Нему молитвы и славословія, какъ службу и работу Ему благоугодную. Изъ сего не трудно усмотрѣть, какъ многообразна [4]) работа Господеви, и какъ она простирается на всю жизнь человѣка внѣшнюю и внутреннюю, до великой суб-

---

[2]) По Турк. сборн.: Святый Павелъ своимъ наставленіемъ, а Преподобный Сергій своимъ примѣромъ. Чту примѣръ, сообразный съ Богодухновеннымъ наставленіемъ. Привлекаюсь наставленіемъ, которое оправдано прекраснымъ и сильнымъ примѣромъ.

[3]) По Турк. сборн.: изъ мѣстъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, приведены сюда....

[4]) По Турк. сборн.: многообразна и обширна....

боты,—успокоенія въ Самомъ Богѣ. Очень худо было бы, если бы такая работа производилась безъ старанія и съ лѣностію. Лѣнивый не дѣлаетъ того, что дѣлать должно; нестарательный дѣлаетъ кое-какъ, не заботясь о успѣхѣ и совершенствѣ дѣла. Такіе работники не годными почитаются и у земныхъ господъ; кольми паче непотребны они предъ очами Господа небеснаго. Посему вѣрный приставникъ дѣлъ Его взываетъ ко всѣмъ, Ему работающимъ: *тщаніемъ не лѣниви!* Не будьте лѣнивы и нестарательны! Но, не довольствуясь симъ, Онъ присовокупляетъ: *духомъ горяще!* Имѣйте горячность духа, пламенную ревность, кипящее усердіе служить Богу, и творить волю Его.

Живое усердіе къ Богу есть черта, которая много значитъ въ характерѣ Христіанина, и въ опредѣленіи того, чѣмъ быть, и чего достигнуть онъ можетъ.

Во-первыхъ, оно есть собственно то, что въ человѣкѣ работу Господню дѣлаетъ угодною Богу. Сіе объяснить можно близкимъ простымъ примѣромъ, и доказать вашимъ собственнымъ дѣломъ. Предъ святымъ Образомъ ты возжигаешь свѣщу, и полагаешь, что тѣмъ совершилъ нѣкоторое служеніе Богу. Но ты знаешь, что Богу и Святымъ Его, пребывающимъ во свѣтлостяхъ святыхъ, небесныхъ, нѣтъ никакой нужды въ земномъ, вещественномъ свѣтильникѣ; ты видишь, что и во храмѣ иногда безъ него можно было бы обойтись при помощи великаго, вседневнаго свѣтильника Божія на небѣ. Что жъ значитъ твое служеніе возженною свѣщею, и какъ оно можетъ быть угодно Богу и Святымъ Его?—Оно должно быть видимымъ знаменіемъ [5]) горящаго въ тебѣ духа, твоего благочестиваго усердія. Духъ Божій распредѣлилъ въ Церкви образы служенія по чину и по способностямъ: предстоятель Олтаря молится, славословитъ, тайнодѣйствуетъ, поучаетъ: меньшіе служители Олтаря возбуждаютъ молитву и духовное разумѣніе священнымъ чтеніемъ или пѣснопѣніемъ, указаніемъ чина священнодѣйствія и предметовъ молитвы; тебѣ, которому досталось въ безмолвіи слушать и возбуждаться, дабы ты не казался устраненнымъ отъ дѣятельнаго участія въ Богослуженіи, бездѣйственнымъ членомъ Церкви, предоставлено знаменательное дѣйствіе возжечь свѣщу предъ святымъ Образомъ, и когда ты сіе дѣлаешь, совѣсть твоя получаетъ свидѣтельство,

[5]) По Турк. сборн.: Не иначе, развѣ какъ видимое знаменіе....

что ты участвуешь въ служеніи Богу, Церковь утѣшается, заключая познаменію, что ты горишь духомъ, и Богъ благоугождается жертвою твоего сердца. По сему примѣру надлежитъ разсуждать и о другихъ дѣлахъ благочестія. Человѣкъ не видитъ сердца ближняго своего: но и онъ не удовлетворяется одною видимостію и вещественностію дѣлъ, а старается по примѣтамъ угадывать, съ искреннимъ ли усердіемъ оныя дѣлаются, и когда сіе находитъ, высоко цѣнитъ дѣла, и много утѣшается. Богъ ли сердцевѣдецъ можетъ быть доволенъ видимымъ и вещественнымъ дѣломъ благочестія и добродѣтели, когда не видитъ въ сердцѣ человѣка благочестиваго усердія? *Богъ зритъ на сердце. Даждь Ми сердце твое,* говоритъ Его премудрость человѣку; и взаимно *дастъ ти Господь по сердцу твоему.* По сердцу Іерусалимской вдовицы, положившей въ церковное сокровище двѣ лепты, произнесенъ судъ Христовъ, что малый даръ ея больше всѣхъ великихъ. Малую деньгу безцѣнною предъ Богомъ дѣлаетъ благочестивое усердіе.

Во-вторыхъ, благочестивое усердіе помогаетъ человѣку въ работѣ Господней, облегчаетъ для него подвиги служенія Богу, и ускоряетъ шаги его по пути къ духовному совершенству. Когда человѣкъ міра и плоти слышитъ заповѣди, по которымъ должно поступать человѣку Божію: не люби міра, ни того, что въ мірѣ; отрекись отъ имѣнія, то-есть, или раздай оное бѣднымъ, или управляй имъ съ такимъ равнодушіемъ, какъ бы ты не имѣлъ онаго; умѣрь любовь къ отцу и матери, къ женѣ и дѣтямъ, чтобы тебѣ не любить ихъ больше, нежели Бога; отвергнись себя; возми крестъ: онъ ужасается тягости работы Господней, и не понимаетъ, какъ можетъ кто нибудь понести оную. Напротивъ того не только всесильный Подвигоположникъ говоритъ: *иго Мое благо, и бремя Мое легко есть*; но и подобострастный намъ рабъ Его сказуетъ, что *заповѣди Его тяжки не суть.* Какъ же согласить столь различные между собою виды одного и того же дѣла?—Соглашеніе сіе заключается въ понятіи благочестиваго усердія. *Путь заповѣдей Твоихъ текохъ,* говоритъ Псалмопѣвецъ, *егда разширилъ еси сердце мое* (Пс. CXVIII. 32). Онъ даетъ чрезъ сіе разумѣть, что путь заповѣдей Божіихъ, путь жизни благочестивой и духовной, кажется труднымъ, человѣкъ коснитъ на немъ, колеблется, претыкается, воспящается, не умѣетъ переставить ноги, дотолѣ, доколѣ сердце его сжато, холодно, не возбуждено къ добру:

но когда оно разширяется духовнымъ жаромъ, возбуждается Божественнымъ желаніемъ, тогда человѣкъ бѣжитъ путемъ Божіимъ легко и скоро. Опытный разумѣетъ сіе: а дабы удобнѣе было разумѣть каждому, пусть обратятъ вниманіе на то, какъ много дѣлаетъ горячность духа въ обыкновенныхъ дѣлахъ человѣческихъ. Укажу на одинъ случай, въ которомъ вдругъ можно видѣть и дѣйствительный, обыкновенный опытъ, и вмѣстѣ притчу, имѣющую высшее, духовное знаменованіе. Іаковъ самъ себя отдалъ въ работу Лавану на семь лѣтъ съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто платы, получить Рахиль въ супружество: *и быша предъ нимъ*, говоритъ дѣписаніе, *яко малы дни, занеже любяше ю* (Быт. XXIX. 20). Рахиль, красная взоромъ, знаменуетъ красоту созерцанія духовнаго. Если въ духѣ человѣка зажглась любовь къ красотѣ Божества и Божественнаго: то хотя и многіе годы должно будетъ провести въ трудныхъ подвигахъ благочестія для пріобрѣтенія полной радости спасенія; будутъ предъ нимъ, яко малы дни, занеже любитъ то, для чего работаетъ.

Симъ образомъ изъясняется то, какъ Апостолы среди гоненій проходили съ проповѣдію Евангелія вселенную отъ края до края, и не утомлялись; какъ Мученики радовались во страданіяхъ; какъ Преподобные въ суровомъ и скудномъ пустынножительствѣ находили блаженство, и не хотѣли промѣнять онаго ни на какую иную жизнь.

Въ-третьихъ, горячность усердія къ Богу можетъ быть полезна въ особенности, для охраненія человѣка отъ искушеній со стороны плоти и міра, и духовъ злобы и прелести. Духовные наблюдатели изъясняютъ сіе простымъ подобіемъ. Когда котелъ кипитъ на огнѣ: тогда не смѣютъ къ нему приближиться, ни насѣкомое, чтобы осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобы похитить пищу, приготовляемую въ немъ для человѣка. Но когда снимется съ огня и остынетъ, тогда насѣкомыя роятся около него, и падаютъ въ него, и наглый песъ [6]) можетъ приближиться, осквернить, похитить. Подобно сему, когда душа человѣка кипитъ огнемъ Божественнаго желанія: сей духовный огнь служитъ ей въ одно время и силою для дѣйствованія, и бронею для защиты. Но если небреженіе допускаетъ угаснуть сему огню; и благочестивое усердіе остываетъ: то суетные, лукавые, нечистые помыслы родятся и роятся въ области чув-

[6]) По Турк. сборн.: наглый песъ, или хитрый котъ.....

ственной, падаютъ во глубину души, и оскверняютъ ее, и можетъ придти наглая страсть, и расхитить въ душѣ, что въ ней уготовлялось для благоугожденія Богу.

Что мнится вамъ братія? Не есть ли горячность духа къ Богу качество, преимущественно вожделѣнное? Такъ подлинно. И сію мысль находимъ у Самого Спасителя Нашего. *Огня пріидохъ вовргци на землю*, глаголетъ Онъ, *и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII. 49). То есть, какъ желалъ бы я, чтобы онъ уже горѣлъ! Что жь это за огнь, столь вожделѣнный Пришедшему спасти человѣка? Безъ сомнѣнія, не огнь разрушающій, но огнь оживляющій, огнь духа, ввергаемый въ землю сердца, который, по выраженію Пророка, *разваряетъ и очищаетъ, яко сребро, и яко злато; и очиститъ сыны Левіины*, то есть, сыновъ сердца; *и преліетъ яко злато, и яко сребро; и будутъ Господеви приносяще жертву* духовную *въ правдѣ* (Мал. III. 3). Сей Божественный огнь, которымъ Іисусъ Христосъ такъ желалъ воспламенить сердца человѣковъ, горѣлъ уже тогда въ собственномъ Его сердцѣ, какъ въ своемъ источникѣ, какъ то обнаруживаютъ непосредственно за вышеприведенными слѣдующія слова Его: *крещеніемъ же имамъ креститися*, то-есть, крестнымъ страданіемъ; *и како удержуся, дондеже скончаются* (50)! То-есть, какъ Я томлюсь, доколѣ сіе совершится! Что значитъ сіе томленіе, какъ не то, что Его сердце горѣло желаніемъ страданія и крестной смерти, дабы сею жертвою умилостивить Бога Отца, и совершить спасеніе человѣковъ?

Послѣ таковыхъ размышленій не болѣзненно ли, братія, помыслить, что есть и въ называющихся Христіанами сердца, остающіяся только землею, въ которую еще не ввержъ огнь Христовъ, хладною, чуждою жизни Божіей? Не печально ли примѣчать, что нѣкоторые работаютъ Господеви только въ внѣшнихъ дѣлахъ благочестія и добродѣтели, поверхностно, принужденно, безъ возбужденія духовнаго, безъ усердія искренняго и глубокаго? Бѣдные! они понимаютъ, что слишкомъ опасно было бы не работать Господеви совсѣмъ; но работая не усердно, дѣлаютъ сами себѣ двоякій вредъ: и увеличиваютъ тягость своей работы, и не достигаютъ всего плода, отъ нея возможнаго.

Могутъ нѣкоторые сказать: мы желали бы имѣть горящій къ Богу духъ, но что дѣлать, если сіе намъ не дается? На сіе от-

вѣтствуемъ: если Божественный Спаситель нашъ во дни плоти Своея такъ желалъ ввергнуть Божественный огнь Свой въ сердца человѣковъ: думаете ли вы, что Онъ менѣе желаетъ сего нынѣ? *Іисусъ Христосъ вчера, и днесь, той же и во вѣки.* Въ немъ и нынѣ, какъ всегда, и для каждаго, какъ для всѣхъ,—въ Немъ животъ и свѣтъ человѣковъ, свѣтъ непрестанно просвѣщающій, животъ непрестанно оживляющій. *Приступите къ Нему, и просвѣтитеся.* Положите предъ Нимъ землю сердца вашего, и Онъ возжжетъ въ ней Свой животворный огнь. Сдѣлайте для Него не многое, что теперь есть въ вашей возможности, и Онъ сотворитъ для васъ, что есть въ Его всемогуществѣ и всеблагости. Возбуждайте сердце ваше воспоминаніемъ безчисленныхъ и непрестанныхъ благодѣяній Бога Творца и Промыслителя, и размышленіемъ о безпредѣльной любви Искупителя, который, недовольствуясь быть вашимъ благодѣтелемъ, содѣлалъ Себя вашею жертвою и вашею пищею, — сохраняйте, сколько можно, совѣсть вашу не возмущенною и мирною, а если она возмущена грѣхомъ, не медлите очищать и умирять ее покаяніемъ; заставляйте себя безлѣностно и безропотно работать Господеви со страхомъ, доколѣ не дастся вамъ работать Ему съ радостію; не приписывайте себѣ успѣховъ, какіе дадутся [7]) въ служеніи Богу, но восписуйте все благое благодати Его, держите себя чрезъ молитву и смиреніе, непрестанно поверженными предъ Богомъ, какъ земля предъ солнцемъ. Вѣренъ Богъ, сіяющій видимымъ солнцемъ Своимъ на злыя и благія, по обѣтованію благодати Своея, возсіять и въ сердцахъ вашихъ, согрѣть и воспламенить ихъ духомъ Своимъ Святымъ, да будете *духомъ горяще, Господеви работающе*, не только, яко вѣрные раби, тщательно, по усердію, но и яко присныя чада, радостно, по любви, да имѣете утѣшеніе внутреннее, да достигнете воздаянія вѣчнаго. Аминь.

---

[7]) По Турк. сбор.: небольшихъ успѣховъ, какіе дадутся вамъ....

CXLIX.

94. Слово

въ день Успенія Пресвятыя Богородицы [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 г.)

Да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, Иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ. Мате. VI. 18.

У гроба Пресвятыя Дѣвы Маріи, Церковь поставляетъ насъ нынѣ въ благочестивое созерцаніе. Ибо что̀ такое церковный праздникъ, если не благочестивое созерцаніе, въ которомъ духъ отдыхаетъ отъ труда плоти, и собираетъ силы для работныхъ дней жизни?

Что̀ же видимъ, бывъ поставлены у гроба Пресвятыя Дѣвы? Зрѣлище необыкновенное! — Обыкновенно до гроба — свѣтъ и ясность, далѣе гроба — мракъ и непзвѣстность: но здѣсь совсѣмъ напротивъ. До гроба — какое высокое достоинство и добродѣтель въ какой глубокой тайнѣ и безвѣстности! Далѣе гроба — какой свѣтъ и слава, какое торжественное воздаяніе достоинству и добродѣтели!

Не много нужно труда для изъясненія, что нравственное достоинство Преблагословенныя Дѣвы Маріи должно признавать безпримѣрно высокимъ. Сіе видно само собою изъ достоинства служенія, въ которое Она избрана и возведена. Если бы нашлась добродѣтель выше, нежели Ея: то была бы несообразность въ томъ, что Она преимущественно избрана быть жилищемъ, престоломъ, Матерію Бога Слова. Но въ судьбахъ и дѣлахъ Божіихъ несообразности быть не можетъ [2]). Слѣдственно, какъ вѣрно то, что Маріамъ есть *благословенная въ женахъ*, то есть, благословенная высочайшимъ благословеніемъ предъ всѣми прочими женами: такъ же вѣрно и то, что добродѣтель

[1]) По Турк. сборн. значится произнесеннымъ 15-го августа 1832 г. въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

[2]) По Туркест. сборн.: Богъ несправедливости не дѣлаетъ....

Ея есть высочайшая, чистѣйшая, совершеннѣйшая, хотя впрочемъ Она чиста и совершенна помощію того же Христа, Который содѣлался наградою Ея чистоты и совершенства.

Но посмотрите, сколько знаютъ, какъ видятъ достоинство Маріами прежде гроба Ея.

Кому лучше было знать Ее, какъ не тому, кто удостоенъ былъ довѣренности хранить сіе сокровище міра, сію запечатлѣнную сокровищницу Неба? Но Іосифъ вначалѣ такъ мало зналъ, сколь высоко должно чтить Ее, что почиталъ даже возможнымъ *обличить* Ее, хотя и не хотѣлъ того. Іосифъ готовъ былъ повергнуть безцѣнное сокровище, еслибы оно не было надежнѣе оберегаемо болѣе просвѣщенными хранителями, Ангелами *Не хотя ея обличити, восхотѣ тай пустити ю. Сія же ему помыслившу, се Ангелъ Господень во снѣ явися ему* (Матѳ. I. 19. 20).

О дивно-молчаливая Дѣво! Не ближе ли было Тебѣ самой извѣстить Іосифа о томъ, о чемъ наконецъ извѣстилъ его Ангелъ? Почто ждала Ты дальняго вѣстника съ неба? Почто не спѣшила на помощь праведнику, почти впадшему въ несправедливость?—Безъ сомнѣнія для того, *да не явившися человѣкомъ*, съ Твоею добродѣтелію, съ Твоею благодатію, съ Твоимъ достоинствомъ, *но* единственно *Отцу Твоему* небесному, *Иже въ тайнѣ*.

Тайну высокаго достоинства Дѣвы Богородицы болѣе или менѣе открывали Ангелы, звѣзда, волхвы, пастыри, Симеонъ: но Ангелы возвратились на небо; волхвы на Востокъ; звѣзда скрылась; Симеонъ съ миромъ отпущенъ изъ міра сего; свѣтъ Виѳлеемской славы потушенъ гнѣвнымъ дыханіемъ Ирода и кровію младенцевъ; Марія скрывалась то въ Египтѣ, то въ Назаретѣ, а Ея достоинство и знаменитость — въ Ея сердцѣ. *Маріамъ же соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердцѣ своемъ* (Лук. II. 19).

Пришло время, когда слава премудрости и чудотвореній Сына Маріина просіяла въ Іудеѣ и Галилеѣ. Надлежало бы отблеску славы Сыновней вскорѣ озарить и лице Матери. Однажды нечаянно показалось, что сіе начинается. Другая, можетъ быть мать, или сильно желающая быть матерью, живѣе другихъ вообразила счастіе Матери благословенной, и всенародно предалась восторгу, который побуждалъ ее прославлять Іисуса, и вмѣстѣ съ Нимъ Его Матерь. *Воздвигши нѣкая жена гласъ отъ на-*

рода, рече Ему: блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссалъ (Лук. XI. 27). Но примѣтьте: она говоритъ околичностями; ублажаетъ *чрево* и *сосцы*, а не произноситъ имени Той, Которую прославляетъ. Почему? — Безъ сомнѣнія потому, что не знаетъ Ея ни въ лице, ниже по имени.

Другіе знали Маріамъ и въ лице и по имени: потому что не могли не знать сего: и несмотря на сіе оставались въ самомъ странномъ о Ней невѣдѣніи. Послушайте, что̀ говорятъ сограждане и сосѣди Іисуса и Маріи. *Откуду сему премудрость сія, и силы?* (Слѣдственно, они слышатъ премудрость Іисуса, видятъ чудеса Его, признаютъ ихъ, и побуждаются ими узнавать все, что̀ до Него касается). *Не сей ли есть тектоновъ сынъ? Не мати ли Его нарицается Маріамъ* (Матѳ. XIII. 54. 55)? Видите, они не умѣютъ даже сказать: Іосифъ, сынъ Давидовъ, Марія, дщерь Давидова; они знаютъ только то, что̀ въ глазахъ: — что Іосифъ есть ремесленникъ, что Марія есть — Марія. Какъ же не знаютъ они даже того, что̀ Евреи такъ заботливо старались знать и о себѣ, и о другихъ? Какъ не знаютъ рода и происхожденія Маріи? — Не иначе можно изъяснить сіе, какъ тѣмъ, что Пресвятая Дѣва, не желая ни въ чемъ *являться человѣкомъ*, не ища никакого человѣческаго утѣшенія, не хотѣла и того, чтобы въ уничиженіи бѣдности Своей утѣшать Себя предъ человѣками достоинствомъ Своего рода; и потому не дѣлала гласнымъ Своего происхожденія такъ же, какъ Своей добродѣтели и благодати.

Но что̀ уже дивиться тому, что чужіе, дальніе ли то, или ближніе, долго не даютъ славы Той, Которую должны *ублажать всѣ роды*? Самъ Сынъ Ея, — усомнился бы я сказать, если бы можно было усомниться пересказывать сказанное самою Истиною, — Самъ Сынъ Ея, повидимому, не рѣшается [3]) дать Ей предъ человѣками славу, подобающую матери; и Онъ является какъ-бы не знающимъ, или не желающимъ знать Ее. *Кто есть Мати Моя* (Матѳ. XII. 48)? вопрошаетъ Онъ. Какъ-бы ищетъ, кому даровать имя, честь и славу Своея Матери, умалчивая о Той, Которой Его рожденіе дало право на сіи отличія [4]). *Мати Моя и братія Моя сіи*

[3]) По Турк. сборн.: колеблется...

[4]) По Турк. сборн.: И неся въ мысляхъ имя, честь и славу Матери, Онъ не полагаетъ сихъ отличій прямо на главу Матери Своея по плоти.

суть, слышащіи слово Божіе и творящіи е (Лук. VIII. 21). Говоря такимъ образомъ, Господь не отчуждаетъ Матери Своея по плоти: послику слышитъ слово Божіе паче другихъ Та, Которая услышала оное прежде другихъ; и творитъ оное дѣятельнѣе другихъ Та, Которая сотворила Ему достойную обитель [5]) во чревѣ Своемъ. Но, во-первыхъ, Господь возвышаетъ Своимъ изреченіемъ слушающихъ и творящихъ слово Божіе, и возбуждаетъ къ сему спасительному дѣланію; во-вторыхъ, и Онъ, въ приведенномъ изреченіи, сообразуется съ собственнымъ правиломъ Своея Матери, чтобы *не являться человѣкомъ*,—сколько можно уклоняться отъ славы человѣческой, ища славы Божіей; и Онъ медлитъ, отлагаетъ явить человѣкамъ всю честь и славу Той, Которая есть *честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ*.

Иду далѣе поприщемъ земной жизни Іисуса и Маріи: тоже повсюду. Гдѣ наиболѣе является слава, тамъ отнюдь не является Марія, какъ напримѣръ, при торжественномъ входѣ Господнемъ во Іерусалимъ. А если гдѣ является Матерь Господня, тамъ не слава Ее встрѣчаетъ, какъ напримѣръ: *стояху при крестѣ Іисусовѣ Мати Его и сестра Матере Его* (Іоан. XIX. 25).

Послѣдуемъ за Распятымъ, чрезъ дверь гроба, въ область славы Воскресшаго. Уже не первый только, но и послѣдній по вѣрѣ ученикъ Его славитъ Его Божество: *Господь мой и Богъ мой!* Уже за славою Господня воскресенія слѣдуетъ новая Божественная слава вознесенія Его на небо. Ищу человѣка, дѣйствія, слова, въ которомъ бы [6]), хотя теперь, явилась слава *Матери Господа моего*, которую, правда, еще очень рано, только безъ свидѣтелей, и безъ послѣдствій возвѣщала праведная Елисавета: ищу и—не нахожу. *Сіи вси*—написано объ Апостолахъ послѣ вознесенія Господня—*бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи, съ женами и Маріею Матерію Іисусовою* (Дѣян. I. 14). Какое неожиданное повѣствованіе! Не только послѣ Апостоловъ, но даже послѣ нѣкихъ неизвѣстныхъ женъ, едва наконецъ вспомнили наименовать *Марію Матерь Іисусову*. Что̀ это такое? Неужели повѣствователь не довольно чтитъ Матерь Божію?—Сохрани Богъ допустить сію мысль, оскорбительную не только для Пресвятыя Дѣ-

[5]) По Турк. сборн.: пречистую плоть.....

[6]) По Турк. сборн.: случая, въ комъ бы, гдѣ бы....

вы, но и для Святаго Евангелиста Луки! Что́ жъ это значитъ?— То, что Святый Лука такъ пишетъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, какъ вела себя Пресвятая Дѣва между Апостолами; а Она, хотя, по высотѣ благодати, въ духѣ, невидимо предсѣдательствовала въ соборѣ Апостоловъ,—по смиренію сердца, во плоти, видимо, не допускала до Себя никакой славы, не употребляла никакихъ преимуществъ, поставляла Себя въ ряду съ прочими женами, учила ихъ Своимъ примѣромъ тому, чему послѣ училъ ихъ Апостолъ Павелъ словомъ: *жены ваша въ церквахъ да молчатъ* (1 Кор. XIV. 34). *Жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ; жены же учити не повелѣваю* (1 Тим. II. 11.12). Желалъ бы я—скажу мимоходомъ—чтобы въ сей священный примѣръ пристально всмотрѣлись наши чуждающіеся братія, которые, прежде суда Христова, осудивъ безъ разбора всякое священство [7]), и за то наказавъ сами себя произвольнымъ лишеніемъ священства, къ довершенію безпорядка, поручаютъ начальствовать у себя въ общественномъ [8]) Богослуженіи дѣвамъ,—безъ сомнѣнія, не мудрымъ, а юродивымъ [9])! Ибо какая дѣва, кромѣ юродивой, дерзнетъ принять на себя въ Церкви то, къ чему не дерзала приступать Пресвятая Дѣва Богородица?

Теперь посмотримъ на другое, необозримое по пространству, но уже удобозримое по свѣтлости, поприще, которое открылось для Пресвятыя Дѣвы Ея успеніемъ. Какъ скоро сіе совершилось: соборъ Апостоловъ, какъ говоритъ благочестивое преданіе, отвсюду собранъ Духомъ Божіимъ, чтобы не столько оплакивать, сколько праздновать Ея погребеніе. Какъ прежде невѣріе Ѳомы обращено въ доказательство достовѣрности воскресенія Христова: такъ теперь умедленіе Ѳомы обращается въ средство къ прославленію вознесенія Богоматери,—еще сокровеннаго, какъ сокровенна была жизнь Ея на земли [10]) Воспріявъ славу Божію на небеси, съ сего времени Она не отвергаетъ и человѣческой славы на земли, прежде неугодной для Ея смиренія, теперь полезной и благотворной для живущихъ на земли [11]).

---

[7]) По Турк. сборн. далѣе слѣдуетъ: какъ будто недостойное...

[8]) По Турк. сборн.: церковномъ...

[9]) По Турк. сборн.: дай Богъ, чтобы не юродивымъ!

[10]) По Турк. сборн.: тайнаго, по Ея всегдашнему обычаю

[11]) По Турк. сборн.: какъ уже не опасной для ея чистоты и смиренія, а для человѣковъ полезной и благотворной....

Слава Ея имѣла и своихъ враговъ, подобно какъ и слава Хрістова: но въ семъ-то наипаче является Божественная сила благодати, что враги служатъ ей не столько препятствіемъ, сколько средствомъ къ достиженію ея цѣлей. Что̀ произвели еретики, которые такъ и хитро и дерзновенно [12]) усиливались похитить у Пресвятыя Дѣвы Маріи высокое наименованіе *Богородицы?*—То, что Православная Церковь, остерегаясь отъ ихъ лукавства и дерзости, стала еще ревностнѣе прежняго прославлять Пресвятую Богородицу, отъ чего нѣтъ теперь въ Церкви ни одного дня, ни одного Богослуженія, которые бы не были *преукрашены Ея Божественною славою.* И это не есть простой перекоръ словъ православныхъ противу еретическихъ, но дѣйствительное сраженіе духовныхъ силъ и совершенная побѣда силы Хрістовой надъ силою Его противниковъ. Ибо славящія уста утомились бы въ продолженіе вѣковъ, еслибы, на гласъ молитвъ и славословій, не посѣщала вѣрующихъ Пресвятая Богородица Своею могущественною помощію, принося душамъ Христа съ Его благодатію, подобно какъ Она является носящею Его на рукахъ, въ нашихъ священныхъ изображеніяхъ. — *Радуйся благодатная! Слава Твоя Богомѣпная Богоподобными сіяетъ чудесы!*

Вотъ, братія, что видится мнѣ нынѣ, чиномъ церковнымъ и долгомъ служенія поставленному на стражѣ, въ созерцаніи, у гроба Пресвятыя Дѣвы Богородицы. Но къ чему сіе видѣніе? — Ибо созерцаніе благочестивое должно быть не праздно, а дѣятельно.—Къ тому, чтобы примѣръ сокровенной жизни Ея споспѣшествовалъ намъ — и уразумѣть, и принять, и дѣломъ исполнять ученіе Хрістово: *да не явишися человѣкомъ... по Отцу твоему, Иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ.* Подвизайся, дѣлай добро, служи Богу: но берегись, чтобы твоихъ подвиговъ, твоихъ добродѣтелей, твоего благочестія не обнаруживать предъ людьми безъ нужды, произвольно, самодовольно, тщеславно [13]); имѣй Бога свидѣтелемъ твоей совѣсти, и Онъ будетъ мздовоздаятелемъ твоимъ за все, что ты, не примѣчаемый человѣками, для Него дѣлаешь или терпишь.

---

[12]) По Турк. сборн.: нагло....

[13]) По Турк. сборн.: чтобы не обнаруживать безъ нужды произвольно, предъ людьми твоихъ подвиговъ, твоихъ добродѣтелей, твоего благочестія....

Господь заповѣдуетъ тайну, во-первыхъ, для дѣлъ человѣколюбія: *тебѣ творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя.* Во-вторыхъ, для дѣлъ благочестія: *егда молишися, вниди въ клѣть твою, и, затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже въ тайнѣ.* Въ-третьихъ, для дѣлъ самоотверженія и умерщвленія плоти: *да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, Иже въ тайнѣ.* Слѣдственно, тайну скромности и смиренія заповѣдуетъ Онъ для всѣхъ обязанностей человѣка къ Богу, ближнему и самому себѣ, — для всякой добродѣтели, — для всѣхъ дѣлъ Закона.

Скажутъ: но какъ же исполнится Хрістово же слово. *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. V. 16)? — Не заботьтесь; слово Хрістово исполнится само собою, и не потребуетъ вашей помощи Сказано: *да просвѣтится свѣтъ вашъ*, самъ собою, естественно, какъ свѣтитъ всякій свѣтъ; а не сказано: выставляйте на показъ свѣтъ вашъ. Добрыя дѣла суть дѣла свѣта по естеству: дѣлайте тайно, — свѣтъ просіяетъ, когда, и сколько повелитъ Богъ Свѣтодавецъ. Бѣда въ томъ, если дѣлаете дѣла темныя, злыя: отъ сихъ, конечно, нѣтъ и не будетъ свѣта, и Богъ не будетъ ими прославленъ.

Скажутъ еще: какъ же и молиться, или проповѣдывать въ Церкви, если и дѣла благочестія творить должно въ тайнѣ? — Дабы отвѣтствовать на сіе, напомнимъ, что въ томъ же самомъ поученіи, въ которомъ Спаситель нашъ говоритъ о молитвѣ въ тайнѣ, говоритъ и о дарѣ, приносимомъ къ олтарю: *аще принесеши даръ твой ко олтарю* (Матѳ. V. 23); а сіе бываетъ въ Богослуженіи открытомъ и торжественномъ. Изъ сего видно, что заповѣдію о тайной молитвѣ не отмѣняется обязанность участвовать въ общественномъ церковномъ Богослуженіи. Но есть и въ семъ случаѣ своего рода осторожность, чтобы не являться человѣкамъ тщеславно, а смиренно предстоять Отцу небесному, Иже въ тайнѣ. Если, стоя въ церкви, ты совершаешь дѣйствія благоговѣнія, общія всѣмъ присутствующимъ, но стараешься удерживать, или дѣлать непримѣтными, особенныя въ тебѣ движенія возбужденнаго благочестія, воздыханія или вопли, готовые исторгнуться, слезы, готовыя пролиться:

въ семъ расположеніи ты и среди многочисленнаго собранія сокровенно предстоишь Отцу твоему, Иже въ тайнѣ.

Помыслимъ, братія, сколь и неблагородно, и тягостно, и безполезно жить только на показъ, какъ поступаютъ многіе и въ нравственной, и въ общественной, и въ домашней жизни. Все показываютъ, все выставляютъ, о всемъ трубятъ, всякое ничтожное дѣло провозглашаютъ, подобно какъ кокошь свое новорожденное яйцо. Но провозглашеніе кокоши основательнѣе; она возвѣщаетъ яйцо, которое подлинно родилось и остается: а тщеславные возвѣщаютъ то, чего нѣтъ, или провозглашеніемъ уничтожаютъ провозглашаемое. Напримѣръ: сдѣлано дѣло благотворенія: хорошо; до сихъ поръ оно существуетъ. Но если сдѣлавшій и хвалится онымъ: то доброе дѣло исчезаетъ. Теперь открылось, что нѣтъ добраго въ его сердцѣ; тамъ тщеславіе. Нѣтъ добраго въ его дѣлѣ; произведеніе тщеславія не есть доброе дѣло. Нѣтъ добраго даже въ глазахъ людей: ибо они проникаютъ тщеславіе, и если славятъ дѣло тщеславнаго, то въ тоже время разглашаютъ и укоризны его тщеславію Кольми паче нѣтъ здѣсь добраго предъ Богомъ. Онъ отказался отъ тщеславныхъ, когда сказалъ: *восприемлютъ мзду свою* (Матѳ. VI. 2. 6. 16).

Христіанинъ! Будь, а не кажись: вотъ одно изъ важныхъ для тебя правилъ. Познай несравненное достоинство скромной, тихой, сокровенной добродѣтели. Ей свойственно быть тайною для земли: потому что она небесной породы, и для неба существуетъ. Совершай ее въ тайнѣ, и охраняй отъ глазъ человѣческихъ, часто нечистыхъ и вредящихъ ея чистотѣ [11]), а представляй тщательно и непрестанно чистому и очищающему оку Божію. *И Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ.* Аминь.

---

[11]) По Турк. сборн.: и храни отъ нечистыхъ и изурочивающихъ глазъ человѣческихъ.....

CL.

95. Слово

въ день Тезоименитства Благовѣрнаго Государя, Наслѣдника Престола, Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича.

(Говорено въ Успенскомъ соборѣ, августа 30 дня; напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 г.)

Бога бойтеся, царя чтите I Пет. II. 17.

Въ собраніи боящихся Бога и чтущихъ Царя, не трудно возвѣщать сіе ученіе. Прежде нежели предложено, уже оно принято; прежде нежели проповѣдано, исполняется [1]). Ибо что привело васъ въ сей Домъ Божій, какъ не благочестіе, или страхъ Божій? Что собрало васъ именно нынѣ, и собираетъ въ подобные нынѣшнему дни славы, радости и надежды Царевы, если не благоговѣйное почтеніе къ Величеству Помазанника Божія, соединенное съ любовію къ Нему и къ исполненному надеждъ — Наслѣднику Его величія и добродѣтелей, и съ желаніемъ сохранить надолго сіи дары Божіи?

Итакъ нужно ли повторять: *Бога бойтеся, царя чтите?* Радуюсь, если не нужно, надѣюсь, что не будетъ сіе излишно. Можетъ быть, не каждый изъ насъ размышлялъ, что значитъ, что двѣ заповѣди: *Бога бойтеся, царя чтите*, въ ученіи Святаго Апостола Петра поставлены рядомъ въ непосредственномъ одна съ другою сближеніи. А въ семъ размышленіи, можетъ быть, найдется нѣчто достойное вниманія.

Подобное сближеніе мысли о Богѣ съ мыслію о царѣ встрѣчаемъ и у самого Іисуса Христа, когда Онъ говоритъ: *воздадите Кесарева Кесареви, и Божія Богови* (Матѳ. XXII. 21). Но здѣсь сочетаніе мыслей произведено не просто изволеніемъ говорящаго, а сложностію вопроса, на который Онъ отвѣтствуетъ: *достойно ли есть дати кинсонъ Кесареви, или ни?*— вопрошали Господа ученики Фарисеевъ и приверженцы Ирода,

[1]) По Турк. сбори : исполнено.

ожидая, что если отвѣтъ будетъ: должно; то Фарисеи могутъ обвинить Іисуса предъ народомъ въ недостаткѣ ревности по законѣ Божіемъ, въ которомъ написано: *полъ дидрахмы дань Господу* (Исх. XXX. 13), а не земному царю; если же отвѣтъ будетъ: не должно; въ такомъ случаѣ Иродіане обвинятъ Іисуса предъ Римскимъ правительствомъ, въ рѣчахъ возмутительныхъ противъ Кесаря. Чтобы разсѣчь сію обоюдную сѣть, потребенъ былъ обоюду острый отвѣтъ: отдайте Кесарево Кесарю,—заплатите дань Кесарю монетою, которая носитъ на себѣ его изображеніе и надпись,—знакъ его власти, и его ручательства за безопасность собственности; отдайте Божіе Богу, — отдайте въ дань храму Божію полъ-дидрахмы, по предписанію закона Божія. Есть обязанности не только къ Богу, но и къ Царю; однѣ другимъ не противорѣчатъ; и тѣ и другія вмѣстѣ исполнять можно и должно.

Изреченія Святаго Апостола Петра въ его Посланіи не управляются какою либо примѣтною, внѣшнею, случайною причиною. Его мысли свободно слѣдуютъ созерцанію истины, и его слова его же мыслямъ. Вслѣдъ за мыслію о Богѣ само собою родится у него мысль о царѣ, и обязанность къ царю становится рядомъ съ обязанностью къ Богу. Что же особенно примѣчательное можемъ мы открыть въ семъ сочетаніи мыслей Апостола?

Прежде отвѣта на сей вопросъ, надобно вспомнить, что написанное въ первомъ вѣкѣ Христіанства теперь предлагается людямъ девятнадцатаго вѣка, что впрочемъ духъ Евангелія, какъ Духъ Божій, объемлетъ всѣ времена; и что посему онъ изрекаетъ въ первомъ вѣкѣ то, и такимъ образомъ, что̀ и какимъ образомъ нужно и удовлетворительно и для девятнадцатаго, равно какъ для всѣхъ прочихъ вѣковъ.

Несчастное свойство мудрованія, болѣе въ нынѣшнія времена, нежели прежде, господствующее въ умахъ, есть недовѣрчивость къ истинѣ, во всякомъ родѣ познаній. О всемъ, что прежде было признаваемо твердымъ основаніемъ прочихъ познаній, теперь спрашиваютъ, точно ли это есть основаніе, и, подъ предлогомъ испытанія и удостовѣренія, разными образами подкапываются подъ оное, не догадываясь, что сія работа есть только разрушительная, а не созидательная. На чемъ основано правило: *Бога бойтеся?* На чемъ основано правило: *Царя чтите?* Не потому ли Священникъ проповѣдуетъ почтеніе къ Царю, что надѣется отъ него покровительства своему служенію?

Не потому ли Царь покровительствуетъ Олтарю, что надѣется имѣть его подпорою Престола? Не взаимная ли только польза соединяетъ Олтарь съ Престоломъ?

Прости меня, Святая [2]), Божественная Истина, что я предъ Твоимъ Святилищемъ принужденъ открыть часть глубинъ омраченнаго, низверженнаго мудрованія!

А ты, достойное послѣднихъ временъ мудрованіе, высокое только въ гордомъ о себѣ мнѣніи, глубокое только потому, что роешься въ землѣ и прахѣ чувственныхъ опытовъ и мелочныхъ изысканій, плодовитое только сомнѣніями и подозрѣніями, твердое только въ упрямствѣ невѣрія! Слыши, если хочешь слушать безпристрастно, истина не колеблется стать противъ твоего дерзновеннаго испытанія, и просто явиться предъ твоими ухищренными изысканіями. Да, есть въ томъ польза, когда Олтарь и Престолъ союзны; но не взаимная польза есть первое основаніе союза ихъ, а самостоятельная истина, поддерживающая и тотъ и другой. Благо и благословеніе Царю, покровителю Олтаря; но не боится Олтарь паденія и безъ сего покровительства. Правъ Священникъ, проповѣдующій почтеніе къ Царю: но не по праву только взаимности, а по чистой обязанности, если бы то случилось и безъ надежды взаимности.

Вотъ человѣкъ, который недавно былъ рыболовомъ, и который, переставъ быть такимъ, не сдѣлался чѣмъ нибудь важнымъ для Іерусалима и Рима, и нѣсколько другихъ, подобныхъ ему, вопіютъ Іерусалимлянамъ и Римлянамъ, Іудеямъ и язычникамъ: *Бога бойтеся!* Вѣруйте въ Господа Іисуса! Сей голосъ проходитъ вселенную, проходитъ вѣки. Тысячи и миріады Іудеевъ вѣруютъ въ Іисуса, ими распятаго. Миллионы бывшихъ многобожниковъ убоялись Бога Единаго. Повсюду Христіанскіе Олтари на развалинахъ Синагогъ Іудейскихъ и капищъ языческихъ. Какой могущественный царь помогъ сему огромному перевороту? Константинъ Великій? — Никакъ! Онъ пришелъ къ Олтарю Христову, когда сей уже стоялъ на пространствѣ Азіи, Европы и Африки; — пришелъ не для того, чтобы поддержать оный своею мощію, но для того, чтобы съ своимъ величествомъ повергнуться предъ его святынею. *Живый на небесѣхъ* рано *посмѣялся* (Псал. II. 4) тѣмъ, которые поздно вздумали унизить Его Божественную Религію до зависимости отъ человѣче-

[2]) По Турк. сборн.: свѣтлая,...

скихъ пособій. Чтобы сдѣлать смѣшнымъ ихъ мудрованіе, Онъ три вѣка медлилъ призывать сильнаго Царя къ Олтарю Христову; а между тѣмъ со дня на день возставали на разрушеніе Олтаря сего цари, народы, жрецы, мудрецы, сила, искусство, корысть, неправда, хитрость, ярость. Что же наконецъ?— Все сіе исчезло: а Церковь Христова стоитъ; не потому, что поддерживается человѣческою силою, но потому, что и *врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18); потому, что Христосъ царствуетъ и Своимъ Царствомъ утверждаетъ вселенную, а не вселенною Свое Царство. *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся:— ибо утверди вселенную, яже не подвижится* (Псал XCII 1)

Вотъ и другое воззваніе бывшаго рыбаря: *царя чтите.* Пусть ищутъ мудрецы сомнѣній и подозрѣній, какая бы взаимность, выгода, надежда могла заставить сего проповѣдника пристрастно благопріятствовать царю. Кто былъ царь, который прежде и ближе другихъ встрѣтился съ проповѣдію Святаго Петра? — Иродъ. Какія же услуги оказалъ Иродъ Христіанству? — *Возложи*, говоритъ Книга Дѣяній Апостольскихъ (XII. 1—4), *возложи Иродъ царь руцѣ озлобити нѣкія отъ Церкве Уби же Іакова брата Іоаннова мечемъ. И видѣвъ, яко годъ есть Іудеемъ, приложи яти и Петра,—еюже и емь всади въ темницу.* Ангелъ чудесно избавилъ Петра отъ темницы и отъ Царя: и послѣ того Петръ проповѣдуетъ: *царя чтите.* Чѣмъ также наградила Петра за подвиги Апостольскіе держава Римская? Не крестомъ почести, а крестомъ распятія. Петръ ожидалъ сего, съ вѣроятностію, по примѣрамъ, даже съ достовѣрностію, по предсказанію Господа: и почтеніе къ царю проповѣдывалъ подданнымъ царя, отъ котораго пострадать готовился. На чемъ же основывалась сія проповѣдь? — Конечно не на взаимности, выгодѣ, надеждѣ. На чемъ же?— Безъ сомнѣнія, на истинѣ Божественной, а не человѣческой. *Бога бойтеся: царя чтите.* Первая изъ сихъ заповѣдей тверда самостоятельно: въ мысли о Богѣ необходимо заключается мысль о благоговѣніи къ Богу. На первой утверждается вторая: ибо если вы боитесь Бога, то не можете не уважать того, что постановилъ Богъ; но какъ, по слову другаго Апостола, *нѣсть власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. XIII. 1), и власть верховная, ближайшій на земли къ Богу, *Божій слуга есть* (4): то, благоговѣя истинно предъ Богомъ, вы не можете не чтить усердно и Царя.

Теперь открылось, что думалъ Апостолъ, когда съ мыслію о страхѣ Божіемъ непосредственно соединилъ мысль о почтеніи къ царю. Онъ хотѣлъ кратко, но притомъ, чисто и основательно преподать ученіе о должности Христіанина и гражданина. Сказавъ: *Бога бойтеся*, онъ изложилъ ученіе Христіанина, и вмѣстѣ положилъ основаніе ученію гражданина. Сказавъ непосредственно за симъ: *царя чтите*, онъ не только изложилъ ученіе гражданина, но и утвердилъ оное на незыблемомъ основаніи Божественной Религіи. Онъ вдругъ показалъ — какъ независимое, Божественное достоинство Религіи, такъ, зависящее отъ устроенія Божія, достоинство Царскаго Престола; какъ важность союза между Олтаремъ и Престоломъ, такъ ничтожность низкихъ, недостойныхъ помысловъ о томъ и другомъ.

Христіане! Если Апостольская заповѣдь: *Бога бойтеся*, нѣкогда своею внутреннею силою покорила себѣ невѣдавшіе Бога умы, враждебныя противъ Бога сердца язычниковъ; если ее вѣрно исполняли среди бѣдствій Христіанства, подъ пытками гонителей онаго: то мы, которые родились подъ священнымъ и благотворнымъ владычествомъ сей заповѣди, нынѣ, когда за ея исполненіе не только не преслѣдуютъ, но и одобряютъ, какое извиненіе можемъ найти для себя, если мы хладны къ благочестію, недѣятельны въ исполненіи воли Божіей?

Если непосредственно подлѣ великой заповѣди: *Бога бойтеся*, могла стоять заповѣдь: *царя чтите*, тогда, какъ царь не чтилъ истиннаго Бога и преслѣдовалъ Его чтителей. то какъ и священна, и легка, и сладостна должна быть для насъ сія послѣдняя заповѣдь, когда Царь, надъ нами царствующій, не только знаетъ и исповѣдуетъ единаго съ нами истиннаго Бога, но и освященъ помазаніемъ Божіимъ, покровительствуетъ истинное благочестіе Своею властію, уполномочиваетъ Своимъ примѣромъ, ограждаетъ Своими законами и правосудіемъ, чтитъ Святыхъ Божіихъ, какъ и недавно почтилъ Онъ съ Церковію новопрославленнаго Святителя Митрофана [3])?

Бога бойтеся: царя чтите. Сіи двѣ заповѣди такъ соединены для насъ, какъ бы два ока на одномъ лицѣ истины и правды Не разрозните ихъ; не обезобразьте лица истины; не повредите одного изъ очей ея.

Боимся Бога,—говорятъ нѣкоторые суевѣры; и отрекаются

[3]) По Турк. сборн.: Святаго Божія?

молиться за царя, или давать ему дань, или вступать въ его службу. Не очевидно ли, что это не послѣдователи благочестія, но враги онаго, также какъ и отечества? Хрістосъ училъ: *воздадите Кесарева Кесареви.* Апостолы учили: *царя чтите.* Кто учитъ не тому, чему поучалъ Хрістосъ и Его Апостолы: тотъ не послѣдователь, а врагъ Хрістовъ. Нѣгдѣ есть и инаго рода политическіе раскольники; они хотятъ, къ соблазну народовъ, имѣть царя, не освященнаго Царемъ царствующихъ, законъ человѣческій безъ закона Божія, власть земную безъ власти небесной, присягу безъ имени Божія. Знаете ли, что дѣлаютъ сіи неугомонные мудрователи? Они хотятъ выколоть у правды правое око. Можно ли основать законъ и власть только на зыбкомъ пескѣ мнѣній людскихъ? Какъ можетъ стоять земля безъ неба? Что значитъ слово: Клятва, безъ Всевидящаго и Всемогущаго, Который Одинъ даетъ сему слову духъ и силу, неколебимо поддерживающую вѣрнаго и неизбѣжно карающую измѣнника?

Братія! Да стоимъ твердо во всецѣлой истинѣ и правдѣ. Боящіеся Бога! *Царя чтите.* Чтущіе Царя! *Бога бойтеся.* Аминь.

CL.

96. Рѣчь

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій соборъ.

(Говорена сентября 20 дня; напечатана отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 г.)

Благочестивѣйшій Государь!

Каждый годъ является весна, каждый день восходитъ солнце: но явленіе ихъ всегда ново, всегда радостно для земли, которая въ нихъ чувствуетъ свою собственную жизнь. Такъ радость лицезрѣнія Твоего, вѣнчанный Свѣтъ нашъ, по благости Твоей къ намъ уже не рѣдкая, и теперь, какъ—бы въ первый разъ, нова для насъ, и полна, потому что сердца наши чувствуютъ въ Тебѣ душу народной жизни.

Да будетъ же наша о Тебѣ радость, радостна и Тебѣ; ибо кромѣ сего нѣтъ для Тебя за насъ достойной на земли награды.

Царь царствующихъ да продолжитъ сохранять Тебя, такъ же во всемъ Твоемъ царствѣ, какъ и въ Твоемъ благословенномъ семействѣ, Отцемъ о чадѣхъ веселящимся.

CLII.

97. Слово

по освященіи храма Святаго Духа на Московскомъ Даниловскомъ кладбищѣ.

(Говорено сентября 25 дня; напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1832 года и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 г.)

Благодать даянія предъ всякимъ живымъ (да будетъ), и надъ мертвецемъ не возбрани благодати Сир. VII. 36.

Радоваться на кладбищѣ, правда, не очень у мѣста: однако я не колеблюсь признаться, что съ радостію нахожусь нынѣ на семъ мѣстѣ, куда въ продолженіи многихъ лѣтъ множество людей ежедневно приноситъ свои печали.

Радуюсь, помышляя о снисхожденіи благодати Божіей, которая сего новаго, вѣрою ей предлагаемаго, жилища не отвергла; потому что благоволила совершиться освященію онаго по чину святыни.

Радуюсь, помышляя о семъ храмѣ, вмѣсто ветхаго новомъ, вмѣсто близкаго къ разрушенію увѣковѣченномъ, вмѣсто скуднаго и малоудобнаго благоустроенномъ и благолѣпномъ.

Радуюсь, воспоминая въ вѣрѣ и упованіи преставльшагося раба Божія, который принесъ мнѣ первую заботу о недостаточномъ устройствѣ бывшаго здѣсь храма, и еще двухъ подобныхъ, и ввѣрилъ нескудныя для каждаго изъ трехъ даянія, съ такою при томъ строгою осторожностію, да *не увѣсть шуйца, что творитъ десница*, — что и не означенное именемъ его собственноручное писаніе о семъ дѣлѣ истребовалъ отъ меня назадъ, чтобы почеркъ руки не обнаружилъ его предъ человѣками. Возлюбившая благолѣпіе дому Бога своего, душа! Богъ видитъ твое имя, котораго я не произношу, повинуясь твоему завѣщанію: и да сохранитъ оное въ книгѣ живота; да украситъ оное на небеси славою, безъ сомнѣнія лучшею, нежели та, отъ которой ты благоразумно скрывался на земли;

да скажетъ тебѣ тамъ, гдѣ ты у Него почиваешь, что добрая мысль твоя не осталась безъ дѣла, и что даяніе твое встрѣтилось и съ добрыми руками, и съ обиліемъ другихъ даяній, такъ что добрый плодъ превысилъ добрую надежду.

Радуюсь, помышляя о всякомъ рабѣ Божіемъ, мало ли, много ли, по силѣ споспѣшествовавшемъ созданію и украшенію сего храма и наипаче о понесшемъ все попеченіе и трудъ сего устроенія — И для чего же не сказать иногда что нибудь въ Церкви о нѣкоторыхъ частныхъ людяхъ, если только не по человѣческимъ видамъ сказать желается?—Незнатная женщина была та, которая помазала благовоннымъ мvромъ главу Господа Іисуса; и сіе дѣло ея, по видимому, было простое, женскому образу мыслей свойственное: однако, за доброту ея намѣренія, Господь тогда же повелѣлъ о ней и дѣлѣ ея говорить въ Церквахъ всего міра. Можно говорить въ Церкви о томъ, что дѣлается для Бога и Церкви. — Что же радостно мнѣ, при мысли о устроителѣ храма сего?—Не только то, что онъ щедро послужилъ здѣсь Богу стяжаніемъ и трудомъ, но и въ особенности, что вступилъ въ сіе дѣло тогда, какъ не былъ къ оному привлекаемъ никакою нуждою, никакою обязанностію;— тогда, какъ имѣлъ уже на своемъ попеченіи другой храмъ;— тогда, какъ обнаруженная нѣкоторыми холодность къ сему дѣлу представляла неблагопріятный примѣръ, и мы, искавшіе помощи оному, оказались было безпомощными. Не говорю о семъ яснѣе потому, что ни на кого не только жаловаться, но и въ мысляхъ моихъ сѣтовать не желаю: Богъ да наставитъ на лучшее всѣхъ насъ; Церкви же Своей Онъ вѣрно не оставитъ безъ благопотребной во время помощи, какъ сказалъ я относительно къ сему храму еще въ минуты безпомощности, и какъ, по благости Божіей, на дѣлѣ оказалось.

Радуюсь, думая о бѣдныхъ и безпомощныхъ братіяхъ нашихъ, которые при семъ храмѣ обрѣтаютъ себѣ и жилища новоустроенныя, и средства къ постоянному призрѣнію оныхъ уготованныя, съ тѣмъ же свободнымъ доброхотствомъ, которое дѣйствовало въ созиданіи храма.

Сказавъ сіе, съ моей стороны—по долгу благодарности, для другихъ—въ утѣшеніе и назиданіе, прибавлю для добродѣющаго въ Церкви. да не приложитъ онъ сердца своего къ человѣческой похвалѣ, если слышитъ или услышитъ ее; да не воспріиметъ мзды человѣческой, суетной и ничтожной, за то, что

дѣлалъ для Бога, истиннаго и вѣчнаго Мздовоздаятеля; да возрадуется съ нами, но не о себѣ, а о Господѣ, который благословилъ его и стяжаніемъ, и намѣреніемъ добраго употребленія онаго, и благопоспѣшнымъ исполненіемъ намѣренія.

Наконецъ, радуюсь я теперь, думая и о усопшихъ братіяхъ нашихъ, здѣ лежащихъ. Ибо если не напрасно благочестивая древность ввела въ обычай, чтобъ они полагаемы были при Церкви; если есть для нихъ польза отъ приносимыхъ здѣсь за нихъ молитвъ и великой безкровной Жертвы: то мнѣ мнится, что и они вмѣстѣ съ нами празднуютъ, когда здѣсь молитвы и жертвоприношенія о нихъ возобновлены, распространены на три олтаря, упрочены.

А что есть душамъ усопшихъ польза отъ совершаемыхъ за нихъ молитвъ и жертвоприношеній, о томъ не будетъ здѣсь неумѣстно сказать нѣсколько словъ, ради общаго нашего утѣшенія и назиданія.

Есть въ Христіанствѣ люди, которые сами себя лишаютъ утѣшенія молиться за усопшихъ. Какіе это люди?—Безъ сомнѣнія тѣ, которые, примѣтнымъ или непримѣтнымъ для себя образомъ, больше любятъ умствовать, нежели вѣровать. Почему не пріемлютъ они молитвъ за усопшихъ?—Не видно другой тому причины, кромѣ той, что не понятно, какъ дѣйствіе молитвы простираться можетъ такъ далеко, — даже изъ одного міра въ другой, изъ видимаго въ невидимый

Человѣка, разсуждающаго такимъ образомъ, спросилъ бы я: понятно ли обыкновенному разуму дѣйствіе молитвы человѣка живущаго за другаго живущаго,—особенно если молитва приносится за отсутствующаго, или же и за присутствующаго, но приносится для испрошенія чего либо нравственнаго и духовнаго, какъ-то: прощенія грѣховъ, исправленія отъ пороковъ, укрощенія страстей, просвѣщенія, утвержденія въ добродѣтеляхъ? Двѣ души, каждая съ своимъ собственнымъ умомъ, волею, склонностями, свободою не суть ли одна для другой два отдѣльные міра,—отдѣльные тѣмъ болѣе, что преграждены тѣлами? Какъ же молитва одной простираетъ свое дѣйствіе на другую?

Пусть отвѣчаютъ на сіи вопросы, какъ хотятъ. Если возмутся изъяснить, какъ отдѣльность существа и свободы не мѣшаетъ дѣйствовать молитвѣ за живыхъ: симъ самымъ изъяснится, какъ таже отдѣльность не мѣшаетъ молитвѣ за усоп-

шихъ. Если скажутъ, что дѣйствіе молитвы за живыхъ возможно, хотя неизъяснимо разумомъ; то я скажу: не отвергайте же и дѣйствія молитвы за усопшихъ потому только, что оно неизъяснимо, или таковымъ кажется.

А по моему мнѣнію, въ предметахъ вѣры безопаснѣе то, чтобы меньше умствовать, а болѣе вѣрить, и утверждаться не на мудрованіи собственномъ, а на Словѣ Божіемъ. Слово же Божіе говоритъ: *о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы* (Рим. VIII. 26). Слѣдственно по разуму, безъ благодати, не знаемъ, можно ли молиться за кого нибудь. *Но самъ Духъ*, продолжаетъ Апостольское слово, — *ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными*, въ молитвѣ каждаго, по его состоянію особенной; и тотъ же Духъ, для общаго руководства въ молитвахъ, наипаче общественныхъ, явственно изрекаетъ, о чесомъ подобаетъ молитися Напримѣръ: *молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки* (1 Тим. II. 1). Еще: *аще кто узритъ брата своего согрѣшающа грѣхъ не къ смерти; да проситъ, и дастъ ему животъ, согрѣшающимъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти; не о томъ, глаголю, да молится* (1 Іоан. V. 16). И еще: *молитеся другъ за друга, яко да изцѣлѣете. Много бо можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема* (Іак. V. 16). Послушаемъ еще, какъ Святый Апостолъ Павелъ и молится за другихъ, и требуетъ молитвы другихъ. *Молимся всегда о васъ*, пишетъ Онъ къ Солунянамъ, *да вы сподобитъ званію Богъ нашъ и исполнитъ всяко благоволеніе благости, и дѣло вѣры въ силѣ, яко да прославится имя Господа нашего Іисуса Христа въ васъ, и вы въ Немъ, по благодати Бога нашего и Господа Іисуса Христа* (2 Сол. I. 11. 12). И далѣе въ томъ же посланіи: *прочее, молитеся о насъ, да слово Господне течетъ и славится, якоже и въ васъ* (III. 1). И въ другомъ посланіи: *всякою молитвою и моленіемъ молящеся во всяко время духомъ, и въ сіе истое бдяще во всякомъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ и о мнѣ, да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ, съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія, о немже посольствую во узахъ* (Ефес. VI. 18. 19. 20).

Не собирая болѣе свидѣтельствъ Священнаго Писанія о молитвѣ вообще, какъ о дѣлѣ извѣстномъ, приложимъ къ осо-

бенному предмету настоящаго размышленія тѣ свидѣтельства, которыя доселѣ приведены.

Если мы не знаемъ, о чемъ молиться; а для вразумленія нашего незнанія дано намъ Священное Писаніе, *могущее умудрити во спасеніе*, даже до того, что *совершенъ будетъ Божій человѣкъ на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. III. 15—17): то отъ премудрости и благости Духа Божія, изглаголавшаго сіе Писаніе, надлежитъ ожидать, что оно не только удовлетворительно наставитъ насъ, о чемъ молиться, но и предохранитъ запрещеніями, чтобы намъ не молиться о томъ, о чемъ молитва была бы не угодна Богу. Чаяніе сіе оправдывается самымъ дѣломъ. Теперь же видѣли мы, какъ Священное Писаніе, заповѣдуя молитву *за вся человѣки*, отъ молитвы, Богу не угодной и человѣкамъ не полезной, предохраняетъ вѣрующаго запрещеніемъ: *есть грѣхъ къ смерти; не о томъ, глаголю, да молится*. Изъ сего слѣдуетъ, что если о моленіи за усопшихъ и нѣтъ въ Священномъ Писаніи особенной, опредѣлительной заповѣди, а выводится оное только изъ понятій и заповѣдей о молитвѣ, болѣе общихъ; но если притомъ нѣтъ противъ сего моленія въ Священномъ Писаніи никакого запрещенія, какъ и дѣйствительно нѣтъ: то самое сіе незапрещеніе, самое молчаніе Священнаго Писанія есть уже доказательство того, что моленіе за усопшихъ Богу не противно, и человѣкамъ не безполезно.

Охотникъ до сомнѣній спроситъ: не излишне ли молиться о тѣхъ, которые умерли съ вѣрою и упованіемъ? — Отвѣтствую: не излишне ли, по видимому, молиться о Святыхъ? Однако, Святый Павелъ велитъ молиться *о всѣхъ святыхъ*. Не излишне ли молиться о Апостолахъ, которые суть распространители благодати на всѣхъ прочихъ, и первые изъ Святыхъ въ Церкви: *положи Богъ въ Церкви первѣе Апостоловъ* (1 Кор. XII. 28)? Однако Апостолъ Павелъ требуетъ, чтобы молились о немъ и не Апостолы, и притомъ тогда, какъ онъ уже приближался къ вѣнцу за подвиги Апостольства. Есть молитва въ пользу самого Евангелія: *да слово Господне течетъ и славится*, хотя Евангеліе само есть *сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему* (Рим. I. 16): — можно ли бояться излишества въ молитвѣ за вѣрующихъ?

Или, спросятъ, — не тщетна ли молитва за умершихъ во грѣхѣ? — Отвѣтствую: тщетна—за умершихъ во грѣхѣ смер-

тномъ, смертію духовною, и въ семъ состояніи постигнутыхъ смертію тѣлесною, — за тѣхъ, которые внутренно отпали отъ духовнаго тѣла Церкви Христовой и отъ жизни по вѣрѣ, своимъ невѣріемъ, нераскаянностію, рѣшительнымъ и конечнымъ противленіемъ благодати Божіей. Гдѣ просвѣщенному и безпристрастному оку явны признаки сей горькой смерти; тамъ нѣтъ мѣста утѣшенію молитвы: *есть грѣхъ къ смерти. не о томъ, глаголю, да молится.* — Но что можетъ сдѣлать молитва о *братѣ, согрѣшающемъ грѣхъ не къ смерти?* Можетъ *дать ему животъ* Не ужели и умершему тѣлесно?—Святый Іоаннъ, котораго словами теперь мы руководствуемся, не говоритъ. *да*; но не говоритъ и — *нѣтъ*. Онъ не запрещаетъ молиться о умершемъ, тогда какъ запрещаетъ молиться о грѣшникѣ отчаянномъ и безнадежномъ.

Всепроницательная премудрость Божія, въ Божественномъ Писаніи, не провозглашаетъ довольно громко заповѣди молиться за усопшихъ, можетъ быть для того, чтобы въ надеждѣ на сіе [1]) пособіе, не облѣнились живущіе, ранѣе тѣлесной смерти со страхомъ свое спасеніе содѣловать. Но когда и не возбраняетъ сего рода молитвъ: не то ли сіе значитъ, что еще позволяетъ бросать, хотя не всегда рѣшительно надежную, но иногда, и можетъ быть часто, благопомощную вервь, отторгшимся отъ брега жизни временной, но недостигшимъ вѣчнаго пристанища душамъ, которыя между смертію тѣлесною и послѣднимъ всемірнымъ судомъ Христовымъ, зыблются надъ бездною [2]), то возвышаясь благодатію, то низводясь останками поврежденной природы, то восторгаясь Божественнымъ желаніемъ, то запутываясь въ грубой, еще не совсѣмъ совлеченной, одеждѣ земныхъ помышленій?

И вотъ, можетъ быть, почему моленіе за усопшихъ издревле существовало и существуетъ въ Церкви, не какъ торжественно возвѣщенный, существенный членъ вѣры и строгая заповѣдь; но какъ благочестивое преданіе и обычай, всегда поддерживаемый свободнымъ послушаніемъ вѣры, и частными духовными опытами. Приведемъ на сіе нѣкоторыя свидѣтельства.

Благодать даянія, пишетъ Сынъ Сираховъ, *предъ всякимъ*

---

[1]) Въ отд. изд. и въ собр. 1835 и 1844 годовъ, здѣсь вставлено слово: позднее...

[2]) Въ отд. изд. и въ собр. 1835 и 1844 годовъ, вставлены слова: то возникая вѣрою, то тяготѣя дѣлами, ей несообразными...

живымъ да будетъ, и надъ мертвецемъ не возбрани благодати. Что значитъ здѣсь *благодать даянія*? Если это даръ олтарю; то слова: *надъ мертвецемъ не возбрани благодати*, очевидно значатъ: принеси жертву по усопшемъ, или, что тоже, молись за усопшаго. Если же кто хочетъ признать болѣе вѣроятнымъ, что *благодать даянія* значитъ благотвореніе бѣдному; то слова: *надъ мертвецемъ не возбрани благодати*, будутъ значить: подай милостыню въ память усопшаго. Ту ли другую ли мысль имѣлъ Сынъ Сираховъ: онѣ обѣ предлагаютъ одно. имъ общее основаніе, — то, что живущій можетъ и долженъ дѣлать добрыя и душеполезныя дѣла ради усопшаго.

Въ исторіи Маккавеевъ находимъ именно жертву и молитву за усопшихъ. Іуда принесъ оную за воиновъ, умершихъ во грѣхѣ взятія военной добычи *отъ даровъ идольскихъ*, которыми благочестивый не долженъ былъ осквернять рукъ своихъ (2 Мак. XII. 39—46).

Съ тѣхъ поръ, какъ образовалось общественное Богослуженіе Христіанское, моленіе за усопшихъ вошло въ оное, какъ часть, постоянно къ составу онаго принадлежащая. Свидѣтельствуютъ о семъ всѣ древнія чиноположенія Божественной Литургіи, начиная отъ литургіи Святаго Іакова, брата Господня Посему нѣтъ никакого сомнѣнія, что моленіе за усопшихъ есть преданіе Апостольское.

Аще и грѣшенъ отъиде, — говоритъ Святый Златоустъ, — *елико возможно есть, помогати достоитъ: обаче не слезами, но молитвами, и мольбами, и милостынями и приношеніями. Не просто бо сія умышлена быша, ниже всуе творимъ, памятъ о отшедшихъ въ Божественныхъ тайнахъ, и о нихъ приступаемъ, молящеся Агнцу лежащему, вземшему грѣхъ міра, но да отсюду будетъ имъ нѣкая утѣха Ниже всуе предстояй жертвеннику, страшнымъ тайнамъ совершаемымъ, вопіетъ: о всѣхъ во Христѣ усопшихъ и памяти о нихъ совершающихъ* (на I Посл. къ Кор. бесѣд. 41). И далѣе говоритъ: *не лѣнимся убо отшедшимъ помогающе, и приносяще о нихъ молитвы. Ибо общее лежитъ вселенныя очищеніе. Сего ради благонадежно о вселенныѣй молимся тогда, и съ мучениками, со исповѣдниками, со священниками именуемъ ихъ. Ибо едино тѣло есмы вси, аще и свѣтлѣйшія суть уды удовъ. И возможно есть отвсюду прощеніе имъ собрати, яко то отъ молитвъ, отъ приносимыхъ за нихъ даровъ, отъ святыхъ съ ними именуемыхъ.*

Благочестивѣйшій Государь, пишетъ Евсевій о Константинѣ Великомъ, — *избралъ мѣстомъ своего погребенія Церковь Апостоловъ, созданную имъ въ Константинополѣ, въ надеждѣ участія въ молитвахъ, совершаемыхъ тамъ въ честь сихъ Святыхъ, и для того, чтобы соединясь въ Церкви съ народомъ Божіимъ, сподобиться имѣть участіе въ Божественной службѣ, въ таинственной жертвѣ, въ молитвахъ вѣрующихъ, даже и послѣ смерти своей* (О жизн. Конст. кн. IV. гл. 71).—

Не должно отрицать, говоритъ блаженный Августинъ,— *что души усопшихъ, отъ благочестія ближнихъ живущихъ получаютъ отраду, когда за оныхъ приносится жертва Ходатая, или творима бываетъ милостыня въ Церкви: но сіе полезно только тѣмъ, которые въ жизни заслужили то, чтобы имъ сіе послѣ было полезно* (О вѣр. над. и люб. гл. 110).

Святый Григорій Двоесловъ [3]) представляетъ примѣчательный опытъ дѣйствія молитвы и жертвоприношеній за усопшаго, случившійся въ его монастырѣ. Одинъ братъ за нарушеніе обѣта нестяжанія, въ страхъ другимъ, лишенъ былъ по смерти Церковнаго погребенія и молитвы въ продолженіи тридцати дней; а потомъ изъ состраданія къ его душѣ, тридцать дней приносима была безкровная Жертва съ молитвою за него. Въ послѣдній изъ сихъ дней усопшій явился въ видѣніи оставшемуся въ живыхъ родному брату своему, и сказалъ: *доселѣ худо было мнѣ, а теперь уже я благополученъ: ибо сего дня получилъ пріобщеніе* (Бесѣд. кн. IV. гл. 55).

Но остережемся, чтобъ послѣ некраткаго священнослуженія, не продлить слова до утомленія. Для внимательныхъ довольно сказаннаго, чтобы каждый подтвердилъ себѣ слѣдующія, не незнакомыя, но нерѣдко забываемыя правила:

Первое: молись за усопшихъ съ вѣрою и надеждою милосердія Божія.

Второе: не живи самъ небрежно, а старайся чистою вѣрою и неотлагательнымъ исправленіемъ отъ грѣховъ, упрочить себѣ надежду, что и за тебя, по твоей кончинѣ, молитвы принесутъ душѣ твоей отраду, и помогутъ ей въ достиженіи вѣчнаго покоя и блаженства въ Богѣ, присно блаженномъ и препрославленномъ во вѣки. Аминь.

---

[3]) По Турк. сборн.: въ бесѣдахъ своихъ...

CLIII.

98. Слово

по освященіи храма [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Ты же сыне человѣчь, покажи дому Іизраилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ. Іез. XLIII. 10.

Если слово сіе не даромъ лежитъ въ священныхъ книгахъ; если, какъ увѣряетъ Апостолъ, *елика преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася* (Рим. XV. 4): то къ кому изъ насъ сіе слово? Кому дается сіе повелѣніе? Къ кому препосылается сіе увѣщаніе!

Послѣ другихъ, не простирается ли, можетъ быть, и ко мнѣ повелѣніе: показать храмъ тѣмъ, которые могутъ смотрѣть на него со вниманіемъ, особенно теперь, когда храмъ только что явился въ своемъ существѣ и дѣйствіи, потому что *слава Господня вниде во храмъ* (Іез. XLIII. 4)?

Не должно ли, можетъ быть, и предстоящимъ въ семъ храмѣ, и видящимъ новоявленную святыню сію [2]), напомнить древнее увѣщаніе: *да престанутъ отъ грѣховъ своихъ?*

Грѣхи народа Іудейскаго, — холодность къ истинной вѣрѣ, пристрастіе къ суевѣріямъ языческимъ, корыстолюбіе, роскошь, неправда, угнѣтеніе сильными слабыхъ, непослушаніе подчиненныхъ властямъ, возрастшія до разстройства жизни частной и общественной, послѣ безплодныхъ обличеній отъ Пророковъ, послѣ частныхъ и непродолжительныхъ наказательныхъ посѣщеній Божіихъ, привлекли наконецъ рѣшительный судъ Божій Іерусалимъ взятъ и разрушенъ Вавилонянами. Храмъ Соломоновъ сожженъ. Іудеи отведены въ плѣнъ Вавилонскій.

---

[1]) По Евреин. сборн. значится произнесеннымъ 1-го октября 1832 года, безъ обозначенія мѣста произнесенія.

[2]) По Евреин. и Турк. сборн.: его...

Прекратилось законное Богослуженіе: потому что хотя оставались священники, но не было закономъ опредѣленнаго и освященнаго мѣста для Богослуженія. Неудивительно, если горесть Іудеевъ доходила до отчаянія, потому что въ прежнихъ наказаніяхъ Божіихъ гладомъ, войною, моромъ, они имѣли утѣшеніе и надежду въ святомъ храмѣ, который показывалъ, что союзъ ихъ съ Богомъ не вовсе прерванъ, и что путь къ умилостивленію Его еще открытъ; но когда Богъ, отвергая согрѣшившій народъ, отвергъ и мѣсто Свое Святое, тогда отверженіе казалось окончательнымъ и гнѣвъ неумолимымъ. Въ сіе безнадежное, по видимому, время Богъ беретъ между плѣнниками Вавилонскими Пророка Іезекіиля, ведетъ его въ духѣ въ опустошенный Іерусалимъ, на развалинахъ и пепелищѣ храма показываетъ ему цѣлый храмъ, его устройство, размѣры, законы, присутствіе въ немъ славы Божіей; и повелѣваетъ тайновидцу, посредствомъ повѣствованія, показать прочимъ Іудеямъ сіе сколь величественное, столь же утѣшительное зрѣлище, котораго не могли они видѣть обыкновенными глазами. *Ты же сыне человѣчь покажи дому Іизраилеву храмъ.*

То есть: скажи дому Израилеву, что храмъ Божій не въ конецъ разрушенъ; что можно видѣть его въ духѣ, хотя и нѣтъ его для очей тѣлесныхъ; что надъ развалинами его носится его таинственный образъ; что тамъ дѣло идетъ о его устройствѣ, размѣрахъ, законахъ, а сіе бываетъ тогда, когда готовятся созидать новый храмъ; что слѣдственно есть надежда видѣть новый храмъ Божій, и есть надежда Іудеямъ вновь быть народомъ Божіимъ, потому что Богъ не станетъ созидать безлюдный храмъ. *Покажи дому Іизраилеву храмъ.*

Слышащіе сіе теперь, могутъ подумать, что сіе до нихъ не касается. Мы не Іудеи, скажутъ они, не имѣли несчастія по грѣхамъ лишиться своего храма; но имѣемъ благословеніе Божіе видѣть храмъ, благочестивымъ [3]) усердіемъ воздвигнутый, и благодатію Божіею освященный. Признаю и я надъ дѣломъ вашимъ благословеніе Божіе; сорадуюсь вамъ; призываю продолженіе благословенія Божія. Но не торопитесь съ вашими прекословными помыслами. Вы тотчасъ услышите то, что вѣрно не до однихъ Іудеевъ касается.

Покажи храмъ, глаголетъ Господь, *и да престанутъ отъ*

[3]) По Евреин. и Турк. сборн.: нашимъ...

грѣховъ своихъ. Покажи храмъ: но не просто, не для одного любопытства, не для одного утѣшенія симъ видѣніемъ, но для того, чтобы сіе видѣніе произвело въ видящихъ дѣйствіе, и дѣйствіе сильное и рѣшительное: *да престанутъ отъ грѣховъ своихъ*.

О Господи, *обличаяй, и наказуяй, и научаяй, и обращаяй, яко пастырь стадо свое* (Сир. XVIII. 13)! Развѣ можетъ видѣніе храма Твоего имѣть сію врачебную и спасительную силу? Развѣ можетъ оно способствовать согрѣшающимъ, *да престанутъ отъ грѣховъ своихъ?* О, если бы Ты научилъ насъ, какъ съ успѣхомъ употребить сіе средство къ нашему исправленію и усовершенію, — насъ, которые послѣ желанія и вознамѣренія престать отъ грѣховъ своихъ, даже и не примѣчаемъ иногда, какъ впадаемъ во грѣхи, то прежніе, то новые!

Нѣтъ сомнѣнія, что сіе размышленіе и желаніе раздѣляютъ со мною многіе, и такимъ образомъ открывается, что слово Божественнаго откровенія, которымъ теперь мы занимаемся, касается не до однихъ Іудеевъ, но съ пользою можетъ коснуться до сердца всякаго, согрѣшившаго предъ Богомъ. Будьте же внимательны. Дѣло точно до насъ касается.

Представляемое Іудеямъ чрезъ Пророка видѣніе новаго храма, по необходимости должно было привесть имъ на память прежній храмъ, созданный Соломономъ, и непремѣнную судьбу бывшаго храма, которая не можетъ измѣниться и для будущаго. Судьбу сію опредѣлилъ Богъ, когда, по совершеніи и освященіи храма, въ видѣніи Соломону сказалъ между прочимъ: *аще отвращающеся отвратитеся вы и чада ваша отъ Мене, и не сохраните заповѣдей Моихъ и повелѣній Моихъ*; — *и храмъ сей, егоже освятихъ имени Моему, отвергу отъ лица Моего* (3 Цар. IX. 6. 7). Сколь непреложна судьба сія, Іудеи дознали печальнымъ опытомъ, въ разрушеніи сего храма Вавилонянами. На все сіе указуетъ Богъ, когда глаголетъ Іезекіилю: *покажи дому Іизраилеву храмъ*.

То есть: представь дому Израилеву образъ новаго храма, и тѣмъ самымъ приведи на память судьбу храма прежняго, которая, какъ основанная на правдѣ вѣчной, не можетъ не быть судьбою и новаго; и пусть помыслятъ Іудеи, что должно имъ дѣлать. Если пріятно и вожделѣнно имъ видѣніе новаго храма: то пусть позаботятся о сохраненіи храма. Если заботятся о сохраненіи храма: то пусть вспомнятъ, что грѣхи разруши-

ли храмъ. Если знаютъ, что грѣхами разрушается храмъ: то пусть перестанутъ быть разрушителями храма. *Покажи дому Іизраилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.*

Видите, какъ сильно увѣщевало Іудеевъ видѣніе храма, чтобы они престали отъ грѣховъ своихъ. Но не тоже ли, Христіане, и намъ говоритъ видѣніе нынѣ новаго храма?

Господь Христіанскаго храма, Господь сего храма, не есть ли тотъ самый Богъ, Который нѣкогда храмъ Іудейскій, по благоволенію Своему воздвигнулъ, благодатію Своею освятилъ, во гнѣвѣ Своемъ за грѣхи дважды отвергнулъ, и предалъ опустошенію? Правда, во храмѣ Христіанскомъ, преимущественно предъ древнимъ Іудейскимъ, Богъ является Богомъ милосердія и благодати въ Единородномъ Сынѣ Своемъ Іисусѣ Христѣ, Спасителѣ грѣшныхъ: но пересталъ ли Онъ,—можетъ ли вѣчный перестать—быть также и *Богомъ правды?* Итакъ судьба перваго храма въ мірѣ не простирается ли на всѣ храмы до послѣдняго въ мірѣ? И надъ симъ новоосвященнымъ храмомъ не изрекается ли отъ Вышняго, угрожающее вмѣстѣ и предохраняющее, опредѣленіе: *аще отвращающеся отвратитеся вы и чада ваша отъ Мене, и не сохраните заповѣдей Моихъ,—и храмъ сей, его же освятихъ имени Моему, отвергу отъ лица Моего*, или видимымъ отверженіемъ осквернения и опустошенія, или невидимымъ отъятіемъ благословляющей и благодѣющей руки, сокрытіемъ благодатной силы святилища? А изъ сего не слѣдуетъ ли уже само собою и сіе увѣщаніе: *покажи храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ?* Пусть берегутся устроители храма, чтобы не быть его разрушителями. Утѣшающіеся благодатнымъ видѣніемъ храма да отвергаются [4]) того, что ведетъ къ лишенію сего видѣнія, сея благодати. *Да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.*

Скажетъ ли кто: желаю престать отъ грѣховъ, но не знаю, какъ сего достигнуть? —Хорошо. Я покажу тебѣ одно изъ ближайшихъ средствъ для наученія сему. Сіе средство есть храмъ. Ибо, сверхъ прославленія Бога, во храмѣ не инымъ чѣмъ занимаются, какъ тѣмъ, чтобы отвести человѣка отъ грѣховъ, и обратить къ добродѣтели. Не сему ли учатъ Пророческія и Апостольскія писанія, которыя здѣсь читаютъ? Не сему ли учатъ священныя пѣсни, которыя здѣсь воспѣваются? Не сему ли

[4]) Въ собр. 1844 г.: да остерегаются....

учатъ примѣры Святыхъ, которые здѣсь ежедневно представляются? Приходи, внимай, и научишься и умудренъ будешь. Показую тебѣ храмъ, да престанешь отъ грѣховъ своихъ.

Скажетъ ли кто еще: желаю престать отъ грѣховъ, но не имѣю силы освободиться отъ нихъ? Не спорю противъ сего признанія, и поспѣшаю показать тебѣ близкое, отверзтое хранилище силы духовной. Сіе хранилище есть храмъ. Что могущественнѣе Слова Божія, которымъ сотворено все, и которымъ возсозидается все? Здѣсь оно дѣйствуетъ. Что сильнѣе молитвы, которая проходитъ облаки и преклоняетъ къ себѣ Вышняго? Здѣсь она живетъ, какъ въ своемъ домѣ: ибо храмъ, по слову Писанія, есть *домъ молитвы* (Лук. XIX. 46). Что благотворнѣе присутствія Господа нашего Іисуса Христа, Который для того и *пріиде въ міръ, чтобы грѣшныя спасти* (1 Тим. I. 15)? Здѣсь Онъ присутствуетъ и духовно, по Своему непреложному обѣщанію: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII. 20), и ощутительнѣе, нежели духовно, въ пречистомъ Тѣлѣ Своемъ, за насъ ломимомъ, во оставленіе грѣховъ, и въ Божественной Крови Своей, за насъ изливаемой, во оставленіе грѣховъ. Что суть и всѣ совершаемыя здѣсь таинства, какъ не сосуды, въ коихъ благодатная Божественная сила, побѣдоносная надъ зломъ, благопомощная для добра, заключена и открыта — заключена видимо, открыта невидимо; заключена для испытующаго разума, открыта для вѣрующаго сердца; заключена для невнимательнаго и некающагося грѣшника, открыта для искренно кающагося, и подвизающагося о своемъ исправленіи? Приходи, приступай, очищайся, укрѣпляйся и побѣдишь зло, и успѣешь во благѣ. Показую тебѣ храмъ; да престанешь отъ грѣховъ своихъ.

Се гласъ отъ храма глаголющаго ко мнѣ, и мужъ, то есть, Ангелъ, *стояше близъ мене*,—сказуетъ тайновидецъ храма. Еслибъ и наши очи, братія святаго храма сего, были отверсты для видѣнія таинъ: и мы увидѣли бы въ семъ храмѣ Ангеловъ, съ нами входящихъ, съ нами служащихъ, какъ *посылаемыхъ въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I. 14). Что же, думаете, сіи чистые и вѣрные служители Божіи глаголютъ, когда видятъ насъ во храмѣ невнимательныхъ, не очищенныхъ, лѣностныхъ къ молитвѣ, не приступающихъ къ таинствамъ, не отложившихъ всякое житейское попеченіе, не возненавидѣвшихъ грѣха совершенною ненавистію?

Не дивятся ли они несообразности нашихъ расположеній? На что жъ, говорятъ они, — на что симъ людямъ святый храмъ, если они не пекутся о своемъ освященіи? Неужели для того, чтобы онъ былъ только свидѣтелемъ ихъ нерадѣнія, къ горшему осужденію за то, что не пользуются столь близкимъ и удобнымъ пособіемъ ко спасенію? *Сыне человѣчь, покажи* сему новому *дому Іизраилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.*

Сколько дано моей мѣрности, я показалъ вамъ, братія, храмъ, какъ средство и пособіе освященія Благодать Божія, отнынѣ здѣсь обитающая, и отсюда исходящая, да споспѣшествуетъ вамъ, если кто изъ васъ еще не оставилъ, оставить небрежную жизнь грѣховную, и утвердиться во благочестіи и во всякой добродѣтели, да въ Церкви Бога жива, и сами будете Церкви Бога жива, въ нихже Духъ Божій живетъ и жить будетъ во вѣки. Аминь.

CLIV.

99. Слово

по освященіи храма Св. Великомученика Димитрія, въ домѣ призрѣнія для вѣдомства Духовнаго Попечительства, устроенномъ Гвардіи Капитаномъ Дмитріемъ Петровичемъ Горихвостовымъ.

(Говорено октября 2 дня, напечатано въ собраніяхъ 1841 и 1848 гг.)

Тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ: и предъидетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія объиметъ тя. Иса. LVIII. 8.

Взирая на сей домъ, какъ на дѣло человѣколюбія, на сей храмъ, какъ на дѣло благочестія, соединеннаго съ человѣколюбіемъ,—помышляя о сирыхъ, безпомощныхъ, безкровныхъ, которымъ уготовляется здѣсь кровъ, помощь, замѣнъ попеченій родительскихъ,—во всемъ, что здѣсь устроено, приготовлено, назначено, примѣчая тихое мановеніе руки, свободно и попе-

чительно простирающейся къ дѣлу благотворенія [1]), какъ изъясню я чувствованіе утѣшенія, какъ удовлетворю побужденію благодарности?—Желалъ бы я имѣть власть, не только съ искреннимъ желаніемъ, но и съ силою и дѣйствіемъ, изрекать подобныя симъ пророческимъ, обѣщанія и предвѣщанія: *разверзется свѣтъ твой;—предъидетъ предъ тобою правда твоя;—слава Божія объиметъ тя.*

Но что нужды, что слово человѣческое не имѣетъ власти и силы приводить въ дѣйствіе благословенія, которыя оно изрекаетъ сему, или другому благотворящему? Сію власть и силу имѣетъ Слово Божіе для всѣхъ благотворящихъ. Въ дѣлѣ человѣколюбія заключается сѣмя благословенія. Провидѣніе Божіе не оскудѣваетъ [2]), раскрывая сіе сѣмя, возращая, и уготовляя плодъ благодати и спасенія тому, кто благотворитъ ближнему отъ искренняго и чистаго сердца

Тогда, говоритъ Пророкъ Исаія, *разверзется рано свѣтъ Твой.* Когда это? Видите, что онъ предвѣщаетъ нѣкое особенно прекрасное утро, и не всякому, а нѣкоему [3]) особенно счастливому человѣку. Когда же и кому? — Тогда, и тому, когда кто вѣрно исполнитъ дѣла человѣколюбія, къ которымъ увѣщевалъ Пророкъ непосредственно предъ симъ предвѣщаніемъ своимъ. *Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой; и нищія безкровныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй; и отъ свойственныхъ племени твоего не презри: тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ: и предъидетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія объиметъ тя.* Творящему дѣла человѣколюбія Пророкъ обѣщаетъ не только раннее и ясное утро доброй надежды, но и полдень славы.

Бытіе человѣка идетъ подобно тому [4]), какъ дни міра отъ начала ихъ *Бысть вечеръ и бысть утро* (Быт. 1. 5). Сперва сумракъ и тьма, какъ состояніе природы: а потомъ уже свѣтъ, какъ даръ Божій. Жизнь человѣческая показывается сперва въ сумракѣ, смѣшенномъ изъ тьмы невѣдѣнія и изъ мерцаній простоты и незлобія дѣтскаго. За тѣмъ возстающія страсти, воз-

[1]) По Евреин. сборн.: простирающейся къ дѣлу благотворенія и скромно уклоняющейся отъ славы благотворенія,....

[2]) По Евреин. сборн.: не оскудѣваетъ и не погрѣшаетъ,...

[3]) По Евреин. сборн.: какому-то.....

[4]) По Евреин. сборн.: такъ же,.....

растающая чувственность, усиливаютъ мракъ [5]). То, что на языкѣ міра называется просвѣщеніемъ и образованностію, не есть удѣлъ многихъ; и притомъ это есть только блескъ поверхностный и безжизненный [6]). Свѣтъ истинно благотворный и жизненный долженъ быть не чуждый, не поверхностный, но воплощенный въ жизнь и дѣятельность человѣка, Божій по дару, *твой* по усвоенію внутреннему. Блаженъ, у кого въ сердцѣ, или въ средоточіи существа, глаголетъ Творческое слово: *да будетъ свѣтъ*. Правда, оно глаголетъ всегда и для всѣхъ; поелику есть слово вѣчное: но поелику сердце человѣческое, по своей ниспадшей природѣ, есть *одебельлое* (Иса. VI. 10), то есть, чувственное, и *каменное* (Iезек. XI. 19), то-есть, по грубой чувственности, неспособное къ тонкимъ духовнымъ ощущеніямъ, то не всякое сердце человѣческое довольно чутко для гласа и слова Божія, не всегда довольно прозрачно и чисто для свѣта Божія. Что же можетъ способствовать тому, чтобы сдѣлать сердце человѣческое менѣе грубымъ, и болѣе способнымъ оглашаться глаголами духа, просвѣщаться свѣтомъ благодати? — Не скажу, чтобы для сего былъ одинъ только способъ: но должно сказать, что, въ числѣ способовъ къ сему, одинъ изъ простѣйшихъ есть добровольное умягченіе, растворенiе собственнаго сердца любовію къ ближнему, состраданіемъ къ бѣдствующему, дѣлами человѣколюбія. Такъ *блажени милостивіи*; такъ они *помиловани будутъ* (Матѳ. V. 7). Твори усердно дѣла человѣколюбія: *тогда разверзется рано свѣтъ твой*. Рано:—скорѣе, нежели ты думаешь: скорѣе, нежели какъ достигнулъ бы ты сего средствами, которыя кажутся болѣе искусными и болѣе возвышенными.

Человѣкъ имѣетъ нужду не только въ свѣтѣ благодати, какъ омраченный по природѣ невѣдѣніемъ и чувственностію, но и въ цѣлебной силѣ благодати, какъ немощный и страждущій, не только *плотію*, которая естественно *немощна* (Матѳ. XXVI. 41), но, что гораздо важнѣе, духомъ. Чувственность, страсть, порокъ, потому только и умъ омрачаютъ, что порабощаютъ волю, и лишаютъ ее свободной силы. И гдѣ же на земли душа, которая бы не болѣла, легче, или тяжелѣ, въ своей совѣсти? Кромѣ сего есть болѣзни, отвнѣ поражающія душу до глубины:—

[5]) По Евреин. сборн.: усиливающаяся чувственность, распространяетъ мракъ.

[6]) По Евреин. сборн.: ночной, звѣздный или лунный свѣтъ, который освѣщаетъ славу (главу?) поверхностно, безжизненно.

нещастія, печали. Единый вѣрный, и довольный для всѣхъ людей, случаевъ, немощей, болѣзней, скорбей, врачь душъ и тѣлесъ есть Господь нашъ Іисусъ Хрістосъ: это правда; это безцѣнная правда; блаженная правда. Но самое вѣрное лѣкарство надобно вѣрно принять, чтобы оно было цѣлебно и спасительно: и не часто ли нужно бываетъ особенное искуство, дабы лѣкарство было принято, особенное приготовленіе, дабы лѣкарство воздѣйствовало? Вы говорите иногда человѣку: пріими всецѣлебное врачество благодати Хрістовой; но уста души его не отверзаются; рука не простирается, или дрожитъ; и вы напрасно приклоняете къ нему чашу спасенія. Для успѣха въ духовномъ врачеваніи весьма полезно иногда то приготовленіе, чтобы рука человѣка укрѣпилась дѣлами благотворенія, чтобы сердце и уста его разверзлись чувствомъ состраданія и словомъ утѣшенія къ бѣдствующему ближнему; чтобы пріобрѣтаемое посредствомъ дѣлъ милости доброе свидѣтельство совѣсти утвердило надежду на милость Божію, чтобы надежда на Бога милосердаго привела за собою увѣренность въ средствахъ Его милосердія, или вѣру, чтобы вѣра въ Спасителя возбудила святое желаніе къ Нему, или любовь Божественную. Потому Пророкъ, уча благодѣтельствовать, исцѣлять, по возможности, скорби ближнихъ, въ слѣдъ за тѣмъ обнадеживаетъ скоростію кореннаго, нашего собственнаго исцѣленія. *Исцѣленія твоя скоро возсіяютъ.*

Обрѣлъ ли уже человѣкъ свѣтъ, или еще коснитъ въ началородной тьмѣ, ускоряется ли его духовное исцѣленіе, или онъ еще влачитъ тягость различныхъ немощей и скорбей ветхаго Адама, онъ между тѣмъ, пока на землѣ, всегда на пути, знаетъ ли его, или не знаетъ, видитъ, или не видитъ, идетъ по нему, или влечется: а враги всегда близко, претыканія всегда подъ ногами, опасности вокругъ, руководства часто не достаетъ, охраненіе не является. Счастливъ, кто можетъ имѣть предъ собою предшествователя, который бы отклонялъ опасныя встрѣчи, показывалъ, гдѣ безопасно поставить ногу, страшилъ и удалялъ враговъ, и призывалъ охранителей! И такого-то предшествователя обѣщаетъ слово Пророка человѣку благодѣтельному къ ближнимъ; и сей надежный предшествователь есть—самая его добродѣтель. *Предъидетъ предъ тобою правда твоя.* Малосвѣдущій въ путяхъ Провидѣнія не вдругъ пойметъ, какимъ образомъ добродѣтель, нами сдѣланная, и оставленная

назади, во дняхъ прошедшихъ, можетъ на пути жизни явиться впереди насъ, въ подобіи руководителя: но это вѣрно такъ въ путяхъ Провидѣнія. Она предшествуетъ намъ свѣтомъ, который мы чрезъ нее пріобрѣли, поддерживаетъ насъ силою, которую мы отъ нея пріяли, отражаетъ отъ насъ враждебныя силы тьмы, призываетъ къ намъ невидимыя благотворныя силы свѣта. Поелику добродѣтель человѣколюбія въ дѣйствіяхъ своихъ соотвѣтствуетъ цѣлямъ всеблагаго Провидѣнія, и такимъ образомъ служитъ ему: то Провидѣніе воспріемлетъ на себя, такъ сказать, долгъ взаимности и благодарности, и особенно покровительствуетъ благотворящихъ, какъ своихъ служителей, и свои орудія [7]). Вдова Сарептская на пути своей жизни встрѣтилась съ голодомъ; и вѣрно была бы поглощена имъ: но изъ послѣдней горсти муки она подала въ милостину Пророку Иліи малый опрѣснокъ. Съ сей минуты сія добродѣтель пошла предъ нею: и она прошла время глада чудеснымъ образомъ безопасно и спасительно.

Наконецъ, если мы уразумѣли, какимъ образомъ благотворительность къ нуждающимся и бѣдствующимъ ближнимъ доставляетъ человѣку благодатный свѣтъ, благотворную силу, благонадежное руководство на путяхъ жизни: то чрезъ сіе, безъ дальнѣйшихъ изъясненій, становится очевиднымъ и то, что та же благотворительность ведетъ къ причастію славы Божественной. *И слава Божія объиметъ тя.*

Итакъ, благодѣющій да благодѣтельствуетъ съ радостію, въ вѣрной надеждѣ благословенія Божія дѣйственнаго и спасительнаго.

Но и пріемлющій благодѣянія, по долгу благодарности, да благословляетъ благодѣтеля словомъ радости, любви, молитвы, да и благодѣтелями и пріемлющими благодѣянія прославляется Богъ, премудро и праведно устрояющій благополучіе бѣдствующихъ чрезъ человѣколюбивыхъ благодѣтелей, и блаженство благодѣтелей чрезъ дѣла человѣколюбія. Аминь.

---

[7]) По Евреин. сборн.: Добродѣтель человѣколюбія, содѣловая насъ орудіями всеблагаго Провидѣнія, налагаетъ, такъ сказать, долгъ взаимности и благодарности на сіе Провидѣніе, чтобы тщательно беречь въ насъ свои орудія.

1833 годъ.

CLV.

100. Слово

по освященіи храма Святителя Митрофана, въ Хотьковѣ монастырѣ.

(Говорено іюня 29 дня, напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

И сами, яко каменіе живо, зиждитеся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови Іисусъ Хрістомъ. I Петр. II. 5.

Сей храмъ, по всей вѣроятности, есть первый, который украшается новопрославленнымъ именемъ Твоимъ, Святителю и Чудотворче Митрофане. Пріими сей начатокъ, сію добровольную жертву вѣры; представи оную Великому Архіерею, прошедшему небеса, Господу нашему Іисусу Хрісту; сотвори ее благопріятну Богови; дополни и дополняй твоими богопріятными молитвами недостаточество нашихъ молитвъ, нынѣ принесенныхъ о храмѣ семъ, и отнынѣ во храмѣ семъ приносимыхъ; не попусти праздну быти благодатному имени твоему, нареченному на храмѣ семъ, но посѣщай оный, яко тебѣ вѣрою нашею усвоенный; благослови и упаси душу, сей даръ усердія тебѣ принесшую, и всѣмъ храму сему служащимъ и въ него притекающимъ споспѣшествуй, да *и сами*, по Апостольскому слову, *яко каменіе живо, зиждутся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови, Іисусъ Хрістомъ.*

Вѣруйте и не сомнѣвайтесь, чада вѣры, что прошенія наши, теперь изреченныя, и слышитъ, и пріемлетъ, и не отречется исполнить, избранный нами Предстатель предъ Богомъ. Ибо для чего иначе и прославилъ его Богъ на земли, довольнаго славою небесною, и не имѣющаго нужды въ славѣ земной,—для чего иначе, если не для того, чтобы чрезъ сію славу открыть и указать его нашей вѣрѣ, и чтобы, по сей вѣрѣ, принимать его за насъ предстательство, и исполнять наши во благихъ желанія?

Но при семъ не забудемъ, что благодать непремѣнно требуетъ вѣры; что предстательство Святыхъ, всегда для насъ готовое, ожидаетъ отъ насъ желаній благихъ, чистыхъ, искреннихъ; что, дабы сподобиться ихъ споспѣшествованія, надлежитъ представить имъ то, чему бы они споспѣшествовали, то есть надлежитъ самимъ намъ посильно дѣйствовать и подвизаться для нашего спасенія: ибо какъ можно, чтобы святые, при всей ихъ благодатной силѣ (которой впрочемъ, по самой добротѣ ея, не свойственно принуждать и неволить), привели насъ въ царствіе небесное, когда мы для того не хотимъ сдѣлать ни одного шага, или напротивъ идемъ путемъ ада и погибели?

И сами, яко каменіе живо, зиждитеся, заповѣдуетъ Апостолъ.

Камень живый, отъ человѣкъ убо уничиженный, отъ Бога же избранный, честный (1 Пет. II. 4), І. Хрістосъ и Его спасительная благодать, есть вѣчно незыблемое основаніе истинныя Церкви. На семъ основаніи созидали и продолжаютъ созидать ее Апостолы, пастыри, учители, словомъ ученія, силою молитвы, таинствами вѣры, подвигами жизни. Симъ образомъ создана Церковь; но это еще не все для того, чтобы и ты, и я устроены были въ составѣ Церкви. Вы не мертвые камни, изъ которыхъ строятъ художники, но которые не могутъ созидать сами себя; *вы каменіе живо*, имѣете свою жизнь, волю, дѣятельность; и такъ надобно, чтобы вы имѣли дѣятельное участіе въ вашемъ духовномъ созиданіи: *и сами зиждитеся*, такъ, чтобы въ васъ былъ и храмъ, и священство, и возношеніе жертвъ духовныхъ.

Какъ чудно Христіанство! Іудейство представляло законный храмъ одинъ только во всемъ мірѣ, законное священство только въ одномъ родѣ Аарона, жертвы только вещественныя, безжизненныя или умерщвляемыя, въ крови, огнѣ и дымѣ; мно-

гіе въ ономъ рѣдко могли достигнуть до храма, никогда до священства, и никогда же большею частію не достигали до разумѣнія тайны прообразовательныхъ жертвъ, запечатлѣнной до Христіанства. Въ Христіанствѣ, напротивъ, не только повсюду храмы, не только изъ всѣхъ народовъ, по избранію благодати, священники, не только повсюду приносится безкровная Жертва, заключающая въ себѣ, не прообразованіе Христа отдаленнаго и ожидаемаго, но таинство Христа пришедшаго, присутствующаго, предающагося намъ въ пищу и питіе жизни вѣчной; но и что еще? — Дабы и послѣдній изъ Христіанъ не могъ подумать и пожаловаться, что Богъ менѣе, нежели о другихъ, благоволитъ о немъ, и менѣе, нежели другихъ, приближаетъ его къ Себѣ, всѣмъ вамъ дана возможность, право, обязанность, заповѣдь, чтобы вы, пользуясь и храмомъ, и священствомъ, и Божественною Жертвою, въ самихъ себѣ устрояли то самое, чѣмъ пользуетесь отъ священнаго служенія другихъ. *И сами зиждитеся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови Іисусъ Христомъ.*

Поелику Апостолъ говоритъ о *жертвахъ духовныхъ*, какъ о многихъ: то слова его ведутъ насъ къ указанію на нѣкоторые особенные роды таковыхъ жертвъ; сіе, надѣюсь, послужитъ самымъ простымъ способомъ изъясненія Апостольскаго ученія о духовномъ храмѣ и священствѣ.

Есть жертва духовнаго сокрушенія, которую, еще во времена Іудейства, болѣе вещественнаго всесожженія угодною Богу признавалъ Давидъ: *всесожженія не благоволиши; жертва Богу духъ сокрушенъ; сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. L. 18. 19). Когда человѣкъ, входя въ самого себя, усматриваетъ свое предъ Богомъ недостоинство, нечистоту, грѣховность: тогда духъ его, который до того, можетъ быть, высился и величался какимъ нибудь своимъ добрымъ качествомъ, или преимуществомъ внѣшнимъ, отъ обличенія совѣсти, какъ отъ молніи древо, сокрушается и низлагается. Какъ изъ разбитаго сосуда истекаетъ то, что въ немъ было: такъ изъ сокрушеннаго сердца источаются слезы печали по Богѣ и покаянія. Не думай, возлюбленная душа, что ты страдаешь безплодно: Богъ пріемлетъ сокрушеніе и покаянное смиреніе твое, какъ жертву, и притомъ не маловажную. *Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.* Сія жертва есть

одна изъ первоначальныхъ духовныхъ жертвъ. Кто не принесъ ея: отъ того прочія духовныя жертвы не будутъ совершенны, если только возможны.

Есть жертва славословія и молитвы, которой также отъ древнихъ еще временъ научалъ Псалмопѣвецъ: *пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя* (Пс. XLIX. 14). Каждый разъ, когда ты чувствуешь благодарность къ Богу, твоему Творцу, Промыслителю и Спасителю, или благоговѣніе къ Его Божественному величію и совершенствамъ; когда внимательное размышленіе о Богѣ засвѣчиваетъ нѣкоторый свѣтъ познанія въ твоемъ умѣ, возжигаетъ огнь любви въ сердцѣ и отъ сего восходитъ въ душѣ чистая радость и святое желаніе къ Богу: ты возносишь симъ образомъ къ Богу духовную жертву, которая въ видимомъ Богослуженіи тайнознаменательно изобразуется кадиломъ и ѳиміамомъ. *Кто сія*, говоритъ древній созерцатель въ таинственной пѣсни, кто сія, *восходящая отъ пустыни, яко стебло дыма, кадящая смирну и ливанъ* (Пѣсн. Пѣс. III. 6)? Разрѣшая сію притчу, мы можемъ сказать, что это есть душа, растопленная любовію въ молитву, которая испаряется выспрь, идетъ къ небу легко, какъ дымъ, и бываетъ Богопріятна, подобно какъ пріятно благоуханіе кадила.

Есть жертва милости, которой учитъ Самъ Іисусъ Христосъ. *Шедше, научитеся, что есть, милости хощу, а не жертвы* (Матѳ. IX. 13). Какъ дѣла милосердія, по любви къ Богу, творимыя нами для ближнихъ нашихъ, Господь Іисусъ пріемлетъ, какъ-бы сдѣланныя Ему Самому; *понеже*, глаголетъ, *сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40): то понятно, какимъ образомъ дѣла сіи составляютъ приношеніе или жертву Богу. Апостолъ побуждаетъ насъ къ таковымъ жертвамъ, обнадеживая, что онѣ будутъ пріятны Богу. *Благотворенія и общенія не забывайте; таковыми бо жертвами благоугождается Богъ* (Евр. XIII. 16).

Есть жертва правды и истины, на которую указываетъ Соломонъ въ притчѣ: *творити праведная, и истинствовати, угодна Богу паче нежели жертвъ кровь* (Прит. XXI. 3). Всякое дѣло справедливости и добродѣтели, всякій подвигъ за истину, обращается въ жертву Богу, когда совершается именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ исполнить волю и законъ Божій, и особенно съ пожертвованіемъ собственной выгоды и собственнаго удовольствія. Не смущайтесь тѣмъ, что люди попираютъ иногда сію

жертву: Богъ взыщетъ свою жертву и воздастъ за нее. Посему говоритъ Давидъ: *пожрите жертву правды, и уповайте на Господа* (Пс. IV. 6).

Высшая изъ жертвъ за истину, истинное всесожженіе Христіанское, есть мученичество за вѣру Христіанскую. О сей жертвѣ написалъ Апостолъ Павелъ къ Тимоѳею: *азъ уже жрень бываю* (2 Тим. IV. 6), подавая намъ и примѣръ преданія себя на жертву сію, и вмѣстѣ наставленіе, чтобы не дерзать на сіе самопроизвольно, а только послушно предаваться, когда судьба Божія приведетъ кого, во еже жрену быти.

Но дабы кто не подумалъ, что мы, хранимые Провидѣніемъ Божіимъ въ мирѣ Церкви, такъ сказать, обойдены участіемъ въ благодати и славѣ мученичества, поспѣшимъ сказать наконецъ, что есть родъ мученической жертвы, доступной всякому, внутренней, когда Христіанинъ мечемъ слова Божія, силою повелѣнія Хрістова, въ глубокомъ самоотверженіи, отсѣкаетъ отъ ума своего всякій собственный помыслъ, отъ воли всякое собственное желаніе, отъ сердца всякое, хотя бы то было и праведное, негодованіе на ближняго, и всякое вожделѣніе собственнаго удовольствія, всякое услажденіе самимъ собою; и все сіе приноситъ въ жертву волѣ Божіей, по образу подвигоположника Іисуса, когда Онъ, предваряя крестъ внѣшній внутреннимъ, въ Геѳсиманскомъ подвигѣ сказалъ Отцу Своему небесному: *не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI. 39). Есть свободное приношеніе [1]) собственнаго тѣла, къ которому такъ настоятельно приглашаетъ насъ Апостолъ, когда говоритъ: *молю васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше* (Рим. XII. 1). Образъ сей жертвы, по изъясненію того же Апостола, состоитъ въ томъ, чтобы мы *помышляли себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови*, и чтобы *представляли себе Богови, яко отъ мертвыхъ живыхъ, и уды наша оружія правды Богови* (Рим. VI. 12. 13), то есть, чтобы всѣ наши силы, способности, члены благоразумно употребляли на дѣланіе добра, для Бога. Сюда принадлежитъ и сія особенная жертва, когда дѣвство Богу посвящается, и даръ цѣломудрія, въ чистомъ сосудѣ воздержанія, Богу приносится.

Вотъ пріятныя Богу жертвы, которыя не отъ однихъ, поста-

[1]) По Турк. сборн.: жертвоприношеніе....

вленныхъ священноначаліемъ, священниковъ, но и отъ всякаго истиннаго Христіанина могутъ, и должны быть приносимы, частію должны по обязанности [2]) частію могутъ по усердію добровольному, и по особенному призванію свыше. Приносите оныя, Христіане! и не оставляйте Бога вашего безъ жертвъ, Его достойныхъ, дабы и Онъ не оставилъ васъ безъ благословеній низводимыхъ усердными жертвами.

Скажете ли, что для васъ еще не довольно ясно, какимъ образомъ вы созиждитеся въ храмъ духовный? Не затрудняйтесь. Вы только вѣрно и усердно приносите жертвы, вамъ указанныя, и вамъ понятныя, жертву сердечнаго сокрушенія предъ Богомъ, жертву хвалы и молитвы, жертву милости и правды, жертву посвященія вашей души и вашего тѣла на дѣла Богоугодныя. Какъ въ древнія времена жертвы были прежде храма, и потомъ жертвы создали для себя храмъ, и освятили оный: такъ и ваши духовныя жертвы, постоянно продолжаемыя, низведутъ невидимую руку благодати Божіей, которая созиждетъ и освятитъ въ васъ храмъ свой, да вселится въ васъ Богъ, и будетъ вашимъ Богомъ, и вы будете Его людьми, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

CLVI.

101. Слово

въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія [1]).

(Напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1839 года и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Въ благословеніи правыхъ возвысится градъ; усты же нечестивыхъ раскопается Прит. XI. 11.

Вотъ необыкновенный родъ строительнаго искусства, который, вѣроятно, не всѣмъ извѣстенъ, а инымъ покажется вовсе несбыточнымъ. Городъ созидается: чѣмъ, думаете? Богатствомъ?

---

[2]) По Турк. сборн.: по обязанности необходимой,...

[1]) Въ рукописи автора и въ Христ. Чтеніи озаглавлено такъ: Ученіе о благословеніи, преподанное въ словѣ въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія въ Лаврѣ. Іюля 5. 1833 г.

художествомъ? властію? многолюдствомъ? — По мнѣнію Соломона, не тѣмъ, а добрыми словами добрыхъ людей: *въ благословеніи правыхъ*. И напротивъ, городъ разрушается: чѣмъ? оружіемъ враговъ? огнемъ? водою? землетрясеніемъ? — Опять не тѣмъ, а злыми словами злыхъ людей: *усты нечестивыхъ раскопается*. Какъ могущественно и благотворно, по мнѣнію Соломона, благословеніе! И какъ разрушительны слова злобныя.

Но если бы Соломонъ не открылъ сей тайны слова, въ Палестинѣ: то мы могли бы домыслиться о ней, при внимательномъ разсмотрѣніи мѣста, гдѣ теперь находимся. Была здѣсь безлюдная, ни руками человѣческими не воздѣланная, ниже слѣдами человѣческими не ознаменованная, пустыня. Но явилось здѣсь благословеніе одного праведника, или еще немногихъ съ нимъ: и совершилось то, что праведному и Богоугодному мужу предсказано Пророкомъ: *созиждутся пустыни твоя вѣчныя и будутъ основанія твоя вѣчная родомъ родовъ*; *и прозовешися здатель оградъ, и стези твоя посреди упокоиши* (Иса. LVIII. 12). Пустыня уподобилась градамъ, благоустроеніемъ и многолюдствомъ, создалась крѣпче градовъ, потому что не падала и во время неоднократнаго паденія царствующаго града; воздвиглась выше градовъ, потому что подъ сѣнь ея приходятъ обитатели градовъ и весей, приносятъ здѣсь Праведнику дары, которыхъ онъ никогда не искалъ, и честь, отъ которой всегда убѣгалъ; и все сіе дѣлаютъ потому, что видятъ на ближнихъ, испытываютъ на себѣ, какъ могущественно и благотворно благословеніе сего Праведника.

Сіе располагаетъ меня къ нѣкоторымъ размышленіямъ *о благословеніи*, которыя, можетъ быть, и для другихъ окажутся не излишними.

Благословеніе, по своему имени, происходитъ отъ благаго слова. Если же хотите доискиваться, откуда происходитъ благое слово, гдѣ первоначальный его источникъ, и глубочайшій корень его силы: то найдете, по указанію Божественнаго мудреца Іоанна, что *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово: — въ Томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ* (Іоан. I. 1. 4). Поелику человѣкъ сотворенъ по образу Божію: то изъ сего самаго заключить можно, что и въ дарѣ слова онъ получилъ нѣчто по образу творческаго Слова Божія. Святый Іоаннъ доводитъ сію мысль до высочайшей степени знаменательности, когда говоритъ, что та самая жизнь, или сила,

которая есть въ Богѣ Словѣ, содѣлалась свѣтомъ человѣковъ. Внутренній свѣтъ человѣка проявляетъ себя въ словѣ. Итакъ, поелику Богъ Слово *рече, и быша*, и притомъ *вся добра зѣло*: то не удивительно, что и человѣкъ, когда онъ находится въ возвышенномъ состояніи образа Божія, изъ полноты вѣры въ Бога Слова, Котораго *животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ*, изъ глубины благости сердечной, изрекаетъ слово, и оно дѣйствуетъ, оказывается могущественнымъ, творитъ благо.

Предложенное теперь размышленіе должно быть достовѣрно: поелику основано на непреложной истинѣ Священнаго Писанія. Но дабы кто не усомнился въ томъ, вѣрно ли изъ истины Божественной извлечено наше заключеніе: представляемъ вамъ свидѣтельство святаго Мужа, который изъ одного съ нами начала вывелъ одинаковое съ нами заключеніе. Глубокій, при всей простотѣ слова, созерцатель вещей Божественныхъ и человѣческихъ, Макарій Египетскій, о состояніи человѣка, *когда онъ еще небеснаго образа былъ причастникъ*, пишетъ слѣдующее: *доколѣ Слово Божіе было съ нимъ, и хранилъ заповѣдь, все имѣлъ*. И далѣе: *самое Слово въ немъ сущее, было ему вся, то-есть оно было ему и разумъ, и чувство, и наслѣдіе, и ученіе. Что бо Іоаннъ глаголетъ о Словѣ? Въ началѣ бѣ Слово. Видиши, что Слово было вся*. И еще: *Вся ему было Слово и доколѣ пребывалъ храняй заповѣдь, другъ былъ Богу* (Бесѣд. XII. §§ 6. 7. 8). Слово Божіе было человѣку все; въ Словѣ Божіемъ имѣлъ онъ все, говоритъ Святый Макарій. Я только договариваю: Слово Божіе было человѣку и могуществомъ его собственнаго человѣческаго слова; въ Словѣ Божіемъ имѣлъ онъ и силу благословенія. Не удивительно, если сила сія была велика: сіе напротивъ очень естественно, когда она такъ близко происходила отъ Божественнаго начала. Гораздо страннѣе было бы представлять ее столь же ограниченною въ человѣкѣ совершенномъ, какъ и въ человѣкахъ, отчужденныхъ отъ жизни Божіей.

Обыкновенный разумъ человѣческій не знаетъ духовнаго могущества слова, и даже боится догадокъ объ ономъ. Сему почти такъ и надлежитъ быть: поелику онъ беретъ образы своихъ познаній уже не съ того человѣка, который сотворенъ по образу Божію, но съ того, который, ниспадши съ сей высоты грѣхомъ, *приложися*, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ, *скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. XLVIII. 13). И сему-то

человѣку принадлежитъ и самый сей разумъ, который теперь разсуждаетъ о способностяхъ и силахъ человѣка. Какой же мудрости ожидать отъ такого разума? Онъ, какъ слѣпой, осязаетъ глазъ, и, не могши ощупать въ немъ свѣта, заключаетъ, что солнца точно также нѣтъ на небѣ, какъ нѣтъ у него въ глазахъ, и что вѣрить бытію и дѣйствію солнца и свѣта было бы суевѣріе и мечтательство. Сему слѣпцу нуженъ, да для него именно и написанъ, сей врачебный совѣтъ тайновидца: *коллуріемъ помажи очи твои, да видиши* (Апок. III. 18), вылѣчись отъ ослѣпленія грубою чувственностію; помажь око разумѣнія тонкою мазью вѣры въ духовное и Божественное: тогда будешь истинно видѣть. Притомъ, если хотимъ видѣть или познавать силу и дѣйствіе духовное: то надобно и предметомъ наблюденія избирать не людей плотскихъ, хотя они всегда въ глазахъ, но людей духовныхъ, хотя сіи не часто встрѣчаются;— людей, которые нравственнымъ очищеніемъ и самоотверженіемъ уменьшили тяжесть вещества, подавляющаго духъ человѣческій, а постояннымъ обращеніемъ ума и сердца къ Богу, приближились къ Нему, возвратились къ причастію образа небеснаго, возобновили внутреннее общеніе съ Словомъ и Духомъ Божіимъ.

Если вы, какъ должно, расположены къ сему роду наблюденія: то мнѣ не трудно показать вамъ въ опытахъ, какъ много заключается въ выраженіи Клеопы: *мужъ силенъ словомъ* (Лук. XXIV. 19). Словомъ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце. *Отъ устъ словесе* (3 Цар. XVII. 1) Иліи зависѣли роса и дождь, въ продолженіи трехъ лѣтъ съ половиною. *По глаголу Господню, егоже глагола рукою Иліиною*, горсти муки въ водоносѣ, и столь же малаго количества елея въ чванцѣ, достало на все время голода. Трикратнымъ дхновеніемъ и словомъ Иліи воскрешенъ сынъ вдовы Сарептской. Елисей исправилъ злокачественные источники Іерихонскіе, всыпавъ въ нихъ соль: но какъ всякой знаетъ, что соль не имѣетъ такой силы, то по необходимости должно заключить, что сила сего дѣйствія заключалась въ семъ словѣ Пророка: *сице глаголетъ Господь: исцѣлихъ воды сія* (4 Цар. II. 21). Словомъ Апостолъ Петръ исцѣлилъ хромаго, и воскресилъ Тавиѳу. Не собирая болѣе примѣровъ, замѣчу въ особенности, какъ ясно въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ теперь, дѣйствіе Слова Божія въ словѣ человѣческомъ, какъ-то: въ словахъ Елисея: *сице*

глаголетъ Господь, и въ словахъ Апостола Петра къ хромому: *во имя Іисуса Христа Назорея, востани и ходи*. Въ другихъ случаяхъ, повидимому, иначе, какъ-то: Тавиѳѣ тотъ же Апостолъ говоритъ какъ будто своимъ только словомъ: *Тавиѳо, востани*. Но предыдущій случай не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и здѣсь, хотя не проявляется именемъ и звуками, но дѣйствуетъ силою то же самое Слово Божіе, обитающее въ святомъ Апостолѣ.

Если же такимъ образомъ дознано, что Слово Божіе, являясь ли открыто въ устахъ человѣковъ, приближенныхъ къ Богу, или дѣйствуя сокровенно изъ сердецъ ихъ, творитъ дѣла чудесныя, нѣкоторымъ образомъ подражательныя творческимъ дѣйствіямъ Божества: то не менѣе должно быть понятно и достовѣрно, что то же Слово Божіе, чрезъ тѣхъ же людей, тѣми же способами, изрекаетъ и преподаетъ благословенія, нѣкоторымъ образомъ подражательныя дѣйствіямъ Божескаго Провидѣнія.

Итакъ благословлять, въ сильнѣйшемъ значеніи сего слова, значитъ простирать дѣйствіе Божія Слова на творенія Божіи. Благословляющій есть благою волею посредствующій между Словомъ Божіимъ и твореніемъ Божіимъ.

По сему понятію, верховный и всеобщій раздаятель благословеній, есть Іисусъ Христосъ, Ходатай Бога и человѣковъ, Богочеловѣкъ, въ которомъ *Слово плоть бысть*. Вотъ почему благословеніе было древнѣйшею чертою, которою Онъ означенъ былъ еще Патріархамъ, напримѣръ, Аврааму: *благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. XXII. 18). Вотъ почему и Апостолъ, желая изобразить благодѣянія Христовы роду человѣческому, сказалъ, что Богъ Отецъ *благословилъ насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ* (Еф. I. 3). Вотъ почему и мы, преподавая наше заимственное благословеніе, обыкновенно употребляемъ имя Іисуса Христа, въ особенности, или въ составѣ имени Пресвятыя Троицы, и крестное знаменіе Христово.

Изъ преподавателей заимственнаго благословенія, родители суть нѣкоторымъ образомъ естественные посредники между творческимъ Словомъ и своими дѣтьми: поелику нѣкоторымъ образомъ довершили надъ ними дѣло созданія, произведя ихъ на свѣтъ. Вотъ почему естественно важно и сильно благословеніе родительское, особенно же, если благочестіемъ возвышается до силы благодатной. Въ семъ родѣ удивительны благосло-

венія Патріарховъ. Напримѣръ, благословеніе Сима Іафету: *да распространитъ Богъ Іафева* (Быт. IX. 27), теперь, послѣ нѣсколькихъ тысячь лѣтъ, какъ сильно еще дѣйствуетъ въ потомкахъ Іафета, Европейцахъ, которые не престаютъ распространять во всѣ страны свѣта свои поселенія, торговлю, власть, религію, нравы.

Священникъ есть раздаятель благословенія, по чину благодатнаго тайноводства. Еще въ первоначальномъ постановленіи о законномъ священствѣ, Богъ сказалъ священникамъ: *благословите сыны Израилевы* (Числ. VI. 23). И паки о нихъ же: *да возложатъ имя Мое на сыны Израилевы, и Азъ Господь благословлю я* (27). И въ Новомъ Завѣтѣ, когда Господь повелѣлъ Апостоламъ, и преемникамъ ихъ служенія до скончанія вѣка, учить, крестить, вообще тайнодѣйствовать, *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. XXVIII. 19), Онъ положилъ чрезъ сіе въ нихъ силу Своего благословенія, и далъ имъ власть преподавать оное. По сему судите, достойно ли вниманія благословеніе священства. Не о томъ думайте, какою рукою, или въ какомъ сосудѣ, но какой Божественной Лозы духовное вино подается вамъ, чрезъ благословеніе служителя Христова.

Впрочемъ и то справедливо, что *аще кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь освященъ и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое благое дѣло уготованъ* (2 Тим. II. 21). Посему Святые, какъ сосуды вѣрою и духовными подвигами очищенные, благодатію исполненные, любовію отверзаемые и преливающіеся, суть не столько почерпатели и раздаятели благословенія, на время, по должности, по нуждѣ, сколько живые потоки благословеній, неистощимо текущіе и орошающіе. Благословеніе Христово непрестанно ліется въ нихъ, и преливается чрезъ нихъ, *яко мѵро на главѣ, сходящее на браду, браду Ааронѣ, сходящее на ометы одежды его: яко роса Аермонская, сходящая на горы Сіонскія: яко тамо заповѣда Господь благословеніе и животъ до вѣка* (Псал. CXXXII. 2. 3). Оно изливаетъ свѣтъ и миръ въ души, цѣльбу въ тѣла, благоспѣшество въ начинанія и дѣла, благоустройство въ мѣста, невидимую, но богато и разнообразно плодотворную небесную росу на землю.

Іудеевъ посылали за благословеніемъ въ Іерусалимъ, на горы Сіонскія: *яко тамо заповѣда Господь благословеніе* (Псал. CXXXII. 3). Колико благополучнѣе мы, Христіане! Для насъ

оно и болѣе открылось, и болѣе приближилось. И тамо и здѣсь заповѣда Господь благословеніе. Уразумѣемъ же благословеніе.

Какъ вожделѣнно должно быть то, чего самъ вседовольный Богъ желаетъ! А Онъ желаетъ, Онъ требуетъ Себѣ отъ насъ, и отъ всѣхъ Своихъ твореній, благословенія: *благословите Господа вси раби Господни* (Псал. CXXXIII. 1). *Благословите Господа вси Ангели Его; благословите Господа вся дѣла Его* (Псал. CII. 20. 22). Возлюбимъ же и мы благословеніе, и во-первыхъ, собственно Христово благословеніе.

Преклонимъ сердце и предъ всякимъ благословеніемъ святыни, по той же причинѣ, что въ ономъ исходитъ благословеніе Бога Слова.

Родители! не забывайте благословлять дѣтей своихъ любящимъ сердцемъ, и старайтесь возвысить силу вашего естественнаго благословенія, привлекая благочестіемъ и вѣрою силу благодатную.

Дѣти! дорожите благословеніемъ родителей тысячекратно болѣе, нежели прочимъ наслѣдствомъ: ибо чрезъ оное, по вѣрѣ, можете получить благословеніе Отца, *изъ Негоже всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Ефес. III. 15). *Дѣломъ и словомъ чти отца твоего и матерь, да найдетъ ти благословеніе отъ нихъ. Благословеніе бо отчее утверждаетъ домы чадъ* (Сир. III. 8. 9).

Поелику во всякомъ неложномъ благословеніи чрезъ благословляющаго человѣка сокровенно течетъ благотворное Слово Божіе: то помыслимъ, братія, какую духовную выгоду имѣемъ мы, когда благословляемъ. Тогда, какъ мы отверзаемъ сердце наше человѣку, подавая благословеніе, Богъ Слово изнутри отверзаетъ входъ въ сердце наше Своему благословенію. Подавая человѣку, мы пріобрѣтаемъ отъ Бога. Посему примемъ какъ духовное благодѣяніе, и будемъ искренно исполнять, и сію Христіанскую заповѣдь: *благословляйте гонящія вы; благословите, а не кляните* (Римл. XII. 14). Вѣрное исполненіе сего вѣрно содѣлаетъ насъ благословенными Отца Небеснаго, которыхъ Іисусъ Христосъ призоветъ наслѣдовать уготованное таковымъ Царствіе отъ сложенія міра. Аминь.

CLVII.

102. Слово

по освященіи храма Святыя Равноапостольныя Маріи Магдалины, въ Градской больницѣ. [1])

(Говорено іюля 22 дня; напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1836 года и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

И нынѣ се на небесѣхъ послухъ мой, свидѣтель же ми во вышнихъ. Да пріидетъ моя мольба ко Господу, предъ Нимже да каплетъ око мое. Іов. XVI 19. 20

Прозорливость и человѣколюбіе подвиглись, и побудили Власть устроить домъ врачеванія для больныхъ, которые не могли бы пользоваться симъ пособіемъ въ своихъ жилищахъ: дѣло, которое само говоритъ о своемъ достоинствѣ. Но я слышу, что еще говорила при семъ Власть благочестивая. Сего не довольно, сказала она. Больница, потребности жизни, лѣкарства, врачи,—это еще не все, что нужно для больныхъ. Для нихъ нуженъ еще домъ молитвы; для нихъ должны быть въ близкой готовности пособія вѣры.

Чѣмъ же на сіе будетъ отвѣтствовать служитель Вѣры? Безъ сомнѣнія, радостію и благодарною къ Богу молитвою за Вѣнценоснаго Благодѣтеля страждущаго человѣчества, и Его же духомъ одушевляемыхъ исполнителей воли Его. При томъ, думаю, къ обязанности же служителя Вѣры отнесено быть можетъ, чтобы дать нѣкоторый отчетъ въ благочестивой мысли, которая столь благодѣтельно исполнена.

Итакъ утверждаю, что какъ въ болѣзняхъ, такъ вообще въ несчастіяхъ, никакія средства и пособія недостаточны безъ Религіи. Одна Религія, и притомъ откровенная, примиряетъ

---

[1]) Сіе слово, равно какъ напечатанныя далѣе подъ №№ CLXXIII, CLXXIV, CLXXVII и CLXXVIII, по обязательному дозволенію О. Ректора Кіевской Дух. Семинаріи Протоіерея Ф. А. Сергіевскаго, мы имѣли возможность сличить съ рукописями самаго автора, хранящимися въ библіотекѣ Семинаріи.

умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его. Религія приноситъ полное утѣшеніе бѣдствующимъ. Религія подаетъ рѣшительныя врачевства противъ бѣдствій.

Не трудно встрѣчаться съ добромъ и благополучіемъ. Сердце и чувство ими довольны: не за что и разуму спорить противъ оныхъ. Но когда зло и бѣда у насъ предъ глазами, хотя и не на насъ нападаютъ: одинъ сей видъ поражаетъ чувство и сердце; и если среди сего пораженія возстаетъ размышляющій умъ, онъ мучитъ себя вопросами: зачѣмъ зло въ мірѣ всеблагаго Бога, безпорядокъ въ дѣлахъ Премудраго, разрушеніе въ твореніи Всемогущаго? Сколько вѣковъ боролся съ сими недоумѣніями естественный разумъ человѣческій, и не могъ одолѣть оныхъ! Въ какой мракъ, въ какія нелѣпости впадалъ онъ, желая изъяснить происхожденіе зла! Онъ догадывался, не въ грубомъ ли веществѣ или тѣлесности заключается причина тьмы, зла и грѣха, и, дабы отъ сихъ недостойныхъ произведеній освободить Божество, представлялъ себѣ вещество вѣчнымъ и несотвореннымъ отъ Бога. Вообразилъ себѣ злое начало, независимое и равносильное доброму началу, то есть, Божеству. Выдумалъ неумолимый рокъ, или слѣпую судьбу, которая безъ разбора обрекаетъ существа на зло или добро, такъ что самое Божество не можетъ сему препятствовать. Какъ будто можетъ быть вѣчнымъ вещество, которое мы ежеминутно видимъ разрушающимся! Какъ будто вѣчная матерія, злое начало, неумолимый рокъ суть что нибудь больше, нежели мечты и выдумки, и притомъ такія выдумки, которыхъ нельзя принять безъ того, чтобы не отринуть важной и коренной истины, именно, понятія о безпредѣльномъ совершенствѣ и всемогуществѣ Божества! Какъ будто зло дѣлалось отъ того или понятнѣе, или сноснѣе, что переименовывали оное злою матеріей, злымъ началомъ, злымъ рокомъ! Такъ бился разумъ человѣческій въ темномъ и тѣсномъ чувственномъ мірѣ, какъ цыпленокъ въ яйцѣ, и не могъ пробить скорлупы. Въ такомъ состояніи были мудрецы и любители мудрости, слѣдственно и всѣ почти люди, доколѣ не ознакомились съ откровенною Религіею, долго таившеюся въ небольшомъ уголкѣ земли, откуда совсѣмъ не ожидали свѣта, долженствующаго просвѣтить вселенную. Явилось Христіанство: и нелѣпости оказались нелѣпостями, темное объяснилось, несносное облегчилось. Теперь поняли, что зло произошло первоначально отъ злоупотребленія свободы существами

сотворенными, слѣдственно не дѣлаетъ нареканія Творцу міра, Который въ дарѣ свободы былъ великъ и щедръ, а злоупотребленію ея непричастенъ; теперь узнали, что Богъ имѣетъ средства искупить человѣка отъ зла, коему сей добровольно себя продалъ за чувственное удовольствіе, слѣдственно зло не дѣлаетъ нареканія и Провидѣнію Божію о мірѣ; теперь получили вѣрную надежду, что зло, и въ человѣкахъ, и въ природѣ будетъ рѣшительно побѣждено, а добро возвышено, и блаженство утверждено на вѣки Хрістомъ Спасителемъ, слѣдственно и при видѣ зла и бѣдствія можно благодушествовать, подобно какъ земледѣлецъ не отчаявается зимою, зная, что посѣвъ его не совсѣмъ убитъ холодомъ, а воскреснетъ весною, или какъ садовникъ не сердится весною на горькіе и терпкіе плоды, зная, что будутъ мягки и вкусны лѣтомъ и осенью. Такъ одна Религія, и притомъ откровенная, примиряетъ умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его.

Если трудно быть и зрителемъ бѣдствій: то конечно еще труднѣе испытывать оныя на себѣ самомъ. Но какъ иногда нельзя миновать ихъ: то надобно же какъ нибудь умѣть обходиться съ ними. Вопль и рыданіе, безъ сомнѣнія, не есть наилучшій способъ бесѣдовать съ несчастіемъ: найдите же другой, болѣе сообразный съ достоинствомъ разумнаго и свободнаго существа, но также сообразный и съ возможностію бѣдствующаго; иначе сказать, изыщите средства утѣшенія. Здѣсь-то желалъ бы я испытать сію гордую Философію, которая думаетъ, не инымъ чѣмъ, какъ только мудрствованіемъ собственнымъ, сдѣлать человѣка благополучнымъ и независимымъ отъ внѣшнихъ приключеній. Послалъ бы ее, напримѣръ, въ больницу, испытать силу ея мудрованія. Что скажетъ она страждущему? — «Будь великодушенъ; ты страждешь по дѣйствію причинъ естественныхъ, по законамъ природы, отъ которыхъ не можешь освободиться, будучи звѣномъ въ цѣпи существъ и перемѣнъ». — Какъ вы думаете, будетъ ли отъ того больному легче или пріятнѣе, когда онъ узнаетъ, что страждетъ по причинамъ и законамъ? Не почувствуетъ ли, напротивъ, онъ себя болѣе прежняго отягченнымъ узами причинъ и законовъ, изъ коихъ нельзя вырваться?—Или, положимъ, что Философія, смотря на больнаго съ нравственной стороны, скажетъ:—«вѣроятно, ты самъ привлекъ болѣзнь какими нибудь излишествами, неправильностями, неосторожностію: переноси же великодушно то,

чего самъ причиною». — Опять спрашиваю: достаточно ли сіе разсужденіе для утѣшенія страждущаго? Не можетъ ли онъ сказать такому утѣшителю: ты удвояешь мое несчастіе, представляя меня несчастнымъ и физически и нравственно? — Что еще можетъ сказать страждущему Философія?—«Терпи; если не врачеваніе, то смерть прекратитъ страданія».—Но если на семъ она остановится, — а она принуждена остановиться на семъ, потому что не видитъ далѣе: то скорѣе призоветъ отчаяніе, нежели отраду. Отстранимъ суетную мудрость человѣческую, которая много обѣщаетъ, но мало можетъ. Приди, Премудрость Божія; помоги, Божественная Религія. Ты можешь сказать страждущему, что его бѣдствіе или послано, или допущено небеснымъ Отцемъ милосердымъ; что слѣдственно бѣдствіе не безъ нужды, не безъ правды, не безъ пользы, ибо такого не попустилъ бы такой Отецъ; что Онъ милуетъ и тогда, когда поражаетъ, и готовъ ежеминутно даровать облегченіе, по способности пріемлющаго, сообразно съ истиннымъ благомъ его. Ты можешь увѣрить, что страданіе можетъ быть велико, но не можетъ быть несносно, по реченному: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. X. 13). Если болящій отъ того боленъ, что грѣшенъ и, слѣдственно, сугубо несчастенъ: ты можешь подать ему и сугубое утѣшеніе, именно: для скорби душевной—надежду прощенія грѣховъ, по вѣрѣ и покаянію; для болѣзни тѣлесной — надежду исцѣленія, вслѣдствіе прощенія грѣховъ, или же то увѣреніе, что Врачь душъ и тѣлесъ употребитъ болѣзнь какъ средство очищенія, обратитъ болѣзнь тѣла во врачество души чрезъ подвигъ терпѣнія, и что слѣдственно, надобно благодушно принимать страданіе болѣзни, какъ благодушно принимаютъ горькое лѣкарство, въ пользѣ котораго увѣрены. Ты, безсмертная Религія, можешь изъ самой горькой мысли о смерти извлечь сладкое утѣшеніе ибо ты видишь въ ней не конецъ только настоящаго, но и начало будущаго,—не предѣлъ, но продолженіе, не закрытіе зрѣлища, но открытіе лучшаго,—не мрачную бездну, въ которую на-удачу можетъ броситься отчаяніе, но область свѣта, куда благонадежно можетъ вступить вѣра, гдѣ претерпѣвшихъ до конца ожидаетъ не только прекращеніе бѣдъ, но и наслажденіе благъ, и выше всякаго понятія щедрое воздаяніе за терпѣніе. Наконецъ, въ основаніе и совершеніе всѣхъ

утѣшеній, ты, Религія Хрістова, можешь указать страдальцу на великаго Мужа болѣзней, *Который язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша*, Который понесъ *наказаніе міра нашего*, Котораго *язвою мы исцѣлѣхомъ* (Иса. LIII. 5). Тѣ, которые истинно познали Его въ вѣрѣ и любви, знаютъ, какъ не только возможно безъ ропота и нетерпѣливости, но даже какъ сладостно, переносить страданія въ общеніи страданій Его, съ помощію Его, при видѣ примѣра Его, изъ благодарности къ Нему, изъ любви къ Нему. Отъ нихъ-то слышимъ, столь невѣроятныя для мудрованія плотскаго, но и столь ободрительныя для мудрованія духовнаго, изъявленія внутреннихъ ощущеній: *хвалимся въ скорбѣхъ* (Рим. V. 3). *Радуюся во страданіихъ моихъ* (Кол. 1. 24). *По множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Пса. XCIII. 19). *Якоже избыточествуютъ страданія Хрістова въ насъ: тако Хрістомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. I. 5). Такъ полно и совершенно утѣшеніе, которое страждущій или бѣдствующій можетъ обрѣсти въ Религіи.

Надобно ли, сверхъ облегчительнаго пособія, рѣшительное врачевство противъ бѣдствій? И оно вѣрнѣе обрѣтается въ Религіи, нежели гдѣ либо индѣ. Есть болѣзни, отъ которыхъ врачебная наука отказывается; есть бѣдность, отъ которой не избавляетъ никакое трудолюбіе; есть скорби отъ несправедливости, которыхъ не можетъ пресѣчь никакое правосудіе человѣческое, по той весьма достаточной причинѣ, что человѣкъ не всевѣдущъ и не всемогущъ. Для Религіи нѣтъ подобныхъ препонъ и ограниченій. Ея сила есть сила Всемогущаго, Который *мертвитъ и живитъ*, *низводитъ во адъ и возводитъ*, *убожитъ и богатитъ*, *смиряетъ и выситъ* (1 Цар. II. 6. 7); Который *исцѣляетъ всякъ недугъ и всяку язу* (Мат. IV. 23). Ту самую силу, которою благодѣтельствовалъ и чудодѣйствовалъ Іисусъ Хрістосъ, изліялъ Онъ въ души Святыхъ, заключилъ въ своемъ Словѣ и въ таинствахъ, и отъ сихъ сокровищницъ ея далъ ключи вѣрѣ и молитвѣ. *Вся возможна вѣрующему* (Мар. IX. 23).

Дабы сличить настоящія размышленія съ опытомъ, вспомните Іова, котораго и нельзя почти не вспомнить въ обители болящихъ. Нападеніе грабителей, истребительный огнь небесный, разрушительная буря, потеря стадъ, рабовъ, дома, дѣтей, —

сколько стрѣлъ въ одну цѣль! Сколько бѣдъ на одну голову! Несчастіе, великое само въ себѣ, дѣлала еще большимъ великость прежняго счастія. Удары, сносные порознь, до чрезмѣрности усиливала многочисленность и внезапность. Но праведникъ устоялъ: потому что стоялъ посредствомъ Религіи въ Богѣ. *Яко Господеви изволися, тако бысть*: сказалъ онъ (Іов. I. 21). Изобрѣтатель зла [1]) нашелъ средство еще увеличить бѣдствіе: *и порази Іова гноемъ люпымъ отъ ногъ даже до главы*. Не было для него ни дома, ни больницы: *сѣдяше на гноищи внѣ града*. Оставалась у него жена: но не для помощи, а для новаго искушенія; она вздумала его учить отчаянію: *рцы глаголъ некій ко Господу, и умри* (Іов. II. 7—9). Посѣтили его друзья: но ихъ слова были не пластырь на его раны, а еще новыя стрѣлы обличеній неправедныхъ. Что же? Тулъ діавола истощился, но щитъ праведника не пробитъ. Какой щитъ?— Тотъ же, что у Апостола: *щитъ вѣры* (Ефес. VI. 16). Сей щитъ поставляетъ онъ противъ стрѣлъ неправедныхъ обличеній, когда говоритъ: *се на небесѣхъ послухъ мой, свидѣтель же ми во вышнихъ*. Въ молитвѣ ищетъ онъ себѣ утѣшенія и врачеванія: *да пріидетъ мольба моя ко Господу, предъ Нимъ же да капнетъ око мое*. Человѣческая мудрость въ Елифазѣ, Валдадѣ, Софарѣ, Еліусѣ постыждена. Религія въ Іовѣ побѣдила рѣшительно. *Господь же возрасти Іова. И даде Господь сугубая, елика бяху прежде Іову, во усугубленіе* (Іов. XLII. 10).

Христе Господи! Твоя благодать торжествовала въ Іовѣ надъ всякимъ зломъ, во образъ Твоихъ побѣдоносныхъ страданій. Она же и теперь облегчаетъ подвигъ Іова: ибо теперь его не повергаютъ на гноищѣ внѣ града, но даютъ ему благоустроенную обитель, призрѣніе, врачеваніе, утѣшеніе вѣры, и все сіе ради Тебя, Который къ Себѣ Самому отнесъ подобныя дѣла человѣколюбія, когда рекъ: *боленъ бѣхъ, и посѣтисте Мене* (Матѳ. XXV. 36).

Благословенна Вѣра Твоя, святая, могущественная и спасительная! Пріими и благослови сію обитель, какъ жертву, Ей и Тебѣ принесенную.

Всякій же болящій да вѣруетъ, *и молитва вѣры спасетъ болящаго* (Іак. V. 15).

---

[1]) Въ рукописи автора: золъ.....

И всякій бѣдствующій да вѣруетъ, и будутъ *вся возможна вѣрующему*, во славу Начальника и Совершителя вѣры Іисуса Христа, нераздѣльную со славою Отца и Святаго Духа. Аминь.

CLVIII.

103. Бесѣда

о нашемъ житіи на небесѣхъ [1]).

(Напечатана въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Наше бо житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа, иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его. Филипп. III. 20 21.

Какъ бы ни пріятно кто жилъ на сей темной землѣ: однако никто, надѣюсь, не станетъ спорить, что несравненно пріятнѣе должно быть житіе на свѣтлыхъ небесахъ, если туда кто можетъ переселиться.

---

[1]) Въ указ. въ Чт. Общ. Люб. Дух. Пр. по неизвѣстной намъ рукописи озаглавлено: Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы въ Успенскомъ Соборѣ. Начало слова въ рукописи читается такъ: «Нынѣшній праздникъ поставляетъ (насъ?) на краю всего земнаго, въ преддверіи отверстаго неба.

Если по вознесеніи Господнемъ на небо Апостолы стояли неподвижно съ устремленными туда взорами, какъ бы ничего не оставалось для нихъ на земли: то что осталось на ней послѣ того, какъ и Матерь Господа нашего сокрылась отъ земли, вознесясь невидимо путемъ Сына своего въ Его Божественную славу? Не хочется оглянуться на землю, когда видимъ, что все благое, святое, божественное, какъ молнія возблиставъ надъ нею мгновенно, какъ молнія же скрывается внезапно.

Я готовъ бы тосковать теперь, но Церковь велитъ праздновать. И сіе безъ сомнѣнія потому, что приведя насъ къ краю всего земнаго, въ то же время она вводитъ насъ въ преддверіе неба, открываетъ предъ нами лѣствицу небесъ, по которой недавно взошла живая лѣствица божества, — хощетъ, чтобы мы вошли туда очищеннымъ умомъ, прежде нежели удостоимся взойти воскресшимъ духомъ и прославленнымъ тѣломъ, и чтобы необманчивымъ созерцаніемъ дознали радостную истину апостольскаго слова, что *наше житіе на небесѣхъ есть, отонуду же и Спасителя ждемъ, Господа нашего Іисуса Христа, Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его.*

Посему не достойна ли полнаго вниманія нашего вѣсть, которую слышимъ отъ Апостола о житіи на небесахъ, что оно дѣйствительно есть, и даже что оно для насъ не чуждо? *Житіе наше на небесѣхъ есть.*

Небесный житель, который, видно, еще живя на земли обладалъ небеснымъ житіемъ, потому что все земное пренебрегъ и оставилъ, и потому что еще тогда силу небесной жизни проявлялъ въ себѣ духовною прозорливостію, исцѣленіями, властію надъ преисподними силами, Преподобне Отче Сергіе! Твоею молитвою и благословеніемъ споспѣшествуй намъ возвести помышленія и сердца наши къ небесному житію, да не погрязнемъ въ суетѣ житія земнаго.

Разуму земному страннымъ показаться можетъ Апостольское возвѣщеніе, что *житіе наше на небесѣхъ есть.* Онъ скажетъ: и птицы небесныя не на небесахъ живутъ, хотя мы уступаемъ имъ преимущественно называться *небесными*; мы меньше птицъ можемъ отдѣлять себя отъ земли. Наша жизнь стоитъ на землѣ, какъ на основаніи; питается земною пищею; покрывается земною одеждою; укрывается въ земномъ жилищѣ. Какъ же можно сказать, что *житіе наше на небесѣхъ есть?* Иное дѣло, если бы сказано было: житіе наше на небесѣхъ будетъ. Но и сіе кому извѣстно? А то какъ возможно?

Вы оправдаете меня, братія, въ томъ, что я не соглашусь поправлять, или ослаблять словъ Апостольскихъ въ угодность непонимающихъ. Я стою твердо въ Апостольскомъ увѣреніи, что *житіе наше на небесѣхъ есть.* Чтобы сдѣлать истину сію внятною и ощутительною, надлежитъ различить и сравнить жизнь временную и вѣчную, тѣлесную и духовную.

Если бы городскаго жителя, во время путешествія, въ полѣ, или въ деревнѣ, спросили: гдѣ онъ живетъ? безъ сомнѣнія, онъ не сказалъ бы: вотъ здѣсь на дорогѣ, или вотъ здѣсь въ сельской гостиницѣ; но сказалъ бы, что живетъ въ городѣ, гдѣ у него домъ и семейство, хотя бы во время вопрошенія и далеко былъ отъ города. И справедливо: ибо мы живемъ не тамъ, гдѣ случайно странствуемъ, гдѣ ночуемъ въ постояломъ домѣ, но гдѣ имѣемъ постоянное пребываніе. Примѣните сіе къ Апостолу: и просто будетъ его необычайное по первому виду изреченіе. Святый Павелъ жизнь временную представлялъ только странствованіемъ, землю — не больше, какъ постоялымъ домомъ; какъ мысль странника упреждаетъ его, и находится уже въ

домѣ, когда онъ еще на пути, такъ сердце Апостола, во время земнаго странствованія, было уже тамъ, идѣже есть сокровище его, гдѣ Богъ живетъ во свѣтѣ, гдѣ Христосъ царствуетъ во славѣ, гдѣ обители Святыхъ и жизнь ихъ истинная и вѣчная Такъ онъ мыслилъ и чувствовалъ, такія мысли и чувствованія предполагалъ и во всѣхъ Христіанахъ, какъ участникахъ той же вѣры, какъ наслѣдникахъ той же вѣчной жизни: и потому не о себѣ только, но вмѣстѣ съ собою и о всѣхъ насъ увѣрительно сказалъ: *житіе наше на небесѣхъ есть.*

Какъ жизнь временная есть едва примѣтное мгновеніе предъ вѣчною: такъ жизнь тѣлесная, или чувственная, едва заслуживаетъ названіе жизни въ сравненіи съ духовною. Святый Апостолъ, тогда какъ возвѣщаетъ житіе небесное, съ горестію и негодованіемъ отвергаетъ преобладающую въ нѣкоторыхъ людяхъ жизнь тѣлесную или чувственную. *Мнози бо ходятъ, ихже многажды глаголахъ вамъ, нынѣ же и плача глаголю, враги креста Христова, имже кончина погибель, имже богъ чрево, и слава въ студѣ ихъ, иже земная мудрствуютъ* (Фил. III. 18. 19) И не духовный человѣкъ оскорбится, если ему скажутъ, что онъ живетъ только чревомъ: такъ низко думаютъ о чревѣ и о жизни чрева даже и такіе люди, которые не духовно мыслятъ. Но если всякій поклонникъ безъ сомнѣнія много ниже своего Божества: то подумайте, какъ низки люди, *имже богъ чрево,* которые идолу чувственнаго наслажденія приносятъ въ жертву время и жизнь, тѣло и душу, дары природы и пріобрѣтенія въ мірѣ! Если это жизнь, то развѣ скотская: а жизни человѣческой, кольми паче Христіанской, ни искры тутъ нѣтъ. Какая же быть можетъ жизнь, которую намъ не стыдно было бы назвать нашею жизнію? скажутъ ли: жизнь сердца? или: жизнь разума? На сіе скажу относительно жизни сердца, что, если она не возвышена особеннымъ средствомъ, то близко граничитъ съ жизнію чувственности, и потому легко низвергается въ ту же пропасть низости, которую мы не давно указали; или же удобно переходитъ въ жизнь звѣря, который находитъ удовольствіе въ томъ, что терзаетъ; что касается до жизни разума, кромѣ того, что она съ трудомъ, и-то въ немногихъ, восходитъ до нѣкоторой высоты, земный разумъ также виситъ надъ пропастью чувственности, и нѣтъ въ природѣ человѣческой силы, которая была бы достаточна безопасно поддержать его. Почему Апостолъ, тѣхъ, *иже земная мудрствуютъ*, ставитъ

рядомъ съ тѣми, *имже богъ чрево и слава въ студъ ихъ*, то есть, которые, предавшись чувственности, полагаютъ славу въ дѣлахъ постыдныхъ, и *имже кончина погибель* Какая же, спрошу еще разъ, быть можетъ жизнь, которую мы могли бы назвать нашею, не подвергаясь стыду и опасности?—Не иная, какъ только жизнь духа,—жизнь, въ которой *уды сущіе на земли*, то есть чувственныя похоти и страсти, *умерщвляются* крестомъ Христовымъ, то есть чрезъ повиновеніе заповѣдямъ Его, и чрезъ послѣдованіе примѣру Его,—жизнь, въ которой *разумъ пльняется въ послушаніе вѣры*, и отъ нея получаетъ и чистый свѣтъ, дабы видѣть истину, и силу, дабы непоколебимо стоять въ оной,—жизнь, въ которой *вселяется Христосъ вѣрою въ сердца* человѣковъ, *и любовію дѣйствуетъ* въ нихъ къ миру внутреннему, къ благополучію внѣшнему, къ благоустройству общественному, къ блаженству вѣчному. Сія жизнь не есть земная, потому что она земное умерщвляетъ; не есть земная, потому что раждается отъ сѣмени небеснаго и Божественнаго. Она есть небесная жизнь, потому что хотя сѣется на земли, но растетъ въ небо, и даже превыше небесъ, она есть небесная, еще прежде окончанія видимой жизни земной, потому что намъ *возвѣщенъ животъ вѣчный, иже бѣ у Отца, и явися намъ*, и въ слѣдствіе сего есть *общеніе наше со Отцемъ и съ Сыномъ Его Іисусомъ Христомъ* (1 Іоан I. 2. 3), есть *общеніе Святаго Духа со всѣми нами* (2 Кор. XIII. 13); а сіе общеніе, безъ сомнѣнія, есть небесное и пренебесное.

Познаемъ, возчувствуемъ, Христіане, достоинство Христіанства. Повѣримъ возвѣщенію Апостольскому, уразумѣемъ сіе возвѣщеніе, возрадуемся о семъ возвѣщеніи, что *житіе наше на небесѣхъ есть*. И если между тѣмъ устрашаютъ насъ превратности жизни временной, озабочиваютъ нужды жизни тѣлесной, возмущаютъ искушенія плоти, да возводимъ взоры наши отъ темной и коловратной земли къ свѣтлому и неподвижному небу, *отонудуже и Спасителя ждемъ, Господа нашего Іисуса Христа*, Который и превратности времени, и нужды тѣла, и искушенія плоти окончательно прекратитъ, когда *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его*, что предначалъ Онъ для насъ, и въ чемъ обнадеживаетъ насъ Своимъ преображеніемъ, воскресеніемъ, вознесеніемъ.

Житіе наше на небесѣхъ есть! Въ семъ Апостольскомъ сло-

вѣ, подаю вамъ, чада Церкви воинствующей, оружіе противъ многаго, что̀ сражается съ вами на земли.

Тяготитъ тебя печаль о добромъ и возлюбленномъ умершемъ Скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть*; не благоразумно было бы разслаблять себя на пути печалію о томъ, кто упредилъ насъ; лучше напрягать силы и вниманіе, чтобы вѣрнымъ путемъ идти туда, гдѣ житіе обоихъ.

Искушаетъ тебя любовь къ земнымъ вещамъ и желаніе многаго пріобрѣтенія. Скажи опять· *житіе наше на небесѣхъ есть*, а здѣсь мы путешествуемъ; не надобно путешественнику слишкомъ увеличивать ношу путеваго запаса; нелѣпо было бы останавливаться на дорогѣ, и строить себѣ великолѣпный домъ для ночлега.

Обижаютъ тебя, лишаютъ собственности, чести, награды. Еще скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть*; тамъ наши сокровища некрадомыя, вѣнцы нетлѣнные, воздаянія вѣчныя. Не нужно заботиться много, если отнимаютъ лепту на пути; позаботимся лучше, чтобы сохранить безцѣнное наслѣдіе въ домѣ Отца небеснаго.

Такъ сильною мыслію о небесномъ, вѣрою въ небесное, любовію къ небесному, надеждою небеснаго возмогай, земнородный, надъ земнымъ и преисподнимъ; и подвизайся непрестанно, да будетъ въ тебѣ небо Благодатію, да будешь наконецъ ты въ небѣ со славою вѣчною. Аминь.

CLIX.

104. Слово [1]

по освященіи храма Святыя Великомученицы Екатерины, при Московской Екатерининской больницѣ.

(Говорено въ 20 день августа; напечатано отдѣльно, въ Христіанскомъ Чтеніи 1833 года и собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

Есть же во Іерусалимѣхъ овчая купель, яже глаголется Еврейски Виѳезда, пять притворъ имущи. Въ тѣхъ слежаше множество болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды. Іоан. V. 2. 3.

Въ сихъ словахъ Евангелія видимъ древнѣйшую изъ градскихъ больницъ.

Похвалимъ человѣколюбіе Іудеевъ, которые для множества болящихъ создали пять *притворовъ*, или галлерей, и дали приличное сему мѣсту имя: *Виѳезда*, то есть *домъ милосердія*; хотя впрочемъ не знаемъ, правительству или народу должна достаться сія похвала.

Врачебное средство было тамъ одно: не человѣческимъ искусствомъ приготовленная баня въ овчей купели.

Вмѣсто врача, приходилъ въ сію больницу Ангелъ. *Ангелъ бо Господень схождаше.*

Сей необыкновенный врачь исцѣлялъ рѣшительно, и ни одинъ больной не былъ у него записанъ въ спискѣ неизлѣчимыхъ. *Здравъ бываше, яцѣмъ же недугомъ одержимъ бываше.*

Не правда ли, это было прекрасное заведеніе? Но покажемъ и ту сторону онаго, которая не такъ свѣтла.

Небесный врачь посѣщалъ порученную ему больницу не ежедневно, какъ земные врачи, а только однажды въ годъ. *Ангелъ бо Господень на всяко лѣто схождаше.*

Исцѣленіе было рѣшительное, но каждый годъ получалъ оное одинъ только человѣкъ. *Иже первѣе влазяше по возмущеніи воды, здравъ бываше.*

---

[1]) Въ отд. изд. и въ собр. 1835 г.: Бесѣда.....

Не всякій больной имѣлъ силу дойти до возмущенной воды, а тѣмъ менѣе упредить другихъ. Не доставало прислужниковъ или сердобольныхъ людей для помощи безсильнымъ. Отъ того нѣкоторый разслабленный тридцать восемь лѣтъ безполезно лежалъ въ сей больницѣ, доколѣ не явился Господь стихій, временъ и Ангеловъ, Которому не нужно было ни мутить воды, ни ждать годоваго срока, ни призывать Ангела, а довольно было сказать разслабленному: *востани, возми одръ твой, и ходи.*

Какой есть исцѣленія образъ сей? Какое намъ таинство являетъ? — вопрошаетъ Святый Златоустъ, указуя на Евангельское сказаніе объ овчей купели. А кто позволитъ болѣе смѣлости своему естественному разуму, любящему вмѣшиваться въ дѣла Провидѣнія, которыя выше его: тотъ можетъ еще сказать: какое странное соединеніе и чудесной силы, исцѣляющей всякую неизлѣчимую болѣзнь, и скудости сея силы, не простирающейся далѣе исцѣленія одного человѣка;—и щедрости, приготовляющей цѣлый водоемъ врачевства, и бережливости, не дающей болѣе одного, рѣдкаго пріема онаго;—и Ангела и воды, какъ будто цѣлебной силѣ Ангела нужна вода, которая впрочемъ, какъ всѣ знаютъ, не есть всеобщее врачевство. Но послушаемъ, что на сіи недоумѣнія отвѣтствуетъ Святый Златоустъ. *Не просто бо*, говоритъ онъ, *и не туне сіе написано есть: но будущія вещи аки на образъ и изображеніи напишетъ намъ: дабы зѣло необычайное и нечаянно пришедшее дѣло не повредило у многихъ силы вѣры. Что убо есть, еже напишетъ? Имѣло нѣкогда крещеніе даятися, многую силу и даръ великій содержащее, крещеніе вся грѣхи очищающее, и вмѣсто мертвыхъ живыми творящее. И такъ все сіе чрезъ купель, и чрезъ другія многія воды, какъ бы чрезъ образъ, ясно означается.* До здѣ Святый Златоустъ (На Іоан. Бесѣд. 36).

Осмѣлимся продолжить сіе изъясненіе. Надобно было на опытѣ показать погруженіе въ воду, уничтожающее всякую болѣзнь, чтобы приготовить умы къ открытію крещенія въ водѣ, уничтожающаго всѣ грѣхи. Надобно было въ ощутительномъ явленіи движенія воды дать примѣтить благотворное надъ нею дѣйствіе Ангельскаго духа, дабы сдѣлать менѣе невѣроятнымъ новотворное и возродительное въ водѣ крещенія дѣйствіе Духа высшаго, нежели Ангельскій, Духа собственно Божія. Надобно было, чтобы благотворная сила овчей купели подавалась только

тому, кто ревностнымъ стремленіемъ къ исцѣленію оставляетъ позади себя всѣхъ прочихъ: дабы и въ семъ явленъ былъ образъ купели крещенія, которой спасительная сила подается только тому, кто стремленіемъ вѣры къ небесному и Божественному оставляетъ позади себя все земное. Надобно было представить Ангельское дѣйствіе ограниченнымъ, надобно было подлѣ самого Ангела продержать разслабленнаго тридцать восемь лѣтъ безъ исцѣленія, дабы тогда, какъ Христосъ исцѣлитъ его единымъ словомъ, очевидно изъ сего было, что сей Исцѣлитель [2]) безъ сравненія выше Ангеловъ, что власть Его неограниченна, что Онъ есть Ипостасное Слово Божіе и истинный Богъ.

Если бы кто вздумалъ еще жаловаться, что много средствъ употреблено для одной цѣли, — множество больныхъ, множество лѣтъ, множество ежегодныхъ чудесъ Ангельскихъ для одной мысли о Христѣ и крещеніи: на сіе отвѣтствую: цѣль сія довольно велика сама въ себѣ, и важна для человѣчества, чтобы сдѣлать непримѣтною всякую жалобу на расточеніе средствъ, употребленныхъ для достиженія сей цѣли. Если испытатели природы производятъ продолжительныя работы, устрояютъ многодѣльныя орудія, употребляютъ огромныя издержки, чтобъ открыть или объяснить какую нибудь частную и подчиненную истину естественную: то конечно стоило труда устроить въ Іерусалимѣ овчую купель съ ея принадлежностями, какъ небольшую *модель* великой купели, въ которой возрожденъ цѣлый міръ Христіанскій, — какъ удобовразумительнаго указателя высокой истины и непостижимаго таинства Христа Спасителя и Бога.

Но довольно о Христіанскихъ таинствахъ, которыя лучше и достойнѣе чтутся смиреннымъ молчаніемъ вѣры, нежели возносящимся испытаніемъ разума. Возвратимся просто изъ больницы Іерусалимской въ больницу Московскую.

Съ радостію, съ чувствомъ внутренняго убѣжденія мы можемъ воздать долгъ хвалы и благодарности Благочестивѣйшимъ Самодержцамъ нашимъ, которые какъ во всякой добродѣтели, и во всякомъ благотвореніи, такъ и въ попеченіи о болящихъ величественно предшествуютъ народу своимъ примѣромъ. По нихъ съ благодарностію можемъ вспомнить и нѣкоторыхъ изъ подданныхъ, которые въ подвигахъ человѣколюбія довольно близко

[2]) По Турк. сборн.: Онъ....

послѣдовали Царскому примѣру. Можно насчитать въ семъ градѣ болѣе пяти, не *притворовъ*, а великолѣпныхъ домовъ, которые представляютъ добродѣтель милосердія въ дѣлахъ тѣмъ лучше, что не выставляютъ ея въ названіяхъ. Отче милосердія! призирай выну на дѣла сіи окомъ благодати: и да будутъ помиловани милующіе; да будутъ, по непреложному обѣщанію, *блажени милостивіи*.

Нѣтъ, правда, здѣсь оной купели, достаточной противъ всякаго недуга, и врачи здѣсь не Ангелы. Вразсужденіи сего я могу только указать нашимъ плотоноснымъ врачамъ на примѣръ безплотнаго Іерусалимскаго врача, для ихъ размышленія. Сей примѣръ не показываетъ ли близости духовнаго къ тѣлесному, возможности союза между силою духовною и вещественнымъ средствомъ врачеванія, цѣлебнаго вліянія духовнаго на тѣлесное, когда духовное чисто и доступно Божественному? А если это такъ: то не можетъ ли,—не долженъ ли врачь, если не хочетъ быть ремесленникомъ, работающимъ только вещественными орудіями надъ веществомъ, — не долженъ ли, говорю, и духовное употреблять въ пособіе тѣлесному врачеванію, чистую волю признавать важною частію въ составѣ врачебныхъ средствъ, усердною молитвою искать свѣта и силы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наука идетъ ощупью въ темнотѣ, и претыкается?

Но если здѣсь и не достаетъ Ангела, за то ни одинъ больной не будетъ здѣсь, какъ въ Іерусалимѣ, доведенъ до необходимости жаловаться: *человѣка не имамъ*; но каждый найдетъ здѣсь и человѣка врачующаго, и человѣка служащаго немощному, и, когда нужно, человѣка приближающаго къ благотворнымъ вліяніямъ источника духовнаго. Во славу Бога, преимущественно въ Христіанствѣ щедраго средствами спасительными, должно сказать, что мѣсто, гдѣ мы стоимъ теперь, не можетъ завидовать купели овчей, содѣлавшись нынѣ хранилищемъ силы, болѣе нежели тамъ, высокой и благотворной. Не Ангелъ однажды въ годъ, но Царь Ангеловъ, Ангельскими дориносимый чинми, приходитъ сюда такъ часто, какъ дерзаетъ призывать Его призванный къ сему дерзновенію человѣкъ; и пребываетъ здѣсь съ силою, которою все сотворено, и все сохраняется, врачуется, усовершается. Есть здѣсь всеобщій источникъ исцѣленій: о, если бы довольно умѣли, вѣрующимъ сердцемъ, открывать оный для себя и болящіе, и врачующіе!

Но какъ слушающіе меня не болящіе: то скажу еще: о если

бы и здравые ревностнѣе притекали въ сіе святилище силъ, какъ во врачебницу душъ, почти всегда, какъ я думаю, не безболѣзненныхъ внутренно?

Если Церковь, какъ свидѣтельствуетъ устроеніе сего мѣста, признается нужною и для больныхъ, которые большею частію не имѣютъ силъ приходить въ оную: меньше ли нужна она для здоровыхъ, которые приходить въ нее могутъ? Кто отважится утверждать сію несообразность? А не часто ли видимъ мы сію несообразность на дѣлѣ, то есть, что здоровые меньше больныхъ помышляютъ о Церкви?

Можно, говорятъ, молиться Богу дома, духомъ. Нѣтъ о семъ спора. Но люди, которые лучше насъ умѣли молиться духомъ, не бѣгали отъ храма, а прибѣгали въ оный съ радостію. *Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. CXXI. 1). Даніилъ Пророкъ, *мужъ желаній* (Дан. X. 11), человѣкъ, который жилъ молитвою, когда не могъ идти въ храмъ Іерусалимскій, потому что былъ въ Вавилонѣ, и потому что храмъ былъ разрушенъ, старался сблизить себя по крайней мѣрѣ съ мѣстомъ и, такъ сказать, тѣнью бывшаго храма, становясь на молитву передъ открытымъ къ Іерусалиму окномъ, и въ тѣ часы, въ которыя приносима была жертва во храмѣ до его разрушенія. *Дверцы же отверсты ему въ горницѣ его противу Іерусалима; въ три же времена дне бяше преклоняя колѣна своя, моляся и исповѣдаяся предъ Богомъ своимъ* (Дан. VI. 10). Или Даніилъ суевѣренъ? Или вы хотите быть духовнѣе Даніила? — Нѣтъ! Надобно признаться, что тѣ, которые не посѣщаютъ храма подъ предлогомъ молитвы духомъ, или совсѣмъ не радятъ о молитвѣ, или совсѣмъ не понимаютъ сего дѣла.

Если же кто, признавая свое нерадѣніе и невнимательность, изнемогаетъ въ усердіи ко храму потому, что, посѣщая оный, не довольно ощущаетъ въ себѣ отъ того содѣйствія къ лучшему: таковаго увѣряемъ со Святымъ Златоустомъ, что *пріобрящетъ и пріиметъ нѣкоторую пользу; хотя и не таковую, дабы могъ оную чувствовати, однако же пріиметъ. Ибо если бы кто мимо прошелъ мгроварницы, или бы въ подобныхъ ей домахъ часто кто находился; то и не хотя облагоухался бы пріятною вонею: кольми паче человѣкъ въ церковь ходящій. Не возможно бо,* говоритъ онъ еще, *дабы*

бесѣдующій къ Богу, и послушающій бесѣдующаго Бога, не пріобрѣлъ что либо (на Іоан. Бесѣд. 53).

Не будемъ, братія, безпечны о здравіи душъ нашихъ, но будемъ тщательно пользоваться врачебницею душъ Церковію, и Врачемъ душъ — Христомъ, доколѣ Онъ ходитъ среди насъ, какъ Врачь, исцѣляющій всякую болѣзнь грѣха, доколѣ, по долготерпѣнію, медлитъ явиться, какъ Судія, имѣющій рѣшить жребій нашъ на вѣчную смерть, если не на вѣчную жизнь. Аминь.

CLX.

105. Слово

въ день Священнаго Мѵропомазанія и торжественнаго вѣнчанія на Царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи.

Говорено въ Успенскомъ Соборѣ августа 22 дня, напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1833 года и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

Побѣждай благимъ злое. Рим. XII. 21.

Если бы въ сей день, освѣщаемый сіяніемъ Царскаго вѣнца, величественнаго и благолѣпнаго, не столько по числу и достоинству каменій честныхъ, сколько по достоинству законной наслѣдственности, по преимуществу освященія свыше, по превосходству Царскихъ доблестей, которыя онъ покрываетъ, — возжелали мы, Россіяне, увидѣть вѣнецъ сей въ новомъ блескѣ: то мы тотчасъ можемъ имѣть сіе пріятное видѣніе, обративъ наблюдательный взоръ на новыя Царственныя дѣянія Благочестивѣйшаго Императора. Посмотрите на примѣръ, на новый составъ Россійскихъ законовъ, столь ожиданный правосудіемъ, и наконецъ извлеченный изъ разпочастныхъ, разнообразныхъ, иногда недружныхъ стихій разновременнаго законодательства. Не есть ли это новый, свѣтлый, изъ отечественныхъ копей извлеченный, камень въ вѣнцѣ Николая Перваго, — камень, котораго такъ долго искали Его предшественники, и который Онъ Своею неутомимостію предвосхитилъ у Своихъ преемниковъ.

Или, поставьте себя на предѣлахъ двухъ имперій, двухъ частей свѣта и двухъ религій, и посмотрите на оконченное недавно дѣло умиренія на Востокѣ. Сдѣлаться благодѣтелемъ, охранителемъ, спасителемъ царства, недавно враждебнаго, и только побѣдами доведеннаго до примиренія, — не есть ли и сіе такое дѣло Царской доблести, которое приноситъ новое свѣтлое украшеніе вѣнцу Благочестивѣйшаго Императора нашего, новую славу Его царствованію?

Славу сего дѣла особенно провозглашать должно здѣсь, въ Церкви: поелику оно есть великолѣпное исполненіе благороднаго правила Христіанскаго: *побѣждай благимъ злое*. Дѣло сіе не только славно для Царя и народа, но и полезно для Христіанства: ибо весь не познавшій Христа Востокъ видитъ теперь въ семъ славномъ дѣлѣ, къ какой чистой, безкорыстной, возвышенной вѣрности и благотворительности располагаетъ вѣра Христіанская сердца Царя и народа.

Но довольно сего воззрѣнія на нѣкоторыя дѣла Царственныя, чтобы нынѣшняя особенная молитва и благодареніе за Царя были нами принесены, сколько по долгу послушанія Церковной заповѣди, столько же по убѣжденію и усердію собственному.

Гораздо нужнѣе каждому изъ насъ обращать вниманіе на собственныя дѣла, хотя, можетъ быть, малыя и едва примѣтныя въ необъятномъ множествѣ и разнообразіи дѣлъ человѣческихъ, но никогда не маловажныя для дѣлающаго: потому что пойдутъ за нимъ далѣе предѣловъ настоящей жизни, и либо увѣнчаютъ его, либо возложатъ на него укоризну и стыдѣніе вѣчное.

Побѣждай благимъ злое. Всякій ли найдетъ исполненіе сего правила въ своихъ дѣлахъ? Всякій ли найдетъ сіе правило довольно раскрытымъ въ умѣ своемъ, довольно углубленнымъ въ сердцѣ своемъ?

Что есть зло въ мірѣ, и собственно въ человѣкахъ, о семъ опытъ всѣхъ и каждаго свидѣтельствуетъ такъ сильно, что, хотя бы разумъ и вздумалъ противъ сего спорить, не можетъ переспорить свидѣтельства ощущеній, которыя умствованіямъ не повинуются. А когда зло есть, и дѣйствуетъ противъ насъ: то не употреблять противъ него никакихъ средствъ было бы противно и закону самосохраненія, и закону человѣколюбія; потому что неудерживаемое зло поглотило бы весь родъ человѣ-

ческій, — и закону вѣры въ Бога; потому что не препятствовать распространенію зла значило бы благопріятствовать враждѣ противъ Бога, и хулѣ на Его творчество и управленіе міромъ. Итакъ надобно противостоять злу, сражаться съ нимъ, побѣждать оное. *Побѣждай злое.*

Но какимъ оружіемъ? Положимъ, что вы рѣшились бы употреблять такое же оружіе, съ какимъ на васъ нападаютъ, и поступать по праву равнаго воздаянія. Обида за обиду, злословіе за злословіе, рана за рану. Будетъ ли симъ образомъ побѣждено зло? — Не думаю. На примѣръ, если воздано раною за рану: то произошло двое раненыхъ вмѣсто одного; слѣдственно зло удвоено, а не прекращено, потому что обиженный, нанеся рану обидчику, не излѣчилъ тѣмъ своей. Обида, возданная за обиду, не только не уничтожаетъ зла сдѣланнаго, но и не останавливаетъ хода зла, или даже усиливаетъ оное. Въ комъ было довольно зла, чтобы начать обиду, въ томъ, по всей вѣроятности, найдется онаго еще болѣе, чтобы отвѣчать на взаимную обиду. Такимъ образомъ должна произойти цѣпь обидъ; и поелику каждый воздающій за обиду естественно будетъ стараться сдѣлать соперника менѣе способнымъ вредить, то всякая дальнѣйшая обида должна быть тяжелѣе и убійственнѣе предъидущей. Изъ сего можно усмотрѣть, какъ вѣрно разсужденіе [1]) Апостола: *аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете* (Гал. V. 15). И такъ, побѣждать злое злымъ не надежно, если бы кто и не удержался отъ такого сраженія мыслію, что сіе не позволительно.

Спросятъ, можетъ-быть: какъ же наказываютъ убійцу смертію? Какъ же ведутъ войну? Отвѣтствую: иное право частнаго человѣка, иное суда, и еще иное власти верховной. Власть верховная, поелику не имѣетъ надъ собою судіи на земли, по необходимости сама должна судить обиды, наносимыя Государству, и употреблять войну исполнителемъ Государственнаго правосудія: но и сіе, верховная власть, одушевленная достойными своей высоты чувствованіями, дѣлаетъ не для того, чтобы поразить злымъ злое, но чтобы защитить и охранить благое, то-есть безопасность и благо собственнаго ея Государства. Если власть судебная внутри Государства сражается зломъ наказанія противу зла преступленія: и сіе такъ разнится отъ част-

[1]) По Турк. сборн.· умозаключеніе....

наго мщенія, какъ разсудокъ отъ страсти, какъ созиданіе отъ разрушенія. Судъ сражается противъ зла не за себя, но за невинно страждущаго: слѣдственно водится не зломъ мщенія, но благомъ состраданія, человѣколюбія, справедливости; притомъ въ благоустроенномъ Государствѣ судъ только открываетъ виновнаго, а наказываетъ его законъ; но и законъ гражданскій, если онъ изреченъ духомъ Христіанскаго правосудія, не имѣетъ намѣренія мстить за зло, а пресѣкать и предупреждать зло; не имѣетъ намѣренія убивать убійцу, но смертію, или другимъ образомъ, лишать его возможности убійства, и охранять отъ него живущихъ. Въ семъ именно духѣ кроткій законъ Благочестивѣйшихъ Самодержцевъ нашихъ присуждаетъ и убійцѣ не смерть, а жизнь, хотя отлученную отъ жизни честныхъ гражданъ, однако же — жизнь и надежду умереть не смертію преступника, а смертію Христіанина. Что касается до людей въ частности; если бы каждый вздумалъ присвоить себѣ тѣ права, по коимъ дѣйствуетъ судъ противъ преступленія, или власть верховная противъ враговъ Государства: то явилось бы почти столько же воюющихъ сторонъ, сколько есть людей, имѣющихъ силу владѣть своими членами. Состояніе человѣчества, которое нашло себѣ достойное мѣсто въ головахъ нѣкоторыхъ умствователей, но котораго, — благодареніе Провидѣнію, — не было и не будетъ, потому что не можетъ быть въ истинномъ бытіи рода человѣческаго!

Итакъ, если побѣждать злымъ злое, частію не позволительно, частію не надежно, даже и при помощи правосудія человѣческаго, которое, при всей бдительности своей, не можетъ поставить довольно щитовъ противу тонкихъ уязвленій злобы и коварства: то Христіанское правило *побѣждать благимъ злое*, оказывается столько же необходимымъ, сколь оно привлекательно своею чистотою и возвышенностію.

Недальновидные могутъ подумать, что въ подвигѣ сего рода скорѣе побѣжденъ будешь, нежели побѣдишь: потому что зло дѣйствуетъ наступательно, а благо, и особенно Христіанское благо, и оборонительнаго противодѣйствованія не любитъ. Напрасно! Мы имѣемъ опытъ сей побѣды, столь великій, столь очевидный, что онъ долженъ ободрить всякую робость, разрѣшить всѣ недоумѣнія, если смотрятъ на оный, какъ должно. Какое огромное зло сражалось противъ первенствующаго Христіанства! То было зло цѣлаго міра. Какъ напротивъ малымъ и немощнымъ каза-

лось благое, заключенное въ Христіанствѣ! *Буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ; и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая; и худородная міра и уничиженная избра Богъ и не сущая, да сущая упразднитъ* (1 Кор. . 27. 28). Какъ же побѣждено буіимъ премудрое, немощнымъ крѣпкое, ничтожнымъ сущее? — Побѣждено благимъ злое: невѣріе вѣрою, порокъ и развратъ строгою добродѣтелію, гоненіе терпѣніемъ, несправедливость великодушіемъ, любостяжаніе и грабительство нестяжательностію и вольною нищетою, лукавство прямодушіемъ, вражда любовію, сила и ярость мучителей кровію мучениковъ. И всемірное зло язычества исчезло; и благо Христіанства овладѣло міромъ. Не ужели ты подумаешь, Христіанинъ, къ оскорбленію Христіанства, будто труднѣе подвизаться нынѣ противу зла, прокравшагося въ міръ Христіанскій, нежели какъ было прежде, противу зла господствовавшаго въ мірѣ языческомъ?

Добрая побѣда не въ томъ состоитъ, чтобы ты сдѣлалъ зло врагу, но чтобы врагъ не могъ сдѣлать истиннаго зла тебѣ. А сего никакой врагъ не сдѣлаетъ, если ты твердо стоишь во благѣ силою вѣры къ Богу и любви къ Богу и человѣкамъ. Посмотрите на человѣка симъ образомъ сражающагося противу зла, и вслушайтесь посреди самихъ опасностей брани въ его военный кликъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія? скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь?* — Видите, нападеніе со многихъ сторонъ; удары сильны. Не палъ бы воинъ Христовъ? — Нѣтъ, восклицаетъ онъ: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбльшаго ны.* И что еще?—Онъ увѣряетъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ силы, которая могла бы поколебать побѣждающаго благимъ злое. *Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. VIII. 35 — 39).

Всѣмъ слышащимъ сіе членамъ воинствующей Церкви желаемъ не столь труднаго подвига противу зла, но столь же благою силою вѣры и любви, столь же совершенной побѣды и спасенія со славою вѣчною. Аминь.

1834 годъ.

CLXI.

106. Слово

въ день празднованія Пресвятѣй Богородицѣ въ Страстномъ монастырѣ.

(Говорено іюня 2-го дня, напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

И тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе.
Лук. II. 35.

Бѣдствіе человѣка непорочнаго и добраго есть одна изъ трудныхъ загадокъ, какія предлагаетъ видимая вселенная человѣку размышляющему. Видя добраго страждущаго, другой добрый страждетъ и самъ, поелику чувствуетъ состраданіе: и такимъ образомъ отъ одной загадки родится другая: за что и сей страждетъ? Видитъ сіе слабый вѣрою, и подвергается искушенію въ вѣрѣ. Видитъ склонный къ пороку, и разрѣшаетъ загадку на свою голову: какая же, говоритъ, польза быть добродѣтельнымъ? Видитъ склонный къ невѣрію, и непонятную загадку разрѣшаетъ другою, несравненно болѣе непонятною; онъ говоритъ: случай господствуетъ въ мірѣ и въ дѣлахъ человѣческихъ.

Благословенная въ женахъ! Непорочнѣйшая изъ дщерей человѣческихъ! И Тебѣ премудрый старецъ Симеонъ не усомнился предложить сію грозную загадку: *и тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе.* День плачевный и ужасный, но вмѣстѣ спасительный разрѣшилъ Тебѣ загадку пророчества. Терніе вѣнца Іисусова, гвозди Его распятія, копіе прободенія Его, Его раны, Его болѣзненный вопль, Его умирающій взоръ,—вотъ оружія, которыми Твое матернее сердце пронзено было столь же безпримѣрно глубоко, сколь совершенна Твоя любовь, сколь безпримѣрна Твоя непорочность. Теперь, когда Ты пребываешь въ

Божественной славѣ Сына Твоего, для Тебя уже разгадана и загадка необычайнаго событія: теперь Ты видишь во свѣтѣ Божіемъ, для чего надлежало пройти оружію и Твою чистую душу, и какъ сіе согласно и съ безконечною премудростію, правдою, и благостію Провидѣнія, и съ Твоимъ безконечнымъ блаженствомъ.

Матерь Свѣта! низведи намъ искру свѣта отъ ума Христова, дабы уразумѣть и намъ тайну бѣдъ и скорбей земныхъ, не столько, сколько бы желало наше любопытство, но сколько нужно для нашего мира и спасенія.

Не было бы никакого зла на землѣ, и никакого бѣдствія въ человѣкахъ, если бы не было грѣха. *Единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть* (Рим. V. 12), въ имени которой заключается сокращеніе всѣхъ бѣдъ и золъ. За грѣхъ опредѣленъ человѣку принужденный и изнурительный трудъ вмѣсто свободнаго и легкаго дѣланія: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. III. 19). За грѣхъ болѣзни: *въ болѣзнехъ родиши чада* (16). За грѣхъ смерть: *въ оньже аще день снѣсте* отъ древа запрещеннаго, *смертію умрете* (Быт. II. 17).

Человѣкъ, потерявъ опытъ первоначальнаго чистаго бытія своего и вселенной, потерялъ и понятіе объ оном. Какъ рыба, движущаяся въ водѣ, не знаетъ лучшей и болѣе совершенной жизни, какою животныя живутъ въ воздухѣ: такъ бѣдная душа человѣческая, погруженная въ грубый и тлѣнный стихійный міръ, и въ немъ живущая, какъ рыба въ водѣ, не знаетъ тонкой и нетлѣнной жизни райской. Отсюда недоумѣнія своемудрствующаго разума о томъ, была ли подлинно такая жизнь, и какъ она могла быть. Я приведу теперь одно только изъ сихъ недоумѣній, для примѣра ихъ ничтожности. Разумъ разсчитываетъ, что если бы люди все раждались, и ни одинъ изъ нихъ не умиралъ; то умноженіе людей сдѣлалось бы наконецъ несообразнымъ съ пространствомъ и способами земли обитаемой; и такимъ образомъ тѣснота вселенной требуетъ смертности человѣковъ, чтобъ умирающіе очищали мѣсто преизбыточествующему множеству раждающихся. Таковымъ мелочнымъ счетчикамъ жизней мы можемъ сказать тоже, что Господь сказалъ Саддукеямъ, которые изъ законовъ брака вздумали было извлечь опроверженіе ученія о жизни будущей: *прельщаетеся, не вѣдуще писанія, ни силы Божія* (Матѳ. XXII. 29). Кто вамъ

сказалъ, что земля была бы вѣчною темницею для человѣческаго безсмертія? И не ужели вы думаете, что съ земли на небо нѣтъ иной дороги, кромѣ той, которая лежитъ чрезъ гробъ и могилу? Не ужели также вы думаете, что землю, и прежде ея проклятія въ дѣлахъ человѣка, такъ же какъ нынѣ, надлежало размѣрять десятинами на каждаго человѣка, для его обитанія и продовольствія? *Прельщаетеся, не вѣдуще.* Не растлѣнный грѣхомъ человѣкъ несравненно менѣе зависѣлъ въ жизни отъ произведеній земли, нежели нынѣ; а земля, безъ его труда, несравненно щедрѣе была для него въ своихъ произведеніяхъ, нежели нынѣ. Совершивъ на ней опредѣленное поприще, онъ восходилъ бы на небо такъ легко, какъ въ Іаковлевомъ видѣніи лѣствицы, досязающей до небесъ, *Ангели Божіи восхождаху и нисхождаху по ней* (Быт. XXVIII. 12). Возможность сего перехода въ Енохѣ и въ Иліи отчасти намъ показана. Не опасайтесь! Нетлѣнная жизнь безгрѣшнаго человѣка разсчитана была Провидѣніемъ лучше, нежели вами нынѣ. Поелику же вѣчное Провидѣніе отъ вѣка провидѣло и то, что превосходный и необходимый для блаженства даръ свободы будетъ человѣкомъ употребленъ во зло, и тѣмъ рушится первоначальное устроеніе человѣка и земли: то нѣтъ сомнѣнія, что премудро и благодѣтельно разсчитано имъ и послѣдовавшее за симъ смѣшеніе добра и зла, которое насъ изумляетъ и поражаетъ.

Послѣ общаго вопроса о бѣдствіяхъ человѣчества, зачѣмъ онѣ есть въ царствѣ Провидѣнія, на который отвѣтъ уже заключается въ томъ, что мы доселѣ сказали, испытующій разумъ предлагаетъ два особенные вопроса: во-первыхъ, зачѣмъ бѣдствуютъ и невинные, во-вторыхъ, зачѣмъ и тѣ, которые не безвинны, страждутъ не въ соразмѣрности съ виною своею, а нерѣдко наименѣе виновные страждутъ наитягчае. Дадимъ отвѣтъ на оба сіи вопроса.

Для сего воззримъ на человѣчество не нашимъ взоромъ поверхностнымъ, но глубоко проницательнымъ взоромъ людей просвѣщенныхъ свыше. Въ какомъ видѣ имъ представляется человѣчество? *Вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. III. 23), говоритъ Святый Павелъ. *Кто чистъ будетъ отъ скверны?* вопрошаетъ Іовъ, — и отвѣтствуетъ: *никтоже, аще и единъ день житіе его на земли* (XIV. 4. 5). *Въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Пс. L. 7), исповѣдуетъ Давидъ, не опасаясь нарушить симъ от-

зывомъ заповѣдь почтенія къ родителямъ. Что же сіе значитъ? то, что всѣ человѣки согрѣшили еще во Адамѣ, который, поелику началъ раждать дѣтей уже послѣ грѣха, то не могъ безъ чуда передать имъ того, чего уже не имѣлъ,—безгрѣшности и нетлѣнія, а естественно передалъ то, что имѣлъ, — грѣхъ и тлѣніе.—Если бы кто изъ насъ дерзнулъ еще спросить: чѣмъ же виновны мы, невольно наслѣдовавшіе отъ Адама грѣхъ и тлѣніе? таковому, если онъ сколько нибудь внимателенъ къ себѣ, вмѣсто меня могла бы отвѣтствовать, и заградить ропотливыя уста, его собственная совѣсть, которая можетъ въ жизни каждаго указать случаи, въ коихъ мы не были вѣрны добрымъ побужденіямъ, бывъ для того довольно сильны и при наслѣдованномъ поврежденіи. *Болій есть Богъ сердца нашего, и вѣсть вся* (1 Іоан. III. 20); и потому видитъ въ насъ и тѣ тонкія нравственныя нечистоты, которыхъ болѣе или менѣе огрубѣвшая совѣсть не примѣчаетъ. Итакъ *аще беззаконія наши зриши Господи, Господи, кто постоитъ* (Пс. CXXIX. 3)? Симъ размышленіемъ, вопросъ: почему бѣдствуютъ и невинные? не только разрѣшается, но и уничтожается; потому что, по строгому сужденію, нѣтъ на земли невинныхъ, и слѣдственно всѣ бѣдствующіе бѣдствуютъ, какъ болѣе или менѣе виновные, кромѣ Единаго, *иже грѣха не сотвори* (1 Пет. II. 22), [1]) и Котораго страданія, высочайше таинственныя, имѣютъ блаженнѣйшее для насъ изъясненіе, ибо *Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе мира нашего на Немъ: язвою Его мы исцѣлѣхомъ* (Иса. LIII. 5); Онъ подъялъ и понесъ тяготы, насъ подавляющія, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ возставить насъ отъ паденія.

Что касается до вопроса: зачѣмъ люди, хотя, можетъ быть, небезгрѣшные, но по всѣмъ открытымъ признакамъ безвинные, бѣдствуютъ иногда чрезмѣрно тяжко: кто можетъ обличить Провидѣніе [2])въ сей чрезмѣрности? Если признаемъ, что бѣдствующій небезгрѣшенъ; и если знаемъ, что всякій грѣхъ есть отступленіе отъ закона, слѣдственно возстаніе противъ воли Бога законоподателя, [3]) мятежъ въ Царствѣ Божіемъ, оскорбленіе вѣчнаго величества Божія: то скажите какой грѣхъ слишкомъ малъ

[1]) По Турк. сборн. далѣе слѣдуетъ: потому что родился хотя отъ сѣмени Авраамова, но не Адамовымъ рожденіемъ,.....

[2]) По Турк. сборн.: уличить судьбу.....

[3]) По Турк. сборн.: законодателя....

для временнаго бѣдствія, и какое временное бѣдствіе слишкомъ велико для грѣха?

Нѣтъ спора о томъ, что не всѣ грѣхи равно тяжки, и что есть разныя степени виновности въ грѣхѣ одного рода: но кто изъ насъ можетъ довольно вѣрно взвѣсить сію тяжесть, довольно точно опредѣлить сію степень? Для сего должно положить на вѣсы, и поставить въ мѣру, не только видимое дѣло, но и невидимое желаніе, и сокровенное намѣреніе, и тайную мысль, силу и немощь, познаніе и невѣдѣніе, пособія и препятствія, прельщеніе къ злу и поощреніе къ добру, невнимательность къ неизвѣданному и невѣрность дознанному опытомъ, закоснѣніе и раскаяніе, ожесточеніе и сокрушеніе: но кому возможно все сіе, развѣ единому Испытующему сердца и утробы, всеобъемлющему и всевѣдущему? Также и для того, чтобы взвѣсить тягость бѣдствія, надлежитъ принять въ разсужденіе, кромѣ открытаго вида онаго, степень чувствительности бѣдствующаго, скудость и даже отсутствіе, или напротивъ обиліе противодѣйствующихъ утѣшеній, и многое, для чего нѣтъ вѣса и мѣры у внѣшняго зрителя. Какъ же говоримъ мы о чрезмѣрной тяжести бѣдствія, въ сравненіи съ тяжестію грѣха, развѣ на угадъ и на удачу?

Богъ дѣйствуетъ на временную жизнь человѣка, поврежденнаго грѣхомъ, не только въ качествѣ судіи, чему еще будетъ особенное время въ концѣ вѣковъ, но также, и преимущественно, въ качествѣ врача, чему теперь-то и есть время. Посему Онъ опредѣляетъ человѣку мѣру бѣдствія и скорби иногда не какъ отщитанное воздаяніе за дѣла, но какъ пріемъ врачевства, способный препобѣдить силу грѣховной болѣзни: а это совсѣмъ другой разсчетъ. Есть болѣзненныя состоянія, которыя кажутся маловажными и не угрожающими, но противъ которыхъ свѣдущій врачь находитъ нужнымъ употреблять жестокія врачебныя средства. Притомъ же Врачь небесный не всегда начинаетъ врачевать болѣзнь душевную по ея уже раскрытіи: взоръ Его проницаетъ въ глубину души, самой сей душѣ невидимую, и открывая тамъ тонкій зародышъ грѣха, страсти, самоволія, самоугодія, тонкую примѣсь зла и нечистоты къ добрымъ склонностямъ и расположеніямъ, орудіемъ искушенія извлекаетъ наружу сіи болѣзненныя начала для ихъ уврачеванія, и для возведенія души къ высшей чистотѣ. Не случается ли видѣть, что люди благоучрежденные въ жизни, охотно прибѣгающіе къ Богу,

лишась того, что сильно любили, напримѣръ дѣтей или супруга, мірской чести и славы, или имущества, такъ предаются скорби, что въ ней одной сосредоточиваютъ свою жизнь, не умѣютъ подкрѣпить себя здравымъ размышленіемъ, въ которомъ прежде не имѣли недостатка; не могутъ довольно собрать себя [4]) въ молитву, въ которой прежде находили услажденіе; вѣра, любовь къ Богу, преданность въ волю Божію, суть теперь для нихъ только знакомыя имена и звуки, послѣ того какъ они до своего несчастія ощущали въ себѣ силу и дѣйствіе оныхъ? Что сіе значитъ?—то, что любезное имъ они любили чрезмѣрно, и паче Бога, хотя сами того не различали; что дѣти, супругъ или супруга, честь, слава, имущество были идолы ихъ сердца. Что же было дѣлать Сердцевѣдцу и Душелюбцу, какъ развѣ отнять идолъ, исторгнуть, хотя болѣзненно, неправильную любовь къ твари [5]) изъ души, которую Онъ хощетъ наполнить Своею Божественною любовію? Онъ любитъ, милосердуетъ, очищаетъ, врачуетъ, приготовляетъ къ блаженству; а мы смотримъ, и говоримъ: какъ Онъ тяжко посѣщаетъ!

Наконецъ согласимся, что есть бѣдствія, о которыхъ совсѣмъ нельзя спрашивать: за что, но развѣ: къ чему? въ которыхъ не нужно обвинять человѣка, но въ которыхъ надобно только умѣть оправдать и возлюбить Провидѣніе. Таковы бѣдствія Іова, Пророковъ, Апостоловъ, Пресвятыя Дѣвы. Не бывъ на сей высшей степени духовнаго возраста и жизни, когда питаются крѣпкою пищею креста, мы, въ нашемъ младенчествѣ Христіанства,—дай Богъ, чтобы, хотя въ младенчествѣ!—безъ сомнѣнія только слабо и невнятно можемъ лепетать о путяхъ и подвигахъ душъ полнаго возраста Христова. Вопросимъ же лучше ихъ самихъ, что скажутъ они намъ о своихъ бѣдствіяхъ. Что же говоритъ Іовъ? *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословено во вѣки* (Іов. I. 21). Что говоритъ Апостолъ?—*Радуюся во стаданіихъ моихъ* (Кол. 1. 24): *якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. I. 5). Видите ли, какъ не кстати мы, грѣшные люди, вступаемся за Праведниковъ, и покушаемся возстать противъ Провидѣнія за ихъ бѣдствія? Они не пріемлютъ нашей безразсудной

[4]) По Турк. сборн.: собраться.....

[5]) По Турк. сборн.: тварную любовь.....

услуги; они не жалуются на горькую участь свою; не хотятъ перемѣны ея; они радуются; они благословляютъ Бога; они счастливы; мы не понимаемъ ихъ счастія, и думаемъ, будто можно роптать за то, за что они благодарятъ.

Если вы хотите хотя догадочно понимать то, до чего еще не достигли: смотрите на земное, и гадайте о небесномъ и Божественномъ. Ты любишь друга; онъ тебя любитъ; и тебѣ благодѣтельствуетъ. Совершенно ли, при сихъ отношеніяхъ, удовлетворена твоя любовь, если она полна и чиста? Думаю, нѣтъ. Ты можешь думать: «увѣренъ ли другъ мой въ искренности любви моей? не подозрѣваетъ ли онъ, что я люблю больше его благодѣянія, нежели его?» Пусть же откроется случай, когда ты могъ бы для своего друга понести трудъ, скорбь, опасность: если ты благородная душа; какъ охотно ты бросишься на сей случай! И перенося для друга твоего трудъ, скорбь, опасность, какъ будешь ты радоваться, что теперь онъ несомнительно узнаетъ искренность и чистоту любви твоей! Приложи сей примѣръ къ любящимъ Бога въ благополучіи. Они увѣрены, что Богъ знаетъ ихъ сердце, къ Нему благодарное: но не довѣряютъ себѣ. Они могутъ, и нѣкоторымъ образомъ должны заботливо помышлять о томъ, совершенна ли ихъ благодарность къ Нему, чиста ли любовь, не прилѣпляется ли сердце ихъ тайнымъ пристрастіемъ къ благодѣяніямъ, мимо Благодѣтеля, и любовь, питаемая временными благодѣяніями, не угаснетъ ли по истощеніи сей пищи. Является искушеніе, и приглашаетъ: принеси въ жертву твоего возлюбленнаго Исаака; претерпи для Бога лишеніе того, что ты болѣе всего любишь послѣ Бога; понеси гоненіе, безчестіе, страданіе за имя возлюбленнаго Іисуса. Какъ воскриляется при семъ Боголюбивая душа! Какъ она готова вступить на поприще страдальческаго подвига, предать себя въ огненное испытаніе! Какъ она тверда въ семъ испытаніи? Какъ утѣшаетъ ее мысль, что наконецъ она приноситъ Богу жертву, которая ей не дешева! Какое успокоительное и удостовѣрительное свидѣтельство даетъ ей совѣсть, когда огнь искушенія не измѣняетъ злата ея, когда въ горнилѣ страданій сильнѣе возгарается любовь ея къ Богу, когда сквозь внѣшнее умерщвленіе природы просіяваетъ внутренняя благодатная жизнь, и небо въ человѣкѣ утверждаетъ надежду о человѣкѣ въ небѣ! Повѣрьте, неопытные, что не лгутъ сіи люди, когда говорятъ о своей радости въ страданіяхъ что въ огнѣ бѣдствія они поютъ и сла-

вятъ Бога съ такою же безопасностію, свободою и услажденіемъ, какъ три отрока въ пещи Вавилонской.

Христіане! кого изъ насъ на пути жизни временной не встрѣчаетъ чаще или рѣже разнообразное бѣдствіе? Тщетно старались бы мы обойти всѣ такія встрѣчи; по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ неизбѣжны: слѣдственно надобно благовременно пріобучать себя, чтобы встрѣтиться приличнымъ образомъ. Предложенныя теперь размышленія да побудятъ насъ къ тому, чтобы встрѣчать бѣдствіе не какъ врага и мучителя, но какъ справедливаго наказателя грѣховъ, какъ врача душевныхъ болѣзней, какъ посланника Божія, какъ вѣстника благодати. *Его же бо любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. XII. 6). Аминь.

CLXII.

107. Слово

въ день рожденія Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено въ Успенскомъ Соборѣ іюня 25-г дня, напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.

Вѣмъ бо, яко заповѣстъ сыномъ своимъ, и дому своему по себѣ: и сохранятъ пути Господни творити правду и судъ. Быт. XVIII. 19.

Поелику годъ Царя, принадлежа Ему, какъ годъ жизни, принадлежитъ вмѣстѣ и царству, какъ годъ царствованія: то неудивительно, что въ настоящій день, граничный между окончившимся и начинающимся годомъ Благочестивѣйшаго Самодержца нашего, востаетъ вся Россія, и устремляетъ изощренное око на прошедшее, на будущее, на небо, съ благодареніемъ, съ надеждою, съ молитвою.

Одна изъ особенностей совершившагося года царства [1]) со-

[1]) По рукописи автора: Царева...

стоитъ въ томъ, что рядомъ съ симъ годомъ, какъ юная луна при солнцѣ на ясномъ небѣ, явился начальный годъ совершеннолѣтія Наслѣдника Престола.

Какъ теперь еще вижу я сей прекрасный вечеръ, по истинѣ достойный дня Христова.

Среди величественнаго храма, среди пѣснопѣній и молитвъ предъ открытымъ олтаремъ Воскресшаго, на минуту прерванныхъ, къ открытому Слову жизни, къ спасительному Кресту Христову Царь настоящій ведетъ юнаго Царя будущаго, между тѣмъ какъ вѣнецъ и скипетръ и держава, какъ знаменія будущаго царствованія, покоятся о страну. Сколько важныхъ мыслей можно прочитать въ семъ зрѣлищѣ, когда оно еще безмолвствуетъ! Итакъ вступленіе Порфиророднаго на путь къ Престолу должно быть на пути къ олтарю. Итакъ заповѣдь, обѣтъ, молитва, суть предобрученіе вѣнца, скипетра, державы. Итакъ крестъ есть предварительный вѣнецъ вѣнца, и силу будущей власти Царской надлежитъ извлечь изъ лобзаемаго Евангелія. Итакъ [2]), чтобы благонадежно завѣщавать Царство, для сего, видно, надлежитъ [3]) прежде крѣпко завѣщать благочестіе.

Слышу священный обѣтъ Сына Царева, и вдругъ открывается, что совершеннолѣтіе, которое Самъ вступающій въ оное съ толикою скромностію назвалъ *раннимъ*, есть напротивъ того вполнѣ зрѣлое [4]): потому что Онъ возвышенно понялъ высокіе помыслы Своего Родителя, и глубоко почувствовалъ важность настоящаго мгновенія. Онъ стоитъ предъ Богомъ, какъ живая жертва, приносимая Царемъ-Отцемъ за будущее благосостояніе царства, и, согласно съ волею Родителя, и Самъ представляетъ Себя въ жертву, и облакъ слезъ, восходящій въ очахъ Его, даетъ примѣтить, что ѳиміамъ непорочнаго сердца Его восходитъ горѣ.

Мнѣ кажется, что и вы были при семъ царственномъ жертвоприношеніи, поелику въ то же время приносили ту же молитву: такъ хотѣлъ Благочестивѣйшій Государь, Который любитъ, поколику возможно, быть съ вами во всемъ едино. Но я былъ при ономъ ближе, и могу вамъ свидѣтельствовать, что

[2]) По рукописи автора: слѣдственно,..
[3]) По рукописи автора: надобно...
[4]) По рукописи автора: напротивъ довольно зрѣлое:..

сколь поразительно нѣкогда чудна была жертва, орошенная удвоеннымъ и утроеннымъ возліяніемъ воды, чтобы потомъ пришелъ на нее небесный огнь, столь сладостно чудною явилась наша безцѣнная живая жертва, орошенная всеобщими слезами [5]) любви, радости и молитвы, дабы пришелъ на нее животворный огнь благословенія свыше.

Ты призрѣлъ на сіе мгновеніе [6]), Царю небесъ и вѣчности, предъ Которымъ и ни одно земное мгновеніе нѣсть забвено. Тебѣ принесены сіи слезы, столь искреннія, столь единодушныя, столь чистыя, какія только можетъ проливать Отецъ Отечества вмѣстѣ съ сынами царства [7]). Когда жребій нашъ пріидетъ предъ лице Твое; когда судьбы Твои вопросятъ у Тебя, открыть ли на насъ сокровища гнѣва по грѣхамъ нашимъ, или сокровища щедротъ, по вѣрѣ въ Тебя: тогда, Господи, помяни вновь сіе мгновеніе, призри еще на сіи слезы; и еще изреки на насъ судъ милосердія; еще изнеси намъ державный жребій спасенія и мира. Благочестивѣйшему же Царю нашему, Который царствуетъ не только для современниковъ, но и для потомства, Который такъ же печется о царствованіи будущемъ, какъ о настоящемъ, и попеченія Свои о будущемъ предъ Тобою, вѣчный Царю, полагаетъ, и Тобою обезпечиваетъ,— умножи и лѣта Его царствованія, и благословенія Твои на нихъ, тѣмъ обильнѣе, чѣмъ благоизвольнѣе ввѣряетъ Онъ Себя, и Своего Наслѣдника, и Свое царство державѣ Твоего Провидѣнія.

Братія! Случай, который такъ пріятно намъ разсматривать, заключаетъ въ себѣ истину, которую желательно видѣть болѣе и болѣе открытою для нашего вниманія, для нашего убѣжденія, для нашей дѣятельности: благо Царю и народу, царству и дому, родоначальнику и роду, которые благонадежную будущность упрочиваютъ себѣ Богомъ и благочестіемъ.

Почти одинокъ былъ Авраамъ, и при томъ былъ странникъ, безъ отечества, безъ дома, когда Богъ сказалъ при немъ, какъ будто безъ него: *Авраамъ же бывая будетъ въ языкъ великъ*

---

[5]) По рукописи автора: что конечно не болѣе обильно жертва Иліи орошена была удвоеннымъ и утроеннымъ возліяніемъ воды, чтобы потомъ пришелъ на нее небесный огнь, какъ обильно наша безцѣнная жертва орошена была всеобщими слезами...

[6]) По рукописи автора: Ты видѣлъ сіе мгновеніе,..

[7]) По рукописи автора: Царь вмѣстѣ съ царствомъ.

и многъ, и благословятся о немъ вси языцы земніи (Быт. XVIII. 18). То есть: одинокій [8]), кочующій Авраамъ сдѣлается Еврейскимъ народомъ, сильнымъ царствомъ, простреться отъ Египта до Ливана, потомъ разсыплется отъ Вавилона до Египта, до Антіохіи, до Рима [9]); вновь сосредоточится въ новомъ, духовномъ, Божественномъ *Сынѣ Авраамли* (Матѳ. I. 1),— въ Іисусѣ Христѣ; и вновь паче прежняго распространится въ новомъ, духовномъ Израилѣ,—въ Христіанствѣ, и въ семъ [10]) благословятся высочайшимъ и обширнѣйшимъ благословеніемъ точно всѣ народы земные. Какое величественное древо, вселенную нынѣ осѣняющее, въ какомъ маломъ зернѣ обѣтованія скрыто было! И какъ чудно изрекаетъ Богъ сіе обѣтованіе! *Авраамъ же бывая будетъ*, то есть вѣрно и непремѣнно будетъ, *въ языкъ великъ*. Не глаголетъ: *ты будешь*, хотя говоритъ въ лице Аврааму, но: *Авраамъ будетъ*, какъ бы его тутъ не было, давая симъ разумѣть, что дѣло обѣтованія сдѣлается, какъ бы безъ него, не по его предусмотрѣнію, не его силою, не по его заслугамъ; ибо такъ дѣйствуетъ благодать. А что еще удивительнѣе, Богъ не глаголетъ даже: *азъ сотворю Авраама въ языкъ великъ*: но: *Авраамъ будетъ*, какъ будто дѣло сдѣлается само собою. Господь скрываетъ нѣкоторымъ образомъ Свою вседѣйствующую силу, дабы показать Аврааму основаніе доброй будущности, которое особенно нужно сдѣлать очевиднымъ. Какое основаніе? — Благочестіе, и на немъ основанную правду, или добродѣтель. *Вѣмъ бо*, продолжаетъ Всевѣдущій слово Свое къ Аврааму, *яко заповѣсть сыномъ своимъ, и дому своему по себѣ; и сохранятъ пути Господни творити правду и судъ*. Авраамъ посѣетъ благочестіе въ сынахъ своихъ и въ домѣ своемъ, и произрастетъ многоплодіе и величіе потомства. Завѣщаетъ имъ правду: и они получатъ неисчислимое и неописанное наслѣдіе всемірнаго благословенія.

Вотъ древнѣйшее умозрѣніе, или, точнѣе сказать, вотъ Самимъ Богомъ преподанная теорія обезпеченной будущности, объясненная, и до сихъ поръ подтверждаемая [11]) тысячелѣтними опытами!

---

[8]) По рукописи автора: сей одинокій,..

[9]) По рукописи автора: и Антіохіи;..

[10]) По рукописи автора: и въ семъ (что иначе и не сбыточно)...

[11]) По рукописи автора: неизмѣнно подтверждаемая.....

Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что жребій Авраама есть особенный и единственный во всемъ человѣчествѣ. Да, онъ есть особенный, по чистотѣ и превосходству вѣры Авраамовой, среди господствовавшаго суевѣрія и беззаконія; и единственный по цѣли обѣтованія, которая есть Христосъ: но въ отношеніи къ указанному основанію доброй будущности это не есть единственный случай, или исключеніе изъ правила общаго, а напротивъ есть только весьма ясный примѣръ общаго правила, по которому дѣйствуетъ Провидѣніе. Богъ, Который такъ благословляетъ *правду и судъ* въ человѣкѣ, не можетъ Самъ отступать отъ правды и суда, ниже измѣнять Своихъ вѣчныхъ правилъ. Если Онъ обѣщалъ, и по обѣщанію дѣйствительно даровалъ Аврааму благословенную будущность на томъ основаніи, *яко заповѣстъ сыномъ Своимъ и дому своему по себѣ; и сохранятъ пути Господни*: то, безъ сомнѣнія, также даруетъ благую будущность, личную ли, потомственную ли, каждому, кто, заповѣдавъ благочестіе во-первыхъ себѣ самому, силою благочестія же дѣйствуетъ и на зависящихъ отъ него, ревнуя о распространеніи онаго между ближними, и споспѣшествуя утвержденію онаго на времена грядущія. Апостолъ, не обинуясь, возвѣщаетъ всеобщее благотворное дѣйствіе благочестія на будущность. *Благочестіе*, говоритъ, *на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. IV. 8).

Въ мудрованіи сыновъ вѣка сего видны двѣ мысли, которыя располагаютъ ихъ жить въ настоящемъ съ слѣпою надеждою, или, напротивъ, съ отчаянною безпечностію въ отношеніи къ будущему [12]): первая, что міръ идетъ по своимъ законамъ, и потому одинъ, или нѣсколько человѣкъ, напрасно усиливались бы дать сей огромной машинѣ желаемое направленіе; другая, что человѣчество само собою идетъ къ совершенству, и потому не много важности въ томъ, какъ ударяешь ничтожнымъ весломъ твоимъ по широкой рѣкѣ времени, которая и безъ того течетъ, и все, по ней плывущее, влечетъ къ морю совершенствъ разнаго рода.

Дабы усмотрѣть, правы ли сіи мысли, можно ихъ отдать на судъ одну другой. Если міръ, не исключая и человѣчества, идетъ по своимъ законамъ, какъ искусно устроенная машина:

---

[12]) По рукописи автора: о будущемъ:...

то напрасно мечтаете вы, будто человѣчество само собою идетъ къ совершенству. Машина проходитъ и повторяетъ извѣстный кругъ болѣе или менѣе сложныхъ и разнообразныхъ движеній; и, безъ руки художника, нейдетъ ни къ какому новому, прежде ей неизвѣстному совершенству; временемъ же, скорѣе или медленнѣе подвигается къ поврежденію и разрушенію. И напротивъ, если человѣчество само собою, или хотя какъ нибудь иначе, идетъ къ постепенно возрастающему, или наконецъ ожидаемому совершенству: то, конечно, или міръ не такъ управляется свойственными ему законами, какъ машина, или, по крайней мѣрѣ, человѣчество не такъ крѣпко привязано къ машинальной части міра, какъ думаетъ машинальная мудрость.

Міръ идетъ по своимъ законамъ! Пусть такъ; онъ идетъ по законамъ необходимости. А ты, существо свободное и нравственное, развѣ ты не долженъ идти по законамъ свободы и нравственности? Развѣ премудрый, праведный и благій Богъ только въ бездушномъ мірѣ воцарилъ свойственный Ему законъ: а міръ духовный предалъ мятежу и безначалію беззаконія? Нѣтъ! Въ мірѣ физическомъ, что посѣяно, то, а не другое, вырастетъ по закону необходимости [13]); въ мірѣ духовномъ и нравственномъ, что посѣешь свободно, то и жать будешь. Посѣешь благочестіе и правду: пожнешь благословеніе и благополучіе. Посѣешь нечестіе и неправду: пожнешь клятву, бѣдствіе, погибель.

Человѣчество идетъ къ совершенству! Это не совсѣмъ неправда. Философія нашла сію мысль у Религіи; позавидовала возвышенности ея; похитила ее; но не поняла, и не умѣла употребить. Религія открыла, что Богъ ведетъ человѣчество къ совершенству и блаженству, зло неисправимое отсѣкая правосудіемъ, исправимое исправляя милосердіемъ, подая Свою силу немощи, но никогда силою не подавляя свободы, а преклоняя ее къ добру любовію: гордая Философія, худо подслушавъ, тщеславно пересказываетъ, что человѣчество идетъ къ совершенству само собою, побѣждая (какъ она прибавляетъ) природу посредствомъ искусства, открытій, изобрѣтеній, но (что не всегда она проповѣдуетъ, однако показываетъ дѣломъ) не домогаясь приближиться къ Творцу природы. Со святымъ Павломъ молю васъ, *братіе, да никтоже васъ будетъ прельщая*

[13]) По рукописи автора: то и вырастетъ необходимо;...

философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ (Кол. II. 8). И нынѣ, какъ во времена языковъ, уклонясь отъ мудрости по Христѣ, *въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога* (1 Кор. I. 21). Думаютъ однимъ взоромъ обнять все человѣчество; указываютъ какой-то самодвижный ходъ онаго къ совершенству; превозносятъ успѣхи такъ называемаго просвѣщенія и образованности; обѣщаютъ золотой вѣкъ: и тамъ, гдѣ наиболѣе думаютъ, что все сіе дѣлается и сдѣлается само собою, и менѣе всего заботятся о благословеніи и просвѣщеніи свыше,—тамъ именно, и въ то же самое время, не находятъ ни добродѣтелей, ни нравовъ, ни спокойствія, ни безопасности, пороки необузданны, распри безконечны, союзы ненадежны, мудрость сдѣлалась не болѣе, какъ промышленностію, и познанія товаромъ, книги и зрѣлища наполнены преступленіями и ужасами, какъ темницы и мѣста казни. Скажите пожалуйте, неужели сіе-то и есть прямая дорога и естественный ходъ къ совершенству человѣчества? Или, напротивъ, не суть ли это распутія, дебри, пропасти, уклоненія, заблужденія, паденія? Но сократимъ споръ. Если человѣчество, въ цѣломъ ли, почастно ли, должно идти къ желаемому и ожидаемому въ будущемъ совершенству, благополучію, блаженству: то надобно, чтобы найденъ, или лучше указанъ былъ истинный къ тому путь. Говорю: лучше указанъ: потому что путь, пролагаемый догадочно, часто не ведетъ къ цѣли и тогда, когда ее представляетъ въ виду; а путь, указанный опытнымъ и вѣрнымъ путеводителемъ, ведетъ къ цѣли и тогда, когда она еще скрыта отъ взоровъ. Какой же это путь? — Тотъ, который Откровеніе Аврааму нарекло, по приспособленію къ разнообразному множеству шествующихъ,—*путями Господними*, который впрочемъ въ основаніи есть единый путь Господень. Кто же указуетъ путь сей? — Иногда, поколику нужно, Самъ Господь съ неба, какъ, напримѣръ, тому же Аврааму: *ходи предо Мною и буди совершенъ* (Быт. XVII. 1). Обыкновеннѣе же испытавшіе благонадежность сего пути, отъ радости провозглашаютъ свое обрѣтеніе, и по человѣколюбію приглашаютъ къ участію въ ономъ, какъ напримѣръ: *блажени непорочніи въ пути, ходящіи въ законѣ Господни* (Псал. CXVIII. 1). *Блаженъ мужъ, иже на пути грѣшныхъ не ста, но въ законѣ Господни воля его. Будетъ яко древо насажденное при исходищихъ водъ. Вся,*

елика аще творитъ, успѣетъ (Псал. I. 1—3). *Блажени вси боящіися Господа, ходящіи въ путехъ Его. Труды рукъ твоихъ снѣси; блаженъ еси и добро тебѣ будетъ* (Псал. CXXVII. 1. 2). *Потерпи Господа, и сохрани путь Его, и вознесетъ тя еже наслѣдити землю; внегда потребляятся грѣшникомъ, узриши* (Псал. XXXVI. 34). Если, то есть, и покажется тебѣ, что путь Господень труденъ, или дологъ, и не являетъ тебѣ вскорѣ пріятной будущности: не колеблись въ вѣрѣ; не теряй надежды; наконецъ минуетъ испытаніе, и откроется воздаяніе. *Потерпи,—узриши.*

Христіане! Вамъ извѣстно, что великій градъ Божій, къ которому собственно ведетъ путь Господень,—блаженная будущность, которая оправдаетъ путь сей совершенно,—лежитъ за предѣлами времени. Но на семъ же, и только на семъ, пути лежатъ и мирныя обители и безопасные грады временныхъ благословеній. Сохраняйте сей путь, у насъ благодареніе Богу, не потерянный: и какъ Благочестивѣйшій Государь нашъ указуетъ путь сей Своему Наслѣднику, такъ и вы предшествуйте на семъ пути добрымъ примѣромъ, и указуйте, и заповѣдуйте оный, родители дѣтямъ, домовладыки домашнимъ, наставники наставляемымъ, начальники подчиненнымъ, старшіе младшимъ; всѣ другъ другу да подаемъ руки на пути вѣры и благочестія, который есть единственный вѣрный путь благоденствія и блаженства! Аминь.

CLXIII.

108. Слово

Въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія. [1])

(Напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1844 и 1848 г.)

Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе управи сердце твое, и потерпи, и не скоръ буди во время наведенія: прилѣпися ему, и не отступи, да возрастеши напослѣдокъ твой. Сир II. 1—3

Собравшіеся здѣсь къ Мужу, который прилежно поработалъ Господеви Богу во время свое, и пріялъ отъ Него вѣчное воздаяніе, столь обильное, что вотъ уже нѣсколько вѣковъ отъ избытка онаго неистощимо удѣляетъ всякому, истинно нуждающемуся и непритворно просящему, — собрались, безъ сомнѣнія, для того, чтобы найти себѣ у него помощь и наставленіе въ работаніи Господеви Богу, дабы получить воздаяніе спасенія и блаженства.

Тѣхъ, которые успѣшно прошедъ начальные подвиги служенія Богу, *ведутся* уже *на совершеніе*, мы предоставляемъ непосредственному тайному наставленію и руководству сего Богомудраго Наставника, глаголющаго духомъ къ духу, *и помазанію* общаго для него и для нихъ Духа Божія, которое *учитъ* ихъ *о всемъ* (1 Іоан. II. 27). Поелику же и на нашу немощь возложенъ долгъ служенія слову истины: то, принявъ благословеніе отъ сего Сильнаго дѣломъ и словомъ, сообразно съ нашею мѣрою, обратимъ мы малую бесѣду къ тѣмъ, которые, подобно намъ, коснятъ еще въ *словѣ начала Христова* (Евр. VI, 1); не столько *работаютъ* Богу, сколько *приступаютъ* къ сему; давно, можетъ быть, начинаютъ, но все не

[1]) Въ рукописи автора и въ отдѣльномъ изданіи озаглавлено такъ: Ученіе объ искушеніяхъ, преподанное въ словѣ въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія въ Лаврѣ 5 іюля 1834 года.

находятъ себя *уготованными* къ спасительному дѣланію. И симъ предложимъ не нашего мудрствованія ненадежное изобрѣтеніе, но готовое поученіе опытнаго мудреца.

Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе.

Поученіе для иныхъ недовольно ожиданное, и еще менѣе пріятное! Я думалъ, скажетъ иной, что приступающій работать Богу долженъ готовиться къ подвигамъ, хотя не малымъ, но не труднымъ, болѣе же—къ утѣшенію, къ радости, къ блаженству: потому что Богъ всемогущій и всеблагій не только видитъ работающихъ Ему, но и приближается къ нимъ, помогаетъ имъ, утѣшаетъ ихъ, награждаетъ. — Да, это все такъ; надежда сія вѣрна; и должно держаться ея: но надлежитъ знать и то, что на пути къ наградѣ и блаженству, среди поприща подвиговъ, и при самомъ вступленіи въ оное, нерѣдко, и притомъ иногда неминуемо, встрѣчается искушеніе; а потому надобно готову быть и къ сей встрѣчѣ. *Аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе.*

Что такое *искушеніе?*—Испытаніе, какое, въ чемъ, или въ комъ, свойство, какая сила, какое превосходство, или напротивъ, какое несовершенство, находятся, по наружности недостовѣрно узнаваемыя, или совсѣмъ скрытыя во внутренности. Такъ слово Божіе изъясняетъ о семъ предметѣ само себя· *яко же искушается въ пещи сребро и злато: тако избранная сердца у Господа* (Прит. XVII. 3). Вещь, кажущаяся золотою, можетъ быть или изъ чистаго золота, или изъ нечистаго, или вовсе не изъ золота во внутренности: въ огнѣ золото становится чище, примѣсь отдѣляется, поддѣльное вещество обличается. Такъ добродѣтель человѣка можетъ быть чистая и твердая, о Бозѣ содѣланная, и въ силѣ Божіей неизмѣнная, или нечистая, по причинѣ примѣшенія помысловъ тщеславія, своекорыстія и самоугодія, или наконецъ вовсе лицемѣрная: въ огнѣ искушенія чистота ея возвышается, нечистота отдѣляется, лицемѣріе обличается.

При семъ можетъ кто нибудь подумать: мы дѣлаемъ испытаніе вещей, потому что не всегда узнаемъ по наружности, что скрывается въ ихъ внутренности: но Богу, Котораго взоръ, какъ все объемлетъ, такъ и сквозь все проницаетъ, на что испытывать сердца человѣковъ? Недоумѣвающій о семъ пусть примѣтитъ, что и художникъ полагаетъ золото или серебро въ

огнь не для того только, чтобы узнать подлинность и чистоту или нечистоту металла, но и для того, чтобы нечистое и поддѣльное отдѣлить и отбросить, и получить чистый, свѣтлый, прочный и болѣе прежняго цѣнный металлъ. Для первой изъ сихъ двухъ цѣлей какими нибудь особенными опытами искушать сердца не нужно Богу всевѣдущему: но для другой попускать на человѣковъ, и даже, можетъ быть, иногда наводить искушенія, полезно для самихъ человѣковъ. Полезно посредствомъ искушенія обличеніе ложной и лицемѣрной добродѣтели, дабы освободить человѣка отъ пагубнаго самопрельщенія, и поставить на путь истиннаго покаянія и исправленія. Полезно посредствомъ искушенія и неложную добродѣтель возводить къ высшей чистотѣ, крѣпости и совершенству, по реченному: *святый да святится еще* (Апок. XXII. 11), да, по обѣтованію Христову, *чистіи сердцемъ Бога узрятъ* (Мат. V. 8), да вся *побѣждаяй наслѣдитъ вся* (Апок. XXI. 7), да совершенный, безъ препоны, по закону подобія и единства, приступитъ и пріобщится *къ церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и духомъ праведникъ совершенныхъ* (Евр. XII. 23). Наконецъ полезно и очищенную уже вѣру, и усовершенствованную добродѣтель, и Божественную поистинѣ любовь, обитающую въ сердцѣ человѣка, скромностію и смиреніемъ покрываемую, посредствомъ искушенія открывать, дабы ее познали, возлюбили, возжелали перенять, и сугубо прославили Бога, и за образецъ, и посредствомъ подражанія.

Не входя теперь въ разсужденіе объ особенномъ, высшемъ родѣ искушенія душъ совершенныхъ или приближающихся къ совершенству, какъ, напримѣръ, нѣкогда *Богъ искушаше Авраама* (Быт. XXII. 1), требованіемъ въ жертву единственнаго сына обѣтованія, а сообразно взятому нами въ основаніе настоящей бесѣды слову Писанія, ограничивая взоръ болѣе общимъ, низшимъ, начальнымъ родомъ искушеній, къ которымъ долженъ готовиться каждый, приступающій работати Господеви Богу, не скроемъ, что встрѣча съ искушеніемъ, которая, по направленію Провидѣнія, должна быть полезна, хотя и трудна, можетъ быть напротивъ опасна, хотя притомъ иногда и пріятна. Есть злохудожное и насильственное направленіе искушенія, которое усиливается ослабить и подавить добро, и поднять зло въ человѣкѣ, ввести нечистоту сперва въ помыслы, потомъ въ желанія, и наконецъ въ дѣла, возмутить и разстроить душу.

Не пренебреги сего, желающій работати Богу; будь предусмотрителенъ; приготовляй силу противъ насилія, благоискусство противъ злохудожности. *Уготови душу.*

Для сего нужно знать, откуда происходитъ сей родъ и сіе направленіе искушенія. О семъ говоритъ святый Апостолъ Іаковъ: *никто же искушаемъ да глаголетъ, яко отъ Бога искушаемъ есть; Богъ бо нѣсть искушаемъ злыми, не искушаетъ же Той никогоже* (Іак. I. 13). Иной во время искушенія говоритъ: Богъ послалъ на меня искушеніе; и не заботится, когда оно производитъ въ душѣ его движенія неправильныя, немирныя, нечистыя; не примѣчаетъ, какъ отворяетъ оно дверь грѣху. Нѣтъ, возражаетъ ему святый Іаковъ, не усыпляй себя тщеславною мыслію, что ты на пути Божіемъ, потому что неблагопріятному состоянію твоему ты далъ невинное и даже почетное названіе искушенія; Богъ, какъ Самъ не искушается зломъ, которому совсѣмъ недоступно естество Его; такъ и не искушаетъ никого злымъ направленіемъ искушенія, что было бы противно Его благости. Откуда же сей родъ и сіе направленіе искушенія? — *Кійждо*, продолжаетъ тотъ же Апостолъ, *искушается отъ своея похоти влекомь и прельщаемь; таже похоть зачеши раждаетъ грѣхъ* (ст. 14 — 15). Если же таковое самоискушеніе—отъ похоти, иногда еще не рѣшительно грѣховной, впрочемъ способной зачать грѣхъ: то не трудно усмотрѣть многочисленные источники искушеній, по слѣдующему указанію другаго Апостола: *все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская, нѣсть отъ Отца*, присовокупляетъ и Іоаннъ согласно съ Іаковомъ, *отъ міра сего есть* (1 Іоан. II. 16). Дополнимъ еще, что и міръ, какъ твореніе Божіе, не есть самъ по себѣ гнѣздо похоти, или работная храмина искушеній; не къ сему назначилъ его премудрый Художникъ и Содѣтель Богъ; но къ сему силится обратить его, чрезъ преслушаніе перваго человѣка вошедшій въ него, злохудожникъ и разрушитель діаволъ, который и есть *искуситель* по преимуществу, какъ и называется въ священномъ Писаніи (Мат. IV. 3). Если онъ нагло дерзнулъ приступать въ семъ качествѣ къ самому Іисусу Христу, въ Которомъ *не имѣлъ ничесоже* (Іоан. XIV. 30), въ Которомъ, то есть, не было ничего грѣховнаго, или поврежденнаго, или нечистаго, и слѣдственно никакой внутренней пищи искушенію: то не должно ли заключить, что сей адскій вѣтръ всегда, до пред-

сказаннаго рѣшительнаго запечатлѣнія бездны (Апок. XX. 3), примѣтными или непримѣтными, прямыми или косвенными исходами дышетъ въ міръ, и силится раздуть всякую искру похоти въ человѣкѣ, и *все еже въ мірѣ*, превратить въ дрова огню сему нечистому?

Какъ же много причинъ, какъ много случаевъ къ искушенію; какъ иногда прикрыта, и между тѣмъ какъ велика должна быть опасность! Не годится быть безпечну; нельзя пускаться на удачу; надобна осторожность, бдительность; надобно изыскивать средства къ безопасности; надобно имѣть въ готовности оружіе для отраженія нападеній; надобно присутствіе духа, мужество, твердость, непреклонная рѣшимость, долго, можетъ быть, стоять въ искушеніи, которымъ испытуется въ насъ доброе, и ни на минуту не уступать искушенію, которое клонитъ къ злу. Все сіе не приходитъ само собою: если ты подлинно желаешь работати Господеви Богу; то подумай о семъ не поверхностно, не разсѣянно, съ глубокимъ вниманіемъ, съ дѣятельнымъ попеченіемъ; устрой умъ твой, расположи сердце твое. *Уготови душу твою во искушеніе.*

Спросишь ли, какъ сіе сдѣлать? — Предлагаю тебѣ дальнѣйшія наставленія избраннаго мною наставника.

Первое. *Управи сердце твое.* Не попускай твоимъ помысламъ и желаніямъ носиться безъ управленія, какъ корабль безъ кормчаго, какъ конь безъ узды. Дай имъ управленіе. Направляй непрестанно мысли къ истинѣ, желанія къ добру. Обуздывай помыслы и желанія суетныя, чтобы не вознеистовились похоти злыя, и не повергли колесницу души въ пропасть беззаконія.

Второе. *Потерпи, и не скоръ буди во время наведенія.* Опрометчивость и непостоянство суть равно вредные домашніе враги добрыхъ намѣреній, и переметчики на враждебную сторону искушенія. Непостоянство разрушаетъ начатое устроеніе души; опрометчивость, начиная безъ основанія, также готовитъ не иное что, какъ разрушеніе. Кто *не скоръ во время наведенія*, то есть во время прираженія искушенія не поступаетъ опрометчиво, тотъ сберегаетъ себя отъ шага, который, по всей вѣроятности, оказался бы не на прямомъ пути, и выигрываетъ время собраться съ силами, и получить помощь: *Претерпѣвый же до конца*, по непреложному обѣтованію, *той спасенъ будетъ* (Мат. X. 22).

Третіе. *Прильпися ему, и не отступи, да возрастеши на-*

послѣдокъ твой. Вспомнимъ слышанное отъ Апостола: *Богъ нѣсть искушаемъ злыми, не искушаетъ же Той никогоже.* Итакъ чѣмъ крѣпче прилѣпляешься къ Нему, чѣмъ постояннѣе въ Немъ утверждаешь сердце твое: тѣмъ ты безопаснѣе отъ искушенія, которое не можетъ проникнуть въ Бога, слѣдственно и тебя въ Немъ поколебать не можетъ.

Если искушеніе, происходящее не отъ Бога, *искушаетъ* тебя *злыми*, тревожитъ, поднимаетъ нечистое дрождіе со дна чувственности, приводитъ въ броженіе злыя склонности: прибѣгай къ Богу, и молись молитвою, преданною отъ Господа: Отче Небесный! *Не введи насъ во искушеніе.*

А если искушеніе, управляемое Провидѣніемъ Божіимъ, даетъ тебѣ средства усмотрѣть въ себѣ недостатки, которыхъ ты до того не примѣчалъ, немощи, отъ которыхъ почиталъ себя избавленнымъ; увеличиваетъ твою опытность и ревность о своемъ исправленіи; погружаетъ тебя въ смиреніе: прибѣгай также къ Богу, и молись молитвою Псалмопѣвца: *искуси мя, Боже, и увѣждь сердце мое; испытаяи мя, и разумѣй стези моя; и виждь, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣченъ* (Пс. CXXXVIII. 23. 24).

Заключимъ утѣшительнымъ для искушаемыхъ словомъ Апостольскимъ: *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни, егоже обѣща Богъ любящимъ Его* (Іак. I. 12). Аминь.

CLXIV.

109. Рѣчь

по рукоположеніи Преосвященнаго Агапита Епископа Томскаго и Енисейскаго.

(Говорена въ Успенскомъ Соборѣ въ 12-й день августа, напечатана въ Христіанскомъ Чтеніи 1834 года и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.) [1])

Преосвященный Епископъ Агапитъ!

Бога Отца прозрѣніемъ и предуставленіемъ, Царственнымъ вкупѣ и Священноначальственнымъ мановеніемъ Господа нашего Іисуса Христа, благодатію и дѣйствіемъ Святаго Духа, при молитвенномъ и рукоположительномъ служеніи Соепископовъ, пріялъ ты нынѣ часть Епископскаго дарованія, предназначеннаго, по изъясненію Апостола, *къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова* (Ефес. IV. 12).

Часть Епископскаго дарованія,—сказалъ я, не уменьшая твое настоящее пріобрѣтеніе, но изъ указанія на цѣлое, къ которому принадлежитъ сія часть, желая извлечь полезныя и утѣшительныя для тебя мысли.

Какое жъ это цѣлое, котораго часть досталась тебѣ въ нынѣшнемъ дарованіи? Не меньше, какъ Епископство Христово. Ибо Самого Іисуса Христа Апостолъ Петръ называетъ, по Славенскому переводу Посланія, *посѣтителемъ*, по Греческому подлиннику,—*Епископомъ душъ* (1 Петр. II. 25). Онъ, раздѣляя свое собственное Епископство душъ, примѣнительно къ потребностямъ Церкви, коей Онъ есть *глава* (Кол. I. 18), *далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовѣстники, овы же Пастыри и Учители* (Ефес. IV. 11).

---

[1]) «Надумался я говорить къ нему уже во время чтенія Апостола, и что сказалъ тогда, забылъ по окончаніи рѣчи. Три дня уже спустя, когда я ѣхалъ куда-то, вспомнилъ, что говорилъ, и дорогой въ каретѣ записалъ». Слова автора намѣстнику Сергіевой лавры архимандриту Антонію. См. Записки Сушкова, прилож. XXII, стр. 48.

Видишь, какого чуднаго достоянія часть пріялъ ты нынѣ:— часть того дарованія, которымъ Благовѣстники предали и неповрежденнымъ сохранили Евангеліе Хрістово, которымъ Пророки освѣщали мракъ сокровеннаго и будущаго, которымъ Апостолы преобразили міръ языческій въ Христіанскій, которымъ Іоаннъ возгремѣлъ о Богѣ Словѣ, которымъ Петръ поколебалъ Синагогу, которымъ Павелъ *отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнилъ благовѣствованіе Хрістово* (Рим. XV. 19), которымъ Аѳанасій, Василій, Григорій утвердили Православіе и низложили ереси, отъ котораго Іоаннъ златыми струями ученія усладилъ и напоилъ Церковь.

Помышляй о семъ, и воскриляй твой духъ, и возбуждай твою ревность, и утверждай твое упованіе на помощь свыше.

Немощь ли устрашаетъ тебя?—Вспомни, что и Апостолу сказалъ Господь: *сила Моя въ немощи совершается* (2 Кор XII. 9).

Озабочиваетъ ли тебя то, что не на готовый идешь престолъ, но долженъ будешь самъ поставить и утвердить твое сѣдалище, и при томъ на такой землѣ, гдѣ не многонасѣянную ниву Хрістову окружаютъ и плевелы и терніе? — Воззри на Павла, который не только не приходилъ въ смущеніе отъ подобныхъ затрудненій, но еще любилъ *благовѣстити не идѣже именовася Хрістосъ, и не на чужомъ основаніи созидать* (Рим. XV. 20).

Затрудняетъ ли тебя отдаленность паствы, тебѣ ввѣряемой?— Опять воззри на Павла, который, не довольствуясь тѣмъ, что своимъ служеніемъ наполнилъ пространство отъ Іерусалима до Иллирика, еще побуждаемъ былъ Апостольскою ревностію распространить свои подвиги до Рима и до Испаніи; или—если трудно смотрѣть такъ далеко—воззри на собственномъ твоемъ пути на Святаго Стефана Пермскаго, на Святаго Иннокентія Иркутскаго. Не добрые ли это предшественники? Не благъ ли путь, который лежитъ по слѣдамъ ихъ?

Пріими же благодушно и благонадежно сей, частію, если угодно, и путническій, наипаче же пастырскій жезлъ; и гряди въ крѣпости Господней, и совершай спасеніе людей Божіихъ. По образу древняго Патріарха, *съ жезломъ симъ прейди* предѣлъ Европы, и да дастъ Господь, да *будеши* болѣе, нежели *въ два полка* (Быт. XXXII. 10) спасаемыхъ.

CLXV.

110. Рѣчь

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ.

(Говорена сентября 8-го дня, напечатана отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

Благочестивѣйшій Государь!

Объ одномъ изъ Благочестивѣйшихъ Царей народа Божія написано: *и вселися Іосафатъ во Іерусалимѣ, и паки изыде къ людямъ отъ Вирсавіи даже до горы Ефремли, и возврати ихъ ко Господу Богу отецъ своихъ* (2 Пар. XIX. 4). Вотъ древнѣйшій образецъ повременныхъ путешествій Царя къ Царству, для блага народа.

Въ сумракѣ древности, Ты могъ не примѣтить сего образца Твоихъ путей, управляемыхъ собственно Царскою мудростію и отеческимъ попеченіемъ о нашемъ благѣ; но тѣмъ паче примѣчательно для насъ, что такъ сходно съ древнимъ Священнымъ образцемъ. *и паки исходиши къ людемъ*, отъ столицы до столицы, отъ области до области Твоей великой Державы; и въ самую сію минуту, высокимъ примѣромъ Твоего благочестія возвышаешь сердца людей сихъ *ко Господу Богу отецъ Своихъ*.

Такъ на необъятномъ разстояніи временъ и мѣстъ, виденъ опытъ одной и той же истины, что пути Благочестивыхъ Царей имѣютъ сходное между собою направленіе, потому что ихъ направляетъ одна невидимая рука; потому что *сердце Царево въ руцѣ Божіей*.

Посему предъ симъ Святилищемъ Божіимъ, привѣтствуемъ Тебя, Благочестивѣйшій Государь, не только по чувству любви радостнымъ, но и по чувству благоговѣнія священнымъ привѣтствіемъ. *благословенъ грядый во имя Господне!* Господь Самъ да благословляетъ Царскіе пути Твои миромъ и всякимъ благомъ для Тебя и вѣрнаго Богу и Тебѣ Твоего народа.

CLXVI.

111. Рѣчь

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, по случаю прибытія въ Москву Благовѣрнаго Государя Наслѣдника престола, Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича, при вступленіи Его Величества и Его Высочества въ Успенскій Соборъ.

(Говорена октября 19 дня; напечатана отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

Благочестивѣйшій Государь!

Столица, радующаяся при одной мысли, что ей даровано быть колыбелью Твоего Первенца,—естественно, съ живѣйшею радостію видитъ въ годъ совершеннолѣтія Того, Котораго приняла она въ день рожденія отъ самаго нѣдра Благочадныя Матери. Радость сія возвышается и еще—восхитительною мыслію, что Твоя любовь даритъ намъ нынѣ сію нечаянную радость.

Такая радость не нашла бы для себя довольно словъ. Но за нее можетъ говорить простая сердечная молитва: да хранитъ Господь выну Тебя — нашъ миръ и нашу радость, и Твоего Возлюбленнаго Наслѣдника — нашу надежду, и да продолжитъ умножать Твои семейственныя радости, которыми такъ отечески дѣлишься съ Твоимъ же обширнымъ семействомъ — Твоихъ вѣрноподданныхъ.

CLXVII.

112. Рѣчь [1]

къ Преосвященному Исидору, новорукоположенному Епископу Дмитровскому.

(Говорена ноября 11 дня; напечатана въ Христіанскомъ Чтеніи 1835 года и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

Послѣ того, какъ соединенною молитвою сопастырей призвана тебѣ Божественная благодать *проручествующая*, то есть, чрезъ рукоположеніе нисходящая и возводящая; — послѣ того, какъ сія благодать, чрезъ открытый ею самою протокъ молитвы и рукоположеніе, безъ сомнѣнія, дѣйствительно изліялась на душу твою;—послѣ того, какъ нашими смиренными руками, она же облекла тебя въ полноту священныхъ одеждъ,—священныхъ, потому, что онѣ суть не просто украшенія, но знаменія даровъ и добродѣтелей, которыми Пастыреначальникъ Господь Іисусъ облачаетъ души Богу посвящаемыя [2]);—наконецъ послѣ того, какъ сія же благодать обновила въ тебѣ свой даръ тайнодѣйствованіемъ и чрезъ тебя съ нами;—чинъ святыя Церкви повелѣваетъ мнѣ, начатое словомъ молитвы заключить словомъ напоминанія и совѣта.

Что же скажу? Не хощу сказать тебѣ моего слова, немощнаго и безжизненнаго. Чтобы запечатлѣть живое дѣло Святаго Духа, ищу живаго слова, тѣмъ же Духомъ вдохновеннаго.

Даждь намъ нуждающимся въ заемъ, Божественный Павле, твое слово, которое нѣкогда послалъ ты къ святому Тимоѳею. *Воспоминаю тебѣ*, говоритъ, *возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею* (2 Тим. I. 6).

Тимоѳей былъ рукоположитель, какъ видно изъ завѣщанія

---

[1]) Въ собр. 1835 года рѣчь эта названа словомъ.

[2]) Въ Христ. Чт. и въ собр. 1835 г.: Богу посвящаемыя и Богомъ освящаемыя...

ему отъ Апостола: *руки скоро не возлагай ни на когоже* (1 Тим. V. 22). Тимоѳей былъ правитель и судія пресвитеровъ, какъ видно изъ другаго ему завѣщанія: *на пресвитера хулы не пріемли, развѣ при двою или тріехъ свидѣтелехъ* (ст. 19). Слѣдственно Тимоѳей былъ Епископъ,—былъ то, чѣмъ и тебя нынѣ та же благодать сотворила.

Для особеннаго твоего настоящаго положенія, можетъ быть, не излишне будетъ замѣтить и то, что Тимоѳей является у Апостола не самостоятельнымъ Епископомъ града Ефеса, но какъ-бы мѣстоблюстителемъ, или, по нынѣшнему иноязычному названію, *Викаріемъ* святаго Павла, какъ усмотрѣть можно изъ слѣдующихъ словъ посланія Павла: *сія пишу тебѣ, уповая пріити къ тебѣ скоро; аще же замедлю, да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива* (1 Тим. III. 14. 15). Слова сіи показываютъ, что святый Павелъ самъ дѣйствовалъ, и намѣренъ былъ лично дѣйствовать въ управленіи Церковію Ефесскою; а между тѣмъ употреблялъ и руководствовалъ святаго Тимоѳея, сперва какъ своего сотрудника и содѣйствователя, а потомъ, по мѣрѣ надобности, и какъ самостоятельнаго дѣйствователя въ Церковномъ управленіи.

Думаю, что и слушающіе насъ не совсѣмъ безъ пользы сіе услышатъ, но найдутъ въ моихъ замѣчаніяхъ пріятное для ихъ вѣры свидѣтельство, что въ Церкви Апостольской, даже до нынѣ, все происходитъ по образцамъ Апостольскимъ. Тебѣ же, Боголюбезный братъ, сказанное мною должно показать, что не по случайному примѣненію, но по истинному праву и приличію, даже по обязанности, могу, и долженъ я, обратить къ тебѣ слово Святаго Павла, посланное къ Тимоѳею: *воспоминаю тебѣ возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ рукъ* нашихъ.

Видишь ли, что показуетъ тебѣ непогрѣшительное Апостольское слово?—*Даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ рукъ.*

Даръ Божій!—Не помысли о своемъ достоинствѣ; не обопрись на свою силу; не присвой себѣ того, что есть единственно Божіе; не припиши *Христова благоуханія* сосуду, въ который оно положено.

Даръ Божій!—Смиряй, но не низлагай себя мыслію о своемъ недостаточествѣ или недостоинствѣ; не изнемогай въ своей немощи. Вседержительный Дародатель не требуетъ богатаго пріимателя; сила Божія не нуждается въ силѣ человѣческой.

Даръ Божій возложеніемъ рукъ! — Объими и удержи непоколебимою вѣрою сей даръ Святаго Духа, какъ тотъ самый, который Богъ Слово преподалъ Апостоламъ словомъ, но притомъ и дхновеніемъ, ради единосущія со Святымъ Духомъ; Который Духъ Святый низвелъ на Апостоловъ въ *дыханіи бурномъ*, но при томъ и въ *огненныхъ языкахъ*, ради единосущія съ Богомъ Словомъ; и Который наконецъ въ Апостолахъ, и преемникахъ ихъ, какъ орудіяхъ Духа, избралъ себѣ также орудіемъ и знаменіемъ руку, какъ многодѣятельнѣйшее изъ орудій.

Даръ Божій живущій въ тебѣ! — Такъ! Нѣтъ сомнѣнія, что присноживущій Источникъ жизни Богъ живые даетъ и дары. Но для сей тайны благодати совсѣмъ нѣтъ у меня слова; а есть только, для тебя и для себя, боязненное и дерзновенное, недоступное и неотступное вѣрованіе, желаніе, упованіе, стремленіе и поверженіе всего себя въ смертныя язвы Жизни за насъ умершей, изъ которыхъ единственно просіяваетъ, дышетъ и течетъ истинная жизнь, въ насъ живущая.

Но, о бѣдная смертность, или, что почти тоже, грѣховность наша! И сія, въ столь глубокомъ, въ столь неистощимомъ, въ столь чистомъ и свѣтломъ Источникѣ почерпаемая жизнь можетъ въ насъ не только возмутиться и потемнѣть, но истощиться, изсякнуть, угаснуть отъ нашего нерадѣнія. И посему-то, какъ участнику жизни благодатной, наипаче же какъ орудію для распространенія оной, Апостолъ воспоминаетъ Тимоѳею, и я воспоминаю тебѣ, и ты самъ себѣ отнынѣ прилежно воспоминай, *возгрѣвати даръ Божій живущій въ тебѣ*, возбуждать, питать, возращать оной приличными средствами и пособіями, какъ-то: молитвою, Словомъ Божіимъ, ревностію, и вѣрностію въ порученномъ дѣйствованіи, терпѣніемъ въ трудностяхъ, любовію креста Хрістова, неуклоннымъ зрѣніемъ на образъ Хрістовъ, который долженъ быть нашимъ отличіемъ, не столько на персяхъ и на сердцѣ, сколько въ персяхъ и въ сердцѣ.

Онъ Самъ,—Верховный Пастыреначальникъ нашъ, да упасетъ и управитъ тебя, и дарованный тебѣ нынѣ даръ Свой да сохранитъ въ тебѣ, и возраститъ, и многоплоднымъ сотворитъ, въ оправданіе благопопечительнаго избранія Державной и Священной Власти, въ благопотребное и полезное служеніе Церкви,

и,—если мнѣ позволено не забыть и сего,—въ облегченіе бремени, на мою немощь возложеннаго. Да будетъ жезлъ сей твой и моею на время подпорою!

CLXVIII.

113. Слово

по освященіи храма Святителя Николая, что въ Толмачахъ.

(Говорено ноября 25 дня, напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1835 г. и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

> **Коль добри доми твои, Іакове, и кущы твоя, Израилю! яко дубравы осѣняющія, и яко садіе при рѣкахъ, и яко кущы, яже водрузи Господь, и яко кедри при водахъ** Числ. XXIV. 5. 6.

Слова сіи написалъ въ книгѣ Чиселъ Пророкъ Моисей: а произнесъ оныя Валаамъ, человѣкъ, котораго пророческій характеръ затмѣвается тѣмъ, что не выдержанъ до конца его жизни. Не скрывая сего обстоятельства, я не усумнился впрочемъ, въ книгѣ истиннаго Пророка, взять вѣрно пересказанныя слова, произнесенныя Валаамомъ, какъ достойныя вниманія: потому что произнесены оныя еще тогда, когда онъ, не прельщаясь корыстію и честію отъ языческаго царя, сохранялъ себя вѣрнымъ духу видѣнія и Слову Божію; а потому могъ даже пророчествовать о Христѣ и о спасительной Его смерти и воскресеніи, какъ то можно видѣть въ слѣдующихъ его же словахъ: *возлегъ почи, яко левъ, и яко скименъ, кто возбудитъ его? благословящіи тя благословени, и проклинающіи тя проклясти* (Числ. XXIV. 9). Итакъ, стоитъ труда всмотрѣться въ то, что видитъ сей провидецъ, и вслушаться въ то, что онъ говоритъ.

Валаамъ стоялъ на высотѣ Фогора, имѣлъ предъ глазами станъ Израильтянъ, въ концѣ сороколѣтняго странствованія ихъ по пустынѣ, и говорилъ: *коль добри доми твои, Іакове, и*

кущы твоя, Израилю! яко дубравы осѣняющія, и яко садіе при рѣкахъ, и яко кущы, яже водрузи Господь, и яко кедри при водахъ.

Невѣроятно, чтобы послѣ столь продолжительнаго, столь труднаго путешествія, шатры и дорожныя повозки Израильтянъ, простому, тѣлесному взору представлялись въ такой восхитительной красотѣ, какою блещутъ оные въ словахъ прозорливца. Что же онъ видѣлъ? О чемъ онъ говоритъ?—Я уже замѣтилъ выше, что подъ образомъ спящаго льва, царя животныхъ, или сына львова, котораго никто не смѣетъ разбудить, Валаамъ видѣлъ Христа, Царя неба и земли, Сына Божія, Который почилъ сномъ смерти, и Котораго никто невластенъ былъ воскресить, какъ только Онъ Самъ, Своею Божественною силою. Посему-то видѣніе и заставило видящаго тотчасъ воскликнуть: *благословящіи тя благословени*, что также собственно Христу приличествуетъ, какъ Единому благословляющему благодатію всѣхъ, благословляющихъ Его вѣрою. Согласно съ симъ разумѣніемъ видѣнія, можно думать, что и подъ образомъ стана Израильтянъ, видимаго тѣлесными очами, провидцу дано было созерцать духомъ Церковь Божію и Христову: и въ семъ случаѣ не удивительно, что онъ описываетъ красоту ея съ восхищеніемъ. Какой это прекрасный *домъ!* И не удивительно, ибо въ немъ живетъ Богъ Но Церковь подобна и *кущамъ*, потому что находится въ состояніи странствованія: *не имамы бо здѣ* на земли *пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ, небеснаго* (Евр. XIII. 14). Она подобна *дубравѣ осѣняющей*: потому что въ ней и надъ нею всегда почиваетъ осѣненіе благодати Божіей. Она подобна *саду* при рѣкѣ: потому что всегда напаяется живою водою Духа Божія и ученія Христова, всегда растетъ духовно, и приноситъ плодъ правды. Она—*яко кущы, яже водрузи Господь*, непоколебима, неразрушима, какъ дѣло Божіе: такъ какъ и дѣйствительно Самъ Господь сказалъ о ней: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18). *Яко кедри при водахъ*, всегда зеленѣютъ, всегда возвышаются: такъ и она никогда не теряетъ жизни, которая возникла въ ней отъ неистлѣннаго сѣмени слова Божія, и непрерывно поддерживается Духомъ Святымъ; наконецъ она непрестанно возвышается къ небесамъ, дабы совершенно соединиться съ Главою Своею, Христомъ, и сдѣлаться совершенно небесною.

Еслибы кто сказалъ, что восторженныя слова прозорливца могли относиться къ Скиніи свидѣнія, находившейся въ станѣ Израильтянъ, иначе сказать, къ ихъ походному храму: сіе не противорѣчило бы нашему изъясненію; потому что Скинія свидѣнія также была образъ, въ которомъ можно и должно было созерцать Церковь.

Сіе видѣніе духовнаго благолѣпія Церкви приведено мнѣ, братія, на мысль видѣніемъ чувственнаго благолѣпія сего, нынѣ обновленнаго, храма, тщаніемъ возлюбившихъ сіе благолѣпіе чадъ новаго Израиля, и благопоспѣшнымъ подвигомъ воздвигнутаго и украшеннаго видимо, дѣйствіемъ же благодати облеченнаго невидимо въ высшую, духовную, таинственную красоту, и устроеннаго въ таинственное жилище Божіе. Пусть бы пришелъ и сюда древній прозорливецъ; или, если ему надобно зрѣлище, болѣе обширное, пусть бы онъ, вмѣсто нечистой высоты Фогора, сталъ у насъ на благословенной высотѣ Кремля, посмотрѣлъ бы на многочисленные храмы, древніе, новые, тщательно сохраненные въ благолѣпіи, или возобновляемые, или вновь и нынѣ съ древнимъ же усердіемъ созидаемые: истинно, думаю я, онъ возобновилъ бы свой древній восторгъ, и еще разъ возгласилъ бы свою древнюю пѣснь: *коль добри домы твои, Іакове, и кущы твои, Израиле!*

Благословенъ Богъ, не оставляющій людей Своихъ присутствіемъ благодати Своея! Благословенны люди Божіи, не оставляющіе Бога своего своею вѣрою и желаніемъ благодати Его! Пробави милость Твою вѣдущимъ Тя, Господи; и да не удалятъ Тебя отъ насъ наши грѣхи и невѣрности, но паче благодать Твоя, нами во святилищахъ Твоихъ искомая, да отверзаетъ сердца наши, да посѣщаетъ ихъ, да исполняетъ своею силою и своимъ утѣшеніемъ, и такимъ образомъ, изгоняя изъ нихъ, и отражая отъ нихъ все, Тебѣ противное, и ихъ да *созидаетъ въ жилище Божіе духомъ* (Ефес. II. 22).

Къ утѣшенію вѣры, не неблаговременно теперь будетъ, представить вамъ, братія, изъ слова Божія нѣсколько удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ о пребываніи благодати Божіей въ Церкви Христовой неотступно до скончанія вѣка.

Первое изъ таковыхъ свидѣтельствъ даетъ Самъ Іисусъ Христосъ, *свидѣтель вѣрный и истинный* (Апок. III. 14), когда говоритъ: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18).—*Созижду*: слово сіе показываетъ со-

зиданіе Церкви еще въ намѣреніи, прежде самаго исполненія. Господь, какъ во многихъ случаяхъ, для удобнѣйшаго вразумленія насъ о Божественныхъ, непостижимыхъ дѣлахъ своихъ, уподоблялъ оныя обыкновеннымъ дѣламъ человѣческимъ, такъ и здѣсь уподобляетъ Себя хозяину, вознамѣрившемуся построить домъ, или архитектору, обдумывающему построеніе зданія. Надлежало между прочимъ подумать о прочности зданія, и предусмотрѣть и предотвратить то, что могло бы вредить оному. И такъ Основатель Церкви смотритъ въ будущее Видитъ, что врата адовы, отверстыя къ землѣ грѣхомъ Адамовымъ, при созданіи и по созданіи новой Церкви Христіанской испустятъ противъ нея новыя силы зла: полчища гонителей, сонмища еретиковъ, скопища разныхъ соблазновъ. Что-жь? Если зданіе будетъ повреждено до разрушенія: то цѣль онаго не будетъ достигнута; и не будетъ охранена слава Божественнаго Создателя. Но слава Ему во вѣки! Онъ провидитъ и предустрояетъ лучшее: *созижду*, говоритъ, *Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей*. Враги ея будутъ возставать на нее; будутъ иногда сильны; будутъ въ нѣкоторыя времена, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, торжествовать, отторгая у нея члены; а она будетъ страдать и болѣзновать, но рѣшительно *не одолѣютъ ей*. Долго ли?—Безъ сомнѣнія, до скончанія вѣка. Ибо если бы могли одолѣть когда нибудь, то Провидящій времена до вѣчности, не могъ бы сказать рѣшительно, что *не одолѣютъ*. Но чѣмъ Церковь побѣждаетъ и сохраняетъ себя непобѣдимою?—Безъ сомнѣнія, силою Божіею, благодатію Божіею. Слѣдственно, если силы адскія никогда не одолѣютъ ея: то сіе значитъ, что всегда въ ней сохранится, и всегда спасительно дѣйствовать будетъ сила Божія, благодать Божія.

Второе свидѣтельство сей истины можно заимствовать изъ Апокалипсиса, или Откровенія Святаго Іоанна Богослова, которое пророчественно изображаетъ судьбу Церкви Хрістовой до скончанія вѣка. Въ семъ Откровеніи непрерывно видимъ истинную Церковь, сперва въ образѣ двадцати четырехъ старцевъ окрестъ Божественнаго престола (Апок. гл. IV), *покланяющихся живущему во вѣки вѣковъ*; потомъ, по мѣрѣ, можетъ быть, распространенія Христіанства, въ числѣ ста четыредесяти четырехъ тысячъ, запечатлѣнныхъ печатію Бога живаго; далѣе, *въ народъ многомъ, егоже исчести никтоже можетъ, отъ всякаго языка, и колѣна, и людей, и племенъ, стоящемъ предъ пре-*

столомъ и предъ Агнцемъ (гл. VII); далѣе, въ видѣ храма съ олтаремъ и поклонниками, который Іоанну повелѣно измѣрить (гл. XI); еще далѣе, въ лицѣ жены, *облеченной въ солнце*, то есть въ истину и добродѣтель Іисуса Христа, Который есть *свѣтъ міру* (Іоан. VIII. 12), украшенной *вѣнцемъ отъ звѣздъ двоюнадесяте*, то есть Боговѣдѣніемъ Апостольскимъ, имѣющей подъ ногами *луну*, то есть мудрость человѣческую, естественную (Апок. гл. XII); еще далѣе, предъ бракомъ Агнца, она представляется *женою Его*, уготовавшею себя, и облеченною въ виссонъ оправданія Святыхъ (гл. XIX); и еще, послѣ изображенія тайновидцемъ перваго воскресенія, она именуется у него *святыхъ станомъ и градомъ возлюбленнымъ* (гл. XX. 8), доколѣ наконецъ, съ новымъ небомъ и новою землею, обновляется и она *въ Іерусалимъ новъ, сходящъ отъ Бога съ небесе* (гл. XXI. 2). Достойно примѣчанія, что тайновидецъ, изображая самыя опасныя времена для Церкви, представляетъ ее невредимою отъ опасностей, но чудесно сохраняемою. Напримѣръ: змій *гоняше жену*: но онъ ее не догоняетъ и не низлагаетъ; потому что *даны быша женѣ два крила орла великаго*; — *и поможе земля женѣ* (гл. XII 13. 14—16). Провидѣніе такъ управляетъ ходомъ происшествій, что и земныя учрежденія споспѣшествуютъ миру или безопасности Церкви; и *крилѣ орла великаго*, можетъ быть, царственнаго, благоговѣйно несутъ ее, выше злобы и лукавства враговъ ея, *въ пустыню въ мѣсто свое*, — конечно не просто въ безлюдіе внѣшнее, ибо Церковь сама есть многолюдство вѣрующихъ, но въ *пустыню* наипаче внутренюю,—все далѣе отъ міра, все ближе къ Богу; ибо *свое мѣсто* для Церкви есть близость къ Богу и соединеніе съ Нимъ. А сіе и значитъ то, что благодать Божія, не отъемлется [1]) отъ Церкви, и въ самыя опасныя времена, должна пребыть съ нею неразлучно даже до скончанія вѣка.

Третіе свидѣтельство той же истины находимъ въ слѣдующихъ словахъ Святаго Апостола Павла: *и Той*, то есть Христосъ, *далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовѣстники, овы же Пастыри и Учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова, дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры, и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста*

[1]) Въ Христ. Чт. и въ собр. 1835 г.: не отъемлемая.....

исполненія Христова (Ефес. IV. 11—13). Чтобы лучше уразумѣть силу сего изреченія, представимъ себѣ, что мы вопрошаемъ у Апостола: долго ли будутъ въ Церкви *Пастыри и Учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова?*—Онъ отвѣтствуетъ: *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.* Слѣдственно, доколѣ есть на земли не достигшіе въ соединеніе вѣры, не пришедшіе въ совершенство духовнаго возраста, еще нуждающіеся въ познаніи Сына Божія: дотолѣ будутъ въ Церкви Пастыри и Учители, къ совершенію Святыхъ; и какъ совершеніе Святыхъ чрезъ Пастырей и Учителей не можетъ быть безъ всесвятыя благодати Божіей, то и она должна, по удостовѣренію Апостола, пребывать съ Пастырями и Учителями въ Церкви дѣйствующею дотолѣ, какъ, препобѣдя всѣ препятствія, приведетъ всѣхъ, предуставленныхъ ко спасенію, въ соединеніе вѣры.

Приведемъ еще одно свидѣтельство о всегдашнемъ присутствіи въ Церкви благодати, особенно тайнодѣйственной. Тотъ же Апостолъ, увѣщевая Коринѳскихъ Христіанъ съ особеннымъ благоговѣніемъ приступать къ таинству Тѣла и Крови Христовы, говоритъ: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (1 Кор. XI. 26). И здѣсь важная истина скрывается въ маломъ словѣ: *дондеже*. Чтобы лучше открыть оную, опять обращаю рѣчь Апостола въ вопросъ: долго ли Христіане будутъ ясти хлѣбъ таинственный, и пити чашу Господню, и пріобщеніемъ Тѣла и Крови Христовой возвѣщать смерть Господню?—Въ словахъ Апостола нахожу отвѣтъ: *дондеже пріидетъ*. То есть: таинство Тѣла и Крови Христовы ненарушимо будетъ совершаться въ истинной Церкви Христовой до самаго втораго пришествія Христова, или, что то же, до скончанія вѣка. Поелику же сіе не можетъ быть безъ благодати тайнодѣйственной, безъ благодати священства, а заимственная благодать священства не можетъ быть безъ преподаятельной благодати Архіерейства: то очевидно, что благодать тайнодѣйственная и чинъ священноначалія, по предреченію Апостола, пребудутъ въ Церкви во всѣ времена, и хотя не всегда равно обильнымъ потокомъ, но никогда непресѣкаемою струею, потекутъ даже до предѣловъ Царства славы.

По симъ, и подобнымъ неложнымъ свидѣтельствамъ,—какое утѣшеніе, братія, что и въ сіи поздныя времена Церкви, также какъ въ самыя первыя, съ увѣренностію могу я говорить вамъ словами Святаго Апостола Петра: *возлюбленніи, препоясавше чресла помышленія вашего, трезвящеся, совершенно уповайте на приносимую вамъ благодать откровеніемъ Іисусъ Христовымъ* (1 Петр. I. 13).

Не внимайте же клевещущимъ на Церковь, будто благодать въ ней истощилась; будто священноначаліе въ ней или совсѣмъ, или въ половину рушилось.

Скажите чуждающимся Архіереевъ: если корень изсохъ, то какъ могутъ быть свѣжія вѣтви? Если,—какъ они думаютъ, или, точнѣе сказать, не размысливъ, укоряютъ, — благодать Архіерейства истощилась: то какъ можетъ продолжаться благодать священства, которое безъ Архіерейства есть то же, что вѣтвь безъ корня? Но поелику они признаютъ благодать священства: то какъ могутъ отвергать благодать Архіерейства, которое есть корень священства? А если не отвергаютъ благодати Архіерейства: то почему чуждаются онаго?

Скажите отвергающимъ всякое священство: если, по ихъ зломудрію, совсѣмъ рушилось священство, то должно сказать, что рушилась и Церковь, что *врата адова одолѣли ей*. Но если они скажутъ и сіе, то явно возстанутъ не противъ насъ, смиренныхъ служителей Церкви, но противъ Самого ея Основателя, Который сказалъ, что *врата адова не одолѣютъ ей*. Если нѣтъ таинства Тѣла и Крови Христовы: то Апостолъ сказалъ неправду, что оно будетъ совершаться, *дондеже пріидетъ* Господь на судъ. Но если слово Апостольское ложнымъ быть не можетъ; если словеса Христовы не мимоидутъ, хотя бы прешли небо и земля: то есть и нынѣ, и до скончанія вѣка будетъ, святое таинство Тѣла и Крови Христовы; есть и будетъ благодатное священство и священноначаліе; и противники сего ученія суть противники слова Апостольскаго и Христова.

Одно еще нужно къ сему присовокупить: *совершенно уповая на благодать* Божію въ Церкви, къ вашему охраненію отъ лжеученія, къ вашему утѣшенію въ скорби о грѣхахъ и въ страхѣ суда Божія, къ вашему подкрѣпленію въ немощахъ, не обратите надежды на благодать въ поводъ къ небрежной жизни, недостойной святыя благодати. *Но по звавшему вы Святому и сами святи во всемъ житіи будите* (1 Петр. I. 15). Аминь.

CLXIX.

114. Слово

въ день тезоименитства Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича и предъ торжественнымъ обѣтомъ сердобольныхъ вдовъ.

(Говорено въ церкви Святыя Маріи Магдалины, что во Вдовьемъ домѣ, декабря 6 дня; напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1834 года и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

Помаза Его Богъ Духомъ Святымъ и силою, иже пройде благодѣтельствуя и исцѣляя. Дѣян. X. 38.

Ко дню, именемъ Благочестивѣйшаго Императора украшенному, самое близкое слово было бы о нашемъ благополучіи подъ охранительною сѣнію могущественнаго имени *Народопобдителя*, которое такъ счастливо всею полнотою своего знаменованія встрѣтилось съ духомъ именуемаго, покаряющимъ себѣ народы троякою силою: мудрости, могущества и любви.

Но мановеніе самого Самодержца указуетъ иное направленіе моимъ мыслямъ, назначаетъ моему слову иной предметъ—бѣдствіе и состраданіе. Ибо тогда, какъ мы совершаемъ праздникъ вѣрноподданнической любви, Благочестивѣйшій Государь хощетъ, чтобы нынѣ же, именно здѣсь, былъ праздникъ Царскаго человѣколюбія. Тогда, какъ мы приносимъ къ сему Олтарю молитвы о Его безцѣнномъ для насъ здравіи, Онъ вноситъ сюда Свою сострадательную заботу о болящихъ, и поручаетъ намъ освятить живыя орудія Его собственнаго сердоболія.

Послѣдуемъ, братія, Христіанскому движенію сердца Царева, и помыслимъ о томъ особенномъ родѣ человѣколюбія, который имѣетъ предметомъ болящихъ

И во-первыхъ, потребуемъ сему роду человѣколюбія столько вниманія, сколько онъ заслуживаетъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Нѣкоторыя изъ дѣлъ человѣколюбія, которыя, по Евангелію,

дадутъ право на благословеніе на судѣ Хрістовомъ, и на призывъ къ блаженству, представляются вниманію, не бывъ искомы, и предлагаютъ намъ сами себя. Алчущій, жаждущій, странникъ, нуждающійся въ одеждѣ, являются, приходятъ, сказываютъ о своей нуждѣ, показываютъ ее; въ нихъ добродѣтель человѣколюбія ходитъ за нами, преслѣдуетъ насъ, хочетъ втѣсниться въ наши домы: только не убѣгай; только не запирай дверей. Но бѣдствующій болѣзнію лежитъ: кто его увидитъ? Если онъ проситъ помощи: кто его услышитъ? А не рѣдко, чѣмъ болѣе нужна ему помощь, тѣмъ менѣе онъ можетъ изъяснить свою нужду, и даже понимать и чувствовать оную. Позаботьтесь же о сердоболіи къ болящимъ, которое менѣе другихъ родовъ человѣколюбія вамъ докучаетъ; подите, поищите сей добродѣтели, потому что она за вами ходить не можетъ.

Иногда причиною невнимательности благоденствующихъ къ нѣкоторымъ бѣдствіямъ полагать можно то, что ихъ не испытывали;—что не всегда вѣрятъ виду бѣдствія;—что почитаютъ бѣдствующаго виновнымъ въ его бѣдствіи. Напримѣръ, что значитъ быть алчущимъ, по недостатку хлѣба, сего по опыту не знаетъ большая часть изъ насъ даже въ то время, которое у другихъ называется голодомъ. Состраданіе къ заключеннымъ въ темницу можетъ охлаждаться мыслію, что они заключили туда сами себя, собственными дѣлами. Не таково бѣдствіе болѣзни. Если ты и довольно долго, безпорочно, безопасно шелъ путемъ жизни, не встрѣчаясь съ онымъ: впрочемъ больше, нежели вѣроятно, что оно встрѣтитъ тебя далѣе, въ старости, предъ смертію. Итакъ, при одрѣ болящаго сострадди ему,—и себѣ; и, вспомнивъ законъ Провидѣнія, который такъ часто можно читать въ происшествіяхъ, еслибы онъ и не былъ написанъ въ Евангеліи: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѳ. VII. 2),—попекись утѣшить и облегчить болящаго, чтобы нѣкогда и тебѣ послано было Провидѣніемъ потребное утѣшеніе и облегченіе.

По великости бѣдствія велико должно быть сострадательное вниманіе къ бѣдствующему. Хотя же трудно опредѣлять великость бѣдствія, потому что бѣдствіе наше обыкновенно кажется намъ больше чужаго, и дѣйствительно испытываемое больше слышимаго, или представляемаго въ мысляхъ: но примѣръ многострадальнаго Іова даетъ намъ разумѣть, какъ велико можетъ быть бѣдствіе болѣзни въ сравненіи съ другими

несчастіями. Постигнутый нищетою и безчадіемъ, онъ еще разсуждалъ великодушно и благословлялъ Бога: но пораженный болѣзнію, *отверзе Іовъ уста своя, и прокля день свой* (Іов. III. 1).

По сей-то великости бѣдствія нѣкоторыхъ болящихъ, благотвореніе болящимъ представляется въ Евангеліи не только похвальнымъ дѣломъ добродѣтели человѣческой, но и высокимъ дѣломъ человѣколюбія Божественнаго, и между человѣколюбивыми дѣяніями самого Іисуса Христа блистаетъ особенною славою. И алчущихъ питалъ Онъ, какъ-то напиталъ въ пустынѣ, однажды пять тысячъ народа пятью хлѣбами, а въ другомъ случаѣ четыре тысячи семью хлѣбами; и болящихъ посѣщая или пріемля приходящихъ, исцѣлялъ всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ. Чудесенъ былъ и тотъ и другой родъ благотворенія: но когда надлежало Апостолу Петру, приготовляющему Корнилія и нѣкоторыхъ другихъ язычниковъ ко вступленію въ Христіанство, изобразить для нихъ Божественность лица Іисусъ Христова, и высокую благотворность Его дѣяній, вниманіе проповѣдника особенно остановилось на второмъ родѣ благотворенія. *Помаза*, говоритъ, *Его Богъ Духомъ Святымъ и силою, Иже пройде благодѣтельствуя и исцѣляя.* Итакъ, исцѣлять есть дѣло Божественное: но посему и посѣщать болящихъ, утѣшать, облегчать, подкрѣплять въ духѣ, есть такое благотвореніе человѣческое, которое идетъ слѣдомъ за Божественнымъ.

Нельзя наконецъ не упомянуть объ особенной важности посѣщенія болящихъ въ томъ отношеніи, что состояніе болѣзни не рѣдко превращается въ преддверіе смерти. Важное поприще земной жизни—послѣднее, гдѣ успѣшнымъ окончательнымъ подвигомъ довершаются предъидущіе, и даже иногда, больше или меньше, восполняется недостатокъ оныхъ, или напротивъ, не увѣнчанный конецъ больше или меньше затмѣваетъ все дѣло;—гдѣ присутствіе духа въ рѣшительномъ сраженіи выигрываетъ вѣчную побѣду, или напротивъ, малодушному и безполезному усилію спастись бѣгствомъ отъ смерти угрожаетъ невозвратный плѣнъ;—гдѣ немногими остальными шагами человѣкъ переступаетъ въ небо, или оступается въ бездну! Неудобопонятная, и потому неудобоуправимая и небезопасная послѣдняя брань тлѣнія съ петлѣніемъ, ветшающаго человѣка съ обновляемымъ, связующаго тѣла съ освобождаемою душею, привычекъ и привязанностей земныхъ съ желаніями небесными, воспоминаній прошедшаго съ надеждами и страхами будущаго!

Иногда упадающія силы тѣлесныя, не отрѣшившуюся отъ тѣла душу, такъ сказать, засыпаютъ своими развалинами, и болящій не видитъ приближающейся смерти, не вспоминаетъ своихъ, заранѣе на сіе время воспріятыхъ, намѣреній, не примѣчаетъ важности наступающаго подвига, не ищетъ пособій. Приближься къ сему колеблющемуся подвижнику, свѣжій, запасный воинъ; напомни ему о приготовленіяхъ къ рѣшительной брани, поддержи его въ подвигѣ, подай ему духовныя оружія: щитъ вѣры, и шлемъ упованія спасенія; подкрѣпи его силою изъ сокровищъ благодати; помоги духу его, сквозь развалины плоти, возвышаться къ Отцу Духовъ; утѣшительнымъ и животворнымъ Божественнымъ словомъ, и тихимъ дхновеніемъ молитвы, расправь и возвысь крила отлетающей душѣ. Кто знаетъ? Можетъ быть, непогрѣшительно совершивъ свой горній полетъ, она, по взаимности любви невременной, возвратится нѣкогда къ тебѣ, какъ голубица къ Ною, съ неувядающею вѣтвію мира, когда настанетъ и твоей душѣ время выйти изъ ковчега смертнаго тѣла на землю живыхъ, безсмертныхъ.

Если сіи размышленія даютъ вамъ, братія, нѣкоторое понятіе о томъ, сколь достойное вниманія и упражненія дѣло есть человѣколюбивое и Христіанское посѣщеніе болящихъ: то мнѣ остается, во-вторыхъ, указать кратко на расположенія, въ какихъ должно быть при таковомъ посѣщеніи, дабы оно было истинно полезно.

Посѣщеніе бѡлящихъ должно быть предпріемлемо по чувству долга и вмѣстѣ по свободному расположенію. Одинъ произволъ не обезпечилъ бы постоянства въ семъ дѣлѣ, не рѣдко утомительномъ. При одномъ невольническомъ чувствѣ долга, дѣло сіе было бы холоднымъ и мертвымъ, безвкуснымъ для посѣтителя, непитательнымъ для посѣщаемаго. Посему-то въ особенности вамъ, призванныя сестры сердоболія, для испытанія свободнаго расположенія дается время приготовленія; а потомъ чувство долга подкрѣпляется обѣтомъ.

При посѣщеніи больныхъ неразлучною спутницею должна быть любовь Христіанская. Съ любовію, какъ всякое, такъ и сіе дѣло, легко дѣлающему, и пріятно тому, для кого дѣлается. Наипаче же Христіанская любовь, какъ во всѣхъ отношеніяхъ есть, по изреченію Апостола, *исполненіе закона* (Рим. XIII. 10), такъ и въ отношеніи къ болящимъ, одна можетъ замѣнить всѣ правила, или, если нужно, и дать оныя, и принять, и

исполнить. Она постарается доставить больному всякое возможное утѣшеніе, кромѣ вреднаго; и позлатить ему горькое, но спасительное врачевство.

Сія же любовь призоветъ къ одру болящаго кротость и терпѣніе, на которыя впрочемъ особенное обращать должно вниманіе, чтобы онѣ отсюда не отлучались. Какъ о дѣйствіяхъ ветхаго человѣка сказалъ Апостолъ: *не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (Рим. VII. 20): такъ о расположеніяхъ больнаго можно иногда сказать: это не онъ, а болѣзнь. Она бываетъ въ немъ необыкновенно раздражительна, нетерпѣлива, упорна: если въ обращеніи съ нимъ не сохраните съ своей стороны кротости и терпѣнія, то можете пролить масло на огонь, и притомъ на огонь истребительный.

Наконецъ приносите къ одру болящаго, — непремѣнно приносите, вѣру и молитву. Если уже находите его въ чувствованіяхъ вѣры и молитвы: прилагайте вашъ ѳиміамъ къ его ѳиміаму, и поддерживайте огнь кадила его дыханіемъ вашей молитвы. Если же, къ сожалѣнію, не возжено его кадило, не примѣтно въ немъ ни теплоты вѣры, ни благоуханія молитвы: тѣмъ не менѣе употребите и здѣсь вашу вѣру и молитву. Если мертвымъ горящимъ углемъ, чрезъ приближеніе, зажигается другой мертвый же холодный уголь: не паче ли сердце, одушевленное и воспламененное живою вѣрою и молитвою, можетъ возжечь тотъ же огнь въ другомъ, даже и совсѣмъ хладномъ, даже въ полумертвомъ сердцѣ? Не усумнитесь приближить и къ сему невозженному углю вашу горящую кадильницу; и тихимъ, но постояннымъ направленіемъ воли, дѣйствующей съ Богомъ, навѣвайте на него животворящій духовный огнь. Можетъ быть, еще не поздно воздуть хотя малую искру жизни духовной, въ угасающей жизни плотской: и тогда вы совершили не только величайшее благотвореніе человѣку, но и Апостольское служеніе Богу.

Для употребленія сихъ мыслей и совѣтовъ случаи могутъ встрѣчаться каждому: а для призываемыхъ нынѣ въ сердобольное служеніе болящимъ да будутъ оные напутствіемъ къ сему Богоугодному служенію. Аминь.

CLXX.

115. Слово

въ недѣлю двадцать шестую по Пятидесятницѣ [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Тако собираяй себѣ, а не въ Бога богатѣя. Лук. XII. 21.

Евангеліе въ притчѣ представляетъ намъ человѣка богатаго и корыстолюбиваго, который, получивъ обильный урожай хлѣба, не подумалъ ни о благодареніи къ Богу, ни о человѣколюбіи къ ближнимъ, нуждающимся въ пропитаніи, но составлялъ себѣ планъ, куда положить множество хлѣба и какъ сберечь его на многіе годы, предполагая далѣе изъ корыстолюби-

[1]) По Евреин. сборн.: Слово въ недѣлю 26-ю по Пятидесятницѣ, по-освященіи храма Святителя Митрофана, на Капелькахъ, говоренное 9 декабря 1834 года. Слово въ этомъ сборникѣ начинается такъ: «Тайнодѣйствующею благодатію Божіею освященъ нынѣ сей храмъ, благочестивымъ усердіемъ воздвигнутый и украшенный, и порученъ покровительству Святителя Митрофана, въ которомъ, къ утѣшенію вѣры, Господь въ наши дни явилъ новаго чудодѣйственнаго служителя благодати.

«Святая Церковь, слѣдуя въ своихъ чиноположеніяхъ наставленію Апостола, который говоритъ, что все должно быть освящаемо словомъ Божіимъ и молитвою, огласила насъ при настоящемъ случаѣ съ особенною знаменательностію слѣдующимъ словомъ Самого Іисуса Христа: *созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей.* Мысль и духъ чиноположенія состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы зиждительную и хранительную силу онаго слова Христова обратить на самый сей храмъ, яко созданный въ образъ нерукотворенной Церкви Христовой, устрояемой духовно изъ душъ вѣрующихъ, и такимъ образомъ внушить намъ вѣрованіе и упованіе, что и сія рукотворенная Церковь, по дѣйствію строительства таинъ, есть отнынѣ зданіе Христово, и что никакія враждебныя силы не одолѣютъ данныя сему святилищу благодати въ ея спасительномъ дѣйствіи на души вѣрующихъ.

«Замѣтивъ сіе къ утвержденію вѣры и упованія входящихъ въ храмъ, я обращаюсь къ обыкновенному Евангельскому чтенію настоящей недѣли, чтобы и оно не осталось безъ принадлежащаго ему вниманія.

«Оно въ притчѣ представляетъ намъ человѣка богатаго...»

ваго сдѣлаться роскошнымъ и лѣнивымъ. Провидѣніе не имѣло причины беречь того, кто рѣшился жить безъ пользы для другихъ и во вредъ собственной душѣ: и потому на лѣта многа составленный планъ въ самый день его составленія рушился опредѣленіемъ судьбы Божіей: *въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе.* Господь заключилъ сію притчу слѣдующимъ возглашеніемъ: *тако собираяй себѣ, а не въ Бога богатѣя.* Такъ обманывается въ своихъ предположеніяхъ, такъ не успѣваетъ въ своихъ намѣреніяхъ, такъ сверхъ опасенія теряетъ и свои сокровища, и себя, человѣкъ, который собираетъ богатство себѣ только, по своей жадности, чтобы сдѣлать оное пищею своего корыстолюбія, роскоши, лѣности; который не въ Бога богатѣетъ.

Ученіе притчи о нелѣпости жаднаго, своекорыстнаго и самонадѣяннаго богатолюбія, надѣюсь, каждому изъ васъ, братія, и вразумительно, и убѣдительно, безъ дальнѣйшихъ объясненій и доказательствъ. Кто захочетъ богатѣть такъ безумно, и такъ несчастно, какъ изображенный въ притчѣ? Надѣюсь посему, что мысль ваша ищетъ болѣе правильнаго и болѣе благонадежнаго отношенія, какое было бы возможно между человѣкомъ и богатствомъ. Примѣтьте же сіе отношеніе въ заключительныхъ словахъ притчи: оно состоитъ въ томъ, чтобы *богатѣть въ Бога.*

Но что значитъ: *богатѣть въ Бога?* Правило сіе, по первому виду, не такъ ясно, какъ противоположная ему неправильность—*собирать себѣ.* Собираютъ себѣ, въ житницу, въ кладовую, въ пазуху: но какъ богатѣть въ Бога, Который не беретъ земнаго, вещественнаго богатства къ Себѣ на небо, и не имѣетъ въ ономъ нужды [2]).

Для кратчайшаго изъясненія правила: *богатѣть въ Бога,* скорѣе всего можно указать на близкій здѣсь примѣръ. Богу во храмъ, на его созиданіе или на обновленіе, или на содержаніе его въ потребномъ благоустройствѣ и въ приличномъ благолѣпіи, иной приноситъ часть богатства своего, а иной посвящаетъ безкорыстный трудъ, [3])

---

[2]) По Еврейп. сборн.: ни малѣйшей нужды.

[3]) По Еврейп. сборн.: При настоящемъ случаѣ для изъясненія правила: *богатѣть въ Бога,* можно указать на близкій примѣръ. Для созиданія сего храма иной принесъ часть богатства своего, а иной употребилъ безкорыстный трудъ....

который есть также собственность, не рѣдко высоко цѣнимая между людьми, и первоначальное богатство, посредствомъ котораго дѣлаются богатыми небогатые. Что-жь, отдающіе такимъ образомъ свое богатство и свой трудъ Богу, бѣднѣютъ ли, или богатѣютъ? Словомъ Господнимъ говорю: *богатѣютъ*, какъ потому, что симъ образомъ благословляется прочее ихъ богатство, честно пріобрѣтенное, и благонамѣренный трудъ [4]), такъ и потому, что принесенное ими не перестаетъ быть ихъ достояніемъ, поелику Богу присвоять оное не нужно [5]), не теряется, поелику похитить у Бога не можно, а сохраняется въ невредимой предъ очами Божіими цѣлости, для ихъ будущаго воздаянія. Вотъ одинъ изъ способовъ *богатѣть въ Бога* [6]).

Другой способъ *богатѣть въ Бога*, Самъ Іисусъ Христосъ излагаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню, сотворите себѣ влагалища неветшающа, сокровище не оскудѣемо на небесѣхъ* (Лук. XII 33). Если мысль твоя не успокоивается на одномъ простомъ довѣріи къ вѣрному и непогрѣшительному слову Христову, и желаетъ еще объясненія, какъ можетъ поданное тобою нищему очутиться въ сокровищницѣ небесной: и сіе изъясняетъ тебѣ Господь другимъ Своимъ изреченіемъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мат. XXV. 40). На сіи слова, написанныя въ Евангеліи, ты можешь смотрѣть, какъ на заемное письмо, которымъ Господь призналъ Себя должнымъ тебѣ во всемъ, что ты подалъ, или что благотворительно сдѣлалъ нуждающемуся ближнему. Обладатель міра, безъ сомнѣнія, не имѣлъ нужды въ семъ ничтожномъ займѣ, не только для Себя, но и для тѣхъ, для которыхъ дѣлаетъ оный: но такова дивная благость Его, что Онъ уничижаетъ Себя до образа должника твоего, чтобы привлечь тебя къ благотворенію и чрезъ благотвореніе къ блаженству; Онъ занимаетъ у тебя бездѣлицы, прахъ, тлѣнъ, которые ты называешь земными благами, чтобъ имѣть случай, безъ оскорбленія Своего правосудія, платить тебѣ истиннымъ благомъ, нетлѣніемъ, блаженствомъ, съ такою лихвою, которой ты никогда исчислить не возможешь.

---

[4]) По Евреин. сборн. просто: богатство и трудъ.....

[5]) По Евреин. сборн.: поелику Богъ ничего не присвояетъ.....

[6]) По Евреин. сборн.: Вотъ очевидный опытъ одного изъ способовъ, какъ можно *богатѣть въ Бога.*

Противъ сего способа: *богатѣть въ Бога*, нѣкоторые могутъ возразить, что имъ нельзя продать имѣніе и обратить оное въ милостыню: поелику оно нужно имъ для пропитанія себя и семейства. Уважимъ сію отговорку столько, сколько она заслуживаетъ быть уважена. Признаемъ, что о совершенной, произвольной нищетѣ можно сказать тоже, что сказалъ Господь о совершенномъ дѣвствѣ: *не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть* (Мат. XIX 11). Осудимъ нерадѣніе о домашнихъ, и безчувственную холодность къ роднымъ, которая конечно уже не обѣщаетъ человѣколюбія и къ чужимъ;— осудимъ строгостію Апостольскаго слова: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. V. 8). Если тебѣ не дано свыше стремленія къ совершенной, добровольной нищетѣ: оставайся, доколѣ будетъ угодно Богу, богатымъ, смиряя между тѣмъ себя мыслію о своемъ несовершенствѣ по духу, а не возносясь по мудрствованію плотскому. Пекись о родныхъ, о семействѣ, по обязанности, по любви естественной; но не забывай, что сія степень любви положена, дабы восходить на высшую степень духовной любви къ человѣчеству, и на высочайшую степень любви къ Богу. *Богатѣй въ Бога*, хотя частію твоего богатства, посвящаемаго на дѣла Богоугодныя и человѣколюбивыя; остальное же,—берегись, по крайней мѣрѣ, чтобы не *собирать себѣ* только, изъ любостяжанія, чтобы не умножать неправдою, чтобы не иждивать на роскошь и тщеславіе. Освящай твое стяжаніе, не присвояя онаго себѣ, но признавая оное даромъ Провидѣнія Божія, благодаря за оное Всещедрому Дателю Богу, не прилѣпляя своего сердца къ даянію, но непрестанно вознося оное къ Дателю, съ готовностію возвратить Ему оное, когда премудрая судьба Его потребуетъ.

Послѣ сего можно еще ожидать по настоящему предмету вопроса отъ тѣхъ, которые не пожертвовали богатствомъ Богу, потому что не имѣли онаго. А намъ, скажутъ, необидливый Богъ неужели не далъ способа богатѣть Ему, хотя бы въ нѣкоторый замѣнъ бѣдности, претерпѣваемой нами для себя?— Не сѣтуйте. Покажу и вамъ ваше богатство, которымъ если умѣть будете владѣть, не позавидуете никому изъ тѣхъ, которые почитаются богатыми. Посмотрите: вотъ открываетъ вашу неокрадомую сокровищницу Святый Апостолъ Іаковъ: *слышите*, говоритъ, *братія моя возлюбленная, не Богъ ли избра*

нищія міра сего богаты въ вѣрѣ, и наслѣдники царствія, еже обѣща любящимъ Его (Іак. II. 5)? Видите ли?—Богатство вѣры, наслѣдіе царствія Божія,—чего вамъ больше? Безъ сего богатства никакое другое не принесетъ пользы: при семъ богатствѣ никакой уронъ, никакое лишеніе, не важны, потому что и кратковременны, и безмѣрно малы въ сравненіи съ сокровищами вѣры, съ наслѣдіемъ царствія небеснаго.

О богатствѣ вѣры всего паче попечемся, братіе, и богатые, и бѣдные, чтобы и пріобрѣсть, и умножить оное, и не утраченнымъ сохранить въ непорочномъ житіи: тогда безъ скудости, безъ зависти другъ къ другу, безъ изнурительныхъ заботъ, въ мирномъ упованіи, ожидать будемъ наслѣдія царствія, же уготова Богъ любящимъ Его. Аминь.

CLXX.

116. Слово

по освященіи придѣльнаго храма Святителя Николая, болѣе извѣстнаго по другому олтарю во имя Преподобнаго Сергія, въ Рогожской слободѣ.

(Говорено 16-го декабря; напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Послеши Духа твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли. Буди слава Господня во вѣки. Пс. CIII. 30. 31.

Пророкъ Псалмопѣвецъ удивительно какъ любитъ славить Бога. Что, помысливъ о Духѣ Божіемъ, посылаемомъ на твари, созидающемъ или возсозидающемъ ихъ, и обновляющемъ лице земли, онъ возрадовался и воскликнулъ: *буди слава Господня во вѣки!* сему я не удивился бы. Но предъ симъ самымъ онъ говорилъ о Богѣ, отвращающемъ лице отъ тварей, о тваряхъ отъ того мятущихся, лишаемыхъ духа, исчезающихъ, въ персть свою возвращающихся: удивительно, что и сіе не смутило его, и не воспрепятствовало его славословію. И далѣе, въ томъ же псалмѣ, онъ изображаетъ грозное величіе Вседержителя: *призираяй на землю, и творяй ю трястися*; *прикасаяйся го-*

рамъ, и дымятся. Но что же потомъ? Говоритъ ли онъ о своемъ ужасѣ? или безмолвствуетъ въ трепетѣ? — Ни то, ни другое. Онъ радуется, поетъ и славитъ Бога. *Воспою Господеви въ животѣ моемъ; пою Богу моему, дондеже есмь.*

Въ семъ священномъ образцѣ заключается для насъ, братія, ученіе: должно славить Бога, не только тогда, когда Онъ является въ дарахъ, въ благодѣяніяхъ, въ милостяхъ, но и тогда, когда, по видимому, отвращается и удаляется, въ самомъ же дѣлѣ, сокровенно приходитъ и приближается, въ посѣщеніяхъ грозныхъ или скорбныхъ, въ лишеніяхъ, въ бѣдствіяхъ. Ученіе истинное, полезное всегда, а здѣсь, и нынѣ, еще и благовременное.

Памятенъ и для меня третій надесять день Августа, когда внезапно для насъ, но не внезапно для Бога, не безъ вѣдома, не безъ попущенія Его, сія часть града посѣщена была огнемъ истребляющимъ; когда дымная дорога отъ мѣста истребленія пролегала по небу почти надъ моею головою, и какъ будто предназначала дальнѣйшій путь истребленію на землѣ; когда носимые вѣтромъ пожарные угли, пролетѣвъ не одно поприще, упадали на моемъ дворѣ, и какъ будто говорили мнѣ: далеко ли, думаешь, пойдетъ сіе посѣщеніе? Лѣто и бездождіе, сила и направленіе вѣтра,—все благопріятствовало умноженію бѣдъ, и распространенію оныхъ съ неизбѣжною быстротою, почти подобною той, какую видимъ въ сказаніи вѣстника Іовлева: *огнь спаде съ небесе, и пожже овцы, и пастыри поляде подобнѣ; спасохся же азъ единъ* (Іов. I. 16). Тотъ, который утромъ имѣлъ жилище и прочее потребное для жизни, или даже избытокъ и богатство, къ вечеру оставался безпокровнымъ и безпомощнымъ, и если не былъ одинокъ, то сіе не служило къ облегченію, потому что нищета семейная тягостнѣе нищеты одинокой. Бѣдствіе, взявшее многочисленную дань отъ домовъ сего града, и отъ имуществъ обитателей, потребовало себѣ нѣкоторой дани и отъ храмовъ; и невидимый, непонятный для насъ жребій палъ на сей храмъ.

Чтожь?—скажутъ, вѣроятно, нѣкоторые при сихъ горестныхъ воспоминаніяхъ, неужели должно, — неужели можно славить Бога и въ семъ случаѣ?—Признаемъ, если угодно, что сіе не такъ легко для человѣческой немощи, для человѣческой недальновидности, въ то время, когда бѣдствіе устремляетъ на человѣка свою силу и дѣйствіе. Между тѣмъ можно спросить об-

ратно: можетъ ли быть время, когда бы не должно было славить вѣчнаго Бога? Можетъ ли Онъ когда быть недостоинъ славы? А если всегда славить Его должно: то не трудно заключить, что и можно Его славить всегда: ибо Онъ довольно праведенъ и всемогущь, чтобы должнаго не оставить невозможнымъ.

Что подъ самыми, такъ сказать, ударами бѣдъ есть возможность не только стенать, или жаловаться, или роптать, но и славить Бога,—сіе ясно, какъ день, видно въ Іовѣ. Вѣсти о бѣдствіяхъ, для него разорительныхъ, одна за другою, какъ стрѣла за стрѣлою, поражали его, и безъ сомнѣнія, до глубины сердца пронзила послѣдняя вѣсть о потерѣ вдругъ всѣхъ дѣтей. Что же? Онъ принесъ обычную жертву скорби: растерзалъ ризы; остригъ власы; посыпалъ перстію главу. Но что далѣе?—Въ то же время онъ молится: *падъ на землю, поклонися Господеви.* Онъ размышляетъ, какъ-бы человѣкъ любомудрствующій на свободѣ: *самъ нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду тамо; Господь дадe, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако бысть.* Наконецъ онъ славословитъ: *буди имя Господне благословенно во вѣки.*

Скажутъ: нельзя всѣмъ быть такъ крѣпкими духомъ, какъ былъ Іовъ. Не спорю: хотя впрочемъ сія отговорка отъ великодушія очень слаба для Христіанина. Отъ младенчества временъ патріархальныхъ, въ какихъ является жизнь Іова, долго росло человѣчество, и высокаго возраста достигло въ Христіанствѣ: а потому паче прежняго можетъ и должно имѣть духъ возвышенный и непоколебимый въ бѣдствіяхъ. Въ пособіе для сего имѣетъ оно теперь ученіе Христово, примѣръ Христовъ, Божественную силу Христову: ибо, по изреченію Святаго Апостола Петра, *вся намъ Божественныя силы Его подана познаніемъ призвавшаго насъ славою и добродѣтелію* (2 Пет. I. 3). И посему-то святые мученики, въ своихъ страданіяхъ, торжественнѣе и постояннѣе самого Іова славили Бога, какъ напримѣръ, Іаковъ Персянинъ, когда у него всѣ персты рукъ и ногъ, а потомъ самыя руки и ноги отсѣкаемы были мучителями по одному члену, чтобъ увеличить мученіе, ни которымъ ударомъ меча или сѣкиры не былъ доведенъ до вопля нетерпѣливости, но при каждомъ отсѣченіи произносилъ молитву или славословіе Христу Богу, и большею частію съ такою радостію, какъ-бы не страждущій. Но я уже сказалъ, что не препятствую вамъ быть немощнѣе Іова, если вы то себѣ

позволяете, и если то не стыдно вамъ, какъ Христіанамъ. Ты не имѣешь довольно присутствія духа, чтобы славить Господа среди самаго бѣдствія: жаль; однако пусть такъ. По крайней мѣрѣ, удержись отъ безсмысленныхъ воплей нетерпѣливости, отъ безполезныхъ жалобъ, отъ дерзновенныхъ словъ ропота; обрати твои скорбныя чувствованія въ смиренную молитву: такимъ образомъ Богъ не будетъ прогнѣванъ, а ты будешь менѣе безпокоенъ. Ты не позаботился благовременно такъ расположить духъ твой, чтобы облако временнаго бѣдствія не могло закрыть отъ очей его вѣчной славы Божіей, въ минуты силы бѣдствія; ты пропустилъ прекрасный случай испытать непобѣдимую силу Христіанской добродѣтели: жаль; много пропущено; только еще не все. По крайней мѣрѣ, по уменьшеніи силы бѣдствія, утиши твои скорбныя чувствованія; собери силы твоего ума; помысли, что Богъ твое бѣдствіе предусмотрѣлъ,—могъ отвратить,—не благоизволилъ отвратить;—что Онъ, всеблагій, не желалъ тебѣ, такъ какъ и не можетъ желать зла; — что слѣдственно попустилъ бѣдствіе для какого нибудь твоего блага, или для отвращенія отъ тебя какого нибудь большаго зла; — помысли, что и послѣ бѣдствія у тебя что нибудь еще осталось, если не жилище, то какая нибудь собственность, или хотя одежда, и, что всего важнѣе, жизнь и душа: что Богъ, Который попекся сохранить твою жизнь, симъ самымъ изъявляетъ другое благотворнѣйшее попеченіе о спасеніи твоей души, для чего и сберегаетъ тебѣ время жизни;—если даже ты недовольно обезпеченъ и жилищемъ и пропитаніемъ, помысли, что птица и тогда поетъ славу Сотворившаго ее, когда у нея нѣтъ ни гнѣзда, ни приготовленной пищи, и, промысломъ того же Творца, находитъ, чѣмъ питаться и гдѣ провести ночь; — таковыми и подобными размышленіями ободри духъ твой; вознеси сердце твое къ Богу; скажи хотя послѣ бѣдствія, что не умѣлъ сказать во время бѣдствія: *буди имя Господне благословенно! Буди слава Господня во вѣки!* Ты принесешь чрезъ сіе Богу пріятную жертву; и въ собственномъ сердцѣ посѣешь доброе сѣмя.

Инымъ кажется во время бѣдствія, что они способнѣе были бы славить Бога во время благополучія, и что потому не на пользу послано имъ бѣдствіе. Мечта! Намъ часто кажется, что, по пословицѣ, тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ: но самая сія пословица смѣется надъ сею мечтою. Ты думаешь, что славилъ бы Бога, еслибы не былъ несчастливъ, а напротивъ былъ

осыпанъ Его благодѣяніями: вѣроятно, потому что не трудно. И безсловесное оказываетъ ласку тому, кто даетъ ему кормъ. Не къ великой же добродѣтели ты себя располагаешь! Не много же, видно, дорожишь добродѣтелію болѣе возвышенною, хотя болѣе трудною! Но если ты лѣнивъ и низокъ для добродѣтели трудной и возвышенной: то не ручайся за себя, что и для добродѣтели низшей и легчайшей ты не былъ бы также лѣнивъ и низокъ. Перестань мечтать, и посмотри на опыты. Посмотри на Израильскій народъ, когда Богъ *возведе я на силу земли, насыти ихъ житъ селнихъ, ссаша медъ изъ камене, и елей отъ тверда камене, масло кравіе, и млеко овчее, съ тукомъ агнчимъ и овнимъ, сыновъ юнчихъ, и козлихъ, съ тукомъ пшеничнымъ, и кровь гроздову піяху вино.* Тутъ-то надлежало по твоему умозрѣнію славить Бога. Смотри же далѣе, какъ невѣрно твое умозрѣніе. *И яде Іаковъ, и насытися; и отвержеся возлюбленный; уты, утолстѣ, разширѣ и остави Бога сотворшаго его, и отступи отъ Бога Спаса своего* (Втор. XXXII. 13—15). Посмотри опять на того же Израиля во время бѣдствія, и узнай, препятствовало ли оно, или напротивъ помогало ему славить Бога. *Егда убиваше я*, сказуетъ Псалмопѣвецъ, *Тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утренневаху къ Богу; и помянуша, яко Богъ помощникъ имъ есть, и Богъ вышній избавитель имъ есть* (Пс. LXXVII. 34. 35). Видишь ли, что и благополучіе можетъ быть опаснѣе бѣдствія, и бѣдствіе спасительнѣе благополучія. Не завидуй же благополучію; и не унывай въ бѣдствіи. Помышляй, что и тебѣ послано бѣдствіе, или предохранить тебя отъ неблагодарности и забвенія о Богѣ, до которыхъ въ благополучіи могла бы довести привязанность къ земнымъ благамъ и удовольствіямъ; или очистить тебя отъ дѣйствительныхъ грѣховъ прошедшихъ дней благополучныхъ; или призвать тебя къ высшей добродѣтели, чтобы не только сдѣлать тебя болѣе безопаснымъ отъ ада, но и доставить тебѣ болѣе свѣтлый вѣнецъ на небѣ.

Но возвратимъ слово, и болѣе приближимъ къ себѣ, и къ нашимъ происшествіямъ, и къ настоящему случаю.

Прославимъ, братія, Бога, Который хотя и *путесотворилъ* здѣсь огненную *стезю гнѣву своему* (Пс. LXXVII. 50), однако и преградилъ оную милосердіемъ и благодатію. Какъ нѣкогда въ станѣ Израильтянъ, *когда изыде гнѣвъ отъ лица Господня, и нача губити люди,* Ааронъ съ кадильницею *ста между мерт-*

выми и живыми, и престa пагуба (Числ. XVI. 46—48): такъ и здѣсь Святитель Алексій и Преподобный Сергій, дружественные между собою въ земномъ житіи своемъ, и по преставленіи своемъ являвшіеся иногда вмѣстѣ, какъ извѣстно изъ преданій Сергіевой обители, а здѣсь сосѣдствующіе въ соименитыхъ имъ храмахъ, стали невидимо съ ѳиміамомъ своихъ молитвъ среди потока огня, и преградили оный, и одинъ изъ своихъ храмовъ дивно сохранили невредимымъ и сдѣлали убѣжищемъ для святыни другаго; а отъ сего другаго сохранили по крайней мѣрѣ внутреннюю святыню, и то, что наиболѣе нужно было къ неукоснительному возстановленію здѣсь Богослуженія.

Прославимъ Бога, Который, посѣтивъ однихъ бѣдствіемъ, сохранилъ другихъ для прибѣжища бѣдствующимъ; Который *послалъ духъ* человѣколюбія въ помощь, да *созиждутся* истребленныя жилища, или, по крайней мѣрѣ, да не въ конецъ безпомощною нищетою разрушится жизнь бѣдствующихъ; Который послалъ духъ благочестиваго усердія, да возсозиждутся святилища, и — вотъ уже второму здѣсь олтарю благоволилъ обновиться, не только благолѣпіемъ видимымъ, но и невидимою благодатію.

Прославимъ Бога, не только словомъ, но и сердцемъ, ему преданнымъ, и житіемъ ему благоугоднымъ, да не паки прогнѣвается Господь на люди своя, но паче возвеселится о дѣлѣхъ своихъ. И въ освященномъ храмѣ Православно-Христіанскомъ, и въ освящаемыхъ выну душахъ Православно-Христіанскихъ *буди слава Господня во вѣки*. Аминь.

CLXXII.

117. Слово

въ день Рождества Христова.

(Говорено въ Чудовѣ Монастырѣ, декабря 25; напечатано отдѣльно, въ Христ Чтен. 1835 года и въ собраніяхъ 1844 1848 гг.)

И рече имъ Ангелъ: не бойтеся; се бо благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ Яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь. Лук II. 10. 11.

Какую радость возвѣщаетъ Ангелъ пастырямъ Виѳлеемскимъ! Подлинно *радость велію*. И какъ, по его предвѣщанію, это такая радость, *яже будетъ всѣмъ людемъ*: то теперь, по исполненіи уже предвѣщанія, радость сія, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и вамъ, здѣсь предстоящимъ, всѣмъ людемъ Божіимъ, отъ великаго до малаго, всѣмъ, кто только не закроетъ ока ума, чтобы познать оную, и не окаменитъ сердца, чтобы оную почувствовать.

Какая жъ это радость? — Ангелъ изъясняетъ: *яко родися вамъ днесь*.... Прерываю рѣчь вѣстника, чтобы показать въ самомъ началѣ его рѣчи начало радости. Рожденіе всегда больше или меньше радостно, потому что представляетъ разширеніе и торжество жизни: такъ какъ напротивъ смерть всегда больше или меньше печальна, потому что, поглотивъ одну жизнь, она угрожаетъ всѣмъ остающимся жизнямъ, того же рода. Въ особенности же рожденіе бываетъ радостно для тѣхъ, кому, или у кого и для кого родится младенецъ. Если онъ родится извѣстному семейству: радость сему семейству. Если онъ родится народу и государству, какъ напримѣръ сынъ царевъ и особенно наслѣдникъ престола:—радость всему народу и царству. Ангелъ говоритъ: *родися вамъ*. Кому? Неужели только пастырямъ Виѳлеемскимъ, къ которымъ было слово Ангела? Но [1]) Ангелъ

[1]) Въ отд. изд. и Христ. Чтен.: Но у нихъ не было ни родства, ни знакомства, словомъ ничего общаго съ Іосифомъ и Маріею, у которыхъ послѣ нашли они младенца, возвѣщеннаго Ангеломъ. Комуже сказано: *родися вамъ?*

сказалъ уже, что радость будетъ *всѣмъ людемъ*: сіе показываетъ, что чрезъ пастырей онъ смотритъ на всѣхъ людей, и потому именно возвѣщаетъ радость *всѣмъ людямъ*, что возвѣщаемый младенецъ рождается *вамъ*, *всѣмъ людямъ*, не семейству, не народу, но всѣмъ людямъ на свѣтѣ, сколько есть, было и будетъ. Какая же огромная радость! Теперь вы можете радоваться каждый за себя, и за весь родъ человѣческій, за отжившихъ [2]) свой вѣкъ, и отшедшихъ въ вѣчность, о которыхъ вы или съ печалію воспоминаете, или не знаете, что объ нихъ думать, и за вашихъ потомковъ, о которыхъ, можетъ быть, заботитесь, какъ они жить будутъ.

Но станемъ далѣе вывѣдывать отъ Ангела, почему возвѣщаемое имъ рожденіе должно принести всеобщую радость. Онъ говоритъ: *яко родися вамъ днесь Спасъ*. Въ исторіи народа Божія не однократно видимъ являвшихся знаменитыхъ мужей, которые для него были орудіями спасенія Божія. *Возстави имъ Господь судей, и бяше Господь съ судіею, и спасе я отъ рукъ враговъ ихъ во вся дни судіи* (Суд. II 18). Случалось и то, что такое спасеніе возвѣщаемо было Ангеломъ, какъ напримѣръ Гедеону: *иди въ крѣпости твоей сей, и спасеши Израиля отъ руки Мадіамли* (Суд. VI. 14). Но сіи временныя и частныя спасенія не могли быть предметомъ радости для *всѣхъ людей*. Потому что не на всѣхъ простирались, и вскорѣ [3]) уступали мѣсто новому злу и бѣдствію. *Умираше судія, и отвращахуся, и паки растлѣвахуся паче отецъ своихъ* (Суд. II. 19). Теперь рождается Спасъ всѣмъ людемъ,—истинный Спаситель, Котораго только слабымъ изображеніемъ были всѣ знаменитые въ священной древности мужи силы и спасенія,—всеобщій Спаситель, Котораго спасеніе простирается на всѣхъ, кто только не захочетъ погибнуть самъ добровольно,—всегдашній Спаситель, на спасаемыхъ Которымъ не смѣетъ прійти никакая новая погибель.

Вѣстникъ радости еще изъясняетъ ее: *родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь*. Видно Виѳлеемскіе пастыри уже имѣли нѣкоторое понятіе о Христѣ, когда небесный Вѣстникъ, видящій мысли ихъ, надѣялся достаточно вразумить ихъ о великости возвѣщаемой радости, сказавъ, что возвѣщаемый есть *Христосъ*. И подлинно нельзя было имъ не слышать

---

[2]) Въ отд. изд. и Христ. Чтен.: за вашихъ отжившихъ.....

[3]) Въ отд. изд. и Христ. Чтен.: и не вдолгѣ.....

иногда въ Іерусалимскомъ храмѣ псаломскаго гласа, который оттуда перешелъ и въ наши храмы: *Спасе Господь Христа Своего* (Пс XIX. 7). И еще: *Господь утвержденіе людей Своихъ и защититель спасеній Христа Своего есть* (Пс. XXVII. 8). Впрочемъ сіи самые гласы псаломскіе даютъ разумѣть намъ, въ какомъ возвышенномъ знаменованіи говорилъ о Христѣ Ангелъ пастырямъ. Псалмы представляютъ Христа спасаемаго, чтобы потомъ служить спасенію другихъ: въ словахъ Ангела является Христосъ спасающій, не имѣющій нужды ни въ какомъ спасеніи [4]) для Себя, имѣющій силу спасенія въ собственномъ существѣ, и дѣйствующій ею неограниченно: *Спасъ, иже есть Христосъ Господь.* Псаломникъ узнаетъ, какъ бы новое, то, что Господь покровительствуетъ Христа, защищаетъ, спасаетъ: *нынѣ*, говоритъ, *познахъ, яко спасе Господь Христа Своего*: Ангелъ возвѣщаетъ Христа, Который есть самъ Господь,—Христа, то есть, помазанника Божія, Котораго Богъ, какъ сказуетъ другой Пророкъ, *помаза, благовѣстити нищимъ посла, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе, нарещи лѣто Господне пріятно, и день воздаянія, утѣшити вся плачущія, дати плачущимъ Сіона славу вмѣсто пепела, помазаніе веселія плачущимъ, украшеніе славы вмѣсто духа унынія* (Ис. LXI. 1—3), но Который въ то же время и Самъ есть Господь и Богъ, Самъ Собою сильный спасти не только угрожаемыхъ погибелію, близкихъ къ погибели, погибающихъ уже, но и погибшихъ спасти, умершихъ воскресить, осужденныхъ оправдать, подъ клятвою за нарушеніе закона сущихъ благословить, рабовъ ада въ чадъ Божіихъ претворить.

О радость безпредѣльная, простирающаяся отъ неба до ада, вожделѣнная, какъ спасеніе, сладостная и восхитительная, какъ помазаніе Духа Божія, могущественная, какъ виновникъ ея Господь! Я умолкъ бы теперь: потому что сего слишкомъ довольно, чтобы ее чувствовать, такъ какъ напротивъ никакого слова не было бы довольно, чтобы вполнѣ изобразить оную.

Но проповѣдь Ангела еще не кончилась Дослушаемъ ее до конца. Онъ хочетъ еще показать *знаменіе*, —примѣту, по которой бы ближе усмотрѣли возвѣщаемую имъ радость, лучше узнали ее, и полнѣе въ ней удостовѣрились: *и се вамъ зна-*

---

[4]) Въ отд. изд. и Христ. Чтен.: ни въ какомъ постороннемъ спасеніи...

меніе. Какое жъ это знаменіе? Гдѣ оно? Покажи намъ. Вотъ оно: *обрящете младенца повита, лежаща во яслехъ*. Ахъ, вѣстникъ радости! Не разрушилъ ли ты ее, думая возвысить и утвердить знаменіемъ? Что за радость видѣть младенца не въ порфирѣ, или виссонѣ тонкомъ, не въ чертогѣ, или въ свѣтломъ домѣ, даже не въ хижинѣ, даже не въ колыбели, потому что для него не нашлось ни хижины, ни колыбели,—но *въ яслѣхъ*, и слѣдственно въ какомъ нибудь жилищѣ безсловесныхъ, или въ пустомъ мѣстѣ, не защищенномъ отъ декабрскаго ночнаго воздуха? При такомъ зрѣлищѣ не скорѣе ли пожалѣешь о родившей и о рожденномъ, или убоишься за жизнь младенца, нежели обрадуешься? — Но нельзя же подумать и того, чтобы Вѣстникъ небесный явился обмануть землю ложнымъ обѣщаніемъ, или невѣрнымъ знаменіемъ радости. Если намъ земнороднымъ не кажется знаменіемъ радости то, что онъ указуетъ, какъ знаменіе радости: не потому ли такъ, что чистое, небесное око лучше видитъ вещи, нежели земное, не вдругъ очищаемое отъ праха суеты? *Очистимъ чувствія и узримъ*; очистимъ умъ, и уразумѣемъ тайну Христа Господа [5]); очистимъ сердце, и насладимся Его радостію, сквозь наружные виды скорби. Подумавъ лучше, я начинаю понимать Ангела, и признаю [6]), что безпримѣрное зрѣлище *младенца повита, лежаща въ яслехъ*, есть *знаменіе* не столько безпримѣрной нужды и бѣдствія, сколько безпримѣрной радости. Ибо скажите, въ какомъ иначе видѣ желали вы обрѣсти родившагося вамъ днесь Спаса, Христа Господа? Въ славѣ ли небесной, свойственной Ему, какъ Господу? — Но сей славы трепещутъ самые Херувимы, и закрываютъ предъ нею лица. Какъ же могли бы устоять предъ нею мы, земнородные, бренные, грѣшные? Въ славѣ ли хотя земной?—Но было ли бы и сіе зрѣлище радостнѣе зрѣлища простыхъ пеленъ и смиренныхъ яслей? Многимъ ли доступна и земная слава? И есть ли она что нибудь больше, какъ только поверхностный блескъ? Тѣмъ, которые смотрятъ на ея блескъ она большею частію не достижима; а тѣ, отъ которыхъ исходитъ блескъ сей, знаютъ [7]), что слава земная не есть вѣрное знаменіе ра-

[5]) Въ отд. изд., Христ. Чтен. и собр. 1844 г.: тайну Христову;...

[6]) Въ отд. изд и въ Христ. Чтен.: и я говорю съ Ангеломъ,...

[7]) Въ отд. изд. и въ Христ. Чтен.: для которыхъ она блещетъ, она большею частію недостижима; а знакомые съ нею знаютъ,...

дости. Нѣтъ! Перестанемъ искать знаменія радости нашими гаданіями дерзновенными, но не надежными: вникнемъ глубже въ то знаменіе, которое намъ показано. Почему нужно намъ знаменіе радости? — Потому, что у насъ не достаетъ радости. Почему намъ потребенъ Спасъ, Христосъ Господь? — Потому, что мы страшимся погибели. Отъ чего же недостатокъ радости, отъ чего страхъ погибели? Отъ того, что мы находимся въ удаленіи отъ жизни Божіей; отъ того, что живемъ въ растлѣніи грѣховномъ. А если такъ: то не доброе ли знаменіе, что родившійся намъ Спасъ начинаетъ показываться тамъ, гдѣ оказалось первое наказаніе грѣха, по изреченію Судіи: *въ болѣзнехъ родиши чада?* Какъ премудрый врачь, Онъ приближается Своею врачебною, Божественною силою къ самому началу и корню нашей болѣзни, нашего грѣховнаго растлѣнія: какое же могло быть лучшее знаменіе чаемаго исцѣленія? По сему глубокому и премудрому началу не трудно заключить, сколь совершенное готовитъ Онъ врачеваніе. Не маловажно и то, что нисходя до смиреннаго рожденія, Онъ нисходитъ еще и до уничиженныхъ яслей [8]). Чрезъ сіе даетъ Онъ особенное знаменіе, что, хотя бы грѣхъ унизилъ тебя до скотоподобныхъ страстей и похотей, хотя бы ты совѣстію принужденъ былъ самъ на себя обратить пророческое обличеніе: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. XLVIII. 13); и тогда не долженъ ты отчаяваться въ снисхожденіи Спаса твоего, Который, не возгнушавшись возлечь въ ясляхъ, не возгнушается и въ ясляхъ души твоей почить Своею благодатію и Своимъ миромъ, если только ты покаяніемъ и вѣрою предъ Нимъ себя повергнешь.

И такъ *пріидите вси труждающіися и обремененіи* (Матѳ. XI. 28) грѣхами, бѣдствіями, мученіями совѣсти, страхомъ осужденія вѣчнаго и погибели; се вамъ знаменіе спасенія, и слѣдственно радости, какая только вамъ желательна;—се вамъ знаменіе: *обрящете младенца повита, лежаща въ яслехъ, иже есть Спасъ, Христосъ Господь.*

Приступите къ Спасу *младенцу*, и будите яко дѣти незлобіемъ и кротостію. Приступите къ Нему *повитому*; и свяжите ваше грѣховное своеволіе; предайте вашу волю волѣ Спасителя вашего. Приступите *къ лежащему въ яслехъ*; и отверг-

[8]) Въ отд. изд. и въ Христ. Чтен.: нисходя до скорбей рожденія, Онъ нисходитъ еще и до презрѣнныхъ яслей.

ните нечистое, скотоподобное житіе, и на мѣстѣ онаго утвердите жизнь духовную. Приступите къ Слову нѣмотствующему, съ безмолвными воплями непрестанно молящагося сердца: и Богъ Слово изречетъ въ сердца ваши Свою неизреченную радость. Тогда уразумѣете небеснаго Вѣстника радости; тогда возгласите съ Матерію рождшагося Христа; *величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ мосмъ* (Лук. I. 46 47). Аминь.

1835 годъ.

LXXIII.

118. Слово

предъ присягою для избранія судей [1]).

(Говорено въ Каѳедральной церкви Чудова Монастыря Генваря 2 дня; напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1835 года и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ, себе чиста соблюдай. 1 Тим. V. 22.

Слыша сіе, благородные, и разныхъ родовъ и степеней почетными званіями украшенные мужи, вы тотчасъ можете подумать: къ чему теперь сіе слово? *Руку возлагать* не наше дѣло; мы пришли дать обѣтъ благонамѣренно избрать достойныхъ въ нѣкоторыя должности гражданскія; и клятвою предъ Богомъ засвидѣтельствовать Государю, Отечеству, другъ другу, что будемъ сіе дѣлать точно по совѣсти.

Знаю: и на сей именно случай желаю предложить вамъ нѣ-

---

[1]) Въ рукописи Автора: предъ присягою дворянства Московской Губерніи для избранія судей.

которыя мысли. Но позвольте мнѣ думать, что не неумѣстно избралъ я для сего въ руководство моему размышленію слово Апостольское, которое вы слышали. Дайте мнѣ объясниться.

Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ; себе чиста соблюдай.

Можете знать, какъ очевидцы, что обрядъ возложенія рукъ, отъ временъ Апостольскихъ донынѣ постоянно употребляемый въ Церкви, означаетъ, предваряемое избраніемъ и утвержденіемъ, возведеніе и посвященіе въ разныя степени Церковнаго служенія. Итакъ правило Апостола: *руки скоро не возлагай*, значитъ: не будь торопливъ въ избраніи, утвержденіи, возведеніи въ Церковныя должности: будь въ семъ осмотрителенъ, остороженъ

Правда, что сіе правило направлено на насъ, служителей Церковнаго управленія: а нужно теперь правило для васъ, почтенные избиратели управленія Гражданскаго. Но что же дѣлать? Апостолы писали не государственныя постановленія, не гражданскіе законы; нельзя требовать, чтобы въ книгахъ ихъ отыскалась подробная инструкція Гражданскаго избирателя. Впрочемъ вы удостовѣрены, что Апостолы въ своихъ Писаніяхъ руководствовались истиною, и притомъ Божественною: а истина для всѣхъ одна. И премудростію, и законодательствомъ Апостоловъ было благочестіе: *а благочестіе на все полезно есть* (1 Тим. IV. 8) Посему можно вамъ взять истинное и благочестивое правило Апостольское изъ Церкви, и перенести въ вашу избирательную палату. Отложите особенности: мысль о служеніяхъ Церковныхъ, обрядъ рукоположенія: вы увидите въ разсматриваемомъ изреченіи Апостола общее правило: не будь скоръ въ избраніи въ должности общественныя, а будь осмотрителенъ, остороженъ. Приложите ближе сіе [2]) къ вашему дѣлу и обряду, и скажите себѣ: избирательнаго шара скоро не полагай: будь осмотрителенъ, остороженъ. Я же къ сему присовокуплю, что симъ образомъ учитъ васъ Апостолъ, а не я: уважьте наставленіе, и само по себѣ, и ради Наставника.

Но Апостолъ даетъ намъ и вамъ не безотчетное повелѣніе: ибо Христіанство владычествуетъ силою свободнаго убѣжденія. Къ наставленію объ осторожности въ избраніяхъ, онъ тотчасъ присовокупляетъ и убѣжденіе въ важности и необходимости сего

[2]) Въ рукописи Автора: сіе ближе....

наставленія. *Ниже пріобщайся*, говоритъ, *чужимъ грѣхомъ*; *себе чиста соблюдай*. О какихъ говоритъ онъ чужихъ грѣхахъ? Что значитъ *пріобщаться чужимъ грѣхомъ?*—Слова Апостола заключаютъ въ себѣ мысль дальновидную: надобно ее раскрыть, и приближить къ дѣлу.

Дабы убѣдительно предостеречь отъ *скорыхъ*, то есть, неосмотрительныхъ и необдуманныхъ избраній, прозорливый Наставникъ смотритъ на послѣдствія оныхъ. Если выбираешь въ должность безъ вниманія, какъ случится: всего легче, что выберешь недостойнаго. Если Тимоѳей (къ которому первоначально писалъ свое наставленіе святый Павелъ), по неосмотрительности, рукоположитъ Пресвитера несвѣдущаго въ ученіи спасенія, или недостойнаго по жизни: то произойдутъ въ Пресвитерствѣ или невольные грѣхи невѣдѣнія, или вольные грѣхи неукрощенныхъ страстей и низкихъ склонностей; и далѣе, въ слѣдствіе сего, нѣкоторые грѣхи народа, которымъ надлежало бы очищаться посредствомъ духовнаго разума и священнаго служенія, останутся не очищенными; и еще далѣе, родятся новые грѣхи соблазна, который съ особенною силою приходитъ чрезъ недостойныхъ служителей святыни. Вотъ разнаго рода чужіе грѣхи, на которые предостерегательно указываетъ Святый Павелъ Тимоѳею и мнѣ! Мы сказали бы, можетъ быть: какое намъ дѣло до чужихъ грѣховъ? Пусть отвѣчаютъ за нихъ тѣ, которые ихъ дѣлаютъ. Но Апостолъ говоритъ: *ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ*: слѣдственно полагаетъ, что указанные теперь грѣхи падаютъ на отвѣтственность не только тѣхъ, которые ихъ дѣлаютъ, но и того, кто *скоро*, неосмотрительно, необдуманно избираетъ и возводитъ недостойныхъ дѣлателей правды и святыни, которые послѣ оказываются дѣлателями неправды и грѣха. Кто посмѣетъ сказать, что Святый Павелъ судитъ здѣсь слишкомъ строго? Знаетъ дѣло праваго суда тотъ, который принадлежитъ къ избраннымъ между избранными, которые непогрѣшительнымъ Избирателемъ удостоены довѣренности—*мірови судити*,—*Ангеловъ судити* (I Кор. VI. 2. 3).

Надобно еще замѣтить, что Апостолъ говоритъ о избраніи только *скоромъ*, неосмотрительномъ; и такое избраніе находитъ уже участнымъ въ чужихъ грѣхахъ. Что же сказалъ бы онъ о избраніяхъ обдуманно неблагонамѣренныхъ, пристрастныхъ, корыстныхъ? — Не трудно заключить, колико строже должна быть осуждена неблагонамѣренность, въ сравненіи съ неосмот-

рительностію: и я думаю, что избирателямъ неблагонамѣреннымъ, пристрастнымъ, своекорыстнымъ, онъ сказалъ бы, что на ихъ главу падетъ почти вся тяжесть грѣховъ, содѣваемыхъ противъ званія и должности недостойно избранными.

Перенесите, почтенные избиратели, разсужденіе Апостольское отъ нашихъ выборовъ къ вашимъ; и помыслите, съ какимъ вниманіемъ надлежитъ вамъ нынѣ употребить власть избранія, которая съ такою щедрою довѣренностію дарована вамъ Высочайшею властію Самодержца.

Если,—чему я не предполагаю быть на дѣлѣ, но что говорю по ходу предостереженія [3]),—если вы не употребите всего, какое возможно, вниманія и попеченія, чтобы открыть, привлечь и избрать въ общественныя должности людей самыхъ достойныхъ и благонадежныхъ; — если вы будете подавать избирательные голоса въ пользу одного потому, что онъ очень желаетъ избранія, въ пользу другаго, потому что онъ добрый знакомый, въ пользу третьяго, потому что надобно же кому нибудь быть избрану, и такъ далѣе; а между тѣмъ не довольно будете вникать въ то, имѣетъ ли избираемый способности и свѣдѣнія, потребныя для дѣлъ, къ которымъ избирается, и ручаются ли прежде извѣстныя его правила и дѣянія за то, что онъ согласно съ пользою общественною проходить будетъ служеніе, которое вы хотите ввѣрить ему; — если потомъ, въ слѣдствіе столь невнимательнаго и небезпристрастнаго избранія, избранный вами служитель правосудія возмятетъ правду и судъ, станетъ оправдывать неправды богатыхъ и сильныхъ, а не будетъ внимать суду вдовицъ и сирыхъ; блюститель земскаго порядка и спокойствія, вмѣсто того, чтобы облегчать и разрѣшать затрудненія смиренныхъ земли, сдѣлается для нихъ ярмомъ связующимъ и гнетущимъ; вождь вашихъ наслѣдственно почтенныхъ сонмовъ окажется не столь прямымъ и твердымъ въ путяхъ своихъ, какъ требуетъ достоинство сего, особенно виднаго и возвышеннаго въ Государствѣ, сословія, въ которомъ растутъ столпы для благолѣпія престола Самодержца; — если такія и большія сихъ неправильности и грѣхи откроются въ избранныхъ вами, въ слѣдствіе невнимательнаго или небезпристрастнаго избранія: то позвольте вамъ сказать, прежде нежели

---

[3]) Въ рукописи Автора: по ходу размышленія, и по моему долгу предостереженія,....

сіе случилось, что въ такомъ случаѣ ваши гладкіе избирательные шары превращаются въ рукахъ вашихъ въ острыя стрѣлы, которыя уязвятъ общественное благосостояніе, и обратятся уязвить вашу совѣсть, спокойную, можетъ быть, во время производства избранія, по такой же невнимательности въ отношеніи къ себѣ, какъ и въ отношеніи къ другимъ.

Остерегись, благонамѣренный избиратель, чтобы ничего таковаго не случилось; будь внимателенъ,—ревностно, дальновидно внимателенъ; не допусти послѣдствій избранія, нежелательныхъ ни для общества, ни для тебя; *ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ; себе чиста соблюдай.*

Себе чиста соблюдай, не только отъ чужихъ отдаленныхъ грѣховъ, но въ то же время и отъ ближайшаго къ тебѣ, собственнаго грѣха, который чрезъ невнимательность подкрасться можетъ. Ибо что дѣлаешь ты нынѣ здѣсь, приступая ко ввѣренному тебѣ дѣлу избранія? — Пріемлешь во твои уста имя всевидящаго Бога, лобзаешь Слово Христово и образъ распятаго Христа; и сими святѣйшими знаменіями запечатлѣваешь твой обѣтъ, что такъ вѣрно будешь обращаться въ начинаемомъ дѣлѣ, какъ вѣрно видитъ тебя Богъ, какъ вѣрно Слово Евангелія, какъ вѣрно умеръ за тебя твой Спаситель и твой будущій Судія. Если за симъ ты будешь невнимателенъ въ твоемъ дѣлѣ: то легко сдѣлаешься и невѣренъ; и такимъ образомъ оскорбишь святыню Божественную, которую ты лобзаешь, и покланяемое имя, которое пріемлешь. Соблюди себя отъ столь мрачной нечистоты: *не очиститъ бо Господь пріемлющаго имя Его всуе* (Исх. XX. 7).

Испытаяй сердца и утробы Боже праведно (Псал. VII. 10)! Силою страшнаго и покланяемаго Твоего имени, соблюди пріемлющихъ нынѣ оное, въ чистотѣ праваго разумѣнія и благаго намѣренія, да будетъ дѣло ихъ мирно, благоуспѣшно, общеполезно, *да усмотрятъ себѣ отъ всѣхъ*, и изберутъ въ Начальства, *мужи сильны*, Тебе, *Бога боящіяся, мужи праведны, ненавидящія гордости и* корысти (Исх. XVIII. 21), достойны начальствовать и судить въ людехъ Твоихъ. Аминь.

CLXXIV.

119. Слово

въ день Святителя Алексія, во вторникъ сырныя недѣли.

(Говорено февраля 12 дня, въ Каѳедральной Церкви Чудова Монастыря; напечатано въ Христ. Чтен. 1836 года и собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Яко ни въ чесомъ отъ полезныхъ обинухся, еже сказати вамъ, и научити васъ предъ людьми и по домомъ, засвидѣтельствуя Іудеемъ же и Еллиномъ, еже къ Богу покаяніе, и вѣру, яже въ Господа нашего Іисуса Христа. Дѣян XX. 20. 21.

Въ сей день Церковь собрала насъ для благочестивой радости. Но въ сію недѣлю она приготовляетъ насъ къ благочестивой печали. Которому изъ сихъ противоположныхъ направленій теперь намъ преимущественно слѣдовать, или какъ согласить оныя между собою?

Праведна благочестивая радость о праведникѣ, совершившемся, прославленномъ, который былъ свѣтильникомъ сея церкви во время жизни на землѣ, и по смерти продолжаетъ быть для нея свѣтиломъ небеснымъ. Нужна благочестивая печаль, для нашихъ неправдъ и грѣховъ, омрачающихъ жизнь, закрывающихъ свѣтъ благодати, преграждающихъ путь къ совершенству и блаженству. *Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII. 10).

Святый Апостолъ Павелъ собственнымъ примѣромъ показываетъ намъ возможность согласить и соединить противоположныя, по видимому, чувствованія духовной радости и духовной печали. *Нынѣ радуюся*, пишетъ онъ къ Коринѳскимъ Христіанамъ, *не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе: оскорбѣсте бо по Бозѣ* (ст. 9).

Мудрствованіе человѣковъ Божіихъ одинаково. Посему, думаю, что и Святый Алексій, не только не почтетъ радость дня

своего нарушенною, но и возрадуется нынѣ о насъ, если усмотритъ насъ входящими въ спасительную печаль покаянія.

Итакъ побесѣдуемъ о покаяніи, и во-первыхъ, о потребности онаго, а потомъ, по требованію настоящихъ дней, о приготовленіи къ оному.

Бесѣдуя къ православнымъ Христіанамъ, я могу принять за основаніе разсужденія, что потребность какого либо дѣла будетъ доказана, какъ скоро показано будетъ, что сіе дѣло требуется истиннымъ Христіанствомъ, и существенно соединено съ онымъ. Посему надобно посмотрѣть, въ какомъ отношеніи находится покаяніе къ Христіанству.

Взойдемъ къ началу Христіанства. Іоаннъ Креститель былъ утреннею звѣздою предъ восхожденіемъ Солнца—Христа. Ученіе Іоанново было зарею ученія Христова. Чему же училъ Іоаннъ?—Покаянію. *Бысть Іоаннъ крестяй въ пустыни, и проповѣдая крещеніе покаянія во отпущеніе грѣховъ* (Марк. I. 4). *Крещеніе покаянія*, какъ бы вы ни толковали сіе выраженіе, даетъ разумѣть, что покаяніе въ ученіи Іоанна составляло главную черту, необходимую потребность, какъ и объясняетъ Евангеліе само себя, когда всю проповѣдь Іоанна заключаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Матѳ. III. 2).

Взошло Солнце правды. Насталъ день пришествія Христова. Просвѣтивъ Собою крещеніе во Іорданѣ, освятивъ Своимъ примѣромъ великую четыредесятницу поста въ пустынѣ, Іисусъ является въ Галилеѣ, дабы, какъ замѣчаетъ Евангелистъ, исполнить пророчество: *людіе сѣдящіи во тьмѣ видѣша свѣтъ велій, и сѣдящимъ въ странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсія имъ* (Мат. IV. 16). Что это за свѣтъ?—Слѣдующія за приведеннымъ пророчествомъ слова Евангелиста показываютъ, что онъ указуетъ на свѣтъ Божественной проповѣди Христовой: *отолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати.* О чемъ была сія Божественная и Свѣтоносная проповѣдь?—О покаяніи. *Отолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати, и глаголати: покайтеся, приближися бо царство небесное* (ст. 17).

Свѣтъ Христовъ долженъ распространяться. Лучами его содѣлались двѣнадцать Апостоловъ. Они посланы распространять свѣтъ: *посла ихъ проповѣдати царствіе Божіе* (Лук. IX. 2). Какой же приносятъ они людямъ свѣтъ? Въ чемъ состоитъ проповѣдь царствія Божія?—Это все тотъ же свѣтъ; все таже про-

повѣдь:—покаяніе. *Изшедше*, сказуетъ Святый Маркъ, *проповѣдаху, да покаются* (Марк. VI. 12).

Послѣдуемъ за движеніемъ Солнца правды, чрезъ грозный часъ, когда силы тьмы думали на вѣки затьмить оное крестною смертію, но злоба, обманутая Провидѣніемъ, сдѣлалась слѣпымъ орудіемъ къ открытію новаго, могущественнѣйшаго свѣта воскресенія Христова, къ которому, безъ сомнѣнія, относится сіе видѣніе и предреченіе Пророка: *свѣтъ солнечный будетъ седмерицею въ той день* (Иса. XXX. 26). Послѣ того, какъ вновь просвѣтила Апостоловъ новая четыредесятница, когда воскресшій Христосъ *деньми четыредесятьми являлся имъ, и глаголалъ, яже о царствіи Божіи* (Дѣян. I. 3); тогда, какъ озарили ихъ огненные языки Святаго Духа, Который, по обѣщанію Христову, долженъ былъ *научить ихъ всему* (Іоан. XIV. 26), *наставить ихъ на всякую истину* (XVI. 13);—тогда, какъ множество народа, пораженное чудомъ сошествія Святаго Духа, Петровымъ обличеніемъ въ Христоубійствѣ и свидѣтельствомъ о воскресеніи Христовомъ, готовое къ принятію Христіанства, вопросило Петра и прочихъ Апостоловъ: *что сотворимъ, мужіе братіе?*—Какой, думаете, новый свѣтъ возблистаетъ изъ устъ Петра? Какое проліется ученіе? Какая возгремитъ проповѣдь?—всегда тотъ же свѣтъ, тоже всегда спасительное ученіе, таже всегда необходимая проповѣдь—покаянія. *Петръ же рече къ нимъ: покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ* (Дѣян. II. 37. 38).

Если бы кому пришло на мысль, что Петръ имѣлъ въ сіе время особенную причину проповѣдывать покаяніе; поелику проповѣдывалъ тѣмъ, которыхъ въ тоже время обличалъ въ убіеніи Христа руками беззаконныхъ: для исправленія сего односторонняго взгляда на сей случай надлежитъ замѣтить, что слушателями Петра были, безъ сомнѣнія, всѣ удивленные свидѣтели сошествія Святаго Духа, и открывшагося въ Апостолахъ дарованія языковъ, а въ числѣ ихъ были многіе разнонародные пришельцы,—Парѳяне, Мидяне, Египтяне, Римляне, и прочіе, которымъ не было повода участвовать ни въ злоумышленіи Фарисеевъ, ни въ мятежныхъ вопляхъ Іерусалимлянъ, обманутыхъ ложною заботою о безопасности города и земли своей; но и тѣмъ Апостолъ не предложилъ иной проповѣди, кромѣ общей для всѣхъ проповѣди покаянія. Подобно и Апостолъ Павелъ представляетъ проповѣдь покаянія всеобщею по-

требностію и главнымъ дѣломъ Апостольскимъ, когда говоритъ о себѣ: *не быхъ противенъ небесному видѣнію* (то есть, призвавшему въ Апостольство), *но сущимъ въ Дамаскѣ прежде и во Іерусалимѣ, и во всякой странѣ Іудейстѣй, и языкомъ, проповѣдую покаятися и обратитися къ Богу, достойна покаянію дѣла творяще* (Дѣян. XXVI. 19. 20).

Можетъ еще кто либо сказать, что Іоаннъ Креститель, Самъ Христосъ, Апостолы проповѣдывали покаяніе людямъ приготовляемымъ и призываемымъ къ Христіанству; а мы, по благодати Божіей, отъ самаго младенчества уже Христіане; и потому это особенный вопросъ, какимъ образомъ и на насъ простирается обязанность покаянія. И подлинно, Апостолъ Павелъ относитъ *покаяніе отъ мертвыхъ дѣлъ* не къ *совершенію* Христіанства, но къ *основанію*, или начальному руководству и ученію онаго (Евр. VI. 1). Впрочемъ онъ же показываетъ намъ и то, что сіе рукодство и ученіе имѣетъ мѣсто и употребленіе не только въ преддверіи Христіанства, но и по вступленіи въ оное. Ибо кому изъявлялъ онъ свое удовольствіе о усмотрѣнномъ покаяніи, когда писалъ въ посланіи: *нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе?* Кому?—*Церкви Божіей, сущей въ Коринѳѣ*, какъ означено въ началѣ посланія (2 Кор. I. 1. VII. 9). Итакъ видите не только нѣкоторыхъ Христіанъ, но цѣлую Церковь Христіанскую, входящую въ покаяніе, и Апостола, радующагося о ея вступленіи въ покаяніе. Не дѣйствительнымъ ли уже Христіанамъ писалъ и Апостолъ Іаковъ: *исповѣдайте убо другъ другу согрѣшенія, и молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете* (Іак. V. 16)? Не получившимъ ли отпущеніе грѣховъ своихъ въ крещеніи, новое въ покаяніи отпущеніе грѣховъ возвѣщаетъ и Апостолъ Іоаннъ, когда говоритъ: *аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. I. 9)? И если у тѣхъ, которые, въ первыя времена Христіанства, въ полномъ возрастѣ, при свободномъ употребленіи разсудка, по внутреннему убѣжденію, первымъ и рѣшительнымъ покаяніемъ отрекшись отъ всякія скверны плоти и духа, прошли сквозь всеочистительную баню крещенія,—если у нихъ послѣ, по времени, оказывались на ризѣ души болѣе или менѣе мрачныя пятна, требовавшія новой очистительной силы покаянія: то что сказать о насъ, которыхъ благодать крещенія посѣтила, безъ нашего вѣ-

дома, не встрѣченная покаяніемъ, не сопровожденная благодарностію? Важное преимущество – быть ограждену святынею крещенія прежде, нежели прирожденное сѣмя грѣха развилось и разраслось въ грѣхахъ произвольныхъ: но довольно ли вѣрно воспользовались для насъ симъ преимуществомъ наши родители, воспріемники, воспитатели, наконецъ мы сами для себя? Не жили ль мы долго, совсѣмъ не думая о важности того, что носимъ въ себѣ святыню крещенія? Не тѣмъ ли болѣе имѣемъ мы нужду въ покаяніи по крещеніи, чѣмъ менѣе совершилось въ насъ покаяніе предъ крещеніемъ?

Но чтобы рѣшить дѣло короче, довольно сдѣлать одинъ вопросъ: имѣемъ ли мы на себѣ грѣхъ?—Если, паче чаянія, кто скажетъ: нѣтъ; таковому не обинуясь говорю: нѣтъ [1]), ты обманываешь самъ себя, въ тебѣ нѣтъ истины; или лучше сказать, это не я, святый Іоаннъ Богословъ говоритъ: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. I. 8). Но если, хочешь, или не хочешь, а надобно признаться, что грѣхъ на насъ есть: то чего ты хочешь далѣе? Умереть ли во грѣхѣ? Ибо *грѣхъ содѣянъ раждаетъ смерть* (Іак. I. 15). Если сего не хочешь: то избери покаяніе; ибо нѣтъ инаго пути изъ области грѣха и смерти.

Довольно о потребности покаянія. Скажемъ нѣчто, по требованію настоящихъ дней, о порядкѣ приготовленія къ оному.

Аще беззаконія назриши Господи, Господи, кто постоитъ (Псал. CXXIX. 3)?—Если сіе изреченіе Псалмопѣвца, со времени перваго грѣха перваго человѣка, справедливо для всѣхъ и всегда: то какъ нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ нужды въ покаяніи, такъ и нѣтъ времени, въ которое было бы оно излишно. Такъ мыслитъ Церковь, которая ежедневно проситъ намъ у Господа *прочее время житія нашего въ мирѣ и покаяніи скончати*. Но хотя посему все житіе Христіанина должно быть провождаемо въ духѣ покаянія: однако исповѣданіе грѣховъ предъ служителемъ таинства, и принятіе благодатнаго разрѣшенія въ оныхъ, и духовнаго наставленія къ охраненію себя отъ оныхъ, можетъ быть только по временамъ. Если бы предоставить употребленіе таинства покаянія только частному ощущенію потребности и произволу каждаго, то не только нерадивый не имѣлъ бы поощренія, но и внимательный не имѣлъ бы довольной по-

[1]) Въ рукописи Автора этого слова не находится.

мощи. Посему надобно было установить нѣкоторый порядокъ, и опредѣлить времена.

Попеченіе, которое употребляетъ Церковь о чистотѣ одѣянія души твоей, можно уподобить попеченію, которое ты употребляешь о чистотѣ одежды твоего тѣла. Если бы тебѣ случилось упасть въ грязь: то не поспѣшилъ ли бы ты омыть твою одежду? Такъ если бы впалъ ты въ тяжкій грѣхъ: то чѣмъ скорѣе очистилъ бы совѣсть твою покаяніемъ, тѣмъ лучше; Церковь готова принять тебя во всякое время. Но если бѣлизна твоей срачицы только не много измѣняется отъ пота и пыли: ты продолжаешь носить ее нѣсколько времени, и уже предъ какимъ либо срочнымъ днемъ, на примѣръ, праздничнымъ, замѣняешь ее совершенно чистою. Въ семъ случаѣ примѣръ порядка и неопрятнаго побуждаетъ подражать опрятному. Подобно сему Церковь, по временамъ, предъ праздниками, наипаче же предъ великимъ воспоминаніемъ спасительныхъ страданій, крестной смерти и воскресенія Хрістова, чтобы въ большей чистотѣ праздновать, какъ-бы срочнымъ образомъ приглашаетъ васъ убѣлять одѣяніе душъ вашихъ покаяніемъ и таинственною кровію Агнца, вземлющаго грѣхи міра, побуждая такимъ образомъ внимательнаго и малый прахъ грѣховъ невѣдѣнія, забвенія, разсѣянности, внезапности, отъ души оттрясать, — а невнимательныхъ, привлекая къ очищенію примѣромъ внимательныхъ. На помощь покаянію призываетъ она постъ; приспособляетъ Богослуженіе къ возбужденію покаянныхъ чувствованій; и до того простираетъ матернюю о насъ заботливость, что, дабы легче ввести насъ въ подвиги поста, сдѣлала настоящую недѣлю преддверіемъ онаго, предписавъ для нея нѣчто среднее между постомъ и мясоястіемъ, и первые, не частые опыты постныхъ колѣнопреклоненій.

При видѣ столь снисходительнаго материнскаго попеченія святыя Церкви о чадахъ своихъ, какъ болѣзненно, братія, видѣть въ тоже время столь далеко простираемую невнимательность къ намѣренію чадолюбивыя матери, и даже превращеніе мудрыхъ и благодѣтельныхъ ея распоряженій! Церковь хочетъ приготовлять насъ къ воздержанію: а у насъ въ сіе самое время больше обыкновеннаго владычествуетъ невоздержаніе въ пищѣ и питіи. Церковь думаетъ пріучать насъ къ труду колѣнопреклоненій: а у насъ многіе бросаютъ свой обыкновенный трудъ, не принимаясь за трудъ церковный, или больше, нежели работою,

обременяютъ и утомляютъ себя безвременнымъ яденіемъ и питіемъ, непрерывными забавами и увеселеніями. Церковь помышляетъ, какъ бы вѣрнѣе, по очищеніи чувствъ воздержаніемъ, возвести насъ къ духовному высокими умы созерцанію странствія Владычня, безсмертныя трапезы, спасительныхъ язвъ Господнихъ, животнаго гроба, свѣтозарнаго воскресенія: а мы усиленно разсѣваемъ себя и отягчаемъ чувства изысканнымъ разнообразіемъ излишествъ, какъ будто намъ нужно заградить, а не открыть себѣ входъ въ область чистаго духовнаго созерцанія предметовъ спасительныхъ и Божественныхъ. Чѣмъ болѣе приближается постъ: тѣмъ болѣе умножаются сіи безпорядки: и дни, которые должны быть особенно тихи, какъ ближайшіе къ безмолвію поста и покаянія, едва ли не бываютъ самыми шумными въ году, и наименѣе охраняемыми отъ грѣха и суеты. Это ли повиновеніе Церкви? Это ли преддверіе поста? Это ли приготовленіе къ покаянію? Какой больной сталъ бы нарочно усиливать свою болѣзнь сего дня, потому что намѣренъ лечиться завтра?

Чада Церкви! Вспомните, что истинныя чада ея суть, по Апостолу, *чада послушанія* (I Петр. 1. 14). Послушайтесь же искренно ея материнскаго приглашенія къ покаянію. Послѣдуйте ея направленію въ приготовленіи къ покаянію. Если не вдругъ укрѣпитесь исполнить все, чего она отъ васъ требуетъ: по крайней мѣрѣ не покаряйтесь съ такимъ раболѣпствомъ суетѣ, излишествамъ и безпорядкамъ. Да охраняютъ васъ, да подкрѣпляютъ, да руководствуютъ на пути очищенія Силы небесныя, и молитвы Святителя Алексія, васъ нынѣ собравшаго, и при семъ смиренномъ словѣ предсѣдательствующаго. Аминь.

CLXXV.

120. Слово

въ недѣлю крестопоклонную.

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

И призвавъ народы со ученики своими, рече имъ: иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ Мар VIII. 34.

Хочу показать вамъ знаменованіе настоящаго дня въ Церкви, и съ тѣмъ вмѣстѣ предложить часть Христіанскаго ученія, которой исполненіе всякой день нужно и спасительно. Почтивъ день сей поклоненіемъ кресту, почтите оный вниманіемъ къ размышленію о Господней заповѣди самоотверженія и крестоношенія.

Посмотримъ въ Евангеліи, при какихъ обстоятельствахъ изречена сія заповѣдь.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, проходя поприще земнаго житія и проповѣдыванія истины, приближался къ страданію и крестной смерти, предуставленнымъ для Него, во спасеніе наше. По Своему Божественному всевѣдѣнію, Онъ видѣлъ сію близость; и нашелъ нужнымъ предупредить своихъ учениковъ о предстоящихъ грозныхъ событіяхъ, которыя, при совершенной внезапности, могли бы не только поколебать вѣру ихъ, но и совсѣмъ разрушить. Посему двѣнадцати Апостоламъ, какъ болѣе достойнымъ, и способнымъ принимать тайны Его, сказалъ Онъ ясно: *яко подобаетъ Сыну человѣческому много пострадати, и искушену быти отъ старецъ и Архіерей и книжникъ, и убіену быти, и въ третій день воскреснути.* Но поелику и Апостольская вѣра въ сіе время еще не созрѣла для сей великой тайны; и первый изъ Апостоловъ Петръ осмѣлился противорѣчить сему предсказанію, такъ что нужно было заградить уста его строгимъ упрекомъ: то, безъ сомнѣнія, не время было такъ же ясно говорить о семъ народу; а между тѣмъ для ут-

верженія вѣры нужно было, чтобы и народъ имѣлъ заранѣе свидѣтельство, что Господь предвидѣлъ свои страданія и шелъ на вольную смерть. Посему-то ученикамъ при народѣ, и народу, сказалъ Онъ какъ бы загадочно: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.* Не говоритъ: Я понесу крестъ, и постражду на немъ: но когда велитъ своему послѣдователю нести крестъ; а послѣдовать значитъ подражать, дѣлать тоже, что дѣлаетъ предшествующій; то даетъ разумѣть, что понесетъ крестъ и Самъ; а слѣдственно и распятъ будетъ; ибо не для чего было нести крестъ, если не для распятія. Итакъ загадка загадана всенародно: и хотя народъ не могъ отгадать ее въ то же время; но, по событіи распятія Господня, долженъ былъ и понять слышанное предсказаніе, и удостовѣриться въ Божественности Предсказателя, и повѣрить спасительному таинству нашего искупленія страданіемъ и крестною смертію Богочеловѣка.

Мы теперь, братія, проходимъ поприще поста, и приближаемся къ торжественному воспоминанію спасительныхъ страданій, смерти и воскресенія Христова. Матерь-Церковь заботится, чтобы мы не предстали сему высокому и святѣйшему зрѣлищу неготовые, недостойные. По сему она останавливаетъ насъ на срединѣ постнаго поприща: и тѣмъ самымъ словомъ, которымъ Господь заранѣе приготовлялъ учениковъ и народъ къ событію Своего распятія, она приготовляетъ насъ къ благоговѣйному воспоминанію Его распятія; и намъ въ Евангеліи возглашаетъ она отъ лица Христова: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ;* и чѣмъ оглашаетъ нашъ слухъ, то самое предлагаетъ и нашему оку, то есть, крестъ Христовъ, дабы чрезъ око непрестанно внушать то, чего нельзя довольно часто повторять слуху. Мнѣ кажется, что я слышу сіе безмолвное, но довольно внятное внушеніе. Ты приближаешься къ высокому и таинственному воспоминанію крестной смерти Христовой, чтобы потомъ войти въ радость Воскресенія Христова. Остановись и подумай, достоинъ ли ты сего приближенія, готовъ ли къ сему созерцанію, довольно ли у тебя для сего вѣры, благоговѣнія, любви, разумѣнія. Посмотри какъ-бы еще нѣсколько издалеча, какъ-бы приготовительно, на великое зрѣлище Христа Крестоносца, Христа распинаемаго, Христа умирающаго и погребаемаго; и поучись, какъ бы приступить ближе и не быть отринуту, какъ бы при-

коснуться къ жизнеточащимъ язвамъ Господнимъ и не быть осуждену. Многіе приближались, но не многіе такъ спасительно, какъ благоразумный разбойникъ; многіе прикасались, и по любопытству тѣснящіеся, и ругающіеся, и распинающіе, но не многіе такъ свято, какъ Іосифъ и Никодимъ. Только послѣдователи Христовы неосужденно и спасительно приближаются и прикасаются ко Христу; а послѣдователь Его долженъ отвергнуться себя, взять крестъ свой, и по Немъ идти. Вотъ что, братія, внушаетъ вамъ нынѣ Матерь-Церковь. Вотъ что и безъ меня, какъ чрезъ меня, проповѣдуетъ вамъ нынѣшній день.

Дабы сему внушенію послѣдовать, надобно вразумиться, что такое отвергнуться себя и взять крестъ свой.

Отвергнуться себя не значитъ ли бросить свою душу и тѣло, какъ бросаютъ ничего нестоющую вещь, безъ вниманія, безъ попеченія? — Нельзя такъ думать. Душа есть вещь очень дорого стоющая. Вѣрную оцѣнку ея вы слышали нынѣ же въ сихъ словахъ Евангелія: *кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою?* То есть: потеря души есть потеря столь великая, что цѣлымъ міромъ замѣнена быть не можетъ. Слѣдственно душа для человѣка дороже цѣлаго міра. Какъ ее бросить безъ вниманія? Нельзя думать и того, чтобы Господь повелѣвалъ намъ бросить безъ всякаго попеченія тѣло наше, если вспомнимъ, что Апостолъ Его представляетъ, какъ образъ высшаго закона духовнаго, то попеченіе, по которому *никто же когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю* (Еф. V. 29); что тѣло наше создалъ Богъ, и далъ намъ, какъ орудіе, для дѣйствованія въ тѣлесномъ мірѣ, съ тѣмъ, чтобы въ употребленіи онаго въ свое время потребовать отъ насъ отчета, *да пріиметъ кійждо предъ судищемъ Христовымъ, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. V. 10); — что наконецъ тѣло не только должно беречь и образовать для дѣлъ нужныхъ, полезныхъ и добрыхъ въ мірѣ, но еще можно употребить къ славѣ Божіей, по совѣту Апостола: *прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія* (I Кор. VI. 20). Можно ли пренебрегать, какъ маловажное, то, чрезъ что можно прославлять Бога?

И такъ, что же значитъ отвергнуться себя?—Изъ сказаннаго, по необходимости, надлежитъ заключить, что сіе не значитъ бросить душу и тѣло безъ вниманія, безъ попеченія, но развѣ отвергнуть пристрастіе къ тѣлу и его удовольствіямъ,

къ жизни временной и ея благополучію, и даже къ наслажденіямъ душевнымъ, почерпаемымъ изъ неочищенной природы, къ желаніямъ собственной воли, къ любимымъ понятіямъ собственнаго мудрованія. Что такое разумѣніе заповѣди самоотверженія есть правильное, сіе усмотрѣть можно изъ намѣренія, съ которымъ она произнесена. Какого намѣренія? — того, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ идти за Христомъ. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе.* Для чего бы желающему идти по Христѣ не стать на сей путь по самому сему желанію, безъ другаго предварительнаго требованія? Для чего предварительно требуется отъ него самоотверженіе?—Видно, для того, что безъ сего желаніе идти по Христѣ осталось бы несбыточнымъ. И подлинно, привязанному къ любимымъ понятіямъ собственнаго мудрованія сія привязанность препятствуетъ восходить выше, и вѣровать истинѣ Божественной: онъ не способенъ идти за Христомъ безъ отверженія сей привязанности, потому что безъ сего не вступитъ на путь чистой вѣры. Не оставляющій желаній собственной воли также не можетъ быть послѣдователемъ Христовымъ: ибо послѣдованіе въ томъ и состоитъ, чтобъ избирать путь не по собственной волѣ, а по волѣ предшествующаго. И не хотящій послушанію и преданности въ волю Божію пожертвовать наслажденіями душевными не есть надежный послѣдователь Христовъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ стремится къ наслажденіямъ духовнымъ; поелику онъ, напрягая всѣ усилія къ мерцанію свѣта на крутизнахъ Θавора, потому самому еще не сопровождаетъ Господа къ спасительной Голгоѳѣ: что же сказать, если онъ почерпаетъ свои душевныя наслажденія изъ неочищеннаго источника падшаго естества и, упорствуетъ, когда Провидѣніе и благодать приближаются преградить потоки его, для очищенія души?—Сказалъ о семъ судъ Свой Самъ Господь, когда одному изъ людей сего рода, изъявившему желаніе идти по Немъ, и въ то же время привлекаемому наслажденіями родственной любви, отвѣтствовалъ: *никто же возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Божіи* (Лук. IX. 62). Что пристрастный къ жизни временной не можетъ успѣшно совершить послѣдованія Христу, сіе видно въ Апостолахъ, которые, и послѣ довольно долгаго у Него ученія, и послѣ столь многихъ чудесъ, не только Имъ, но и ими, по дару Его, содѣланныхъ, обратились отъ послѣдованія Ему въ бѣгство, когда на пути Его встрѣтились съ

опасностію жизни. Что пристрастный къ благамъ жизни временной не способенъ послѣдовать Христу, сего печальный опытъ представляетъ Евангельскій юноша, который хотя и самъ желалъ вступить на путь къ животу вѣчному, и Самимъ Христомъ призываемъ былъ послѣдовать Ему, не послѣдовалъ, но *отъиде скорбя, бѣ бо имѣя стяжанія многа* (Матѳ. XIX. 22), и не хотѣлъ съ ними разстаться. Наконецъ, пристрастный къ тѣлу и его удовольствіямъ, очевидно, есть худой послѣдователь Христу: ибо изнѣженному, обременяемому, разслабляемому оными, ему трудно подниматься на гору Господню; онъ охотнѣе обратится подъ гору, или воздремлетъ въ цвѣтахъ, и не далекъ отъ того, чтобы погрязнуть въ блатѣ нечистыхъ страстей и похотей. Кратко сказать, поелику все, что есть въ сынѣ Адамовомъ, доколѣ не очищено, или лучше, не новосоздано Христомъ, обыкновенно подвержено употребленію пристрастному: то желающій быть истиннымъ и вѣрнымъ послѣдователемъ Христовымъ все, что въ себѣ усвояетъ и любитъ, долженъ оставить, не въ отношеніи къ употребленію, но въ отношеніи къ пристрастію. И сіе-то сокращая еще болѣе, Господь сказалъ: *да отвержется себе.*

Другое, чего требуетъ Господь отъ своего послѣдователя, есть взять крестъ свой. Что такое *крестъ свой?* — Я уже сказалъ, что изреченіе о крестѣ послѣдователя Христова предполагаетъ крестъ Самого Христа, и указуетъ на оный. И такъ крестъ нашъ есть нѣчто подобное тому, что называется крестомъ Христовымъ. И какъ подъ именемъ креста Христова мы разумѣемъ, во-первыхъ, орудіе страданія и смерти Его, во-вторыхъ самое страданіе и смерть Его на крестѣ, въ третьихъ, въ болѣе обширномъ смыслѣ, все послѣдованіе и разнообразіе страданій, уничиженія и постепеннаго умерщвленія Его, и внутренній крестъ скорби, въ глубокомъ ощущеніи, и еще ранѣе, въ предчувствіи видимаго креста и страданія: то и подъ именемъ креста нашего должно разумѣть всякую, по судьбамъ Божіимъ, насъ постигающую скорбь, лишеніе, уничиженіе, страданіе и многострадальную или бѣдственную смерть. Не ужели, скажутъ, на все сіе долженъ обречь себя каждый Христіанинъ?—Заповѣдь Господня не изъясняется такъ строго. Не наше дѣло предназначать себѣ жребій: нашъ долгъ умѣть принимать тотъ, который Господь намъ назначаетъ. И Христосъ не избиралъ, и не умножалъ себѣ страданій, а принялъ тѣ, и въ той полнотѣ, какія, и въ какой,

предуставила Ему премудрость, правда и судьба Отца Его, а исполнили сыны человѣческіе, не вѣдавшіе, что творили. Кольми паче нескромная и потому ненадежная была бы дерзость, обрекать себя на многое трудное нашей немощи, не могущей и малое, и легкое понести безъ вышней помощи. Посему-то Господь не говоритъ въ заповѣди Своему послѣдователю, да умножитъ себѣ страданія, да распнетъ самъ себя, но меньше, снисходительнѣе: *да возметъ крестъ свой.* Что такое *взять крестъ!*— Не убѣгать скорбнаго посѣщенія; не упорствовать противъ онаго; быть въ готовности принять оное, когда еще не постигло, послушно и безропотно принять оное, когда дѣйствительно постигаетъ; кротко дать себя вести, какъ овча на заколеніе, по образу Агнца и Пастыря Христа, если нужно пострадать за правду; безпрекословно нести дрова для собственнаго всесожженія, какъ Исаакъ, если такова воля Отца Небеснаго, для нашего очищенія и для приведенія насъ въ обѣтованное пакибытіе.

Таковы суть условія, при исполненіи которыхъ человѣкъ можетъ незаблужденно слѣдовать за Христомъ, приближаться къ Нему не внѣшно, а внутренно, не мѣстомъ, а духомъ, содѣлываться въ вѣрѣ и любви общникомъ спасительныхъ Его страданій и смерти, и въ упованіи общникомъ Его воскресенія и славы.

Да испытуемъ себя, Христіане, и да отвергаемся всего, что насъ привязываетъ узами пристрастія къ себѣ самимъ, къ плоти, къ міру, да будемъ свободны и легки, чтобы идти за Христомъ. Да пріемлемъ безропотно и послушно крестъ свой, то-есть, мѣру скорби и страданій, безъ сомнѣнія, непогрѣшительно измѣренную для насъ Провидѣніемъ, соотвѣтственно потребности нашего исправленія, очищенія и усовершенія. Вѣрно да ходимъ за Христомъ путемъ самоотверженія и креста; и вѣрно внидемъ въ радость Господа своего. Аминь.

CLXXVI.

121. Слово

въ недѣлю четвертую великаго поста, и въ день Алексія, человѣка Божія.

(Говорено въ Алексѣевскомъ монастырѣ, марта 17 дня; напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1837 г. и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

И тако долготерпѣвъ, получи обѣтованіе.
Евр VI. 15.

Недостатокъ терпѣнія и постоянства въ дѣлахъ, предпріемлемыхъ для вѣчнаго спасенія, нѣкоторымъ кажется недостаткомъ, по немощи человѣческой, обыкновеннымъ, и потому не очень важнымъ.

Къ сожалѣнію, едва ли не правда то, что сей недостатокъ обыкновененъ: но никакъ не правда, чтобы онъ былъ не очень важенъ. Множество душъ по сему недостатку не достигаютъ спасенія: не ужели это маловажно?

Кто не согласился бы войти въ рай, если бы всякой могъ войти въ него нѣсколькими шагами, въ нѣсколько минутъ или часовъ? И тать, и разбойникъ охотнѣе пошли бы на сію легкую и вѣрную добычу, нежели на опасную и невѣрную добычу татьбы и разбоя. Но когда видятъ, что къ вѣчному спасенію надобно долго идти узкимъ путемъ, съ трудомъ проходить тѣсныя врата,—надобно постоянство, терпѣніе, долготерпѣніе: тогда многіе совращаются на широкій путь искать временнаго удовольствія; и, какъ путь удовольствія законнаго и позволеннаго также не довольно широкъ, и средства онаго самою законностію нѣкоторымъ образомъ ограничиваются и стѣсняются; то, по тому же недостатку терпѣнія, переходятъ къ удовольствіямъ непозволеннымъ, порочнымъ, беззаконнымъ, и непримѣтно приближаются къ вѣчной погибели.

Посему благодѣтельно святый Апостолъ учитъ насъ постоянству и терпѣнію для достиженія вѣчнаго спасенія, и для сего указываетъ на примѣръ Авраама, который *долготерпѣвъ, по-*

лучи обѣтованіе. Послѣдуемъ окомъ ума за его указаніемъ. Вникнемъ въ его ученіе.

Богъ повелѣлъ Аврааму оставить отечество, и идти въ неизвѣстную землю: и въ награду за вѣру и послушаніе сему повелѣнію изрекъ обѣтованіе: *сотворю тя въ языкъ велій, и благословлю тя, и возвеличу имя твое, и будеши благословенъ. И благословлю благословящія тя, и кленущія тя прокляну, и благословятся о тебѣ вся племена земная* (Быт. XII. 2. 3). Авраамъ повѣрилъ и повиновался. Вышелъ изъ Ура; пришелъ въ Харранъ. Здѣсь лишился отца, можетъ быть, не отъ старости только, но и отъ трудностей путешествія. Но обѣтованіе не исполнилось. Авраамъ пришелъ въ землю Ханаанскую и узналъ, что это земля, обѣтованная ему и его потомству. Но голодъ изгналъ его изъ сей земли въ Египетъ, еще болѣе для него неизвѣстный, еще болѣе опасный. Обѣтованіе становилось почти несбыточнымъ: однако Авраамъ продолжалъ вѣрить, и терпѣлъ. По возвращеніи въ землю обѣтованную, ссора между пастухами Авраама, и племянника его Лота, заставила ихъ раздѣлиться: слѣдственно Авраамъ сдѣлался слабѣе, и тѣмъ большей опасности подвергался отъ сосѣднихъ иноплеменныхъ народовъ; и въ слѣдъ за тѣмъ, по случаю взятія въ плѣнъ Лота въ Содомѣ, вмѣшанъ былъ въ войну противъ четырехъ царей. Мелхиседекъ благословилъ его, какъ побѣдителя, словомъ: но благословеніе Божіе, которое должно было сотворить его въ языкъ великъ, не являлось. Еще Авраамъ не имѣлъ обѣтованнаго сына, какъ уже предречено ему было порабощеніе потомства его въ продолженіи четырехъ сотъ лѣтъ. Надобно было долготерпѣніе, чтобы взирать на столь продолжительныя бѣдствія, тогда какъ не видно еще было и начала благословенія. Авраамъ поспѣшилъ имѣть сына отъ Агари: но то была ошибка; Измаилъ не былъ сынъ обѣтованія. Сыну обѣтованія надлежало родиться отъ Сарры: но Сарра была неплодна; Авраамъ и Сарра были оба стары: какое долготерпѣніе нужно было, чтобы еще вѣровать, еще надѣяться исполненія обѣтованія! Наконецъ обѣтованный Исаакъ родился, выросъ; событіе обѣтованія Божія началось; надежда благословеннаго потомства просіяла. Конецъ ли долготерпѣнію Авраама?—Еще нѣтъ. Внезапно Богъ требуетъ Исаака во всесожженіе: отецъ долженъ заклать сына, и въ немъ все свое потомство, и уничтожить Божіе обѣтованіе! Не льзя довольно дивиться, какъ и въ семъ случаѣ достало у

отца вѣрующихъ вѣры и долготерпѣнія: но достало. Исаакъ принесенъ въ жертву въ послушномъ Богу сердцѣ отца своего: и тѣмъ самымъ упрочено на жизнь и благословеніе всемірное и вѣчное. Въ сіе время сквозь отдаленіе вѣковъ Авраамъ увидѣлъ день Христа, приносимаго въ жертву живую и спасительную на крестѣ, *и видѣ, и возрадовася* (Іоан. VIII. 56), не только о своемъ обѣтованномъ потомствѣ, но и о своемъ обѣтованномъ вѣчномъ спасеніи. *Тако долготерпѣвъ, получи обѣтованіе.*

Можетъ быть, нѣкоторые подумаютъ: что намъ до Патріарха? Кто можетъ быть другимъ Авраамомъ?—Не льзя одобрить сихъ мыслей. Это уклоненія и отговорки отъ добрыхъ подвиговъ долготерпѣнія въ вѣрѣ, свойственныя тому самому нетерпѣнію, непостоянству, малодушію, лѣности, противъ которыхъ Апостолъ хочетъ вооружить насъ силою примѣра Авраамова. Правда, что Авраамъ человѣкъ единственный, Патріархъ, отецъ вѣрующихъ. Но вы, дѣти вѣры, развѣ не дѣти сего самаго отца вѣрующихъ? А дѣтямъ прилично ли не подражать доброму отцу? Прилично ли сказать: что намъ до отца? Для чего-жъ и Писаніе говоритъ намъ о Авраамѣ, и о другихъ древнихъ Святыхъ, если сіе до насъ не касается? — Нѣтъ, сказуетъ о путяхъ и судьбахъ ихъ то же Писаніе: *сія вся образы прилучахуся онѣмъ; писана же быша въ наученіе наше, въ нихъ же концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. X. 11). Нѣтъ нужды, что мы живемъ почти на другомъ концѣ вѣковъ отъ ветхозавѣтныхъ Патріарховъ; ихъ примѣры не такъ далеки отъ насъ, какъ ихъ времена; ихъ приключенія такъ ведены были Провидѣніемъ, что между тѣмъ, какъ они шли къ исполненію данныхъ имъ обѣтованій временныхъ и вѣчныхъ, они показывали намъ стези къ нашему вѣчному спасенію; и для сего самаго ихъ приключенія описаны въ священныхъ книгахъ. Дѣло не въ томъ, чтобы буквально и чувственно повторять то, что въ нихъ видимъ: Богъ *удоволи насъ служители быти нову Завѣту, не писмене, но духу* (2 Кор. III. 6). Надобно примѣчать въ Ветхозавѣтныхъ Святыхъ духъ вѣры, который издалеча приближалъ ихъ къ грядущему Христу, и перенимать оный, какъ наслѣдіе, законно слѣдующее намъ, вѣрующимъ во Христа пришедшаго. Итакъ должно смотрѣть на долготерпѣніе Авраама въ вѣрѣ, и побуждать себя постоянно и терпѣливо упражняться въ дѣлахъ вѣры и спасенія, поколику немощь наша позволитъ, паче же, поколику благодать даруетъ.

Разумѣется, что не одинъ Авраамъ подаетъ въ семъ примѣръ, но и многіе, если только не всѣ, угодившіе Богу. Непосредственный сынъ и наслѣдникъ обѣтованія Авраамова, Исаакъ, не такъ же ли, какъ отецъ, *долготерпѣвъ, получи обѣтованіе* благословеннаго потомства? Онъ долженъ былъ, не колеблясь въ вѣрѣ, претерпѣть двадцатилѣтнее неплодство Ревекки, опасности и обиды отъ Герарцевъ, наконецъ слѣпоту, которая воспрепятствовала ему дать, какъ онъ хотѣлъ, благословеніе первенцу природы, Исаву, но въ то же время, при его долготерпѣніи вѣры, способствовала дать неотъемлемое благословеніе избранному первенцу благодати, Іакову. И благословенный Іаковъ, котораго Самъ Богъ обѣщалъ *не оставить* (Быт. XXVIII. 15), не долженъ ли былъ долго терпѣть смертельную вражду старшаго брата, двадцатилѣтнюю работу въ домѣ неблагодарнаго Лавана, опасности нападеній, разнообразныя огорченія семейственныя, лишеніе сына любви и надеждъ, Іосифа, наконецъ тягость глада и трудное въ старости переселеніе въ необѣтованную землю Египетскую, въ которой надлежало страдать его потомству, о чемъ предсказаніе, дѣду его бывшее, не могло быть и ему неизвѣстно? Кто не знаетъ, сколько долженъ былъ претерпѣть Іосифъ, чтобы достигнуть спасенія своего, и своего племени? Онъ претерпѣлъ вражду братьевъ, рабство, клевету, узы, темницу. Моисей, чтобы содѣлать временное спасеніе своего народа, во образъ нашего вѣчнаго спасенія, также долженъ былъ всю жизнь терпѣть, то сороколѣтнее добровольное изгнанничество, то трудную борьбу съ ожесточеніемъ Фараона, то, почти непрерывную борьбу съ препятствіями природы, и съ непостоянствомъ и невѣрностію своего народа.

Но поспѣшимъ отъ дальнихъ образовъ къ примѣрамъ болѣе близкимъ. Апостолы, мученики, преподобные, сколько долготерпѣли, въ проповѣдываніи Евангелія, въ страданіяхъ за вѣру, въ подвигахъ духовной жизни! Послушаемъ хотя одного святаго Павла, о себѣ разсказывающаго: *отъ Іудей пятькраты четыредесять развѣ единыя пріяхъ*, то есть, въ пяти разныхъ случаяхъ получилъ по тридцати девяти ударовъ; *трищи палицами біенъ быхъ, единою каменьми наметанъ быхъ; трикраты корабль опровержеся со мною; нощь и день во глубинѣ сотворихъ; въ путныхъ шествіихъ множицею: бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ*

мори, бѣды во лжебрати́и, въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ (2 Кор. XI. 24—27). Вспомнимъ наконецъ и долготерпѣніе собравшаго насъ нынѣ во храмъ сей Человѣка Божія. Домъ, богатство, родителей, невѣсту оставилъ чудный Алексій, избирая тѣсный путь спасенія, семнадцать лѣтъ провелъ безъ жилища, между нищими въ притворѣ церковномъ; и, что еще труднѣе, *пробысть*, какъ сказуетъ повѣсть житія его, *приснопамятный въ отчемъ дому невѣдомъ, сице худый и изнуряемъ, отъ врага побораемъ, отъ любве сродниковъ разжигаемъ, и отъ рабовъ своихъ поругаемъ, не десять дней или сто, но лѣтъ семнадесять всецѣлыхъ* (Пролог.). Какая рѣшительность въ намѣреніи спасенія, какое постоянство въ исполненіи, какое терпѣніе въ искушеніяхъ!

Наша лѣность неохотно смотритъ на таковые примѣры долготерпѣнія въ вѣрѣ. Она охотнѣе ищетъ примѣровъ тому, какъ бы спастись легче и скорѣе. Правда, безконечно — милосердый Богъ сдѣлалъ возможнымъ и сіе, дабы никакой грѣшникъ, ни въ какихъ обстоятельствахъ, не имѣлъ причины отчаяваться. Въ Евангеліи видимъ, какъ нѣсколько словъ покаянія и вѣры отверзли разбойнику рай. Но при семъ не оставимъ безъ вниманія и того, что сей примѣръ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ безпримѣренъ, именно въ томъ, въ какую неожиданную близость судьба поставила погибающаго со Спасителемъ, безъ возможности удалиться отъ Него пригвожденному ко кресту [1]), и въ какія чудесныя минуты благодати. Примѣтимъ также и то, что покаяніе, не поздное для разбойника на крестѣ, поздно было для другаго, въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, въ тѣ же самыя благодатныя минуты; что спасенный разбойникъ обратился ко Христу одинъ, въ противоположность нераскаянію Архіереевъ, Князей, Фарисеевъ, Книжниковъ, Старѣйшинъ, цѣлаго Іерусалима. Кто дерзнетъ сказать, что легче и надежнѣе къ исполненію сіе быстрое, ничѣмъ неудержимое возникновеніе изъ погибели во спасеніе, нежели достиженіе спасенія постепеннымъ шествіемъ по пути покаянія и самоисправленія, съ терпѣніемъ и долготерпѣніемъ?

Для успокоенія нашей лѣности и непостоянства, мы говоримъ, что Богъ пріемлетъ и тѣхъ, которые часто падаютъ. Такъ, Онъ

[1]) Въ Христ. Чтеніи этихъ словъ нѣтъ.

пріемлетъ и сихъ: но прежде усматриваетъ, по немощи ли они падаютъ, по невѣдѣнію ли, по соблазнамъ ли и претыканіямъ невольнымъ, или напротивъ, по нерадѣнію, по пристрастію къ порокамъ, въ которые падаютъ, не смотря на свидѣтельство совѣсти противъ беззаконій, въ которыя падаютъ. Есть падающіе, которымъ поспѣшаетъ помощь благодати: и есть падающіе, къ которымъ пренебреженная ими премудрость Божія посылаетъ достойное ихъ слово: *убо и Азъ погибели вашей посмѣюся;— будетъ бо, егда призовете Мя, Азъ же не послушаю васъ; взыщутъ Мене зліи, и не обрящутъ* (Прит. I. 26. 28).

Если бы ты испытывалъ человѣка, котораго намѣренъ принять въ свой домъ; и если бы онъ, нѣсколько минутъ занимался тѣмъ, что ты ему поручаешь, а потомъ на цѣлый день, или болѣе, обращался къ тому, что ему нравится, что тебѣ противно, что несообразно съ порядкомъ твоего дома: не ужели ты бы его принялъ? Какъ же думать, что всесвятый Богъ менѣе насъ печется о Своемъ вѣчномъ домѣ, о небесномъ градѣ Своего Царствія, да *не имать въ него внити всяко скверно* (Апок. XXI. 27)? Какъ же думать, что Онъ доволенъ будетъ человѣкомъ, который на минуту вспоминаетъ Его, и на цѣлый день, или еще на многіе дни забываетъ; который нѣсколько дней какъ нибудь постится, и потомъ на годъ предается невоздержанію; который однимъ и тѣмъ же языкомъ теперь *благословляетъ Бога и Отца, и* потомъ *кленетъ человѣки, бывшія по подобію Божію* (Іак. III. 9); который послѣ покаянія безпечно возвращается ко грѣху, и послѣ грѣха такъ же безпечно не спѣшитъ къ покаянію; въ которомъ не только нѣтъ готовности, ни желанія, ради вѣры и любви къ Богу и Христу, претерпѣть всякую скорбь, всякое лишеніе, всякое бѣдствіе и самую смерть, но который не имѣетъ твердости, для благоугожденія Богу, побѣдить страсть, исправить неправильную склонность, отвергнуть худую привычку, предпочесть дѣло благочестія дѣлу собственной корысти или честолюбія; который, даже послѣ посвященія себя Богу особеннымъ обѣтомъ, такъ же, какъ безъ обѣта, живетъ міру и работаетъ суетѣ его?

Да уповаемъ, Христіане, на благодать Божію, обѣщавшую и подающую намъ спасеніе: но при томъ *да не лѣниви будете, но подражатели наслѣдствующихъ обѣтованія вѣрою и долготерпѣніемъ* (Евр. VI. 12). Аминь.

CLXXVII.

122. Слово

въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

(Говорено въ Чудовѣ Монастырѣ, Марта 25 дня; напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1835 года и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.).

И исповѣдуемо велія есть благочестія тайна, Богъ явися во плоти, оправдася въ Дусѣ, показася Ангеломъ, вѣровася въ мірѣ, вознесеся во славѣ. 1 Тим. III. 16.

Благоговѣйно воспоминаемъ и торжествуемъ мы нынѣ тотъ единственный во временахъ день, то великое мгновеніе, когда велія благочестія тайна: *Богъ во плоти*, не въ словѣ только, но въ силѣ Вышняго, принесена Архангеломъ Гавріиломъ на землю, скрыта въ чистомъ сердцѣ и въ приснодѣвственной утробѣ Преблагословенныя Маріи, запечатлѣна смиреннымъ Ея молчаніемъ. Послѣ сія *тайна, сокровенная отъ вѣкъ и отъ родовъ* (Кол. I. 26), превратилась во всемірную славу: но тѣмъ не менѣе и теперь еще остается тайною. *Велія есть благочестія тайна, Богъ явися во плоти.*

Дивились, безъ сомнѣнія, сей тайнѣ и на небесахъ, когда она тамъ открылась; когда Іисусъ Христосъ, воскресшій, и возносящійся, дабы сѣсти одесную Бога Отца, *показася Ангеломъ*, въ невиданной ими славѣ Богочеловѣка. Небесное удивленіе, какъ и все небесное, прекрасно. Дивились Ангелы тайнѣ и славѣ Богочеловѣка: но не смущались. Вопрошали: *кто есть сей Царь славы?* но не любопытствовали, не сомнѣвались; желали знать, чтобы благоговѣть; и прежде нежели провозглашено имъ разрѣшеніе вопроса ихъ: *кто есть сей Царь славы*, они уже принимали Его, какъ Царя славы; потому что уже взывали: *возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная: и внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII. 7. 8). Чѣмъ болѣе непостижимою видятъ они тайну: тѣмъ болѣе находятъ ее достойною

непостижимаго Бога, тѣмъ болѣе благоговѣютъ, тѣмъ болѣе славятъ Бога, тѣмъ болѣе просвѣщаются Его славою, и блаженствуютъ. Тамъ вѣдѣніе и слава не противорѣчатъ и не завидуютъ тайнѣ: и тайна до безконечности умножаетъ славу и свѣтъ.

Но земля такъ ли пріемлетъ дивную тайну Бога во плоти, — земля, для которой собственно сія тайна и изобрѣтена, и употреблена, и сокрыта, и открыта, и низведена, и вознесена, и предана позору, и прославлена? — Воистинну благословенна въ женахъ единственная Пресвятая Дѣва, которая представила Себя достойнымъ хранилищемъ пришедшей съ небесъ тайнѣ, чтобы она не обратилась вспять, какъ наполненный сокровищами корабль отъ берега, не имѣющаго пристани;—которая, бывъ возводима въ превыспренній санъ Богоматери, не попустила своему помыслу, ниже на одинъ волосъ, подняться изъ глубины смиренія;—которая умѣла обнять безконечное Слово Божіе столь малымъ словомъ человѣческимъ: *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему* (Лук. I. 38). Послѣ Ея, благословимъ и тѣхъ, которыми тайна Бога во плоти *вѣровася въ мірѣ,* которые оную съ вѣрою приняли, вѣрно сохранили, проповѣдали всѣмъ народамъ;—чрезъ которыхъ она, въ неизмѣнной чистотѣ, въ неуменьшенной силѣ, и до насъ достигла. Но это тѣ, которые хотя и *въ мірѣ суть* (Іоан. XVII. 11), однако *не суть отъ міра* (ст. 14). А міръ? — Онъ не хотѣлъ было принять спасительной для него тайны Божіей: по слуху о ней, онъ возсталъ было въ тревогѣ, чтобы подавить ее, чтобы затьмить ее лжами, запутать вымыслами, покрыть [1]) презрѣніемъ и клеветами, чтобы преградить ей путь мечемъ, залить ее кровію ея свидѣтелей, погребсти въ ихъ могилахъ, сжечь въ огнѣ, потопить въ водѣ, истребить всѣми возможными способами истребленія. Не удалось! Вопреки усиліямъ міра, тайна Бога во плоти превратилась, какъ я уже сказалъ, во всемірную славу. Но и теперь сколько еще людей, которые или не познали сей тайны, или, познавъ, не приняли! И что еще прискорбнѣе, даже между тѣми, которые получили оную по наслѣдству отъ отцевъ и праотцевъ, или остаются, или вновь являются такіе, которые не знаютъ, что дѣлать съ сею непонятною тайною; спрашиваютъ, то съ любопытствомъ,—почему для спасенія че-

[1]) Въ рукописи Автора: осрамить.

ловѣческаго рода употреблено столь необычайное средство—воплощеніе Божества; то съ сомнѣніемъ,—неужели безъ сего не возможно спасеніе человѣка. А гдѣ любопытство, тамъ еще нѣтъ чистаго вѣдѣнія; гдѣ сомнѣніе, тамъ еще нѣтъ полной вѣры.

Тайна гонитъ отъ себя прочь любопытство по тому самому, что есть тайна. Она призываетъ къ себѣ вѣру: впрочемъ не возбраняетъ ей мимоходомъ пользоваться пособіемъ скромнаго размышленія, для снятія съ ея пути претыканій, которыя бросаетъ на него сомнѣніе.

Если посему осмѣлиться размышлять о потребности воплощенія Сына Божія насъ ради человѣкъ, и нашего ради спасенія: то вѣрующій можетъ положить въ основаніе своего размышленія слѣдующія изреченія Самого Іисуса Христа.

Первое изреченіе: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ*; *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Мат. XI. 27). Что безъ познанія Бога нельзя быть спасену и блаженну, въ томъ не усомнится никто здравомыслящій. Но если сокровище Богопознанія лежитъ сокрыто во внутренности самаго Божества, недоступно по недосязаемой высотѣ Его; если взять изъ онаго себѣ на потребу спасенія можетъ *токмо* тотъ, *емуже аще волитъ Сынъ* Божій *открыти*; а между тѣмъ и Самого Сына Божія, Который *волитъ открыти* человѣку Богопознаніе, *никтоже знаетъ, токмо Отецъ*: то какъ же можетъ совершиться спасительное открытіе Богопознанія?—Надобно, чтобы Сынъ Божій, изъ недовѣдомости Божества, которая превыше всѣхъ образовъ познанія, такъ сказать, выступилъ въ нѣкіе познавательные образы, какъ Онъ и нарицается *образомъ Бога невидимаго* (Кол. I. 15). Но въ какіе образы?—Конечно, ближе къ Божеству, въ духовные. Положимъ такъ. Чрезъ сіе начинаетъ быть понятнымъ, какъ совершается откровеніе Богопознанія небесное, въ духовномъ, Ангельскомъ мірѣ. Но земля не то, что небо; и человѣкъ не то, что Ангелъ. Особенно въ настоящемъ состояніи земли и человѣка, небо и Ангелъ закрыты для земли и человѣка: слѣдственно и откровеніе Богопознанія, свойственное небу и Ангеламъ, не было бы еще откровеніемъ для земли и человѣка. И такъ надобно, чтобы Сынъ Божій, когда Онъ *волитъ открыти* спасительное Богопознаніе нынѣшнему человѣку, снизшелъ еще, и вступилъ въ образы познанія, ближайшіе къ человѣку; чтобы Слово Божіе,

не преставая быть Словомъ Божіимъ, вступило въ образы человѣческаго слова; чтобы *образъ Бога невидимаго*, не преставая быть тѣмъ, что Онъ есть, вступилъ въ образы видимые для ока земнороднаго ума; чтобы Онъ явился или въ образахъ преходящихъ, — и вотъ откровенія и видѣнія Святыхъ: или въ образѣ пребывающемъ,—и вотъ воплощеніе Сына Божія.

Второе изреченіе: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. XIV. 6). Что значитъ пріити къ Богу?—Къ Богу, Который *во свѣтѣ живетъ неприступнѣмъ, Егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. VI. 16) въ существѣ Его, — конечно не можетъ человѣкъ придти ни ногами по землѣ, ниже крилами по воздуху. Что же значитъ пріити къ Богу? Приходятъ къ тому, отъ кого бываютъ удалены: но какъ можно и удалену быть отъ Бога вездѣсущаго?—*Духъ есть Богъ* (Іоан. IV. 24): духовно должно быть и шествіе къ Нему. Духовное удаленіе и приближеніе происходитъ преимущественно въ волѣ. Волею грѣховною, злою, человѣкъ удаляется отъ Бога, какъ и сказано въ Писаніи: *грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ* (Иса. LIX. 2). Волею покаянною и благою человѣкъ приходитъ къ Богу. И сего-то не можетъ быть безъ воплощеннаго Сына Божія, какъ Онъ Самъ сказуетъ: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною.* Если ты *спросишь:* для чего-жъ бы человѣку не пріити къ Богу одною собственною волею, которая свободна? отвѣтствую: въ добрый часъ! Сдѣлай опытъ. Но если будешь внимателенъ: то, безъ сомнѣнія, найдешь и признаешь то, въ чемъ признавались лучшіе насъ съ тобою: *еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю; не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю* (Рим. VII. 18. 19). Какъ ни странно предъ глазами разума сіе противорѣчащее само себѣ явленіе въ человѣческой природѣ: но оно давно замѣчено даже и тѣми, которыхъ сему наблюденію не научило Христіанство: и если вникнуть глубже въ причину онаго, то можно удостовѣриться, что такъ и должно быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Источникъ добра и силы есть единъ Богъ. Если человѣкъ стоитъ въ добрѣ, и чрезъ то въ общеніи съ Богомъ: то онъ непрестанно почерпаетъ изъ Бога силу дѣлать добро; и потому какъ свободенъ желать добра, такъ и силенъ дѣлать оное. Но если онъ допустилъ себя до грѣха, и чрезъ то вошелъ въ разлученіе съ Богомъ: то, по мѣрѣ удаленія отъ

Бога, уменьшается для него удобность почерпать отъ [2]) Бога силу; и потому, когда воля его, по природной свободѣ своей, дѣлаетъ обратное движеніе къ добру и къ Богу, сила дѣлать добро не отвѣчаетъ хотѣнію дѣлать оное; и человѣкъ не можетъ пріити къ Богу самъ собою, безъ особеннаго, чрезвычайнаго низведенія къ нему силы Божіей;—безъ такого посредства, которымъ бы разстояніе между Богомъ и человѣкомъ было наполнено, раздѣленіе уничтожено, общеніе, ничѣмъ не пресѣкаемое, возстановлено; — безъ посредства, которое бы съ совершеннымъ единствомъ касалось обѣихъ раздѣленныхъ сторонъ,— Бога и человѣка. И такое посредство есть Богочеловѣкъ.

Третіе изреченіе: *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III. 16). Богъ не можетъ дѣлать ничего излишняго и ненадобнаго: ибо сіе было бы не сообразно съ Его премудростію. Итакъ, если Богъ далъ Единороднаго Сына Своего міру: то видно, сіе было нужно. Для чего? — Для того, какъ сказуетъ Самъ Сынъ Божій, *да всякъ вѣруяй въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный.* Не ужели иначе погибъ бы міръ, и не имѣлъ бы живота вѣчнаго?—видно, такъ. Почему?—Чтобы сдѣлать сіе, по возможности, понятнымъ, взойдемъ мыслію къ началу тварей. Въ книгѣ премудрости написано: *Богъ смерти не сотвори* (гл. I. 13). Сію строчку изъ книги премудрости Божественной безъ затрудненія можетъ переписать въ свою книгу всякая премудрость человѣческая, если она не совсѣмъ лишена понятія о Богѣ Творцѣ всесовершенномъ. Богъ есть чисто жизненное начало. Тварь, какъ тварь, подвержена перемѣнамъ: но ея перемѣны, въ твореніи и подъ управленіемъ всесовершеннаго Творца, могутъ быть устроены въ порядкѣ, къ совершенству, безъ страданія, безъ разрушенія грубаго, нечистаго, мертваго, даже въ случаѣ разрѣшенія оныхъ на составныя начала, которое можетъ происходить легко и пріятно, какъ напримѣръ (поколику [3]) можно найти примѣры въ нынѣшнемъ несовершенномъ устроеніи тварей), разрѣшеніе чистаго елея въ свѣтъ, или разрѣшеніе ладана въ благовонное куреніе. Откуда же безпорядокъ, безобразіе, нечистота, страданіе, разрушеніе, тлѣніе, словомъ:

[2]) Въ рукописи Автора: изъ.....

[3]) Въ рукописи Автора: сколько.

смерть?—Мнѣ кажется, что и естественное разсужденіе не найдетъ на сіе сказать ничего другаго, какъ то, что говоритъ откровенное Богомъ ученіе: *грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть* (Рим. V. 12). Грѣхъ, какъ отлученіе отъ Бога, есть вмѣстѣ *отчужденіе отъ жизни Божія* (Еф. IV. 18), и слѣдственно, раньше или позже,—смерть для существа тѣлеснаго, разрушимаго, временная, а для духовнаго, неразрушимаго, вѣчная, потому что, кромѣ Бога, нѣтъ, и никогда не будетъ, другаго источника жизни. Такимъ образомъ грѣхъ и смерть ручаются въ мірѣ другъ за друга, что они тутъ. Видишь ли владычествующій въ мірѣ грѣхъ: ты можешь сказать: міръ находится на пути смерти. Видишь ли въ немъ смерть: ты также можешь сказать: міръ, видно, согрѣшилъ, и идетъ къ погибели. Кто не такъ слѣпъ, чтобы не видѣть въ мірѣ владычества ни того, ни другаго, ни грѣха, ни смерти; тотъ можетъ понять, сколь нужно міру избавленіе отъ погибели, дарованіе вновь вѣчной жизни. И для сей-то потребности, Богъ *Сына Своего Единороднаго далъ есть.* Смерть и погибель приходятъ на человѣка, и какъ естественное слѣдствіе удаленія отъ Бога, и вмѣстѣ, какъ дѣйствіе правосудія Божія надъ грѣхомъ. Посему для спасенія человѣка нужно, во-первыхъ, удовлетворить правосудію Божію (потому что никакое свойство Божества не можетъ лишено быть свойственнаго ему дѣйствія; и потому что объявленіе безусловнаго прощенія или ненаказанности, стоящаго уже на пути грѣха человѣка всего легче повело бы далѣе по сему пути, и слѣдственно не ко спасенію, а къ погибели);—во-вторыхъ, вновь ввести въ человѣчество жизнь Божію, которая бы воцарившуюся въ немъ смерть побѣдила и уничтожила. Требованія трудныя, и естественно невозможныя! Удовлетворить правосудію Божію значитъ предать грѣшника вѣчной смерти: за симъ совершенно исчезаетъ для него возможность вѣчной жизни. Какъ и приближить жизнь всесвятаго Бога къ человѣку грѣшнику? Столь рѣзкая противоположность сближаемыхъ крайностей болѣе угрожаетъ истребленіемъ недостойной твари, какъ сѣна отъ огня, нежели обнадеживаетъ спасеніемъ. Что же творитъ Богъ чудесъ? Онъ вводитъ Свою Ѵпостасную жизнь, Своего Единороднаго Сына, въ малую, избранную долю человѣческаго естества, долгимъ, сокровеннымъ дѣйствіемъ судебъ Его приготовленную, отъ заразительной примѣси грѣха предохраненную, соединяетъ Божество и человѣчество въ единую Ѵпостась Бого-

человѣка; низводитъ облеченное человѣчествомъ Божество въ состоянія человѣческія, кромѣ грѣха, даже въ немощи, въ страданія, въ смерть. И что же?—Правосудіе Божіе всесовершенно удовлетворено, потому что въ лицѣ Богочеловѣка человѣчество понесло присужденную себѣ смерть, и понесло вполнѣ, такъ какъ и мгновеніе смерти Богочеловѣка, по соприсутствію вѣчнаго Божества, равняется вѣчности; на удовлетвореніи правосудію основано право Искупителя, простить кающагося грѣшника, безъ пагубной надежды ненаказанности для некающагося; и въ то же время жизнь Божія, низшедшая въ глубину человѣческой смерти, но смертію по своему естеству не одержимая, изъ глубины смерти сіяетъ во все умершее грѣхомъ человѣчество, и вноситъ вѣчную жизнь во всѣ души, которыя ей открываютъ себя вѣрою, а не отражаютъ ее отъ себя невѣріемъ и ожесточеніемъ. *Тако возлюби Богъ міръ.*

Сіи размышленія даютъ мѣсто вопросамъ: какъ же человѣкъ жилъ, дѣлалъ добро, познавалъ Бога еще прежде, нежели совершилось воплощеніе Божества? Какъ живутъ, дѣлаютъ добро, познаютъ Бога и теперь человѣки, не пользующіеся плодами воплощенія Божества? Вопросы, достойные вниманія. Тѣмъ, которые не довольно проникли во внутренность тайны Бога во плоти, чтобъ изнутри видѣть ея живоносный свѣтъ, испытывать ея спасительную силу, разрѣшеніе предложенныхъ теперь вопросовъ можетъ, по крайней мѣрѣ, отвнѣ показать величіе сей тайны, которая одна зиждетъ изъ человѣческаго рода стройное зданіе, съ удивительнымъ единствомъ въ разнообразіи, простирающееся по всѣмъ размѣрамъ пространства и времени, и высотою своею теряющееся въ небесахъ; и внѣ которой человѣчество представляетъ безпорядочныя развалины, рѣдко гдѣ и когда нѣсколько возвышающіяся, вообще же раздробленныя, разсыпанныя, едва поднимающіяся надъ землею.

Какъ жилъ человѣкъ до Христа? — Жилъ въ первоначальной чистотѣ своего сотворенія, посредствомъ общенія съ Богомъ Словомъ, въ Которомъ *животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ, въ началѣ* также, какъ и всегда послѣ (Іоан. I. 1—4). А съ того времени, какъ грѣхъ разлучилъ человѣка отъ Бога, до Христа, если человѣкъ, уже *мертвый прегрѣшеньми* (Еф. II. 5.) внутренно, жилъ еще внѣшно; и если являлись еще въ немъ и нѣкоторые проблески жизни высшей: то жилъ онъ, во-первыхъ, останками жизни, преподанной ему отъ Бога въ началѣ,

подобно какъ живетъ черенокъ, отрѣзанный отъ живаго дерева, до истощенія въ немъ живаго сока, или до привитія его вновь къ живому дереву; во-вторыхъ, жилъ предварительными начатками жизни Хрістовой, которыхъ можно искать далѣе колыбели Виѳлеемской, и ранѣе благовѣщенія Назаретскаго, можно сказать, окончательнаго, а не начинательнаго: ибо въ то самое время, какъ жизнь первоначальная повреждена грѣхомъ, нужно было ввести въ человѣчество врачевство Хрістово; и оно введено словомъ перваго благовѣщенія о воплощеніи Бога Слова: *сѣмя жены сотретъ главу змія* (Быт. III. 15.); и съ того времени начало и непрерывно продолжало дѣйствовать благодатно, какъ можно примѣчать въ Патріархахъ и Пророкахъ. Что касается до естественной жизни человѣчества, поврежденной грѣхомъ; можно ли не примѣчать, и въ прежнихъ временахъ, и нынѣ, какъ она идетъ не къ совершенству, но къ разрушенію и смерти; какъ она съ теченіемъ вѣковъ сократилась въ лѣтосчисленіи личнаго житія; какъ она растрескалась и разсѣлась на несвязныя глыбы [4]), которыя называютъ племенами и народами; какъ она во многихъ чуждыхъ Хріста народахъ, низпала до самыхъ низкихъ степеней жизни скотской и звѣрской.

Какъ человѣкъ познавалъ и познаетъ Бога, дѣлалъ и дѣлаетъ добро до Христіанства и безъ Христіанства?—Мой отвѣтъ одинъ: если познавалъ Бога, то познавалъ останками первоначальнаго свѣта въ разумѣ, при помощи благочестиваго преданія; если дѣлалъ что-нибудь, въ нѣкоторомъ смыслѣ, доброе, то останками первоначальной доброты въ волѣ. Паденіемъ человѣка во грѣхъ, образъ въ немъ Божій сокрушенъ, но не совсѣмъ истребленъ и уничтоженъ; вѣчное Солнце зашло въ душѣ его, но нѣкоторые лучи зари отъ Него еще касаются высотъ ея. И при семъ уменьшившемся свѣтѣ, *невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. I. 20.) *Языцы, закона не имуще, естествомъ законная творятъ; — являютъ дѣло законное, написано въ сердцахъ своихъ* (II. 14. 15.). Но скажутъ, можетъ быть: если естественно есть въ родѣ человѣческомъ хотя нѣкоторое познаніе Бога, и хотя нѣкоторое дѣланіе добра: то не могъ ли бы онъ естественными же средствами, при продолжаемыхъ усиліяхъ и взаимномъ содѣйствіи, быть

[4]) Въ рукописи Автора: несвязные куски.

возвышенъ, усовершенъ и спасенъ? Отвѣтъ на сіе не очень труденъ: ибо опыты готовы, надобно только указать на нихъ. Родъ человѣческій, до Христіанства, въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ имѣлъ довольно простора испытывать естественныя свои усилія. Что же онъ выработалъ?—Послѣ древнѣйшихъ преданій о единомъ Богѣ, о непорочности райской, или, какъ говорилось у язычниковъ, о золотомъ вѣкѣ,—многобожіе, идолопоклонство, пороки и злодѣянія, которыхъ однѣ названія ужасаютъ противуестественностію [5]), какъ напримѣръ, не только человѣкоубійство, но и дѣтоубійство, и отцеубійство, и человѣкоядѣніе. Міръ языческій, жалкій въ невѣжествѣ, когда переходитъ въ образованность, становится отвратительнымъ по разврату, который обыкновенно идетъ рядомъ съ нею, и обращаетъ ее въ свое орудіе. Что сдѣлала языческая Философія? Привела ли она хотя одинъ языческій городъ или деревню въ познаніе единаго Бога? Не она ли напротивъ изобрѣла сомнѣнія о бытіи Бога и добродѣтели?—Во времена Христіанства легко было разуму зажечь многіе фокусы естественнаго знанія при солнцѣ откровенія Божественнаго: но и въ сіи времена, естественный разумъ, вознамѣрясь дѣйствовать безъ Христа, не лишилъ ли себя самыхъ останковъ духовнаго свѣта, не посрамилъ ли себя неистовствомъ, котораго и въ язычествѣ не видано, именно, государственнымъ закономъ провозгласилъ-было безбожіе? Пусть назовутъ сіе случайнымъ припадкомъ, частнымъ безпорядкомъ, злоупотребленіемъ разума въ немногихъ людяхъ, обладаемыхъ страстями, только наружно представившимся въ обширномъ видѣ: не спорю, если хотите [6]); но если это злоупотребленіе, безпорядокъ, болѣзнь; то гдѣ же благоупотребленіе, порядокъ, здравіе разума естественнаго, безъ высшаго управленія откровеніемъ, безъ врача Христа? Пусть покажутъ, если могутъ, въ болѣе обширномъ, или хотя не въ меньшемъ видѣ, общественное дѣйствованіе такого разума къ совершенству и блаженству рода человѣческаго! И кто можетъ поручиться, что его злоупотребленіе, безпорядокъ, болѣзнь не возвратятся многократно, въ новыхъ, по обстоятельствамъ, видахъ, съ новою жестокостію, если вы оставите его безъ высшаго попечительства, и предоставите ему независимое владычество; если, прежде не-

[5]) Въ рукописи Автора: нелѣпою противуестественностію.
[6]) Въ рукописи Автора: угодно только.

сбыточной отъ него заслуги, провозгласите его спасителемъ рода человѣческаго? Поистинѣ, довольно печальныхъ опытовъ для удостовѣренія, что самоспасеніе человѣчества, естественными средствами и усиліями разума, есть не болѣе, какъ мечтаніе и болѣзненный бредъ духовно недугующаго человѣчества. Лучшій и дѣйствительно спасительный подвигъ разума человѣческаго къ совершенству и блаженству человѣчества можетъ состоять только въ томъ, чтобы безпристрастно извѣдать и измѣрить свои силы, средства, недостатки, для сей великой цѣли; понять возможность, признать потребность откровенія свыше; приближаться *къ великій благочестія тайнѣ*, положить къ ея стопамъ свое оружіе и свой вѣнецъ; и предать себя въ благородный плѣнъ, въ свободное послушаніе вѣрѣ въ *Бога явльшагося во плоти*.

Христіане, чада Вѣры, наслѣдники Откровенія, хранители тайны Божіей! Благословимъ Бога таинъ и откровеній. Прославимъ Богочеловѣка, Начальника и Совершителя вѣры. Сохранимъ тайну Божію, толико снисходительно намъ ввѣренную. Помыслимъ также при семъ, что неприлично было бы хранить тайну благочестія въ душѣ и жизни нечистой. Должно хранить святое и Божественное сокровище въ ковчегѣ отъ злата чиста,—*таинство вѣры въ чистой совѣсти* (1. Тим. III. 9). Аминь.

CLXXVIII.

123. Слово

въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника престола, Государя Цесаревича, Великаго Князя, Александра Николаевича.

(Говорено въ каѳедральной церкви Чудова Монастыря, апрѣля 17 дня; напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1835 года и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.).

Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ: яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго. Матѳ. XVIII. 10.

Слава и благодареніе Царю Царствующихъ! День рожденія Благовѣрнаго Государя Цесаревича, Наслѣдника Престола, воз-

вращается къ намъ, сыны Россіи, не только съ обычною радостію, но, можно сказать, съ радостію возрастающаго [1]) торжества. Его жизнь является намъ, не только какъ благословенная отрасль благословеннаго корени, не только какъ цвѣтъ прекрасный, блистающій изящными качествами наслѣдственными, но уже и какъ цвѣтъ, оплодотворенный достойнымъ высокаго рожденія и назначенія воспитаніемъ. Первенецъ и Наслѣдникъ Царя, по сему самому, очевидно, выше всего въ царствѣ: но не видали ль вы, какъ Онъ являлся сперва въ рядахъ простыхъ воиновъ, потомъ предъ ихъ рядами въ низшихъ степеняхъ военнаго начальствованія; какъ знаки сихъ степеній, одинъ по другомъ, пріобрѣталъ Онъ успѣхами въ преподаваемомъ Ему воспитаніи; какъ самое имя Цесаревича получилъ Онъ не только какъ свое достояніе, по праву Наслѣдника Престола, но и какъ награду, по времени, по заслугѣ? Такъ руководствовалъ и руководствуетъ Его благопопечительный Родитель, чтобы въ Наслѣдникѣ Престола образовать Наслѣдника Отеческихъ доблестей: и собственною, такъ сказать, рукою возводя Его къ сему совершенству, симъ же самымъ подаетъ высокое, но всѣмъ понятное, и для всѣхъ убѣдительное, наставленіе родителямъ и дѣтямъ.

И сіе-то подаетъ теперь и мнѣ мысль предложить, для обыкновеннаго круга жизни, нѣсколько размышленій объ особенномъ вниманіи, какого требуютъ дѣти и ихъ воспитаніе.

Общее правило: пекись о дѣтяхъ, не требуетъ долгаго ученія и многихъ доводовъ. Его проповѣдуетъ природа. Она говоритъ въ сердцѣ родителей въ пользу дѣтей; и не удивительно: жизнь родителей чувствуетъ свою отрасль въ жизни дѣтей, и естественно хочетъ, чтобы она расла и цвѣла. Но, что болѣе удивительно, природа въ самыхъ дѣтяхъ говоритъ за нихъ, и еще прежде, нежели они говорить умѣютъ: видъ младенца умягчаетъ и не родительское сердце, и, если онъ безпомощенъ, влечетъ къ тому, чтобы оказать ему помощь.

Безсловесныя проповѣдуютъ человѣку попеченіе о дѣтяхъ. Большая часть изъ нихъ питаютъ своихъ дѣтей; охраняютъ съ заботливостію и ревностію, переходящею въ ярость, и даже съ опасностію своей жизни: а нѣкоторыя и учатъ своихъ дѣтей

---

[1]) Въ рукописи Автора вмѣсто сего слова читается: возрастающаго вмѣстѣ съ возрастомъ сего виновника настоящаго.....

тому, что принадлежитъ къ свойственному ихъ жизни совершенству.

Но человѣка сильнѣе, нежели безсловесныхъ, влечетъ природа къ попеченію о дѣтяхъ внутреннимъ побужденіемъ, и нудитъ необходимостію внѣшнею. Въ безсловесныхъ привязанность къ дѣтямъ оканчивается съ незрѣлостію ихъ возраста: въ человѣкѣ она простирается далѣе, и остается навсегда. Дѣти безсловесныхъ скорѣе и съ меньшими пособіями выходятъ изъ состоянія безпомощности и незрѣлости, нежели дѣти человѣка. Если бы при семъ замѣчаніи вздумалось кому спросить: не обиженъ ли такимъ образомъ человѣкъ въ сравненіи съ безсловесными? — На сіе не обинуясь отвѣчать можно: нѣтъ. И во-первыхъ, потому, что нѣкоторыя несовершенства рожденія и жизни человѣка, нами примѣчаемыя, не принадлежатъ къ первоначальной, чистой природѣ человѣка, но, какъ показываетъ священное преданіе, суть послѣдствія и признаки ея поврежденія прародительскимъ грѣхомъ, въ началѣ произвольнаго, а потомъ уже наслѣдственнаго. Во-вторыхъ, потому, что какъ безсловесныя тѣмъ болѣе пособій къ жизни должны были получить отъ природы, чѣмъ менѣе способны увеличить оныя своимъ дѣйствіемъ, не имѣя разума; такъ напротивъ человѣка нужно было не слишкомъ ограждать пособіями природы, чтобы не стѣснить поприща, предоставляемаго разуму его и свободѣ. Если бы пособія и побужденія природы такъ же властно, и такъ же легко, какъ безсловесныхъ, двигали человѣка къ цѣлямъ жизни: то что было бы дѣлать его разуму? Гдѣ была бы его свобода? Гдѣ достоинство разумнаго и свободнаго выбора, заслуга, добродѣтель, а слѣдственно и высокое нравственное блаженство свободнаго существа? Дорого же, скажутъ, покупается совершенство человѣческой жизни, всегда только искомое, очевидно жалкимъ несовершенствомъ ея начала!—Да, можетъ быть, не дешево; за то и покупается драгоцѣнное. Какая цѣна можетъ быть довольно дорога, чтобы купить небесное совершенство, къ которому приготовляется человѣкъ на земли? Но и самыя низшія совершенства земной жизни человѣка не бываютъ такъ малы, чтобы можно было пожелать промѣнять оныя на подобныя совершенства жизни безсловесныхъ. Захотѣлъ ли бы, напримѣръ, человѣкъ промѣнять свой прекрасный, или даже простой, домъ на жилище бобра, или гнѣздо птицы, хотя сіи послѣднія однимъ побужденіемъ природы, легче, нежели дѣла

человѣческаго разума, устрояются безъ архитектора, безъ каменщика, безъ плотника, безъ денегъ? Сіе мимоходное оправданіе судьбы человѣка въ несовершенствѣ его рожденія, не отводитъ меня отъ цѣли настоящаго размышленія, но ведетъ къ оной. Если человѣкъ раждается болѣе прочихъ животныхъ безпомощнымъ, и болѣе ихъ требуетъ пособій къ усовершенствованію своей жизни: то особенная судьба человѣчества говоритъ родителямъ: попекитесь о дѣтяхъ. Если природа не такъ усильно обработываетъ человѣка, потому что не хочетъ владычествовать надъ нимъ, какъ надъ рабомъ; потому что довѣряетъ обработать его разуму и свободѣ; а разумъ и свобода въ человѣкѣ открываются не вдругъ, и не безъ помощи, но требуютъ пособія отъ разума прежде открытаго, и направленія отъ свободы прежде испытанной и обработанной: то достоинство разума и свободы говоритъ родителямъ: попекитесь о дѣтяхъ. Если человѣкъ, зачатый въ беззаконіяхъ и рожденный во грѣхахъ, долженъ быть очищенъ и возведенъ къ совершенству небесному, то жалкое начало, и высокое назначеніе, вдругъ, и печальнымъ, и торжественнымъ голосомъ, говоритъ родителямъ: попекитесь о дѣтяхъ.

Но тамъ, гдѣ глаголетъ Хрістосъ, всего лучше послушать, что Онъ глаголетъ. *Блюдите*, глаголетъ, *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* Сіе сказалъ Онъ Апостоламъ, когда, *призвавъ отроча, постави е посредѣ ихъ*: и потому, хотя оное изреченіе, въ высшемъ знаменованіи, въ качествѣ притчи, относилось къ младенцамъ вѣры, но оно сказано было не мимо и естественныхъ младенцевъ, изъ коихъ одинъ былъ видимымъ и непосредственнымъ предметомъ слова Господня, и особенно не мимо дѣтей Христіанскихъ, которые обыкновенно суть и младенцы вѣры, по крещенію. Посему каждый разъ, когда Господь рукою Своего Провидѣнія поставляетъ предъ вами дитя, когда оно вамъ родится, или ввѣряется вашему попеченію властію и закономъ, или приводится въ руки ваши нуждою и безпомощностію, вы можете представлять себѣ, что Господь смотритъ на оное, и говоритъ вамъ: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ.*

И какъ сильно подкрѣпляетъ Онъ сію заповѣдь! *Аминь бо глаголю вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* То есть: *Ангели* служатъ хранителями

дѣтей; слѣдственно имѣютъ къ нимъ вниманіе, заботятся о нихъ, уважаютъ ихъ: какъ же вамъ оставлять ихъ безъ попеченія, безъ вниманія, въ пренебреженіи? Ангели ихъ *на небесьхъ*, и нисходятъ для нихъ на землю: вы ли не захотите наклонить вашу земную гордость къ ихъ малому возрасту? Ангели ихъ *выну видятъ лице Отца небеснаго*, и отъ сего блаженнаго созерцанія обращаютъ взоръ къ пеленамъ и колыбели, и слухъ къ плачу или лепетанію младенца: вамъ ли покажется или скучнымъ, или малымъ дѣломъ попеченіе о малыхъ сихъ? И кто же посылаетъ Ангеловъ къ младенцамъ человѣческимъ? Кто, какъ не Самъ Творецъ Ангеловъ и человѣковъ? Подумайте же: небо приходитъ въ движеніе, чтобы сберечь на землѣ жизнь или непорочность вашего младенца; а между вами нѣтъ ли такихъ, которые безъ состраданія слышатъ вопль младенца на колѣняхъ нищеты, которые смотрятъ на возрастаніе собственныхъ дѣтей не съ большимъ вниманіемъ, какъ на траву, растущую въ полѣ? Пожелаемъ, чтобы не нашлось столь жестокосердыхъ, или столь нерадивыхъ, и не станемъ болѣе говорить о нихъ.

Держась слова Господня, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ осмотрительно должно быть вниманіе къ дѣтямъ, и попеченіе о нихъ. *Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ*. Остерегайтесь, чтобы такое пренебреженіе не прокралось, тогда какъ вы не расположены предаться оному съ сознаніемъ. *Блюдите*, родители и воспитатели, *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ*, которыхъ вы родили, которыхъ вы воспитываете. Вы, можетъ быть, не подозрѣваете и возможности сего презрѣнія: потому-то и сказано: будьте осмотрительны, остерегайтесь, *блюдите*.

Небрегутъ о дѣтяхъ, если они по опыту принадлежатъ кормилицѣ, нянѣ, надзирателю, надзирательницѣ, болѣе, нежели отцу и матери, и болѣе, нежели то нужно. Природа, или лучше, Творецъ природы, одной и тойже особѣ матери даетъ и млеко кормилицы, и заботливость няни. Правда, что раздѣлять сіи служенія не рѣдко, больше или меньше, заставляютъ, то немощь матери, то ея другія обязанности; но если сіе дѣлается только по склонности къ беззаботной жизни, по необдуманному подражанію примѣрамъ подобной безпечности: то лучше бы подумать доброй матери, отнимать ли мать вдругъ у двухъ младенцевъ,—и у младенца кормилицы, и у своего собственнаго, и заставлять ли своего младенца пить изъ груди кормилицы,

можетъ быть, тоску по оставленномъ ею собственномъ дѣтищѣ, вмѣсто того, чтобы онъ пилъ любовь изъ груди своей матери. Мать, которая кормитъ и носитъ на рукахъ своего младенца, отецъ, который въ минуты отдыха отъ своихъ дѣлъ, также беретъ его на руки и учитъ его первымъ наименованіямъ того, что священно и любезно,—*блюдите, да не презрите*,—они дѣлаютъ и прекрасное и важное дѣло: они наслаждаются сими занятіями, дитя также наслаждается; и въ тоже время любовь и доброта родительская непрестанно сѣетъ въ сердце дитяти сѣмена дѣтской любви и доброты, и раннимъ и обильнымъ сѣяніемъ приготовляетъ многоплодную жатву.

Небрегутъ о дѣтяхъ, если хотятъ только забавлять ихъ, и забавляться ими, и особенно тогда, какъ настаетъ время болѣе учить ихъ, нежели забавлять. Такое неосмотрительное обращеніе съ дѣтьми обличаетъ, и совѣтъ противъ онаго подаетъ древній Мудрецъ въ слѣдующихъ изреченіяхъ: *ласкай чадо, и устрашитъ тя*; *играй съ нимъ, и опечалитъ тя. Не смѣйся съ нимъ, да не поболиши о немъ. Накажи сына твоего, и дѣлай имъ, да не въ безстудіи его поткнешися* (Сир. XXX. 9, 10, 13). Премудра и спасительна та родительская любовь, которая, стѣсняя саму себя, нѣсколько удерживаетъ ласку къ дѣтямъ, нѣсколько скупится на утѣшенія имъ, чтобы сберечь сіе въ поощреніе и въ награду ихъ послушанію, или успѣхамъ въ полезномъ ученіи.

Небрегутъ о дѣтяхъ, если и учатъ ихъ, но болѣе пріятному, нежели полезному. Искусства и познанія пріятныя доставляютъ жизни человѣческой, такъ сказать, приправы и лакомства, а не хлѣбъ и пищу: не странно ли было бы заботливо собирать къ столу, какъ можно болѣе, приправы и лакомствъ, и не заботиться о томъ, будетъ ли хлѣбъ и пища?

Небрегутъ о дѣтяхъ, если старательнѣе учатъ ихъ полезному для жизни временной, нежели спасительному для души безсмертной; если тщательнѣе меблируютъ ихъ голову наборомъ словъ и понятій, нежели воздѣлываютъ вертоградъ ихъ сердца, исторгая изъ него дикія травы неправильныхъ склонностей и привычекъ, насаждая въ немъ благія чувствованія къ [2]) добродѣтели, ограждая его отъ вѣтровъ легкомыслія и отъ бурь страстей; если при воспитаніи не довольно помнятъ и не довольно употребля-

[2]) Въ рукописи Автора: и.

ютъ въ дѣло, сколь важное само въ себѣ, столь же благодѣтельное для всѣхъ отраслей познанія, начало ученія: *начало премудрости страхъ Господень; разумъ же благъ всѣмъ творящимъ его* (то-есть: хорошія познанія хороши для тѣхъ, которые употребляютъ ихъ на хорошія дѣла); *благочестіе же въ Бога начала чувства* (Прит. 1. 7). Вы обработываете въ дѣтяхъ будущихъ гражданъ, воиновъ, словесниковъ, письмоводцевъ, художниковъ, промышленниковъ: хорошо; но *блюдите, да не презрите* — не пренебрегите того, что еще лучше, того самаго, въ обработываніи чего хотятъ помочь вамъ *Ангели ихъ*, которые *на небесѣхъ выну видятъ лице Отца вашего небеснаго*, — не пренебрегите образованія въ нихъ сыновъ Церкви, приготовленія будущихъ гражданъ неба.

Предоставляю слушающимъ продолжить сіи размышленія: ибо имѣю причины думать, что вниманіе къ предмету сихъ размышленій, то есть, къ воспитанію дѣтей, довольно распространяется. Примѣръ Царя, благословеннаго Отца и благопопечительнаго Воспитателя, и примѣръ Первенца Царева, расширяющаго юныя крила во слѣдъ великоорлему полету Родителя, величественно и усладительно свѣтитъ и родителямъ, и дѣтямъ, и воспитателямъ, и воспитываемымъ; и благодѣтельная попечительность о воспитаніи дѣтей простирается отъ высшихъ до среднихъ, и даже до низшихъ сословій народа. Въ сей самый день гражданство сей Столицы открываетъ памятникъ незабвеннаго дня совершеннолѣтія Государя Цесаревича, Наслѣдника Престола: и сей памятникъ будетъ не бездушный мраморъ или мѣдь, но осмидесятерица отроческихъ душъ, у которыхъ бѣдность отнимала надежду добраго воспитанія, и которыя получатъ сіе благодѣяніе отъ добрыхъ душъ Россіянъ, благодарныхъ Богу за своего Царя, славу Россіи, и за Наслѣдника Его, надежду Россіи.

Воистину, благодареніе Царю Царствующихъ, благостынно хранящему и возращающему доблести Престола, и оттолѣ распространяющему всякое добро въ царствѣ и народѣ. Ангелы Его, хранители Царей и Царствъ, да ополчаются выну окрестъ Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора, Благочестивѣйшія Государыни супруги Его, Благовѣрнаго Наслѣдника Его, и окрестъ всего Августѣйшаго Дома; и охраняя Ихъ, симъ самымъ да охраняютъ благо и спасеніе всея Россіи. Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВА и РѢЧИ,

НАПЕЧАТАННЫЯ

ПРИ ЖИЗНИ ПРОПОВѢДНИКА, НО НЕ ВНЕСЕННЫЯ ВЪ СОБРАНІЯ 1844, 1848, и 1861 ГОДОВЪ.

(Печатаются съ брошюръ и повременныхъ изданій).

1826 годъ.

CLXXIX.

25. Рѣчь

Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, по совершеніи благодарственнаго молебствія о рожденіи Великія Княжны Елисаветы Михаиловны.

(Говорена въ каѳедральной Алексіевской Церкви Мая 16 дня; напечатана отдѣльно и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1826 года)

Благочестивѣйшая Государыня! Если бы мы колебались предаться силѣ радости, которая возбуждается нынѣ въ сердцахъ нашихъ: то поощрило бы насъ къ тому слово самаго Іисуса Христа. *Жена*, говоритъ Онъ, — *егда родитъ*, — *не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ*. (Іоан. XVI. 21). Если дитя, раждающееся какой либо матери, заставляетъ ее забыть скорбь матернюю: то Дитя, которое Богъ даровалъ, и Высокой Четѣ, и вмѣстѣ Августѣйшему Дому и всему многочисленному семейству Россійскаго народа, не должно ли всѣхъ привести въ *радость, не помнящую* никакой *скорби?*

Вниди наипаче Ты, Великая Матерь! въ сію радость Твоихъ дѣтей, и усугубь радость жаждущей радостнаго взора Твоего столицы.

Возлюбленная Тебѣ и намъ чета произвела Младенца, котораго возлюбитъ Россія: Ты во младенцѣ семъ воскресила имя, которое любила Россія.

Да даруетъ Богъ Тебѣ и Родителямъ Елисаветы видѣть Ее цвѣтущею возрастомъ, и настоящую радость созрѣвающею неувядаемо!

CLXXX

26. Рѣчь

Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, по воспріятіи Ея Императорскимъ Величествомъ отъ святаго крещенія Благовѣрныя Государыни Великія Княжны Елизаветы Михаиловны.

(Говорена въ каѳедральной Алексіевской церкви Іюня 13 дня; напечатана отдѣльно и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1826 года)

Благочестивѣйшая Государыня! Природа Тебѣ дала Внуку: а Христіанское Таинство въ одномъ и томъ же младенцѣ даровало нынѣ Тебѣ Дщерь. Близкое и полное, по намѣренію церкви, усвоеніе, которому самые родители уступаютъ мѣсто, какъ показываетъ обрядъ церковный.

И радуется Церковь, какъ о томъ, что сей младенчествующей Дщери дома Царева нынѣ уже *дана область дщерію Божіею быти* (Іоан. I. 12), такъ въ особенности о томъ, что сію новорожденную Дщерь церкви пріяла Ты на Твои Священныя руки. Ты достойно принесешь Ее ко Христу. Отъ Тебя, удобно Ей, не только принять то, чѣмъ украшаются Дщери Дома Царева предъ очами царства земнаго, но и наслѣдовать то высшее царственное благолѣпіе, о которомъ написано: *вся слава дщери царевы внутрь* (Псал. XLIV. 14).

Ангелы, Хранители приносимыхъ ко Христу дѣтей, да споспѣшествуютъ Тебѣ окрилять сего малаго Ангела, и воспитывать новую Дщерь Твою въ свойствахъ дщери Божіей.

CLXXXI.

27. Рѣчь

при совершеніи молебствія о побѣдѣ, одержанной надъ Персами.

(Говорена въ Чудовѣ монастырѣ, въ присутствіи Императорской фамиліи, сентября 28-го дня; напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1826 года)

Благочестивѣйшій Государь Императоръ!

Богу, надѣющихся на Него всегда побѣдителями творящему, благоугодно было торжественное время священнаго коронованія Твоего непосредственно заключить и запечатлѣть торжествомъ побѣды. Новое для насъ радостное знаменіе, что Богъ, благодатно преклоняясь къ молитвамъ Твоимъ и Церкви, дѣйственно [1]) благословилъ Тебя, какъ мирною властію надъ народомъ Твоимъ, такъ и побѣдоносною силою на враговъ. Симъ паче и паче утверждаются надежды наши и воспріемлютъ новое дерзновеніе молитвы наши, да благоноспѣшитъ Тебѣ Богъ всегда и во всемъ!

---

[1]) По Евреин. сборн.: дѣйствительно....

1834 годъ.

CLXXXII.

28. Рѣчь

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру.

(Говорена октября 5-го дня; напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1834 года)

Благочестивѣйшій Государь!

Праведникъ, котораго на мѣстѣ его труда и покоя посѣтить нынѣ благоизволяеши, будучи совершенный исполнитель совершенной заповѣди любви къ Богу и ближнему, хотя исключительно посвятилъ себя на служеніе Богу, тѣмъ не менѣе и въ жизни совершилъ и по смерти не пересталъ совершать свойственнымъ ему образомъ благопотребное служеніе Государямъ и отечеству, какъ духовный ревнитель общественнаго блага, какъ чудное орудіе Провидѣнія.

Посему радуемся мы теперь, что угодникъ Божій соединитъ молитву свою съ молитвою Помазанника Божія; и также молиться дерзаемъ, да будетъ сіе молитвенное общеніе духу Твоему въ радость и благословеніе Твоимъ Царскимъ подвигамъ.

1835 годъ.

CLXXXIII.

29. Рѣчь

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу предъ вступленіемъ Его Величества въ Московскій Успенскій Соборъ.

(Говорена апрѣля 30 дня; напечатана въ Русскомъ Инвалидѣ 1835 года) [1])

Благочестивѣйшій Государь!

Священная притча учитъ насъ всегда бодрствовать: *не вѣсте бо*, говоритъ, *когда Господь дому пріидетъ, да не пришедъ внезапу, обрящетъ вы спящя* (Марк. XIII. 35. 36).

О если бы Твое пришествіе большею частію такъ внезапное, какъ въ притчѣ, всегда находило насъ такъ готовыми, какъ учитъ притча!

Но если проницательный взоръ Твой усмотритъ между нами что либо недовольно бодрствующее и уготованное: то да будетъ позволено вѣрному граду Твоему воспріять себѣ другую притчу: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣсн. IV. 2). Мы почиваемъ въ безпечности, надежной на Твое попеченіе, защиту, правду и милость. Но сердце наше бодрствуетъ вѣрно-подданническою любовію и желаніемъ исполнять Твою священную волю.

---

[1]) Печатается по списку изъ Русскаго Инвалида, обязательно доставленному намъ Н. П. Сырейщиковымъ.

И теперь, когда великое солнце наше съ своею свѣтородною утреннею звѣздою восходитъ на нашемъ небѣ,—кто, какъ не бодрствующая всегда любовь, будитъ всѣ души, всѣ чувства, устремляетъ столько жаждущихъ взоровъ, воздвигаетъ столько радостныхъ кликовъ.

Гряди,—и взоромъ Твоего благоволенія и мановеніемъ Твоего могущества паче и паче возбуждай насъ ко всему достойному Твоихъ благотворныхъ намѣреній, между тѣмъ какъ мы молимъ Отца Свѣтовъ, да свѣтъ Твоея жизни, Твоего престола и Твоего Рода, всегда восходитъ, не зная вечера и нощи, также какъ наше сердце предъ Тобою не хочетъ знать сна и дреманія.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

СЛОВА и РѢЧИ,

НЕНАПЕЧАТАННЫЯ

ПРИ ЖИЗНИ ПРОПОВѢДНИКА.

(Печатаются съ рукописнаго сборника М. М. Евреинова и другихъ рукописей)

1826 годъ.

CLXXXIV.

32. Слово.

въ день Святителя Алексія, Митрополита Московскаго и всея Россіи чудотворца.

(Говорено въ Чудовѣ монастырѣ февраля 12 дня)

Имѣяй ухо слышати, да слышитъ, что Духъ глаголетъ Церквамъ: побѣждающему дамъ ясти отъ манны сокровенныя. Апок. II. 17.

Есть обыкновенная пища, о которой говоритъ Апостолъ: *брашна чреву, и чрево брашномъ: Богъ же и сіе и сія упразднитъ* (I Кор. VI. 13), то есть предастъ истлѣнію, и грубыя оныхъ дѣйствія прекратитъ. Была нѣкогда необыкновенная пища,—чудесная манна, видимо сходившая съ небеси, о которой глаголетъ Спаситель Іудеямъ: *отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и умроша* (Іоан. VI. 49). Духъ святый возвѣщаетъ и обѣщаетъ еще иной родъ пищи, совсѣмъ неизвѣстный обыкновеннымъ людямъ, и потому названный *манною сокровенною: побѣждающему, глаголетъ, дамъ ясти отъ манны сокровенныя.*

Кто же знаетъ, что то за новая пища, безъ сомнѣнія, лучшая другихъ родовъ, потому что не всякому даютъ оную, а берегутъ для угощенія побѣдителя?—Для примѣра могу вамъ сказать, что сіе знаетъ сей, ублажаемый нынѣ, побѣдитель грѣха, увѣнчанный нетлѣніемъ. Ибо какъ пріемлющіе тлѣнную пищу предаются и сами тлѣнію: такъ, напротивъ, *Преподобный* Божій, которому *недано видѣти истлѣнія* (Пс. XV. 10), безъ сомнѣнія, приготовленъ къ состоянію нетлѣнія нетлѣнною и пищею, и слѣдственно, предварительно *дано ему ясти отъ манны сокро-*

венныя. Посему самому и гробъ его содѣлался трапезою, отъ которой вѣрующіе, однимъ благоговѣйнымъ приближеніемъ, или прикосновеніемъ устъ, уже нѣкоторымъ образомъ причащаются также *манны сокровенныя*, то-есть, силы духовной, укрѣпляющей, услаждающей, успокоивающей и восполняющей.

Поелику же Духъ, какъ пишетъ Тайновидецъ, о маннѣ сокровенной *глаголетъ* Церквамъ, и слѣдственно сія *манна* хотя и *сокровенная*, обѣщается не какимъ-либо людямъ, но всѣмъ вѣрно и мужественно подвизающимся въ воинствующей Церкви Хрістовой: то и мы, хотя, можетъ быть, болѣе побѣждаемые, нежели побѣждающіе, отважимся нѣчто гадательствовать о *манне сокровенной*, и сею наградою побѣждающихъ поощрять себя къ подвигу и побѣдѣ.

Всѣ мы знаемъ, что тѣло подвержено гладу и жаждѣ, и нужду имѣетъ въ пищѣ и питіи, которыми утоляются непріятныя чувствованія глада и жажды, услаждается вкусъ, подкрѣпляются силы, восполняется ущербъ вещества въ тѣлесномъ составѣ. Но и духъ не подверженъ-ли также гладу и жаждѣ? Не имѣетъ-ли нужды въ питаніи? Что можетъ свойственнымъ ему образомъ питать его? Знаемъ-ли мы сіе о духѣ такъ ясно, какъ о тѣлѣ?

Единъ Богъ есть существо самодовольное, въ Себѣ Самомъ всегда полное и обилующее всякимъ благомъ, никогда ни въ чемъ не оскудѣвающее отвнѣ, и слѣдственно не имѣющее нужды ни въ какомъ питаніи. Духъ человѣческій, какъ сотворенный и непрестанно зависящій отъ Бога, не есть самодоволенъ, потому что не есть Богъ; а не будучи самодоволенъ, онъ имѣетъ нужду пріобрѣтать потребное себѣ довольство, или свойственнымъ себѣ образомъ питаться. Воля его, какъ пищи, алчетъ добра; умъ его, какъ питія, жаждетъ истины. Но не въ немъ корень добра, не въ немъ источникъ истины: слѣдственно, не имѣетъ онъ пищи и питія въ себѣ; надобно, чтобы оныя ему даны были. Въ Богѣ корень добра, въ Богѣ источникъ истины: слѣдственно, для питанія духа требуется не то, что восходитъ изъ земли, но что съ неба нисходитъ,—*манна*. *Хлѣбъ*, не только по происхожденію, но и по свойству чисто *небесный*, нельзя положить на землѣ открыто предъ очами тѣлесными, воду жизни нельзя влить въ сосудъ изъ мертваго вещества; потому истинная пища духа, по необходимости, есть *сокровенная* для плоти.

Слово Божіе часто говоритъ о сей пищѣ, давая намъ познать и восчувствовать существенный нашъ гладъ и обрѣсти спаси-

тельное питаніе. Пророкъ Давидъ сказуетъ, какъ самъ онъ питался сею пищею: *Господь пасетъ мя, и ничтоже мя лишитъ. Уготовалъ еси предо мною трапезу сопротивъ стужающимъ мнѣ: чаша Твоя упоявающи мя, яко державна* (Псал. XXII. 1. 5). Иногда изображаетъ божественное обиліе сея пищи для всѣхъ человѣковъ: *умножилъ еси милость Твою, Боже: сынове же человѣчестіи въ кровъ крилу Твоею надѣятися имутъ. Упіются отъ тука дому Твоего, и потокомъ сладости Твоея напоиши я. Яко у Тебе источникъ живота* (Пс. XXXV. 8. 9. 10). Иногда, какъ угоститель, приглашаетъ приступить къ сему божественному пиршеству: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Пс. XXXIII. 9). *Пріидите*, взываетъ также божественная Премудрость, *ядите мой хлѣбъ, и пійте вино, еже растворихъ вамъ* (Прит. IX. 5). А иногда она и саму себя превращаетъ въ пищу и питіе: *ядущіи мя*, говоритъ, *еще взалчутъ, и піющіи мя еще вжаждутся* (Сир. XXIV. 23). Подобно сему и Воплощенная Премудрость глаголетъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе: аще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки* (Іоан. VI. 51). И къ Самарянынѣ глаголетъ: *иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. IV. 14). И еще: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ* (Мѳ. IV. 4). И Апостолъ истинныхъ христіанъ описываетъ, какъ *вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка* (Евр. VI. 4. 5).

Скажутъ-ли, что это суть только иносказанія? Положимъ, если угодно, что то правда. Но какъ-бы то ни было: поелику духовное, по естеству своему, болѣе заключаетъ въ себѣ существенности и силы, нежели тѣлесное: то сіи, если угодно такъ назвать, иносказанія и уподобленія должны заключать въ себѣ болѣе существенности и силы, нежели тѣ вещи, отъ коихъ оныя заимствованы. Если мысль о пищѣ тѣлесной и ея потребность не есть мечта, то кольми паче мысль о пищѣ духовной и ея потребности есть истина.

Спросятъ-ли: какъ можно представить питаніе духа, который, какъ существо простое, не знаетъ ни ущерба, ни прибавленія? Отвѣтствую: въ духѣ все должно представлять духовно. Тѣло

лишенное свойственной ему пищи, наконецъ разрушается; а духъ разрушиться не можетъ. Но какъ тѣло отъ продолжаемаго чрезмѣрно голода тоскуетъ и слабѣетъ: такъ и духъ безъ пищи, ему свойственной, тоскуетъ и слабѣетъ. И сіи состоянія еще болѣе относятся къ духу, нежели къ тѣлу, которое только по дѣйствію духа можетъ имѣть живую силу и ощущеніе удовольствія. Какъ тѣлесная пища и питіе услаждаютъ, подкрѣпляютъ, дѣлаютъ покойнымъ и довольнымъ чувственнаго человѣка: такъ духовная пища духовному человѣку доставляетъ внутреннее, сердечное и умное услажденіе, подкрѣпленіе, покой и довольство.

Спросятъ-ли еще нѣкоторые: какъ-же мы не чувствуемъ въ себѣ мнимаго духовнаго глада, или жажды? Пусть присовокупятъ къ сему и еще вопросъ: какъ-же, когда мы слышимъ слово Божіе, которое называютъ хлѣбомъ или водою жизни, мы не примѣчаемъ въ душѣ нашей живыхъ ощущеній наслажденія, или внутренняго питанія, и, когда слово умолкаетъ, вскорѣ остаемся также пусты, какъ прежде онаго?—Чтобы на сіе отвѣтствовать, спросите человѣка, у котораго болѣзнь, или грубая невозможность повредила вкусъ и естественное расположеніе къ питанію: почему пища для него невкусна? Почему онъ не хочетъ принимать ея, или принявъ, но не напитавшись, безпорядочно извергаетъ? Неукрощенная чувственность и земныя страсти разслабляютъ духъ, заглушаютъ его внутреннія ощущенія, повреждаютъ его небесныя желанія.

По сему-то и не всякому обѣщается *манна сокровенная*. Какая польза, и какъ можно давать пищу тому, въ комъ болѣзнь произвела отвращеніе отъ нея и неспособность къ питанію? Когда тѣло преодолѣетъ борющуюся съ нимъ болѣзнь: тогда можетъ воспользоваться пищею. Когда духъ побѣдитъ чувственность и страсти: тогда способенъ будетъ во здравіе духовное ясти, [1]) отъ манны сокровенныя. *Имѣяй ухо слышати, да слышитъ, что Духъ глаголетъ Церквамъ: побѣждающему дамъ ясти отъ манны сокровенныя.*

Подвизайся мужественно, христіанинъ! Побѣждай діавола, міръ, плоть, самаго себя. Побѣждай гордость, какъ враждебную силу діавола,—похоть очесъ, или зависть и любостяжаніе, какъ порабощенную силу міра,—похоть плоти, или чувственное желаніе наслажденія, какъ бунтующую силу плоти; наконецъ, поелику не однѣ внѣшнія силы ведутъ брань противъ духа тво-

[1]) Въ Чт. Общ. Л. Д. П. кн. 9.: жити.

его и Духа Божія въ тебѣ, но въ тебѣ самомъ, въ твоихъ неумерщвленныхъ желаніяхъ сердечныхъ, въ твоихъ неочищенныхъ помыслахъ, есть благопріятствующая врагамъ твоимъ сила,— побѣждай самаго себя. Распинай *плоть со страстми и похотми* (Гал. V. 24). Низлагай въ себѣ *помышленія и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. 10. 4. 5). Тогда ухо услышитъ звуки слова Божія; а умъ и сердце съ услажденіемъ найдутъ въ нихъ манну сокровенную или воду живую. Уста примутъ видимые дары Таинства; а любовь духа живымъ ощущеніемъ пріиметъ Господа, входящаго вечерять съ тобою.

Душе Святый! Самъ даруй и намъ ухо слышати, и умъ разумѣти, что глаголеши Церквамъ, и сотвори, благодатною Твоею силою, да *побѣдимъ* и вкусимъ *отъ манны сокровенныя*, юже Ты Единъ *даеши* побѣждающимъ. Аминь.

CLXXXV.

33. Слово

въ день Святаго Царевича Димитрія.

(Говорено въ Архангельскомъ Соборѣ, мая 15 дня)

Горе вамъ, яко зиждете гробы пророкъ, отцы же ваши избиша ихъ Лук. XI. 47.

Неожиданное обвиненіе произноситъ въ сихъ словахъ Господь на книжниковъ и фарисеевъ Іудейскихъ.

Горе вамъ, яко зиждете гробы пророкъ! И такъ неужели созидать гробы пророковъ есть преступленіе?

Отцы же ваши избиша ихъ. Но что до того дѣтямъ, которые ихъ не убивали? Не въ законѣ-ли Твоемъ, Господи, написано: *сынъ не возметъ неправды отца своего* (Іез. XVIII 20)?

Сомнѣнія сіи не суть праздныя, и дѣло сіе не есть чуждое и для васъ, которые сіе слышите.

Увы! отъ рода отцевъ нашихъ были тѣ изверги рода, кото-

рые убили сего царственнаго мученика. Достойнѣйшіе изъ рода отцевъ нашихъ, при благопріятствѣ судьбы Божіей, прославляющей неповиннаго страдальца, создали ему гробъ. Вы красите раку праведнаго—благоговѣйнымъ посѣщеніемъ, поклоненіемъ, лобзаніемъ. И такъ, увѣрены-ли вы, что не угрожаетъ и вамъ *горе*, возвѣщенное дѣтямъ избившихъ пророки, *зиждущимъ гробы пророческія, и красящимъ ражи праведныхъ* (Мѳ. XXIII. 29)?

Остановимся, размыслимъ, въ какомъ преступленіи обвиняетъ слово Господне книжниковъ и фарисеевъ, отъ какого преступленія предостерегаетъ всѣхъ насъ?

Горе вамъ, яко зиждете гробы пророкъ, отцы же ваши избиша ихъ.

Безъ сомнѣнія, не то вмѣнено книжникамъ и фарисеямъ въ преступленіе, что ихъ предки убивали пророковъ. Отъ сей вины рѣшительно освобождаетъ ихъ слово Господне у пророка Іезекіиля: *сынъ не возметъ неправды отца своего, и отецъ не возметъ неправды сына своего: правда праведнаго на немъ будетъ, и беззаконіе беззаконника на немъ будетъ* (XVIII. 20.)

Еще менѣе можно полагать вину ихъ въ томъ, что гробы пророковъ, или вообще святыхъ человѣковъ временъ предшествовавшихъ, созидали, украшали, почитали. Не изъ почтенія-ли къ гробамъ святыхъ предковъ, съ клятвою завѣщавалъ Іаковъ Іосифу, говоря: *да почію со отцы моими: и изнесеши мя изъ Египта, и погребеши мя во гробѣ ихъ* (Быт. XLVII. 30). Не съ почтеніемъ-ли къ святому предку и *кости Іосифовы изнесоша сынове Израилевы изъ Египта* (Іис. XXIV. 32). А когда случилось, что въ незакрытый и не охраненный гробъ пророка Елиссея нечаянно поверженное тѣло мертваго человѣка *прикоснуся костемъ Елиссеовымъ, и оживе* (4 Цар. XIII. 21); тогда не надлежало-ли признать не только невиннымъ, но и похвальнымъ и должнымъ то дѣйствіе, чтобы создать и приличными знаменіями отличить отъ прочихъ гробъ пророка, дабы нечистое не прикасалось къ святому, а ищущіе очищенія и освященія, безъ затрудненія могли находить между костями мертвыхъ кости животворящія.

Въ чемъ-же виновны зиждущіе гробы пророковъ? За что угрожаетъ имъ *горе?* Они виновны въ лицемѣріи; за лицемѣріе должно пріити на нихъ горе. *Горе вамъ книжницы и фарисее лицемѣри, яко зиждете гробы пророческія.*

Лицемѣръ есть тотъ, кто представляетъ лице благочестиваго и добродѣтельнаго человѣка, не будучи таковымъ въ сердцѣ; или, по выраженію Апостола, кто имѣетъ *образъ благочестія, силы же его отверілся* (2 Тим. III. 5), или *Бога исповѣдуетъ вѣдѣти, а дѣлы отмещется Его* (Тит. 1. 16).

Лицемѣръ есть тотъ, кто на словахъ строго ревнуетъ о вѣрѣ, какъ православный, а жить попускаетъ себѣ слабо и безпечно, какъ язычникъ; кто любитъ учить другихъ, но не старается самъ слѣдовать своимъ наставленіямъ; кто дѣлаетъ добрыя дѣла, но не съ добрымъ намѣреніемъ, какъ-то, изъ своекорыстія, самоугодія, тщеславія; кто хвалится точностію, съ которою исполняетъ наружные обряды набожности, но, какъ извѣстная Самаряныня, занимаясь спорами о мѣстѣ и другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ богослуженія, совсѣмъ не понимаетъ *поклоненія Богу духомъ и истиною* (Іоан. IV. 24) и еще хуже Самаряныни, и понимать сего не хочетъ, и понимающихъ сіе преслѣдуетъ.

Какъ лицемѣры, книжники и фарисеи совиновны были отцамъ своимъ, и вмѣстѣ съ ними подлежали прещенію Господню, не потому, что родились по плоти отъ избившихъ пророки, но потому что въ духѣ своемъ богопротивныя свойства ихъ по своей волѣ возродили. Давно предложенъ былъ вопросъ людей, неразумѣющихъ путей Божіихъ: *что яко не взя сынъ неправды отца своего?* И Богъ чрезъ пророка на сіе отвѣтствуетъ: *понеже сынъ правду и милость сотвори, вся законы Моя соблюде, и сотвори я, жизнію поживетъ* (Іез. XVIII. 19). Посему если кто предложитъ обратный вопросъ: что, *яко взя сынъ неправду отца своего?* Безъ сомнѣнія, на основаніи того-же отвѣта Божія, отвѣтствовать можно: *понеже правды и милости не сотвори, и законъ не соблюде;* поелику онъ свободно сдѣлалъ себя наслѣдникомъ неправды и беззаконія своихъ предковъ: то по необходимости сдѣланъ будетъ наслѣдникомъ ихъ бѣдствій и казней. Сей точно разумъ имѣетъ и прещеніе Господне на Іудейскихъ лицемѣровъ. Господь обличаетъ ихъ: *сблаговолите дѣломъ отецъ вашихъ* (Лук. XI. 48); вы такъ-же, какъ они, расположены внутренно. Онъ предсказываетъ: *се Азъ послю къ вамъ пророки и премудры и книжники: и отъ нихъ убіете и распнете, и отъ нихъ біете на сонмищахъ вашихъ, и изженете отъ града во градъ* (Мѳ. XXIII. 34). И проникая въ таковыя ихъ расположенія, и предвидя таковыя дѣла ихъ,

Онъ ихъ и оплакиваетъ, и осуждаетъ: *горе вамъ! яко да пріидетъ на вы всяка кровь праведна* (35)!

При богопротивныхъ внутреннихъ расположеніяхъ и намѣреніяхъ сихъ лицемѣровъ, какая польза, или достоинство въ личинѣ, которою они покрываются, какъ-бы ни была она благовидна? Они зиждутъ почетные гробы убіенныхъ пророковъ: какая въ томъ польза, когда сердце ихъ есть сокровищница вражды и смерти противъ живущихъ святыхъ, когда *гробъ отверстъ гортань ихъ* для убійственной клеветы на неповинныхъ чадъ премудрости? Они красятъ наружно вещественныя раки праведныхъ: какое въ томъ достоинство, когда не украшаютъ себя внутренно духомъ и живыми чувствованіями праведныхъ? Мало сказать, что въ семъ случаѣ нѣтъ въ томъ пользы, нѣтъ въ томъ похвалы, нѣтъ въ томъ достоинства: точно, горе имъ, что они то дѣлаютъ, лучше-бы они того не дѣлали. Если-бы они не оказывали почтенія умершимъ пророкамъ и праведникамъ: то можно было-бы заключить, что по невѣдѣнію не отдаютъ справедливости живущимъ, и потому заслуживаютъ извиненіе; но когда то, что уважаютъ въ умершихъ, оскорбляютъ въ живущихъ: то *горе* имъ, какъ виновнымъ, и паки *горе*, какъ неизвинительнымъ! И между нами человѣками, не столько ненавистенъ тотъ, кто не оказываетъ намъ любви или уваженія, сколько тотъ, кто показываетъ видъ любви непавидимому, или видъ уваженія презираемому: какъ-же долженъ быть предъ Сердцевѣдцемъ Богомъ отвратителенъ тотъ, кто предъ благочестіемъ и святостію являетъ наружныя знаменія благоговѣнія, которыхъ сердце его не знаетъ? *Горе вамъ лицемѣри, яко зиждете гробы пророческія!*

Изъ сего могутъ видѣть и нынѣшніе почитатели гробовъ пророковъ, или апостоловъ, или мучениковъ и другихъ праведниковъ, чего при семъ, впрочемъ справедливомъ и священными преданіями утвержденномъ почтеніи, должно имъ остерегаться. Остерегаться имъ должно лицемѣрія.

Если съ видимымъ усердіемъ ищете вы гробовъ и останковъ святыхъ тѣлесъ пророковъ или апостоловъ, божественныхъ проповѣдниковъ вѣры, но не имѣете внутренняго усердія искать живаго слова и духа вѣры и святыни въ ихъ священныхъ писаніяхъ, особенно когда не имѣете недостатка въ способахъ сего исканія: то остерегитесь, чтобы нѣкогда не пришло на васъ *горе*, изреченное на лицемѣровъ.

Если вы чтите гробы мучениковъ, которые утвердили вѣру тѣмъ, что терпѣливо за нее пострадали, но сами не столько расположены собственнымъ терпѣніемъ, и, когда нужно, страданіемъ доказать непобѣдимость вѣры, сколько мучить другихъ за любимыя вами мнѣнія: то берегитесь; и сіе расположеніе духа не столько васъ не обнадеживаетъ радостію, которую святые находили въ страданіяхъ, сколько вамъ угрожаетъ *горемъ*, которое предвѣщено подражателямъ избившихъ пророки.

Если вы красите знаменіями благоговѣнія раки праведныхъ и святыхъ,—а Сердцевѣдецъ усматриваетъ закоснѣвающую въ вашемъ сердцѣ неправду и беззаконіе: — остерегитесь, — *горе*!

Напротивъ того, благословеніе Божіе да пріидетъ на васъ, истинно благоговѣйные чтители гробовъ праведническихъ, когда вы, притекая къ симъ святымъ гробамъ, искренно желаете почерпнуть отъ нихъ духъ правды и святыни, для вашего внутренняго оправданія и освященія; когда, приближаясь къ нетлѣннымъ тѣлесамъ, вы стараетесь не менѣе приближиться къ блаженнымъ духамъ, ихъ одушевлявшимъ, чрезъ послушаніе ихъ неповрежденному ученію, чрезъ подражаніе ихъ чистому житію, чрезъ общеніе данной имъ отъ Бога благодати, когда, съ любовію духа, лобызая остатки святыхъ преставльшихся, съ такою-же любовію отверзаете объятія всему благому и святому, что, по благодати Божіей, еще является и въ живущихъ человѣкахъ.

Да мимоидетъ всѣхъ насъ горе лицемѣрія! Да посѣтитъ насъ благословеніе искренняго благоговѣнія и любви ко всему святому! Аминь.

CLXXXVI.

34. Слово

въ день Преображенія Господня.

(Говорено въ Чудовѣ монастырѣ, августа 6 дня)

Аминь глаголю вамъ, (яко) суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ Сына человѣческаго грядуща во царствіи Своемъ Матѳ. XVI. 28.

Іудеи, отъ дней родоначальника своего Авраама, ожидали нѣкоего блаженнаго царствія, долженствовавшаго устроиться чрезъ обѣтованное сѣмя, въ которомъ по обѣтованію благословятся всѣ народы земли: но болѣе четыредесяти родовъ отъ Авраама вкусили смерть прежде, нежели явилось обѣтованное сѣмя и ожидаемое царствіе. И такъ весьма важно было для нихъ узнать, что есть уже люди, которые доживутъ до явленія сего царствія. *Суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ Сына человѣческаго, грядуща во царствіи Своемъ.*

Христіане! мы не ожидаемъ съ Іудеями мечтательно блаженнаго царствія земнаго, мірскаго, чувственнаго, но чаемъ по вѣрѣ царствія духовнаго, царствія небеснаго, царствія собственно Божія. Однако не уподобляются ли нѣкоторые изъ насъ Іудеямъ въ томъ, что предѣлы ожидаемаго царствія Божія полагаютъ далѣе гроба. Не есть-ли потому и для насъ новое, и, дабы мы не оставались въ невѣдѣніи о истинѣ, давно возвѣщенной, весьма нужное ученіе, что есть и должны быть люди, которые встрѣчаются съ царствіемъ Божіимъ ближе гроба? *Суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ Сына человѣческаго, грядуща во царствіи Своемъ.*

Царство Іисуса Христа Сына Божія есть царство всѣхъ вѣковъ Псалмопѣвецъ написалъ, Апостолъ истолковалъ изреченіе

Псалмопѣвца о Сынѣ Божіемъ: *Престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка* (Евр. 1. 8). И да не подумаетъ кто, что симъ означается только вѣчность въ будущемъ, или безконечное царствіе Сына Божія: ибо тотъ-же Апостолъ, и въ томъ-же разсужденіи о Сынѣ Божіемъ, говоритъ, что *Имъ и вѣки сотворены, и носитъ Онъ всяческая глаголомъ силы своея* (ст. 23); слѣдственно, Его царственное могущество вѣчно въ полномъ знаменованіи сего слова, какъ не имѣющее ни временнаго начала, ни временнаго конца; и дѣйствительно владычествуетъ Онъ надъ тварями во все продолженіе существованія тварей. Посему царство Сына Божія въ отношеніи къ Самому Сыну Божію, не только будетъ, но и есть и было; не грядетъ, но пребываетъ; не ограничивается какими-либо предѣлами, но простирается безпредѣльно.

Какъ-же вопрошаютъ Господа ученики: *аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево* (Дѣян. 1. 6)? Что такое проповѣдуетъ Іоаннъ: *приближися царствіе небесное* (Матѳ. III. 2)? Одинъ предполагаетъ, что царствіе небесное было далеко; другіе думаютъ, что царствіе Израилево, подъ именемъ котораго, безъ сомнѣнія, разумѣютъ царство Іисуса Христа Сына Божія, еще не устроено. Такъ говорится о царствіи Сына Божія въ отношеніи къ человѣкамъ. Царствіе небесное далеко, если оно не познается человѣками; оно еще не устроено, когда человѣки не устрояютъ себя въ члены и орудія онаго. Царствіе небесное приближается, когда познается человѣками; устрояется, когда они *созидаются въ жилище Божіе духомъ* (Еф II. 22). Поелику-же и для человѣка, въ полномъ устройствѣ является и познается царствіе небесное въ небесахъ, Божіе въ Богѣ, и сіе можетъ быть только тогда, когда *узримъ Его лицемъ къ лицу* (1 Кор. XIII. 12), *якоже есть* (1 Іоан. III. 2); когда *будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. XV, 28), а сіе можетъ быть не прежде, какъ по разрѣшеніи отъ смертнаго тѣла, которое, по выраженію Апостола, *устраняетъ насъ отъ Господа* (2 Кор. V. 6); то и есть основаніе мыслить, какъ мыслятъ обыкновенно, что царствія небеснаго должно ждать каждому сыну царствія не прежде смерти земнаго тѣла своего, а всѣмъ не прежде, какъ и вся *земля, и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Петр. III. 10).

Но между вѣчнымъ царствіемъ Божіимъ, долженствующимъ открыться въ человѣкахъ послѣ временной жизни и преходя-

щаго міра, Господь указуетъ нѣкій средній видъ Своего царствія, не совсѣмъ непостижимаго, и не совсѣмъ открытаго, частію будущаго, частію настоящаго, для однихъ искомаго и ожидаемаго, для другихъ обрѣтаемаго и дѣйствительнаго. *Суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ Сына человѣческаго, грядуща во царствіи Своемъ.*

Кто стояли тамъ окрестъ Господа, когда Онъ изрекъ сіе таинственное предсказаніе? Въ ихъ жизни надлежитъ усматривать, какъ оное исполнилось, и что значило. Кто-же стояли тамъ? Изъ повѣствованія евангельскаго видно, что то были двѣнадцать Апостоловъ, и что Іисусъ ко *ученикомъ Своимъ* (Матѳ. XVI. 24) говорилъ о Своемъ близкомъ пришествіи во царствіи Своемъ, или, по выраженію другаго Евангелиста, *о видѣніи царствія Божія, пришедшаго въ силѣ* (Марк. IX. 1). Какъ-же увидѣли сіе Апостолы прежде, нежели вкусили смерть, и которые изъ нихъ особенно сіе увидѣли?

Іисусъ Хрістосъ явился въ мірѣ, *зракъ раба пріимъ* (Филип. II. 7), сокрывая силу Своего царствія, или только начатки онаго являя въ могущественномъ словѣ и чудесахъ. Такъ было, безъ сомнѣнія, до крестной смерти Его. Но и по воскресеніи Онъ торжественно возвѣстилъ о Себѣ ученикамъ своимъ, что *дадеся Ему всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. XXVIII. 18): слѣдственно, съ самаго воскресенія Его начали они *видѣть Сына человѣческаго, грядуща во царствіи Своемъ.* Когда потомъ возшелъ Онъ на небеса, возсѣлъ одесную Бога Отца, и вновь явился грядущимъ на землю, низпосылая Духа Святаго на Апостоловъ и прочихъ вѣрующихъ, когда посредствомъ сего Духа, дѣйствительно началъ устроять изъ вѣрующихъ одно благоучрежденное общество Своихъ послѣдователей, церковь Свою, царствіе Свое, когда царствіе сіе изъ Іудеи во всѣ страны свѣта распространилось съ такою скоростію, что при жизни Апостоловъ простиралось уже отъ Индіи до Испаніи, отъ Скиѳіи до Ефіопіи, съ такою силою, что гоненія Кесарей побѣдило кровію мученичества: тогда, не обинуясь, могли Апостолы сказать Господу на Его предсказаніе, что воистину, еще *не вкусивъ смерти, видѣли они царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ.*

Но не трудно примѣтить, что въ семъ значеніи, видѣніе Сына человѣческаго, грядущаго во царствіи Своемъ, и царствія Бо-

жія, пришедшаго въ силѣ, съ малымъ неравенствомъ принадлежало всѣмъ Апостоламъ, кромѣ Іуды предателя: Господь-же усвоястъ обѣщанное видѣніе только нѣкоторымъ изъ нихъ: *суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ*. Посему невольно возобновляется вопросъ: кто сіи нѣкоторые?

Для отвѣта на сіе, простаго, но тѣмъ не менѣе вѣрнаго, не станемъ умствовать, а прочитаемъ евангельское повѣствованіе, какъ оно есть. *Суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ*, глаголетъ Господь, *иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ Сына человѣческаго, грядуща во царствіи Своемъ. И по днехъ шестихъ*, продолжаетъ Евангелистъ, *поятъ Іисусъ Петра и Іакова и Іоанна брата его, и возведе ихъ на гору высоку едины, и преобразися предъ ними* (Матѳ. XVII. 1. 2). На что-бы съ такою точностію означать Евангелисту промежутокъ времени между предсказаніемъ о скоромъ пришествіи Сына человѣческаго во царствіи Своемъ и между чудеснымъ дѣйствіемъ преображенія Господня, если-бы между сими случаями не полагалъ Онъ тѣсной связи, если-бы, то-есть, случившееся ровно чрезъ недѣлю послѣ предсказанія не было событіемъ предсказанія? И такъ, нѣцыи отъ стоявшихъ окрестъ Іисуса, именно Петръ, Іаковъ и Іоаннъ увидѣли Его грядуща во царствіи Его, увидѣли царствіе Божіе пришедшее въ силѣ, когда увидѣли Его славное преображеніе. Божество Іисуса просіяло сквозь Его человѣчество; Моусей законодатель, какъ рабъ, предсталъ Владыкѣ закона; Илія ревнитель единаго, истиннаго Бога, пришелъ поклониться Богочеловѣку; гласъ Бога Отца возвѣстилъ возлюбленнаго Сына и приглашалъ къ повиновенію Ему, яко царю: *того послушайте;* блаженная сила царствія небеснаго проникла и восхитила Апостоловъ, и жизнь небесная едва не поглотила въ нихъ земную; такъ что возвращеніе отъ небеснаго видѣнія къ земнымъ ощущеніямъ казалось имъ пробужденіемъ отъ сна, или, можетъ быть, не прилично-ли было-бы назвать сіе погруженіемъ изъ бодренной жизни небесной въ полусонную жизнь земную.

Прекрасное видѣніе — подумаютъ, можетъ быть, нѣкоторые: но что до того намъ, когда и обѣщалъ оное Господь немногимъ избраннымъ, а теперь и событіе уже миновало? А я думаю, что во всей земной жизни Господа нашего Іисуса Христа сдвали есть что-нибудь такое, что-бы до насъ не касалось. Не для насъ-ли Онъ на земли родился, жилъ, умеръ, и воскресъ? Не

для нашего ли спасенія все и глаголалъ и творилъ? И какъ вѣрно то, что содѣлалъ Онъ все для насъ потребное, такъ вѣрно и то, что не сдѣлалъ ничего излишняго. Надобно было, чтобы Онъ послѣ явленія Своего во зракѣ раба, но прежде послѣдняго славнаго Своего пришествія предварительно и тайно пришелъ во царствіи Своемъ; надобно было, чтобы ученики Его, еще не вкусивъ смерти, хотя на мгновеніе ока увидѣли царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ; сего требовалъ всеобщій законъ постепенности. соблюдаемый въ дѣйствіяхъ и откровеніяхъ Божіихъ; сіе частное явленіе царствія небеснаго нужно было для приготовленія къ трудному и не скорому полному откровенію онаго. А сіе служитъ указаніемъ и для насъ, да еще въ настоящемъ житіи нашемъ *откровеным лицемъ славу Господню взирающе, въ тойже образъ преобразуемся* (2 Кор. Ш. 18). Надобно, чтобъ и мы, сперва подвизаясь въ покаяніи, въ дѣланіи заповѣдей, какъ рабы, потомъ чрезъ вѣру, молитву, любовь содѣлались изъ рабовъ сынами Божіими, преобразились внутренно изъ земныхъ человѣковъ въ небесныхъ, дабы, наконецъ, могли воскреснуть и вознестись въ славную жизнь и въ царствіе небесное. Въ комъ прежде смерти нѣтъ царствія Божія, пришедшаго въ силѣ: тотъ послѣ смерти не пріидетъ въ царствіе Божіе, пребывающее во славѣ. Аминь.

CLXXXVII.

35. Слово

по освященіи храма Живоначальныя Троицы, что на Покровкѣ, на Грязяхъ.

(Говорено сентября 12-го дня)

Иже обрѣте благодать предъ Богомъ, и испроси обрѣсти селеніе Богу Іаковлю. Соломонъ же созда Ему храмъ. Но Вышній не въ рукотворенныхъ церквахъ живетъ Дѣян VII. 46—48.

Такъ предъ сонмищемъ Іудейскимъ разсуждалъ о храмѣ Божіемъ архидіаконъ Стефанъ, *мужъ*, по свидѣтельству Еванге-

листа Луки, *исполненный вѣры и Духа Свята* (Дѣян. VI. 5). Когда святый Стефанъ говорилъ, рѣчь его клонилась къ обличенію жестоковыйныхъ Іудеевъ: но когда святый Лука написалъ рѣчь его въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, она, безъ сомнѣнія, относится къ наставленію христіанъ.

Наставленіе, заключающееся въ вышеприведенныхъ словахъ Стефана, можетъ быть благовременно при настоящемъ торжествѣ освященія, благочестивымъ усердіемъ возсозданнаго и возобновленнаго, храма Божія.

Иже обрѣте благодать предъ Богомъ, и испроси обрѣсти селеніе Богу Іаковлю. Сіе говоритъ Стефанъ о царѣ Давидѣ, который, какъ повѣствуетъ вторая книга Царствъ (VII. 2), чрезъ пророка Наѳана просилъ отъ Бога позволенія, вмѣсто подвижной и, вѣроятно, уже ветхой скиніи, создать новый, неподвижный храмъ. Должно замѣтить, что богодухновенный проповѣдникъ, прежде нежели сказалъ о намѣреніи Давида создать храмъ, предварительно упомянулъ о благодати Божіей къ Давиду: *иже обрѣте благодать предъ Богомъ.* Чрезъ сіе Духъ Святый, глаголавшій устами Стефана, даетъ разумѣть, что самое намѣреніе или желаніе создать храмъ Божій, самая мысль о семъ родилась не просто, подобно многимъ человѣческимъ помышленіямъ и желаніямъ, но въ человѣкѣ облагодатствованномъ подъ осѣненіемъ Духа Божія. Слѣдственно, можно сказать, что первоначальная мысль создать храмъ Божій была мысль Божія въ человѣкѣ.

Соломонъ же созда Ему храмъ, продолжаетъ святый Стефанъ. Если намѣреніе создать храмъ было даръ благодати въ Давидѣ: то нѣтъ сомнѣнія, что исполненіе сего намѣренія—созданія храма—было также дѣло благодати въ Соломонѣ. Самъ Богъ предназначилъ Соломона къ сему дѣлу, и сказалъ о немъ чрезъ Наѳана: *той созиждетъ домъ имени Моему* (2 Цар. VII. 13). И дабы показать, что сіе назначеніе, и назначенное дѣло, было въ высшей степени благодатное, Богъ сказалъ о Соломонѣ въ тоже время чрезъ того-же Пророка: *Азъ буду ему во Отца, и той будетъ Ми въ сына* (ст. 14).

Не усомнимся присовокупить къ сему и еще заключеніе, что если созданіе храма Божія было дѣйствіе благодати, то и храмъ созданный есть дѣло благодати; если началомъ его была благодать, то и концемъ его должно быть распространеніе благодати въ человѣкахъ. Ибо не можно и подумать, чтобы благодать

Божія употребила свое дѣйствіе на то, что ея недостойно, или несообразно съ ея намѣреніями о человѣкахъ.

Христіане! между храмомъ іудейскимъ, къ которому первоначально относятся предъидущія размышленія, по руководству словъ святаго Стефана, и между храмомъ христіанскимъ, въ которомъ теперь мы находимся, разность та, что храмъ іудейскій, во дни неплодства Церкви, былъ одинъ во вселенной, а храмы христіанскіе, во времена многочадія Церкви, разродились повсюду во множествѣ, и что сокрывавшееся во храмѣ іудейскомъ подъ покровомъ сѣней обрядовыхъ и гаданій пророческихъ, въ христіанскихъ храмахъ является во свѣтѣ откровеннаго слова Божія, въ силѣ и могущественномъ дѣйствіи Святаго Духа чрезъ божественныя Таинства. Посему благодать храма іудейскаго по превосходству принадлежитъ храму христіанскому.

И такъ, благо тому изъ насъ, кто въ сердцѣ своемъ обрѣлъ благочестивое желаніе создать или возсоздать и обновить храмъ Богу христіанскому. Въ семъ желаніи обрѣлъ онъ благодать, и, послуживъ благодати усерднымъ исполненіемъ сего желанія, обрѣсти можетъ *благодать возблагодать*, то-есть за благодатный подвигъ получить благодатное воздаяніе: ибо благодать не можетъ быть не благодарна для служащихъ дѣламъ ея.

Благо и тому, кто любитъ созданный храмъ и охотно посѣщаетъ его: ибо онъ любитъ дѣло благодати, посѣщаетъ обитель благодати; слѣдственно, въ сей любви, въ семъ усердіи носитъ уже и самъ въ себѣ сѣмя благодати, которое, будучи въ храмѣ напаяемо изъ источниковъ благодати, каковы суть Слово Божіе и Таинства Божественныя, можетъ принести обильный плодъ просвѣщенія, мира и спасенія душевнаго.

Возвратимся къ разсужденію святаго Стефана. *Соломонъ же созда храмъ Ему*, сказалъ онъ, и тотчасъ присовокупляетъ: *но Вышній не въ рукотворенныхъ церквахъ живетъ*. Какой внезапный оборотъ мыслей! Что глаголеши, проповѣдниче Божій? Какъ можемъ мы разумѣть тебя, или какъ согласить тебя самаго съ собой? Если-же Вышній не живетъ въ рукотворенныхъ церквахъ: на что же созидалъ Ему рукотворенную церковь Соломонъ, на что желалъ сего Давидъ, на что благодать вдохнула Давиду желаніе сего, на что Самъ Вышній назначилъ Соломона для исполненія онаго? Правда, и Соломонъ—создатель храма съ нѣкимъ недоумѣніемъ говоритъ къ Богу: *аще истинно вселится Богъ съ человѣки на земли? Аще небо, и небо небесе*

не довлѣютъ Ти, кольми паче храмъ сей, его же создахъ имени Твоему (3 Цар. VIII. 27). Почему и просилъ онъ не обитанія Божія во храмѣ, но благодатнаго призрѣнія на храмъ: *да будутъ очи Твои отверсты на храмъ сей день и ночь* (ст. 29). Но небольше-ли того, на что дерзала смиренная молитва, даровалъ Богъ, когда *исполни слава Господня храмъ* (ст. 11), и когда Богъ изрекъ о немъ сіе обѣтованіе: *будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (IX. 3)? Тамъ-ли не живетъ Богъ, гдѣ сердце Его во вся дни?

Для разрѣшенія сихъ недоумѣній, и для правильнаго уразумѣнія словъ святаго Стефана вспомнимъ, что рѣчь его, какъ выше сказано, клонилась къ обличенію Іудеевъ. Они, видѣвъ чудесный облакъ, который осѣнилъ храмъ во время освященія его, слышавъ обѣтованіе, по которому Богъ *сердце* Свое положилъ во храмѣ, подумали, что храмъ Іерусалимскій содѣлался не только твердымъ и постояннымъ на предопредѣленное время, но и непремѣннымъ на вѣки селеніемъ Божіимъ; что и городъ Іерусалимъ, и народъ Іудейскій, имѣя у себя святый храмъ, по сему самому также святы, неприкосновенны, неподвержены оставленію отъ Бога. Сіи неосновательныя и грубыя, но набожностію прикрытыя мысли сдѣлались у Іудеевъ пищею нечестія и беззаконія. Богъ живетъ у насъ во храмѣ, говорили они: и не заботились о томъ, что нѣтъ Бога предъ очами ихъ. Надѣясь на мѣсто святое, языкъ грѣшный, по выраженію пророка Исаіи, *людіе исполненные грѣховъ* безстрашно *прилагали беззаконіе къ беззаконію* (Иса. I. 4. 5). Когда имъ угрожали, что умножившіеся между ними грѣхи погубятъ ихъ, они либо не внимали сему, либо гнѣвались на сіе, прельщая себя надеждою, что святое мѣсто спасетъ ихъ. Святые мужи церкви Іудейской давно усмотрѣли сіе заблужденіе своего народа и неоднократно съ ревностію обличали оное. Тотъ Исаія, котораго и приводилъ во свидѣтельство святый Стефанъ, опровергая дерзкую надежду беззаконниковъ на святый храмъ, говоритъ отъ лица Самого Бога: *Небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ: кій домъ созиждете Ми? и кое мѣсто покоища Моего* (Иса. LXVI. 1). И вмѣсто ложной надежды на одну видимую и чуждую святыню, внушая истинное упованіе на благодать Божію, въ послушаніи пріемлемую человѣкомъ, и содѣлывающую его самаго храмомъ Божіимъ, пророкъ присовокупляетъ также отъ лица Божія: *на кого воззрю? токмо на*

кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ (ст. 2). Такъ и чрезъ Іеремію говоритъ Богъ: *не надѣйтеся на себе въ словесѣхъ лживыхъ, понеже весьма не упользуютъ васъ, глаголюще: храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень есть* (VII. 4).

Подобно сему и писатель Маккавейской книги разсуждаетъ, что *не ради мѣста языкъ, но языка ради мѣсто Господь избра* (2 Мак. V. 19). Слѣдственно, если народъ не пользуется благодатію святаго мѣста къ своему освященію, то не пріемлемая благодать удаляется, святыня скрывается и на мѣстѣ селенія Божія можетъ явиться мерзость запустѣнія. Въ таковомъ духѣ обличенія сказалъ и святый Стефанъ, что *Вышній не въ рукотворенныхъ церквахъ живетъ* (Дѣян. VII. 48): то есть не заключается вездѣсущее Божіе существо во храмахъ, хотя въ нихъ благодать присутствуетъ; не привязано благодатное присутствіе Божіе ко храмамъ, хотя имъ даровано; не въ томъ собственно живетъ благодать, что есть рукотворенное во храмахъ, но, будучи сама духовна, проходитъ она сквозь рукотворенное и сокровенно ищетъ оживить собою также духовное, то есть внутренняго человѣка. Если человѣкъ жестоковыенъ, невнимателенъ, нечувствителенъ, упоренъ противъ Духа Святаго: то и въ отверстомъ рукотворенномъ храмѣ благодатное жилище Божіе для него заперто; рукотворенная церковь не освящаетъ и не спасаетъ того, кто съ своей стороны не подвизается, чтобы содѣлать себя живою церковію живаго Бога.

Но перестанемъ изъяснять слова Стефана. Довольно сказать: чему онъ училъ, тому же его и нашъ Божественный и единственный Наставникъ научаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истиннїи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ покланяющихся Ему* (Іоан. IV. 23).

Что скажемъ на сіе, христіане? Скажемъ ли съ нѣкоторыми: на что же намъ и церковь рукотворенная? Не довольно ли знать одну церковь нерукотворенную въ сердцѣ? Остережемся. Сіе значило бы метаться изъ одной крайности въ другую; сіе значило бы на мѣсто грубой жестоковыйности плотской поставить гордое упорство духовное. Самъ Основатель духовныя Церкви— Христосъ и Его Апостолы, не посѣщали ль рукотвореннаго храма? Не рукотворенные ли виды хлѣба и вина предалъ Онъ для совершенія божественнаго и боготворнаго Таинства тѣла и кро-

ви Его? Не будьте такъ грубы, чтобы останавливаться на одномъ рукотворенномъ; но и не будьте такъ горды, чтобы пренебрегать рукотворенное, чрезъ которое Богъ творитъ чудеса благодати.

Но если кто, простоявъ уреченный часъ въ церкви рукотворенной по образу христіанъ, позволяетъ себѣ прочее время жизни проводить въ страстяхъ и порокахъ, по подобію язычниковъ,—кто покланяется предъ видимымъ рукотвореннымъ образомъ святынѣ Божіей, но не старается преобразиться внутренно во образъ Божій правдою и преподобіемъ истины; кто даетъ ѳиміамъ въ кадило, но не приноситъ Богу въ огнѣ любви благоуханія молитвы; кто слышитъ въ храмѣ звуки слова Божія и думая, что тѣмъ исполнилъ дѣло Церкви, безпечно забываетъ оное; видитъ служеніе Таинствъ, но не жаждетъ душею причащенія чрезъ нихъ благодати Божіей: всякому таковому и мы со святымъ Стефаномъ говоримъ: *Вышній не въ рукотворенныхъ церквахъ живетъ*; не въ стѣнахъ, знаменіяхъ, звукахъ, обрядахъ состоитъ благочестіе и жизнь благодатная, жизнь Божія въ человѣкѣ; дабы найдти сію жизнь, надобно, въ оградѣ храма, при занятіи чувствъ и мыслей освященными знаменіями, божественными звуками слова, священнодѣйствіями Таинствъ, *покланяться* Отцу небесному *духомъ и истиною*; а также и внѣ храма всю жизнь свою посвятить исполненію воли Божіей, и содѣлать оную непрерывнымъ богослуженіемъ.

Вѣра, молитва и вниманіе къ заповѣдямъ Божіимъ и къ собственнымъ дѣламъ нашимъ да помогутъ намъ, братія, *обрѣсти благодать предъ Богомъ, и испросить обрѣсти селеніе Богу Іаковлю*, то есть, обрѣсти благодать нерукотвореннаго храма, или *вселеніе Христа вѣрою въ сердца наша* (Еф III. 17). Аминь.

CLXXXVIII.

36. Слово

въ день восшествія на Всероссійскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, по первомъ лѣтѣ царствованія Его.

(Говорено въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ ноября 20 дня)

Сотвори мнѣ величіе Сильный, и свято имя Его Лук. 1. 49.

Забудемъ на минуту, что мы стоимъ теперь въ великомъ храмѣ, въ которомъ, послѣ безъ сравненія великаго имени Царя царей, паче всякаго иного имени возвеличено имя Царицы небесныя. Возвратимся мыслію за осьмнадцать вѣковъ назадъ; войдемъ въ малое Іудейское селеніе, *Горняя*; встрѣтимся тамъ въ маломъ, безъ сомнѣнія, домѣ священника Захаріи, съ родственницею его юною Дѣвою Маріею, которая, хотя и происходила изъ великаго рода Давидова, но, конечно, не сохраняла уже никакихъ останковъ сего древняго величія, когда обручена была малому земли, древодѣлю Іосифу. Тамъ, и тогда поставимъ себя слушателями торжественнаго восклицанія Маріи. *Сотвори мнѣ величіе Сильный*: а ни въ ней, ни окрестъ Ея, невидно никакого знака, ни слѣда величія! Что глаголеши, смиренная Дѣво? Какъ не страшишься восторженнаго слова, которымъ Сама Себя только возносишь? Какъ станетъ слово Твое? Кто ему повѣритъ?

Познаемъ ученики, и вмѣстѣ поклонники Слова, которымъ сотворено все, познаемъ силу Божественнаго Слова. Оно вселилось во утробу святыя Дѣвы Маріи: потому сильно было во устахъ Ея, и воистину сотворило Ей величіе Царицы небесныя, которое и на земли мы видимъ, и предъ которымъ благоговѣйно покланяемся.

Но такъ и всегда Сильный и Великій Богъ творитъ величіе тѣмъ, которые во смиреніи чувствуютъ и признаютъ себя немощными и малыми въ самихъ себѣ.

Благословенная Дѣва, прославляя Бога, сотворившаго Ей величіе, кажется, подражаетъ знакомому Ей чрезъ церковное пѣніе и домашнее чтеніе, изреченію Псалмопѣвца, который взываетъ къ Богу такъ: *Боже мой, не остави мене, дондеже возвѣщу мышцу Твою роду всему грядущему. Силу Твою и правду Твою, Боже, даже до вышнихъ, яже сотворилъ ми еси величія.* Что такое величіе? Въ изъясненіе сего Псалмопѣвецъ говоритъ далѣе: *елика явилъ ми еси скорби мнози и злы, и обращся оживотворилъ мя еси, и отъ бездны земли возвелъ мя еси: умножилъ еси на мнѣ величествіе Твое* (Пс. LXX. 18—21). Изъ соображенія сихъ словъ можно уразумѣть, что *величія*, на языкѣ священнаго писанія, суть дѣла Божія надъ человѣкомъ чудесныя, благотворныя, открывающія безмѣрное величіе Божіе, и сообщающія нѣкое величіе человѣку. Впрочемъ, приложите имя величія ко всему, къ чему оное съ нѣкоторымъ приличіемъ приложено быть можетъ. Думаете ли вы о величіи званія и власти, или о величіи ума, о величіи души, о величіи дѣлъ: во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, по примѣру Псалмопѣвца, по примѣру Пресвятыя Дѣвы, не обинуясь возвѣщаемъ всему роду сему, что сильный Богъ творитъ *величія*, и что, слѣдственно, безъ Него тщетно хотѣли бы немощные человѣки поставить себѣ какое-нибудь самосотворенное величіе.

Спросимъ умъ возвышенный, обширный, глубокій; спросимъ сердце благородное, исполненное благоговѣнія къ Богу и любви къ человѣкамъ, чистое до безстрастія, спросимъ ихъ: кто сотворилъ вамъ сіи величія? Природа? Но природа не есть самостоятельная творящая сила, она есть орудіе въ рукахъ истиннаго Творца, Бога. Образованіе? Но по самому своему имени, образованіе не творитъ, а только даетъ нѣкоторый опредѣленный образъ свойствамъ, дѣятельность способностямъ, направленіе силамъ, которыя существуютъ независимо отъ образованія. Опытность? Но сколько людей, которые среди великихъ опытовъ оказываются всегда малыми, какъ земное быліе, между тѣмъ какъ въ другихъ непримѣтное въ началѣ сѣмя величія, подобно указуемому евангельскою притчею *зерну горушну* (Лук. XIII. 19), въ краткое время возрастаетъ въ древо веліе? Если и признать, что образованіе и опыты не только открываютъ духъ возвышенный, но и дѣйствительно его возвышаютъ: кто даетъ образователей и образованіе, многими тщетно искомое, кто посылаетъ великіе опыты и руководствуетъ въ нихъ не опытнаго, иногда

и безпомощнаго,—кто какъ не Тотъ, Который, все содѣлавъ Словомъ творческимъ, по свидѣтельству божественаго Слова, *доселѣ дѣлаетъ* (Іоан. V. 17), потому что *носитъ всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. I. 3), и безъ Его провидѣнія мы *не можемъ власа единаго бѣла или черна сотворити* (Мѳ. V. 36)?

Если Богъ Своимъ провидѣніемъ и благодатію творитъ въ человѣкахъ величіе духа, не мнимое, которое, какъ призракъ, является въ порывахъ къ возвышенному, и вскорѣ упадаетъ въ ничтожество или нечистоту, но истинное, постоянное, выдерживающее трудные опыты: то посему самому не должно ли признать, что Богъ творитъ и то величіе, которое даетъ человѣку дѣянія, производимыя необыкновенною мудростію и силою великаго духа, предводимыя благородными побужденіями, сопровождаемыя благотворными послѣдствіями. Душа малая любитъ всѣ свои успѣхи приписывать себѣ одной, изъ опасенія, что, когда отстранитъ отъ себя ей не принадлежащее, люди примѣмѣтятъ, какъ она мала; но души великія, послѣ великихъ дѣлъ, сами охотно признаются, какъ мало было для сихъ дѣлъ того, что знаютъ они въ себѣ, и какъ многое потребно было для оныхъ отъ Бога и Его провидѣнія. *Отъ небесе ополчишася звѣзды*, поетъ Деввора, прославляя побѣду надъ Сисарою, *отъ чина своего ополчишася съ Сисарою* (Суд. V. 20). Не проговорилась-ли пророчица, не унизила-ли она великаго дѣла, произведеннаго необыкновенною силою духа ея, приписавъ часть знаменитой побѣды вліянію звѣздъ, которое произвело грозу надъ непріятельскимъ войскомъ, или направило бурю въ лице ему? Нѣтъ! она возвѣстила высокую истину, что видимыя великія дѣла совершаются не иначе, какъ подъ вышнимъ управленіемъ, съ невидимою помощію. Какое великое дѣло,—если угодно имѣть и другой примѣръ,—какое великое дѣло, когда Гедеонъ, съ тремя стами безоружныхъ, разсѣялъ, истребилъ Мадіамлянъ и Амалекитянъ, которые были, *яко пруги множествомъ, и вельблюдамъ ихъ не бяше числа*! Но отъ какой малости зависѣла судьба сего великаго дѣла! Отъ сновидѣнія воина въ непріятельскомъ станѣ. *И бысть яко услыша Гедеонъ повѣданія сна, и разсужденіе его, и поклонися Господеви, и возвратися въ полкъ Израилевъ, и рече: востаните, яко предаде Господь въ руки наша полкъ Мадіамль* (Суд. VII. 12—15). И сію малость послалъ великій

Богъ для того, что безъ нея не состоялось-бы великое дѣло человѣческое.

Что сказать о величіи званія? Если оно пріобрѣтено великими дѣлами и благотворными для человѣчества подвигами: то изъ сказаннаго уже видно, что и сіе величіе творитъ Богъ, помощникъ и покровитель въ дѣлахъ великихъ и благотворныхъ. Если оно наслѣдовано: и въ семъ случаѣ, кто какъ не Богъ *благословляетъ родъ правыхъ, да будетъ слава и богатство дому его, и правда его*, наслѣдственная добродѣтель, *пребываетъ въ вѣкъ вѣка* (Пс. CXI. 2. 3). Богъ сотворилъ царское величіе малому пастырю овецъ—Давиду; избралъ наслѣдовать оное Соломона; не допустилъ Ровоама разрушить оное неосторожностію; въ лицѣ младенчествующаго Іоаса скрылъ оное отъ коварства и злобы въ собственномъ храмѣ Своемъ; продолжилъ оное вѣки на престолѣ Іерусалимскомъ, въ благословенномъ, хотя и не во всѣхъ своихъ рожденіяхъ равно достойномъ, родѣ Давида: между тѣмъ какъ Израильскіе цари, которые думали имѣть величіе безъ Бога истиннаго, и цѣлые роды ихъ съ неблагословеннаго престола, одинъ за другимъ, какъ листья и вѣтви съ полусогнившаго дерева, низвергаемы были бурями временъ мятежныхъ. И всѣмъ временамъ и всѣмъ великимъ земли возглашаетъ все творящая, едина несотворенная премудрость Божія: *Мною царіе царствуютъ, и сильніи пишутъ правду: Мною вельможи величаются, и властители Мною держатъ землю* (Притч. VIII. 5. 6).

Богъ сотворилъ величіе и роду нашихъ царей, Россіяне! и недавно вновь возсотворилъ оное благословенно царствующему надъ нами Николаю. Что сдѣлалось—было предъ начатіемъ года, котораго благополучное совершеніе нынѣ торжествуемъ, что сдѣлалось—было съ симъ колико досточтимымъ, толико достолюбезнымъ величіемъ? Царя не стало, преемникъ скрывался, крамола подкапывалась во мракѣ подъ основаніе престола. Но Богъ, и не ожидавшаго и даже уклонявшагося *вознесъ избраннаго отъ людей Своихъ* (Пс. LXXXVIII. 20); сотворилъ Ему и величіе наслѣдія, по закону отеческому, и вмѣстѣ величіе избранія отъ двухъ старѣйшихъ братій, и величіе духа, съ которымъ Онъ первымъ явленіемъ пришествія Своего уничтожилъ сопротивныхъ, и величіе дѣяній мудрыхъ и благотворныхъ, которыя возвышаютъ и, безъ сомнѣнія, продолжатъ возвышать Его, не въ Его скромныхъ помышленіяхъ, не въ наиме-

нованіяхъ и словахъ, но въ умахъ и сердцахъ вѣрноподданныхъ; наконецъ, послѣ скорбей многихъ, милосердый Богъ *умножилъ* на Немъ и на насъ *величествіе* Своихъ благодѣяній мирнымъ и всерадостнымъ Его вѣнчаніемъ и священнымъ мѵропомазаніемъ.

Реки нынѣ, благословенная Россія: *сотвори мнѣ величіе, сильный*! Но не забуди приглаголать и сіе слово Преблагословенныя: *свято имя Его*! Святи, и не преставай святить имя Бога твоего, благодареніемъ за величіе благодѣяній Его, молитвою за Царя и всякимъ благочестіемъ. Святи имя возвеличившаго тебя Бога, не только устами благочестивыми, но и сердцемъ смиреннымъ, и соблюденіемъ святыхъ Его заповѣдей, во всякое время, и во всякомъ дѣлѣ житія, да и еще сохранитъ и умножитъ тебѣ величіе—Сильный. Аминь.

1827 годъ.

CLXXXIX.

37. Слово

въ день Святителя Алексія.

(Говорено въ Чудовѣ монастырѣ мая 20 [1])

И нынѣ се азъ связанъ духомъ, гряду въ Іерусалимъ. Дѣян. XX. 22.

Если взять въ разсужденіе, что мы отъ Бога имѣемъ бытіе, жизнь, силы, чувства, сердце, разумъ, волю и отъ Его провидѣнія многоразличныя блага, коими пользуемся въ мірѣ; что Богъ же, и единственно Богъ, можетъ даровать намъ вѣчное блаженство, и дѣйствительно даруетъ оное вѣрнымъ рабамъ Своимъ, что наибольшая часть людей или знаютъ сіе по разумѣнію, или вѣрятъ сему по несомнительному свидѣтельству

[1]) Печатается съ рукописи автора, полученной отъ М. М. Евреинова.

разумѣющихъ; но что при всемъ томъ не наибольшая часть людей занимается служеніемъ Богу вѣрно, постоянно, исключительно, или, по крайней мѣрѣ, преимущественно предъ всякимъ другимъ занятіемъ, то съ удивленіемъ должно спросить, какъ возможно итти такъ прямо противъ справедливости, противъ благодарности, противъ величайшей пользы собственной? Нашли безразсудные сію нещастную возможность въ томъ, что не отрекаются совсѣмъ отъ служенія Богу, желаютъ достигнуть въ немъ блаженства, и думаютъ, что сего довольно. А узкій путь?—Онъ сдѣлался шире отъ умножившагося числа ходящихъ. А тѣсная врата?—Онѣ перестроены просторнѣе прежняго новыми художниками нравственной жизни. А многія скорби, коими подобаетъ внити въ царствіе Божіе?—Сію чашу испили до дна Христовы Апостолы, мученики, исповѣдники, во времена гоненій на христіанство, по самой необходимости;—теперь сей необходимости нѣтъ, и мы можемъ наполнять себѣ чашу веселія. Можетъ быть, не многіе признаются, что такъ думаютъ; но многіе такъ живутъ, что жизнь ихъ служитъ вывѣскою таковыхъ мнѣній.

Не сообразуйтеся вѣку сему, писалъ Апостолъ христіанамъ въ вѣкѣ іудейства и язычества. О горе! нужно и въ христіанскія времена повторять христіанамъ: *не сообразуйтеся вѣку сему*. Сообразуйтеся тѣмъ истиннымъ рабамъ Божіимъ, которыхъ вѣрное служеніе Богу неослабляется ни прельщеніемъ выгодъ мірскихъ и удовольствій чувственныхъ, ни опасеніемъ трудностей, препятствій, скорбей. Чтобы не искать примѣра вдали, посмотрите на сего вѣрнаго служителя Божія, на сего твердаго предстоятеля церкви сея, какъ онъ, не колеблясь, шелъ не только противъ трудностей, но и на явную опасность для чести вѣры, которая есть честь Божія, для безопасности церкви, которая есть достояніе Божіе. Дважды ходилъ онъ къ царямъ Ордынскимъ, которыхъ могущество ничѣмъ неознаменовывалось чаще, какъ жестокостію и вѣроломствомъ.

Одинъ разъ Чжанибекъ призывалъ Алексія уврачевать Царицу, но Алексій учился слову Божію и молитвѣ, а не врачебной наукѣ; слѣдовательно, уврачеваніе могъ совершить не иначе, какъ чудомъ; нельзя было знать, даруетъ ли Богъ чудо исцѣленія, и особенно для болящей, зараженной зловѣріемъ; а то можно было знать почти вѣрно, что неудача врачеванія послужитъ въ поруганіе Христовой вѣрѣ, и что шутка надъ вѣрою, по вкусу Ордынцевъ, будетъ не иная, какъ горькая смерть избраннаго ея

служителя. Святитель дерзнулъ о Господѣ, и чудо совершено, и вѣра прославлена. Въ другой разъ, Великій Князь Іоаннъ убѣждалъ Алексія идти въ Орду, чтобы отвести отъ враждебныхъ противъ Россіи намѣреній, и ввести въ мирныя расположенія новаго царя Бердебека, который началъ царствованіе убійствомъ двѣнадцати братьевъ. Хотя Великій Князь могъ въ семъ случаѣ полагать нѣкоторую надежду на уваженіе къ имени Алексія, которое, безъ сомнѣнія, осталось въ Ордѣ отъ исцѣленія царицы: однако тѣмъ не менѣе посольство сіе походило на то, какъ если бы пастыря овецъ съ однимъ пастырскимъ жезломъ посылали укротить разъяреннаго льва или тигра. Но пастырь словесныхъ овецъ рѣшился положить душу свою за овцы: и Всемогущій Пастыреначальникъ, и жизнь его сохранилъ, и миръ словесному стаду и землѣ Россійской чрезъ него даровалъ.

Но дабы показать еще въ высшей степени священный примѣръ ничѣмъ не ослабляемаго служенія Богу, вопреки мнѣніямъ людей, еще не отвергшихся міра и самихъ себя, доказывающій, что вѣрные рабы Божіи борются съ трудностями, и переносятъ скорби, не по неизбѣжной только необходимости, но и съ добровольною готовностію, и даже съ нѣкоторымъ желаніемъ страдать для Бога, происходящимъ отъ сильной любви къ Богу,— посмотримъ на Божественнаго Павла, когда онъ идетъ въ Іерусалимъ на опасность, не по догадкамъ и заключеніямъ явную, но по свидѣтельству Св. Духа достовѣрную, и однако идетъ и не колеблется. Прочитаемъ слова, которыя на семъ пути своемъ говорилъ онъ Пресвитерамъ Ефесскимъ, прощаясь съ ними. *И нынѣ се азъ связанъ духомъ, гряду во Іерусалимъ, яже въ немъ хотящая приключитися мнѣ не вѣдый: точію яко Духъ святый по вся грады свидѣтельствуетъ, глаголя яко узы мене и скорби ждутъ. Но ни едино же попеченіе творю, ниже имамъ душу мою честну себѣ, развѣ еже скончати теченіе мое съ радостію, и службу, юже пріяхъ отъ Господа Іисуса, засвидѣтельствовати Евангеліе благодати Божія.* (Дѣян. XX. 22—24).

Чудный Павле! но если ты уже знаешь, что узы и скорби ждутъ тебя въ Іерусалимѣ, (хотя и не вѣдаешь отъ кого и за что, такъ какъ ты ни предъ кѣмъ ни въ чемъ невиненъ), и если знаешь сіе не по догадкамъ и заключеніямъ, которыя, хотя выводятся изъ обстоятельствъ, могутъ оказаться не вѣрными чрезъ перемѣну, или отъ не точнаго познанія обстоятельствъ, но знаешь

по свидѣтельству Духа Святаго, изрекаемому Его Пророками, въ непогрѣшительности коего ты не можешь сомнѣваться: кто же тебя гонитъ въ Іерусалимъ, когда ты еще на свободѣ? Никто, говоритъ онъ, кромѣ того, что я связанъ Духомъ. *Связанъ духомъ, гряду въ Іерусалимъ.*

Что такое *связанъ духомъ?* Неужели подлинно Духъ влечетъ въ Іерусалимъ на страданія, какъ узника въ темницу?—Нѣтъ. Ибо мы видимъ, что когда люди, ему преданные, со слезами *молили* его *не всходити ему въ Іерусалимъ*, онъ отвѣчалъ не то, что дѣлаетъ сіе по необходимости, по неволѣ, но утверждалъ, что дѣлаетъ то, что хочетъ, и къ чему готовъ по доброй волѣ. *Отвѣщавъ же Павелъ, и рече: что творите плачуще и сокрушающе ми сердце? азъ бо не точію связанъ быти хощу, но и умрети во Іерусалимѣ готовъ есмь за имя Господа Іисуса.* (Дѣян. XXI. 12. 13).

Какимъ же образомъ сей,—незнаю, какъ назвать его,—свободный, можетъ быть, невольникъ, *связанъ* былъ *духомъ*, такъ что шелъ во Іерусалимъ на страданіе, какъ агнецъ на жертву, и былъ однакоже такъ доволенъ въ семъ состояніи, какъ агнецъ на тучной пажити? Павелъ былъ связанъ и веденъ духомъ, подобно тому, *какъ Іисусъ возведенъ бысть духомъ въ пустыню по своемъ крещеніи.* Подъ сіе полномощное водительство и управленіе духа, подошелъ Святый Павелъ, дѣятельно слѣдуя тому же умозрѣнію, и тѣмъ же правиламъ, которыя преподавалъ другимъ, когда говорилъ Христіанамъ: *Духъ Божій живетъ въ васъ* (Кор III. 16) и потому *Духа не угашайте* (1 Сол. V. 19);—*аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ* (Гал. V. 25);—*духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте,* (ст. 16), подобно какъ и Св. Петръ училъ души очищать *въ послушаніи истины духомъ.* (1 Петр. I. 22)

По той мѣрѣ, какъ отказываютъ въ удовлетвореніи похотямъ плоти, плоть умираетъ для грѣха, и духъ оживаетъ для правды, или добродѣтели. Чѣмъ охотнѣе и вѣрнѣе слѣдуютъ добрымъ побужденіямъ оживающаго духа, или, по выраженію Св. Петра: *души очищаютъ въ послушаніи истины духомъ,* тѣмъ болѣе священный огонь духа возгарается, свѣтъ его просіяваетъ, онъ идетъ отъ силы въ силу, такъ, что иногда, въ минуты восторга, не только всѣ плотскія похоти, но и всякое желаніе собственной воли человѣческой связуетъ, оставляетъ въ бездѣйствіи, какъ бы въ плѣну, или въ узахъ, и только чис-

тымъ мудрованіемъ духовнымъ, только любовію Божественною, только преданностію волѣ Божіей, едва, такъ сказать, прикасающагося землѣ человѣка водитъ и носитъ, куда призываетъ Богъ, и законы царствія Его; хотя бы для сего надлежало идти сквозь огнь и воду, сквозь страданіе и смерть. О блаженный плѣнъ! О сладкія узы! Неограниченно свободная неволя! Высоковладычественное рабство! Ибо что есть плѣнъ духа, какъ не все побѣждающее убѣжденіе истины? Что суть узы духа, развѣ крѣпко всеобъемлющая любовь? Добровольная неволя самоотверженія есть совершенная воля Божія, и глубочайшее порабощеніе закону духа есть высокое право гражданства въ Царствіи Божіемъ, котораго послѣдняя цѣль есть не та, чтобы поработить свободныхъ, но чтобы рабовъ содѣлать свободными, и даже царями и іереями Богу нашему. Посему плѣнникъ и узникъ духа не захочетъ расторгнуть свои узы, или выступить изъ своего плѣна, ни для какой свободы плоти, ни для какого владычества въ мірѣ, ни по какому побужденію человѣческому, какъ бы оно ни казалось благовиднымъ.

Сходны ли съ истиною сіи понятія о состояніи связаннаго духомъ, судите сами по собственнымъ словамъ Апостола: *Ии едино*, говоритъ онъ, *попеченіе творю, ниже имамъ душу мою честну себѣ*, то есть, не дорожу моею жизнію, *развѣ еже скончати теченіе мое съ радостію, и службу, юже пріяхъ отъ Господа Іисуса, засвидѣтельствовати Евангеліе благодати Божія*.

Примѣчайте, Христіане, въ указанныхъ теперь примѣрахъ образъ, или, по крайней мѣрѣ, важную отличительную черту вѣрнаго служенія Богу, которая есть рѣшительная, безусловная, ни чѣмъ не воспящаемая готовность творить волю Божію и дѣла Царствія Божія: и потомъ, обратясь къ себѣ, испытуйте, сохраняете ли вы въ себѣ таковое расположеніе вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, не говорю, въ случаяхъ трудныхъ и чрезвычайныхъ, сохраняете ли оное въ самыхъ обыкновенныхъ и всѣмъ общихъ дѣлахъ служенія Богу.

Насъ не призываютъ прославить вѣру чудесами; не посылаютъ безоружныхъ для укрощенія жестокихъ враговъ, не ведутъ во узахъ духа въ узы желѣзныя за имя Христово.—Просто приглашаетъ насъ вѣра посѣтить болящаго, безпомощнаго. Дѣло доброе, говоримъ мы: желательно, чтобы оно дѣлалось; но при нынѣшнемъ устройствѣ и обычаяхъ общежитія оно неудобно и подвержено пререканіямъ и другимъ непріятностямъ.

Евангеліе посылаетъ насъ искать примиренія со врагомъ: желательно, говоримъ мы; но по нынѣшнему образу мыслей сіе унизило бы насъ въ глазахъ другихъ, и было бы принято или за дѣйствіе слабости духа, или за признаніе нашей вины, которой мы за собою не знаемъ.

Зовутъ насъ въ храмъ на богослуженіе; кажется, мы готовы; однако, во время вечерней молитвы мы еще заняты мірскими дѣлами или забавами; до утренней часто не допускаетъ сонъ; къ дневному Богослуженію не спѣшимъ, а изъ храма торопимся. О Господи! Домъ молитвы Твоея нынѣ походитъ на гостинницу, въ которую входятъ, и изъ которой выходятъ, когда кому случится. Послушайте вы, которые, видно, еще не знаете того чувства, по которому Давидъ *едино просилъ отъ Господа, еже жити въ дому Господни, зрѣти красоту Господню, и посѣщати храмъ святый Его* (Псал. XXVI. 4): знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, приличія вашихъ собственныхъ домовъ? Понравилось ли бы тебѣ, если бы званные къ извѣстному часу на твой обѣдъ одинъ по другомъ приходили уже по начатіи обѣда, и одинъ по другомъ уходили прежде окончанія онаго? Подумай же, какъ взираетъ на тебя Великій Домовладыка и Угоститель, Который предлагаетъ здѣсь Свою Божественную трапезу, когда ты по собственному нерадѣнію исключившій себя изъ числа причастниковъ оныя, и сдѣлавшійся только зрителемъ, входишь и выходишь безвременно, топотомъ ногъ твоихъ возмущаешь священное безмолвіе, и похищаешь у слушающихъ слово Божіе, котораго самъ не хочешь слушать, наконецъ, когда еще на семъ престолѣ Царь славы является въ таинственномъ тѣлеси Своемъ, ты безстыдно и безстрашно дерзаешь обратить къ нему тылъ и удалиться?

Жаловался нѣкогда Господь на дремлющихъ учениковъ своихъ: *тако ли невозмогосте единаго часа побдѣти со Мною* (Матѳ. XXVI. 40) Но ихъ могло извинять и пустое мѣсто, и отлученіе отъ нихъ Господа, и ночь, и предшествовавшее дневное утомленіе, какъ и Самъ Онъ свидѣтельствовалъ, что *духъ* ихъ былъ *бодръ, плоть же немощна*. Коль велико должно быть Его негодованіе, когда мы здѣсь въ признаваемомъ нами таинственномъ Его присутствіи, во свѣтѣ дня, при возбуждающемъ гласѣ общественной молитвы, не возбуждаемся, не выдерживаемъ назначеннаго для Богослуженія часа, и сіе не по немощи плоти, но потому, что

дремлетъ облѣнившійся духъ и не связуетъ плоти, своевольной, ищущей суетнаго разсѣянія!

Христіане! будьте судіями сами себѣ прежде суда Божія. Какъ бы кто ни былъ къ себѣ пристрастенъ. можно ли присудить себѣ вѣчность блаженной награды, когда мы одного часа не хотимъ прилежно послужить Царю и Мздовоздаятелю вѣчности? Оттрясемъ же сонъ и лѣность; возбудимся къ вѣрному, постоянному, и не ослабному служенію предъ Богомъ, къ исполненію воли Его, не смотря на трудности, не развлекаясь суетными мнѣніями: а для сего укрѣпимся связать плоть духомъ, и ея похотей не совершать, ея дѣянія пресѣкать, дабы водимые духомъ любви Божественной, могли мы и настоящей жизни теченіе съ радостію скончать, и въ нескончаемую радость Господа нашего внити. Аминь.

1828 годъ.

CXC.

38. Слово

въ день рожденія Ея Величества Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

(Говорено въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ 1-го іюля)

Туне пріясте, туне дадите. Матѳ. X. 8.

И Господь завѣщаваетъ Апостоламъ безкорыстіе, когда говоритъ: *туне пріясте, туне дадите.* И церковь, восхваляя память Чудотворцевъ-Безсребренниковъ, напоминаетъ намъ завѣщаніе Господне о безкорыстіи. Примемъ напоминаніе, помыслимъ о исполненіи завѣщанія.

Безкорыстіе есть расположеніе дѣлать добро, безъ желанія собственной корысти.

Впрочемъ, осмотрительно надлежитъ различать истинное, Христіанское, духовное безкорыстіе отъ мнимаго, мірскаго, наружнаго. Судія, который не требуетъ мзды за дѣло правосудія и не принимаетъ даровъ, почитается безкорыстнымъ, но онъ можетъ быть не таковъ истинно, какимъ почитается. Если онъ поступаетъ безкорыстно только для того, чтобы получить славу безкорыстія, или заслужить награду отъ земной власти: въ такомъ случаѣ онъ безкорыстенъ только наружно, предъ глазами людей, а не въ духѣ, предъ очами Божіими; самочестіе составляетъ монету, которою онъ платитъ себѣ за свое безкорыстіе; надежда награды есть залогъ, подъ который онъ отдаетъ въ долгъ свое безкорыстіе.

Поелику истинное безкорыстіе есть расположеніе духовное; то какъ наружное безкорыстіе не есть истинно, когда не соединено со внутреннимъ, такъ напротивъ внутреннее безкорыстіе не есть еще ложно, а можетъ быть истинно, хотя и не сопровождается наружнымъ нестяжаніемъ. Самуилъ оказался совершенно безкорыстнымъ предъ Богомъ и предъ народомъ еврейскимъ, когда *рече Самуилъ къ людемъ: свидѣтель есть Господь въ васъ, и свидѣтель Христосъ Его днесь въ сей день, яко ничтоже обрѣтосте въ руку моею; и рѣша людіе: свидѣтель* (1 Цар. XII. 5)! И такимъ оказаться не препятствовало ему то, что нѣкогда Саулъ не смѣлъ явиться къ нему, пока не нашлась *четвертая часть сикля сребра*, чтобы *дать* сему *человѣку Божію* (IX. 8), и притомъ въ такомъ случаѣ, когда нужно было вопросить его именно какъ пророка.

Итакъ христіанинъ всегда можетъ упражняться въ духовномъ безкорыстіи, каковы бы ни были его наружныя обстоятельства и мірскія отношенія. Христіански безкорыстенъ тотъ судія, который также не корыстуется самохваленіемъ или почестями, какъ и дарами, а творитъ дѣло правосудія изъ любви къ правдѣ, изъ любви къ ближнему, съ благоговѣйнымъ помышленіемъ, *яко судъ Божій есть* (Втор. I. 17). Безкорыстенъ наставникъ, который въ преподаваніи, наставленіи и руководствованіи послушника ищетъ только блага его, а не благодарности, спасенія, а не уваженія. Безкорыстенъ и послушникъ, если ревнуетъ о дѣлахъ послушанія не ради преимуществъ или возвышенія, но ради заповѣди и примѣра Того, Который *послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. II. 8). Можетъ быть безкорыстенъ и владѣлецъ,—именно, когда онъ отрекается отъ

умноженія своихъ доходовъ, не желая отягчить иго подручныхъ, и купецъ, когда, довольствуясь умѣреннымъ прибыткомъ, не домогается прибыли на прибыль, или когда предпочитаетъ маловыгодную торговлю вещами нужными и полезными прибыточной торговлѣ такими предметами, кои доставляютъ пищу только прихотямъ, страстямъ и порокамъ, и самый наемникъ безкорыстенъ, когда, заработывая насущный хлѣбъ и одежду для себя и своего семейства, не усиливается возвысить свою плату до того, чтобы копить или роскошествовать. Но какъ есть родъ безкорыстія въ самомъ пріобрѣтеніи: такъ напротивъ опасаться должно своекорыстія въ самомъ раздаяніи.

Только тотъ раздаятель милостыни безкорыстенъ, у котораго, по наставленію Господню, *не вѣсть шуйца, что творитъ десница* (Мѳ. VI. 3), который, отдавая правою рукою долгъ человѣколюбія, не держитъ въ лѣвой счетнаго листа своихъ добродѣтелей.

Спаситель наипаче заповѣдуетъ безкорыстіе въ дѣлахъ духовныхъ и особенною помощію благодати Божіей совершаемыхъ. *Ходяще проповѣдуйте, глаголюще, яко приближися царствіе небесное. Болящія исцѣляйте, прокаженныя очищайте, мертвыя воскрешайте, бѣсы изгоняйте. Туне пріясте, туне дадите.* (Матѳ. X. 7. 8).

Въ основаніе святаго безкорыстія облагодатствованныхъ человѣковъ, Онъ полагаетъ чистѣйшее безкорыстіе Божіе въ раздаяніи благодати. *Туне пріясте, туне дадите.* Какъ получили вы благодать Апостольства и даръ чудотворенія? Пріобрѣли ли вашими подвигами? Заслужили-ль вашими добродѣтелями? Нѣтъ! Подвиги земнородныхъ, земными силами совершаемые, не могутъ достигнуть до неба; добродѣтели сыновъ Адамовыхъ никогда не могутъ покрыть грѣховъ ихъ, кольми паче заслужить награду Божественную. Благодать Божія, какъ и все Божіе, столь безцѣнна, что высочайшія и совершеннѣйшія твари не имѣютъ ничего достойнаго, чтобы воздать за малѣйшій изъ даровъ ея. Потому и нарицается она благодатію, что дается единственно по благости Божіей. Если такъ вы ее получили, то такъ и употребляйте. Воздайте ея раздаятелю хотя тѣмъ однимъ, чтобы преподавать оную другимъ вѣрно, по Его намѣренію. Не назначайте на землѣ цѣны тому, что на небесахъ цѣны не имѣетъ. Не повредите чистѣйшаго дара нечистотою вашего своекорыстія. *Туне пріясте, туне дадите.*

Я сказалъ: не повредите дара своекорыстіемъ. Подлинно, какъ тонкое врачебное вещество повреждается въ нечистомъ сосудѣ, такъ духовно-врачебная или спасительная сила благодати не можетъ сохраниться въ душѣ, неочищенной отъ своекорыстія. Валаамъ двукратнымъ посольствомъ царя Моавскаго призываемъ былъ проклинать Израиля: *отвѣща Валаамъ и рече княземъ Валаковымъ: аще ми дастъ Валакъ полну храмину свою злата и сребра, не могу преступить слово Господа Бога, еже сотворити то мало или велико въ разумѣ моемъ* (Числ. XXII. 18). Пока сохранялъ онъ себя въ семъ безкорыстіи, онъ имѣлъ чистыя видѣнія и пророчествовалъ. Но когда совратился отъ онаго, тогда сей тайнозритель и пророкъ сдѣлался учителемъ разврата и погибъ въ общемъ наказаніи съ развратными. И одинъ изъ двѣнадцати избранныхъ между избранными отъ Самаго Сына Божія, очевидно пріявшій общую съ прочими благодать проповѣдывать царствіе Божіе, исцѣлять, воскрешать,—какъ сей проповѣдникъ царствія Божія другимъ, потерялъ оное для себя? Какъ сей исцѣлитель заразился самъ неизцѣльно? Какъ сей воскреситель умеръ безъ надежды воскресенія? Какимъ образомъ зло успѣло сдѣлаться въ немъ столько ядовито и смертоносно, сколь цѣлебна и живоносна была благодать? Не знаемъ другаго яда, которымъ бы могла быть отравлена въ Іудѣ жизнь Апостольская, и безвозвратно погублена жизнь человѣческая, кромѣ яда корыстолюбія *татьбы*.

Можетъ быть, многіе изъ слышащихъ сіе думаютъ, что сіе мало до нихъ касается, какъ такихъ людей, которые не получили даровъ ни пророческихъ, ни Апостольскихъ, ни чудотворческихъ. Не такъ мнѣ кажется, братія! Многое, мнѣ кажется, и мы съ вами туне пріяли. Не туне ли ты пріялъ отъ Бога жизнь естественную въ рожденіи твоемъ и благодатную въ крещеніи? Какими подвигами заслужилъ ты то, что, по провидѣнію Божію, наслѣдовалъ отъ родителей, имѣніе ли то или званіе? Купилъ ли ты душевныя и тѣлесныя способности, чрезъ развитіе и употребленіе которыхъ дѣлаешь твои дѣла и пользуешься жизнію? Если ты имѣешь въ жизни спокойствіе, изобиліе, радость: не Богъ ли благословилъ тебя всѣмъ симъ? Если что и трудами пріобрѣлъ ты: не провидѣніе ли Божіе доставило къ тому случаи, направило средства, отвратило препятствія? *Что имаши*, вопрошаю съ Апостоломъ, *его же нѣси пріялъ* (1 Кор. IV. 7)? И если ты сколько нибудь позналъ свою

ничтожность—*что имаши, его же нѣси пріялъ туне*, по благости и милосердію Божію!

А потому можно и къ каждому изъ насъ обратить слово Господне: *туне пріясте* многое, *туне дадите*, хотя не многое, что можете. Старайтесь не быть своекорыстны въ дѣлахъ вашихъ, чтобы всеблагій Богъ умножилъ вамъ свою безкорыстную благодать. Не все для своей выгоды или чести, не все для награды: дѣлайте что-нибудь доброе для самаго добра, для любви къ ближнему, для исполненія воли Божіей,—о, если бы и все для сего единственно! Вѣкъ сей сильно зараженъ своекорыстіемъ: ни крошки безъ денегъ. ни шага безъ платы, ни черты пера безъ награды. Не увлекайтесь потокомъ суеты, *не сообразуйтесь вѣку сему*. Исполняйте волю царя земнаго по долгу вѣрности, а не по желанію воздаянія, хотя онъ праведенъ и щедръ въ наградахъ своихъ; творите волю Царя небеснаго въ духѣ сыновней любви, послушные даже до смерти: не присвояйте себѣ и самой жизни:—довольно, что у *Него источникъ живота* который и для васъ не изсякнетъ. Аминь. [1])

CXCI.

39. Слово

въ недѣлю двенадесятую, при посѣщеніи города Коломны.

(Говорено 5-го августа.)

Сказую же вамъ, братіе, благовѣствованіе, еже благовѣстихъ вамъ, еже и пріясте, въ немже и стоите, имже и спасаетеся, кацѣмъ словомъ благовѣстихъ вамъ, аще содержите: развѣ аще не всуе вѣровасте I Кор. XV. 1. 2.

Если св. Апостолъ Павелъ братіямъ своимъ, чадамъ церкви Коринѳской, *сказуетъ благовѣствованіе*, которое уже благовѣ-

---

[1]) По Евреиновскому сборнику за симъ слѣдуетъ «Слово по освященіи Покровской церкви, что въ городѣ Коломнѣ, августа 4 дня», которое, въ виду незначительной разницы его съ произнесеннымъ по освященіи храма св. Николая, въ Перервинскомъ монастырѣ, въ 1841 году (Собр. 1848 г. т. II, стр. 82), отлагаемъ до напечатанія подъ симъ годомъ.

стилъ имъ, то есть, напоминаетъ, повторяетъ, подтверждаетъ Евангельское ученіе, прежде преподанное, и уже извѣстное: то прилично и нужно, чтобы и мы братія святыя, соборныя, и апостольскія церкви, тоже пріявшіе благовѣствованіе, и того же служенія причастниками по благодати Божіей содѣлавшіеся, признавая свое несовершенство и недостаточество, благовременно другъ другу напоминали, повторяли, подтверждали Евангельское ученіе, которому при святомъ крещеніи обѣщались вѣровать и послѣдовать; и слѣдственно не по Апостольскому чину то дѣлается, что нѣкоторые наставники преподавать и нѣкоторые братія церквей слушать Евангельское ученіе нерадятъ, не опасаясь погрѣшностей и заблужденій отъ невѣжества, не страшась осужденія за нерадѣніе. Сего безпорядка страшась, а порядку и примѣру Апостольскому послѣдуя, не посланіемъ изъ далека, но лицемъ къ лицу съ вами бесѣдуя, какъ посланникъ церкви, *сказую вамъ, братіе, благовѣствованіе,* отъ предковъ еще вамъ благовѣщенное.

Апостолъ прежде, нежели произноситъ самое содержаніе своего благовѣствованія, приготовляетъ къ оному вниманіе Коринѳянъ, описывая нѣкоторыя обстоятельства онаго. Какое же сіе благовѣствованіе? *Еже пріясте,* говоритъ онъ, *въ немже и стоите, имже и спасаетеся.* Нѣтъ сомнѣнія, что и ваше, братія, вниманіе сильно возбуждается, когда слышите, что хотятъ сказать вамъ благовѣствованіе, чрезъ которое можно спастися. Кто не желаетъ спастися? А желая спастися, кто не пожелаетъ узнать вѣрное средство получить спасеніе? Будьте же внимательны къ ученію Апостола, который возвѣщаетъ вамъ сіе вѣрное средство для сей вожделѣнной цѣли, который сказуетъ вамъ благовѣствованіе, *имже спасаетеся.*

Вотъ какъ онъ, продолжая свою бесѣду къ Коринѳянамъ, излагаетъ самую сущность своего спасительнаго благовѣствованія: *предахъ бо вамъ исперва, еже и пріяхъ, яко Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради, по писаніемъ: и яко погребенъ бысть, и яко воста въ третій день по писаніемъ* (1 Кор. IV. 3. 4). Вотъ, братія, въ чемъ состоитъ апостольское благовѣствованіе, которымъ спасаются истинные христіане; оно все состоитъ въ сихъ немногихъ словахъ, что Христосъ умеръ за грѣхи наши, и воскресъ въ третій день, сообразно съ тѣмъ, какъ сіе предсказано было въ писаніяхъ пророческихъ. Кто узналъ благовѣствованіе о спасительной смерти и живоносномъ воскресеніи Хри-

стовомъ:—тотъ узналъ вѣрное средство къ своему спасенію. Кто симъ благовѣстіемъ воспользуется, какъ должно:—тотъ непремѣнно спасется.

Какъ? скажутъ нѣкоторые,—неужели такъ кратокъ путь ко спасенію? Подлинно, братія, безконечный въ милосердіи Богъ дивно сократилъ намъ грѣшнымъ путь спасенія, смертію и воскресеніемъ Единороднаго Сына Своего Іисуса Христа. Ибо тогда, какъ всѣ мы, чрезъ грѣхъ прародителей нашихъ, отъ сопредѣльнаго съ небомъ рая удалились къ самымъ предѣламъ ада, І. Христосъ въ смерти Своей отверзъ намъ ближайшій ходъ въ рай, что и возвѣстилъ Самъ, еще со креста Своего сказавъ покаявшемуся разбойнику: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII. 43), а воскресеніемъ Своимъ, *восходя къ Отцу Своему* по естеству, по благодати же и *Отцу нашему*, открылъ намъ съ Собою входъ и въ самое небо, такъ что, по сказанію Апостола, Богъ Отецъ *сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеньми*, по вѣрѣ, *сооживи Христомъ*, и по упованію, *съ Нимъ воскреси и посади на небесныхъ* (Ефес. II. 5. 6). Надобно только, чтобы каждый изъ насъ свободно и рѣшительно вошелъ въ тотъ порядокъ, какимъ спасительное для всѣхъ благовѣствованіе о смерти и воскресеніи Христовомъ ведетъ ко спасенію каждаго.

На сей порядокъ указываетъ Апостолъ, когда Коринѳянамъ о своемъ благовѣствованіи говоритъ: *еже и пріясте, въ немже и стоите, имже и спасаетеся, какъимъ словомъ благовѣстихъ вамъ, аще содержите*. Изъ сихъ словъ ясно видно, что для достиженія спасенія каждому надобно, во первыхъ, принять спасительное благовѣствованіе; во вторыхъ, твердо стоять въ семъ благовѣствованіи; въ третьихъ, содержать оное такъ точно, какъ оно преподано.

Принятіе спасительнаго благовѣствованія не въ томъ только состоитъ, чтобы умомъ признать благовѣствованіе за истинное. Умъ есть око души, ему свойственно усматривать истину и различать отъ лжи, а принимать и, такъ сказать, усвоивать оную есть дѣло сердца и воли. По сему Апостолъ принятіе спасительнаго благовѣствованія описываетъ такъ: *аще исповѣси усты твоими Господа Іисуса, и вѣруеши въ сердцѣ твоемъ, яко Богъ Того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися: сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе* (Рим. X. 9. 10). Къ вѣрованію сердцемъ онъ присовокупляетъ

исповѣданіе устами, потому что, какъ сказалъ Самъ Начальникъ спасенія: *отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Мѳ. XII. 34): и потому если сердце твое исполнено духомъ вѣры, силою спасительнаго благовѣстія, то, безъ сомнѣнія, и уста твои отрыгнутъ исповѣданіе спасенія во время благопотребное; а если ты не имѣешь ревности исповѣдать вѣру твою во свидѣтельство истины, то сіе показываетъ, что сердце твое недовольно исполнено силою вѣры, что спасительное благовѣстіе не совершенно тобою принято. Но какъ и устное исповѣданіе можетъ быть явленіемъ вѣры несовершеннымъ, и даже ничтожнымъ, поелику нѣкоторые, какъ обличаетъ Апостолъ, *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его* (Тит. I. 16): то дѣйствительно принятое благовѣстіе, согласно съ устами, должно быть исповѣдуемо дѣлами вѣры и всею жизнію христіанскою. Если вы пріемлете, что *Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради* (1 Кор. XV. 3): то, по Апостолу, и *вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Да не царствуетъ убо грѣхъ въ мертвенѣмъ вашемъ тѣлѣ, во еже послушати его въ похотѣхъ его* (Рим. VI. 12. 13). Если пріемлете, что Христосъ, *Иже преданъ бысть за прегрѣшенія наша, и воста за оправданіе наше* (IV. 25): то вы *представляйте себе Богови, яко отъ мертвыхъ живыхъ, и уды ваша оружія правды Богови* (VI. 13). *Аще воскреснусте со Христомъ,—вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя: горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. III. 1. 2).

Изъ сказаннаго теперь о принятіи благовѣствованія само собою открывается, что сіе принятіе не должно быть дѣйствіемъ преходящимъ, но что принятое благовѣствованіе должно сохранять постоянно, или, по выраженію Апостола, *стоять въ ономъ*. Богъ Спаситель нашъ есть вѣченъ, и спасеніе уготовляетъ намъ вѣчное: но все непостоянное, колеблющееся и преходящее противорѣчитъ самому понятію вѣчности, и потому не достигнетъ вѣчности: слѣдственно въ порядкѣ спасенія по необходимости заключается, чтобы человѣкъ всемѣрно старался содѣлать въ себѣ постоянными тѣ свойства и расположенія духа, которыя требуются въ немъ, какъ приготовленіе ко спасенію. *Буди вѣренъ даже до смерти и дамъ ти вѣнецъ живота*, глаголетъ въ откровеніи Живущій во вѣки, не одному *Ангелу церкви Смирнскія*, и не однимъ *имѣющимъ скорбь* мученическую, но всѣмъ

подвизающимся для спасенія: ибо *Духъ глаголетъ* ко всѣмъ *церквамъ* (Апок. II. 10. 11).

Сверхъ постоянства вѣры въ ея продолженіи, Апостолъ указуетъ еще неизмѣнность ея въ качествѣ, какъ особенное условіе спасенія, *Спасаетеся*, говоритъ, *коимъ словомъ благовѣстихъ вамъ, аще содержите*; вы спасаетесь чрезъ благовѣствованіе въ томъ только случаѣ, когда содержите оное точно въ томъ словѣ, какимъ я благовѣстилъ оное. Дабы опредѣлить, что разумѣетъ здѣсь Апостолъ подъ именемъ *слова*, различимъ *слово слуха, слово письмени и слово разума*. Одно *слово слуха* Апостолъ признаетъ безполезнымъ, когда говоритъ объ Израильтянахъ, что *не пользова онѣхъ слово слуха не растворенное вѣрою слышавшихъ* (Евр. IV. 2). А упорно содержимое *слово письмени* онъ почитаетъ даже убійственнымъ: *писмя убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. III. 6). Итакъ слово, которое содержать неизмѣнно находитъ онъ необходимымъ для спасенія, безъ сомнѣнія, есть *даемое духомъ святымъ слово разума* (1 Кор. XII. 8), самый духъ благовѣствованія, самая сущность вѣры, главные догматы, коренныя правила христіанства. Ихъ-то надобно содержать такъ точно, какъ оныя намъ преданы отъ апостоловъ Христовыхъ, яко божественный глаголъ вѣры, яко духовное слово разума. Должно содержать оныя такъ, чтобы мы и не увлекались *словомъ слуха*, когда оно не имѣетъ свидѣтельства отъ божественнаго писанія, или, какъ иначе изъясняется Апостолъ, чтобы мы не *скитались всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней лщенія* (Еф. IV. 14), и чтобы безъ разума не привязывались къ *слову письмени*, когда оно не отъ животворящаго духа Евангельскаго происходитъ, и не приготовляетъ насъ къ принятію сего духа.

Се, подъ руководствомъ Апостольскимъ, вкратцѣ напоминательно, *сказалъ я вамъ, братіе, благовѣствованіе, еже благовѣстиша* намъ богомудрые отцы наши, *еже*, какъ то видимо есть, *и пріясте, въ немже*, уповательно, *и стоите, имже*— о, если бы и остальное могъ я присовокупить съ полною увѣренностію о всѣхъ васъ! *имже и спасаетеся*! Ведутъ меня къ вожделѣнному о васъ упованію и чистое исповѣданіе вѣры, вами содержимое, и святыми ея таинствами въ васъ запечатлѣваемое, и древнее благочестіе, плодоношеніемъ и добродѣяніемъ во святыхъ храмахъ, и дѣлами человѣколюбія, до нынѣ между

вами свидѣтельствуемое. Но какъ и водимые Богомъ руководители наши, доколѣ были на землѣ, не почитали себя достигшими совершенства въ дѣлѣ спасенія: то кольми паче намъ должно со страхомъ и трепетомъ спасеніе свое содѣлывать, и святою заботливостію помышлять даже о томъ, положили-ль мы благое начало нашего спасенія. *Себе искушайте*, скажу вновь съ Апостоломъ, *аще есте въ вѣрѣ* (2 Кор. XIX. 5); испытывайте себя часто, внимательно, точно ли пріяли въ сердце вы духъ вѣры, кося исповѣданіе носите въ устахъ молитвословящихъ или славословящихъ; утвердилось ли сердце ваше во Господѣ, за васъ Умершемъ и для васъ Воскресшемъ; дѣйствуетъ ли ваша вѣра во всемъ житіи вашемъ; живетъ ли во всѣхъ дѣлахъ вашихъ; и таковымъ испытаніемъ, какъ истинные ученики Евангелія, ежедневно поощряйте себя къ новымъ успѣхамъ въ ученіи Хрістовомъ.

Не пропустите въ семъ самоиспытаніи безъ особеннаго вниманія и того, на что Апостолъ особеннымъ образомъ обращаетъ испытательное вниманіе Коринѳянъ: *аще содержите* благовѣствованіе въ точности, *какѣмъ словомъ благовѣстихомъ* намъ въ началѣ сами Апостолы Хрістовы, а потомъ вѣрные преемники служенія ихъ. Ибо, къ прискорбію, недалеки отъ насъ примѣры того, что люди, которые въ предкахъ своихъ однимъ съ нами благовѣствованіемъ о Хрістѣ Іисусѣ, отъ единыя Матери, Восточныя Церкви, рождены и воспитаны, теперь не столько содержатъ истинное слово Хрістово и Апостольское, сколько увлекаются лицемѣріемъ лжесловесниковъ, какъ безвесельная лодка вѣтромъ и волнами, либо держатся только слова писмени, не помышляя искать въ немъ слова жизни. Не Хрістово ли слово гласитъ о Церкви, что *врата адова не одолѣютъ ей* (Мѳ. XVI. 18)? А они лжесловесятъ, будто она одолѣна, и почти разрушена. Не Апостольское ли слово увѣряетъ, что Господь *далъ есть пастыри и учители къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія въ созиданіе тѣла Хрістова: дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія* (Ефес. IV. 11—13). А они, сдѣлавъ сами себя безпастырными, силятся увѣрять, будто пастыри уже отняты, не разсуждая, что уничтожая дѣло служенія пастырскаго, лишаютъ себя надежды достигнуть и соединенія вѣры, и познанія Сына Божія, до коихъ должно было довести служеніе пастырей. Не Апостолъ ли говоритъ о таинствѣ тѣла и крови Хрістовы: *елижды аще ясте*

хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ (1 Кор. XI. 26)? А они хотятъ, чтобы сіе прекратилось прежде, нежели пришелъ Господь. Что можетъ быть рѣшительнѣе, какъ сіе слово Господне: *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. VI. 53)? А они бѣгутъ отъ трапезы Господней, и все еще думаютъ достать себѣ животъ вѣчный мимо сего слова Господня. Не перстомъ ли на нѣкоторыхъ изъ нихъ указуетъ Апостолъ въ сихъ страшныхъ глаголахъ духа: *яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, вонмлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣдніе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину* (1 Тим. IV. 1—3). Но сожженные совѣстію не чувствуютъ силы сихъ огненныхъ глаголовъ духа, и, послѣ столь открытаго обличенія, не стыдятся лицемѣрить въ надеждѣ на невѣжество своихъ послѣдователей, преподаютъ то самое ученіе, которое Духъ Святый приписываетъ отступникамъ отъ вѣры; *возбраняютъ женитися* такъ, что не цѣломудріе тѣмъ сохраняютъ, но распространяютъ развратъ; велятъ *удалятися отъ брашенъ*, снѣдаемыхъ вѣрными и познавшими истину; заповѣдаютъ своимъ ученикамъ искать спасеніе не въ очищеніи своего ума и сердца, но въ отлученіи для себя особой стклянницы и блюда.

Вѣрные и познавшіе истину братія! Въ глазахъ нашихъ одинъ изъ признаковъ послѣднихъ временъ: тѣмъ паче *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся,* вооружаясь, впрочемъ, противъ разномыслящихъ не враждою, но молитвою и любовію: *вся вамъ любовію да бываютъ* (1 Кор. XVI. 13. 14). Аминь.

CXCII.

40. Слово

въ день торжественнаго вѣнчанія и священнаго помазанія Благочестивѣйшаго Императора Николая Павловича.

(Говорено въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ 22 Августа)

И истина моя и милость моя съ нимъ.
Псал. LXXXVIII. 25.

Въ псалмѣ, изъ котораго взяты сіи слова, нѣсколько разъ упоминается о милости такъ, что къ ней присоединяется истина. Въ самомъ началѣ псалма, Псалмопѣвецъ восклицаетъ къ Богу: *милости Твоя, Господи, во вѣкъ воспою: въ родъ и родъ возвѣщу, истину Твою усты моими* (2). И далѣе:—*въ вѣкъ милость созиждется: на небѣсѣхъ уготовится истина Твоя* (3). И еще: *милость и истина предъидетъ предъ лицемъ Твоимъ* (15). Потомъ, изображая Божія обѣтованія избранному, вознесенному и помазанному въ Царя Давиду, Псалмопѣвецъ между прочимъ говоритъ о немъ отъ лица Божія. *И истина Моя и милость Моя съ нимъ.* И еще далѣе, о потомкахъ Давида говорится также отъ лица Божія: *милость Мою не разорю отъ нихъ, ни преврежду во истинѣ Моей* (34). Изъ сего послѣдняго изрѣченія можно примѣчать, что пророкъ говорилъ о милости Божіей, смотря на дары и обѣтованія Божіи, а о истинѣ, смотря на исполненіе сихъ обѣтованій. Милость Божія была съ Давидомъ, когда Богъ даровалъ ему царство, утвердилъ оное, распространилъ, особенно, когда съ клятвою изрекъ о немъ сіе безпримѣрное обѣтованіе: *сѣмя его во вѣкъ пребудетъ, и престолъ его, яко солнце предо Мною* (37). Истина Божія пребыла съ Давидомъ, когда Соломонъ и дальнѣйшіе потомки его благословенно царствовали надъ народомъ Божіимъ, наипаче же, когда Іисусу Христу *далъ Господь Богъ престолъ Давида Отца Его, и Онъ воцарился въ дому Іаковли во вѣки* (Лук. I. 32. 33).

Какъ бы то ни было, нельзя не примѣтить въ изрѣченіяхъ Псалмопѣвца особеннаго усилія показать милость въ тѣсномъ союзѣ и неразлучномъ сочетаніи съ истиною на небѣ и на землѣ. Тамъ возводитъ онъ сію священную чету къ самому Богу и рядомъ поставляетъ въ подпоры престола Его, и въ предтечи лица Его; здѣсь также представляетъ истину и милость въ одинаковой близости къ Царю, который долженъ быть возвышенъ и прославленъ: *и истина Моя, и милость Моя съ нимъ, и о имени Моемъ вознесется рогъ его.*

Россіяне! Отъ полнаго сердца воспѣваемъ мы нынѣ милость и истину Божію, явленную въ помазаніи надъ нами Царя, съ Которымъ и истина и милость царствуетъ, не менѣе одна, какъ и другая. Радость наша тѣмъ живѣе, и мы тѣмъ достойнѣе таковаго царствованія, чѣмъ искреннѣе и сами употребляемъ благородныя усилія, не только въ размышленіи, но и въ дѣйствованіи, представлять истину и милость взаимно соединенными, согласными, неразлучными.

Всѣ чистыя и святыя свойства, добродѣтели, совершенства, первоначально и существенно принадлежатъ Богу: а всякой твари, слѣдственно и человѣку, не иначе, какъ по дару, по причастію, по подражанію. Но какъ между свойствами, добродѣтелями, совершенствами Божіими нѣтъ раздѣленія, ни противорѣчія, ни взаимнаго исключенія, а есть всегдашній союзъ, согласіе, и въ безконечной полнотѣ все заключающее въ себѣ единство: то и въ человѣкѣ потолику выше даръ, потолику обильнѣе причастіе дара, потолику вѣрнѣе подражаніе Богу, поколику всѣ чистыя и святыя свойства и добродѣтели, споспѣшествуя одна другой, сливаются въ единую полноту совершенства духовнаго. Посему надобно наблюдать, чтобы истина чрезмѣрною строгостію не изгнала милости, чтобы милость излишнимъ снисхожденіемъ не уклонилась отъ истины.

Прекрасный образъ величества Божія представляетъ уму псалмопѣвецъ, когда говоритъ, что *милость и истина предъидутъ предъ лицемъ Божіимъ*. Подлинно, дабы Богъ явился и былъ познанъ, надобно, чтобы шла предъ лицемъ Его истина Божія, безъ которой не возможно лицезрѣніе и никакое познаніе Божества: и, дабы человѣкъ вошелъ въ блаженное приближеніе къ Богу, надобно, чтобы предварительно шла въ срѣтеніе человѣку милость Божія, безъ которой не только бренный и грѣшный человѣкъ, но и никакая высшая тварь не дерзнула бы при-

близиться къ неприступному Божеству. Истина Божія свѣтитъ уму; милость Божія привлекаетъ сердце; и такимъ образомъ, дѣйствуя обѣ за-едино, приводятъ человѣка къ Богу и блаженству царствія Его. Но сія же истина Божія и сія же милость Божія нисходятъ въ помощь человѣку, долженствующему быть орудіемъ царствія Божія. *И истина Моя*, глаголетъ Богъ, *и милость Моя съ нимъ*. Итакъ, если человѣкъ желаетъ дѣйствовать въ порядкѣ Божественномъ, то да не разлучаетъ онъ истины и милости, кои Богъ соединилъ и для человѣка, да чтитъ умъ его святость истины, тогда какъ его сердце ощущаетъ сладость милости; пусть милость и истина предходятъ предъ лицемъ его, то-есть, являются въ его дѣйствіяхъ, намѣреніяхъ; пусть милость ограждаетъ любящихъ истину, пусть истина снисходитъ къ надѣющимся на милость; пусть милость возвышаетъ достоинство и награждаетъ заслугу, но такъ, чтобы истина опредѣляла мѣру возвышенія и награжденія; пусть истина устрашаетъ и караетъ зло, но такъ, чтобы милость отъ того не ужаснулась; пусть истина предсѣдательствуетъ на судѣ, но пусть *и хвалится милость на судѣ* (Іак. II. 13); пусть истина велитъ обнажить мечь на врага, который на кроткія убѣжденія истины отвѣтствуетъ яростію злобы, но пусть милость возвратитъ праведный мечь въ ножны его, какъ скоро усмиренный или образумленный врагъ покорится убѣжденіямъ истины, и воспроситъ милости.

Да не подумаетъ кто, что законъ соединенія истины съ милостію относится только къ правительствующимъ и владѣющимъ. Онъ простирается далѣе, и, при правильномъ разумѣніи, можетъ и долженъ имѣть свое дѣйствіе и на низкихъ степеняхъ подчиненности. Апостолъ, не различая ни какого званія или должности общественной, говоритъ: *плодъ духовный есть во всякой благостыни и правдѣ и истинѣ* (Ефес. V. 9).

То-есть дѣйствіе духа, или благодати Божіей въ христіанинѣ, кто бы онъ ни былъ, оказывается во всѣхъ возможныхъ случаяхъ благостію, правдою и истиною. Только тотъ дѣйствуетъ по христіански, чьи дѣла ознаменованы вмѣстѣ и кроткою благостію и строгою истиною. Истина безъ благости подобна лунному свѣту, который хотя нѣсколько разгоняетъ тьму, но не согрѣваетъ и не оживляетъ. Благость безъ истины есть добродѣтель слѣпая, которая идетъ на удачу, и часто падаетъ.

Чтобы лучше усмотрѣть безпорядки, происходящіе отъ раз-

лученія истины и милости, укажемъ на нѣкоторые болѣе опредѣленные случаи.

Скупой собираетъ безъ конца, роскошный расточаетъ до конца; и оба думаютъ, что поступаютъ справедливо, на основаніи признанной истины, что кто пріобрѣлъ, тотъ вправѣ и распоряжаться пріобрѣтеннымъ. Можно было бы поспорить съ ними о самой сей истинѣ, если вспомнимъ, что сказалъ Господь при видѣ монеты, ознаменованной образомъ и надписаніемъ Кесаря. *Воздадите*, сказалъ Онъ, *Кесарева Кесареви и Божія Богови* (Мо. XXI. 21). Слова сіи показываютъ, что Онъ признаетъ монету принадлежащею не только имѣющему ее, по праву пріобрѣтенія, но и царю по знаменію власти его на ней, и прежде всѣхъ Богу, сотворившему злато и серебро. Слѣдственно, полный законъ собственности долженъ состоять въ томъ, чтобы пріобрѣтшій сокровище употреблялъ оное частію по волѣ своей на свои нужды, частію по волѣ царя, наипаче же по волѣ Божіей Но и уступая людямъ одну гражданскую истину, за которую они держатся охотнѣе, нежели за Божественную, въ надеждѣ защиты страстямъ своимъ, тѣмъ не менѣе можемъ сказать имъ, что чистая и святая истина отнюдь не будетъ защитницею такихъ поступковъ, которые чужды всякой благостыни. Если они пріобрѣли богатство не хищеніемъ и не обманомъ, то не подлежатъ гражданскому наказанію: вотъ все право, которое можетъ утвердить за ними призываемая ими въ помощь истина. Но если они не употребляютъ богатства своего на благотворенія, то нѣтъ въ нихъ плода духовнаго, или, тоже другими словами, они не суть истинные христіане.

Вотъ мнимая истина внѣ союза съ милостію! Укажемъ и на такіе случаи, гдѣ думаютъ о милости, а забываютъ истину.

Дайте мнѣ должность, награду, почесть, говоритъ безстыдный искатель, и когда ему отвѣчаютъ, что онъ къ искомой должности не приготовленъ, награды или почести не заслужилъ, онъ возражаетъ: сдѣлайте милость. И какъ уже издавна есть люди, которымъ кажется, что исполнить такую просьбу значитъ подлинно сдѣлать милость, и которые сдѣлали сей родъ милости не необыкновеннымъ, то кротость и добродушіе находятся въ затрудненіи отказывать въ такихъ просьбахъ. Призовемъ же истину въ помощь благодѣтельнымъ душамъ, на которыя безъ милости нападаютъ искатели милости. Какъ? Дать должность неспособному — полно, милость ли это? Правда, это милость

потому, что онъ получитъ преимущества и выгоды, соединенныя съ должностію; но съ другой стороны это не милость, поелику онъ поставляется въ опасность, по незнанію должности впасть въ погрѣшности, въ проступки, подвергнуться наказаніямъ. А какая немилость для должности, которая получаетъ неспособнаго исполнителя! Какая немилость для тѣхъ, можетъ быть, очень многихъ, которыхъ спокойствіе, безопасность, довольство, усовершенствованіе зависитъ отъ благоразумнаго и точнаго исполненія сей должности! Какая немилость для цѣлаго общества, въ которомъ такіе случаи поощряютъ неправедное искательство, приводятъ въ уныніе достоинство, возбуждаютъ ропотъ, ослабляютъ ревность къ благоустройству и надежду благосостоянія! Подобнымъ образомъ и награда незаслужившему есть не столько милость одному, сколько несправедливость противъ многихъ. Ибо сколько передано незаслужившему, столько по соразмѣрности оказывается лишенія у заслужившихъ. — И почесть принятыми знаками, изъявляемая истинному достоинству, возвышаетъ человѣка, и вмѣстѣ возвышается человѣкомъ, даруемая щедростію, не противъ истины, возвышаетъ, и еще не унижается; повергаемая на недостойныхъ болѣе унижается, нежели возвышаетъ!

Повторяю, что законъ соединенія истины съ милостію относится не къ однимъ правящимъ, но простирается на всѣхъ христіанъ, и есть вѣрное мѣрило ихъ добродѣтели. Приложимъ оное каждый къ своему состоянію и своимъ дѣяніямъ.

Не домогайся милости, которая оскорбила бы истину, и не вводи во искушеніе блюстителей порядка и правды. Не домогаясь неправильнаго возвышенія, ты оказываешься возвышеннѣе, нежели когда бы возвысился низкими средствами.

Праведно пріобрѣтенное употребляй праведно и милостиво. Искуство все превращать въ золото отнюдь не такъ важно, какъ искуство превращать мертвое золото въ живую и отъ смерти избавляющую добродѣтель.

Подай пищу и одежду не имѣющему и не могущему пріобрѣсти трудомъ: а просящему тунеядцу вмѣсто милостыни подай истину Апостольскаго ученія: *слышимъ нѣкія безчинно ходящія у васъ, ничтоже дѣлающія, но лукавно обходящія. Таковымъ запрещаемъ и молимъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, да съ безмолвіемъ дѣлающе, свой хлѣбъ ядятъ* (2-Сол. III. 11. 12).

Такъ и подобнымъ сему образомъ *милость и истина да срѣтаются* и въ сердцахъ и въ дѣлахъ нашихъ, просвѣщаемые истиною и спасаемые милостію христіане, да и въ обществахъ нашихъ *правда и миръ облобызаются*. (Пс. LXXXIV. 11). Аминь. [1])

1829 годъ.

CXCIII.

41. Слово

во вторникъ недѣли о слѣпомъ. [1])

(Говорено при посѣщеніи города Клина въ тамошнемъ Соборѣ, мая 21 дня)

Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя, дондеже день есть: пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати Іоан. IX 4.

Мимоходомъ обрѣтаюсь я въ семъ богоспасаемомъ градѣ, и хотя желаніемъ поспѣшаю къ предѣлу путешествія, но удержало меня здѣсь воспоминаніе, что въ теченіе осьми лѣтъ седьмой уже разъ нахожусь между вами, а еще очень мало пользовался общеніемъ вашимъ. Привлекаетъ меня къ христолюбивымъ обитателямъ сего града и другое воспоминаніе, что въ сіи годы новою дѣятельностію ознаменовалось усердіе ваше къ

[1]) По Евреиновскому сборнику за симъ слѣдуетъ «Слово по освященіи храма св. Троицы, въ Пушкаряхъ, сентября 2 дня 1828 года», которое, въ виду незначительной разницы его съ произнесеннымъ по освященіи Храма Іоанна Богослова, въ Бронной, въ 1842 году (Собр. 1848 г. Т. II. стр. 71), отлагаемъ до напечатанія подъ симъ годомъ.

[1]) Въ собраніи 1848 года помѣщено Слово при освященіи храма въ Глазной Больницѣ, по мѣстамъ буквально тождественное съ симъ словомъ, но съ большими измѣненіями и дополненіями, въ виду которыхъ печатаемъ то и другое, каждое въ своемъ мѣстѣ.

церкви, въ пробудившейся заботливости о храмѣ, долго созидаемомъ; наипаче же возбуждаетъ меня слово Христа Спасителя, Который и Самъ Себѣ далъ правило, и намъ, аще и недостойнымъ рабамъ Его, преподалъ наставленіе *дѣлать дѣла посольства Его дондеже день есть*, не пропускать благовременности сдѣлать что—нибудь по волѣ Его, во славу имени Его.

Сего ради послѣ общенія съ вами, по возможности въ молитвѣ и тайнодѣйствіи, приступаю нынѣ къ общенію въ словѣ и ученіи общаго нашего спасенія. Слово же и къ вашему возбужденію, аще даруетъ Богъ, употреблю то самое, которое меня нынѣ возбуждаетъ. *Мнѣ*, глаголетъ Господь, *подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя, дондеже день есть; пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати. Егда въ мірѣ есмь, свѣтъ есмь міру* (ст. 4. 5).

Дабы изъ сего изрѣченія извлечь наставленіе, каждому изъ насъ полезное, замѣтимъ, во первыхъ, что Господь возбуждаетъ Себя къ спасительному для человѣчества дѣйствованію по случаю, мимоходомъ внезапно встрѣченному. *Мимо идый*, предваряетъ Святый Евангелистъ, *видѣ человѣка слѣпа отъ рождества* (ст. 1). Слѣпой сидѣлъ и просилъ милостыни. Господь Іисусъ проходилъ мимо. Не видно, чтобы слѣпой призывалъ Его, или просилъ объ изцѣленіи. Не было, по видимому, никакой причины останавливаться, никакой обязанности дѣйствовать. Но Господь останавливается и говоритъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати.* Почему же такъ? Потому что благость побуждаетъ; потому что человѣколюбіе призываетъ; потому что есть случай сдѣлать доброе дѣло; потому что добраго дѣла, которое можно сдѣлать въ теперешній часъ, не должно откладывать до другаго, для котораго есть или будетъ свое дѣло: потому что случай къ добру можетъ пройти, и съ утраченнымъ случаемъ утратилось бы добро, которому онъ благопріятствовалъ.

Примѣчайте, какъ дѣйствуетъ Христосъ; и научайтесь, какъ должно дѣйствовать христіанину.

Немного надобно говорить о томъ, чтобы вы не проходили мимо нищаго, или другимъ образомъ несчастнаго, не оказавъ ему помощи, если можете то сдѣлать, и чтобы не дожидались вопля и слезъ, когда самый видъ несчастія безъ словъ говоритъ о нуждѣ въ помощи. Правило сіе и понятно, и пріятно сердцу не ожесточенному. Довольно упомянуть о семъ.

Есть дѣло болѣе важное, болѣе общее, болѣе каждому изъ

насъ близкое, о которомъ нельзя довольно напоминать, чтобы мы не пропускали, благопріятствующихъ оному случаевъ.

Одного ли Христа послалъ Богъ Отецъ, однихъ ли Апостоловъ избралъ Христосъ, дѣлати дѣла Пославшаго ихъ? И тебя, кто бы ты ни былъ, не послалъ ли миръ сей Богъ, Творецъ твой и Провидецъ путей твоихъ? И если послалъ: то не далъ ли тебѣ и дѣла тебя Пославшій, Который, будучи премудръ въ великомъ и въ маломъ, ничего не дѣлаетъ безъ благой цѣли! Какое же сіе дѣло? Христа, Сына Божія, послалъ Богъ Отецъ; Христосъ избралъ Апостоловъ, чтобы дѣлать дѣло спасенія всѣхъ душъ человѣческихъ вообще, или, по крайней мѣрѣ, всѣхъ, которые согласятся и возжелаютъ получить спасеніе; тебя Богъ послалъ въ міръ сей, тебя Христосъ призвалъ въ церковь Свою, чтобы дѣлать дѣло спасенія, по крайней мѣрѣ, одной собственной твоей души, — дѣло, котораго никогда не сдѣлаешь ты одинъ, самъ собою, безъ Христа, но котораго и Христосъ не совершитъ безъ тебя, потому что Сотворившій тебя даровалъ тебѣ свободу, и также не хочетъ отнять даръ Свой, какъ ты не хочешь потерять свою свободу. Сіе дѣло нѣкогда подъ притчею возвѣщалъ Господь Іудеямъ; о семъ вопрошали они Господа: *что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія?* И получили ясный отвѣтъ: *се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, Его же посла Онъ.* (Іоан. VI. 28. 29). Мы, проходя общимъ для всѣхъ путемъ земной жизни, обыкновенно идемъ къ какой нибудь собственной цѣли. Большею частію путемъ трудовъ и заботъ идутъ къ снисканію пропитанія и довольства; дойдя до сего, продолжаютъ путь къ богатству; богатые стремятся къ знатности; а у иныхъ жизнь походитъ на продолжительную прогулку, не направленную ни къ какой цѣли, кромѣ исканія разнообразныхъ удовольствій. Надобно бы осмотрѣться намъ, сопутники, не прошелъ ли кто изъ насъ мимо собственной своей души, не оставилъ ее безъ попеченія, безъ вниманія, не сидитъ ли твой внутренній человѣкъ, подобно какъ слѣпой на распутіи, — не сидитъ ли онъ во тмѣ и сѣни смертной, не видя свѣта Божія, ни пути спасенія, едва зная имя Христа Спасителя, не извѣдывая надъ собою дѣйствія спасительной силы Его? Христосъ Спаситель не проходитъ мимо никого изъ насъ: въ безконечной премудрости Своей, непрестанно шествуя къ безчисленнымъ цѣлямъ благотвореній и блаженствъ для различныхъ тварей Своихъ, въ тоже время въ безконечномъ милосердіи Своемъ, останавливается

Онъ надъ каждымъ изъ насъ; являясь не ищущимъ Его, и обрѣтаясь не вопрошающихъ о Немъ, Онъ предстоитъ каждому изъ насъ съ готовою спасительною помощію: но мы въ легкомыслии нашемъ, или не познаемъ Его близости къ намъ, или сами пробѣгаемъ мимо Его; либо не пріемлемъ Его помощи, либо принятой не сохраняемъ. Не приближается ли къ намъ вѣчно глаголющее Слово Божіе внутренно,—въ нашей совѣсти, укоряющей за зло, и радующей по содѣланіи добра? И мы слышимъ укоры ея, но большею частію не углубляемся въ важное дѣло испытанія себя, покаянія и рѣшительнаго исправленія; чувствуемъ ласку ея за доброе дѣло, случайно нами сдѣланное, однако тѣмъ не привлекаемся къ постоянному въ добродѣтели упражненію. Не глаголетъ ли къ намъ Христосъ въ церкви, въ Божественномъ словѣ Своемъ, въ ученіи святыхъ Своихъ, въ примѣрахъ житія ихъ; не предлагаетъ ли намъ спасительную силу Свою въ видимыхъ и ощутимыхъ образахъ таинствъ, подобно какъ слѣпому, свѣтодательную силу въ бреніи отъ плюновенія. Но какъ торопливо иногда отъ краткаго слышанія слова Божія бѣжимъ мы къ продолжительному празднословію бесѣдъ человѣческихъ: съ какою невнимательностію оставляемъ въ сторонѣ примѣры святыхъ, какъ будто возможенъ иной путь спасенія, кромѣ предложеннаго Христомъ и послѣдователями Его, или какъ будто вѣрный и безопасный путь легче найти въ собственной головѣ, нежели узнать по слѣдамъ и по сказаніямъ тѣхъ, которые проходили по нему! Если мы не совсѣмъ удаляемся отъ спасительныхъ таинствъ, — а есть, къ сожалѣнію, заблуждающіе и до сей крайности, если, говорю, не удаляемся отъ таинствъ, то приступаемъ гораздо рѣже, нежели какъ предали намъ искусные въ дѣлѣ спасенія душъ; и причастившись святыни, не продолжаемъ постоянно дѣло освященія нашего, но прерываемъ и уничтожаемъ оное новыми сквернами. Послѣ кратковременной бани покаянія, надолго впадаемъ въ прежнія грѣховныя нечистоты. Ежедневный призывъ служителя трапезы Господней, чтобы со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступали къ ней, большею частію остается тщетнымъ. Живя съ чувствами, слишкомъ открытыми къ земному, и по той же мѣрѣ слишкомъ заключенными къ небесному, мы почти не знаемъ небеснаго вкуса, почти не ощущаемъ Божественнаго питанія, безъ сомнѣнія свойственныхъ оной трапезѣ на которой Сама Жизнь питаетъ въ жизнь вѣчную, тогда какъ вкусъ къ брашну гиблющему,

и притупившихъ его временемъ и неумѣренностію, ежедневно устремляетъ къ трапезамъ прельщенія и невоздержанія, на которыхъ ревностные ихъ участники съ лакомыми яствами снѣдаютъ свое здоровье и свои будущіе годы. Такимъ образомъ для дѣла спасенія душъ нашихъ, не только не уловляемъ мы случаевъ проницательнымъ и постояннымъ наблюденіемъ, но и постоянными средствами пользуемся только случайно и невнимательно. Долго ли же такъ? Ей, надобно намъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, чѣмъ рѣшительнѣе, тѣмъ полезнѣе, — остановить себя на путяхъ міра, воздвигнуться отъ плоти къ духу и къ Самому Спасителю всѣхъ душъ, отсѣчь у себя излишнія заботы о ничтожныхъ дѣлахъ, которыя сгорятъ вмѣстѣ съ землею, на которой дѣлаются, возбудить себя къ дѣятельному понятію о безсмертной душѣ нашей, поставить себѣ въ правило дѣятельности, что изъ всѣхъ дѣлъ на свѣтѣ важнѣйшія и нужнѣйшія суть дѣла, которыя совершаются между Богомъ и душою, — дѣло покаянія, дѣло вѣры, дѣло молитвы, дѣло нашего духовнаго Просвѣщенія и освященія.

Другое достопримѣчательное обстоятельство, предшествовавшее изреченію Господню о спасительномъ дѣланіи, есть то, что онъ пресѣкъ начатый Апостолами важный, по видимому, разговоръ о судьбахъ Божіихъ. При видѣ слѣпорожденнаго вопросили они Господа: за чьи грѣхи суждено сему человѣку такъ несчастно родиться? За грѣхи ли его, или его родителей? Вопросъ, по видимому, достойный обстоятельнаго изслѣдованія и разрѣшенія, поелику онъ клонился къ оправданію путей Провидѣнія, въ предосторожность противъ невѣрія, или ропота. Но Господь въ немногихъ словахъ отвергаетъ обѣ благовидныя догадки: *ни сей согрѣши, ни родителя его*, и еще болѣе усиленною краткостію ознаменовываетъ открытіе истиннаго намѣренія Божія: *да явятся дѣла Божія на немъ*. Отвѣтъ сей давалъ случай къ новому вопросу, для чего же онъ страдалъ прежде, нежели явились на немъ дѣла Божія? Но Господь не допустилъ продолжаться состязанію, и тотчасъ присовокупилъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя*, а въ слѣдъ за симъ приступилъ и къ самому дѣлу исцѣленія слѣпаго. Сей быстрый переходъ отъ разсужденія къ дѣйствованію, сіе примѣтное усиліе сказать какъ можно менѣе, мнѣ кажется, говорили Апостоламъ очень много. Мнѣ слышится здѣсь нѣчто подобное слѣдующему: «вы хотите оправдывать судьбы Божіи;

Богъ не много имѣетъ нужды въ оправданіи человѣческомъ; во всемъ оправдаетъ Его, Его Собственный послѣдній судъ и вѣчность; не состязаніе о судьбахъ нужно несчастному, а помощь; слѣпорожденный самъ оправдаетъ судьбу свою, когда получитъ прозрѣніе, съ тѣмъ вмѣстѣ просвѣщеніе духовное; Христосъ явился не удовлетворять любопытствующихъ, но спасать погибающихъ; какъ можно менѣе словъ, и какъ можно болѣе дѣлъ; какъ можно менѣе любопытства, и какъ можно болѣе пользы. *Мнѣ подобаетъ дѣлати*».

Наставленіе сего рода не однимъ Апостоламъ нужно было И мы нерѣдко можемъ имѣть нужду въ подобномъ для вящшаго возбужденія насъ къ дѣлу спасенія душъ нашихъ. Люди, мнящіе разборчивѣе другихъ заниматься симъ дѣломъ, сколько дѣлаютъ такихъ вопросовъ, которыми болѣе затрудняютъ себя, нежели помогаютъ дѣлу! Какъ могло случиться первое грѣхопаденіе прародителей? Какъ мы наслѣдовали грѣхъ ихъ, и его наказанія? Какимъ образомъ крестная смерть Іисуса Христа заглаждаетъ всѣ грѣхи, уничтожаетъ всѣ ихъ послѣдствія? Если каждый позволитъ себѣ вдаваться въ подобныя предварительныя изслѣдованія, можно запутаться въ нихъ такъ, что и не дойдешь до самаго дѣла. Но по примѣру Христову все можетъ разрѣшиться вкратцѣ. Что грѣхъ есть въ мірѣ, ты видишь; что и самъ живешь во грѣхѣ, то чувствуешь. А какимъ образомъ крестная смерть Христова исцѣляетъ отъ грѣха, и освобождаетъ отъ гнѣва Божія и отъ вѣчнаго осужденія: поди узнай опытомъ. Покайся, вѣруй, начни самымъ дѣломъ вести жизнь христіанскую. *Подобаетъ дѣлати*. Сколько еще вопросовъ о разныхъ подробностяхъ спасительнаго дѣланія! Иной, напримѣръ, очень много разсуждаетъ о лучшемъ способѣ молиться, и очень мало молится. Входитъ въ разбирательства о старыхъ и новыхъ книгахъ священныхъ и церковныхъ: а ни тѣхъ, ни другихъ не разумѣетъ и не дѣлаетъ того, что и тѣ и другія равно повелѣваютъ. Возлюбленный! Священныя и церковныя книги всѣ старыя, потому что въ мірѣ нѣтъ ничего старѣе истиннаго христіанства въ его сущности, но и всѣ новыя, потому что возвѣщаютъ новаго человѣка и обновляютъ жизнь. Возми тѣ изъ нихъ, которыя ближе, а всего лучше тѣ, которыя предлагаетъ церковь, и не спорь за славянскія слова и письмена, изъ коихъ самыя старыя далеко не такъ стары, какъ самая вѣра, и самыя новыя изображаютъ ту же древнюю вѣру апостольскую и

отеческую, постарайся входить въ духъ писанія, паче всего держаться вѣрою одного Слова, Котораго нѣтъ старѣе, поелику Оно *бѣ въ началѣ у Бога* (Іоан. I. 1), и нѣтъ новѣе, поелику Оно сотворитъ вся нова, то есть Іисуса Христа Спасителя нашего, держаться же Его, и вѣру въ Него свидѣтельствовать не однимъ устнымъ исповѣданіемъ, не однимъ перстослагательнымъ знаменіемъ, но дѣйствительнымъ послѣдованіемъ ученію и житію Его, всегдашнею сердечною молитвою къ Нему, любовію къ таинствамъ Его, послушаніемъ церкви Его. Если сомнѣваешься, умѣешь ли ты молиться, молись прилѣжнѣе, какъ умѣешь: дѣло само учитъ, какъ лучше дѣлать оное, а Отецъ Небесный, видя твое постоянство въ подвигѣ молитвы, не оставитъ *послать въ сердце* твое *Духа Сына Своего вопіюща: Авва Отче*, и приводящаго въ совершенство дѣло молитвы. *Подобаетъ дѣлати.*

Третіе назидательное для насъ обстоятельство изреченія Господня о спасительномъ дѣланіи заключается въ томъ, что Онъ возбуждалъ Себя къ дѣланію, не смотря на предвидимыя затрудненія со стороны человѣковъ. Святый Евангелистъ повѣствуетъ, что, когда Господь совершилъ дѣло, къ которому возбуждалъ Себя, то есть исцѣлилъ слѣпорожденнаго, Іудеи гнали Исцѣлителя смертельно между прочимъ за то, что сіе сдѣлалъ Онъ въ день субботный, по тогдашнему праздничный; ибо учители закона изъ того выводили, будто Іисусъ не уважалъ праздниковъ, хотя, впрочемъ, не трудно понять, что если день святится однимъ воспоминаніемъ прошедшихъ благодѣяній Божіихъ, то кольми паче святится онъ настоящимъ чудеснымъ благодѣяніемъ Божіимъ; столь не благопріятное послѣдствіе дѣла Христова, безъ сомнѣнія, было предъ очами Его всевѣденія, когда Онъ еще приступалъ къ дѣлу: и, кажется, почему бы не отложить только до слѣдующаго дня? Кажется, немного было бы потеряно, если бы слѣпой получилъ прозрѣніе однимъ днемъ позже, а былъ бы отвращенъ соблазнъ, или по крайней мѣрѣ клеветѣ не было бы дано повода. Такое разсужденіе благоразуміемъ почитается у сыновъ человѣческихъ, но, конечно, безуміе видѣлъ въ ономъ Сынъ Божій, когда не послѣдовалъ опому. Даже примѣтно, что противъ сего—то мнимаго благоразумія и направлялъ Онъ рѣчь свою къ Апостоламъ. *Явятся*, говоритъ, *дѣла Божія на немъ*, то есть на слѣпомъ отъ рожденія. И когда же? Такъ скоро, какъ только можно. Іудеи скажутъ: лучше бы завтра, и прогнѣваются, если нынѣ. Но предусмотрѣніе сего затрудненія не

остановитъ предпріемлемаго дѣла. Дѣлъ, порученныхъ отъ Бога, нельзя отлагать въ угодность человѣкамъ. Должно исполнять оныя немедленно и неупустительно, пока есть благовременность. *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя, дондеже день есть.*

Не такъ ли, христіанинъ, подобаетъ тебѣ дѣлати дѣла Богоугодныя ревностно и неупустительно, и не смотрѣть въ сіе время на то, какъ за сіе о тебѣ другіе думаютъ, чего отъ тебя требуютъ, или какъ съ тобою поступаютъ? Господствующій нынѣ образъ мыслей и обычай едва ли столько вооружается за строгое наблюденіе праздниковъ, сколько противъ сего наблюденія. Ты хотѣлъ бы, можетъ быть, провести праздники въ молитвѣ и благоговѣніи, какъ и должно по понятію и назначенію праздниковъ, но тебѣ уступаютъ для сего немногіе только часы праздничнаго утра, и почти на весь день призываютъ тебя къ участію въ сообществахъ и увеселеніяхъ совершенно мірскихъ и суетныхъ, если не совершенно грѣховныхъ; и если откажешься, имѣешь причину опасаться, что покажешься страннымъ, и даже подозрительнымъ,— что же ты сдѣлаешь? На что рѣшишься? О если бы ты былъ довольно разсудителенъ, чтобы сказать себѣ: мнѣ подобаетъ и всегда, тѣмъ необходимѣе въ день Господень, дѣлати дѣла, угодныя Господу! О если бы ты былъ довольно твердъ, чтобы обратить сіи слова въ самое дѣло!

Но чтобы не слишкомъ продолжить слово, поспѣшимъ обратить вниманіе на то, что и Господь поспѣшаетъ Своимъ спасительнымъ дѣланіемъ. Ибо слова: *Мнѣ подобаетъ дѣлати, дондеже день есть*, что значатъ если не сіе: должно мнѣ дѣйствовать, и не медлить; нельзя отлагать нынѣшнихъ дѣлъ до другаго дня, ниже до поздняго вечера, надобно поспѣшать, чтобы исполненіемъ оныхъ предупредить приближающуюся ночь. *Пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати.* Что глаголеши Господи? Тебѣ ли поспѣшать и заботиться о какомъ-нибудь днѣ,—Тебѣ ли, Котораго дни *безчисленны*, Котораго лѣта не оскудѣютъ, Который сотворилъ всѣ дни, Который имѣешь цѣлую вѣчность для чудныхъ дѣлъ Твоихъ! Что за день, который бы могъ вмѣстить дѣла Твои? Что за ночь, которая могла бы угрожать дню Твоему? Господь изъясняетъ притчу Свою, когда присовокупляетъ: *егда въ мірѣ есмь, свѣтъ есмь міру.* Присутствіе солнца опредѣляетъ день для живущихъ на землѣ, и въ особенности работный день для дѣлающаго землю,

или созидающаго домъ: такъ присутствіе на землѣ солнца правды, Бога явившагося во плоти, опредѣляетъ особенный день Божественнаго дѣланія. Ночь послѣ сего дня есть время страданій и смерти Хрістовой. О, нощь, въ которую подлинно *никтоже можетъ дѣлати!* Въ продолженіе земнаго дня Хрістова, не Онъ только, но и Апостолы Его, перенимая отъ Сего Великаго Дѣлателя, дѣлали и сдѣлали многое: они увѣровали въ Него, послѣдовали за Нимъ, оставя все; исповѣдали Божество Его, проповѣдывали царствіе небесное, исцѣляли недужныхъ, бѣсовъ изгоняли. Все прервалось, когда настала грозная ночь, до лучшаго дня воскресенія Хрістова. *Нощь, сіда никтоже можетъ дѣлати.* Много поистинѣ надлежало сдѣлать Господу, твердо дѣла Свои основать, искусно совершить, чтобы сія бурная нощь не разрушила безъ остатка всего, что Имъ было созидаемо. И сіе-то провидя Господь, поспѣшилъ, *дѣлати, дондеже день есть.*

Видишь ли, краткодневный сынъ времени, какъ Самъ Вѣчный бережетъ время, которое ты такъ безпечно расточаешь? Онъ не коснитъ дѣломъ твоего спасенія; а ты медлишь симъ дѣломъ, твоимъ собственнымъ! Онъ поспѣшаетъ, а ты откладываешь! Утромъ говоришь: начну дѣло съ полудня; въ полдень даешь себѣ также обѣщаніе для вечера, вечеромъ еще отсрочиваешь себѣ съ часа на часъ, до послѣдняго. Въ юности говоришь: подумаю о душѣ въ лѣтахъ разсудка и зрѣлости; въ зрѣлыхъ лѣтахъ, развлекаемый болѣе прежняго суетою міра и попеченіями житейскими, успокоиваешь себя надеждою, что подъ старость непремѣнно будешь жить для Бога и для души своей; приходитъ старость, и ты вновь прельщаешь себя мыслію, что еще можно принести чистое покаяніе во время послѣдней болѣзни. Такъ пропадаютъ и утро, и полдень, и вечеръ, и послѣ сего, конечно, уже весьма вѣроятно, что тебя не готоваго застигнетъ смертная *нощь, егда никтоже можетъ дѣлати.*—Повѣрилъ ли бы ты своему поденщику, если бы онъ, не работая утромъ, обѣщалъ тебѣ съ половины дня сдѣлать все, что сдѣлалъ бы съ утра? Но ты несравненно безразсуднѣе вѣришь себѣ, когда обѣщаешься съ половины жизни сдѣлать все добро, которое сдѣлалъ бы съ начала ея, во все ея продолженіе. Не указывай мнѣ на разбойника, который при самомъ западѣ своего дня сдѣлалъ болѣе, нежели другой въ цѣлый день свой Такой успѣхъ мало надеженъ, поелику очень рѣдокъ, и

можетъ быть, дастся не просто, а только такимъ людямъ, у которыхъ и въ прошедшей жизни, мірской по ея главнымъ явленіямъ, были нѣкоторыя дѣла, сокровенно привлекающія благодать. Но вотъ, что извѣстно гораздо вѣрнѣе: день земли всегда оканчивается вечеромъ; и потому потерявшій утро можетъ имѣть нѣкоторую надежду вечеромъ возвратить потерянное: а день жизни человѣческой часто прежде вечера, нерѣдко и прежде полудня внезапно прекращаетъ нощь смертная. Въ такомъ случаѣ куда пойдутъ надежды откладывающихъ, если не въ адскую нощь, въ которой никто не можетъ дѣлать, чего не сдѣлано въ продолженіе дня земной жизни, невозвратно прошедшаго. Притомъ не надобно терять изъ вида и то, что особенная благовременность дѣлать нѣкоторыя добрыя дѣла встрѣчаетъ иногда свою ночь еще прежде окончанія жизни. Теперь, напримѣръ, ты живешь въ изобиліи: не медли дѣлай дѣла милосердія, *дондеже день есть:* можетъ быть, буквально въ слѣдующую ночь тать, или огонь, или другая нечаянность сдѣлаютъ то, что ты уже не въ состояніи будешь *творить себѣ други отъ мамоны неправды, да егда оскудѣешь* другими добродѣтелями, *пріимутъ тя въ вѣчныя кровы* (Лук. XVI. 9).

Самъ Іисусъ Христосъ, Божественный Наставникъ, да наставитъ всѣхъ насъ и каждаго дѣлати дѣла, угодныя Богу, и полезныя безсмертной душѣ нашей, *дондеже день есть,* и доводить оныя до совершенства такъ, чтобы они могли ходить въ слѣдъ съ нами, и сквозь нощь смертную проникнуть съ нами до новаго, лучшаго, невечерняго дня блаженнаго воскресенія и жизни вѣчныя. Аминь.

CXCIV

42. Слово

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено въ Успенскомъ Соборѣ 25 іюня.)

Мнози о рождествѣ его возрадуются. Будетъ бо великій предъ Господемъ. Лук. I. 14. 15.

Если бы то, что мы совершаемъ нынѣ, по чувству сыновъ отечества, по наслѣдованному благоговѣнію, по пріобрѣтенной любви и благодарности къ благотворному величію помазанника Божія, надлежало повѣрить съ высшими законами дѣйствованія: мы могли бы сказать, что и природные жители неба и тамошняго царствія одобряютъ сей образъ мыслей, по которому въ семъ случаѣ мы поступаемъ въ земномъ царствіи. Ангелъ, рожденіе великаго человѣка предсказавъ отцу его, присовокупляетъ: *и будетъ тебѣ радость и веселіе*: вотъ праздникъ семейственный! *И мнози о рождествѣ его возрадуются*: вотъ праздникъ общественный, народный! *Будетъ бо великій предъ Господемъ*: вотъ основаніе праздника! Итакъ, по разумѣнію Ангела, рожденіе въ мірѣ великаго прилично и правильно можетъ составить предметъ радости многихъ, торжества общественнаго, простирающагося такъ далеко, какъ далеко простирается благотворное дѣйствіе торжествующаго величія.

Что сынъ неба смотритъ на земные предметы небесными очами, сіе можно примѣтить по особенной чертѣ, которою опредѣляетъ онъ величіе, достойное радости: *будетъ бо великій предъ Господемъ*. По разумѣнію Ангела, не всякое явленіе величія способно производить радость и торжество, но то именно, когда кто великъ предъ Господемъ. Сею мыслію вновь оправдывается настоящее торжество, коего виновникъ есть *великій предъ Господемъ* какъ потому, что пріялъ отъ Господа помазаніе величія, такъ и потому, что, по намѣреніямъ Господа, тщится употреб-

лять свое величіе на дѣла правды и благости, на покровительство вѣрѣ и добродѣтели, на мужественную защиту имени Христова противъ жестоковыйныхъ Его хулителей и враговъ, на которую и отвѣтствуетъ ему Господь Своею побѣдоносною защитою.

Немногимъ суждено быть великимп къ великой радости многихъ; но кто не желаетъ, и не каждому ли естественно желать, чтобы его, хотя и малое, бытіе ознаменовано было, хотя не великою радостію его и ближнихъ? Посему и малымъ, не меньше какъ великимъ, полезно вникнуть въ мысль Ангела, что всякое основаніе, всякое средство радости, или благополучія въ жизни, тогда только твердо и надежно, когда оно полагается предъ Господемъ

Дабы усмотрѣть, какъ много человѣкъ обманывается, если думаетъ положить себѣ основаніе величія, или какого-нибудь превосходства и совершенства и потомъ радости и благополучія, только въ себѣ самомъ и въ окружающихъ его вещахъ, въ удаленіи отъ Бога и въ забвеніи о Немъ,—для сего довольно взять въ соображеніе простую истину, что человѣкъ есть тварь, а Богъ Творецъ его. Что такое тварь сама въ себѣ, внѣ Бога? Ничто; поелику она изъ ничего сотворена. Что можетъ она произвесть сама собою, развѣ опять тоже ничто, изъ котораго сама произведена, хотя, можетъ быть, покрытое призракомъ вещественности, что называется *суетою*? Богъ есть все для Себя Самого, и все для тварей Своихъ, которымъ Онъ чрезъ сотвореніе далъ и бытіе и свойства, и силы, и благоустройство, и благобытіе Если въ день сотворенія не иначе, какъ отъ Бога имѣли они свое совершенство и благобытіе: могли ли какънибудь иначе имѣть ихъ на другой день, и могуть ли нынѣ: поелику и нынѣ существуютъ они также зависимо какъ въ день сотворенія? Кто думаетъ, что тварь, бывъ однажды произведена, существуетъ потомъ самостоятельно, подобно какъ построенное зданіе стоитъ, хотя бы построившаго художника уже и не было на свѣтѣ: тотъ смѣшиваетъ два весьма различныя понятія созданія человѣческаго и созданія Божія. Человѣкъ дѣлаетъ изъ чего-нибудь такого, что уже было до начатія дѣланія, потому надлежитъ чему-нибудь остаться, когда онъ и пересталъ дѣлать. Богъ творитъ изъ ничего; потому, если бы Онъ прекратилъ Свое дѣйствіе, осталось бы не болѣе, какъ ничто И потому, что Онъ есть вѣченъ, Его дѣйствія не должно воображать такъ

преходящими, какъ дѣйствія тварей, существъ временныхъ. Дѣйствіе творенія кончилось для тварей, яко временныхъ, но вмѣстѣ и продолжается со стороны Бога, яко вѣчнаго. Поколику симъ дѣйствіемъ Божіимъ дается и продолжается бытіе, человѣкъ не властенъ уклониться отъ сего дѣйствія, или иначе сказать, не властенъ обратить себя въ ничто, ибо сія власть равнялась бы власти производительной изъ ничего. Но поколику дѣйствіемъ Божіимъ дается благобытіе, человѣкъ, яко свободный, властенъ болѣе или менѣе уклониться отъ сего дѣйствія, и что иное можетъ отъ сего послѣдовать, развѣ то, что онъ можетъ лишиться благобытія, которое Богъ даруетъ?

Если кто въ сихъ понятіяхъ не охотно вѣритъ разуму, на что мы горько жаловаться не станемъ; то да внемлетъ Слову Божію. *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан: V. 17), глаголетъ Сынъ Божій. И въ другомъ мѣстѣ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (XV. 5). И Апостолъ проповѣдуетъ о Богѣ, что мы въ *Немъ живемъ и движемся, и есмы*, (Дѣян. XVII. 28). И Пророкъ взываетъ къ Богу о тваряхъ вообще: *отверзшу Тебѣ руку, всяческая исполнятся благости; отвращшу же Тебѣ лице, возмятутся* (Пс. CIII. 28. 29), и въ особенности о человѣкахъ: *се удаляющіи себе отъ Тебе погибнутъ* (LXXII. 27).

Углубимся нѣсколько въ разумѣніе сихъ священныхъ изреченій, и въ послѣдствія, проистекающія изъ сего разумѣнія

Если Богъ, сотворивъ міръ и почивъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, тѣмъ не менѣе *доселѣ дѣлаетъ*: то должно заключить, что сіе дѣланіе нужно для блага тварей, ибо не можно вообразить, чтобы Богъ сталъ дѣлать дѣло безполезное. Итакъ, горе тому, кто или устранитъ себя отъ сего дѣланія Божія, или какимъ-нибудь образомъ воспрепятствуетъ оному! Человѣкъ, яко существо живущее и свободное, дѣлаетъ и самъ хотя что-нибудь, хотя какъ-нибудь. Если онъ не полагаетъ своего дѣла предъ Господемъ и основанія онаго въ Самомъ Господѣ, если не обращаетъ вниманія на дѣланіе Божіе и не подчиняетъ оному своего дѣланія: то всего больше надлежитъ ожидать того, что дѣло человѣческое будетъ въ противорѣчіи съ дѣломъ Божіимъ; но какъ дѣло Божіе, безъ сомнѣнія, могущественнѣе человѣческаго, то необходимо слѣдуетъ, что въ семъ случаѣ скорѣе или медленнѣе дѣло человѣческое должно разрушиться и изчезнуть.

Если зависимость наша отъ *Носящаго всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. I. 3) такъ велика, что мы *безъ Него не можемъ творити ничесоже*: то дѣла, совершаемыя безъ Бога, должно признать не только не надежными, но и совершенно ничтожными; и даже возникаетъ отсюда сомнѣніе: какъ существуютъ дѣла людей нечестивыхъ и противящихся волѣ Божіей Впрочемъ сомнѣніе сіе разрѣшается, когда отъ особеннаго благодатнаго дѣйствія или содѣйствія Божія, безъ котораго не можемъ творить ничего духовно-добраго, подобно какъ виноградная вѣтвь не можетъ приносить плода безъ своей лозы и живаго сока ея, различаемъ вообще дѣйствіе творческой и промыслительной силы Божіей въ природѣ вещей, или по выраженію Апостола, *ношеніе всяческихъ глаголомъ силы Божіей*. Изъ сей всегда и вездѣ, когда и гдѣ только существуютъ твари, открытой сокровищницы Божіей имѣютъ болѣе или менѣе для своего употребленія и нечестивые и богопротивники, что предоставляется имъ какъ тварямъ, а не какъ нечестивымъ и богопротивникамъ, во-первыхъ потому, чтобы ихъ не уничтожить, что было бы противно намѣренію и славѣ Творца, во-вторыхъ, чтобы не лишить ихъ свободы, которая есть также нераскаянное или невозвратное дарованіе Божіе, въ-третьихъ, по долготерпѣнію, чтобы дать имъ время на покаяніе, въ четвертыхъ, по порядку самаго правосудія, которое обыкновенно является пресѣчь преступленіе, когда преступленіе уже существуетъ, ибо иначе какъ можно было бы признать, что то правосудіе? Знаменательно изъясняется о дѣлахъ грѣшниковъ священное писаніе:*прозябоша грѣшницы, яко трава* (Пс. XCI. 8). Какъ дикая трава, прозябающая на воздѣланной землѣ, пользуется вмѣстѣ съ благородными растеніями трудомъ и удобреніемъ земледѣльца, но, тѣмъ не менѣе, она чужда для него, поелику онъ не сѣялъ дикихъ сѣмянъ, и ежеминутно должно ожидать посѣкающаго желѣза или исторгающей руки: такъ дѣла грѣшниковъ пользуются всеобщимъ дѣйствіемъ творческой и промыслительной силы Божіей, но, тѣмъ не менѣе, онѣ чужды для Бога, потому что Онъ не сѣялъ грѣховныхъ склонностей, побужденій и намѣреній, а возникаютъ оныя безъ Его воли, и, вопреки Его волѣ, изъ злоупотребленія свободы и потому ежеминутно должны ждать суда, очищающаго отъ нихъ поле или вертоградъ Божій. *Внегда прозябоша грѣшницы яко трава, и*

проникоша вси дѣлающіи беззаконіе,—это для того только, *яко да потребятся въ вѣкъ вѣка*.

Если Богъ такъ не далекъ отъ насъ, что мы въ *Немъ живемъ, движемся и есмы*: то не далеко заключить: все ли равно для Него, и, по слѣдствію, все ли равно для насъ, живемъ ли мы въ Немъ, какъ младенецъ во чревѣ или на лонѣ матери, или какъ эхидна, грызущая чрево матери.

Если потолику *всяческая исполняются благости*, поколику Богъ *отверзаетъ руку*; и напротивъ того все *мятется*, когда Онъ *отвращаетъ лице*: то весьма важно знать, когда Онъ отверзаетъ руку, и когда отвращаетъ лице. Извѣстно же, что самая щедрая рука не отверзается для подаянія, когда не отверзается рука нуждающагося для принятія; и самой благости не свойственно обращать лице туда, гдѣ отъ нея отвращаются.

Если *удаляющіи себя* отъ Бога *погибаютъ*; то съ заботою и даже съ трепетомъ надлежитъ помыслить о томъ, что значитъ удаляться отъ Бога. Поелику Онъ есть вездѣсущь и вездѣ присутственъ: то существомъ и мѣстомъ удалиться отъ Него некуда. Какъ же могутъ быть удаляющіеся отъ Бога, и въ чемъ состоитъ сіе удаленіе? Сіе изъясняетъ Самъ Богъ. *Приближаются Мнѣ*, глаголетъ, *людіе сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Мѳ. XV. 8). Изъ сего видно, что удаленіе отъ Бога бываетъ не мѣстомъ существа, но употребленіемъ и направленіемъ силъ и способностей,—бываетъ сердцемъ, устами и, по соотвѣтствію,—можно прибавить,—умомъ, дѣлами. Если сердце твое не прилѣпляется къ Богу вѣрною, любовію и святымъ желаніемъ: то сердце твое далече отстоитъ отъ Бога. Если умъ твой не возвышается къ познанію Бога и воли Его, къ благоговѣйному размышленію о Его совершенствахъ, или не погружается въ безмолвное созерцаніе оныхъ въ чувствѣ смиренія и своего недостоинства; то умъ твой удаленъ отъ Бога. Если ты дѣлаешь дѣла свои, какъ тебѣ нравится, не помышляя при томъ о Богѣ и не разсуждая, угодны ли Ему оныя, то дѣла твой удалены отъ Бога О удаленіи отъ Бога устами нечего и говорить: если и приближеніе къ Нему устами признано недостаточнымъ, то сколь должно быть не достойно удаленіе! Измѣряя такимъ образомъ состояніе удаленія отъ Бога, не съ опасеніемъ-ли должны мы обратиться въ другую сторону, чтобы усмотрѣть далеко-ли отсюда до бѣдствія и погибели? Но что мы видимъ? Тутъ нѣтъ

никакого разстоянія! Вотъ погибель! Бездна ея разверзается! *Се удаляющіи себе отъ Тебе погибнутъ.*

Въ минуты размышленія нельзя довольно удивляться многому, что дѣлаетъ человѣкъ въ минуты забвенія. Кто изъ насъ въ добрый часъ не признаетъ, что все отъ Бога, что все въ Его власти, что въ Немъ всякое добро, а безъ Него нѣтъ никакого? Но посмотрѣвъ за собой пристально, безъ сомнѣнія, многіе изъ насъ найдутъ и признаются, что они проводятъ много времени, о многомъ думаютъ, предаются многимъ желаніямъ, дѣлаютъ многія дѣла такъ, какъ бы имъ не было никакого дѣла до Бога,— и почти какъ бы Его не было.

О Боже, *о Немъ же живемъ и движемся и есмы?* Что иногда должны дѣлать служители Твоея истины? О Тебѣ напоминать? Убѣждать, чтобы Тебя не забывали? И сіе дѣлать съ христіанами, къ которымъ Ты толико приблизился, съ которыми столь преискренне соединился чрезъ вочеловѣчившагося Единороднаго Сына Твоего, и чрезъ изліяннаго на нихъ Духа Твоего Святаго!

Долготерпѣливе и Многомилостиве! Не забудь насъ по забвенію нашему. Не удалися отъ насъ по удаленію нашему. Но приближися намъ еще, всякій грѣхъ побѣждающею благодатію Твоею; и привлецы насъ ею, да взаимно приближатся къ Тебѣ дѣла наши и утвердятся помышленія наши, да не точію памятуемъ о Тебѣ со страхомъ, но и вѣрою предзримъ Тебе предъ нами выну и не подвижимся; да будетъ могущественное имя Твое солнцемъ выну, озаряющимъ помыслы ума нашего и оживляющимъ чувствія сердца нашего, законъ Твой основаніемъ дѣлъ нашихъ и оградою путей нашихъ, да предъ Тобою прозябнетъ радость неувядающая, да съ Тобою созиждется благоденствіе не зыблемое. Аминь.

CXCV.

43. Слово.

По освященіи храма во имя Святителя Димитрія Ростовскаго чудотворца въ Шѣсношскомъ монастырѣ.

(Говорено 29 іюня)

Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури, — воспѣваетъ Псалмопѣвецъ. LIV. 8. 9

Се и азъ *удалихся* отъ града, хотя *не бѣгая* отъ него, впрочемъ, охотно уклоняясь отъ шума и молвы его, хотя не для того, *чтобы водвориться въ пустыни,* по крайней мѣрѣ, чтобы соутѣшиться на время общеніемъ *съ водворившимися въ ней, чающими Бога спасающаго.*

Привѣтствую васъ, *бѣгающіе* отъ міра, или паче отъ зла, въ которомъ *лежитъ міръ*, отъ господствующей въ немъ похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейскія, *удалившіеся* отъ градовъ и селеній, или паче отъ соблазновъ, умножающихся въ многолюдствѣ ихъ, *водворившіеся въ пустыни* тѣломъ, паче же и духомъ возлюбившіе уединеніе отъ всякой твари, для безпрепятственнаго бесѣдованія съ Богомъ. Благословенно бѣгство и удаленіе ваше, если не озираетесь вспять помыслами пристрастія и желанія мірскихъ вещей, *поминая жену Лотову,* и ея съ пути спасенія, на погибельный градъ, погибельное обратно воззрѣніе. Благословенно и водвореніе ваше, если вы ищете въ обители пустынной не упокоенія тѣлеснаго, но спасенія душевнаго, не отъ человѣковъ утѣшенія, но Богу благоугожденія; если и находящимъ искушеніямъ не попускаете увлечь васъ изъ сего пристанища, но какъ на крѣпкомъ якорѣ держитесь на упованіи на Бога *спасающаго* васъ, и отъ волнованія вашего собственнаго *малодушія*, и *отъ бури* противными силами воздвигаемой.

Если для подкрѣпленія упованія нужно видѣть опыты Божія о насъ попеченія: вы можете видѣть оные надъ собою, какъ вообще въ томъ, что сія обитель, въ продолженіи немалаго числа лѣтъ, избыточествуетъ ищущими въ ней спасенія, и не

предается скудости въ потребномъ, такъ и въ настоящемъ случаѣ, когда Богъ, чрезъ подвигнутое Имъ усердіе и споспѣшествованіе Боголюбивыхъ, и святыню сего мѣста вновь освященнымъ храмомъ умножаетъ, и даруетъ вамъ новое удобство къ благочестивому призрѣнію и упокоенію немощи и старости между вами.

Благословеніе плодоносящимъ и добродѣющимъ во святой обители сей! Благодареніе Богу, верховному благодѣтелю и облагодѣтельствованныхъ! Да утверждается сердце наше въ Господѣ! *Да чаемъ выну Бога спасающаго.*

Надежда есть одна изъ трехъ добродѣтелей, въ которыхъ Св. Ап. Павелъ полагаетъ все духовное совершенство христіанина въ жизни настоящей, и основаніе блаженства его въ будущей! *Нынѣ*, говоритъ, *пребываютъ вѣра, надежда, любы, три сія* (1 Кор. XIII. 13). И хотя онъ присовокупляетъ: *большіи же сихъ любы* (13); хотя слѣдственно *надежда* не есть высшая изъ сихъ добродѣтелей, но посему не можно ее пренебрегать; поелику неудобно, мимо первой и второй степени, воспрянуть на третію, и особенно сіе неудобно въ ходѣ духовномъ,—ибо какъ существо вещей духовныхъ, такъ и порядокъ ихъ постояннѣе, нежели вещей тѣлесныхъ. Итакъ, если ты хочешь восходить на небо: то надобно тебѣ и учиться, какъ бы вступить на сію степень духовнаго восхожденія, которую называютъ *надеждою*, и подвизаться, чтобы дѣйствительно вступить на оную.

Можно сказать, что если бы кто имѣлъ неосторожность вынуть сію степень изъ лѣствицы духовной, то уронилъ бы и остальныя, и сдѣлалъ бы невозможнымъ восхожденіе.

Что могущественнѣе вѣры, о которой съ такимъ сильнымъ увѣреніемъ глаголетъ Господь: *аминь глаголю вамъ, яко иже аще речетъ горѣ сей: двигнися, и вержися въ море: и не размыслитъ въ сердцы своемъ, но вѣру имѣетъ, яко еже глаголетъ, бываетъ: будетъ ему, еже аще речетъ* (Марк. XI. 23)? Но изъ сего самаго изреченія можно усмотрѣть, что сіе чудесное могущество вѣры не иначе можетъ произвесть свое дѣйствіе, какъ съ помощію надежды. Ибо слова: *аще речетъ и не размыслитъ въ сердцы своемъ*, что иное значатъ, какъ не то, что слово вѣры должно быть укрѣплено въ сердцѣ *силою надежды*? Если вѣрующій, но не вступившій на степень совершенной надежды, хощетъ изрещи слово, и совершить дѣло вѣры, хотя не гору

двигнуть, но какое нибудь препятствіе, на пути спасенія затрудняющее, удалить, помыслы сердца его раздѣляются и представляютъ ему, что желаемое имъ трудно, что Богъ не всякому являетъ особенную Свою помощь, что времена чудодѣйственной вѣры прошли, и отъ таковыхъ безнадежныхъ помысловъ, духъ вѣры разсыпается, слово его изнемогаетъ, и дѣло ея не совершается. Такъ не подвизающійся вступить на степень совершенной надежды и со степени вѣры упадаетъ.

Что касается до *любви*, хотя то правда, что ей предназначено нѣкоторымъ образомъ пережить надежду и чрезъ то не только ничего не потерять, но и восторжествовать совершенно, что должно послѣдовать за открытіемъ славнаго Царствія Божія, когда спасеннымъ не останется чего надѣяться, потому что будущее соединится съ настоящимъ, и они во вѣки будутъ обладать тѣмъ, чего прежде только надѣялись; впрочемъ также справедливо и то, что прежде сего послѣдняго совершенія, во дни приготовленія къ оному, *любовь не можетъ ни жить, ни возрастать безъ вѣры и надежды*. Вѣра ее раждаетъ, а надежда, вмѣстѣ съ вѣрою, воспитываетъ; *вѣровати подобаетъ приходящему къ Богу*, говоритъ Апостолъ, *яко есть, и взыскающимъ Его мздовоздатель бываетъ* (Евр. XI. 6). Мысль о мздовоздаяніи взыскующимъ Бога принадлежитъ къ степени *надежды*. Знаю, что есть случаи, въ которыхъ крѣпкіе подвижники *любви къ Богу и ближнему* приносятъ ей нѣкоторымъ образомъ въ жертву свою надежду. Такъ Моисей проситъ изглажденъ быть изъ книги Божіей: такъ Павелъ желалъ бы отлученъ быть самъ отъ Христа, ради спасенія избраннаго Богомъ народа. Но, кромѣ того, что случаи чрезвычайные не опровергаютъ обыкновеннаго, напротивъ того, самою рѣдкостію своею показываютъ необходимость обыкновеннаго: любовь Моисея и Павла и въ чрезвычайныхъ восторгахъ своихъ, не отвергала надежды, а только возвышала ее вмѣстѣ съ собою; забывъ надежду собственнаго мздовоздаянія, она питалась въ сіе время высшею, собственно Божественною надеждою,—надеждою славы Божіей, долженствующей открыться въ спасеніи избраннаго Богомъ народа.

Возмемъ еще изреченіе о достоинствѣ надежды у того же Апостола Павла, который такъ охотно жертвовалъ ею любви. *Хвалимся*, говоритъ онъ, *упованіемъ славы Божія. Не точію же, но и хвалимся въ скорбѣхъ, вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ: терпѣніе же искусство, искусство же упованіе*:

упованіе же не посрамитъ (Римл. V. 2—5). Какъ благотворно упованіе, когда оно такъ обильно исполняетъ душу чувствомъ внутренняго благополучія, что Св. Апостолъ, при всей свойственной ему скромности и смиреніи, не можетъ онаго скрыть, но обнаруживаетъ оное, *хваляся упованіемъ*! Какъ могущественно упованіе, когда Апостолъ рѣшительно увѣряетъ, что оно *не посрамитъ*, т. е. никогда не обманетъ человѣка въ его благочестивомъ ожиданіи! Какъ побѣдоносно упованіе, когда оно даетъ возможность не только безъ ропота переносить *скорби*, но даже *хвалиться ими*. Сколь велико сокровище должно быть заключено въ упованіи, когда Апостолъ не поколебался объявить столь великую цѣну, которою оно должно быть пріобрѣтено, а именно, *опытностію, терпѣніемъ, скорбями*.

Будемъ довольно благоразумны, чтобы употребить вниманіе и попеченіе для пріобрѣтенія толикаго сокровища. Дорого! скажетъ недальновидная самоугодливость; его надобно купить скорбями! Подумай, и разочти: если не хочешь терпѣть скорби для душевнаго пріобрѣтенія; будешь же терпѣть ихъ безъ пользы, или даже со вредомъ душевнымъ. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ грѣхъ породилъ скорбь, кто живетъ безъ скорбей? А потому не лучше ли стараться принимать оныя такъ, чтобы чрезъ нихъ пріобрѣсть терпѣніе, чрезъ терпѣніе опытность, чрезъ опытность упованіе, которое самыя скорби превратитъ въ радость и славу? Дабы облегчить себѣ пріобрѣтеніе упованія на Бога, да помышляемъ, братія, со вниманіемъ о Его могуществѣ, премудрости, благости, о вѣрности обѣтованія Его, наипаче о неизрѣченномъ Его милосердіи въ Іисусѣ Христѣ, котораго Апостолъ знаменательно Самаго именуетъ *упованіемъ нашимъ*. *Еда не можетъ рука Моя спасти* (Ис. LIX. 1.), взываетъ Самъ Господь, укрѣпляя нашу на Него надежду. Какихъ затрудненій не разрѣшитъ многоразличная премудрость Его? Какого грѣха не побѣдитъ благость Его? *Живу Азъ, глаголетъ Господь, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего, и живу быти ему* (Іезек. XXXIII. 11). Божественною жизнію Своею клянется Онъ въ семъ спасительномъ обѣщаніи: что же можетъ быть вѣрнѣе сего обѣщанія? Наипаче же, *аще Богъ Своего Сына* единороднаго *не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: какъ убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. VIII. 32).

Наконецъ, одно еще не должно быть забыто и въ самомъ

краткомъ ученіи *о надеждѣ* — то, что Богъ даровалъ надежду кающимся и желающимъ своего исправленія грѣшникамъ, а не безпечнымъ презрителямъ закона Его. Кающійся и надѣющійся прославляетъ безконечное милосердіе Божіе,—надѣющійся и некающійся хулитъ Бога, представляя Его покровителемъ зла.

Господи! Даруй всѣмъ слышащимъ сіе *надежду покаянія и спасенія въ жизнь вѣчную*, да будетъ слава Тебѣ, Христе Боже, упованіе наше, во вѣки. Аминь.

CXCV.

44. Слово

въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.

(Говорено въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ 15 августа) [1]

Матерь Свѣта нисходитъ во мракъ Родившая Начальника жизни и Побѣдителя смерти, даже и послѣ рѣшительной побѣды надъ смертію, т. е. послѣ воскресенія Христова, предается въ область смерти.

Если во дни, когда *царствова грѣхъ во смерть и даже царствова смертъ и надъ не согрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (Рим. V. 14. 21), удивительно было, что Енохъ, что Илія, не умерли, какъ прочіе: то во дни, когда *благодать воцарися правдою въ жизнь вѣчную, Іисусъ Хрі-*

---

[1]). Для правильнаго сужденія о семъ словѣ должно имѣть въ виду, что оно было представляемо ко внесенію въ составъ изданія Словъ 1844 года, но въ собраніе это не вошло (Хронологич. Указ. Словъ и рѣчей Митр. Филарета стр. 42): изъ этаго можно заключить, что мнѣніе, выраженное въ этомъ словѣ, самъ Святитель въ послѣдствіи признавалъ не вполнѣ состоятельнымъ. Несомнѣнно то, что въ послѣдствіи времени Онъ не разъ выражалъ мысль о смерти, приразившейся Пречистому Тѣлу Богоматери, гораздо болѣе въ смягченномъ видѣ, какъ это въ особенности сдѣлано Имъ въ словѣ въ день Успенія Пресвятыя Богородицы 1846 года. *Примѣч. Ценз.*

стомъ Господемъ нашимъ (21), не менѣе удивительно, что Марія умираетъ, какъ прочіе. Не моему только невѣдѣнію принадлежитъ сіе удивленіе: сама церковь, хранительница многоразличной премудрости Божіей, въ одномъ изъ своихъ пѣснословій на Успеніе Пресвятой Богородицы, восклицаетъ: *о дивное чудо! источникъ жизни во гробь полагается.*

Что-же при семъ должны мы подумать, Христіане? — Если Пресвятая должна отдать нѣкоторую дань владычеству грѣха: ибо смерть есть дань грѣху, по слову писанія: *оброцы грѣха смерть* (Рим. VI. 23): то коль тяжкому сего рода оброку мы многогрѣшные подвергнуться можемъ! Если надъ Преблагословенною отчасти совершается приговоръ проклятія: ибо къ древнему проклятію Адамову принадлежитъ сей приговоръ: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III. 19), то чего должны ожидать мы, которые, хотя и приняты въ наслѣдники новаго благословенія Христова, но едва ли не болѣе живемъ еще наслѣдіемъ ветхаго Адама,—помыслами земными, вожделѣніями чувственными, дѣлами плотскими, въ которыхъ проклята земля? Если честнѣйшая Херувимовъ, и славнѣйшая Серафимовъ, если Матерь Господа, одинакимъ съ уничиженными земли путемъ идетъ во гробъ, рядомъ съ червіемъ полагается въ персть: то мы, уманенные отъ Ангеловъ, и можетъ быть не только *малымъ нѣчимъ*, какъ хотѣлъ Творецъ, но много, прелестію діавола, и весьма много, по нашему собственному произволу,—мы рабы недостойные, можемъ ли быть низведены менѣе, нежели до ада? Подлинно, какъ говоритъ св. Ап. Петръ: *аще праведникъ едва спасется, нечестивый и грѣшный гдѣ явится* (I Петр. IV. 18)?

Итакъ, о семъ едва обрѣтаемомъ и только по милости Божіей достигаемомъ спасеніи, въ заботливое размышленіе вводитъ насъ Успеніе Пресвятыя и Преблагословенныя Богородицы, и Приснодѣвы Маріи. Когда я упомянулъ о чудесномъ преложеніи Патріарха Еноха, о славномъ вознесеніи Пророка Иліи; тогда у внимательныхъ могла родиться вопрошающая мысль: почему-же бы и преставленію Богоматери не быть облечену подобною, или по ея достоинству, еще большею чудесностію и славою, вмѣсто того, что намъ показано только ея успеніе — тихое отхожденіе отъ сея земныя жизни, подобное тому, какъ отходятъ ко сну, а не величественное пробужденіе къ жизни небесной, божественной? Отвѣтствовать на сей вопросъ для угожденія любопытству я бы не хотѣлъ; для удовлетворенія любомудрію не

почелъ бы себя способнымъ, а отважусь отвѣтствовать на оный для наставленія, которое вижу въ поспльномъ разрѣшеніи онаго.

Что Пресвятая Дѣва Марія паче всякаго другаго человѣка достойна была пріять славу въ своемъ прохожденіи отъ земныя жизни, въ семъ никто не долженъ усумниться. Можно ли быть ближе къ Господу, какъ быть Матерью Господа! Но приближеніе къ Богу, по нелицепріятной правдѣ Его, не можетъ быть иначе, какъ по мѣрѣ достоинства, слѣдственно Матерь Господа должна быть достойнѣйшая не только изъ всего рода человѣческаго, но даже изъ всѣхъ тварей, почему церковь и величаетъ Ее честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ. И такъ если угодившій Богу Енохъ обрѣтенъ достойнымъ *не видѣти смерти* (Евр. XI. 5): кольми паче безпримѣрную благодать у Бога обрѣтшая Марія? Если Илія былъ достоинъ взыти яко на небо на колесницѣ огненной: кольми паче Та, Которая Сама внутренно есть небо и жилище Божіе?

Какъ-же сдѣлалось на оборотъ? Енохъ *преложенъ бысть не видѣти смерти*, Илія взятъ на колесницѣ огненной, а Марія— просто усше? *Еда неправда у Бога*? вопрошаетъ нѣгдѣ св Апостолъ Павелъ и отвѣтствуетъ: *да не будетъ* (Рим. IX. 14). Хотя вопросъ его сдѣланъ по случаю отличному отъ настоящаго: тѣмъ не менѣе отвѣтъ его вѣренъ для всѣхъ возможныхъ случаевъ, а потому и для настоящаго. Нѣтъ неправды у Бога въ томъ, что Матерь Господня не довольно прославлена по сю сторону гроба: потому что гробъ есть граница, за которою начинается открытое царство правды и царство славы; по сю сторону гроба лежитъ царство благодати, царство милосердія, царство премудрости въ тайнѣ сокровенной. Но для чего-же такъ приближено блаженство Еноха, для чего такъ ускорена слава Иліи?

Сіе сдѣлано именно по закону царства благодати, милосердія премудрости сокровенной. Когда *царствова смерть отъ Адама даже до Моисея, и надъ не согрѣшившими по подобію преступленія Адама*, когда отъ дня первобытнаго безсмертія, и вечерней зари воспоминанія почти не оставалось, а для Воскресенія Христова едва занималась ранняя заря въ умахъ рѣдкихъ созерцателей: тогда, чтобы бѣдная смертная жизнь не погрязла совсѣмъ во мракѣ невѣденія и отчаянія, надобно было, какъ лампаду, хотя одну, въ темной храминѣ, какъ звѣзду на ночномъ небѣ засвѣтить очевидное безсмертіе Богоугоднаго Ено-

ха. И опять, когда со времени Моисея, *законъ привниде, да умножится прегрѣшеніе* (Рим. V. 20), потому что *закономъ познаніе грѣха* (III. 20) умножается, а не сила его побѣждающая; и такимъ образомъ вновь *обрѣтеся заповѣдь, яже въ животъ, сія въ смерть* (VII. 10); когда самыя благословенія и обѣтованія закона, для чувственныхъ человѣковъ чувственныя, для не дальновидныхъ временныя, нѣкоторымъ образомъ закрывали свѣтъ жизни будущей: надобно было иногда хотя мгновенною молніею разсѣчь сію всехозавѣтную смертную ночь; и такою молніею жизни вѣчной было нѣкогда огненное вознесеніе ревнителя истины Божіей, Иліи. Но когда во Христѣ взошло новое солнце міру; и особенно когда побѣдоноснымъ и славнымъ воскресеніемъ Его, мракъ смерти довольно уменьшенъ, страхъ ея ослабленъ, и заря будущей блаженной жизни сдѣлалась свѣтла, почти какъ полный день; тогда благодать Божія, всегда милующая, и спасительная, и премудрость Божія, по различнымъ потребностямъ спасаемыхъ, многоразличная, должна была воспріять новые виды, употребить новые образы дѣйствованія; уже менѣе надлежало заботиться о томъ, чтобы невѣденіе о будущемъ не доводило до пагубной безнадежности; болѣе нужна была предосторожность противъ того, чтобы самый свѣтъ не ослѣпилъ непривычныхъ очей; чтобы преизбыточествующая надежда не проложила путей къ безпечности, которая немного лучше отчаянія. Такимъ образомъ послѣ рѣшительной побѣды надъ смертію, нужно было для возбужденія къ подвигу и осторожности въ дѣлѣ спасенія душъ, показать еще оставшуюся нѣкую силу смерти и показать въ такомъ лицѣ, которое долженствовало быть ближе къ участію въ побѣдѣ надъ смертію.

Въ семъ должно полагать одну изъ причинъ, почему Царица Небесная возведена отъ земли обыкновеннымъ рабскимъ путемъ смерти тѣлесной; хотя, впрочемъ, какъ говоритъ благочестивое преданіе, слѣды небесной славы Ея вскорѣ примѣчены были въ томъ, что живопріемный гробъ Ея оказался праздным отъ Ея прославленнаго тѣла.

Помысли христіанинъ, что ублажаемая тобою Матерь Господа твоего, Которая, впрочемъ, и во всю земную жизнь Свою любила облекать славу Свою облакомъ смиренія, такъ что воистину была въ Ней, по слову пророческому *вся слава дщере царевы, внутрь* (Псал. XLIV. 14), что наконецъ еще, хотя на крат-

кое время, облекается Она мракомъ смертнымъ, дабы возбудить въ тебѣ, не слѣпый и малодушный, но прозорливый и спасительный страхъ смерти, дерзнувшей прикоснуться и къ чистѣйшему существу Приснодѣвы; чтобы вразумить тебя остерегаться смерти, еще не совсѣмъ безсильной, наипаче же подвизаться противу грѣха, всегда удобообстоятельнаго, и обыкновенно ведущаго за собою смерть;—помысли о семъ, и прими сіе послѣднее наставленіе Матери Господа твоего, поданное тебѣ въ Ея отхожденіи ко Господу. Аминь [1]).

1830 годъ.

CXCVII.

45. Слово

въ день обрѣтенія мощей иже во Святыхъ Отца нашего Алексія Митрополита Московскаго и всея Россіи Чудотворца и по случаю возвращенія къ Московской паствѣ.

(Говорено 20-го мая).

Цѣлуютъ вы святіи вси, паче же иже отъ Кесарева дому. Благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами. Фил. IV. 22. 23.

Возвратясь въ сей Богоспасаемый градъ, къ которому неисповѣдимыя судьбы Божіи привязали меня сколько благими, столько же страшными, потому что священными, узами, многое имѣю

[1]) Въ Моск. Вѣдомостяхъ за 1829 годъ, № 69-й, упоминается о словѣ, произнесенномъ 22-го августа сего года,—но мы сего слова не имѣемъ.

говорить нынѣ отъ избытка сердца: и всего первѣе, благодарно прославить Бога, всѣхъ благъ виновника, Который благоволилъ уже четвертому, отъ здѣшнихъ предѣловъ отдаленному и продолжительному пришельствію моему безбѣдно кончиться, если только можно сіе назвать окончаніемъ пришельствія для тѣхъ, которые *не имамы здѣ пребывающаго града*, земнаго, *но грядущаго взыскуемъ*, небеснаго (Евр. XIII. 14); потомъ, благоговѣйно привѣтствовать тебя, не только высокаго благодатію священнодѣйствія, но и открытою благодатію чудодѣйствія, Преосвященная Главо, и Твоихъ Содруговъ, Васъ, Которые боголѣпно населяете сіи древнія твердыни нетлѣнными тѣлесами Вашими, наипаче же духомъ Богоугодныхъ молитвъ Вашихъ, да укрѣпите ими немощь мою, исправите недостоинство мое и благословите меня вновь явиться на поприще по Васъ наслѣдственнаго служенія; съ любовью привѣтствовать и всѣхъ здѣсь предстоящихъ и здѣсь обитающихъ общниковъ единомысленныя во Христѣ вѣры, сподвижниковъ единозаконнаго по Богу житія, въ какомъ бы званіи ни былъ кто призванъ чтить Истиннаго Бога, служить обществу, благотворить ближнему, созидать свое спасеніе, только бы достойно ходилъ вышняго званія христіанскаго; — въ особенности съ утѣшеніемъ привѣтствовать общниковъ и сподвижниковъ священнаго служенія, и въ отсутствіи предстоятеля, такъ же какъ въ присутствіи, не смятенно и непостыдно сохраняющихъ свой чинъ и утвержденіе и, такимъ образомъ, являющихъ въ себѣ знаменіе церкви, во вѣки непоколебимой.

Но, какъ воду берегомъ, удерживаю слово заповѣдію отцовъ, повелѣвающею, для всего что дѣлаемъ и говоримъ, имѣть свидѣтельство Божественнаго писанія.

Какимъ же словомъ писанія управимъ и ограничимъ теченіе настоящаго слова? Послушаемъ, что говоритъ св. Ап. Павелъ *всѣмъ святымъ о Христѣ Іисусѣ*, т. е. освященнымъ истиною ученія и силою таинствъ христіанскихъ, *сущимъ въ Филиппѣхъ*, послѣ того, какъ проповѣдывалъ имъ, и возлюбилъ ихъ утробою Іисусъ Христовою, не самолично правда къ нимъ приходя, но, что все равно почти, чрезъ Епафродита ихъ посѣщая, и чрезъ письмо къ нимъ бесѣдуя. *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа*, говоритъ онъ имъ въ началѣ своего посланія; и видно, не довольствуясь произнести сіе привѣтствіе одинъ разъ, и видно, не имѣя другаго

столь превосходнаго, тоже привѣтствіе повторяетъ онъ въ концѣ посланія: *Благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами.* И такъ скажу и я вамъ, и нѣтъ нужды если скажу не въ первый разъ: *благодать со всѣми вами!*

Благодать, поколику сіе имя само себя изъясняетъ, есть сила подающая благо: съ духомъ священнаго языка сообразно также называть ее, буде то покажется простѣе, милостію, въ знаменованіи такого свойства и расположенія благаго существа, по коему другое существо представляется ему милымъ, привлекающимъ любовь, — поколику есть доброе, состраданіе, поколику бѣдствуетъ, прощеніе, поколику виновно. Или, если надобно точнѣе распредѣлить понятія, любовь и милость, приходя въ дѣйствіе, именуются благодатію; а принятая благодать становится дарованіемъ.

Приведенныя недавно слова Апостольскія, и множество другихъ священныхъ изреченій показываютъ, что источникъ и непосредственное начало благодати есть Богъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ. Отецъ подаетъ ее; І. Христосъ приноситъ ее въ Своемъ имени; Духъ Святый вдыхаетъ ее въ души вѣрующія, и ею одушевляетъ ихъ къ жизни духовной, — укрѣпляетъ и подвизаетъ къ дѣятельности, истинно благотворной, и потому Богоугодной и спасительной.

Изъ сего по нашей возможности составляемаго понятія о благодати, которая впрочемъ въ существѣ своемъ непостижима, поелику Божественна, уже не трудно уразумѣть, сколь оная для насъ вожделѣнна, или лучше сказать, необходима. Безъ нея нѣтъ надежды прощенія грѣшнику; нѣтъ вѣрнаго избавленія бѣдствующему; нѣтъ никому никакого блага: потому что всякое благо происходитъ отъ Единаго Бога; поелику же Богъ есть безконеченъ въ совершенствахъ Своихъ, потому Онъ есть Самъ для Себя вседоволенъ, а потому ни въ комъ и ни въ чемъ не имѣетъ нужды, ни отъ кого ничего не заимствуетъ; потому никому ничѣмъ не долженъ и не обязанъ; и слѣдственно подаетъ всякое благо не по какому либо долгу или необходимости, но только по безпредѣльной любви Своей и преизбыточествующей благодати.

Если съ нѣкоторымъ вниманіемъ разсмотримъ даже тѣлесныя существа сего видимаго міра, отдѣля отъ нихъ случайное несовершенство и нечистоту, введенныя въ нихъ злоупотребленіемъ превосходнѣйшаго творческаго дара,—свободы: то найдемъ,

что коренное начало и глубочайшее основаніе, какъ бытія ихъ, такъ и благобытія, или вмѣстимаго ими совершенства, не иное быть можетъ, какъ та же непрестанно дѣйствующая благость и сила Божія, которая, въ особенномъ образѣ своего дѣйствованія на существа духовныя и свободныя, именуется благодатію. Посмотри на обновляемый весною міръ земныхъ произрастеній, и подумай, гдѣ его начало и основаніе? Скажешь ли, что это есть земля, изъ которой онъ возникаетъ? Но возми горсть земли, покрывающей корень произрастенія, и ты увидишь, что она вовсе не имѣетъ ни силы, ни красоты, ни питательности, ни благовонности, свойственныхъ различнымъ произрастеніямъ; а чего не имѣетъ, того и сообщить имъ не можетъ. Скажешь ли еще, что сила солнца, воздуха, воды соединяются въ произрастеніяхъ? Но и симъ не изъясняется ихъ происхожденіе. Ибо какимъ образомъ малочисленныя стихіи производятъ неизчисленныя роды произрастеній, и даже въ одномъ произрастеніи многоразличныя части и свойства? Какимъ образомъ одно и тоже солнце, однѣ и тѣ-же земля, вода, воздухъ въ тоже время и въ томъ же мѣстѣ производятъ крѣпкій дубъ, мягкую траву, благовонную розу, и у одного и того же произрастенія въ стеблѣ твердость, въ листьяхъ мягкость, въ цвѣтахъ благовонность, въ плодѣ питательность? Сойдемъ, поколику возможно, глубже къ естественнымъ основаніямъ видимаго бытія. Какое основаніе самой земли, кажущейся основаніемъ видимаго на ней? Скажемъ ли съ испытателями естества, что это есть сила тяготѣнія или привлеченія къ ней, и въ солнцѣ, и въ звѣздахъ, дѣйствующая между ними взаимно? Какое мертвое основаніе для міра, полнаго жизни даже и теперь когда вошла въ него смерть, которой Богъ не сотворилъ! Какое тѣсное основанія для зданія столь обширнаго! Да и основаніе ли это? Испытующій умъ не удовлетворенъ, онъ вопрошаетъ: на чемъ основана, въ чемъ утверждена столь огромная сила привлеченія, которая должна держать на себѣ, и двигать все мірозданіе? Чтобъ испытуя глубину не низринуться въ пропасть, остановимся. Намъ ли открывать внутреннія начала и основанія природы,— намъ ли живущимъ, такъ сказать, на корѣ и скорлупѣ ея? Основаніе столь необъятнаго зданія открыть можетъ только Тотъ, Кто создалъ оное, и открываетъ потолику, поколику Самъ открывается. *Повѣшаяй землю ни на чемже* (Іов. XXVI. 7); такъ созерцаетъ его Іовъ. Что значитъ *ни на чемже?* Какъ можетъ

что нибудь стоять или висѣть ни на чемъ? Не у дѣла Божія основаніе отъемлетъ Іовъ: но уничижаетъ чувственное познаніе человѣческое, какъ такое, которое не достигаетъ до основанія дѣлъ Божіихъ. Дойди, говоритъ, до краевъ земли; сойди на ту сторону ея, которую представляешь себѣ подъ ногами твоими; ничего не найдешь около земли, надъ нею и подъ нею, кромѣ воздуха: помысли же, какъ столько вѣковъ держится столь огромное и тяжкое тѣло въ столь тонкомъ существѣ, когда и легкій пухъ недолго держится въ воздухѣ, но вскорѣ упадаетъ? Умъ твой теряется; ты видишь землю висящую, а на чемъ, того не находишь. Какъ же не погрѣшить, чтобъ изъяснить сіе чудное явленіе? Взойди къ Основателю и найдешь истинное основаніе. *Повѣшаяй землю ни на чемже.* Единъ Богъ есть Основатель всякой твари; и въ Немъ Единомъ ея глубочайшее основаніе. Всякая вещь стоитъ на томъ, на чемъ поставлена въ началѣ. Посмотри въ дальнозрительное стекло духа пророческаго, и увидишь. *Рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ* (Быт. I. 3). Тоже и для каждой послѣдующей твари. И такъ рече Богъ: да будетъ: вотъ коренное начало всѣхъ вещей! Сила Божія, слово Божіе: вотъ глубочайшее основаніе ихъ бытія и благобытія! Ибо не должно воображать слово Божіе подобнымъ произносимому слову человѣческому, которое, вышедъ изъ устъ, тотчасъ прекращается и въ воздухѣ изчезаетъ. Въ Богѣ нѣтъ ничего прекращаемаго, ничего изчезающаго: слово Его исходитъ, но не преходитъ: *глаголъ Господень пребываетъ во вѣки* (1 Петр. I. 25). Творческое слово есть какъ адамантовый мостъ, на которомъ поставлены и стоятъ твари, подъ бездною Божіей безконечности, надъ бездною собственнаго ничтожества

Сила Божія есть, по примѣненію къ нашему образу представленія, рука Вседержителя, въ коей Онъ держитъ и кругъ земной, и каждую его пылинку, и всѣ круги небесные, сколько считаетъ ихъ Самъ Онъ *Единъ исчитаяй звѣзды* (Псал. CXLVI. 4). Это не мое любомудрствованіе, но чистое откровеніе самой премудрости Божіей чрезъ Апостола, который говоритъ, что Сынъ Божій *носитъ всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. I. 3); носитъ, т. е. непрерывно дѣйствуетъ въ тваряхъ словомъ Своимъ и силою Своею, если не также, то по крайней мѣрѣ, подобно тому, какъ дѣйствовалъ въ первые дни сотворенія ихъ. Даже до нынѣ Слово Божіе творящее есть основаніе начавшагося и продолжающагося бытія тварей. Слово Божіе благослов-

ляющее есть основаніе ихъ благобытія. Имъ сіяетъ солнце; Имъ земля произращаетъ; Имъ и Его неистощимо—разнообразною силою дѣлается то, что хлѣбъ питаетъ, вино укрѣпляетъ, елей умягчаетъ и врачуетъ; Имъ всякая тварь живетъ, растетъ, совершенствуется, и каждая въ свою мѣру блаженствуетъ, во славу творческой премудрости, благости и могущества.

Послѣ сего размышленія вопрошаю: что должно быть ближе къ Богу, человѣкъ, или прочія земныя тѣлесныя твари? Отвѣтъ почти не нужно произносить. Но дабы кто не сказалъ, что всѣ твари равно близки къ непосредственному Творцу ихъ, приведемъ на память извѣстныя свидѣтельства и признаки преимущества близости человѣка къ Богу: совѣтъ Божій о его сотвореніи, безпримѣрный для прочихъ частей творенія; взятіе собственною, такъ сказать, рукою Божіею чистѣйшей персти отъ земли для образованія тѣла перваго человѣка; вдуновеніе въ лице его изъ собственныхъ, такъ сказать, устъ Божіихъ, дыханія жизни; образъ Божій, правда постыдно утраченный, но тѣмъ болѣе славно возвращенный крестнымъ подвигомъ Единосущнаго Образа и Сына Божія, Который не почелъ недостойнымъ Себя содѣлаться и нарещися вторымъ человѣкомъ и послѣднимъ Адамомъ (1 Кор. XV. 45. 47).

Сію преимущественную предъ прочими тварями близость человѣка къ Богу Самъ Небесный Учитель употребляетъ, какъ сильное средство наставленія, когда говоритъ: *аще сѣно сельное днесь суще, и утрь въ пещь вметаемо, Богъ тако одѣваетъ, не много ли паче васъ маловѣри* (Матѳ. VI. 30)? Симъ же путемъ умозаключенія можемъ мы теперь слѣдовать, разсуждая о благодати. Если въ *солнцѣ* сего тѣлеснаго міра *положилъ селеніе Свое* (Пс. XVIII. 5) Богъ, и Онъ *сіяетъ* имъ такъ благотворно и щедро *на злыя и благія* (Матѳ. V. 45); кольми паче вышняя область духа человѣческаго, чтобы не предать себя мерзости запустѣнія, чтобы не превратиться въ страну тьмы и сѣни смертной, должна быть живою обителью Всевышняго, и быть просвѣщаема Его *истиннымъ свѣтомъ*, который, какъ видитъ и показуетъ служитель свѣта, и дѣйствительно *просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ* (Іоан. I. 9), разумѣется, поколику человѣкъ не убѣгаетъ отъ сего внутренняго свѣта во внѣшнюю тьму злыхъ дѣлъ. Если *прозябаяй траву скотомъ и злакъ на службу человѣкомъ* (Пс. CIII. 14) есть также Богъ; если о пищѣ тѣла *научаются*

сынове, ихже возлюбилъ еси Господи, яко не рожденія плодовъ питаютъ человѣка, но слово Твое Тебѣ вѣрующихъ соблюдаетъ (Прем. XVI. 26), иногда чудесно, а всегда естественно, и вѣрующихъ и невѣрующихъ, подобно какъ и солнцемъ Своимъ по преизбыточествующей благости сіяетъ на злыя и благія: кольми паче душу человѣческую свойственною и удовлетворительною ей пищею напитать, плодъ добродѣтели возрастить, алчбу правды и жажду истины утолить, сердце укрѣпить духовною силою, возвеселить радостію святою, никто и ничто не можетъ, развѣ Богъ и Слово Его, какъ и сказуетъ Единородный Его: *Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе: аще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки* (Іоан. VI. 51); *иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. XV. 5). По ученію Апостола, не только всякое доброе дѣло дѣлается, но и всякое святое слово достойно произносится не иначе, какъ съ помощью Духа Святаго: *Никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. XII. 3); кратко сказать: если бытіе и благобытіе низшихъ тварей ежеминутно зависитъ отъ благости и силы Божіей: кольми паче духовная жизнь и блаженство человѣка, сотвореннаго по образу Божію, и возсозидаемаго въ образъ Божій, ежеминутно, такъ какъ и вѣчно,—зависитъ отъ содѣйствующей благодати Божіей.

И потому дивиться должно невнимательности или слѣпотѣ человѣковъ, которые живутъ и дѣйствуютъ, хотятъ и надѣются быть благополучны, не помышляя о благодати Божіей.

Скажи неищущая благодати, но еще искомая благодатію душа, чѣмъ же думаешь ты жить и благоустроить жребій свой? Не разумомъ ли? Но если ты разумна: то надобно тебѣ знать давно извѣстное, *яко Господь даетъ премудрость, и отъ лица Его познаніе и разумъ* (Прит. II. 6); что истинная *премудрость* есть *яже свыше* (Іак. III. 17); что спасительный разумъ приходитъ отъ благодати. Если же ты хочешь возвыситься разумомъ, который родится на землѣ, и никогда не выростаетъ выше чувствъ: то знай также, что онъ, обѣщая всегда болѣе, нежели къ чему способенъ, и по стѣсненію чувствами и прельщенію страстями, исполняя всегда менѣе, нежели способенъ, давно уже осужденъ на отверженіе и погибель: *погублю премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ сокрыю* (Ис. XXIX.

14). Сей то самохваленный разумъ человѣческій и есть тотъ всемірный невѣжда, котораго сперва посрамить, а потомъ научить, или переучить по своему, пришло Евангеліе, посланное Благодатію. *Понеже бо въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди* Евангельской *спасти вѣрующихъ* (1 Кор. I. 21). Чѣмъ же еще, думаешь ты, жить и устроить свое благо? Не закономъ ли? Да, о его заповѣдяхъ сказалъ Самъ Верховный Законодатель: *сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ* (Лев. XVIII. 5). Но дерзнемъ сказать свободно: если бы первые человѣки сохранили первый законъ, не вкушать отъ древа, и такимъ образомъ получили жизнь вѣчную; и тогда получили бы они ее не по праву законному, или по заслугѣ, ибо какая заслуга младенца въ томъ, что онъ, по предостереженію отца, не берстъ въ руки ножа, или горящаго угля? Если сіе послушаніе даетъ право на какое воздаяніе, то воздаяніе сіе уже получено въ томъ, что онъ не разрѣзалъ, или не обжегъ рукъ. Такимъ образомъ и совершенный исполнитель закона получилъ бы вѣчную жизнь не иначе, какъ по благодати Всещедраго Законоположника Бога, Который, не ограничиваясь тѣмъ, что заповѣдію спасаетъ отъ зла, противъ котораго она поставлена, сверхъ того даруетъ исполнителю ея благо, на которое она не даетъ права. Впрочемъ о семъ что говорить много, когда первый законъ и правда его рушились еще въ первомъ человѣкѣ, и мы есмы не иное что, какъ природные беззаконники? Теперь,—взываетъ Іовъ, кажется и праведный,—*кто чистъ будетъ отъ скверны; никтоже, аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. XVI. 4. 5). При семъ не должно забыть того правила правды законной, что *иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ.* (Іак. II. 10). Итакъ, что для насъ величественное обѣтованіе ветхозаконное, что сотворивый заповѣди живъ будетъ въ нихъ? Не болѣе, какъ то, что мы не получимъ жизни посредствомъ заповѣдей. *Обрѣтеся ми заповѣдь, яже въ животъ, сія въ смерть* (Рим. VII. 10). Законъ показываетъ, что дѣлать, и чего не дѣлать; требуетъ исполненія заповѣдей; обѣщаетъ жизнь; но исполненіе предоставляетъ мнѣ: поелику же я въ семъ не успѣваю, то въ удѣлъ мнѣ достается не жизнь, а смерть. На чтоже, скажешь, и является законъ съ своими заповѣдями? Для того, чтобы обличить беззаконіе, чтобы не оставить человѣка навсегда закоснѣлымъ

беззаконникомъ и на вѣки лишеннымъ жизни, чтобы пробудить въ немъ отвращеніе отъ беззаконія, и желаніе творить добро, чтобы начать дѣло его спасенія? Начать только? А кончить? Сіе можетъ только благодать, Хрістосъ и вѣра. *Кончина закона Хрістосъ въ правду всякому вѣрующему* (Рим. X. 4). *Благодатію есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится* (Еф. II. 8. 9). Благодать, по вѣрѣ, прощаетъ и изглаждаетъ прежнія беззаконія, открытыя закономъ, и даетъ силу избѣгать новыхъ, или исполнять законъ. *Немощное бо закона, въ немже немоществоваше плотію*, исправляя, *Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и* въ жертву *о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу* (Рим. VIII. 3. 4). Ходятъ же по духу, и живутъ духомъ только тѣ, которые рождены отъ духа благодатію. Видите, братія, сколь воистину достойно чистѣйшаго и сильнѣйшаго желанія то, что желаетъ Апостолъ возлюбленнымъ своимъ Филиппійцамъ, и чѣмъ, по его примѣру, васъ привѣтствуемъ: Благодать со всѣми вами. Да возбудится и въ васъ святое желаніе принять желаемую для васъ первенствующую святыню, всесвятую благодать Божію. Да неослабитъ сего желанія помыслъ небреженія, что если благодать *преизбыточествуетъ* и тамъ, *идѣже умножися грѣхъ* (Рим. V. 20): то пріидетъ она и безъ нашей заботы, и совершитъ въ насъ свое дѣло. Да сохранитъ насъ Богъ отъ сего низкаго и лукаваго мудрованія! Что подумали бы мы о сынѣ, который бы не переставалъ умножать оскорбленія доброму отцу, потому именно, что во многихъ прежнихъ получилъ прощеніе, или остался безъ наказанія? Не почли-ль бы таковаго извергомъ, недостойнымъ болѣе ни прощенія, ниже имени сына? Таковъ предъ очами Отца Небеснаго человѣкъ, который не престаетъ умножать грѣхи свои, въ дерзкой надеждѣ на преизбыточество благодати прощающей! Что должно случиться съ больнымъ, который не хочетъ принимать лекарствъ, потому, что слишкомъ увѣренъ въ искусствѣ своего врача, почитая его способнымъ возвратить и отъ дверей смерти? Смерть всего вѣрнѣе; потому что онъ какъ началъ, такъ и будетъ полагать себя еще далеко отъ дверей смерти, доколѣ не очутится позади оныхъ, и невозвратно минуетъ искусство врача и силу врачебныхъ пособій. Такова должна быть участь человѣка, который не старается пользоваться по-

собіями благодати, по нерадивой надеждѣ на ея могущество. Не будемъ, братія, ни дерзки, ни безпечны, или отъ безумной дерзости грѣшить; обратимся къ святому дерзновенію дѣятельно искать и усильно домогаться благодати прощенія и исправленія. *Да приступаемъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, да пріимемъ милость, и благодать обрящемъ, во благовременну помощь* (Евр. IV. 16).

Возвращаясь къ привѣтственному слову Апостола, которое послужило руководствомъ настоящему слову, примѣчаю, что Онъ не оставилъ послѣдовать и тому обычаю привѣтствующихъ, чтобы привѣтствовать не только отъ своего лица, но при благопріятномъ случаѣ, и отъ лица другихъ знаемыхъ и любимыхъ. *Цѣлуютъ вы*, говоритъ, *святіи вси*, т. е. вообще христіане столичнаго города Рима, откуда онъ писалъ сіе, *паче же иже отъ Кесарева дому*. Почему *паче иже отъ Кесарева дому*? Вѣроятно, потому особенное вниманіе обращаетъ на нихъ святый Павелъ, чтобы подать Филиппійцамъ утѣшительную мысль, что и между царедворцами Кесаря есть уже вѣрующіе во Христа, и что вѣра постепенно приближается къ предопредѣленной ей побѣдѣ надъ царями и царствами. Вѣроятно и сами христіане, *иже отъ Кесарева дому*, просили Апостола привѣтствовать отъ нихъ прочихъ христіанъ, живущихъ внѣ столицы, дабы не оставить сомнѣнія себѣ и другимъ, что христіанская любовь ихъ не стѣсняется связями и приличіями свѣтскими. Чтожъ? Могу ли нѣкоторыя подобныя вѣсти изъ новой столицы возвѣстить обитателямъ древней столицы? Почему не сказать, что тамошніе общники вѣры нашея пребываютъ въ нераздѣльной съ вами христіанской любви, такъ какъ и тамошніе пастыри въ нераздѣльномъ единомысліи вѣры? Скажу ли и то, что *цѣлуютъ вы, иже отъ Кесарева дому*? О! могу, могу сказать несравненно болѣе. Цѣлуетъ вы Самъ Кесарь возлюбленный. Такъ! Самъ Благочестивѣйшій Императоръ посылаетъ чрезъ мою мѣрность слово Его высокаго благоволенія, привѣта, любви *доброй Москвѣ*. Доброй Москвѣ! Вы тотчасъ догадаетесь, что это не я ласкаю васъ въ глаза, но что сердце Царя, Который не имѣетъ нужды ласкать;—любящее сердце Царя отверзается къ вѣрной столицѣ. Вслушайтесь еще разъ добрыя вѣрою и вѣрностію сердца: вашъ Царь, соступя любовью съ высоты величія, въ превышающей самое величіе простотѣ любви, васъ привѣтствуетъ. Пріимите сію добрую вѣсть понесите ее изъ дома въ

домъ, со стогны на стогну; пусть она выйдетъ и за врата обширнаго града; пусть пройдетъ по селамъ и градамъ, ближнимъ и дальнимъ; услышавъ ее, они не позавидуютъ намъ, но порадуются съ нами, зная, что добрый Царь всѣхъ добрыхъ Россіянъ любитъ единою любовію; пусть бы, если можно, пронеслась вѣсть сія и за предѣлы отечества нашего, чтобы и тамъ знали нашу радость и наше благополучіе; пусть бы достигла она до тѣхъ народовъ, у которыхъ въ наши времена о государственномъ устройствѣ и объ отношеніяхъ между предержащею властію и подданными столько споровъ и распрей, что отъ нихъ всѣ общественныя связи трещатъ, всѣ столпы политическихъ зданій колеблются, пусть бы они прочитали у насъ явственнѣе на сердцахъ нежели на хартіяхъ написанное, краткое, но всеобъемлющее постановленіе государственное, которое заключается въ слѣдующихъ словахъ: *святость власти и союзъ любви между Государемъ и народомъ.*

Впрочемъ, какъ они хотятъ. Мы, благочестивые Россіяне, да сохраняемъ тщательно живую скрижаль спасительнаго царству закона, любовь царственную. Бога же, Который даровалъ намъ Государя, сею любовью, какъ солнце, на насъ Сіяющаго, не престанемъ умолять, да продолжитъ сохранять, укрѣплять и руководствовать Его Своею вседѣйствующею благодатію, которая болѣе, нежели примѣчаетъ недальновидная природа, участвуетъ какъ въ спасеніи душъ, такъ и въ спасеніи царствъ и народовъ. Аминь.

CXCVIII.

46. Рѣчь

въ день Святаго Духа, послѣ посвященія Преосвященнаго Павла, Епископа Костромскаго.

(Говорена въ Успенскомъ Соборѣ, мая 26-го[1]).

Общее торжество церкви во славу Святаго Духа, се, содѣлалось для тебя въ особенности торжествомъ Святаго Духа.

---

[1]) Печатается съ рукописи, обязательно доставленной намъ Священникомъ Петропавловскаго женскаго Монастыря въ городѣ Юрьевѣ Владим. Губ., Павломъ Назарьевскимъ.

Не слыхали мы нынѣ съ небесе шума, яко носиму дыханію бурну, исполняющаго храмъ; не видали языка, яко огненнаго, для тебя отдѣлившагося, и сѣдшаго на тебѣ; потому ли, что чувства наши не довольно очищены для созерцанія высокихъ откровеній Духа, или потому, что Духъ, въ продолженіи освятительнаго Своего дѣйствованія, не имѣетъ причины производить столь сильныя потрясенія, и являть столь поражающія знаменія, каковыя употребилъ въ началѣ, чтобы, такъ сказать, проторгнуться въ отлученное грѣхомъ, и заключенное отъ Бога, естество человѣческое. Какъ бы то ни было: тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что надъ тобою нынѣ, хотя не открыто, однако дѣйствительно, совершилось нѣчто подобное тому, что надъ Апостолами, *сіда скончаваxуся дніе пятдесятницы* (Дѣян. II. 1). Ибо и при нихъ, что въ началѣ совершилось чудеснымъ знаменіемъ бурнаго дыханія и огненныхъ языковъ, то въ послѣдствіи совершалось простымъ, но тѣмъ не менѣе таинственно дѣйствительнымъ возложеніемъ рукъ. *Тогда*, сказуетъ книга ихъ дѣяній, о увѣровавшихъ и крещенныхъ въ Самаріи, *возложиша руцѣ на ня, и пріяша Духа Святаго* (гл. VIII. 1). Такъ и нынѣ было на тебя дыханіе Духа, во гласѣ единодушныхъ молитвъ, которыя Онъ вдохнулъ Богомудрымъ тайноводителямъ, и въ которыхъ еще дышетъ Онъ чрезъ нашу вѣру, даже и сквозь наше недостоинство. Сила Духа, которая Апостоловъ исполнила въ часъ Его торжественнаго сошествія, и которая отъ нихъ преливалась чрезъ тайнодѣйственное рукоположеніе,—та же, и тѣмъ же путемъ своего теченія, коснулась и твоего духа, и положила въ немъ ту каплю небеснаго мѵра, ту Божественную искру, которую беречь и питать заботливо увѣщаваетъ святый Апостолъ Павелъ рукоположенника своего Тимоѳея: *воспоминаю тебѣ, возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею* (2 Тим. I. 6). Что сказано Тимоѳею: то да будетъ сказано и тебѣ, Боголюбезный Братъ: ибо Павлово-ли, или Андреево рукоположеніе передается въ священноначаліи отечества нашего, едино есть, во всякомъ случаѣ, рукоположеніе Апостольское въ церкви Апостольской.

Итакъ, *да возрадуется душа твоя о Господѣ Возмогай во благодати. Возгрѣвай даръ Божій живущій въ тебѣ. Да воинствуешь доброе воинство, имѣя вѣру и благую совѣсть. Спостраждь благовѣствованію Хрістову по силѣ Бога, спасшаго насъ и призвавшаго званіемъ святымъ, не по дѣломъ*

нашимъ, но по своему предложенію и благодати, данный намъ о Христѣ Іисусѣ прежде лѣтъ вѣчныхъ.

Но, празднуя для себя праздникъ Духа, не умедли обратить мысль твою на послѣдующіе за онымъ дни духовнаго дѣланія. Противъ немощей и недостатковъ природы, одобряя себя надеждою на силу и избыточество благодати, умѣряй дерзновеніе сея надежды благоговѣйнымъ страхомъ не легкихъ обязанностей возложеннаго нынѣ на тебя служенія. То и другое принадлежитъ къ законамъ и требованіямъ Духа.

Пророкъ Іезекіиль, посвященный въ сіе служеніе величественнымъ откровеніемъ, чувствовалъ себя въ необычайномъ восторгѣ. *Духъ воздвиже мя*, повѣствуетъ онъ о себѣ, *и взя мя, и поидохъ вознесенъ во устремленіи духа моего, и рука Господня бысть на мнѣ крѣпкая* (Іез. III. 14). Но что же потомъ? Вознесши его духомъ благодати, Господь вскорѣ смиряетъ его дѣломъ служенія. Давъ ему ощутить силу Духа, вскорѣ показуетъ ему священное бремя, которое понести ему должно. *И бысть*, продолжаетъ Пророкъ, *по седмихъ днехъ слово Господне ко мнѣ, глаголя: сыне человѣчь, стража дахъ тя дому Израилеву.* (ст. 16. 17). А на случай погибели беззаконника, или совратившагося праведника, не предостереженнаго нерадѣніемъ Духовнаго стража, Господь присовокупляетъ: *крове его отъ руки твоея взыщу* (ст. 18).

Не могши ни предвидѣть, ни ожидать, продолжится-ли духовный восторгъ твой до семи дней, не медлю я сказать тебѣ участникъ служенія, такъ же и для меня, какъ для тебя, страшнаго, что и тебя стража далъ есть Господь дому церкви Своея; и потому, если какая душа, искупленная кровію Христовою, не сохранится на пути спасенія, и не обратится съ пути погибели, по твоему нерадѣнію, кровь ея отъ руки твоея взыщется тѣмъ строже, что была она искуплена кровію безцѣнною.

Сей предварительный гласъ нелицепріятнаго суда Божія да будетъ тебѣ, освященный стражъ дома Божія, и стражемъ совѣсти твоей, и возбудителемъ твоей дѣятельности. Стреги стадо Божіе бдительно; руководствуй оное дѣятельно и вѣрно: да не кровь овецъ Господнихъ отъ тебя взыщется, но да и *твою душу избавиши* (ст. 19), и ихъ множайшихъ души спасеши.

Съ симъ желаніемъ и упованіемъ вручаемъ тебѣ, послѣ прочихъ, послѣднее знаменіе пастырства, жезлъ пастырскій. Употребляй и сіе, какъ прочія, по закону духа, по образу царствія

Христова. Пророкъ, созерцая Пастыреначальника нашего воцаряющимся, говоритъ: *жезлъ силы послетъ ти Господь отъ Сіона*; но когда видитъ Его дѣйствительно царствующимъ, тогда приписываетъ ему не силу низлагающую или поражающую, а правость, привлекающую къ Нему въ послушаніе добровольное: *жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего*. По сему образу Пастыреначальника и ты, пріявъ жезлъ начальственный, тщися дѣйствовать не столько жезломъ власти, сколько жезломъ правости, да убѣжденіе въ правости твоихъ намѣреній, словъ и дѣяній содѣлаетъ власть твою не тяжкою, но любезною; да будетъ жезлъ твой, какъ жезлъ Господень, *утѣшеніемъ* пасомыхъ. Аминь.

CXCIX.

47. Слово

въ день тезоименитства Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Александра Николаевича.

(Говорено въ Успенскомъ Соборѣ 30 августа [1])

Повинитеся убо всякому человѣчу начальству Господа ради: аще царю, яко преобладающу. аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ, въ отмщеніе убо злодѣемъ, въ похвалу же благотворцемъ. 1 Петр. II. 13. 14.

Такъ Святый Апостолъ Петръ христіанъ своего времени учитъ исполненію гражданскихъ обязанностей.

---

[1]) Помѣщаемъ это слово съ рукописнаго сборника М. М. Евреинова, въ которомъ, впрочемъ, не означены ни случай, ни время произнесенія. Въ Указателѣ словъ и рѣчей М. Филарета, помѣщенномъ въ чтеніяхъ Общ. Люб. Дух. Просв. (кн. 6) о семъ словѣ говорится слѣдующее: «Слово сіе встрѣчается къ рукописяхъ подъ именемъ Филарета, но безъ означенія случая, по которому произнесено; въ одной изъ рукописей оно помѣчено произнесеннымъ, августа 30-го дня, 1830 г., т. е. въ день тезоименитства Государя Наслѣдника; но признать сію помѣтку за несомнѣнно вѣрную сомнѣваемся потому, что въ словѣ

Тогда была особенная нужда внушать христіанамъ повиновеніе начальству: во первыхъ, потому, что, съ распространеніемъ ученія о спасеніи чрезъ вѣру во Христа, и о ничтожности закона обрядовъ, недоразумѣніями потрясено уваженіе къ закону Моисееву вообще, а отъ того еще менѣе важными казаться стали обыкновенные законы человѣческіе; во вторыхъ потому, что всѣ человѣческія начальства того времени были не христіанскія, и большею частію враждебныя христіанству

Нынѣ, когда и Царь и подданный одного и того же Царя царствующихъ признаютъ надъ собою; когда христіанская вѣра возвышаетъ и освящаетъ санъ Царя нашего, а Онъ взаимно возвышаетъ и воцаряетъ съ Собою вѣру, защищаетъ отъ невѣрныхъ, покровительствуетъ, печется, ревнуетъ о распространеніи ея чистыхъ истинъ, ея совершенныхъ добродѣтелей, закономъ, властію, примѣромъ, съ тою, впрочемъ, великодушною терпимостію къ невѣдущимъ и заблуждающимъ, которую сама кроткая вѣра внушаетъ;—здѣсь, гдѣ вижу избранный соборъ сыновъ царствія, пришедшихъ вознести благодареніе Богу за Царя своего, и за надежду имѣть Его для потомства, какъ за безцѣнный даръ небесный, и молить о сохраненіи сего дара;—нынѣ, и здѣсь провозглашать столь же знакомую для сердца, какъ и для ума, заповѣдь о повиновеніи Царю и всякому начальству, нужно ли, не излишне ли, не оскорбительно ли даже? Нѣтъ, учитъ меня въ семъ оправдаться другой Апостолъ,—*мнѣ убо не лѣностно, вамъ же твердо* (Фил. III. 1).

Что повиновеніе во всякомъ обществѣ необходимо, что безъ него не можетъ быть ни порядка, ни безопасности, ниже существовать общество само собою не можетъ,—сіе очевидно. Люди, которыхъ непокоривость довела до такого безумія, что они не примѣчаютъ сей очевидности, бѣгутъ изъ общества, и въ дебряхъ и лѣсахъ составляютъ сборище татей и разбойниковъ. Что-жь? Дойдя до крайности беззаконія, ушли ли они отъ закона повиновенія? Совсѣмъ нѣтъ. Чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ, они принуждены повиноваться, только не начальнику, а

упоминается о собравшихся вознести благодареніе Богу за Царя». Мы не раздѣляемъ сего сомнѣнія потому, что находимъ естественнымъ благодареніе Богу и за Царя, когда возносится таковое благодареніе за Его Наслѣдника. Притомъ же въ словѣ упоминается о собравшихся «вознести благодареніе Богу» не только «за Царя своего», но «и за надежду имѣть Его для потомства».

злодѣю, не закону, а неистовой волѣ. Такъ самые враги повиновенія свидѣтельствуютъ о необходимости повиновенія.

Но если даже въ сборищѣ татей и разбойниковъ есть повиновеніе: то нельзя въ семъ случаѣ не примѣтить, что есть родъ повиновенія, который не составляетъ большой добродѣтели. Посему въ ученіи о повиновеніи особенно важно то, чтобы опредѣлить родъ повиновенія, который составляетъ истинную и совершенную добродѣтель. Для сего Апостолъ, уча повиновенію, обратилъ вниманіе на вопросъ, чего ради повиноваться должно.

Между прочимъ замѣчаетъ онъ, что начальники посылаются отъ Царя, въ *отмщеніе убо злодѣемъ, въ похвалу же благотворцемъ*. И такъ, можетъ человѣкъ повиноваться, или ради собственной пользы, потому что начальники, посланные въ отмщеніе злодѣямъ, охраняютъ его безопасность отъ всякаго злодѣя;—или ради страха, потому что мстящіе злодѣямъ начальники, обратили бы мщеніе и на неповинующагося, какъ на дѣлающаго зло цѣлому обществу, повиновеніемъ утверждаемому, неповиновеніемъ разрушаемому;—или ради похвалы и славы, потому что князи, посланные въ похвалу благотворцемъ, въ числѣ прочихъ добродѣтелей, и точность повиновенія отличаютъ и награждаютъ.

Открыли мы три рода повиновенія: корыстное для собственной пользы, рабское изъ страха, честолюбивое для достиженія преимуществъ. Что же должно сказать о ихъ достоинствѣ?—Безспорно, всѣ они лучше неповиновенія; всѣ могутъ въ разныхъ случаяхъ съ успѣхомъ быть употреблены противъ искушеній неповиновенія: но есть ли тутъ добродѣтель чистая и твердая?

Въ комъ только страхъ господствуетъ и гонитъ мысль и волю отъ дѣла злаго къ доброму: тотъ добръ только впереди страха, и уже золъ позади страха. Кто уклоняется отъ зла и дѣлаетъ добро только для собственной пользы, происходящей отъ такого поведенія: тотъ, по обдуманному ли разсчету, или самъ того не примѣчая, поставилъ уже свою корысть выше добродѣтели. Честолюбіе, какъ ни стараются ему дать благородный и возвышенный видъ, есть также своекорыстіе, только утонченное, которое не кладетъ тяжелой корысти въ темную кладовую, но ловитъ легкую и блестящую корысть, которою можно было бы украсить свое имя, или воскрыліе одежды, и которая бы носилась по воздуху въ молвѣ народной. Посему, можно судить,

есть ли чистая добродѣтель повиновеніе корыстное, рабское и честолюбивое.

Добродѣтель недовольно чистая не можетъ быть довольно постоянною, подобно какъ нечистое золото измѣняетъ свой видъ и обнаруживаетъ примѣсь. Какъ естественно то, чтобы всякое дѣйствіе равно было своей причинѣ и дальше ея не простиралось: такъ надлежитъ ожидать, что повиновеніе, основанное только на страхѣ, на корысти, на удовлетвореніи честолюбія, поколеблется, когда честолюбію нѣтъ удовлетворенія, или по невнимательности награждающаго, или по алчности самаго честолюбія, когда повиновеніе, требуемое общею пользою, противно частнымъ выгодамъ; когда устрашающая законнымъ отмщеніемъ или наказаніемъ, власть или не довольно сильна, или не довольно проницательна и дѣятельна.

Прежде нежели скажемъ, по наставленію Апостола, о лучшемъ и совершеннѣйшемъ родѣ повиновенія, да будетъ позволено мнѣ мимоходомъ упомянуть, какъ учатъ общественному повиновенію мудрецы вѣка сего, не захотѣвшіе учиться у рыбарей. Должно, говорятъ, повиноваться общественнымъ властямъ, на основаніи общественнаго договора, которымъ люди соединились въ общество, и для общаго блага общимъ согласіемъ учредили начальство и подчиненность. Вотъ прекрасное основаніе для того, чтобы на немъ построить государство, въ высокоумной книгѣ или въ мечтательной головѣ, а отнюдь не въ природѣ вещей. Если думаютъ, что нельзя иначе основать общество, какъ на общественномъ договорѣ: то не на немъ ли основаны и общество пчелъ и муравьевъ? И не надобно ли подлинно выламывающимъ соты и разрывающимъ муравейники поручить отыскивать въ нихъ постановленную хартію пчелъ и муравьевъ? И доколѣ сего не сдѣлано, ничто не препятствуетъ намъ думать, что пчелы и муравьи составляютъ общества не по договору, а по природѣ, по впечатлѣнной въ существѣ ихъ идеѣ общенія, которую Творецъ міра и въ семъ низкомъ кругѣ созданій Своихъ овеществовать благоизволилъ. Если же нашелся въ природѣ примѣръ составленія общества по самой природѣ, или по назначенію отъ Творца природы: то нужно ли вымышлять иной способъ составленія общества человѣческаго? И къ чему годится вымыслъ общественнаго договора? Никто не можетъ спорить противъ того, что начальный видъ общества есть общество семейственное. Итакъ, младенецъ повинуется матери, а мать имѣетъ власть надъ мла-

денцемъ, потому ли, что они договорились между собою, чтобы она кормила его грудью, а онъ какъ можно менѣе кричалъ, когда его пеленаютъ? Что, если бы мать предложила младенцу слишкомъ тяжкія условія? Не прикажутъ ли ему изобрѣтатели общественнаго договора идти къ чужой матери и договариваться съ нею о его воспитаніи? Сколь удобно въ семъ случаѣ приложеніе общественнаго договора: почти столько же оно удобно и во всѣхъ другихъ случаяхъ, для всякаго человѣка, отъ младенца до старца, отъ перваго до послѣдняго. Всякій договоръ человѣческій можетъ имѣть силу только тогда, когда вступаютъ въ него съ сознаніемъ и по доброй волѣ. Много ли же въ обществѣ людей, которые слышали о договорѣ общественномъ; а изъ немногихъ, которые наслышались о немъ, многіе ли о немъ имѣютъ ясное понятіе? Спросите, не говорю простаго гражданина, спросите мудреца договоровъ: когда и какъ вступилъ онъ въ общественный договоръ? Во время совершеннолѣтія? Но кто опредѣлилъ сіе время? И былъ ли внѣ общества до совершеннолѣтія?...

Посредствомъ рожденія? Это превосходно. При сей мысли охотно поздравляю всякаго Россіянина съ тѣмъ, что онъ умѣлъ, не знаю, съ родителями ли своими, или съ самою Россіею, договориться, чтобы ему родиться въ могущественной Россіи, подъ правительствомъ колико сильнымъ и полномочнымъ, толико же кроткимъ и благопріятнымъ законной свободѣ. Опасаться только надобно, что ни рожденный, ни родители не думали о семъ договорѣ въ свое время, и потому ссылаться теперь на него не значитъ ли поддѣлывать оный? И слѣдственно, не вѣрнѣе-ли, такъ какъ и простѣе, и въ повиновеніи и въ прочихъ отношеніяхъ къ обществу, разбираться по праву и обязанности рожденія дѣйствительнаго, вмѣсто вымышленнаго договора,—сего сновидѣнія общественной жизни, которое, будучи разсказано не въ добрый часъ,—произвело и производитъ вещественныя бѣдствія человѣческихъ обществъ. *Повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко законъ Твой Господи* (Пс. CXVIII. 85). Возвращаюсь къ ученію рабовъ Твоихъ, которые одни умѣютъ учить, и для младенца просто, и для мудреца глубоко, и для будущей жизни спасительно, и для настоящей благотворно во всѣхъ отношеніяхъ.

Истинный и совершенный, собственно христіанскій образъ повиновенія начальству открываетъ Апостолъ, когда говоритъ:

повинитеся, Господа ради. Вы знаете, что Господь сотворилъ васъ; что непрестанно провидѣніемъ Своимъ Онъ хранитъ васъ и печется о васъ; что, наконецъ, Онъ устрояетъ вамъ вѣчное спасеніе. Вы познали Его; увѣровали въ Него; вы чувствуете или самую любовь къ Нему, или, по крайней мѣрѣ, совершенную обязанность любить Его, *яко Той первѣе возлюбилъ есть насъ* (I Іоан. IV. 19), и неограниченно повиноваться волѣ Его. Но какъ Онъ владычествуетъ всѣмъ, и какъ Онъ вамъ творитъ добро чрезъ общество человѣческое; то взаимно и чрезъ васъ хощетъ творить добро человѣческому обществу, между прочимъ чрезъ самое простое средство,—чрезъ повиновеніе. Итакъ, по вѣрѣ въ Него, по любви къ Нему, изъ повиновенія Ему,—словомъ *Господа ради повинитеся всякому человѣчу начальству.*

Подвергайте сей родъ повиновенія какимъ угодно испытаніямъ—въ чистотѣ, въ твердости, въ совершенствѣ; онъ способенъ все выдержать. Пусть не будетъ страха, пусть никогда человѣческое прощеніе не угрожаетъ за нарушеніе повиновенія; христіанинъ будетъ повиноваться, потому что Господь окомъ любви взираетъ на его повиновеніе, и окомъ гнѣва воззрѣлъ бы на неповиновеніе. Пусть не будетъ ни выгоды, ни похвалы вѣрному въ повиновеніи; христіанинъ останется таковымъ, потому что похвала отъ Бога, въ совѣсти, награждаетъ его совершенно достаточно; потому что и внѣшнія выгоды его находятся въ попеченіи у Господа, и вѣрно сохранены будутъ столько, сколько сіе сообразно съ его благомъ внутреннимъ. Если бы даже противустали вѣрному въ повиновеніи невѣрность, прельщеніе, прещеніе за самую вѣрность: нѣтъ нужды, говоритъ наставникъ совершеннаго повиновенія, предвидѣвшій и сію крайность искушенія: *повинитеся* законному *начальству Господа ради*, даже и тогда, когда бы порокъ и бѣдствіе сугубыми силами возстали противу добродѣтели повиновенія. *Яко тако есть воля Божія, благотворящимъ обуздовати безумныхъ человѣкъ невѣжество* (1 Петр. II. 15).

Россіяне! Мысль о Возлюбленномъ Государѣ дѣлаетъ вамъ легкимъ и сладкимъ долгъ повиновенія. Христіане! Мысль о Богѣ и Христѣ да содѣловаетъ вамъ вожделѣннымъ и нетруднымъ совершенство повиновенія. *Повинитеся, Господа ради.* Аминь.

СС.

48. Слово

въ день Святителя Алексія.

(Говорено въ Чудовѣ Монастырѣ, февраля 12 дня)

Молитеся о насъ: уповаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣ хотяще жити (Евр. XIII. 18),—пишетъ Святый Апостолъ Павелъ ко Евреемъ, то-есть къ христіанамъ изъ Евреевъ.

Молитеся о насъ: говоримъ иногда и мы людямъ, которыхъ почитаемъ сильными въ молитвѣ, или, по крайней мѣрѣ, упражняющимися въ ней съ примѣтнымъ вниманіемъ. И нынѣ, для чего такое множество людей собралось въ храмѣ семъ, если не для того наипаче, чтобы сказать Святителю Алексію, какъ могущественному Молитвеннику: моли Бога о насъ?

Воспользуемся же словами Апостола, чтобъ извлечь изъ нихъ о взаимной молитвѣ нѣкоторыя мысли, для насъ полезныя.

Молитеся о насъ. Подумайте, кто это проситъ себѣ молитвы другихъ:—Павелъ, который нѣкогда, съ своимъ сотрудникомъ Силою въ темницѣ Филиппійской, совершалъ молитвенное Богу славословіе съ такою духовною силою, что *внезапу трусъ бысть велій, яко поколебатися основанію темничному: отверзошася же абіе двери вся, и всѣмъ узы ослабѣша* (Дѣя. XVI. 25. 26); Павелъ, который объятіемъ сострадательной любви и молитвы воскресилъ Евтиха; Павелъ, котораго молитвѣ даровалъ Богъ вдругъ двѣсти семьдесять шесть душъ сопутниковъ его въ плаваніи, готовыхъ погибнуть отъ кораблекрушенія;—Павелъ, котораго Самъ Господь нарекъ *избраннымъ сосудомъ* благодати Своея, и который самъ о себѣ не обинулся исповѣдать: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. IV. 13). И сей, вся могущій, проситъ себѣ помощи молитвенной; и отъ кого проситъ?—Не отъ какихъ либо избранныхъ крѣпкихъ

молитвенниковъ, но отъ всѣхъ христіанъ Евреевъ безъ разбора, не исключая и послѣдняго мірянина. Что-жъ такое дѣлаетъ Святый Павелъ?—Да, что онъ дѣлаетъ, то достойно глубокаго вниманія нашего, и, если будемъ внимательны, можетъ подать намъ немаловажныя наставленія.

Примѣръ Апостола долженъ вразумить насъ, христіане, какъ настоятельна потребность взаимной другъ о другѣ молитвы, и наипаче общественной, когда и сей толико крѣпкій подвижникъ духовный признаетъ для себя нужду сей духовной помощи;—какъ дерзко было-бы опираться на силу одной собственной молитвы, хотя бы кто въ ней уже имѣлъ нѣкоторые опыты, и достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ, когда на собственную молитву не дерзаетъ положиться мужъ облагодатствованный столь необыкновенно и чудесно;—съ какимъ смиреніемъ и простотою надлежитъ намъ не отвергать, не пренебрегать молитвенной помощи [illegible] изъ вѣрующихъ, когда прозорливый духъ Павла [illegible] потребилъ въ семъ случаѣ разборчивости, которую трудно употребить безъ возношенія себя и безъ униженія ближняго, и которая была бы безъ цѣли, потому что *сила* Божія въ немощи *совершается*,—слѣдственно можетъ иногда совершиться и въ немощнѣйшихъ, повидимому, молитвенникахъ.

Кстати замѣтимъ изъ примѣра Святаго Павла, какъ вѣрно, даже до нынѣ въ церкви Божіей сохраняется тотъ же духъ, и тотъ же чинъ, какой ученіемъ и примѣромъ ввели въ нее Святые Апостолы. Въ каждомъ Богослуженіи слышите вы, какъ церковь призываетъ всѣхъ вѣрующихъ, не исключая немощнѣйшаго и послѣдняго, молиться какъ другъ за друга вообще, и въ разныхъ отношеніяхъ, такъ въ особенности за тѣхъ, которые призваны въ преемственное Апостоламъ служеніе благодати.

Дабы, безъ трудныхъ разсужденій, ясно показать вамъ благотворное дѣйствіе молитвы другъ за друга, приведу примѣръ другаго Апостола. *Петра стрежаху въ темницѣ: молитва же бѣ прилѣжна бываемая отъ церкве къ Богу о немъ. Егда же хотяте его извести Иродъ* для суда, и вѣроятно, для убіенія, *въ нощи той бѣ Петръ спя между двѣма воинома, связанъ желѣзнома ужема двѣма стражіе же предъ дверми стрежаху темницы* (Дѣян. XII. 5. 6). Опасность крайняя, избавленіе кажется невозможнымъ; притомъ-же самъ Петръ не молится о избавленіи: *бѣ Петръ спя*: но какая нечаянность? Се Ангелъ Господень предста, онъ разбудилъ Петра; оковы спали съ него

сами собою; Ангелъ провелъ его сквозь запертыя двери, между стоящими при нихъ стражами, и оставилъ на свободѣ. Какимъ же образомъ Петръ не вымолилъ, а выспалъ свое избавленіе?— Тѣмъ образомъ, что *молитва бѣ прильжна бываемая отъ церкве къ Богу о немъ*. Она совершила избавленіе Петра, безъ Его усилія и безъ Его вѣдома.

Мало свѣдущіе въ дѣлахъ духа могутъ спросить: почему постороннаго молитвеннаго содѣйствія, или даже полнаго содѣйствія, или даже полнаго дѣйствія, требуютъ и такіе люди, которые имѣютъ сами даръ молитвы, воздѣланный упражненіемъ, и приносящій даже чудесные плоды? Нѣкоторые по недоумѣнію, въ простотѣ могутъ сказать о Петрѣ или Павлѣ то, что нѣкогда Іудеи, въ ожесточеніи, въ укоризну, говорили о Христѣ: *иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти* (Мѳ. XXVII. 42)?—На сіе, для искренно вопрошающихъ, отвѣтствуемъ: Павелъ проситъ себѣ чужой молитвы по смиренію; Петръ не спасаетъ себя изъ темницы—по отверженію своей воли, по преданности въ волю провидѣнія Божія: между тѣмъ какъ того же Петра, и того же Павла, въ молитвѣ за другихъ, гораздо болѣе свободными и по вѣрѣ дерзновенными, дѣлаетъ человѣколюбіе и состраданіе; и потому они подлинно иныхъ спасаютъ своею молитвою и не стыдятся сами молитвою иныхъ быть спасаемы. Но для чего Богъ полагаетъ на избранныхъ Своихъ сей образъ духовной скудости и уничиженія, что они заимствуются пособіями молитвы отъ другихъ людей, менѣе облагодатствованныхъ?—Для того же, чтобы лучше сберечь высоту ихъ достоинства во глубинѣ ихъ смиренія. Или, пусть сіи дивные люди сами изъяснятся о дивномъ въ нихъ смотрѣніи Божіемъ: *имамы*, говорятъ, *сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ, да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ* (2. Кор. IV. 7). Если бы Святые всегда были также чудесно могущественны для себя, какъ часто бываютъ для другихъ; то не проницательные люди удобно приписали бы имъ лично силу Божію, въ нихъ дѣйствующую; и слѣдственно похитили бы у Бога славу, Ему принадлежащую: но когда тѣ же люди въ одномъ случаѣ богоподобны чудеснымъ могуществомъ, а въ другомъ подобострастны намъ общею человѣкамъ немощію; тогда и мало проницательные должны усмотрѣть, что тутъ является *премножество силы Божія, а не отъ насъ*.

Возвратимся къ словамъ Апостола, которыя мы взяли въ руководство настоящему размышленію. *Молитеся о насъ*:—*уповаемъ*

бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣ хотяще жити. Не просто требуетъ онъ молитвъ о себѣ: но представляетъ нѣчто такое, почему бы его требованіе признали справедливымъ, и не отказали въ требуемомъ: *уповаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣ хотяще жити.* Въ сихъ словахъ можно видѣть слѣдующее размышленіе Апостола: «если бы я признавалъ въ себѣ совѣсть не добрую, не очищенную отъ грѣховъ, по возможности человѣческой, и по благодати Божіей: если бы не имѣлъ искренняго намѣренія вести добрую жизнь во всѣхъ отношеніяхъ; то не отважился бы себѣ просить отъ церкви молитвенной помощи, которой нечистая совѣсть не достойна, и которая злому намѣренію споспѣшествовать не можетъ. но поелику, испытуя сердце свое предъ Богомъ, не нахожу, чтобы совѣсть обличала меня въ дѣлахъ, завѣдомо и по намѣренію злыхъ; а, напротивъ того, стараюсь во всѣхъ случаяхъ имѣть намѣренія, Богу угодныя, ближнимъ полезныя, собственной душѣ моей спасительныя; то съ не смущеннымъ дерзновеніемъ прибѣгаю къ духу благодати и щедротъ, дышущему въ церкви, испытующему сердца, и дающему всѣмъ по сердцу каждаго». Итакъ, вотъ еще наставленіе, которое мы должны для себя извлечь изъ примѣра Апостола: кто желаетъ воспользоваться споспѣшествующею молитвою ближнихъ и всея церкви, тотъ долженъ прилѣжно испытать свою совѣсть, отвергнуть всякое намѣреніе грѣховное, всякое хотѣніе нечистое; стараться нелицемѣрно, во всякомъ случаѣ, содѣлать такую долю добра и правды, какая возможна ему, по дару Божію естественному и по предварительной благодати; и потомъ уже съ упованіемъ просить дальнѣйшей помощи духовной и благодатной отъ душъ искренно молящихся.

Таковы суть, братія, законы общественнаго духа молитвы; таковъ порядокъ его дѣйствованія. Кто не подчиняется симъ законамъ; кто не обращаетъ вниманія на сей порядокъ: тотъ напрасно вздумаетъ жаловаться на скудость плодовъ общественной и взаимной молитвы; онъ долженъ жаловаться на самаго себя, на свое неразуміе, или, поелику для простаго добролюбиваго невѣдѣнія есть простыя внушенія духа и тайная помощь Благодати, еще справедливѣе долженъ жаловаться на свое произвольное нерадѣніе или невѣрность.

Церковь непрестанно призываетъ насъ къ молитвѣ взаимности, то въ особенности за начальствующихъ и служащихъ церкви,

то за братій нашихъ, разнообразно бѣдствующихъ, то за всѣхъ единовѣрныхъ вообще. Учрежденный ликъ, то и дѣло, вопіетъ за насъ ко Господу о помилованіи насъ, и о подаяніи намъ благодати. Что же ты, предстоящій? Вопіешь ли также въ сіе время въ сердцѣ твоемъ? Чувствуешь ли важность сего общенія, чтобы присоединить твой малый молитвенный гласъ къ великому молитвенному согласію церкви? Помышляешь ли о твоей частной молитвѣ смиренно и униженно; а о соединенной молитвѣ церкви благоговѣйно и благонадежно? Или только слушаешь пробѣгающія слова чтеца, какъ шумъ вѣтра, и гласъ пѣвца, какъ звукъ свирѣли, и, между одушевленными духомъ молитвы, стоишь какъ безчувственное древо, какъ холодная стѣна? Ахъ! Очувствуйся, полумертвая душа, возбуди сердце твое; воззови ко Господу изъ глубины твоей внутренней, да возможешь рѣяніемъ твоимъ коснуться глубины духа Божія, исполняющаго церковь Божію, и привлещи себѣ начатокъ духа благодати и щедротъ, въ обновленіе и благоуправленіе твоея жизни.

Иные, по видимому, обращаются къ молитвамъ церкви, призываютъ молитвы Святыхъ, просятъ молитвъ отъ нѣкоторыхъ ближнихъ: но между тѣмъ не довольно обращаются къ своей совѣсти, не довольно вниманія обращаютъ на свою жизнь; не воспріемлютъ добрыхъ намѣреній, или воспріявъ, не сохраняютъ. Говорятъ Святому: молися о насъ: а сами беззаботно стоятъ на пути грѣшныхъ. Подумали ль вы, чего требуете? Неужели духъ молитвы для того данъ церкви, чтобы онъ, какъ вихрь, могъ схватить не кающагося грѣшника, и относить въ рай? Какая въ семъ случаѣ была бы правда у Бога? И что было бы съ самымъ раемъ, когда бы его наполняли не очищенные покаяніемъ, и не исправленные въ житіи грѣшники? Блаженное мѣсто не можетъ сдѣлать блаженнымъ грѣшника; но грѣшникъ и блаженное мѣсто оскверняетъ собою и повреждаетъ, какъ именно съ симъ, блаженнымъ нѣкогда, міромъ случилось чрезъ грѣхъ Адама. Нѣтъ! благодатный духъ молитвы дарованъ отъ Бога для помощи грѣшникамъ, возчувствовавшимъ и возненавидѣвшимъ свою грѣховность, рѣшительно возжелавшимъ очищенія и совершеннаго исправленія, у которыхъ не достаетъ только силы дѣлать добро, а не добраго намѣренія.

Желаю братія, чтобы какъ можно менѣе нашлось между нами такихъ, для которыхъ въ настоящемъ размышленіи нашемъ найдется обличеніе. Кто же найдетъ здѣсь для себя обличеніе: то

да не гнѣвается на обличающаго, по долгу; но да пріиметъ доброжелательное напоминаніе, и употребитъ оное къ своему исправленію и спасенію, которое да подается всѣмъ намъ благодатію Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, молитвами угодника Его, Святителя Алексія, и всѣхъ Святыхъ. Аминь.

CCI.

49. Слово

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи.

(Говорено въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ, іюня 25 дня)

Дати намъ, безъ страха, изъ руки враговъ нашихъ избавльшимся, служити Ему преподобіемъ и правдою предъ Нимъ вся дни живота нашего. Лук I. 73—75.

Душа человѣка, произнесшаго сіи слова, достойна того, чтобы сквозь самыя сіи слова, посмотрѣть въ ея внутренность.

Естественно неожиданное, необычайно предсказанное, рожденіе сына, Захарія видитъ наконецъ совершившееся самымъ дѣломъ. Нѣмой въ продолженіи девяти мѣсяцевъ, письменно утверждаетъ онъ для новорожденнаго, незнакомое и оспориваемое имя Іоанна, то-есть *благодатнаго*: и, симъ дѣломъ вѣры загладивъ вину невѣрія, за которую наказанъ былъ нѣмотою, тотчасъ получаетъ употребленіе языка. Въ сіе время душа его исполняется чистою радостію; чистая радость проницается небеснымъ вдохновеніемъ; его девятимѣсячныя безмолвныя помышленія превращаются въ живыя чувствованія и предчувствія; все сіе вмѣстѣ изливается изъ переполненной души: Захарія говоритъ; а Духъ Божій въ немъ пророчествуетъ. Чего Захарія долго въ долгую

жизнь свою желалъ; то наконецъ вѣрно и близко предвидитъ: и потому о чемъ бы въ другое время молился, за то теперь благодаритъ и благословляетъ Бога: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ*. Чтожъ это такое, чего Захарія желалъ такъ сильно, что съ восторгомъ предвидитъ исполненіе? *Избавленіе людемъ, — спасеніе отъ враговъ*:—не трудно признать достоинство сихъ желаній, принять ли слова сіи въ знаменованіи простомъ, естественномъ, или въ высшемъ, какое даетъ вѣра. Но, что еще вожделѣнно Захаріи, какъ дальнѣйшая цѣль сихъ, впрочемъ благородныхъ, желаній, какъ самый благодатный даръ Божій?—*Дати намъ, безъ страха, изъ руки враговъ нашихъ избавльшимся, служити Ему преподобіемъ и правдою предъ Нимъ вся дни живота нашего*.

Прошу тщательно примѣтить, какъ онъ мыслитъ и чувствуетъ. *Избавленіе людемъ* отъ многоразличныхъ золъ и бѣдъ—очень желательно; только это не конецъ желаній. *Спасеніе отъ враговъ*—очень нужно; только и на семъ нельзя остановиться. Сіи праведныя и человѣколюбивыя желанія должны вести еще къ одному желанію, какъ поприще ведетъ къ цѣли:—къ тому, чтобы мы, избавленные отъ золъ, спасенные отъ враговъ, безъ страха, безъ препятствій, въ мирѣ совѣсти, въ свободѣ духа отъ страстей, могли служить Богу преподобіемъ и правдою, святостію достойною Божества, и добродѣтелію достойною человѣчества. Вотъ сердце истиннаго праведника! Вотъ духъ человѣка Божія! Вотъ душа, въ которой можетъ жить Богъ, и которая достойна жить въ Богѣ и Его блаженствѣ!

Но къ чему теперь сіе указаніе?—скажутъ, можетъ быть, слышащіе.—Думаю, что сдѣланное мною указаніе годится къ чему-нибудь во всякое время: посмотримъ, не можетъ ли оно теперь особенно быть употреблено въ пользу.

Мы торжествуемъ нынѣ одно изъ благословенныхъ рожденій,—рожденіе Младенца, Котораго люди долго видѣли только порфиророднымъ, не умѣя сказать, *что убо отроча сіе будетъ*, но которому провидѣніе Божіе предопредѣлило быть и порфироносцемъ и Помазанникомъ Божіимъ. Поколику предопредѣленіе сіе совершилось; поколику Онъ самымъ вступленіемъ Своимъ на престолъ принесъ *избавленіе людемъ* отъ золъ и бѣдъ, коимъ трудно было бы предвидѣть конецъ, если бы оныя не были пресѣчены въ началѣ; поколику во дни Своего Царствованія, еще не многіе, Онъ пріобрѣлъ намъ не только *спасеніе отъ враговъ*,

но и славныя надъ ними побѣды: потолику мы можемъ перенять у Захаріи его радость и славословіе: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ Своимъ, и воздвиже рогъ спасенія намъ.* (Лук. I. 68—69). Но поколику видимъ еще остатокъ враговъ, и тѣмъ съ большею скорбію видимъ, что сіи плевелы прозябли рядомъ съ нашею пшеницею на полѣ, нами воздѣланномъ; поколику есть и еще неотвратимыя человѣческою рукою бѣдствія, отъ коихъ нужно избавленіе людемъ: потолику потребны намъ теперь не одинѣ благодаренія и славословія, но и моленія и прошенія къ Богу. Итакъ приглашаю васъ, братія, подражать праведнымъ желаніямъ и спасительнымъ молитвамъ, которыхъ образецъ указалъ я вамъ въ праведномъ Захаріи. Желайте избавленія людемъ отъ золъ и бѣдъ: естественное и человѣколюбивое желаніе! Молитесь о спасеніи отъ враговъ, неправедныхъ и злыхъ, клятвопреступныхъ и слѣдственно безбожныхъ: праведная и благопотребная молитва! Но молясь о благоденствіи Царя и народа, о безопасности всѣхъ и каждаго, не останавливайте помышленій и желаній на благѣ только видимомъ, тѣлесномъ, земномъ, временномъ, а простирайте оныя къ невидимому, духовному, небесному, вѣчному; желайте паче всего служить Богу святостію и добродѣтелію; молите Его *дати намъ, безъ страха, изъ руки враговъ нашихъ избавльшимся, служити Ему преподобіемъ и правдою предъ Нимъ вся дни живота нашего.* Увѣнчавайте ваши благія желанія симъ возвышеннымъ желаніемъ; и тѣмъ, колико Благому, толико же Праведному Богу, представьте удобность увѣнчать ваши желанія вожделѣнными событіями.

Нужно ли доказывать, что желаніе служить и благоугождать Богу должно быть кореннымъ и главнымъ желаніемъ человѣка, началомъ и концомъ всѣхъ его желаній?—Кто только знаетъ Бога, тому едва ли нужно сіе доказывать: а кому нужно сіе доказывать, того можно, по крайней мѣрѣ, подозрѣвать, что едва ли онъ знаетъ Бога. Кто только знаетъ, что есть Царь и подданный: тотъ по сему самому знаетъ и то, что обязанность служить Царю несравненно выше и сильнѣе обязанности служить кому-либо изъ подданныхъ, и что несравненно желательнѣе служить Самому Царю, нежели подданному. Кольми паче знающій Бога надъ тварію не можетъ не знать, что обязанность служить и благоугождать Богу есть безъ сравненія выше и могущественнѣе всѣхъ обязанностей относящихся къ тварямъ, и что

потому дѣло сего служенія, какъ въ желаніи, такъ и въ исполненіи, должно быть предпочитаемо всѣмъ возможнымъ занятіямъ человѣка.

Человѣки любятъ думать, или хотя мечтать, о возвышенности, о превосходствѣ своей природы. Не станемъ теперь изслѣдовать, отъ глубокаго ли разумѣнія болѣе сіе происходитъ, или отъ неосновательной гордости. Какъ бы то ни было: столько вы мудры, что разумѣете, какъ только *малымъ чимъ умаленъ человѣкъ отъ Ангелъ*, и какъ онъ уготовляется *къ увѣнчанію славою и честію*, дивною для самыхъ Ангеловъ; или вы столько горды, что неблагородную сторону вашей общей породы, ваше низкое сродство съ перстію и бреніемъ, хотите какъ нибудь скрыть отъ себя высшими взглядами на свою природу и видами ея высокаго назначенія: будьте тѣмъ или другимъ; только будьте согласны сами съ собою: зная себя, по природѣ и по назначенію паче прочихъ тварей близкими къ Богу, или хотя мечтая быть таковыми, не противорѣчьте, не противоборствуйте сей близости вашими душевными расположеніями, склонностями, желаніями, дѣлами; боги,—если вамъ угодно, ибо истина Божія не опасается вамъ дать сіе имя, не въ пищу гордости, но для уврачеванія отъ порока: *азъ рѣхъ, бози есте; оныхъ рече боговъ, къ нимъ же слово Божіе бысть* (Іоан. X. 34. 35);—итакъ, боги, говорю вамъ, не ставьте сами себя ниже презрѣнныхъ идоловъ; не превращайтесь въ идолослужителей Мамоны, Астарты, Ваала, то-есть, корыстолюбія, роскоши, властолюбія; не *служите твари паче Творца, Иже есть благословенъ во вѣки*; не удаляйтесь отъ небеснаго, преслѣдуя земное; не теряйте изъ вида Бога и Его воли, когда ищете себя и своего удовольствія или выгоды; не забывайте безконечнаго, думая о ничтожномъ.

Полагаю, что меня предупреждаютъ многіе въ сихъ размышленіяхъ, и говорятъ въ мысляхъ своихъ: мы безспорно признаемъ ни съ чѣмъ несравненную важность обязанности служить Богу, какъ по превосходству существа Его, такъ и по нашей отъ Него во всемъ зависимости, по долгу благодарности къ непрерывнымъ и безчисленнымъ Его благодѣяніямъ, наконецъ, по чаянію блаженнаго воздаянія, обѣщаннаго благочестиво служащимъ Ему. Очень хорошо, истина довольна симъ признаніемъ ея въ мысли или въ словѣ: только ей нужно еще другое удовле-

твореніе: сія истина требуетъ сердца. требуетъ дѣла. *Покажи мнѣ вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ.* (Іак. II. 18).

Да,—говорятъ,—это правда, что мы не можемъ показать многихъ дѣлъ нашего служенія Богу: но и нужны ли онѣ Богу? Напротивъ того у насъ всегда много нуждъ; и потому можно ли строго судить насъ за то, что мы много служили себѣ, и много занимаемся тварями?—Вѣроятно, многимъ изъ насъ не далеко идти надобно, чтобы подслушать такое оправданіе недостаточнаго служенія Богу Послушайте же. Если бы какой слуга Царевъ сталъ разсуждать такъ: «Царь многочисленныхъ подданныхъ не много имѣетъ нужды въ моей службѣ; а у меня есть свои дѣла; буду пользоваться Царскимъ жалованьемъ, если можно, и Царскимъ благоволеніемъ и почестями, но не буду много заботиться о Царской службѣ»: что подумали бы вы о такомъ человѣкѣ? Не почли ли бы его неблагородно мыслящимъ, неблагодарнымъ, невѣрнымъ своему Царю? Не сіи ли самые упреки, несравненно съ большею строгостію, заслуживаетъ тотъ, кто, пользуясь непрерывными и безчисленными благодѣяніями Божіими, не печется о дѣлахъ служенія Богу, превращая для себя истину въ средство обмана,—высокую мысль о вседоволіи Божіемъ въ предлогъ низкой лѣности? Богъ вседовольный подлинно не имѣетъ нужды въ служеніи вашемъ: но развѣ и вы не имѣете нужды въ служеніи Ему? Какъ же сдѣлаетесь вы способными къ участію въ царствіи Божіемъ? Какъ приготовитесь къ жизни небесной? Неужели сіе сдѣлается посредствомъ дѣлъ плотскихъ, занятій мірскихъ, или посредствомъ совершеннаго бездѣлія?

Христіане! Чада Евангелія! Вспомните, чѣмъ началось Евангеліе:—вѣстію: *приближися царство небесное* (Матѳ. IV. 17). Вспомните заповѣдь Евангелія: *ищите прежде всего царствія Божія* (Матѳ. VI. 33). Вспомните молитву Евангельскую къ Отцу Небесному: *да пріидетъ Царствіе Твое* (Матѳ. VI. 10). Что сіе значитъ? Богъ не царствовалъ ли отъ вѣка? Не царствуетъ ли отнынѣ и до вѣка? Не на всякомъ ли мѣстѣ владычество Его? Такъ сей Царь вѣченъ и вседержавенъ: но предназначаемые къ Его царствію временны и не всегда готовы къ причастію Его царствія. Далеко было царство небесное, когда человѣки почти не знали истиннаго Бога, и служили внѣшно идоламъ, а внутренно своимъ страстямъ и похотямъ; приближилось царство небесное, когда открылось познаніе и благодать Бога

Отца, въ Единородномъ Сынѣ Его, и во Святомъ Духѣ Его; ищется и призывается царствіе Божіе, потому что хотя Богъ и царствуетъ, но человѣки еще учатся служить Ему, и еще готовятся къ блаженному причастію Царствія Его; пріидетъ Царствіе Божіе, когда избранные для сего человѣки преуспѣютъ въ служеніи Богу, и совершатся въ приближеніи къ Нему такъ, что во всѣхъ безпрепятственно владычествовать будетъ *правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. XIV. 17.) а неправда, брань, всякая тягость земная, всякая скорбь адская потеряютъ противъ нихъ всю свою силу, *да будетъ* наконецъ *Богъ всяческая во всѣхъ* (I Кор. XV. 28). Видите, что въ Евангеліи, въ истинномъ христіанствѣ, въ православной церкви, все дѣло идетъ о царствіи Божіемъ, слѣдственно о подвигѣ и совершенствѣ служенія Богу, потому что не царствія не достаетъ со стороны Бога, но со стороны человѣка совершеннаго Богу покоренія и служенія, посредствомъ котораго Богъ даетъ благодать и славу царствія Своего человѣкамъ. Итакъ, христіане, чада Евангелія и церкви, искатели и наслѣдники царствія Божія, берегитесь, чтобы вамъ въ исканіи вашихъ собственныхъ земныхъ удовольствій и выгодъ, какъ будто вашего собственнаго царствія, не поступить противъ святаго званія, которое носите, и противъ правъ и путей царствія Божія, котораго ищете, и которое призываете въ молитвѣ. Если вы желаете и просите отъ Бога безопасности для праздной безпечности, изобилія для роскоши, силы для неправеднаго преобладанія, чести для презрѣнія къ другимъ, свободы для своеволія, а не для того, чтобы употребить оныя какъ средства и способы для благотворенія человѣчеству, для служенія Богу и Его царствію: то вы требуете, чтобы Богъ благотворилъ вамъ противъ пользъ Его собственнаго царствія. Удивительно ли, если такія желанія и прошенія не исполняются?—*Просите, и не пріемлете, зане злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ иждивете* (Іак. IV. 3).

Братія! Въ наши дни есть особенная надобность указывать на столь очевидную обязанность служенія Богу и Его царствію. *Се тьма покрываетъ землю, и мракъ на языки* (Иса. LX. 2). Народы христіанскіе, или чтобы говорить опредѣленнѣе, люди, которымъ попущено быть языкомъ сихъ народовъ, представителями и провозгласителями ихъ мудрованія, направителями ихъ дѣятельности, большею частію не то, что не знаютъ, но что гораздо хуже, не хотятъ знать христіанства; царства земныя

не ищутъ, не призываютъ царствія Божія и менѣе обращаютъ вниманія на оное, нежели на царство послѣдняго изъ сосѣдей. Дѣлаютъ для себя новыя постановленія, не основанныя на постановленіяхъ Божественныхъ, съ такою прочностію, какая свойственна зданіямъ безъ основанія: построенія ихъ рушатся въ ихъ глазахъ; однако они не примѣчаютъ, въ чемъ недостатокъ, и воздвигаютъ другія не болѣе надежныя. Сіи строители новаго Вавилона трудятся для того, чтобы все привести въ смѣшеніе, чтобы, опровергнувъ принятыя общественныя понятія, утвержденныя на самой истинѣ вещей, или упроченныя обычаемъ и древностію, кончить тѣмъ, чтобы не понимать другъ друга. Они хотятъ царей, не освященныхъ Царемъ царствующихъ; правителей, порабощенныхъ своимъ подданнымъ; напротивъ того приписываютъ царскую и самодержавную власть народу, то есть, рукамъ или ногамъ предоставляютъ должность головы, и сія должность у нихъ исполняется такъ правильно, какъ правильно сіе распоряженіе; народъ у нихъ царствуетъ мятежами, крамолами, разбоями, грабежами, сожигательствами; и достойный сего мнимаго самодержавія народнаго плодъ есть отсутствіе общественной и частной безопасности. Такъ *шатаются языцы*, потому что *поучаются тщетнымъ;* потому что въ своихъ неблагословенныхъ соборищахъ *собираются на Господа и на Христа Его*. Но за то и Господь уже *мятетъ ихъ яростію Своею; яко сосуды скудельничи, сокрушаетъ ихъ* (Пс. II), и не престанетъ сокрушать, дондеже *взыщутъ оставшіяся человѣцы* (Амос. IX. 12) Его и Его царствія.

Братія! Поспѣшимъ вполнѣ воздать неотъемлемую славу Царю Небесному на землѣ, еще взирающей къ вѣчному Востоку, еще не объятой мракомъ запада, еще не примѣсившейся къ смѣшенію Вавилонскому. Взыщемъ Бога всѣмъ сердцемъ и усерднымъ исполненіемъ Святыхъ Его заповѣдей; подвигнемся утверждать и поддерживать наше благоденствіе на основаніи царствія Божія; и сего ради паки и паки, часто и неотступно, да умоляемъ Бога, *дати намъ безъ страха*, священною рукою Помазанника Его *изъ руки враговъ нашихъ избавльшимся, служити Ему преподобіемъ и правдою предъ Нимъ вся дни живота нашего*. Аминь.

1831 годъ.

CCII.

50. Слово

въ день коронованія Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено въ Успенскомъ Соборѣ, августа 22-го.) [1]

Царь уповаетъ на Господа. и милостію Вышняго не подвижится. Пс. XX. 8.

Какъ нѣкогда сподвижники Давида увидѣли его въ крайней опасности отъ нападающаго иноплеменника: то *кляшася мужи Давидовы, глаголюще: не изыдеши ктому съ нами на брань, да не угасиши свѣтильника Израилева* (2 Цар. XXI. 17).

Подлинно видѣть Возлюбленнаго Царя, подвергающагося опасности для безопасности Своихъ подданныхъ, есть зрѣлище, сколь возвышенное, столь же поразительное для вѣрнаго народа. Чѣмъ очевиднѣе попеченіе Царя о насъ, простертое до самопожертвованія: тѣмъ болѣе Онъ возлюбленъ для насъ. Чѣмъ болѣе возлюбленъ: тѣмъ болѣе трепещемъ за Него во время опасности. Чѣмъ болѣе страшимся за Него: тѣмъ болѣе дивимся Его великодушному безстрашію. Чѣмъ болѣе дивимся Ему: тѣмъ болѣе чтимъ Его, тѣмъ болѣе любимъ, тѣмъ болѣе видимъ и чувствуемъ въ опасности Его нашу собственную опасность. Такъ волны сильныхъ душев-

[1]) Слово сіе печатается съ рукописи, принадлежащей В. М. Метлову, обязательно доставившему намъ оную вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ покойнаго Святителя къ князю Димитрію Владиміровичу Голицыну, бывшему Московскому Генералъ-Губернатору, при которомъ письмѣ препровождена была и самая рукопись.

ныхъ движеній одна другую раждаютъ, одна другую поглощаютъ, и опять раждаютъ одна другую до тѣхъ поръ, какъ, наконецъ, усматриваемъ, что гроза опасности миновала превознесенную главу, и свѣтильникъ Израилевъ сіяетъ яснѣе прежняго.

Вы понимаете меня, Россіяне: потому что я говорю теперь по нашему общему опыту.

Господи, *въ руцѣ* Котораго *власть земли*, и Который *потребнаго воздвигаеши во время на ней!* (Сир. X. 4). На какое трудное время обрѣлъ Ты потребнымъ избраннаго и воздвигнутаго Тобою Николая! Въ то самое время, когда Онъ вступалъ на родительскій и прародительскій престолъ, Ему надлежало перешагнуть чрезъ опасность, или лучше сказать, чрезъ бездну, грозившую поглотить и престолъ, и царство. Онъ не поколебался; заградилъ бездну; мы успокоились: вдругъ видимъ Его вновь среди опасностей брани. Двѣ трудныя брани окончены со славою; мы торжествовали: вновь открывается опасность, тѣмъ болѣе грозная, чѣмъ менѣе знакомая,—опасность губительной болѣзни; и гдѣ сія опасность очевиднѣе угрожаетъ народу, тамъ именно является Царь нашъ, съ Своею отеческою попечительностію о Своихъ подданныхъ, съ Своимъ, свѣтильника Израилева достойнымъ, свѣтомъ, чтобы разгнать сумракъ страха истиннаго и ложнаго, чтобы уменьшить причины опасности дѣйствительной, чтобы уничтожить призраки опасности мнимой, чтобы спасительно проникнуть сквозь сугубый мракъ легковѣрнаго и упорнаго невѣжества,—увы! — не менѣе иногда опаснаго и пагубнаго, какъ злоумышленіе. Конецъ ли трудностямъ хотя нынѣ, и хотя по шести лѣтахъ необыкновенными подвигами ознаменованнаго царствованія, будетъ ли приближающееся седьмое лѣто лѣтомъ совершеннаго покоя и мира,—Ты вѣси, Господи, въ руцѣ Котораго власть земли.

Чѣмъ же, Россіяне, облегчимъ столь часто для насъ возобновляющуюся заботу вѣрноподданнической любви? Чѣмъ упрочимъ и обезпечимъ нашу радость о Царѣ своемъ? Не тѣмъ же ли, чѣмъ Царь обезпечиваетъ Свою безопасность, посреди самыхъ опасностей?—*Царь уповаетъ на Господа: и милостію Вышняго не подвижится.*

Воспользуемся симъ величественнымъ примѣромъ, чтобы дать самимъ себѣ наставленіе въ такой добродѣтели, которая для всякаго званія и состоянія человѣковъ равно благопотребна и спасительна.

Надежду на Бога непремѣнно должно въ основаніе положить, если хотятъ созидать благополучіе прочно и безопасно.

Мы живемъ во времени. Составныя части времени суть прошедшее, настоящее, будущее. Какъ будущее необходимо входитъ въ составъ времени: такъ надежда, которая относится къ будущему благу жизни, необходимо входитъ въ составъ временной жизни, ея дѣлъ и ея состояній. *О надеждѣ*, говоритъ Апостолъ, *долженъ есть оряй орати и молотяй съ надеждою своего упованія причащатися* (1 Кор. IX. 10). Если бы по трудахъ дня, отходящій ко сну, потерялъ надежду встать на утро здравымъ и укрѣпленнымъ въ силахъ: то не нашелъ бы на ложѣ своемъ ни покоя, ни укрѣпленія, и благодѣтельная природа затруднилась бы въ преподаніи человѣку готовыхъ для него благодѣяній, безъ помощи его надежды получить оныя. Не нужно больше примѣровъ. Очевидно, что нельзя жить во времени безъ надежды. Слѣдуетъ выбирать, на кого, или на что положить надежду, чтобы она была тверда и не обманчива.

Человѣкъ можетъ полагать надежду или на самаго себя и на свои способности и силы, или на другаго человѣка, или на разныя вещи и обстоятельства, или на Бога. Выбирайте, что лучше.

Навуходоносоръ, глядя на свою столицу, сказалъ: *нѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ соградихъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моея, въ честь славы моея?* Сія великолѣпная рѣчь не договорена: но по сказанному не трудно угадать и то, что еще сказать оставалось. Если я,—хотѣлъ онъ сказать,—могъ и умѣлъ воздвигнуть сію огромную столицу: то, конечно, меня достанетъ и на то, чтобы поддержать мое величіе и славу. Вотъ надежда на самаго себя! Но вотъ и судьба сего самонадѣянія: *еще слову сущу во устѣхъ Царя, гласъ съ небесе бысть: тебѣ глаголется Навуходоносоре Царю: царство твое прейде отъ тебе; и отъ человѣкъ отженутъ тя,—дондеже увѣси, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ* (Дан. IV. 27—29). Это старинная повѣсть, подумаетъ невнимательный, и захочетъ пропустить ее мимо ушей: но и въ новѣйшія времена управляетъ міромъ не тотъ же ли Богъ, Который древле осудилъ и наказалъ Царя Вавилонскаго? Былъ и въ недавнее время, у недавняго народа, самопоставленный властитель, который говорилъ: вотъ великая имперія, которую я создалъ; вотъ мои народы,—мои, не по праву наслѣдія (онъ

не могъ сего сказать), не по Божіей милости (онъ не хотѣлъ сего сказать), мои, говорилъ онъ, по праву моей крѣпости, для моей славы. Что-же? Небо не отвѣчало ему словами, какъ Навуходоносору, но точно также, какъ Навуходоносору, отвѣчало самымъ дѣломъ: не только царство его прешло для него, но и отъ человѣкъ отгнали его, и заключили въ дикой пустынѣ среди отдаленныхъ морей. Я не царь, и не созидалъ Вавилона, можетъ еще подумать иной, и заключить, что ему ничѣмъ не угрожаетъ грозная судьба Навуходоносора: но бѣдствіе Навуходоносора произошло не отъ того, что онъ былъ царь, и не отъ того, что создалъ Вавилонъ, а отъ того, что возгордился успѣхами своихъ предпріятій, возложилъ надежду на самаго себя, не призналъ власти Божіей надъ собою; а какъ отъ подобныхъ причинъ подобныя должны быть послѣдствія, то примѣръ его всякому самонадѣянному каково бы ни было его состояніе, какія бы ни были его предпріятія, дѣйствительно угрожаетъ внезапнымъ разрушеніемъ на мечтаніи основаннаго благополучія. Не думайте, что для наказанія каждаго самонадѣяннаго по сему примѣру, потребовалось бы много чудесъ, на которыя, по видимому, Провидѣніе не расточительно: нѣтъ; самонадѣянность естественно заключаетъ въ себѣ начало безумія, а безуміе бѣдствія.

Возмемъ ли человѣка въ разсмотрѣніе самаго въ себѣ, отдѣльно?—Мы тотчасъ можемъ усмотрѣть, что надеждѣ на самаго себя препятствуетъ недостатокъ того или другаго совершенства, нужнаго, чтобы устроить самому свое благополучіе, или устроенное поддержать и упрочить. Одинъ, напримѣръ, полагается на свой природный умъ: но, не получивъ соотвѣтственнаго способности образованія, и съ богатымъ природнымъ сокровищемъ не много въ оборотахъ жизни выторговать, а много проторговать можетъ. Другой ожидаетъ своего благополучія отъ своего неутомимаго трудолюбія; но, если онъ не имѣетъ дара изобрѣтательности, то промучится цѣлый вѣкъ, и не произведетъ ничего болѣе обыкновенныхъ мелочей. Иной обладаетъ отважностію и мужествомъ: но если не обладаетъ въ тоже время разсудительностію и осторожностію, то онъ всегда ближе къ опасности, нежели къ торжеству и славѣ. И, напротивъ, разсудительный безъ отважности можетъ много хорошаго придумать, и ничего не сдѣлать. Посему должно заключить, что, дабы человѣку можно было сколько нибудь основательно положить на-

дежду на самаго себя, ему надлежало бы обладать вдругъ всѣми возможными совершенствами и притомъ каждымъ въ высокой степени. Вообразить такого человѣка существующимъ есть мечтаніе; а вообразить таковымъ самаго себя есть безуміе. И такъ очевидно, что въ надеждѣ на самаго себя заключается безуміе.

Станемъ ли разсматривать человѣка въ соотношеніи съ другими?—Опять не трудно усмотрѣть, что надеждѣ на самаго себя препятствуютъ другіе люди, которые или не способствуютъ нашему благополучію потребною помощію, или даже вредятъ оному. Не будемъ утверждать, чтобы сіе слишкомъ часто дѣлалось по злобѣ: остережемся, чтобы не оскорбить доброй природы человѣческой усиленнымъ порицаніемъ примѣшеннаго къ ней зла. Но сіе часто можетъ случиться безъ намѣренія, по неволѣ, по необходимости, по неизбѣжнымъ встрѣчамъ и столкновеніямъ людей на скользкомъ пути къ благополучію, и на перекресткахъ онаго. Щастіе, искомое въ мірѣ, нерѣдко бываетъ подобно невѣстѣ, которой если ищутъ десять жениховъ, то девять противъ одного по необходимости должны оказаться искателями безуспѣшными; одинъ долженъ перемочь многихъ, и слѣдственно ему нужно имѣть качества превосходныя предъ каждымъ изъ нихъ, и предъ всѣми; либо долженъ получить уступку и помощь отъ многихъ, и слѣдственно ему нужно много искуства, чтобы выиграть благорасположеніе многихъ, между тѣмъ какъ повредить успѣхамъ искателя могутъ преимущества другихъ людей, также какъ и ихъ недостатки. Пусть бы, напримѣръ, кто нибудь имѣлъ исполинскую силу Голіаѳа, и потому надѣялся, что военная слава скорѣе или медленнѣе непремѣнно придетъ къ нему, какъ обрученная невѣста: камня изъ пращи юнаго пастуха, уповающаго на Господа, и вѣрнаго Царю своему, довольно, чтобы въ конецъ разрушить сію надежду на самаго себя. Посему опять надобно заключить, что дабы человѣку можно было сколько нибудь основательно положить надежду на самаго себя, ему надлежало бы каждаго и всѣхъ превосходить умомъ, искуствомъ, силою, словомъ, всѣми возможными совершенствами. Вообразить такого человѣка существующимъ есть мечтаніе; а вообразить такимъ самаго себя есть безуміе. Итакъ, опять очевидно, что въ надеждѣ на самаго себя заключается безуміе.

Чтожъ? Лучше ли возложить надежду на какого нибудь другаго человѣка? — Почему лучше? Всякой другой не такъ же ли

человѣкъ ограниченный и несовершенный? Итакъ, если въ надеждѣ на самаго себя заключается безуміе: то найдется оно также и въ надеждѣ на другаго человѣка, хотя, можетъ быть, нѣсколько меньше, потому что менѣе гордое.

Но, кромѣ сего, въ надеждѣ на человѣка заключается еще преступленіе, и преступленіе тяжкое, именно оскорбленіе Величества Божія; ибо люди, истинно-чтущіе Бога, если надѣются добра отъ другихъ добрыхъ людей, то основаніе сей надежды углубляютъ до упованія на Бога, *споспѣшествующаго во благое любящимъ Его*, и обращающаго въ орудія сего споспѣшествованія *всѣ* твари, особенно же благія; напротивъ того, безразсудно полагаетъ надежду человѣкъ на человѣка въ томъ только случаѣ, когда не возлагаетъ ея на Бога, и такимъ образомъ не воздаетъ должной чести Божію могуществу, премудрости и благости. Посему въ словѣ Божіемъ написанъ строгій судъ противъ надежды на человѣка: *проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка, и утвердитъ плоть мышцы своея на немъ, и отъ Господа отступитъ сердце его. И будетъ яко дивія мирика въ пустыни, и не узритъ, егда пріидутъ благая, и обитати будетъ въ сухотѣ, и въ пустыни, въ земли слановѣй, и необитаемѣй* (Іерем. XVII. 5. 6).

Говорить ли о суетности надежды на разныя вещи и обстоятельства, какъ-то на богатство, на знатность родовую, на преимущества званія, пріобрѣтенныя въ обществѣ?—Не въ сихъ ли вещахъ мудрый и опытный Соломонъ находилъ суету, столь поразительную, что не находилъ довольно силы въ наименованіи суеты, для выраженія того, что ему представлялось? *Суета суетствій*, восклицалъ онъ, *всяческая суета* (Еккл. I. 2). Но на что Соломонъ? О сей суетѣ довольно правды говорятъ тѣ самые, которые надѣются на оную. Я презираю богатство, говоритъ прельщенный знатностію: а страстный къ богатству говоритъ: какая польза въ мечтахъ честолюбія? Тотъ и другой судятъ хорошо; сложите ихъ мнѣнія вмѣстѣ, и составится полная Соломонова истина: *суета суетствій!* Навалъ Кармильскій, среди самаго богатства, на которое надѣялся, умираетъ смертію страха и отчаянія. Ахитофелъ Галамонійскій, который, по видимому, не безъ причины могъ понадѣяться на свою важность при дворѣ Іерусалимскомъ, потому что *имже образомъ вопросилъ бы кто Бога о словесѣ: тако всякъ совѣтъ Ахитофеловъ, и иже Давиду, и иже Авессалому* (2 Цар. XVI. 23),—не смотря на

сіе Ахитофелъ самъ себѣ присуждаетъ смерть отчаянія. Іовъ, которому, кажется, менѣе другихъ надлежало бы потерпѣть отъ непостоянства внѣшнихъ благъ, поелику онъ не согрѣшилъ надеждою на оныя, испыталъ однакожъ сіе непостоянство жестокими опытами. Надобно признаться, что добрая надежда не есть такая вещь, которую можно бы было запереть въ сокровищницу, или доказать родословіемъ, или получить какъ неотъемлемое достояніе въ числѣ правъ по званію и преимуществъ по мѣсту въ обществѣ.

Что же наконецъ остается?—Одно изъ двухъ: или надежда на Бога, или отчаяніе, если только позволительно положить оныя рядомъ для выбора. Если ты возложилъ надежду свою на Бога, то ты положилъ ее на основаніи непоколебимомъ, и обезпечилъ свое благополучіе: поелику Богъ всегда будетъ имѣть довольно благости, чтобы попещись о твоемъ благѣ довольно премудрости, чтобы изобрѣсти для сего средства, довольно могущества, чтобы привесть ихъ въ дѣйствіе, и, наконецъ, довольно милосердія, дабы и въ томъ случаѣ, когда ты своимъ неблагоразуміемъ и злоупотребленіемъ свободы самъ поколеблешь свое благополучіе, по твоему раскаянію и молитвѣ, вновь придти къ тебѣ на помощь, и возставить твою падшую скинію. Но если бы кто потерялъ надежду на Бога, (Который впрочемъ по благости Своей не отъемлетъ ни у кого живущаго): въ такомъ случаѣ по истинѣ отчаяніе не было бы болѣе неосновательно, нежели надежда на твари тлѣнныя, коловратныя, суетныя, ничтожныя.

Бѣдные человѣки, у которыхъ не только кратковременная буря бѣдствій разрушаетъ долго на слабомъ основаніи утверждаемыя надежды, но которыхъ и легкій вѣтръ пустой молвы колеблетъ страхомъ, какъ листья древесныя [1]). Что мѣшаетъ вамъ отъ ненадежности тварей возвыситься къ вѣрной и необманчивой надеждѣ на Бога?

До Бога высоко, говоритъ простонародный умъ. Да, высоко, для тебя, который низко мыслишь. Въ самомъ же дѣлѣ до Бога ни низко, ни высоко, ни близко, ни далеко; поелику Онъ вездѣсущь, и потому ближе къ тебѣ, нежели твоя душа къ твоему

[1]) Сіе говорено, когда молва о разсѣянныхъ будто бы повсюду отравителяхъ распространила въ народѣ опасеніе.

Примѣч. автора.

тѣлу; только умѣй найти сію близость вѣрою и молитвою. *Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его, всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ* (Пс. CXLIV. 18).

Но я сего недостоинъ, скажетъ кто-либо. Такъ отвергай скорѣе все, что дѣлаетъ тебя недостойнымъ; а между тѣмъ вѣруй, и молись, и уповай на Бога.

Боже нашъ! *На тя уповаша Отцы наши: уповаша, и избавилъ еси я: къ Тебѣ воззваша и спасошася: на Тя уповаша и непостыдѣшася* (Пс. XXI. 5. 6). *И* нынѣ *да уповаютъ на Тя знающіи имя Твое: яко не оставилъ еси взыскающихъ Тя, Господи* (Пс. IX. 11). *Уповайте на Него весь сонмъ людей: изліяйте предъ Нимъ сердца ваша, яко Богъ помощникъ нашъ* (LXI. 9). *Благо есть уповати на Господа* (Пс. CXVII. 9) *Да уповаетъ* истинный *Израиль на Господа отнынѣ и до вѣка* (Пс. CXXX. 3). Аминь.

1833 годъ. [1]

CCIII.

51. Слово

на освященіе храма въ честь иконы Божіей Матери Казанской, что въ Казенной [1].

(Говорено іюня 18)

Онъ же глаголаше о церкви тѣла Своего
Іоан. II 21.

Сіи немногія слова Святаго Евангелиста Іоанна заключаютъ въ себѣ много духовнаго ученія, и могутъ вести насъ къ размышленіямъ приличнымъ настоящему случаю обновленія храма. Призовемъ Духа истины, да отверзетъ намъ дверь слова. Дабы лучше войти въ истинное разумѣніе приведеннаго изреченія полезно будетъ обратиться прежде всего къ тому происшествію и къ тѣмъ словамъ Самаго Іисуса Христа, на которыя сіе замѣчаніе сдѣлано Евангелистомъ. Нѣкогда вошелъ Іисусъ Христосъ въ храмъ Іерусалимскій, и, найдя въ немъ продающихъ овецъ, воловъ и голубей для жертвоприношеній, и размѣнивателей денегъ для подаянія въ сокровище храма, бичемъ отъ вервій изгналъ продающихъ, извергнулъ предметы торговли, и сказалъ: *возмите сія отсюду: и не творите дому Отца Моего домомъ купли* (Ст. 16). Если внимательно разсмотримъ сіе дѣйствіе и сіи слова Христовы: то и въ нихъ найдемъ высокое свидѣтельство о достоинствѣ храма. Богъ сказалъ чрезъ пророка: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ: кій домъ созиждете ми* (Иса. LXVI. 1)? Посему можно было подумать, что

[1]) По Указателю словъ и рѣчей М. Филарета, въ Чт. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ., слѣдуетъ слово (въ рукописяхъ) на день обрѣтенія мощей Святителя Алексія, въ навечеріе дня Пятидесятницы, по возвращеніи къ паствѣ, мая 20-го дня (1833 г.) изъ текста: *И да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ* и пр. (Евр. X. 24. 25). Но мы не нашли рукописей, которыя имѣлъ составитель Указателя.

[1]) Заимствуется изъ чтеній Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. кн. XIII.

храмъ не достоинъ называться домомъ Божіимъ, такъ какъ и подлинно для Вездѣсущаго всякій домъ и малъ, и низокъ, и не нуженъ

Вотъ Самъ Сынъ Божій называетъ храмъ домомъ Отца Своего; и Сынъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что принадлежитъ Отцу, и что Его достойно Итакъ, слово Христово удостовѣряетъ насъ, что храмъ, хотя и земный, и ограниченный пространствомъ, по благодати и по снисхожденію точно есть домъ Бога Небеснаго и Вездѣсущаго.

Помысли же христіанинъ! Если ты въ домъ чей входишь съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ живущему въ немъ, какъ то показываетъ обычай входить въ домъ съ открытою головою, а въ домъ царя ты вошелъ бы, безъ сомнѣнія, и съ радостію, что допускаешься въ оный, и со страхомъ при мысли о величіи живущаго въ немъ: то съ какимъ благоговѣніемъ долженъ ты входить въ домъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, съ какою радостью о томъ, что Онъ отверзаетъ тебѣ домъ Свой, съ какимъ страхомъ Его ближайшаго здѣсь присутствія, предъ которымъ самые Серафимы покрываютъ лица свои! Ближайшаго присутствія сказалъ я: ибо если бы сего не было, то имя дома Божія не имѣло бы значенія.

Если Сынъ Божій не позволилъ дѣлать дома Отца Своего домомъ такой купли, которая съ одной стороны удовлетворяла потребностямъ поклонниковъ храма, а другою обращена была къ частной корысти человѣческой; то помысли, сколько противны Богу чуждыя совершенно для храма занятія, которыя мы здѣсь иногда себѣ позволяемъ, какъ-то: любопытные взоры, праздныя слова, мірскія помышленія, невнимательность къ Богослуженію. Кто занимается здѣсь не тѣмъ, для чего приходитъ въ домъ Божій, того Сынъ Божій осуждаетъ на изгнаніе отсюда. Не обезпечивай себя тѣмъ, что я не обличу тебя и не велю изгнать: бичь въ рукѣ Іисуса надъ главою твоею, слово Его изгоняетъ тебя

Возвратимся къ Евангельскому повѣствованію. Когда Іудеи увидѣли, что Іисусъ, еще мало имъ извѣстный (потому что сіе было почти въ началѣ Его проповѣданія), дѣйствуетъ во храмѣ со властію столь необыкновенною, потому что изгоняетъ изъ онаго тѣхъ, которыхъ не изгоняли священники и самъ первосвященникъ: то потребовали, чтобы Онъ, если подлинно есть полномочный посланникъ Божій, доказалъ имъ Свое Божествен-

ное посланничество какимъ-нибудь чудомъ: *кое знаменіе являеши намъ, яко сія твориши* (Ст. 18)?

Надобно знать, что подобное требованіе обыкновенно Господь Іисусъ оставляетъ безъ удовлетворенія, потому что сіе народное требованіе чудесъ происходитъ болѣе отъ любопытства, и даже отъ тайнаго невѣрія, нежели отъ искренняго желанія узнать истину, и слѣдственно удовлетворенія не заслуживаетъ, и какъ нечистое въ своемъ началѣ, не ведетъ къ доброму концу. Притомъ, кроткій и смиренный сердцемъ Іисусъ не любитъ дѣлать чудесъ для Своей славы, но творилъ Онъ обыкновенно изъ человѣколюбія, изъ чего слава истины выходила сама собою. А дабы совершенно удовлетворить искателямъ истины непритворнымъ, и сдѣлать безотвѣтнымъ упорство и лукавство невѣрія, для сего предназначено было чудо изъ чудесъ—тридневное воскресеніе Христово изъ мертвыхъ, безъ видимаго Воскресителя, славно совершившееся послѣ того, какъ весь составъ Его, еще прежде смерти, казался безвозвратно разрушеннымъ безчисленными и тягчайшими страданіями. Но и о семъ побѣдоносномъ знаменіи Своей божественной силы, примѣняясь къ тому, сколько вмѣстить могли слышавшіе, Онъ говорилъ предъ народомъ наиболѣе въ притчахъ и какъ бы въ догадкахъ. Напримѣръ: *родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ: и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка. Якоже бо бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи: тако будетъ и Сынъ человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Мѳ. XII. 39. 40). Подобно сему, и по изгнаніи продающихъ изъ храма, требовавшимъ знаменія Іудеямъ, Онъ сказалъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II 19).

Что сіе сказано не просто, Іудеи могли бы догадаться изъ того, что Господь сказалъ: *разорите*. Іудеи безъ сомнѣнія не захотѣли бы сами разорять *церковь сію*, т. е. храмъ Іерусалимскій. Но люди плотскіе по жизни, по дѣламъ, обыкновенно, и понимаютъ все плотскимъ образомъ. Какъ рѣчь шла о церкви или храмѣ, то Іудеи о семъ самомъ храмѣ и поняли оную, подумали, что Іисусъ предвѣщаетъ разореніе и построеніе храма въ три дня, и изъ сего нелѣпаго понятія извлекли еще болѣе нелѣпое возраженіе. Какъ можно въ три дня построить храмъ, который строился сорокъ шесть лѣтъ? *Четыредесять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и ты ли треми денми воздвигнеши ю* (Ст. 20)? Какъ будто чудеса, для Вѣчнаго и

Всемогущаго Бога, можно уничтожить и сдѣлать невозможными посредствомъ ничтожнаго недочета человѣческихъ лѣтъ и дней.

Когда Святый Іоаннъ вписалъ въ Евангеліе пророчество Господне о тридневномъ воскресеніи, сказанное притчею, и неправильно Іудеями понятое: тогда, чтобы противопоставить ложному толкованію истинное, и устранить всякое недоразумѣніе, Онъ присовокупилъ слѣдующее замѣчаніе: *Онъ же глаголаше о церкви тѣла Своего*, т. е. слова Іисуса Христа—*разорите церковь сію, и тремя днми воздвигну ю*, относились не ко храму Іерусалимскому, но ко храму собственнаго тѣла Его, и означали, что Іудеи храмъ тѣла Его разорятъ страданіями и крестною смертію, но что Онъ возсозиждетъ храмъ тѣла Своего славнымъ тридневнымъ воскресеніемъ изъ мертвыхъ. Мы нѣсколько долго достигали сего разумѣнія словесъ Божественнаго Учителя и Его возлюбленнаго ученика: но, можетъ быть, сіе не безполезно будетъ, дабы слѣдующія за симъ размышленія приняты были не какъ наше произвольное мудрованіе, но какъ поученіе, почерпнутое изъ истиннаго разума словесъ Христовыхъ.

Онъ же глаголаше о церкви тѣла Своего. Іисусъ Христосъ говоритъ о Своемъ тѣлѣ, и назвалъ оное церковью или храмомъ Божества. Почему? Отвѣтъ на сіе вполнѣ удовлетворительный представляется въ изреченіи Апостола Павла: *яко въ Томъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлесно* (Колос. II. 9).

Гдѣ Богъ обитаетъ всею полнотою Своего Божества, тамъ, безъ сомнѣнія, есть и храмъ Его въ высочайшей степени святый. Но если Господь нарекъ тѣло Свое храмомъ, по сходству съ нимъ, и если сходство сіе состоитъ въ обитаніи полноты Божества: то какое высокое понятіе подаетъ Онъ намъ чрезъ сіе о храмѣ! Итакъ, храмъ Божій и божественное тѣло Христово подобны между собою. Итакъ, въ храмѣ обитаетъ полнота Божества, подобно какъ и въ тѣлѣ Христовѣ.

Помысли, христіанинъ, гдѣ ты находишься теперь съ той минуты, какъ силою благодати, въ молитвахъ призванной, въ таинственныхъ знаменіяхъ пришедшей, *освятилъ есть селеніе Свое Вышній* (Пс. XLV. 5). Ты ближе еще здѣсь къ Богу, нежели какъ близки бываютъ въ домѣ къ его домовладыкѣ; ты предъ самою полнотою Божества. Какъ въ тѣлѣ все исполнено силою души: такъ въ храмѣ все исполнено силою Божества. Богъ, явившійся во плоти, здѣсь не только являетъ, но и предлагаетъ въ пищу божественную плоть Свою, которою вы такъ

не часто питаетесь. Духъ Святый дышетъ здѣсь въ таинствахъ. Исполненіе Божества въ тѣлѣ Хрістовомъ было столь препзобильно, что *весь народъ искаше прикасатися Ему: яко сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся* (Лук. VI. 19), и что даже прикосновеніе къ краю ризъ Его исцѣлило кровоточивую. Подобное сему и во храмѣ, при одномъ прикосновеніи вѣры къ святынѣ, можетъ исходить отъ нея сила, исцѣляющая духовно и тѣлесно. Все видимое и совершаемое здѣсь священныя знаменія, изображенія, обряды составляютъ какъ бы священную ризу Хрістову, истканную церковью, проникнутую Его невидимою силою, производящую на приближающихся и прикасающихся съ вѣрою дѣйствіе благотворное и спасительное.

О Боже! толико же дивный въ Твоемъ безмѣрномъ снисхожденіи, какъ и въ Твоемъ превознесенномъ величіи! Ты неприступенъ даже горнимъ силамъ въ Твоемъ величіи; а между тѣмъ такъ доступенъ земнородпымъ въ Твоемъ снисхожденіи. Созерцаніе чистыхъ духовъ не объемлетъ Твоего свѣта и славы; а между тѣмъ Ты находишь средства дать бренному человѣку осязать и вкушать Твою благость и силу. Какъ *возлюбленна* и земная *селенія Твоя, Господи силъ! Сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозѣ живѣ* (Пс. LXXXIII. 2. 3). *Благословенна слава Господня отъ мѣста Его* (Іезек. III. 12). Братія! И небеса не имѣютъ сокровища лучше того, которое имѣемъ мы здѣсь въ храмѣ, именно существенное благодатное присутствіе Божіе, дѣйствующую благодатную силу Божію. Довольно ли мы цѣнимъ сіе сокровище? Довольно ли пользуемся онымъ для нашего блаженства!

Случается замѣчать съ прискорбіемъ, что тогда какъ праздничный колоколъ зоветъ въ церковь, нѣкоторые идутъ на торжище и на другія дѣла мірскія, видно прямая копѣйка прибыли дороже для насъ сокровища небеснаго. Говорятъ: нужда заставляетъ сіе дѣлать. А царство небесное развѣ не нужно? И молитва, таинства, и духовное ученіе для царства небеснаго развѣ не нужны?

Изъ шести дней одинъ взялъ Себѣ Богъ, а изъ сего дня не многіе часы назначила церковь для общественнаго Богослуженія, и все еще нуждаются люди во времени своемъ, и похищаютъ время церковное. Иные, входя въ церковь, слышатъ здѣсь осужденіе, произносимое на пороки и беззаконія, и, выходя, обращаются беззаботно къ своимъ порокамъ и беззаконіямъ. Чего же

они хотятъ? Развѣ увеличить свое осужденіе? *Рабъ вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много* (Лук XII. 47) Но, чтобы не омрачить болѣе жалобами дня веселія и благодарности, скажу съ Апостоломъ *надѣемся о васъ, возлюбленніи, лучшихъ, и придержащихся спасенія, аще и тако глаголемъ. Не обидливъ бо Богъ, забыти дѣла вашего и труда любве, юже показасте во имя Его, послуживше святымъ и служаще* (Евр. VI. 9. 10). Трудъ любви видѣнъ въ обновленіи храма сего: и Богъ не забудетъ оный, и пользующіеся симъ храмомъ призовутъ съ нами благословеніе свыше на душу и на домъ послужившаго дому Божію.

Благодать Божія да осѣняетъ и всѣхъ съ вѣрою и любовію входящихъ въ храмъ сей нынѣ и присно. Аминь.

1834 годъ.

CCIV.

52. Слово

въ день Пресвятыя Богородицы, Иконы Ея Тихвинскія. [1])

(Говорено въ Симоновѣ монастырѣ, іюня 26)

И недоставшу вина, глагола Мати Іисусова къ Нему: вина не имутъ. Іоан. II. 3.

Слыша сіе предначинаніе бесѣды, нѣкоторые могутъ подумать: какое незначительное слово полагается ей въ основаніе! Но если вы имѣете причину сдѣлать сіе замѣчаніе: то и я имѣю случай напомнить вамъ, и симъ самымъ примѣромъ доказать, что въ

[1]) Печатается съ Туркест. сборника.

устахъ святыхъ нѣтъ праздныхъ словъ, и въ Божественныхъ книгахъ не написано ничего незначительнаго. Будьте внимательны. Раздробимъ крупицу слова жизни: найдется пища для духа.

Вы вспомните, что приведенныя слова Пресвятыя Богородицы сказаны Ею Божественному Сыну Ея въ Канѣ Галилейской, на брачномъ пиршествѣ, на которое *званъ бысть Іисусъ*; что за оными послѣдовало чудесное претвореніе воды въ вино, котораго превосходство удивило начальника пиршества, и что *се сотвори начатокъ знаменіемъ Іисусъ и яви славу свою и вѣроваша въ Него ученицы Его*. Не входя въ разсмотрѣніе всего произшествія, котораго важность видна изъ его послѣдствія, открывшагося въ ученикахъ Господнихъ, я ограничусь показаніемъ свѣдѣній, мыслей и наставленій, которыя заключаются въ приведенныхъ мною словахъ Пресвятыя Дѣвы.

Во первыхъ, онѣ доставляютъ намъ свѣдѣніе, что Господь Іисусъ творилъ чудеса еще прежде тѣхъ, которыя описаны въ Евангеліи. Сему не противорѣчитъ то, что чудо претворенія воды въ вино названо у Евангелиста начаткомъ: оно есть первое изъ тѣхъ знаменій, въ которыхъ Іисусъ *яви славу Свою*, т. е. въ которыхъ далъ человѣкамъ открытый способъ узнать въ немъ Сына Божія и Спасителя, но не во всѣхъ отношеніяхъ первое. Ибо, что значатъ слова Матери Господней: *вина не имутъ*? Это не простое извѣщеніе о недостаткѣ, а скромное прошеніе помочь оному, и не иначе, какъ чудесно, по неимѣнію средствъ естественныхъ. Сіе видно, какъ изъ отвѣта Господня: *не у прiиде часъ Мой*, т. е. время открытыхъ чудодѣйствій; такъ изъ самаго потомъ чудодѣйствія, которымъ Господь, наконецъ, удовлетворилъ ходатайству Матери. Но какъ пришло бы Ей на мысль просить чудодѣйствія, если бы Она не знала предварительно, что можно получить оное? А сіе какъ знала бы, если бы не имѣла въ виду прежнихъ опытовъ? Изъ однихъ словъ Іисуса рано узнать сіе не допустила бы Его глубокая скромность, которая и совершившіяся уже чудодѣйствія Его всегда облекала, и которая отнюдь не позволяетъ предполагать преждевременнаго самопрославленія, даже и предъ присными. Итакъ, должно заключить, что Матерь Господня и прежде Каны Галилейской видала благотворныя чудодѣйствія Сына Своего, подобныя тому, котораго тамъ у Него просила. Свѣдѣніе сіе не есть только любопытное, но и полезное и назидательное. Оно даетъ разумѣть, что кромѣ

чудесъ, *являющихъ славу* Христову, открытыхъ, торжественныхъ, служащихъ для распространенія и утвержденія истинной вѣры въ человѣчествѣ вообще, есть чудеса, являющія только крайнее человѣколюбіе Спасителя, снисходящаго къ нуждамъ, немощамъ, скорбямъ нѣкоторыхъ человѣковъ порознь, для прекращенія ихъ искушеній, и для утвержденія ихъ въ вѣрѣ и упованіи на Него. Поелику же скорби, немощи, нужды есть и нынѣ: то должно заключить, что Господь нашъ не отречется и нынѣ вспомоществовать въ оныхъ, даже чудодѣйственно, когда естественныя средства недостаточны; только бы мы прибѣгали къ Нему съ усердіемъ полнымъ, и съ желаніемъ чистымъ.

Во вторыхъ, приведенныя слова Пресвятыя Дѣвы открываютъ намъ Ея собственное человѣколюбіе и готовность на помощь бѣдствующему человѣчеству. Если бы и не былъ пополненъ оказавшійся на брачномъ пиршествѣ недостатокъ вина: отъ сего произошла бы не тяжкая бѣда: нѣкоторый стыдъ для угостителей, нѣкоторое возмущеніе брачнаго веселія. Если и сіи малыя непріятности трогали сердце Маріи состраданіемъ; и побудили Ее съ ключемъ человѣколюбія матери приступить къ неистощимымъ сокровищамъ человѣколюбія, сокрытымъ въ Божественномъ Сынѣ Ея: то не должно ли ожидать, что бѣдствія, болѣе существенныя, еще сильнѣе подвигнутъ Ее къ ходатайству о помощи? Брачное пиршество—дѣло довольно постороннее для Приснодѣвы: если и тамъ Она присутствовала не безъ вниманія, но съ снисхожденіемъ, съ участіемъ въ открывшемся затрудненіи, съ готовностію къ помощи; то не паче ли свойственно Ей, съ человѣколюбивымъ вниманіемъ, съ сострадательнымъ участіемъ, съ благодатною помощію, являть Свои посѣщенія тамъ, гдѣ призываютъ Ее не зовомъ пріязни общежительной, но призываніемъ молитвы благоговѣйной, гдѣ пріемлютъ Ее, какъ Приснодѣву и Богоматерь, и притомъ тогда, какъ Ея матернее ходатайство уже не можетъ встрѣтиться у Сына Ея съ упрекомъ въ преждевременности: *не у пріиде часъ Мой*; послѣ того, какъ Ему *дадеся всяка власть на небеси, и на земли*? (Матѳ. XXVIII. 18).

Въ третьихъ, приведенныя нами слова Пресвятыя Дѣвы даютъ намъ уразумѣть силу Ея за насъ предстательства предъ Ея Сыномъ и Богомъ. Сначала ходатайство Ея за нуждающихся Канскихъ угостителей казалось вовсе безуспѣшнымъ. Господь нашелъ требованіе чуда неблаговременнымъ, и случай такъ не

принадлежащимъ ни до Него, ни до Ходатаицы, что даже къ Матери Своей отозвался, какъ бы къ чуждой: *что есть Мнѣ и Тебѣ Жено? не у пріиде часъ Мой!* Но сколь строго было слово: столь же снисходительно дѣло. Сколь неблагонадежно начало: столь, напротивъ, благоуспѣшно окончаніе. Строгимъ словомъ Господь преподалъ намъ, чрезъ лице Матери Своей, наставленіе, что не должно дерзновенно просить чудесъ для прекращенія маловажныхъ затрудненій, для побѣжденія которыхъ и одно терпѣніе достаточно быть можетъ: но въ слѣдъ за симъ снисходительнымъ дѣломъ показалъ, какъ строгость правды Его умягчается кроткимъ предстательствомъ возлюбленныя Матери Его, и какъ Ея мощное ходатайство пріобрѣтаетъ намъ Его щедроты, нами не заслуженныя.

Въ четвертыхъ, разсматриваемыя нами кроткія слова Пресвятыя Дѣвы, вскорѣ запечатлѣнныя молчаніемъ, представляютъ намъ образъ смиренной молитвы и бездерзновеннаго вниманія къ путямъ Божіимъ. Какъ тихо и почти безгласно Ея прошеніе! Она совсѣмъ не говоритъ, что проситъ, и не назначаетъ, что испросить желаетъ Не говоритъ: сотвори чудо; Я сего прошу; Я требую; не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на право дерзновенія, принадлежащее Матери предъ Сыномъ. Она только изъявляетъ нужду: *вина не имутъ*; и тотчасъ умолкаетъ. Какъ бы такъ продолжала Она въ своихъ мысляхъ: вотъ нужда; не могу скрыть, что Я ей сострадаю; но должно ли помочь ей, и какъ, до сего не дерзаю простирать слова; ожидаю слова, которому все послушно. И далѣе, когда на столь смиренную молитву послѣдовалъ не благосклонный, повидимому, отвѣтъ; Матерь не возсѣтовала на Сына, не воспрекословила; не возразила, что для дѣлъ милосердія всегда время, что попеченія человѣколюбивыя никому не должны быть чужды, и всѣхъ менѣе Творцу и Спасителю человѣковъ; никакого знаменія нетерпѣнія или стремленія къ Своей волѣ не явила Она; но въ безмолвной покорности предала Свое попеченіе волѣ Того, Котораго безпредѣльной благости безпредѣльно вѣровала. Опытъ показалъ, что сія покорная преданность въ волю Божію, сколько чище въ своемъ основаніи, столько и сильнѣе въ достиженіи доброй цѣли, нежели суетливая предпріимчивость и безпокойная многодѣльность собственной воли человѣческой.

Симъ немногимъ размышленіямъ о маломъ изреченіи Великія

Богоматери да не попуститъ остаться безплоднымъ наше, братія, вниманіе къ самимъ себѣ. Въ нашихъ нуждахъ, немощахъ, скорбяхъ, искушеніяхъ да притекаемъ съ упованіемъ къ Ея сильному предстательству предъ Сыномъ и Богомъ, дабы тѣмъ удобнѣе отверзались намъ сокровища Его многоразличной благости, для нашего недостоинства заключенныя и недоступныя. Но при семъ да сохраняемъ ту чистоту намѣренія, то смиреніе молитвы, ту бездерзновенную преданность судьбамъ Божіимъ, которой Сама же Пресвятая Дѣва Своимъ примѣромъ насъ поучаетъ

Жалки тѣ, которые невѣріемъ сами себѣ заграждаютъ живоносный источникъ благодати. Но и тѣ не суть избранные дѣлатели, которые думаютъ собственными усиліями разширить устіе сего источника, и по своей волѣ дать направленіе струямъ его. Верховная воля Божія не можетъ быть согбенна подъ низкое ярмо воли человѣческой: но когда воля человѣческая вѣрою и преданностію приноситъ себя въ совершенную жертву волѣ Божіей: тогда сокровища благодати отверзаются; молитвы исполняются; чудеса умножаются; Богъ прославляется; человѣкъ спасается. Аминь.

Слова подъ №№ CXII, CXIX, CXXII, CXXV, CXXIX, CXXXI и CXXXIV напечатаны были въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.

Примѣчанія въ рѣчи подъ № CXL, 1 (и въ словѣ подъ № CXLII, 1) принадлежатъ самому Автору.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ издателей.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Слова и рѣчи, избранныя самимъ проповѣдникомъ для изданій 1844, 1848 и 1861 годовъ.

		Стран.
1826 годъ.	Слово при гробѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича.	1
—	Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы .	8
—	Слово въ день Святыя Пасхи.	20
—	Слово въ недѣлю о Θомѣ.	23
—	Рѣчь Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, предъ вступленіемъ Ея Величества въ Успенскій Соборъ.	29
—	Бесѣда о небесной наградѣ.	30
—	Слово при гробѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Алексіевны.	36
—	Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи . . .	40
—	Бесѣда объ очищеніи сердца	45
—	Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ для священнаго коронованія и мvропомазанія	49
—	Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, при срѣтеніи Его Величества въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ	51
—	Слово въ день Преподобнаго Никона, Игумена Радонежскаго	52
—	Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича	59
—	Слово на Рождество Христово.	65
1827 годъ.	Бесѣда на сырной недѣлѣ противъ невоздержанія.	71
—	Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.	77

		Стран
1827 годъ.	Слово въ день Святыя Пасхи.	83
1828 годъ.	Слово по случаю возложенія на раку мощей иже во Святыхъ Отца нашего Алексія, Митрополита Московскаго, отъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича принесеннаго покрова и медали за персидскую войну.	89
—	Бесѣда о благословенномъ рожденіи дѣтей.	96
—	Бесѣда о благомъ игѣ Хрістовомъ.	102
—	Слово въ день Рождества Пресвятыя Богородицы. . .	109
1829 годъ.	Рѣчь къ Преосвященному Епископу Тамбовскому Евгенію, по рукоположеніи Его	115
—	Слово въ недѣлю вторую по пятдесятницѣ.	118
—	Бесѣда изъ словъ Святаго Апостола Павла о молитвѣ духомъ и умомъ	122
—	Рѣчь при заложеніи въ Москвѣ Тріумфальныхъ воротъ	128
1830 годъ.	Слово на заключеніе мира съ оттоманскою портою въ 1830 году.	132
—	Слово въ день Св. пророка Иліи.	139
—	Слово по освященіи храма Святыя великомученицы Екатерины при Екатерининскомъ Институтѣ. . .	144
—	Слово по освященіи храма и по принесеніи Господу Богу молитвъ о предохраненіи отъ губительныя болѣзни.	149
—	Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ	152
—	Слово въ день Святыхъ тріехъ Святителей Московскихъ, при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни.	153
—	Слово въ недѣлю двадесятую по пятдесятницѣ, при воспоминаніи освобожденія Москвы отъ нашествія Галловъ, и при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни	156
—	Слово въ недѣлю двадесять вторую по пятдесятницѣ, при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни.	160
—	Слово въ день восшествія на Всероссійскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича.	165
—	Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, по полученіи Высочайшаго повелѣнія о возстановленіи сообщеній Москвы, прерванныхъ по предосторожности противъ губительныя болѣзни	171
1831 годъ.	Слово въ недѣлю вторуюнадесять по пятдесятницѣ .	174
—	Слово по освященіи храма на кладбищѣ	181
1832 годъ.	Бесѣда о благочестивомъ усердіи	186

		Стран
1832 годъ.	Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы . . .	193
—	Слово въ день тезоименитства Благовѣрнаго Государя, Наслѣдника Престола, Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича	201
—	Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ	206
—	Слово по освященіи храма Святаго Духа на Московскомъ Даниловскомъ кладбищѣ	207
—	Слово по освященіи храма	215
—	Слово по освященіи храма Св. Великомученика Димитрія, въ домѣ призрѣнія для вѣдомства Духовнаго Попечительства, устроенномъ Гвардіи Капитаномъ Дмитріемъ Петровичемъ Горихвостовымъ	220
1833 годъ	Слово по освященіи храма Святителя Митрофана, въ Хотьковѣ монастырѣ	225
—	Слово въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія.	230
—	Слово по освященіи храма Святыя Равноапостольныя Маріи Магдалины, въ Градской больницѣ	237
—	Бесѣда о нашемъ житіи на небесѣхъ	243
—	Слово по освященіи храма Святыя Великомученицы Екатерины, при Московской Екатерининской больницѣ	248
—	Слово въ день Священнаго Мѵропомазанія и торжественнаго вѣнчанія на Царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи.	253
1834 годъ.	Слово въ день празднованія Пресвятѣй Богородицѣ въ Страстномъ монастырѣ.	258
—	Слово въ день рожденія Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича.	265
—	Слово въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія .	273
—	Рѣчь по рукоположеніи Преосвященнаго Агапита Епископа Томскаго и Енисейскаго.	279
—	Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ.	281
—	Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, по случаю прибытія въ Москву Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Престола, Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича, при вступленіи Его Величества и Его Высочества въ Успенскій Соборъ.	282
—	Рѣчь къ Преосвященному Исидору, новорукоположенному Епископу Дмитровскому.	283
—	Слово по освященіи храма Святителя Николая, что въ Толмачахъ, ...	286

Стран

1834 годъ. Слово въ день тезоименитства Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича и предъ торжественнымъ обѣтомъ сердобольныхъ вдовъ. 293
— Слово въ недѣлю двадцать шестую по пятдесятницѣ. 298
— Слово по освященіи придѣльнаго храма Святителя Николая, болѣе извѣстнаго по другому олтарю во имя Преподобнаго Сергія, въ Рогожской слободѣ. . . 302
— Слово въ день Рождества Хрістова. 308
1835 годъ. Слово предъ присягою для избранія судей. 313
— Слово въ день Святителя Алексія, во вторникъ сырныя недѣли 318
— Слово въ недѣлю крестопоклонную. 325
— Слово въ недѣлю четвертую великаго поста, и въ день Алексія, человѣка Божія. 331
— Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. 337
— Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника Престола, Государя Цесаревича, Великаго Князя, Александра Николаевича 346

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Слова и рѣчи, напечатанныя при жизни проповѣдника, но не внесенныя въ собранія 1844, 1848 и 1861 годовъ.

1826 годъ. Рѣчь Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, по совершеніи благодарственнаго молебствія о рожденіи Великія Княжны Елисаветы Михаиловны. 355
— Рѣчь Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, по воспріятіи Ея Императорскимъ Величествомъ отъ святаго крещенія Благовѣрныя Государыни Великія Княжны Елисаветы Михаиловны. 356
— Рѣчь при совершеніи молебствія о побѣдѣ, одержанной надъ Персами 357
1834 годъ. Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Свято-Троицкую Сергіеву лавру. 358
1835 годъ. Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу предъ вступленіемъ Его Величества въ Московскій Успенскій Соборъ. 359

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Слова и рѣчи, не напечатанныя при жизни проповѣдника.

		Стран
1826 годъ.	Слово въ день Святителя Алексія, Митрополита Московскаго и всея Россіи чудотворца	363
—	Слово въ день Святаго Царевича Дмитрія.	367
—	Слово въ день Преображенія Господня.	372
—	Слово по освященіи храма Живоначальныя Троицы, что на Покровкѣ, на Грязяхъ.	376
—	Слово въ день восшествія на Всероссійскій Престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, по первомъ лѣтѣ царствованія Его. .	382
1827 годъ.	Слово въ день Святителя Алексія	386
1828 годъ.	Слово въ день рожденія Ея Величества Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны	392
—	Слово въ недѣлю дванадесятую, при посѣщеніи города Коломны	396
—	Слово въ день торжественнаго вѣнчанія и священнаго помазанія Благочестивѣйшаго Императора Николая Павловича.	403
1829 годъ.	Слово во вторникъ недѣли о слѣпомъ	408
—	Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича	418
—	Слово по освященіи храма во имя Святителя Димитрія Ростовскаго чудотвор. въ Пѣсношскомъ монастырѣ.	424
—	Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы . . .	428
1830 годъ.	Слово въ день обрѣтенія мощей иже во Святыхъ отца нашего Алексія Митрополита Московскаго и всея Россіи Чудотворца и по случаю возвращенія къ Московской паствѣ	432
—	Рѣчь въ день Святаго Духа, послѣ посвященія Преосвященнаго Павла, Епископа Костромскаго . . .	442
—	Слово въ день тезоименитства Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Александра Николаевича.	445
—	Слово въ день Святителя Алексія	451
—	Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи. . .	456
1831 годъ.	Слово въ день коронованія Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Павловича.	463
1833 годъ.	Слово на освященіе храма въ честь иконы Божіей Матери Казанской, что въ Казенной.	471
1834 годъ.	Слово въ день Пресвятыя Богородицы, Иконы Ея Тихвинскія	476

ОПЕЧАТКИ.

Стран	Строка.	Напечатано	Должно быть.
4	10 сверху	когда	что, когда
6	29 —	правосудія	неправосудія
7	14 —	шитъ	щитъ
8	5 снизу	1846	1844
9	13 сверху	Боія	Божія
11	24 —	скудѣльныхъ	скудельныхъ
23	3 снизу	воскресшаго, собраннымъ	воскресшаго собраннымъ
26	6 —	*не убо*	*не у бо*
33	2 сверху	Духа	духа
85	10 —	радоваться	возрадоваться
93	1 снизу	на то	но то,
106	11 —	иroего	иго его
108	13 и 14 снизу	необхо-имѣе	необхо-димѣе
109	3 —	сборн:	сборн. далѣе слѣдуетъ
119	4 снизу	со всемъ	со всѣмъ
121	10 —	Единомъ?	Единомъ!
122	16 —	умомъ	и умомъ
123	21 сверху	совершенства?	совершенства? Какъ восхитилъ толикую благодать?
133	2 и 1 снизу	народомъ надъ	народамъ подъ
145	2 снизу	*Его*	*его*
149	12 —	тогда такъ	тогда какъ
150	18 —	но наставленію	по наставленію
168	11 —	*разум .. прельстит*	*разума.. . прельститъ*
191	3 сверху	для блаужденія	для благоугожденія
—	14 —	прелѣтъ яко	прелѣтъ я яко
222	3 снизу	распространнетъ	распространяютъ
248	9 —	не правда ли,	не правда ли, что
257	4 сверху	(1 Кор. . 27. 28).	(1 Кор. I. 27. 28).
261	17 —	*зрити*	*назрити*
263	8 снизу	стаданіихъ	страданіихъ
299	12 —	нужды.	нужды?
302	13 сверху	же	еже
312	9 —	случится: всего легче	случится: случится всего легче,
327	4 —	ругающіеся,	ругающіеся, и біющіе,
—	23 —	представляетъ,	представлнетъ, какъ дѣло закона естественнаго, и даже,
347	11 сверху	степеній,	степеней,
373	6 —	(23);	(2. 3.);
—	11 снизу	*якое*	*якоже*
377	10 —	*созидетъ*	*созиждетъ*
385	9 сверху	*дому*	*въ дому*
389	9 —	*всходити*	*восходити*
403	13 —	*возвыщу,*	*возвыщу*
410	5 —	міръ	въ міръ
—	9 снизу	оставилъ се	оставилъ ли се
421	11 сверху	вообще	всеобщее
435	15 и 16 сверху	неизчислен-ныя	неизчислен-ные
440	3 сверху	спасенія?	спасенія.
453	8 и 9 сверху	молитвеннаго содѣйствія, или даже полнаго содѣйствія	молитвеннаго содѣйствія,

